

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

тт. I—XVI

ПУБЛИЦИСТИКА-ФИЛОСОФИЯ-ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

тт. XVII—XX

КАПИТАЛ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

тт. XXI—XXIX

ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

т. XXX

УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М
XV

П А Р Т И З Д А Т Ц К В К П (б)
М О С К В А 1 9 3 6

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1875 — 1885

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В XV томе Сочинений Маркса и Энгельса собраны их статьи, брошюры, заметки и другие работы, относящиеся к 1873—1883 гг., т. е. к последнему десятилетию жизни Маркса¹. Том заканчивается статьями Энгельса, написанными им в связи со смертью Маркса.

Начало этого десятилетия почти точно совпадает с началом периода, когда в Европе, после того как закончилась эпоха буржуазных революций, установилось «полное господство буржуазии», и в то же время началась «эпоха ее упадка» (Ленин).

Со времени разгрома Парижской Коммуны в Европе наступил долгий период политической реакции. В такой обстановке и протекали последние годы жизни Маркса. Ни он сам, ни Энгельс, переживший Маркса на 12 лет, не дожили до нового революционного периода. Но и в обстановке политической реакции, на закате жизни, Маркс и Энгельс продолжали быть революционными вождями рабочего класса, его практическими руководителями. Они продолжали учить пролетариат революционной политике. Направляя рабочие партии Европы и Америки по пути революционной борьбы, готовили они рабочий класс к грядущим решающим боям, к тому, чтобы он взял власть. До конца своих дней они оставались верны тем взглядам, которые они выработали еще в 40-х годах и которые Энгельс в своей статье «К жилищному вопросу» и в брошюре «Развитие социализма» назвал взглядами «немецкого научного социализма».

Маркс и Энгельс непоколебимо были убеждены в «необходимости политического действия пролетариата и его диктатуры, как перехода к отмене классов, а вместе с ними и государства». Это было высказано ими еще в «Коммунистическом манифесте» и с тех пор «повторялось бесчисленное количество раз» (Ф. Энгельс, К жилищному вопросу, стр. 60 настоящего тома).

---

¹ Философские работы Энгельса — «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы», относящиеся приблизительно к тому же времени, помещены в XIV томе Сочинений. Не входят в том точно так же и рукописи Маркса, относящиеся к «Капиталу».

Настоящий том, составленный в значительной степени из мало известных работ Маркса и Энгельса¹, должен стать предметом внимательнейшего изучения. Все, что было спрятано и «забыто» социал-демократическими филистерами, должно получить широчайшее распространение. Ознакомление с томом объяснит, почему большинство собранных в нем работ так старательно замалчивалось оппортунистами-фальсификаторами. Самый беглый обзор содержания настоящего тома покажет, что во всех работах центральное место занимают интересы практического движения, борьбы за диктатуру пролетариата, за партию, связанную с пролетарскими массами, подготовляющую их к борьбе за власть. «Забытые» социал-демократами работы Маркса и Энгельса опровергают гнусную клевету, распространяемую о Марксе фальсификаторами марксизма, клевету о том, будто он был кабинетным ученым, был далек от практических вопросов пролетарской борьбы, не имел непосредственной связи с рабочим движением, о диктатуре пролетариата обмолвился случайно и т. д.

Ведя большую научную работу (Маркс продолжал работать над «Капиталом», Энгельс над рядом больших произведений — «Диалектика природы», «Анти-Дюринг», история Германии), Маркс и Энгельс продолжают и после распада I Интернационала в иной форме руководить рабочим движением разных стран: Англии, Франции, Италии, Испании, САСШ и в первую очередь, конечно, Германии, куда после поражения Парижской Коммуны на время перешел центр европейского революционного движения².

Изучение тома покажет, что фокусом, центром всей деятельности Маркса и Энгельса была борьба против буржуазных и мелко-буржуазных влияний на пролетариат, борьба за коммунистическую партию.

Маркс и Энгельс — прежде всего вожди партии, они ведут неустанную борьбу против сектантства (прудонизма, лассальянства, бакунизма, бланкизма) — за массовую пролетарскую партию. Они борются против анархистских «левацких» течений, проповедующих отречение от политической борьбы (см. Маркс — «Политический индифферентизм», Энгельс — «Об авторитете», «Бакунисты за рабо-

¹ Более половины статей печатаются в русском переводе впервые.

² Оценку положения, создавшегося после того как Интернационал прекратил свое существование, читатель найдет в ряде статей настоящего тома: в статье Маркса «История международного товарищества рабочих, сочиненная мистером Джорджем Гоуэллом»; в статьях Энгельса «Карл Маркс», «Европейские рабочие в 1877 г.» и др.

той» и т. д.), против реформизма, оппортунизма и компромисса с лассальянством (Маркс — «Критика Готской программы», Энгельс — «Письмо Бебелю 18 (28) марта 1875 г.», Маркс и Энгельс — «Циркулярное письмо» и т. д.), против мелко-буржуазного социализма немецкого прудониста Мюльбергера (Энгельс — «К жилищному вопросу»), против «экономизма» английских тред-юнионистов (серия статей Энгельса в лондонской газете «Labour Standard») и т. д.

Особый, совершенно исключительный интерес представляют помещенные в настоящем томе две работы Маркса: конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» и замечания на книгу Вагнера «Всеобщее или теоретическое учение о народном хозяйстве». Прежде всего эти работы интересны тем, что представляют собою образцы заметок из «Записных тетрадей» Маркса, из тех тетрадей, которые хранятся в архиве ИМЭЛ (тысячи рукописных страниц) и в которые Маркс заносил свои заметки о прочитанных им книгах, делал из них выписки, конспектировал их, снабжал своими замечаниями и т. д. Изучение этих тетрадей открывает перед нами лабораторию научной работы Маркса, дает возможность ознакомиться с методами его работы, дает пример того, как он изучал литературу, как работал над книгой.

В то же время работы эти имеют огромное политическое и теоретическое значение. В замечаниях на книгу Бакунина намечаются основы политики пролетариата по отношению к крестьянству, в них имеются ценные дополнительные разъяснения по вопросу о диктатуре пролетариата; гениально показаны перспективы взаимоотношений классов в переходный период. Ленину эта работа Маркса была неизвестна. Она была извлечена из архивов значительно позднее. Тем знаменательнее то поразительное совпадение в самой постановке вопросов, в ходе теоретического развития, в выводах, к которым приходят Маркс и Ленин. Это — блестящая проверка метода диалектического материализма и лучшее опровержение всех тех фальсификаторов марксизма, которые пытаются противопоставить Ленина Марксу.

Конспект книги Бакунина имеет еще и то значение, что это один из образцов изучения Марксом русских источников. В ряде писем Маркса (см. например письмо Кугельману 27 июня 1870 г., письмо в редакцию «Отечественных Записок» 1877 г. и др.) мы находим указания, что русский язык он стал изучать для того, чтобы по первоисточникам основательно ознакомиться с русскими земельными отношениями, а это ему нужно было как материал для теории земельной ренты. Начав изучение русского языка вскоре после выхода в свет

первого тома «Капитала», Маркс в начале 1870 г. уже читал Флеровского «Положение рабочего класса в России». За 12 лет (1870 — 1882) он перечитал большое количество русской литературы: по истории России (работы Костомарова, Семевского, Беляева, Калачева, Сергеевича), по аграрному вопросу (работы Ковалевского, Кошелева, Скребицкого, Чернышевского, Энгельгардта, Янсона, Скалдина и др.), по экономике (работы Кауфмана, Зибера, Чернышевского, Даниэльсона и др.), официальные издания (труды податной комиссии и пр.). В 1873 — 1874 г., когда Маркс делал конспект книги Бакунина, он уже настолько овладел языком, что сделал безукоризненный перевод на немецкий язык нужных ему мест из книги. Порусски он записывал только отдельные фразы и слова.

Что Маркс и Энгельс Россию изучали чрезвычайно основательно, видно из всех их суждений о России. Один из образцов — статья Энгельса против Ткачева. В своих произведениях (а также в ряде писем) Маркс и Энгельс неоднократно отмечали громадное всемирно-историческое значение русской революции (см., например, предисловие к русскому изданию «Коммунистического манифеста»). Они отчетливо видели перспективы развития революции в России; правильность их прогноза была потом поразительно подтверждена последующим ходом действительной истории. В 1881 г. в приветствии митингу в память десятилетия Парижской Коммуны Маркс и Энгельс отметили казнь Александра II как симптом грядущей русской революции. Они уже тогда предвидели, что победа революции в России обеспечит продолжение дела Парижской Коммуны, — и приветствовали *Российскую Коммуну* за 36 лет до того, как она под гениальным руководством Ленина одержала действительную победу.

С точки зрения развития международной революции подходят Маркс и Энгельс и к вопросу о Польше, о чем идет речь в ряде мест в настоящем томе. Один из ярких документов — обращение к происходившему в 1880 г. в Женеве митингу по поводу десятилетия польской революции 1830 г. (см. стр. 548 настоящего тома), а также напечатанные в приложении отчеты о речах Маркса и Энгельса о Польше.

По причинам само собой понятным в томе много места отведено Германии: борьбе с лассальянством, с оппортунизмом в германском рабочем движении, вопросам исторического развития Германии. На первом месте тут стоят — марксова критика Готской программы, письмо Энгельса Бебелю по поводу Готской программы, замечательное «Циркулярное письмо», написанное Энгельсом от своего и Маркса имени в сентябре 1879 года. Все эти документы имеют громадное международное значение. Критику Готской программы и письмо

Бebelю, как и многие другие произведения Маркса и Энгельса, особенно тщательно изучал Ленин. Борьба основателей научного коммунизма против оппортунизма служила Ленину поддержкой в его теоретической и практической борьбе против новых форм оппортунизма, в его борьбе за победу пролетарской революции.

Необходимо особо отметить целый ряд статей Энгельса о Германии. Энгельс очень много занимался историей Германии. Специально на эту тему он предполагал написать большую работу. Он собирал для этого материалы и проделал ряд подготовительных работ. За все время своей политической и литературной деятельности он написал такое большое количество различных статей, касающихся отдельных вопросов немецкой истории, что, собранные вместе, эти работы составят, вероятно, не менее двух объемистых томов. Взятые все вместе, они дают полное освещение истории развития Германии начиная с древности и до событий позднейшего времени, о которых Энгельс писал уже как непосредственный участник исторической борьбы.

Ценный материал по истории революционного движения в Германии имеется в таких статьях, как «Карл Маркс», «Вильгельм Вольф», «Дженни Маркс» и др. В статье «Вильгельм Вольф» дается весьма подробная картина положения силезских крестьян, на основании данных, собранных в работе Вольфа «Силезский миллиард», содержание которой Энгельс передает в своей статье о Вольфе.

В статье Энгельса «Марка» дана «краткая история немецкого крестьянства». Сам Энгельс в письме Бebelю от 22 декабря 1882 г. писал, что «Марка» является «первым плодом» его работ по немецкой истории, которою, как он говорит, он «занимается уже несколько лет».

В замечательной статье «Прусская водка в германском рейхстаге» вскрыты социальные основы прусского государства — этой «самой отсталой, самой косной, самой невежественной, еще полуфеодальной части Германии» (стр. 307 настоящего тома). Прусские юнкеры с Бисмарком во главе не могли простить этого Энгельсу. Отправляя для печати рукопись «Происхождение семьи», Энгельс в письме от 22 мая 1884 г. говорит, что со времени «прусской водки» (т. е. с 1876 г.) в Германии запрещено все, что появляется за его подписью.

Германские социал-демократические филистеры никогда не перепечатывали эту блестящую работу Энгельса, и она была совершенно забыта. А между тем в ней получает очень яркое освещение ход исторического развития Пруссии

Из ряда статей, касающихся Англии, необходимо отметить статьи против Гладстона, написанные отчасти самим Марксом, отчасти по его непосредственным указаниям М. Барри. Они помещены поэтому в приложении. Предпринятая Марксом кампания против Гладстона — это один из моментов борьбы Маркса против русского царизма и против буржуазного влияния на пролетариат.

Самое злободневное значение сохраняет до настоящего времени серия статей Энгельса, напечатанных в английской газете «Labour Standard». Это — блестящие образцы популярной литературы. Энгельс подробно разъясняет английским рабочим недостаточность только профессионалистских организаций, преследующих задачи одной лишь экономической борьбы за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня и т. д. Энгельс убедительно доказывает необходимость борьбы за диктатуру пролетариата, за уничтожение самой системы наемного труда. Он показывает, что власть буржуазии основана только на том, что рабочий класс разрознен, не объединен в единую политическую организацию. Призывая английский рабочий класс как можно скорее организовать в самостоятельную политическую партию, Энгельс высказывает ту истину, которую необходимо довести до сознания каждого пролетария, — что нет в мире такой силы, которая хотя бы один день могла сопротивляться рабочему классу, когда он будет организован как единое революционное тело.

Ряд статей посвящены вопросам рабочего движения во Франции (статьи Энгельса «Программа бланкистских эмигрантов Коммуны», «Европейские рабочие в 1877 г.» и т. д.). Марксу принадлежит помещенная в приложении теоретическая часть программы французской рабочей партии.

Мы видим, таким образом, как Маркс и Энгельс откликались на вопросы рабочего движения ряда стран, как они поддерживали связь с рабочими партиями во всех странах Европы и Америки (статьи Энгельса «Европейские рабочие в 1877 г.» были написаны для американской рабочей газеты, выходившей в Нью-Йорке). В течение всей своей жизни, во всех своих работах Маркс и Энгельс учили пролетариат революционной борьбе.

Популярное разъяснение исторического призвания пролетариата дано в брошюре «Развитие социализма от утопии к науке». Эта брошюра составлена из трех глав, взятых из «Анти-Дюринга». Эти главы напечатаны в XIV томе, но редакция все же сочла необходимым снова поместить их здесь, учитывая огромную роль, которую эта брошюра играла и играет до сих пор в деле пропаганды ос-

нов марксизма, а также в виду того, что текст этих глав был Энгельсом для брошюры дополнен, и она представляет собою самостоятельную публикацию.

* * *

При расположении материала выдержан строго-хронологический порядок. Каждая работа Маркса и Энгельса дана под тем годом, когда она *впервые* появилась. Но в основу перевода всякий раз положено *последнее* издание, просмотренное автором. При этом в примечаниях отмечены все изменения и добавления, сделанные в последующих изданиях сравнительно с первым. Это относится, например, к работам «К жилищному вопросу», «Развитие социализма от утопии к науке», «Марка», статьи против Ткачева и др.

Как и во всех томах настоящего издания, примечания Маркса и Энгельса отмечаются звездочками, а примечания редакции — цифрами. В прямых скобках в тексте даются вставки редакции. В ( ) скобках даются вычеркнутые Марксом и Энгельсом места из их рукописей. Заглавия газет и журналов даются на языке подлинника, без переводов. Перевод заглавий и необходимые сведения об этих газетах и журналах даны в специальном указателе. При печатании конспекта книги Бакунина введено три разных шрифта, чтобы выделить замечания Маркса, а также те слова и цитаты, которые он выписывал на русском языке.

* * *

Том подготовил к печати *А. С. Бернштейн*, в редактировании тома участвовал *Б. Быховский*. Замечания на книгу Вагнера подготовлены *А. Леонтьевым*.

В. Адоратский.

9 ноября 1933 г.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
1873 — 1883

Фридрих Энгельс
К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ

*Впервые напечатана в газете «Der
Volksstaat», в №№ 51, 52, 53, 103, 104
за 1872 г. и в №№ 2, 3, 12, 13, 15, 16
за 1873 г.*

*Одновременно вышла тремя отдель-
ными оттисками.*

Подпись: Ф. Энгельс

Bur Wohnungsfrage.

Von

Friedrich Engels.

Separatabdruck aus dem „Volkstaat“

Leipzig, 1872.

Verlag der Expedition des „Volkstaat“.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ОТДЕЛЬНОГО ИЗДАНИЯ
«К жилищному вопросу» (первый отдел), 1872—1873 гг.

ОТДЕЛ I.

КАК ПРУДОН РАЗРЕШАЕТ ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС.

В № 10 и в последующих номерах «Volksstaat» помещена серия из шести статей по жилищному вопросу, заслуживающих внимания только потому, что они, — если не считать кое-каких давно забытых полубеллетристических писаний 40-х годов, — являются первой попыткой насаждения школы Прудона в Германии. Это такой огромный шаг назад по отношению ко всему ходу развития немецкого социализма, уже 25 лет тому назад нанесшего именно прудоновским представлениям решительный удар*, что против такой попытки стоит выступить сейчас же.

Так называемая жилищная нужда, о которой так много говорится теперь в печати, заключается не в том, что рабочий класс вообще живет в скверных, переполненных, нездоровых жилищах. *Эта* жилищная нужда не является чем-то специфическим для настоящего времени; она не является даже одним из страданий, характерных именно для современного пролетариата в отличие от всех прежних угнетенных классов; напротив, она поражала довольно равномерно все угнетенные классы всех времен. Чтобы положить конец *этой* жилищной нужде, есть только одно средство: устранить вообще эксплуатацию и угнетение трудящихся классов классом господствующим. То, что понимают под жилищной нуждой в настоящее время, это — своеобразное обострение и без того скверных жилищных условий рабочих вследствие внезапного прилива населения в большие города; огромное повышение квартирной платы, еще более усилившаяся скученность жильцов в отдельных домах, невозможность для некоторых вообще найти себе пристанище. И *эта* жилищная нужда потому только заставляет так много говорить о себе, что она не ограничивается рабочим классом, но поразила вместе с тем и мелкую буржуазию.

Жилищная нужда рабочих и части мелкой буржуазии наших

---

* В книге Маркса «Нищета философии», Брюссель и Париж, 1847.

современных больших городов представляет собою одно из бесчисленных *мелких* второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства. Она вовсе не является прямым следствием эксплуатации капиталистом рабочего *как* рабочего. Эта эксплуатация — коренное зло, которое стремится уничтожить социальная революция, уничтожая капиталистический способ производства. Но краеугольным камнем капиталистического способа производства является тот факт, что наш современный общественный строй предоставляет капиталисту возможность покупать рабочую силу рабочего по ее стоимости, а выколачивать из нее гораздо больше ее стоимости, заставляя рабочего трудиться дольше, чем необходимо для воспроизводства цены, уплаченной за рабочую силу. Произведенная таким образом прибавочная стоимость распределяется между всем классом капиталистов и землевладельцев вместе с их оплачиваемыми слугами, начиная от папы и императора и кончая ночными сторожами и т. д. Как происходит это распределение, нас тут не интересует; несомненно одно, что все, кто не трудится, могут жить только тем, что перепадает им тем или иным способом от этой прибавочной стоимости (ср. «*Капитал*» Маркса, где это разъяснено впервые).

Распределение произведенной рабочим классом и безвозмездно отнятой у него прибавочной стоимости между нетрудящимися классами происходит при крайне назидательных склоках и взаимном надувательстве: поскольку это распределение совершается путем купли и продажи, одним из главных его рычагов является обман покупателя продавцом, и этот обман стал теперь в мелкой торговле, особенно в больших городах, подлинным условием жизни для продавца. Но если лавочник или булочник надувает рабочего на цене или на качестве товаров, то надувает его не в его специфическом качестве рабочего. Напротив, поскольку в каком-либо месте становится общественным правилом некоторая средняя мера надувательства, она должна, с течением времени, найти свое возмещение в соответствующем повышении заработной платы. Рабочий выступает по отношению к лавочнику как покупатель, т. е. как владелец денег или кредита, а значит, вовсе не в качестве рабочего, т. е. продавца рабочей силы. Пусть надувательство затрагивает его, как вообще бедный класс, сильнее, чем богатые классы общества, но оно не является злом, затрагивающим исключительно рабочего, свойственным только его классу.

Точно так же обстоит дело и с жилищной нуждой. Рост современных больших городов приводит к искусственному, часто колоссальному повышению стоимости земельных участков некоторых кварта-

лов, в особенности в центре города. Возведенные на них здания, вместо того, чтобы повышать эту стоимость, наоборот, понижают ее, так как они уж более не соответствуют изменившимся условиям; их сносят и заменяют другими. Такова прежде всего участь расположенных в центре рабочих жилищ, наемная плата с которых, даже при величайшем переполнении, никогда не может или во всяком случае крайне медленно может выйти за пределы известного максимума. Их сносят и строят на их месте магазины, склады, общественные здания. Бонапартизм, в лице своего Оссмана (Hausmann), в колоссальнейших размерах использовал в Париже¹ эту тенденцию для мошенничества и личного обогащения. Но дух Оссмана прошелся и по Лондону, Манчестеру, Ливерпулю и, повидимому, чувствует себя, как дома, и в Берлине, и в Вене. В результате — рабочих из городских центров оттесняют на окраины; жилища для рабочих и вообще маленькие квартиры становятся реже и дороже, а зачастую их и вовсе не найти, так как при таких условиях строительная промышленность, для которой дорогие квартиры представляют гораздо более выгодное поле для спекуляции, строит жилища для рабочих лишь в виде исключения.

Эта жилищная нужда, таким образом, несомненно гораздо суровее поражает рабочего, чем более зажиточные классы; но, подобно надувательству лавочников, и она столь же мало представляет собою бедствие, гнетущее исключительно рабочий класс, и должна, поскольку она затрагивает рабочий класс, на известном уровне и при известной продолжительности найти себе также известное² экономическое возмещение.

Как раз этими-то страданиями, общими у рабочего класса с другими классами, в особенности с мелкой буржуазией, преимущественно и занимается мелкобуржуазный социализм, к которому принадлежит и Прудон. И вовсе не случайно то обстоятельство, что наш немецкий прудонист берется прежде всего за жилищный вопрос, который, как мы видели, никоим образом не является исключительно рабочим вопросом; не случайно и то, что он, напротив, объявляет жилищный вопрос доподлинным исключительно-рабочим вопросом.

«Квартиронаниматель по отношению к домовладельцу — то же, что наемный рабочий по отношению к капиталисту».

Это совершенно неверно.

В жилищном вопросе есть две противостоящих друг другу стороны: наниматель и сдающий внаймы или домовладелец. Первый

¹ Слова «в Париже» добавлены Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

² В 1-м издании вместо слова «известное» напечатано слово «свое». *Ред.*

хочет купить у второго временное пользование жилищем; у него есть деньги или кредит, хотя бы он был вынужден покупать этот кредит опять-таки у того же домовладельца по ростовщической цене, в виде надбавки к квартирной плате. Это — простая продажа товара; это не сделка между пролетариатом и буржуа, между рабочим и капиталистом. Наниматель, — даже если он рабочий, — выступает как человек *имущий*; он должен либо уже заранее продать свойственный ему товар, рабочую силу, чтобы с выручкой от этой продажи иметь возможность выступить в качестве покупателя права пользования жилищем, либо же он должен быть в состоянии представить гарантии того, что эта рабочая сила будет продана. Своеобразные результаты, к которым приводит продажа рабочей силы капиталисту, здесь совершенно отсутствуют. Капиталист заставляет купленную рабочую силу, во-первых, воспроизвести свою стоимость, а во-вторых, производить еще прибавочную стоимость, которая временно и впредь до распределения среди класса капиталистов остается в его руках. Здесь производится, таким образом¹, избыточная стоимость; общая сумма наличной стоимости увеличивается. Совершенно иначе обстоит дело при сделке найма. Сколько бы ни сорвал сдающий внаем у нанимателя, это всегда лишь передача уже *существующей*, ранее *произведенной* стоимости, и общая сумма стоимости, которой обладают наниматель и сдающий внаем *вместе*, остается без изменений. У рабочего всегда вымогают часть продукта его труда, — все равно, оплачивает ли капиталист его труд ниже, выше или по его стоимости; а с нанимателем это бывает лишь в том случае, когда он принужден оплачивать квартиру выше ее стоимости. Поэтому попытка отождествить отношение между нанимателем и сдающим внаем с отношением между рабочим и капиталистом является прямым извращением этого отношения. Напротив, мы имеем здесь дело с совершенно обычной товарной сделкой между двумя гражданами, и сделка эта происходит согласно экономическим законам, регулирующим продажу товаров вообще и продажу товара «земельное владение» — в частности. Прежде всего принимаются в расчет издержки постройки и содержания дома или данной части дома; во вторую очередь — стоимость земли, обусловленная более или менее благоприятным местоположением дома; наконец, решает дело соотношение между спросом и предложением в данный момент. Это простое экономическое отношение отражается в голове нашего прудониста следующим образом.

¹ В 1-м издании перед словом «избыточная стоимость» имеется еще слово «лишь». Ред.

«Раз дом уже построен, он служит *вечным юридическим основанием* для получения определенной доли общественного труда, хотя бы действительная стоимость дома была в более чем достаточной мере давно уже выплачена владельцу в форме квартирной платы. Так получается, что дом, выстроенный, например, 50 лет тому назад, покрывает за это время первоначальные издержки доходом от арендных платежей 2, 3, 5, 10 и т. д. раз».

Здесь перед нами Прудон весь как на ладони. Во-первых, упускается из виду, что квартирная плата должна покрывать не только проценты на издержки по постройке дома, но также и ремонт, среднюю сумму безнадежных долгов и невыплаченной квартирной платы, равно как и убытки от пустующих время от времени квартир; наконец, поскольку дом с течением времени становится негодным для жилья и обесценивается, квартирная плата должна ежегодно погашать соответствующую долю капитала, вложенного в постройку этого дома¹. Во-вторых, упускается из виду, что квартирная плата должна также покрывать проценты на прирост стоимости земельного участка, на котором стоит дом; что, следовательно, часть ее состоит из земельной ренты. Правда, наш прудонист тотчас же разъясняет, что этот прирост стоимости, происходящий помимо участия собственника земли, принадлежит по праву не ему, а обществу; он не замечает, однако, что тем самым он по сути дела требует уничтожения земельной собственности; об этом вопросе мы здесь распространяться не будем, так как это отвлекло бы нас слишком далеко. Наконец, он не замечает, что во всей этой сделке речь идет вовсе не о покупке дома у собственника, а лишь о праве пользования им на известный срок. Прудон, который никогда не задумывался о действительных фактических условиях, при которых происходит какое-либо экономическое явление, не может, конечно, объяснить себе, каким образом первоначальная сумма издержек по постройке дома может при известных обстоятельствах за 50 лет быть оплачена десятикратно в виде наемной платы. Вместо того, чтобы этот вовсе не трудный вопрос исследовать экономически и твердо установить, действительно ли и каким образом он находится в противоречии с экономическими законами, он спасается смелым прыжком из экономии в юриспруденцию: «Раз дом уже построен, он служит *вечным юридическим основанием*» для определенного ежегодного платежа. Как это происходит, *каким образом дом становится юридическим основанием*, об этом Прудон умалчивает. А ведь именно это ему и следовало бы объяснить. Исследовав это, он нашел бы, что все юридические основания в мире, как бы вечны

---

¹ Последняя часть этой фразы, начиная со слов: «наконец, поскольку дом...», добавлена Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

они ни были, не могли бы наделить дом такой силой, чтобы за пятьдесят лет выручить в десятикратном размере сумму издержек на его постройку в виде наемной платы, и что к подобным результатам могут привести только экономические условия (которые могут получить общественное признание под видом юридических оснований). А тут ему снова пришлось бы начинать сначала.

Все учение Прудона покоится на этом спасительном прыжке из экономической действительности в юридическую фразеологию. Как только храбрый Прудон теряет из виду экономическую связь явлений, — а это происходит с ним во всяком серьезном вопросе, — он спасается бегством в область права и апеллирует к *вечной справедливости*.

«Прудон черпает свой идеал вечной справедливости из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем дает, кстати сказать, столь утешительное для всех филистеров доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право. Что сказали бы мы о химике, который, вместо того, чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на почве их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ согласно «вечным идеям» «особенных свойств» и «средства»? Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит «вечной справедливости», «вечной правде», «вечной взаимности» и другим «вечным истинам», то разве мы узнаем о ростовщичестве что-нибудь большее по сравнению с тем, что знали еще отцы церкви, когда они говорили, что ростовщичество противоречит «вечному милосердию», «вечной вере», «вечной воле божией?»» (*Маркс, Капитал, т. I, стр. 45*)¹.

У нашего прудониста дело обстоит не лучше, чем у его господина и учителя:

«Договор найма является одной из тысячи меновых сделок, которые в жизни современного общества так же необходимы, как кровообращение в теле животного. Естественно, что это общество заинтересовано в том, чтобы все эти меновые сделки были проникнуты *правовой идеей*, т. е. повсюду проводились бы согласно строгим требованиям справедливости. Одним словом, экономическая жизнь общества должна, как говорит Прудон, подпяться до высоты *экономического права*. На самом деле, как известно, происходит как раз обратное».

Можно ли было подумать, что через пять лет после того, как Маркс так кратко и метко обрисовал прудонизм именно с этой решаю-

¹ См. «Капитал», т. I, изд. 8-е, 1932 г., стр. 41 — 42. *Ред.*

щей стороны, окажется возможным печатать на немецком языке подобный вздор? Что же означает вся эта галиматья? Ничего иного, кроме того, что практические последствия экономических законов, управляющих современным обществом, оскорбляют правовое чувство автора и что последний питает благочестивое желание, чтобы дело это было как-нибудь исправлено. — Да, если бы у жаб были хвосты, они не были бы жабами! И разве капиталистический способ производства не «проникнут правовой идеей», а именно идеей своего права на эксплуатацию рабочих? Если же автор заявляет нам, что это — не его правовая идея, — разве мы продвинулись хоть на шаг вперед?

Однако вернемся к жилищному вопросу. Тут наш прудонист дает полную волю своей «правовой идее» и потчует нас следующей трогательной декламацией:

«Мы утверждаем без всяких колебаний, что нет более ужасного издевательства над всей культурой нашего прославленного столетия, чем тот факт, что в больших городах 90 и более процентов населения лишены крова, который они могли бы назвать своим. Подлинное средоточие нравственного и семейного существования, домашний очаг, уносится социальным вихрем... Мы в этом отношении гораздо ниже дикарей. У троглодита есть своя пещера, у австралийца своя глиняная хижина, у индейца свой собственный очаг, — современный же пролетарий фактически висит в воздухе» и т. д.

В этой иеремиаде прудонизм проявляется во всей своей реакционности. Для создания современного революционного класса, пролетариата, было абсолютно необходимо, чтобы была перерезана пуповина, привязывавшая прежнего рабочего к земле. Ручной ткач, у которого, наряду с его ткацким станком, был свой домик, огородик и клочок поля, при всей нищете и при всем политическом гнете был тихим, довольным человеком, «исполненным благочестия и почтительности», снимал шапку перед богачами, попами и чиновниками и был весь насквозь пропитан рабским духом. Именно современная крупная промышленность, превратившая прикованного к земле работника в совершенно лишенного собственности, избавленного от всех унаследованных цепей¹, поставленного вне закона пролетария, — именно эта экономическая революция создала условия, при которых только и может быть ниспровергнута эксплуатация трудящегося класса в ее последней форме, в форме капиталистического производства. И вот приходит этот плаксивый прудонист и хнычет об изгнании рабочих от их домашних очагов, как о большом шаге назад, тогда как именно оно и было первым условием их духовного освобождения.

¹ В 1-м издании — «от всей унаследованной культуры». *Ред.*

27 лет тому назад («Положение рабочего класса в Англии») я описал в основных чертах как раз этот процесс изгнания рабочих из их домов, как он происходил в XVIII столетии в Англии. Подлости, совершавшиеся при этом землевладельцами и фабрикантами, вредное материальное и моральное действие, которое должно было оказывать это изгнание прежде всего на подвергавшихся ему рабочих, получили там также должное отражение. Но могло ли мне притти в голову усмотреть в этом совершенно необходимом при данных обстоятельствах историческом процессе развития шаг назад, — «ниже дикарей»? Немыслимо. Английский пролетарий 1872 г. стоит бесконечно выше сельского ткача 1772 г. с его «домашним очагом». И разве троглодит со своей пещерой, австралиец со своей глиняной хижинкой, индеец со своим очагом совершит когда-либо июньское восстание и Парижскую коммуну?

В том, что материальное положение рабочих со времени введения капиталистического производства в крупном масштабе в целом ухудшилось, — сомневается только буржуа. Но разве мы из-за этого должны с тоскою оглядываться назад на (также очень скудные) мясные горшки египтян, на мелкую сельскую промышленность, воспитывавшую только холопские души, или на «дикарей»? Напротив. Только созданный современной крупной промышленностью, освобожденный от всех унаследованных цепей, в том числе и от тех, которые приковывали его к земле, и согнанный в большие города пролетариат в состоянии совершить великий социальный переворот, который положит конец всякой классовой эксплуатации и всякому классовому господству. Прежние сельские ручные ткачи с домашним очагом никогда не были бы в состоянии сделать это, они никогда не пришли бы к подобной мысли, а еще менее могли бы желать ее осуществления.

Для Прудона, напротив, вся промышленная революция последних ста лет, сила пара, крупное фабричное производство, заменяющее ручной труд машинами и тысячекратно увеличивающее производительную силу труда, — чрезвычайно неприятное событие, нечто такое, чего бы, собственно, и быть не должно. Мелкий буржуа Прудон стремится к такому миру, в котором каждый изготовляет особый самостоятельный продукт, уже пригодный к потреблению и к обмену на рынке; если же при этом каждому возмещается полная стоимость продукта его труда в виде другого продукта, то удовлетворена «вечная справедливость», и на земле установлен лучший из миров. Но этот прудоновский лучший из миров раздавлен уже в зародыше пятою прогрессирующего промышленного развития, которое давно уже уничтожило обособленный труд во всех крупных отраслях

промышленности и с каждым днем все больше уничтожает его в мелких и мельчайших отраслях, заменяя его трудом общественным, опирающимся на машины и на покоренные силы природы, трудом, готовый продукт которого, пригодный к немедленному обмену или потреблению, представляет совместное произведение многих лиц, через руки которых он должен был пройти. И именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такой высоты, что стало возможно — впервые за время существования человечества — при разумном разделении труда между всеми не только производить в размерах, достаточных для обильного потребления всех членов общества и для богатого запасного фонда, но и предоставлять каждому достаточно досуга, чтобы можно было из исторически унаследованной культуры — науки, искусства, форм общежития и т. д. — воспринять все то, что действительно имеет ценность, и не только воспринять, но и превратить это из монополии господствующего класса в общее благо всего общества и способствовать дальнейшему его развитию. В этом-то и заключается решающий пункт. Как только производительная сила человеческого труда развилась до такой высоты, — исчезает всякий предлог для существования господствующего класса. Ведь последним основанием при защите классового различия было всегда следующее: должен существовать класс, которому не надо было бы повседневно изнуряться добыванием себе хлеба насущного и который имел бы время заниматься умственным трудом для общества. Этой болтовне, нашедшей себе до сих пор не малое историческое оправдание, раз навсегда подрезала корни промышленная революция последнего столетия. Существование господствующего класса с каждым днем становится все большим препятствием развитию производительной силы промышленности и точно так же — развитию науки, искусства, а в особенности культурных форм общежития. Такого дубья, как наши современные буржуа, никогда не бывало.

Но до всего этого приятелю Прудону нет никакого дела. Он жаждет «вечной справедливости», и ничего другого. Каждый должен получить в обмен на свой продукт полный доход труда, полную стоимость своего труда. Но вычислить ее в продукте современной промышленности — дело нелегкое. Современная индустрия затемняет именно ту долю участия каждого отдельного человека в совокупном продукте, которая при прежнем обособленном ручном труде сама собой выражалась в произведенном продукте. Далее, современная индустрия все более и более устраняет единичный обмен, на котором построена вся система Прудона, а именно — непосредственный

обмен между двумя производителями, из которых каждый выменивает продукт другого, чтобы потребить его ¹. Поэтому через весь прудонизм проходит реакционная черта: отвращение к промышленной революции и то явно, то тайно выраженное стремление вышвырнуть вон всю современную индустрию, паровые машины, прядильные машины и прочие напасти и вернуться к старому, солидному ручному труду. Что при этом мы потеряем девятьсот девяносто девять тысячных производительной силы, что все человечество обрекается на ужаснейшее трудовое рабство, что голодовка станет общим правилом, — какое все это имеет значение, если только нам удастся организовать обмен так, чтобы каждый получал «полный доход труда» и чтобы была осуществлена «вечная справедливость»? *Fiat justitia, regeat mundus!* Пусть гибнет мир, но да здравствует справедливость!

И мир погиб бы при этой прудоновской контрреволюции, будь она вообще осуществима.

Впрочем, само собой разумеется, что и при общественном производстве, которое будет обусловлено современной крупной промышленностью, каждому сможет быть обеспечен «полный доход его труда», поскольку эта фраза вообще имеет смысл. А смысл эта фраза имеет лишь в том случае, если понимать ее расширительно, таким образом, что не каждый отдельный рабочий становится собственником этого «полного дохода своего труда», а что все общество, состоящее из одних только рабочих, является собственником совокупного продукта их труда, продукта, который оно частью распределяет для потребления среди своих сочленов, частью употребляет на возмещение и увеличение своих средств производства, а частью накапливает в качестве резервного фонда производства и потребления ².

* * *

После всего предыдущего мы можем знать уже заранее, как разрешит наш прудонист великий жилищный вопрос. С одной стороны, он выдвигает требование, чтобы каждый рабочий имел свое собственное, принадлежащее ему жилище, дабы мы больше не оставались *мише дикарей*. С другой стороны, он уверяет, что двух-, трех-, пяти- или десятикратная оплата первоначальных издержек по по-

¹ Последняя часть этой фразы, начиная со слов «а именно непосредственный обмен», добавлена Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

² Все последнее предложение, со слов: «А смысл эта фраза имеет...», добавлено Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

стройке дома в виде квартирной платы, как это происходит на деле, покоится на *правовом основании* и что это правовое основание находится в противоречии с *вечной справедливостью*. Решается вопрос просто: мы отменяем правовое основание и в силу вечной справедливости объявляем выплачиваемую квартирную плату платежом в счет погашения цены самого жилища. Если приняты такие предпосылки, которые уже содержат в себе конечный вывод, то, конечно, достаточно той ловкости, какую обладает любой шарлатан, чтобы вытащить из кармана заранее готовый результат и кичиться несокрушимостью логики, продуктом которой он является.

Так и здесь. Отмена найма жилищ провозглашается необходимостью, и именно в форме требования превратить каждого нанимателя в собственника своего жилища. Как же это сделать? Очень просто:

«Наемное жилище выкупается... Прежнему домовладельцу выплачивается стоимость его дома до последнего гроша. Вместо того, чтобы выплачиваемая наемная плата представляла собою, как раньше, дань, которую оплачивает съемщик вечное право капитала, вместо этого, со дня объявления выкупа наемных жилищ, уплачиваемая нанимателем точно установленная сумма становится ежегодным платежом в счет погашения перешедшего в его владение жилища... Общество... превращается таким путем в совокупность независимых свободных квартирновладельцев».

Прудонист видит преступление против вечной справедливости в том, что домовладелец не трудясь может выколачивать ренту и проценты со своего вложенного в дом капитала. Он декретирует, что это надо прекратить, что вложенный в дома капитал не должен больше приносить процента¹, а поскольку он представляет собою купленный земельный участок, он не должен приносить и земельной ренты. Но мы видели, что капиталистический способ производства, основа современного общества, вовсе не затрагивается этим. Узловой пункт, вокруг которого вращается эксплуатация рабочего, это — продажа рабочей силы капиталистам и то, как использует капиталист эту сделку, вынуждая рабочего производить гораздо больше того, что составляет оплаченная стоимость рабочей силы. Эта сделка между капиталистом и рабочим и создает всю ту прибавочную стоимость, которая вслед затем распределяется между различными подразделениями капиталистов и их слуг в виде земельной ренты, торговой прибыли, процентов на капитал², налогов и т. д. И вот является наш прудонист и заявляет, что если бы *одной единственной разновидности*

¹ В 1-м издании вместо слова «процент» употреблено слово «прибыль». *Ред.*

² Слова «процентов на капитал» добавлены Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

капиталистов, — и притом таких капиталистов, которые непосредственно вовсе не покупают рабочей силы, следовательно не заставляют производить прибавочную стоимость, — было запрещено получать прибыль или проценты ¹, то это было бы шагом вперед! Масса отнятого у рабочего класса неоплаченного труда нисколько не изменилась бы, если бы домовладельцы были завтра лишены возможности заставлять платить себе ренту и проценты ²; это не мешает, однако, нашему прудонисту заявить:

«Отмена найма жилищ является, таким образом, одним из *самых плодотворных и самых возвышенных стремлений*, возникших в недрах революционной идеи; она должна стать для социальной демократии *первостепенным требованием*».

Точь-в-точь как выкрики самого маэстро Прудона, у которого тоже кудахтанье всегда обратно пропорционально величине снесенных яиц.

Но представьте себе прекрасное положение вещей, когда каждый рабочий, мелкий буржуа и буржуа принуждены будут путем ежегодных платежей становиться сперва частичными, а затем и полными собственниками своих жилищ! В промышленных округах Англии, где существует крупная промышленность, но маленькие рабочие домики, и где каждый семейный рабочий живет в отдельном домике, — это имело бы еще некоторый смысл. Но мелкая промышленность Парижа, как и большинства крупных городов континента, дополняется большими домами, где живут вместе десять, двадцать, тридцать семей. В день объявления спасительного декрета, возвещающего выкуп наемных жилищ, какой-нибудь Петр работает, скажем, на машинной фабрике в Берлине. По истечении года он — собственник, допустим, пятнадцатой части своего жилища, состоящего из одной комнатки на пятом этаже где-нибудь у Гамбургских ворот. Он лишается работы и вскоре оказывается в подобном же жилище, с великолепным видом на двор, в третьем этаже, в Потгофе, в Ганновере, где он, прожив пять месяцев, приобретает ровно $\frac{1}{33}$ часть собственности, как вдруг стачка переносит его в Мюнхен и наделяет его, после одиннадцатимесячного пребывания, правом собственности на ровно $\frac{11}{180}$ довольно темного подвального помещения за Обер-Ангергассе. Дальнейшие перемещения, столь часто происходящие в наше время у рабочих, навязывают ему далее: $\frac{7}{360}$ не менее приличного жилища в С.-Галлене, $\frac{23}{180}$ другого — в Лидсе и $\frac{347}{159228}$ —

¹ Слова «или проценты» добавлены Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

² В 1-м изд. вместо слова «проценты» употреблено слово «прибыль». *Ред.*

вычисленных точно, чтобы не была нарушена «вечная справедливость», — еще третьего жилища в Серене. Что же делать нашему Петру со всеми этими частичками жилищ? Кто даст ему их настоящую стоимость? Где искать ему собственника или собственников остальных частей своих различных прежних жилищ? И как же будет обстоять дело с отношениями собственности в любом большом доме, этажи которого заключают, скажем, двадцать квартир и который — с истечением срока выкупа и с отменой сдачи жилищ в наем — принадлежит, может быть, тремстам частичным собственникам, рассеянным по белу свету? Наш прудонист ответит, что к тому времени будет существовать прудоновский обменный банк, который во всякое время будет выплачивать каждому за любой продукт труда полный доход труда, следовательно будет выплачивать полную стоимость и за каждую долю жилища. Но, во-первых, здесь нам нет дела до прудоновского обменного банка, потому что в статьях по жилищному вопросу он нигде даже не упоминается; во-вторых, он покоится на странном заблуждении, что если кто-либо желает продать товар, он всегда непременно найдет и покупателя по полной стоимости; и, в-третьих, прежде чем Прудон изобрел его, в Англии подобный банк под именем Labour Exchange Bazaar успел уже не раз обанкротиться.

Все это представление, что рабочий должен *купить* себе свое жилище, опять-таки покоится на уже отмеченном нами реакционном прудоновском принципе, что созданные современной крупной промышленностью условия образуют собою болезненные наросты и что необходимо насильственно, — т. е. против того течения, по которому общество следует в течение ста лет, — вернуть это общество к такому состоянию, при котором общим правилом является старый, косный ручной труд обособленного производителя и которое вообще есть не что иное, как идеализированное восстановление погибшего и погибающего мелкого ремесленного производства. Если бы рабочие были снова отброшены назад в это косное состояние, если бы «социальный вихрь» был благополучно устранен, то рабочий, конечно, смог бы опять пользоваться собственностью на «домашний очаг», и тогда вышеприведенная теория выкупа показалась бы не столь нелепой. Но Прудон забывает, что для осуществления этого ему пришлось бы сперва перевести стрелку часов мировой истории на сто лет назад, а тем самым сделать современных рабочих снова такими же ограниченными, пресмыкающимися, угодливыми рабами душами, какими были их прадеды.

Поскольку же в этом прудоновском разрешении жилищного

вопроса имеется рациональное, практически осуществимое содержание, постольку оно проводится уже теперь, и этим оно обязано не «недрам революционной идеи», а... самим крупным буржуа. Послушаем, что пишет об этом превосходная испанская газета «La Emancipación» в Мадриде от 16 марта 1872 г.:

«Есть и другой способ разрешения жилищного вопроса, предложенный Пруденом, на первый взгляд блестящий, но при ближайшем рассмотрении обнаруживающий полное свое бессилие. Пруден предложил превратить съемщиков в покупателей в рассрочку, с тем, чтобы ежегодно уплачиваемая наемная плата засчитывалась как частичное погашение стоимости жилища, а съемщик по истечении известного времени становился собственником этого жилища. Этот способ, казавшийся Прудону весьма революционным, применяется теперь во всех странах компаниями спекулянтов, которые, таким образом, путем повышения наемной платы заставляют выплачивать себе двойную и тройную стоимость домов. Господин Дольфус и другие крупные фабриканты северо-восточной Франции осуществили эту систему не только для того, чтобы выколачивать деньги, но кроме того еще с задней политической мыслью.

Наиболее умные всгда господствующих классов всегда направляли свои усилия к увеличению числа мелких собственников, чтобы создать себе армию против пролетариата. Буржуазные революции прошлого столетия раздробили крупное землевладение дворянства и церкви на мелкую парцеллярную собственность, — что хотя теперь сделать и испанские республиканцы с еще существующим крупным землевладением, — и создали таким образом класс мелких земельных собственников, ставший с тех пор самым реакционным элементом общества и постоянным препятствием для революционного движения городского пролетариата. Наполеон III намеревался путем уменьшения отдельных купюр государственных займов создать подобный же класс в городах, а господин Дольфус с компанией, продавая своим рабочим под условием ежегодных платежей маленькие жилища, стремятся задуть в рабочих всякий революционный дух и в то же время приковать их этим земельным владением к фабрике, на которой они уже стали работать. Таким образом, план Прудона не только не дал рабочему классу никакого облегчения, но обернулся даже прямо против него»*.

* О том, как само собою возникает такое разрешение жилищного вопроса посредством прикрепления рабочих к собственному «дому» вблизи больших или разрастающихся американских городов, свидетельствует следующее место из одного письма Элеоноры Маркс-Эвелинг из Индианополиса от 28 ноября 1886 г.: «В Канзас-Сити, или, вернее, близ него, мы видели жалкие маленькые деревянные постройки, в каких-нибудь три комнаты, в совершенно еще дикой местности; участок земли стоил 600 долларов и был как раз таких размеров, чтобы на нем мог уместиться маленький домик; последний стоил сам по себе еще 600 долларов, следовательно всего 4 800 марок за несчастную маленькую лачужку, на расстоянии часа пути от города, на болотистом пустыре». Таким образом, рабочим приходится брать на себя тяжелые ипотечные долги, только бы получить эти жилища, и тогда-то они становятся действительно рабами своих хозяев; они привязаны к своим домам, они не могут уйти и вынуждены соглашаться на любые предлагаемые им условия труда. [*Примечание Энгельса ко 2-му изданию.*]

Как же разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, т. е. не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно, именно, — что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной «нужде в жилищах» при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и другие экспроприации и занятия квартир современным государством.

* * *

Но наш прудонист не удовлетворен своими предыдущими достижениями в жилищном вопросе. Он должен вознести этот вопрос с грешной земли в область высшего социализма для того, чтобы показать, что и там этот вопрос является существенной «частью социального вопроса».

«Предположим, что производительность капитала, — как это рано или поздно должно случиться, — действительно взята за рога, например, посредством переходного закона, *твердо устанавливающего размер процента со всех капиталов в один процент*, притом с тенденцией постепенно приблизить и этот размер процента к нулю, так что, в конце концов, ничто более не будет оплачиваться, кроме *труда, необходимого для оборота капитала*. Разумеется, и дом, и квартира, подобно всем другим продуктам, подлежат действию этого закона... Сам владелец первый постарается продать дом, так как иначе дом остался бы незанятым, а вложенный в него капитал стал бы просто бесполезным».

Это положение заключает в себе один из главных символов веры прудоновского катехизиса и дает яркий образчик господствующей в нем путаницы.

«Производительность капитала» — это бессмыслица, которую Прудон неосмотрительно заимствует у буржуазных экономистов.

*

Правда, буржуазные экономисты тоже начинают с утверждения, что труд есть источник всякого богатства и мера стоимости всех товаров; но они должны также объяснить, каким образом капиталист, вкладывающий капитал в индустриальное или ремесленное предприятие, в результате не только возвращает себе вложенный капитал, но получает сверх того еще и прибыль. Они вынуждены поэтому запутываться во всякого рода противоречиях и приписывать известную производительность также и капиталу. Нет лучшего доказательства того, как глубоко еще погряз Прудон в буржуазном способе мышления, чем эта усвоенная им манера говорить¹ о производительности капитала. Мы видели уже вначале, что так называемая «производительность капитала» есть не что иное, как присущая ему способность (при нынешних общественных отношениях, без которых он вовсе не был бы капиталом) присваивать себе неоплаченный труд наемных рабочих.

Но от буржуазных экономистов Прудон отличается тем, что он эту «производительность капитала» не одобряет, а, напротив, открывает в ней нарушение «вечной справедливости». Она именно и препятствует рабочему получать полный доход своего труда. Ее, следовательно, нужно уничтожить. Каким же образом? — Тем, что *норма процента* принудительными законами будет понижена и в конце концов сведена к нулю. Тогда, по мнению нашего прудониста, капитал перестанет быть производительным.

Процент со ссудного *денежного* капитала является только частью прибыли; прибыль с промышленного или с торгового капитала представляет собой лишь часть прибавочной стоимости, отнятой классом капиталистов у рабочего класса в виде неоплаченного труда. Экономические законы, регулирующие норму процента, настолько независимы от законов, определяющих норму прибавочной стоимости, насколько это вообще возможно по отношению к законам одной и той же общественной формы. Что же касается распределения этой прибавочной стоимости между отдельными капиталистами, то ясно, что для промышленников и купцов, в предприятия которых много капитала вложено другими капиталистами, норма прибыли, при прочих равных условиях, должна повышаться в той же мере, в какой падает норма процента. Понижение и, наконец, отмена нормы процента, таким образом, на самом деле вовсе не «взяла бы за рога» так называемую «производительность капитала», а только установила бы иное распределение между отдельными капиталистами

¹ Слово «Redensart» во 2-м издании заменено словом «Redeweise». *Ред.*

отнятой у рабочего класса неоплаченной прибавочной стоимости и обеспечила бы не преимущество рабочего по отношению к промышленному капиталисту, а преимущество промышленного капиталиста по отношению к рантье.

Прудон со своей юридической точки зрения объясняет норму процента, как и все экономические явления, не условиями общественного производства, а государственными законами, в которых эти условия находят общее выражение. С этой точки зрения, не дающей ни малейшего представления о связи государственных законов с общественными условиями производства, эти государственные законы неизбежно представляются совершенно произвольными приказами, которые в любой момент с таким же успехом могут быть заменены прямо противоположными. Поэтому для Прудона нет ничего легче, как издать декрет, — если бы только он имел для этого власть, — по которому норма процента снижается до одного процента. Но если все прочие общественные условия останутся прежними, то этот прудоновский декрет будет существовать только на бумаге. Несмотря ни на какие декреты, норма процента будет попрежнему регулироваться экономическими законами, которым она подчинена в настоящее время. Кредитоспособные люди будут, как и прежде, в зависимости от обстоятельств, занимать деньги из 2, 3, 4 и более процентов, с той лишь разницей, что рантье станут весьма осмотрительны и будут давать деньги взаймы лишь таким людям, со стороны которых нечего опасаться судебного процесса. К тому же этот великий план лишить капитал его «производительности» — допотопного происхождения; он столь же стар, как *законы о ростовщичестве*, имеющие целью не что иное, как ограничение нормы процента, и отмененные теперь повсюду, потому что на практике их всегда нарушали или обходили и государство вынуждено было признать свое бессилие по отношению к законам общественного производства. И вот, возобновление этих средневековых невыполнимых законов должно «взять производительность капитала за рога!» Как видит читатель, чем ближе исследуешь прудонизм, тем он оказывается реакционнее.

И когда норма процента снижена таким способом до нуля, стало быть, отменен процент с капитала, тогда «ничто более не будет оплачиваться, кроме труда, необходимого для оборота капитала». Это должно означать, что отмена процента равносильна отмене прибыли и даже прибавочной стоимости. Но если бы и было возможно посредством декрета действительно отменить процент, — каков был бы результат этого? — Для класса *рантье* не имело бы больше смысла давать свои капиталы взаймы в форме ссуды, но он стал бы

вкладывать их на собственный риск в собственные промышленные предприятия или в акционерные компании. Масса прибавочной стоимости, отнятой классом капиталистов у рабочего класса, осталась бы без изменений, изменилось бы только ее распределение, да и то незначительно.

На самом деле наш прудонист упускает из виду, что уже теперь при покупке товаров в буржуазном обществе в среднем ничто больше не оплачивается, кроме «труда, необходимого для оборота капитала» (что должно означать: для производства определенного товара). Труд есть мерило стоимости всех товаров, и в современном обществе, — оставляя в стороне колебания рынка, — совершенно невозможно, чтобы в общем и целом товары оплачивались выше труда, необходимого для их изготовления. Нет, нет, любезный прудонист, загвоздка совсем в другом: она заключается в том, что «труд, необходимый для оборота капитала» (употребляя Вашу путаную манеру выражения), просто *не оплачивается полностью!* Как это происходит, — Вы можете прочесть у Маркса («Капитал», т. I, стр. 128 — 160) ¹.

Но это еще не все. Раз отменяется процент *на капитал* (*Kapitalzins*), отменяется также и *наемная плата* (*Mietzins*) ². Ибо «и дом, и квартира, подобно всем другим продуктам, подлежат действию этого закона». Это вполне в духе того старого майора, который приказал позвать своего вольноопределяющегося: «Послушайте! Вы, говорят, доктор, — заходите же ко мне время от времени; когда имеешь жену и семерых детей, всегда найдется, кого полечить».

Вольноопределяющийся: «Виноват, господин майор, я доктор философии!»

Майор: «Это для меня безразлично, доктор есть доктор».

Так и с нашим прудонистом: наемная ли плата (*Mietzins*) или процент на капитал (*Kapitalzins*) — это для него безразлично, процент есть процент, доктор есть доктор. Мы видели выше, что цена за наем (*Mietpreis*), *vulgo* [в просторечии] называемая наемной платой (*Mietzins*), составляется: 1) частью из земельной ренты, 2) частью из процента на строительный капитал, включая прибыль подрядчика по постройке ³, 3) частью из издержек на ремонт и страхование ⁴,

¹ См. «Капитал», т. I, изд. 8-е, 1932 г., стр. 139 — 145. *Ред.*

² Буквально — «наемный процент». *Ред.*

³ В 1-м издании пункт 2 формулирован так: «частью из отнюдь не процента, а прибыли на строительный капитал». *Ред.*

⁴ В 1-м издании пункт 3 формулирован так: «частью из издержек на ремонт, содержание и страхование». За этим пунктом в 1-м издании следует:

4) частью из погашений (амортизации) ежегодными платежами строительного капитала, включая и прибыль, по мере того как дом постепенно приходит в негодность.

Теперь уж даже слепому должно быть ясно, что «сам владелец первый постарается продать дом, так как иначе дом остался бы незанятым, а вложенный в него капитал стал бы просто бесполезным». Разумеется. Если отменить процент на ссудный капитал, то ни один домовладелец не сможет больше получить ни одного пфеннига наемной платы за свой дом просто потому, что наемную плату (Miete) можно назвать также наемным *процентом* (Mietzins)¹, и потому, что последний содержит в себе часть, представляющую действительный процент на капитал. Доктор есть доктор². Если по отношению к обычному проценту на капитал законы о ростовщичестве можно было сделать недействительными лишь посредством обхода, то ставок квартирной платы они никогда не затрагивали даже в самой отдаленной степени. Прудону первому суждено было вообразить, что его новый закон о ростовщичестве, невзирая ни на что, будет регулировать и постепенно отменит не только простой процент на капитал, но и сложную наемную плату (Mietzins) за квартиры. Но к чему же тогда покупать у домовладельца за большие деньги этот «просто бесполезный» дом и почему бы при таких обстоятельствах домовладельцу не приплатить еще денег, чтобы избавиться от «просто бесполезного» дома и больше не затрачивать на него расходов по ремонту, — это остается для нас секретом.

После этого великого подвига в области высшего социализма (супрасоциализма, как говорил маэстро Прудон) наш прудонист считает себя в праве вспорхнуть еще повыше.

«Теперь остается лишь сделать еще некоторые выводы, чтобы со всех сторон полностью осветить столь важный предмет нашего исследования».

Каковы же эти выводы? Выводы эти так же мало вытекают из предыдущего, как обесценение жилых домов вытекает из отмены нормы процента, и означают, если освободить их от пышной и торжественной фразеологии нашего автора, только то, что для лучшего завершения дела выкупа наемных жилищ желательны:

«Часть процента на капитал лишь тогда содержится в наемной плате, когда дом обременен ипотечной задолженностью». Пункт 4 в 1-м издании отсутствует. *Ред.*

¹ Дальнейшие слова до конца фразы добавлены Энгельссом во 2-м издании. *Ред.*

² Следующие две фразы добавлены Энгельссом во 2-м издании. *Ред.*

1) точная статистика предмета, 2) хорошая санитарная полиция и 3) товарищества строительных рабочих, которые могли бы взять на себя постройку новых домов; все это, конечно, очень хорошие, прекрасные вещи, но только, несмотря на всю эту базарно-кричащую фразеологию, они отнюдь не способны «полностью осветить» тьму прудоновской идейной путаницы.

Кто свершил такие подвиги, тот имеет полное право обратиться к немецким рабочим с серьезным наставлением:

«Эти и подобные им вопросы, думается нам, вполне достойны внимания социальной демократии... Пусть же она стремится с такой же ясностью, как здесь рассмотрен жилищный вопрос, рассмотреть и другие не менее важные вопросы, как *кредит, государственные долги, частные долги, налоги и т. д.*» и пр.

Таким образом, наш прудонист обещает нам целый ряд статей по «подобным вопросам», и если он разберет все эти вопросы так же обстоятельно, как и данный «столь важный предмет», то «*Volksstaat*» обеспечен рукописями на целый год. Мы можем, впрочем, предугадать ответы, — все сведется к уже сказанному: процент с капитала будет отменен, тем самым отпадут проценты, выплачиваемые по государственным и частным долгам, кредит станет даровым и т. д. То же магическое слово применяется к любому другому предмету, и в каждом отдельном случае с неумолимой логикой получается тот изумительный вывод, что если отменены проценты с капитала, то за занятые деньги не надо больше платить процентов.

Впрочем, хороши и вопросы, которыми угрожает нам наш прудонист. *Кредит!* Какой кредит нужен рабочему, кроме кредита от полочки до полочки или кредита из ломбарда? Предоставят ли ему такой кредит даром или же под проценты, даже под ростовщические проценты ломбардов, — велика ли для него разница? А если бы рабочий, вообще говоря, и получил от этого выгоду, а следовательно издержки производства рабочей силы стали бы дешевле, — то разве не упала бы и цена рабочей силы? — Но для буржуа, и особенно для мелкого буржуа, кредит — вопрос важный, а мелкому буржуа было бы в особенности удобно иметь возможность во всякое время получить кредит, да к тому же беспроцентный. — «Государственные долги!» Рабочий класс знает, что он их не делал, а когда он захватит власть, он предоставит расплачиваться за них тем, кто их сделал. — «Частные долги!» — смотри кредит. — «Налоги!» Вещь, которая сильно интересует буржуазию, но рабочих — довольно мало: то, что рабочий платит в качестве налогов, входит, в конце концов, в издержки производства рабочей силы и, следовательно, должно быть возмещено капиталистом. Все эти пункты, выдвинутые

здесь перед нами в качестве вопросов, в высшей степени важных для рабочего класса, на самом деле представляют существенный интерес только для буржуа и еще более — для мелкого буржуа, а мы утверждаем, вопреки Прудону, что рабочий класс отнюдь не призван блюсти интересы этих классов.

О великом, действительно касающемся рабочих, вопросе об отношении между капиталистом и наемным рабочим, о вопросе, каким образом может капиталист обогащаться от труда своих рабочих, об этом наш прудонист не говорит ни слова. Его господин и учитель, правда, занимался этим вопросом, однако отнюдь не внес в него ясности, и даже в последних своих произведениях по существу не пошел в этом отношении дальше «Philosophie de la Misère» [«Философии нищеты»], все ничтожество которой было еще в 1847 г. столь блестяще разоблачено Марксом.

Очень печально, что рабочие, говорящие на романских языках, в течение двадцати пяти лет не имели почти никакой другой социалистической духовной пищи, кроме писаний этого «социалиста второй империи». Было бы вдвойне печально, если бы прудонистская теория наводнила теперь еще и Германию. Но опасаться этого нечего. Теоретический уровень немецких рабочих опередил прудонизм на пятьдесят лет, и достаточно показать это на примере *одного* только жилищного вопроса, чтобы избавить себя от дальнейшего труда в этом отношении.

ОТДЕЛ II.

КАК БУРЖУАЗИЯ РЕШАЕТ ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС.

I.

В отделе ¹, посвященном *прудонистскому* решению жилищного вопроса, было показано, до какой степени непосредственно заинтересована в этом вопросе мелкая буржуазия. Но и для крупной буржуазии он представляет значительный, хотя и косвенный, интерес. Современное естествознание показало, что так называемые «дурные кварталы», в которых скучены рабочие, образуют собою очаги всех тех эпидемий, которые периодически навещают наши города. Холера, тиф и тифозная горячка, оспа и другие опустошительные болезни распространяют свои бактерии в зачумленном воздухе и отравленной воде этих рабочих кварталов; там они почти никогда не выводятся, а при подходящих условиях развиваются в повальные эпидемии и выходят тогда за пределы своих очагов в более здоровые части города с лучшим воздухом, заселенные господами капиталистами. Господствующий класс капиталистов не может безнаказанно доставлять себе удовольствие обрекать на эпидемические заболевания рабочий класс; последствия падают на самих капиталистов, и смерть косит среди них свои жертвы так же беспощадно, как и среди рабочих.

Как только это было научно установлено, человеколюбивые буржуа воспылали благородным соревнованием в заботах о здоровье своих рабочих. Стали учреждать общества, писать книги, составлять проекты, обсуждать и издавать законы с целью искоренить источники все возобновляющихся эпидемий. Жилищные условия рабочих стали подвергаться обследованию, и делались попытки исправить наиболее вопиющие недостатки. Особенно энергичная деятельность была развита в Англии, где существовало больше всего крупных городов и где, следовательно, крупным буржуа сильнее всего грозила опасность; назначены были правительственные комиссии для обследования санитарных условий жизни рабочего класса; их отчеты, выгодно отличаясь точностью, полнотою и беспристрастием от всех континентальных источников, послужили

¹ В 1-м издании: «В статье» и т. д. *Ред.*

основанием для новых, более или менее радикальных законов. Как ни несовершенны и эти законы, они все же бесконечно превосходят все, что до сих пор сделано в этом направлении на континенте. Несмотря на это, капиталистический общественный строй постоянно воспроизводит бедствия, о лечении которых идет речь, с такой необходимостью, что даже в Англии лечение это едва ли продвинулось хоть на шаг вперед.

В Германии, по обыкновению, понадобился гораздо более продолжительный срок, пока постоянно существующие и здесь источники заразы развились до такой степени остроты, какая была необходима, чтобы расшевелить сонливую крупную буржуазию. Впрочем, тише едешь, дальше будешь, и вот возникла, наконец, и у нас буржуазная литература по общественной санитарии и по жилищному вопросу, представляющая собою водянистое извлечение из иностранных, главным образом английских предшественников, извлечение, которому посредством громких и пышных фраз мошеннически придают видимость высшего понимания. К этой литературе принадлежит книга: „*Dr. Emil Sax. Die Wohnungszustände der arbeitenden Klassen und ihre Reform*“. [Д-р Эмиль Закс. Жилищные условия трудящихся классов и их реформа]. Вена 1869.

Я выбрал эту книгу для изложения буржуазных взглядов на жилищный вопрос только потому, что в ней делается попытка охватить по возможности всю буржуазную литературу по этому предмету. Но хороша же и эта литература, служащая «источником» нашему автору! Из английских парламентских отчетов, действительно основных источников, упоминаются только три самых старых; вся книга показывает, что автор *никогда не видел ни одного из них*; зато он приводит целый ряд банально-буржуазных, благомысляще-мещанских и лицемерно-филантропических писаний: Дюкпесьо, Робертс, Гол, Губер, труды английского конгресса социальных наук (вернее, социального вздора), журнал прусского Союза попечения о благе трудящихся классов, австрийский официальный отчет о парижской всемирной выставке, официальные бонапартистские отчеты о ней же, «*Illustrated London News*», «*Ueber Land und Meer*» и, наконец, «признанный авторитет», человек «острого практического ума», «убедительной проникновенности речи», — а именно... *Юлиус Фаухер!* В этом списке источников не хватает еще разве «*Gartenlaube*», «*Kladderadatsch*» и стрелка Кучке¹.

¹ «*Gartenlaube*» — мещанский журнал для семейного чтения. «*Kladderadatsch*» — юмористический журнал. «*Стрелок Авеует Кучке*» — поэт Готгельф Гофман, автор популярной патриотической песни времен франко-прусской войны 1870 — 1871 годов. Ред.

Для того, чтобы относительно взглядов господина Закса не возникало никаких недоразумений, он на стр. 22 заявляет:

«Социальной экономией мы называем учение о народном хозяйстве в его приложении к социальным вопросам, точнее выражаясь, — совокупность средств и способов, которые предлагает нам эта наука для поднятия, на основе ее «железных» законов, в рамках господствующего ныне общественного строя, так называемых (!) неимущих классов до уровня имущих».

Мы не станем разбирать путаное представление, будто «учение о народном хозяйстве», или политическая экономия, вообще занимается какими-либо другими вопросами, кроме «социальных». Мы сразу займемся главным пунктом. Д-р Закс требует, чтобы «железные законы» буржуазной экономики, «рамки господствующего ныне общественного строя», иными словами — капиталистический способ производства, оставались неизменными и чтобы, несмотря на это, положение «так называемых неимущих классов» было поднято «до уровня имущих». Но ведь неизбежной предпосылкой капиталистического способа производства является существование не так называемого, а действительно неимущего класса, у которого для продажи нет ничего, кроме своей рабочей силы, и который вынужден поэтому продавать эту рабочую силу промышленным капиталистам. Задача открытой господином Заксом новой науки — «социальной экономики» — состоит, стало быть, в следующем: найти средства и способы к тому, чтобы внутри общественного строя, основанного на противоположности между капиталистами, владельцами всех сырых материалов, орудий производства и средств существования, с одной стороны, и неимущими наемными рабочими, обладающими только своей рабочей силой, и ничем больше, с другой, — чтобы в рамках этого общественного строя все наемные рабочие могли превратиться в капиталистов, не переставая быть наемными рабочими. Г-н Закс полагает, что разрешил этот вопрос. Не будет ли он так любезен указать нам, каким образом всех солдат французской армии, из которых ведь каждый со времени Наполеона I носит в ранце свой маршальский жезл, можно превратить в фельдмаршалов с тем, чтобы они не переставали быть простыми солдатами. Или же каким образом все 40 миллионов подданных германской империи сделать германскими императорами!

Сущность буржуазного социализма как раз и состоит в желании сохранить основу всех бедствий современного общества и в то же время устранить эти бедствия. Буржуазные социалисты, как говорится уже в «Коммунистическом манифесте», хотят «облегчить социальные бедствия, чтобы упрочить существование буржуазного

общества»; они хотят *«буржуазии без пролетариата»*. Мы видели, что г. Закс ставит вопрос точно так же. Решение его он видит в разрешении жилищного вопроса; он того мнения, что «путем улучшения жилищ трудящихся классов можно было бы с успехом облегчить физическую и духовную нищету, а тем самым — т. е. путем широкого улучшения *одних только* жилищных условий — преобладающая часть этих классов могла бы быть поднята из болота своего едва ли достойного человека существования к чистым высотам материального и духовного благосостояния» (стр. 14). Кстати сказать, в интересах буржуазии — затушевывать факт существования пролетариата, созданного буржуазными производственными отношениями и являющегося условием дальнейшего их существования. Поэтому г. Закс рассказывает нам на стр. 21, что «под трудящимися классами следует понимать, наряду с собственно-рабочими, все «несостоятельные общественные классы», вообще мелкий люд, ремесленников, вдов, пенсионеров (!), низших чиновников и т. д.». Буржуазный социализм подает руку мелкобуржуазному!

Откуда же происходит жилищная нужда? Как она возникла? Г-ну Заксу, как доброму буржуа, не полагается знать, что она представляет собою необходимый продукт буржуазной формы общества; что без жилищной нужды не может существовать такое общество, где огромная масса трудящихся должна жить исключительно на заработную плату, следовательно на сумму средств существования, необходимую для сохранения жизни и продолжения рода; где новые усовершенствования в машинной технике и т. д. то-и-дело лишают работы массы рабочих; где мощные, регулярно повторяющиеся колебания промышленности обуславливают, с одной стороны, наличие многочисленной резервной армии незанятых рабочих, а с другой стороны, выбрасывают время от времени на улицу большую массу безработных; где рабочие скопляются массами в больших городах и притом быстрее, чем при существующих условиях создаются для них жилища; где, стало быть, самые мерзкие свинные хлева всегда найдут себе нанимателей; где, наконец, домовладелец, в качестве капиталиста, не только имеет право, но, в силу конкуренции, в известной мере даже обязан беспощадно выколачивать из своего домовладения наиболее высокую наемную плату. В подобном обществе жилищная нужда — вовсе не случайность, она — необходимый институт; со всеми ее влияниями на здоровье и т. д. она может быть устранена лишь тогда, когда весь общественный строй, который ее порождает, будет преобразован до основания. Но об этом буржуазному социализму знать не полагается. Он не

сметет объяснять жилищную нужду существующими условиями. Ему, следовательно, не остается ничего иного, как в нравоучительных фразах объяснить ее человеческою испорченностью, так сказать первородным грехом.

«И здесь нужно признать, — а следовательно, нельзя отрицать (какое смелое заключение!), — что вина... отчасти лежит на самих рабочих, предъявляющих спрос на жилища, а отчасти, и в гораздо большей степени, на тех, кто берет на себя удовлетворение этой потребности, или же на тех, кто, имея в своем распоряжении необходимые средства, даже и не берет на себя этой обязанности, — на *имущих, высших общественных классах*. Вина последних... состоит в том, что они не заботятся об обеспечении достаточного предложения хороших жилищ».

Подобно тому как Прудон переносит нас из экономии в юриспруденцию, так здесь наш буржуазный социалист тянет нас от экономии в область морали. И это вполне естественно. Кто объявляет неприкосновенным капиталистический способ производства, «железные законы» современного буржуазного общества, и хочет, тем не менее, устранить их неприятные, но необходимые последствия, тому не остается ничего другого, как читать капиталистам моральные проповеди, трогательное воздействие которых тотчас же снова испаряется под влиянием личного интереса, а в случае нужды — под влиянием конкуренции. Эти моральные проповеди вполне соответствуют проповедям курицы на берегу пруда, в котором резво плавают высиженные ею утята. Утята двигаются по воде, хотя в ней нет бревен, а капиталисты устремляются к прибыли, хотя в ней нет души. «В денежных делах душевность неуместна», — говорил уже старый Ганземаан, который понимал это лучше г. Закса.

«Хорошие квартиры так дороги, что большая часть рабочих совершенно лишена возможности пользоваться ими. Крупный капитал... боязливо уклоняется от постройки жилищ для трудящихся классов..., так что эти классы при удовлетворении своей потребности в жилье попадают большей частью в сети спекуляции».

Гнусная спекуляция! Крупный капитал никогда, конечно, не спекулирует! Но не злая воля, а только неведение мешает крупному капиталу спекулировать на рабочих жилищах:

«Домовладельцы вовсе не *знают*, какую большую и важную роль... играет нормальное удовлетворение потребности в жилье, *они не знают, что они причиняют людям*, столь безответственно предлагая им, как правило, дурные, вредные жилища, и, наконец, они не *знают*, как они вредят этим самим себе» (стр. 27).

Но для возникновения жилищной нужды неведение капиталиста должно быть дополнено неведением рабочего. Признав, что «самые низшие слои» рабочих, «чтобы не оставаться вовсе без крова, постоянно

принуждены (!) подыскивать себе ночлег где попало и в этом отношении совершенно беззащитны и беспомощны», г. Закс рассказывает нам:

«Ведь общеизвестен факт, что многие из них (рабочих) из легкомыслия, но преимущественно по неведению, чуть ли не с виртуозностью лишают свой организм условий естественного развития и здорового существования, *не имея ни малейшего понятия* о рациональной гигиене, в особенности же о том, какое огромное значение имеет в этом отношении жилище» (стр. 27).

Но тут-то и высовываются ослиные уши буржуа. Между тем как «вина» капиталистов испарилась в неведении, неведение рабочих служит лишь поводом для признания за ними вины. Послушайте:

«Таким образом, получается (именно благодаря неведению), что они, лишь бы сберечь хоть немного на квартирной плате, селятся в темных, сырых, тесных жилищах, короче говоря, в жилищах, представляющих собою издевательства над всеми требованиями гигиены..., что часто несколько семей снимают вместе одну квартиру, даже одну только комнату — все это для того, чтобы поменьше тратить на квартиру, между тем как на *пьянство и на всякого рода никчемные удовольствия* они *растрачивают* свой доход *подлинно грезовым образом*».

Деньги, которые рабочие «расточают на водку и табак» (стр. 28), «кабацкая жизнь со всеми ее плачевными последствиями, которая, подобно свинцовой гире, все снова и снова тянет в грязь рабочее сословие», — вот что действительно свинцовой гирей застряло в горле у г. Закса. Что при данных отношениях пьянство среди рабочих — столь же необходимый продукт условий их жизни, как тиф, преступление, паразиты, судебный пристав и прочие общественные болезни, столь же необходимый, что среднее число людей, предающихся пьянству, можно вычислить заранее, — об этом господину Заксу опять-таки знать не полагается. Впрочем, еще мой старый школьный учитель говаривал: «Простой народ ходит в кабак, а господа — в клуб», а так как я бывал и там, и здесь, то я могу это подтвердить.

Вся эта болтовня о «неведении» обеих сторон сводится к избитым фразам о гармонии интересов капитала и труда. Если бы капиталисты понимали свои истинные интересы, они предоставляли бы рабочим хорошие жилища и вообще ставили бы их в лучшие условия; а если бы рабочие сознавали свои истинные интересы, они бы не устраивали стачек, не увлекались бы социал-демократией, не занимались бы политикой, а послушно следовали бы за своими начальниками-капиталистами. Но увы, обе стороны видят свои интересы совсем не в том, что проповедует г. Закс и его бесчисленные предшественники. Евангелие гармонии между капиталом и трудом проповедует уже 50 лет; буржуазной филантропии обошлись уже в копеечку попытки доказать эту гармонию образцовыми

учреждениями; а положение дел, как мы увидим ниже, за эти пять-десять лет ничуть не изменилось.

Наш автор переходит теперь к практическому разрешению вопроса. Как мало революционен был проект Прудона сделать рабочих *собственниками* их жилищ, — видно уже из того, что буржуазный социализм еще до него пытался, да и ныне еще пытается практически осуществить этот проект. Г-н Закс тоже заявляет, что жилищный вопрос может быть вполне разрешен лишь переходом собственности на жилище в руки рабочих (стр. 58 и 59). Более того, он впадает при этой мысли в лирический восторг и раздражается следующей вдохновенной тирадой:

«Есть нечто своеобразное в присущей человеку тоске по земельной собственности, — в стремлении, которого не могла ослабить даже современная *лихорадочно-пульсирующая* *делаяческая* жизнь. Это — бессознательное чувство важности хозяйственного приобретения, которое представляет собою земельная собственность. Вместе с нею человек приобретает прочное положение, он как бы пускает крепкие корни в землю, и каждое хозяйство (!) приобретает в ней самое устойчивое основание. Но благословенная сила земельной собственности простирается далеко за пределы этих материальных выгод. Кто имеет счастье назвать участок земли своим, тот *достиг наивысшей из мыслимых ступеней хозяйственной независимости*; он имеет область, где может *самодержавно* распоряжаться по своему усмотрению, он *сам себе господин*, он имеет известную силу и *надежное убежище* на черный день; растет его самосознание, а вместе с тем и его нравственная сила. Отсюда глубокое значение собственности в данном вопросе... Рабочий, ныне беспомощно подверженный превратностям конъюнктуры, находящийся в постыдной зависимости от работодателя, тем самым избавился бы в известной степени от этого шаткого положения; он стал бы *капиталистом* и был бы огражден от опасностей безработицы или нетрудоспособности открывшимся в связи с этим для него кредитом под заклад недвижимого имущества. *Таким путем он поднялся бы из нищеты в класс имущих*» (стр. 63).

Г-н Закс предполагает, повидимому, что человек по существу своему — крестьянин; иначе он не стал бы приписывать рабочим наших крупных городов тоску по земельной собственности, тоску, которой до сих пор никто в них не открывал. Для наших городских рабочих свобода передвижения — первое жизненное условие, и земельная собственность может стать для них только оковами. Предоставьте им собственные дома, прикрепите их снова к земле, и вы сломите силу их сопротивления против понижения заработной платы фабрикантами. Отдельный рабочий при случае мог бы, пожалуй, продать свой домик, но при серьезной стачке или при всеобщем промышленном кризисе ¹ должны бы были поступить в продажу на рынке

¹ Слова «или при всеобщем промышленном кризисе» добавлены Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

все дома, принадлежащие затронутым этим событием рабочим, а, стало быть, эти дома либо вовсе не нашли бы покупателей, либо стали бы распродаваться гораздо ниже себестоимости. Если бы даже все они нашли покупателей, — вся великая жилищная реформа г. Закса опять-таки окончилась бы ничем, и ему пришлось бы вновь начинать сначала. Впрочем, поэты живут в мире воображения; так живет и г. Закс, воображая, что землевладелец «достиг наивысшей ступени хозяйственной независимости», что он имеет «надежное убежище», что он *становится капиталистом* и огражден от опасностей безработицы или нетрудоспособности открывшимся в связи с этим для него кредитом под заклад недвижимого имущества» и т. д. Но пусть г. Закс присмотрится к французским и к нашим рейнским мелким крестьянам; их дома и поля сверх всякой меры обременены ипотеками, их урожай еще на корню принадлежит их кредиторам, а в их «области» самодержавно распоряжаются по своему усмотрению не они, а ростовщик, адвокат и судебный пристав. Это в самом деле наивысшая из мыслимых ступеней экономической независимости... для ростовщика. А для того, чтобы рабочие как можно скорее передали свои домики в такое самодержавное распоряжение ростовщика, доброжелательный г. Закс заботливо указывает им на открытый для них *кредит под заклад недвижимого имущества*, кредит, которым они могут воспользоваться во время безработицы и нетрудоспособности, вместо того, чтобы обременять попечительство о бедных.

Во всяком случае, теперь г. Закс разрешил поставленный в начале вопрос: рабочий *становится капиталистом* путем приобретения собственного домика.

Капитал есть господство над неоплаченным трудом других. Домик рабочего становится, следовательно, капиталом лишь тогда, когда он сдает его в наем третьему лицу и присваивает себе в форме наемной платы часть продукта труда этого третьего лица. Но, живя в доме сам, рабочий тем самым препятствует дому стать капиталом, подобно тому, как сюртук перестает быть капиталом в тот самый момент, когда я покупаю его у портного и надеваю на себя. Рабочий, обладающий домиком в тысячу талеров, правда, уже не пролетарий, но нужно быть г. Заксом, чтобы назвать его капиталистом.

Однако капиталистическое обличье нашего рабочего имеет еще и другую сторону. Допустим, что в какой-нибудь промышленной местности стало правилом, что каждый рабочий имеет собственный домик. В таком случае *рабочий класс этой местности пользуется бесплатной квартирой*; квартирные издержки не входят более в стоимость его рабочей силы. Но всякое понижение издержек

производства рабочей силы, т. е. всякое длительное понижение цены на продукты, жизненно необходимые для рабочего, равносильно, «на основе железных законов учения о народном хозяйстве», понижению стоимости рабочей силы и поэтому, в конце концов, приводит к соответственному понижению заработной платы. Заработная плата, таким образом, упала бы в среднем на сбереженную среднюю сумму квартирной платы, т. е. рабочий платил бы наемную плату за свой собственный дом, но не так, как прежде, в виде денег домохозяину, а в виде неоплаченного труда фабриканту, на которого он работает. Таким образом, вложенные в домик сбережения рабочего действительно стали бы в некотором роде капиталом, но капиталом не для него, а для дающего ему работу капиталиста.

Таким образом, г. Заксу даже на бумаге не удастся превратить своего рабочего в капиталиста.

Заметим кстати, что сказанное выше относится ко всем так называемым социальным реформам, которые сводятся к сбережениям или к удешевлению средств существования рабочего. Либо реформы эти становятся всеобщими, и тогда за ними следует соответственное понижение заработной платы, либо же они остаются только единичными экспериментами, и тогда самое их существование в качестве отдельных исключений доказывает, что осуществление их в крупных размерах несовместимо с существующим капиталистическим способом производства. Допустим, что в какой-либо местности удалось путем всеобщего введения потребительных союзов удешевить средства существования рабочих на 20%; тогда заработная плата с течением времени должна там упасть приблизительно на 20%, т. е. в такой же пропорции, в какой соответствующие средства существования входят в бюджет рабочих. Если, например, рабочий тратит в среднем три четверти своей недельной заработной платы на эти средства существования, то заработная плата упадет, в конце концов, на $\frac{3}{4} \times 20 = 15\%$. Короче, как только подобная реформа по линии сбережения становится всеобщей, рабочий начинает получать заработную плату, уменьшенную в такой же пропорции, в какой его сбережения позволяют ему удешевить жизнь. Дайте *каждому* рабочему путем сбережений самостоятельный доход в 52 талера, и его недельная плата, в конце концов, должна будет снизиться ¹ на один талер. Итак: чем больше он сберегает, тем меньше он получает заработной платы. Следовательно, он сберегает не в своих собственных интересах, а в интересах капиталиста. Что же

¹ Слово «fallen» во 2-м издании заменено словом «sinken». Ред.

еще нужно, чтобы «самым решительным образом побудить его... к бережливости, этой первой хозяйственной добродетели»? (стр. 64).

Впрочем, и г. Закс вслед за тем говорит нам, что рабочие должны стать домовладельцами не столько в собственных интересах, сколько в интересах капиталистов:

«Ведь не одно рабочее сословие, а все общество в целом в высшей степени заинтересовано в том, чтобы как можно больше его членов было привязано (!) к земле (хотел бы я хоть раз взглянуть на г. Закса в этом положении)... Земельная собственность... уменьшает число тех, кто борется против господства имущего класса¹. Все тайные силы, воспламеняющие горящий у нас под ногами вулкан, именуемый социальным вопросом, — ожесточение пролетариата, ненависть... опасные заблуждения ума... — все они должны исчезнуть, как туман при восходе солнца, если... рабочие сами перейдут таким путем в класс имущих» (стр. 65).

Другими словами, г. Закс надеется, что рабочие, вместе с переменной в своем пролетарском положении, переменной, которая должна быть вызвана приобретением дома, потеряют также и свой пролетарский характер и снова станут покорными холопами, подобно своим предкам, тоже имевшим собственные дома. Прудонистам следовало бы призадуматься над этим.

Г-н Закс полагает, что разрешил таким образом социальный вопрос:

«Более справедливое распределение благ, — эта загадка сфинкса, которую уже многие тщетно пытались разрешить, — не представляется ли оно теперь нам осязательным фактом, не выходит ли оно тем самым из сферы идеалов и не вступает ли в область действительности? А если это реализовано, то не достигнута ли тем самым одна из высших целей, в которой даже социалисты самого крайнего направления видят вершину своих теорий?» (стр. 66).

Истинное счастье, что мы добрались до этого места. Этот крик ликования образует как раз самую вершину книги г. Закса, и отсюда автор потихоньку вновь спускается под гору, из «сферы идеалов» к плоской действительности; когда же мы спустимся вниз, мы обнаружим, что там за время нашего отсутствия ничего, ровно ничего не изменилось.

Первый шаг под гору вставляет нас сделать наш проводник, поучая нас, что существуют две системы рабочих жилищ: система коттеджей, при которой каждая рабочая семья имеет собственный домик, а по возможности и садик, как в Англии, и казарменная система больших зданий с большим числом рабочих квартир, как в Париже, Вене и т. д. Промежуточную систему представляет собою

¹ Во 2-м издании последняя фраза, со слов «Земельная собственность», выпущена. *Ред.*

северо-германская. Правда, система коттеджей была бы единственно правильной и *единственной*, при которой рабочий мог бы приобрести право собственности на свой дом; казарменная система имеет к тому же очень крупные недостатки в смысле вреда для здоровья, нравственности и домашнего спокойствия, — но увы, к сожалению как раз в центрах жилищной нужды, в крупных городах, система коттеджей неосуществима из-за дороговизны земли, и надо быть довольными, если вместо больших казарм там удастся соорудить дома в 4—6 квартир или же устранить посредством разного рода строительных ухищрений важнейшие недостатки казарменной системы (стр. 71—92).

Не правда ли, мы уже спустились на порядочное расстояние? Превращение рабочих в капиталистов, разрешение социального вопроса, собственный дом у каждого рабочего — все это осталось наверху, в «сфере идеалов»; нам приходится заняться лишь тем, чтобы ввести систему коттеджей по деревням, а в городах по возможности сносно устроить рабочие казармы.

Итак, буржуазное решение жилищного вопроса заведомо потерпело крушение, наткнувшись на *противоположность между городом и деревней*. И здесь мы подошли к центральному пункту вопроса. Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе. Капиталистическое общество, отнюдь не будучи в состоянии уничтожить эту противоположность, вынуждено, наоборот, с каждым днем все больше ее обострять. Это правильно поняли уже первые утопические социалисты современности, — Оуэн и Фурье. В их образцовых строениях не существует больше противоположности между городом и деревней. Здесь, стало быть, налицо как раз обратное тому, что утверждает господин Закс: не решение жилищного вопроса приводит вместе с тем к разрешению социального вопроса, а лишь благодаря решению социального вопроса, т. е. благодаря уничтожению капиталистического способа производства, становится вместе с тем возможным разрешение жилищного вопроса. Стремиться решить жилищный вопрос, сохраняя современные крупные города, — бессмыслица. Но современные крупные города будут устранены только с уничтожением капиталистического способа производства, а как только начнется это уничтожение, — вопрос встанет уже не о том, чтобы предоставить каждому рабочему собственный домик, а о вещах совсем иного рода.

Однако, всякая социальная революция сначала принуждена брать вещи такими, какими она их находит, и бороться с наиболее вопиющим злом при помощи тех средств, которые имеются налицо. И мы видели уже выше, что помочь устранению жилищной *нужды* можно путем экспроприации части роскошных квартир, принадлежащих имущим классам, и принудительным заселением остальной части.

Если же г. Закс в дальнейшем вновь исходит из наличия больших городов, пространно и долго толкуя о рабочих колониях, которые должны быть заложены *вблизи* городов, если он описывает все прелести таких колоний, с их общим «водопроводом, газовым освещением, воздушным или водяным отоплением, прачечными, сушильнями, купальнями и т. п.», с «детскими яслями, школой, модельной (1), читальней, библиотекой, ... винным и пивным погребом, танцевальным и музыкальным залом со всеми удобствами», с паровым двигателем, сила которого передается во все дома и может «в известной мере вновь перенести производство с фабрик в домашние мастерские», — то все это ничуть не меняет дела. Колония, описываемая им, заимствована г. Губером непосредственно от социалистов Оуэна и Фурье, и простым вычеркиванием всего социалистического ей был придан вполне буржуазный характер. Но именно от этого она становится уже совершенно утопической. Ни один капиталист нисколько не заинтересован в создании таких колоний, да нигде в мире их и не существует, кроме колонии в Гизе (Guise) во Франции; но та основана... фурьеристом, не в качестве доходной спекуляции, а в качестве социалистического эксперимента *. С тем же успехом г. Закс мог бы привести в пользу своего буржуазного прожектерства пример основанной Оуэном в начале 40-х годов в Гэмпшире и давно погибшей коммунистической колонии «Harmony Hall».

Все эти разговоры о колонизации представляют собою, однако, лишь жалкую попытку снова взлететь в «сферы идеалов», попытку, за которой тотчас снова следует падение вниз. Мы опять лихо идем под гору. Простейшее решение состоит в том, «чтобы работодатели, хозяева фабрик, помогли рабочим получить соответствующие жилища, либо сооружая их на свой счет, либо поощряя и поддерживая рабочих в их собственной строительной деятельности, предоставляя в их распоряжение земельные участки, ссужая строительный

---

* И она в конце концов стала просто местом эксплуатации рабочих. См. парижский «Socialiste», 1886 г. [Примечание Энгельса ко 2-му изданию.]

капитал и т. д.» (стр. 106). Тем самым мы снова оказываемся вне больших городов, где ни о чем подобном не может быть и речи, и снова переносимся в деревню. Тут г. Закс доказывает, что сами фабриканты заинтересованы в том, чтобы помочь своим рабочим получить сносные жилища, с одной стороны потому, что это является выгодным помещением капитала, а с другой стороны потому, что неизбежно «вытекающий отсюда подъем рабочих... должен повлечь за собою повышение их физической и умственной рабочей силы, что, естественно... не менее... выгодно работодателям. А тем самым установлена и правильная точка зрения относительно участия последних в разрешении жилищного вопроса: участие это является результатом *латентной ассоциации*, результатом скрытых большей частью под покровом гуманитарных стремлений забот работодателей о физическом и экономическом, духовном и нравственном благосостоянии их рабочих, забот, которые сами собой вознаграждаются в денежном отношении своими результатами, привлечением и сохранением слоя дельных, искусных, усердных, довольных и *преданных рабочих*» (стр. 108).

Фраза о «латентной ассоциации», посредством которой Губер пытался придать буржуазно-филантропической стряпне «возвышенный смысл», ничуть не меняет дела. Крупные фабриканты сельских местностей, особенно в Англии, и без этой фразы давно убедились, что строительство рабочих жилищ не только является необходимостью, частью самого фабричного строительства, но и приносит очень хороший доход. В Англии таким путем возникли целые села, часть которых впоследствии развилась в города. Рабочие же, вместо того, чтобы быть благодарными человеколюбивым капиталистам, издавна выдвигали против этой «системы коттеджей» очень серьезные возражения. Дело не только в том, что им приходится платить за дома монопольные цены, так как у фабриканта нет конкурентов, но при каждой стачке они тотчас же остаются без крова, так как фабрикант без разговоров выбрасывает их на улицу, что крайне затрудняет всякое сопротивление. О подробностях можно прочесть в моем «Положении рабочего класса в Англии» (стр. 224 и 228)¹. Однако г. Закс полагает, что подобные аргументы «вряд ли заслуживают опровержения» (стр. 111). Но разве не хочет он предоставить рабочему право собственности на свой домик? Разумеется. Но так как и «работодатели всегда должны иметь возможность распоряжаться жилищем, чтобы в случае увольнения рабо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 530 и 534 — 535. Ред.

чего иметь помещение для его заместителя», то... конечно же, следует «для таких случаев предусмотреть *путем особого соглашения отменяемость собственности*» * (стр. 113).

На этот раз мы неожиданно быстро спустились до самого низу. Сначала говорилось: право собственности рабочего на свой домик; затем мы узнали, что в городах это невозможно, а может быть проведено только в деревне; теперь же нам заявляют, что и в деревне это право собственности должно быть «путем особого соглашения *отменяемым*!» С этим открытым г. Заксом видом собственности для рабочих, с этим превращением их в «путем особого соглашения отменяемых» капиталистов, мы вновь благополучно вернулись на грешную землю, и здесь можем исследовать, что же *действительно* сделано капиталистами и прочими филантропами для разрешения жилищного вопроса.

II.

Если верить нашему д-ру Заксу, то со стороны господ капиталистов уже и теперь сделано много существенного ¹ для облегчения жилищной нужды, и это доказывает, что жилищный вопрос может быть разрешен на основе капиталистического способа производства.

Прежде всего г. Закс ведет нас... в бонапартистскую Францию! Луи Бонапарт во время парижской всемирной выставки назначил, как известно, комиссию якобы для составления отчета о положении трудящихся классов во Франции, а на самом деле для того, чтобы, к вящей славе империи, изобразить это положение как истинно райское. И вот на отчет *этой-то* комиссии, составленной из самых продажных прислужников бонапартизма, ссылается г. Закс, в особенности потому, что результаты ее трудов, «по *собственным*

* И в этом отношении английские капиталисты давно уже не только выполнили, но и значительно превзошли все сокровенные пожелания г. Закса. В понедельник 14 октября 1872 г. в Magreth суду по определению списков избирателей в парламент пришлось вынести решение по поводу ходатайства 2 000 горнорабочих о внесении в списки их имен. Обнаружилось, что большинство этих людей, по уставу рудника, где они работали, рассматривались *не как наниматели* завятых ими домиков, а лишь как живущие в них *из милости*, и могли быть в любое время без всякого предупреждения выброшены на улицу (владелец рудников и собственник домов был, конечно, одним и тем же лицом). Судья решил, что эти люди не наниматели, а слуги, и как таковые не имеют права быть внесенными в списки («Daily News», 15 октября 1872 года).

¹ В 1-м издании: «höchst Bedeutendes». Во 2-м издании слово «höchst» Энгельсом опущено. *Ред.*

словам уполномоченной для этого комиссии, являются для Франции достаточно полными!»! А каковы эти результаты? Из 89 крупных промышленных предприятий, в том числе и акционерных компаний, давших сведения, 31 вовсе не строили рабочих жилищ; в выстроенных жилищах, по собственному расчету г. Закса, разместилось максимум 50—60 тысяч человек, а квартиры состоят почти исключительно из двух только комнат на семью!

Само собою разумеется, что всякий капиталист, которого условия его производства — сила воды, расположение угольных копей, залежей железной руды и других рудников и т. п. — прикрепляют к определенной сельской местности, вынужден строить для своих рабочих жилища, если их нет в наличии. Но чтобы видеть в этом доказательство существования «латентной ассоциации», «явное свидетельство роста понимания вопроса и его высокого значения», «многообещающее начало» (стр. 115), — для этого надо обладать сильно развитой привычкой к самообману. Впрочем, и в этом отношении промышленники различных стран отличаются друг от друга национальным характером. Например, на стр. 117 г. Закс нам рассказывает:

«В Англии лишь в новейшее время наблюдается усиленная деятельность работодателей в этом направлении. В особенности в отдаленных деревенских поселках... — то обстоятельство, что рабочим подчас даже от ближайшей местности приходится пройти большое расстояние до фабрики, являться на работу уже утомленными и работать недостаточно продуктивно, — это обстоятельство и составляет для работодателей главную причину, побуждающую их строить жилища для своих рабочих сил. Между тем увеличивается и число тех лиц, которые, проявляя более глубокое понимание отношений, в большей или меньшей степени связывают с жилищной реформой все прочие элементы латентной ассоциации; им-то и обязаны своим возникновением эти цветущие колонии... Имена Эштона в Гайде, Эшворта в Тертоне, Гранта в Бюри, Грега в Боллингтоне, Маршалла в Лидсе, Стретта в Бельпере, Солта в Солтере, Акройда в Коплее и др. благодаря этому очень популярны в Соединенном королевстве».

Святая простота и еще более святое невежество! Только в «новейшее время» английские сельские фабриканты построили рабочие жилища! Нет, любезный г. Закс, английские капиталисты — действительно крупные промышленники, не только по карману, но и по уму. Задолго до того, как в Германии появилась действительно крупная промышленность, они поняли, что в сельском фабричном производстве затраты на рабочие жилища представляют собою необходимую, прямо и косвенно очень доходную часть всего вкладываемого капитала. Задолго до того, как борьба между Бисмарком и немецкими буржуа даровала немецким рабочим свободу коалиций,

английские фабриканты, владельцы рудников и горнозаводчики практически убедились, какое давление могут они производить на баствующих рабочих, если они одновременно — домохозяева этих рабочих. «Цветущие колонии» какого-нибудь Грега, Эштона, Эшворта до такой степени относятся к «новейшему времени», что уже 40 лет тому назад они восхвалялись буржуазией как образец, и я сам уже 28 лет назад описал это (см. «Положение рабочего класса в Англии», стр. 228—230, примечание¹). Примерно такого же почтенного возраста и колонии, основанные Маршалом и Акройдом (Acroyd, — так пишется его фамилия²), а еще более стара колония Стретта, зачатки которой восходят к прошлому столетию. А так как в Англии средняя продолжительность существования рабочего жилища определяется в 40 лет, то г. Заксу не трудно будет самому по пальцам подсчитать, в каком жалком состоянии находятся теперь эти «цветущие колонии». К тому же большинство этих колоний находится теперь уже не в деревне; вследствие колоссального роста индустрии большинство этих колоний оказалось настолько окруженным фабриками и домами, что эти колонии лежат теперь посреди грязных и дымных городов в 20—30 и более тысяч жителей, — что не мешает представленной в лице г. Закса немецкой буржуазной науке еще и ныне повторять с благоговением старые английские хвалебные песни 1840 г., которые теперь уже не соответствуют действительности.

А в особенности — старый Акройд³. Этот бравый человек был, несомненно, филантропом чистой воды. Он так сильно любил своих рабочих, а особенно своих работниц, что его менее человеколюбивые конкуренты в Йоркшире говаривали: у него на фабрике работают исключительно его собственные дети! Г-н Закс, впрочем, утверждает, что в этих цветущих колониях «внебрачные рождения становятся все реже» (стр. 118). Совершенно верно, внебрачные рождения *без брака*: хорошенькие девушки в английских фабричных округах очень рано выходят замуж.

В Англии постройка рабочих жилищ близ всякой крупной сельской фабрики, и одновременно с фабрикой, стала обычным делом за последние 60 и более лет. Как было уже упомянуто, многие из таких фабричных сел становились ядром, вокруг которого впоследствии образовывался целый фабричный город со всеми теми

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 470—471. *Ред.*

² Энгельс отмечает ошибку Закса, писавшего: «Acroyd». *Ред.*

³ В 1-м издании: «старый А. — не хочу называть его фамилию, он давно умер и похорошен». Во 2-м издании Энгельс привел фамилию. *Ред.*

бедствиями, которые приносит с собой фабричный город. Эти колонии, стало быть, не разрешили жилищного вопроса, а *впервые создали его* в своей местности.

Наоборот, в странах, которые в области крупной промышленности лишь кивали за Англией и которые собственно только с 1848 г. узнали, что такое крупная промышленность, во Франции и особенно ¹ в Германии, дело обстоит совершенно иначе. Здесь только гигантские металлургические заводы и фабрики, — как, например, заводы Шнейдера в Крезо и Круппа в Эссене, — после долгих колебаний решились построить некоторое количество жилищ для рабочих. Значительное большинство сельских промышленников предоставляет своим рабочим шагать в зной, снег и ливень целые мили утром на фабрику, а вечером обратно домой. Это встречается в особенности в гористых местностях — во французских и эльзасских Вогезах, на Вуппере, Зиге, Аггере, Ленне и других рейнско-вестфальских реках. В Рудных горах не лучше. Как у немцев, так и у французов — то же мелкое скряжничество.

Г-н Закс отлично знает, что ни многообещающее начало, ни цветущие колонии не имеют ровно никакого значения. Он пытается поэтому показать капиталистам, какие великолепные доходы могут они извлечь из постройки рабочих жилищ. Иначе говоря, он пытается указать им новый способ надувательства рабочих.

Сперва он приводит им пример целого ряда лондонских строительных обществ, отчасти филантропического, отчасти спекулятивного характера, которые добились чистого дохода от 4 до 6% и более. Что капитал, вложенный в рабочие жилища, приносит хороший доход, — это г. Заксу незачем нам доказывать. Причипою того, что в них не вкладывается еще больше, чем теперь, является то обстоятельство, что дорогие квартиры приносят собственникам еще более высокий доход. Увещания, с которыми г. Закс обращается к капиталистам, сводятся, стало быть, опять-таки к простой моральной проповеди.

Что же касается этих лондонских строительных обществ, о блестящих успехах которых так громогласно трубят г. Закс, то они, по его собственному исчислению, — а он включает сюда любую строительную спекуляцию, — дали кров всего-навсего 2 132 семьям и 706 одиноким мужчинам, т. е. в общем менее чем 15 000 лиц! И подобные детские забавы в Германии осмеливаются серьезно изображать как крупные успехи, между тем как в одной лишь восточ-

¹ Слово «особенно» добавлено Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

ной части Лондона миллион рабочих живут в ужаснейших жилищных условиях! Все эти филантропические стремления на деле так жалки и ничтожны, что в английских парламентских отчетах, посвященных положению рабочих, о них никогда даже и не упоминается.

Мы не станем уже говорить здесь о курьезном незнании Лондона, обнаруживающемся во всем этом отделе. Отметим только одно. Г-н Закс полагает, что ночлежный дом для одиноких мужчин в Сого прекратил свое существование потому, что в этой местности «нельзя было рассчитывать на многочисленную клиентуру». Г-н Закс представляет себе, видимо, всю западную часть Лондона сплошным городом¹ роскоши и не знает, что к элегантейшим улицам тесно примыкают грязнейшие рабочие кварталы, одним из которых и является, например, Сого. Образцовый ночлежный дом в Сого, о котором упоминает г. Закс и который был мне известен еще 23 года тому назад, испытывал сначала большой наплыв публики, но прекратил свое существование потому, что в нем жить было совершенно невыносимо. А между тем ведь это еще был один из лучших.

Ну, а рабочий городок в Мюльгаузене в Эльзасе — разве это не успех?

Для континентальных буржуа мюльгаузенский рабочий городок — такой же предмет гордости и самохвальства, как для английских буржуа — некогда цветущие колонии Эштона, Эшворта, Грега и компании. К сожалению, городок этот представляет собою продукт не «латентной» ассоциации, а совершенно открытой ассоциации между второй французской империей и эльзасскими капиталистами. Это был один из социалистических экспериментов Луи Бонапарта, эксперимент, для которого государство отпустило ссуду в размере $\frac{1}{3}$ капитала. За 14 лет (до 1867 г.) построено было 800 маленьких домиков по скверной системе, которая была бы немыслима в Англии, где лучше² понимают это дело; эти домики предоставляются в собственность рабочим после ежемесячной выплаты в течение 13 — 15 лет повышенной квартирной платы. Этот способ приобретения собственности, давно уже введенный, как мы увидим, в английских кооперативных строительных товариществах, эльзасским бонапартистам отнюдь не приходилось изобретать впервые. Надбавки к квартирной плате для выкупа домов — по сравнению с английскими — довольно высоки; выплатив, например, частями в течение 15 лет 4 500 франков, рабочий получает дом, стоивший 15 лет назад

¹ В 1-м издании: «сплошным крупным городом». *Ред.*

² Слово «лучше» добавлено Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

3 300 франков. Если рабочий захочет переехать или же не уплатит в срок хотя бы одного единственного месячного взноса (в каком случае он может быть выселен), то ему засчитывают в качестве наемной платы в год по $6\frac{2}{3}\%$ первоначальной стоимости дома (например, 17 франков в месяц при 3 000 франков стоимости дома), и выплачивают ему остаток, но *без единого гроша процентов*. Легко понять, что общество, не говоря о «государственной помощи», набивает себе при этом карман; понятно также, что предоставляемые на этих условиях жилища — уже потому, что они расположены за городом, наполовину в деревне, — лучше старых казарменных жилищ в самом городе.

О нескольких жалких экспериментах в Германии, ничтожность которых признает на 157-й стр. даже г. Закс, мы не станем и говорить.

Что же доказывают все эти примеры? — Только то, что постройка рабочих жилищ, если даже не попираются ногами все законы санитарии, доставляет капиталистический доход. Но этого никто никогда не оспаривал, это мы все давно знали. *Всякое* капиталовложение, удовлетворяющее какую-либо потребность, при рациональном ведении дела приносит доход. Весь вопрос только в том, почему же, *несмотря на это*, жилищная нужда продолжает существовать; почему, *несмотря на это*, капиталисты не заботятся о достаточном количестве здоровых жилищ для рабочих? И тут г. Заксу приходится лишь снова обратиться к капиталу с увещаниями, а ответа он так и не дает. Действительный ответ на этот вопрос уже дан нами выше.

Капитал — это теперь окончательно установлено — *не хочет* устранить жилищную нужду, даже когда он мог бы это сделать. Остаются лишь два других исхода: самопомощь рабочих и государственная помощь.

Г-н Закс, горячий поклонник самопомощи, умеет и в области жилищного вопроса порассказать о ней чудеса. К сожалению, с самого начала он вынужден признать, что самопомощь может кое-что дать лишь там, где либо существует, либо может быть введена система коттеджей, т. е. опять-таки только в деревне; в больших же городах, даже в Англии, — лишь в крайне ограниченном масштабе. Затем, вздыхает г. Закс, «реформа может быть при ее посредстве (посредством самопомощи) произведена лишь *окольным путем*, стало быть, *всегда* лишь в несовершенном виде, а именно лишь в той мере, в какой принцип частной собственности выступает как сила, оказывающая воздействие на качество жилища». Да и это сомнительно; во всяком случае, «принцип частной собственности» ни в коей мере не оказал реформирующего воздействия на «качество» стиля нашего

автора. Несмотря на все это, самопомощь в Англии произвела такие чудеса, «что благодаря ей было *далеко превзойдено* все, сделанное там в других направлениях для решения жилищного вопроса». Речь идет об английских *building societies* [строительных обществах], которыми г. Закс так подробно занимается в особенности потому, что «об их сущности и деятельности вообще распространены весьма недостаточные или ошибочные представления. Английские *building societies* вовсе не... строительные общества или строительные товарищества, их следовало бы скорее... назвать на нашем языке «союзами для приобретения домов»; это союзы, ставящие своей целью путем периодических взносов их членов собрать фонд, из которого, по мере накопления средств, выдавать членам ссуды для покупки домов... *Building society* является, таким образом, для одной части своих членов сберегательной кассой, а для другой — ссудной кассой. *Building societies* представляют собою, таким образом, учреждения поземельного кредита, рассчитанные на потребности рабочего, использующие главным образом... сбережения рабочих... для поддержки их товарищей из числа вкладчиков при покупке или постройке дома. Как и следовало бы предполагать, ссуды эти выдаются под залог соответствующей реальной ценности и устанавливаются таким образом, что их погашение производится краткосрочными частичными платежами, включающими в себя проценты и амортизацию... Проценты вкладчикам не выплачиваются, а всегда *вписываются в их счета по сложным процентам*... Востребование вкладов вместе с выросшими процентами... допускается в любой момент через месяц после предварительного заявления» (стр. 170—172). «В Англии существует более 2 000 таких союзов, ...собранный в них капитал достигает почти 15 000 000 фунтов стерлингов, и уже около 100 000 *рабочих* семейств приобрели себе таким путем собственный домашний очаг; это — социальное достижение, равное которому найти не легко» (стр. 174).

К сожалению, и здесь ковыляет вслед за этим неизбежное «но»: «Полное решение вопроса, однако, этим *отнюдь еще не достигнуто*, хотя бы потому, что приобретение дома... доступно только *лучше оплачиваемым* рабочим... В частности обращается подчас мало внимания на санитарные условия» (стр. 176). На континенте «подобные союзы... находят лишь очень ограниченную почву для развития». Они предполагают систему коттеджей, которая существует здесь только в деревне; в деревне же рабочие еще недостаточно развиты для самопомощи. С другой стороны, в городах, где могли бы возникнуть настоящие строительные товарищества, им противостоят «очень

значительные и серьезные затруднения различного рода» (стр. 179). Они могли бы строить только коттеджи, а в больших городах это не годится. Словом, «эта форма товарищеской самопомощи» не может «при современных условиях — и едва ли сможет в близком будущем — играть главную роль в решении данного вопроса». Эти строительные товарищества находятся еще лишь «в стадии первых, неразвитых зачатков». «Это относится даже к Англии» (стр. 181).

Итак, капиталисты не *хотят*, а рабочие не *могут*. Мы могли бы на этом и закончить настоящий отдел, если бы не было безусловно необходимо дать некоторые разъяснения об английских building societies, которые буржуа шульце-деличевского толка всегда выставляют в качестве образца для наших рабочих.

Эти building societies — вовсе не рабочие общества, и их главная цель — вовсе не предоставление рабочим собственных домов. Напротив, мы увидим, что это происходит лишь в виде редких исключений. По существу эти building societies — организации спекулятивного характера, причем это относится к мелким, — какими они являются первоначально, — не в меньшей мере, чем к их крупным подражателям. В каком-нибудь трактире, — обычно по почину трактирщика, у которого затем происходят еженедельные собрания, — некоторое количество завсегдатаев и их друзей, лавочников, приказчиков, коммивояжеров, мелких ремесленников и других мелких буржуа, а кое-где и какой-либо машиностроительный или другой рабочий, принадлежащий к аристократии своего класса, — составляют строительное товарищество. Ближайшим поводом бывает обычно то, что трактирщик пронюхал о продаже в окрестностях или еще где-нибудь участка земли за сравнительно недорогую цену. Большинство участников по своим занятиям не связано с какой-нибудь определенной местностью; многие даже из лавочников и ремесленников имеют в городе только свое предприятие, но не имеют квартиры; кто только может, живет охотнее вне стен дымного города. Покупается строительный участок, и на нем возводится возможное количество коттеджей. Кредит более зажиточных членов создает возможность покупки; еженедельные взносы и некоторые небольшие займы покрывают еженедельные расходы по постройке. Те из членов, которые имеют в виду обзавестись собственным домом, получают по жребию готовые коттеджи, и соответствующая надбавка к наемной плате погашает покупную цену. Остальные коттеджи сдаются в наем или продаются. Строительное же общество, если дела его идут хорошо, накапливает более или менее значительное достояние, которое принадлежит участникам до тех пор, пока они уплачивают свои взно-

сы, и которое время от времени или при закрытии общества распределяется между ними. Такова история девяти десятых английских строительных обществ. Остальные же представляют собою более крупные общества, основанные подчас под политическим или филантропическим предлогом, но главная их задача в конце концов всегда сводится к тому, чтобы посредством спекуляции земельной собственностью дать сбережениям *мелкой буржуазии* лучшее вложение, обеспеченное ипотеками, с хорошими процентами и с надеждой на дивиденды.

На какого рода клиентов рассчитывают эти общества, может показать проспект одного из самых крупных, если не самого крупного из них. Общество «Birkbeck Building Society, 29 and 30, Southampton Buildings, Chancery Lane», в Лондоне, доходы которого за время его существования достигли суммы свыше $10\frac{1}{4}$ миллионов ф. ст. (70 миллионов талеров), вклады которого в банк и вложения в государственные бумаги превышают 416 000 фунтов и которое насчитывает теперь 21 441 члена и вкладчика, — это общество рекламирует себя следующим образом:

«Многим известна так называемая трехлетняя система фабрикантов фортепиано, в силу которой всякий, кто берет напрокат фортепиано на три года, становится по истечении этого времени собственником фортепиано. До введения этой системы для людей с ограниченным доходом было так же трудно обзавестись хорошим фортепиано, как приобрести собственный дом; люди платили из года в год за прокат фортепиано и тратили вдвое-втрое больше денег, чем стоило фортепиано. Но то, что применяется по отношению к фортепиано, можно применить и по отношению к дому... Но так как дом стоит дороже, чем фортепиано..., то для погашения покупной цены посредством наемной платы необходим больший срок. Вследствие этого директора вступили с домовладельцами в различных частях Лондона и в его предместьях в соглашение, в силу которого директора могут предоставлять членам Birkbeck Building Society и другим большой выбор домов в самых различных частях города. Система, которой намерены держаться директора, такова: дома сдаются в наем на $12\frac{1}{2}$ лет, по истечении которых, если наемная плата вносилась аккуратно, дом становится абсолютной собственностью нанимателя без всяких дальнейших платежей... Наниматель может также договориться об уменьшении срока при повышенной плате или об увеличении срока при пониженной плате... *Люди с ограниченными доходами, служащие в лавках и магазинах* и прочие могут тотчас же стать независимыми от всякого домохозяина, вступив в члены Birkbeck Building Society».

Все это достаточно ясно. О рабочих нет и речи, зато говорится о людях с ограниченными доходами, служащих в лавках и магазинах и пр.; при этом еще предполагается, что клиенты, как правило, *уже обладают фортепиано*. В самом деле, здесь речь идет вовсе не о рабочих, а о мелких буржуа и о таких людях, которые хотят

и могут стать ими, о людях, доход которых, хотя и в известных границах, в общем мало-по-малу возрастает, как у торговых приказчиков и у лиц подобных профессий. Доход же рабочего, номинально остающийся в лучшем случае без изменений, на самом деле падает, ввиду увеличения его семьи и роста ее потребностей. На деле лишь немногие рабочие могут, в виде исключения, принять участие в таких обществах. С одной стороны, их доход слишком незначителен, с другой стороны, он слишком мало надежен, чтобы можно было брать на себя обязательство на 12½ лет вперед. Редкие исключения, к которым это не относится, составляют либо наилучше оплачиваемые рабочие, либо фабричные надсмотрщики*.

Впрочем, ясно каждому, что бонапартисты мюльгаузенского рабочего городка являются всего только жалкими подражателями этих мелкобуржуазных английских строительных обществ. Разница лишь в том, что бонапартисты, несмотря на оказанную им государственную помощь, надувают своих клиентов гораздо больше, чем эти строительные общества. Их условия в общем менее либеральны, чем средние английские; в то время как в Англии на каждый взнос насчитываются проценты и сложные проценты, и все это выдается обратно через месяц после заявления, — мюльгаузенские фабриканты кладут как простые, так и сложные проценты в карман и

* Еще одно маленькое добавление относительно деятельности специально лондонских строительных союзов. Как известно, земельная площадь почти всего Лондона принадлежит приблизительно дюжине аристократов, из которых самые знатные — герцоги Вестминстер, Бэдфорд, Портленд и др. Первоначально они сдают отдельные строительные участки в аренду на 99 лет и по истечении этого срока вступают во владение земельным участком и всем, что на нем находится. Затем они сдают эти дома в наем на более короткие сроки, например на 39 лет, при условии так называемой *repairing lease* [аренды с ремонтом], в силу которой наниматель должен привести дом в пригодное для жилья состояние и содержать его в таком же виде. По заключении такого контракта землевладелец посылает своего архитектора и чиновника строительной полиции (*surveyor*) данного округа для осмотра дома и для установления нужного ремонта. Ремонт бывает часто очень велик, вплоть до обновления всей фасадной стены, крыши и т. п. Тогда наниматель отдает наемный договор в качестве обеспечения строительному союзу и получает от последнего взаймы необходимую сумму — до 1 000 ф. ст. и более при годичной оплате в 130 — 150 ф. ст. — для производства строительных работ на *свой* счет. Эти строительные союзы стали, таким образом, важным посредствующим звеном в системе, имеющей целью дать возможность крупным земельным аристократам без всякого труда, за счет публики, обновлять и сохранять в пригодном для жилья виде принадлежащие им лондонские дома.

И это должно служить решением жилищного вопроса для рабочих! [Примечание Энгельса ко 2-му изданию.]

выдают обратно только основной взнос, внесенный звонкой пятифранковой монетой. И никто не будет удивлен по поводу этого различия больше, чем г. Закс, в книге которого все это имеется, без его ведома.

Таким образом, из самопомощи рабочих тоже ничего не получается. Остается государственная помощь. Что может предложить нам г. Закс в этом отношении? Три вещи:

«Во-первых, государство должно позаботиться о том, чтобы в его законодательстве и управлении было искоренено или соответственно улучшено все то, что каким-либо образом ведет к усилению жилищной нужды трудящихся классов» (стр. 187).

Итак: пересмотр строительного законодательства и свобода строительного промысла, чтобы постройка обходилась дешевле. Но в Англии строительное законодательство сведено до минимума, строительные промыслы свободны, как птица в небесах, а жилищная нужда все же существует. К тому же теперь в Англии строят так дешево, что дома дрожат при проезде телеги и что ежедневно некоторое количество их рушится. Еще вчера, 25 октября 1872 г., в Манчестере рухнуло сразу шесть домов, причем шестеро рабочих были тяжело ранены. Стало быть, и это не помогает.

«Во-вторых, государственная власть должна воспрепятствовать тому, чтобы отдельные лица, в своем ограниченном индивидуализме, распространяли или вызывали вновь это бедствие».

Итак: санитарный и строительно-полицейский надзор за рабочими жилищами, предоставление властям права закрывать здания, опасные для здоровья и угрожающие разрушением, как это сделано в Англии с 1857 года. Но как это было там сделано? Первый закон 1855 г. (Nuisances Removal Act) остался, как признает сам г. Закс, «мертвой буквой», равно как и второй закон 1858 г. (Local Government Act) (стр. 197). Зато г. Закс полагает, что третий закон, Artisans Dwellings Act, распространяющийся только на города с населением свыше 10 000 человек, «несомненно является благоприятным показателем глубокого понимания социальных явлений британским парламентом» (стр. 199); между тем это утверждение опять-таки является лишь «благоприятным показателем» полного незнания г. Закса с английскими «явлениями». Что Англия вообще в «социальных явлениях» далеко опередила континент, это само собой понятно; она — мать современной крупной индустрии, в ней наиболее свободно и широко развился капиталистический способ производства, последствия которого выступают здесь наиболее ярко и поэтому раньше находят себе отклик в законодательстве. Лучшим

доказательством этому служит фабричное законодательство. Но если г. Закс полагает, что парламентскому акту достаточно лишь получить силу закона, чтобы тотчас же быть практически осуществленным, то он жестоко ошибается. И ни к одному из парламентских актов (за исключением разве только Workshops' Act) это не относится в большей мере, чем именно к Local Government Act. Проведение этого закона было поручено городским властям, которые в Англии почти повсюду являются общепризнанным средоточием всяческой продажности, кумовства и jobbery *. Агенты этих городских властей, обязанные своими должностями всякого рода семейным связям, либо были неспособны либо не были намерены ¹ исполнять подобные социальные законы, между тем как именно в Англии правительственные чиновники, на которых возложена подготовка и проведение социального законодательства, большей частью отличаются строгим выполнением своих обязанностей... впрочем, теперь уж в меньшей степени, чем двадцать — тридцать лет назад. Почти повсюду владельцы нездоровых или угрожающих разрушением домов, прямо или косвенно, имеют сильное представительство в городских управлениях. Выборы членов городских управлений по небольшим округам ставят избираемых в зависимость от мельчайших местных интересов и влияний; ни один член городского управления, желающий быть снова выбранным, не рискнет голосовать за применение этого закона в своем избирательном округе. Поэтому понятно, какое сопротивление встретил этот закон со стороны почти всех местных властей; до сих пор он применялся лишь в самых скандальных случаях, да и то лишь в результате уже вспыхнувшей эпидемии, как в прошлом году в Манчестере и Салфорде при эпидемии оспы. Лишь в такого рода случаях оказывала до сих пор свое действие апелляция к министру внутренних дел, ибо ведь принцип всякого либерального правительства в Англии состоит в том, чтобы предлагать социальные реформаторские законы лишь под давлением крайней

---

* Jobbery означает использование общественной должности для личных выгод чиновника или его семьи. Если, например, начальник государственного телеграфа какой-либо страны становится тайным участником какой-либо бумажной фабрики, доставляет этой фабрике дерево из своих лесов, а затем передает ей поставку бумаги для телеграфных бюро, то это будет хотя и довольно мелкий, но все же настолько приличный job, что он дает полное представление о принципах jobbery; это, между прочим, при Бисмарке являлось само собою разумеющимся и вполне естественным. [Примечание Энгельса. Последние слова, со слов «это, между прочим», добавлены Энгельсом во 2-м издании].

¹ В 1-м издании: «sind nicht gewillt» (не хотели). *Ред.*

необходимости, а те законы, которые уже существуют, по возможности вовсе не исполнять. Данный закон, как и многие другие в Англии, имеет лишь то значение, что в руках правительства, управляемого рабочими или находящегося под их давлением, готового, наконец, применить его на деле, он станет мощным оружием для того, чтобы пробить брешь в современном социальном строе.

«В-третьих», государственная власть, по г. Заксу, должна «применить в широчайших размерах все имеющиеся в ее распоряжении положительные мероприятия для облегчения существующей жилищной нужды».

Это значит, что она должна построить казармы, «поистине образцовые здания», для своих «низших чиновников и служащих» (но ведь это вовсе не рабочие!) и «выдавать ссуды... общинным учреждениям, обществам, а также частным лицам в целях улучшения жилищ трудящихся классов» (стр. 203), как это делается в Англии согласно Public Works Loan Act и как делал Луи Бонапарт в Париже и в Мюльгаузене. Но Public Works Loan Act тоже существует только на бумаге; правительство предоставляет в распоряжение комиссаров максимум 50 000 ф. ст., т. е. средства для постройки максимум 400 коттеджей, стало быть за 40 лет — 16 000 коттеджей или же жилищ максимум для 80 000 человек, — капля в море. Если мы допустим даже, что через 20 лет средства комиссии благодаря возврату ссуд удвоятся, так что за остальные 20 лет будут построены жилища еще для 40 000 человек, то это все же останется лишь каплей в море. А так как коттеджи могут в среднем простоять только 40 лет, то через 40 лет придется ежегодно затрачивать 50 или 100 тысяч фунтов наличными на восстановление самых старых, пришедших в ветхость коттеджей. Это-то г. Закс и называет на стр. 203: проводить принцип практически-правильно и «в неограниченном объеме»! Этим признанием, что государство даже в Англии «в неограниченном объеме» ничего, можно сказать, не сделало, г. Закс и заканчивает свою книгу, разразившись только еще одной моральной проповедью по адресу всех заинтересованных лиц *.

---

* В последнее время английские парламентские акты, представляющие лондонским строительным властям право экспроприации для проведения новых улиц, стали проявлять некоторое внимание к рабочим, оставшимся в связи с этим без крова. Вводится постановление, чтобы вновь воздвигаемые здания были приспособлены для проживания тех классов населения, которые раньше жили на этом месте. Во исполнение буквы закона, на самых дешевых строительных участках строят поэтому пяти-шестиэтажные наемные казармы для рабочих. Что выйдет из этого нововведения, непривычного для рабочих и совершенно

Ясно, как день, что современное государство не может и не хочет устранить жилищные бедствия. Государство есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих. Чего не желают отдельные капиталисты (а только о них и идет здесь речь, так как участвующий в этом деле землевладелец тоже выступает прежде всего в качестве капиталиста), того не желает и их государство. Следовательно, если *отдельные* капиталисты, хотя бы и сожалея о жилищной нужде, все же еще пошевеливаются, чтобы хоть поверхностно замазать самые ужасные ее последствия, то *совокупный* капиталист, государство, тоже не станет делать большего. В лучшем случае оно позаботится о том, чтобы обычная степень поверхностного замазывания проводилась повсюду равномерно. И мы видели, что это так и происходит.

Но в Германии, могут нам возразить, буржуа еще не господствуют, в Германии государство представляет собою еще в известной мере независимую, парящую над обществом силу, которая именно поэтому и представляет совокупные интересы общества, а не интересы одного только класса. *Подобное* государство может-де сделать нечто такое, чего не в состоянии сделать буржуазное государство; от него и в социальной области следует ожидать совсем другого.

Это язык реакционеров. В действительности же и в Германии государство в том виде, в каком оно там существует, есть необходимый продукт того общественного основания, из которого оно выросло. В Пруссии, — а Пруссия имеет теперь решающее значение, — наряду со все еще сильным крупнопоместным дворянством существует сравнительно молодая и крайне трусливая буржуазия, которая до сих пор не завоевала ни прямой политической власти, как во Франции, ни более или менее косвенной, как в Англии. Но рядом с этими двумя классами существует быстро увеличивающийся, интеллектуально очень развитый и с каждым днем все более и более организующийся пролетариат. Таким образом, наряду с основным условием старой абсолютной монархии, — равновесием между земельным дворянством и буржуазией, — мы находим здесь основное условие современного бонапартизма: равновесие между буржуазией и пролетариатом. Но как в старой абсолютной монархии, так и в современной бонапартистской действительная правительственная

чуждого условиям старого Лондона, — покажет будущее. Но в лучшем случае в них вряд ли уместится и четвертая часть рабочих, действительно лишенных крова вследствие перепланировки улиц. [Примечание Энгельса ко 2-му изданию.]

власть находится в руках особой офицерской и чиновничьей касты, которая в Пруссии пополняется частью из собственной среды, частью из мелкого майоратного дворянства, реже — из высшего дворянства и в самой незначительной части — из буржуазии. Самостоятельность этой касты, которая кажется стоящей вне и, так сказать, над обществом, придает государству видимость самостоятельности по отношению к обществу.

Государственная форма, которая с необходимой последовательностью развилась в Пруссии (а по ее примеру и в новом имперском строе Германии) из этих исполненных противоречий общественных условий, представляет собою мнимый конституционализм; эта государственная форма представляет собою как современную форму разложения старой абсолютной монархии, так и форму существования бонапартистской монархии. В Пруссии мнимый конституционализм с 1848 по 1866 г. лишь прикрывал и затушевывал медленное гниение абсолютной монархии. Но с 1866 г. и особенно с 1870 г. переворот в общественных условиях, а тем самым разложение старого государства, происходит у всех на глазах и в колоссально возрастающих размерах. Быстрое развитие промышленности и особенно биржевых махинаций вовлекло все господствующие классы в водоворот спекуляции. Ввезенная в 1870 г. из Франции массовая коррупция развивается с неслыханной быстротой. Штруссберг и Перейр протягивают друг другу руку. Министры, генералы, князья и графы состязаются в биржевой игре с самыми продвинутыми биржевиками-евреями, а государство признает их равенство, массами возводя евреев-биржевиков в баронское достоинство. Сельское дворянство, с давних пор занимавшееся промышленностью в качестве сахарозаводчиков и винокуров, давно уже позабыло о добрых старых временах и украшает своими именами списки директоров всяких солидных и несолидных акционерных обществ. Бюрократия относится все более и более пренебрежительно к растратам, как к единственному средству увеличения оклада; она покидает государство на произвол судьбы и охотится за гораздо более доходными постами по управлению промышленными предприятиями; те, кто остается еще на государственной службе, следуют примеру своих начальников, спекулируют на акциях или принимают «участие» в железнодорожных и тому подобных предприятиях. Можно даже с полным правом предполагать, что и лейтенанты непрочь поживиться на некоторых спекуляциях. Словом, разложение всех элементов старого государства, переход абсолютной монархии в бонапартистскую, в полном ходу, и при ближайшем крупном торго-

промышленном кризисе рухнет не только современное мошенничество, но и старое прусское государство*.

И это-то государство, небуржуазные элементы которого с каждым днем все более обуржуазиваются, призвано разрешить «социальный вопрос» или хотя бы только жилищный вопрос? — Напротив. Во всех экономических вопросах прусское государство все более и более подпадает под влияние буржуазии. И если с 1866 г. законодательство в экономической области не было в еще большей степени приспособлено к интересам буржуазии, чем это оказалось на деле, то кто в этом виноват? Главным образом сама буржуазия, которая, во-первых, слишком труслива, чтобы энергично защищать свои требования, и которая, во-вторых, сопротивляется всякой уступке, если только эта уступка дает в то же время новое оружие в руки угрожающего ей пролетариата. И если государственная власть, т. е. Бисмарк, пытается организовать себе собственный лейб-пролетариат, чтобы с его помощью держать в узде политическую деятельность буржуазии, то что же это, как не необходимое и хорошо известное бонапартистское средство, которое по отношению к рабочим не обязывает ни к чему, кроме нескольких благожелательных фраз и, в крайнем случае, минимальной государственной помощи строительным обществам à la Луи Бонапарт.

Самым лучшим показателем того, чего могут ждать рабочие от прусского государства, может служить употребление, сделанное из французских миллиардов, давших новую кратковременную отсрочку самостоятельности прусской государственной машины по отношению к обществу. Разве хоть один талер из этих миллиардов был употреблен на то, чтобы обеспечить кровом выброшенные на улицу семьи берлинских рабочих? Ничуть не бывало. С наступлением осени государство распорядилось снести даже те несколько жалких барачков, которые летом служили им единственным убежищем. Эти пять миллиардов довольно быстро уходят по проторенному пути на крепости, пушки и солдат; и вопреки Вагнеру из Глузова (Wagner von Dummerwitz), несмотря на штиберовские конференции с Австрией, немецким рабочим не будет уделено из этих миллиардов даже того, что уделил Луи Бонапарт французским из миллионов, украденных им у Франции.

---

* И теперь, в 1886 г., только страх перед пролетариатом, гигантски выросшим с 1872 г. как по численности, так и по классовому самосознанию, поддерживает и объединяет еще прусское государство и его основу — союз крупного землевладения с промышленным капиталом, союз, закрепленный покровительственными таможенными пошлинами. [Примечание Энгельса ко 2-му изданию 1887 года.]

III.

На самом деле у буржуазии есть только один метод решения жилищного вопроса на *свой* лад, а именно — решать его так, что решение каждый раз выдвигает вопрос заново. Этот метод называется «Оссман» (Hausmann).

Под словом «Оссман» я разумею здесь не только специфически бонапартистскую манеру парижского Оссмана прорезать длинные, прямые и широкие улицы сквозь тесно застроенные рабочие кварталы, обрамляя эти улицы по обеим сторонам большими роскошными зданиями; наряду со стратегической целью, — затруднить баррикадную борьбу, — при этом имелось в виду и образование зависящего от правительства специфически-бонапартистского строительного пролетариата, а также превращение города в город роскоши по преимуществу. Я разумею под словом «Оссман» ставшую общепринятой практику прорезывания рабочих кварталов, в особенности расположенных в центре наших крупных городов, что бы ни служило для этого поводом: общественная ли санитария или украшение, спрос ли на крупные торговые помещения в центре города или нужды сообщения, вроде прокладки железных дорог, улиц и т. п. Результат везде один и тот же, как бы ни были различны поводы: безобразнейшие переулки и закоулки исчезают при величайшем самохвальстве буржуазии по поводу этого огромного успеха, но... они тотчас же возникают где-либо в другом месте, часто даже в непосредственной близости.

В «Положении рабочего класса в Англии» я дал описание Манчестера, как он выглядел в 1843 — 1844 гг. С тех пор благодаря железным дорогам, которые проходят посреди города, благодаря прокладке новых улиц, постройке больших общественных и частных зданий, — некоторые из самых скверных описанных мною кварталов прорезаны, расчищены и улучшены, а другие совсем уничтожены, хотя еще многие из них, — несмотря на усилившийся с тех пор санитарно-полицейский надзор, — находятся все в том же или даже в еще худшем состоянии.

Но зато благодаря огромному расширению города, население которого с тех пор увеличилось более чем наполовину, те кварталы, которые в то время были еще просторны и чисты, теперь так же застроены, так же грязны и переполнены жителями, как некогда пользовавшиеся самой дурной славой части города. Приведу здесь только один пример. В моей книге, на стр. 80 и сл. ¹, я описал группу

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 354 и сл. Ред.

домов, расположенную в долине реки Медлок, которая под именем Малой Ирландии (Little Ireland) давно уже представляла собою позорное пятно Манчестера. Малая Ирландия давно исчезла; на ее месте, на высоком фундаменте, возвышается теперь вокзал; буржуазия горделиво указывала на благополучно законченное уничтожение Малой Ирландии как на великий триумф. Но вот прошлым летом происходит ужасное наводнение, так как вообще по вполне понятным причинам запруженные реки в наших больших городах производят из года в год все более сильные наводнения. Тут-то и обнаруживается, что Малая Ирландия вовсе не уничтожена, а только перенесена с южной стороны Оксфорд-Рода на северную сторону и процветает попрежнему. Вот что пишет об этом орган радикальных буржуа Манчестера, манчестерская «Weekly Times», от 20 июля 1872 года:

«Несчастье, постигшее в прошлую субботу жителей долины Медлок, повлечет за собой, надеемся, *одно* хорошее последствие: общественное внимание будет обращено на явное издевательство над всеми законами санитарии, которое так долго терпели там под носом у городских чиновников и городского санитарного комитета. Резкая статья во вчерашнем дневном выпуске нашей газеты еще недостаточно разоблачила позорное состояние некоторых подвальных помещений на Charles-street и Brook-street [Чарльзстрит и Брукстрит], застигнутых наводнением. Тщательное обследование одного из указанных в этой статье дворов дает нам право подтвердить все приведенные там данные и заявить, что подвальные помещения на этом дворе давно следовало бы закрыть; вернее, их никогда не следовало терпеть в качестве человеческого жилища. Squire's Court [двор Сквайра] состоит из семи или восьми жилых домов на углу Чарльзстрита и Брукстрита, над которыми, в самом низком месте Брукстрита, под железнодорожной аркой, может проходить пешеход изо дня в день, не подозревая, что в глубине под ним живут в норах человеческие существа. Двор, скрытый от постороннего взора, доступен лишь тем, кого нужда заставляет искать пристанища в его могильном заточении. Даже тогда, когда обычно стоячие, скованные плотинами воды Медлока не поднимаются выше своего обычного уровня, даже тогда пол этих жилищ едва лишь на каких-нибудь несколько дюймов выше поверхности воды; каждый сильный ливень в состоянии погнать вверх ствратительную загнившую воду из выгребных ям или сточных труб и отравить жилища ядовитыми газами — знак памяти, оставляемый после себя каждым наводнением... Squire's Court лежит еще ниже, чем нежилые подвалы домов, расположенных на Брукстрите... на двадцать футов ниже улицы, и зараженная вода, поднимавшаяся в субботу из выгребных ям, достигала до крыш. Мы знали это и ожидали поэтому найти двор необитаемым или же встретить там лишь служащих санитарного комитета, занятых очисткой и дезинфекцией вонючих стен. Вместо этого мы увидели человека, который в подвальном помещении одного цирюльника занимался... накладыванием лопатой на тачку кучи гнилой дряни, лежавшей в углу. Цирюльник, подвал которого был уже в известной мере выметен, послал нас еще дальше вниз, в ряд жилищ, о которых он сказал, что если бы он умел писать, то написал бы в газету и настаивал бы на их закрытии. Так мы достигли наконец Squire's Court,

где нашли красивую, здоровую на вид ирландку, пред которой лежала куча белья. Она и ее муж, ночной сторож на частной службе, прожили шесть лет в этом дворе, у них была большая семья... В доме, который они только что покинули, вода дошла до самой крыши, окна были разбиты, мебель превращена в щепки. По словам жильца, он мог избавиться в этом доме от невыносимого запаха лишь тем, что каждые два месяца белил стены известью... Во внутреннем дворе, куда нашему репортеру лишь теперь удалось проникнуть, он нашел три дома, задние стены которых примыкали к вышеописанным домам; в двух из них были жильцы. Вонь была там так ужасна, что самый здоровый человек через несколько минут должен был заболеть морской болезнью... В этой отвратительной дыре жила семья из семи лиц, которые в четверг вечером (день начала наводнения) все спали дома. Вернее, как поправила себя женщина, они не спали, так как ее и ее мужа большую часть ночи рвало от вони. В субботу они были вынуждены, по грудь в воде, выносить своих детей. Она тоже того мнения, что дыра эта не пригодна даже для свиньи, но ввиду дешевой платы — полтора шиллинга [около 75 коп.] в неделю, она сняла ее, так как муж ее в последнее время из-за болезни часто оставался без заработка. Этот двор и погребенные в нем, как в преждевременной могиле, жильцы производят впечатление самой крайней беспомощности. Мы должны, впрочем, сказать, что по нашим наблюдениям Squire's Court является только копией, — может быть, несколько увеличенной, — множества других помещений этого района, существование которых наш санитарный комитет ничем не сможет оправдать. И если будут допускать, чтобы эти помещения заселялись и дальше, то не приходится и говорить о всей тяжести той ответственности, которая падает на комитет, и той опасности заразных эпидемий, которые угрожают соседям».

Таков яркий пример того, как буржуазия решает жилищный вопрос на практике. Очаги заразы, позорнейшие норы и ямы, в которые капиталистический способ производства загоняет каждую ночь наших рабочих, — они не уничтожаются, они только... *перемещаются!* Та же экономическая необходимость, которая создала их в одном месте, создает их и в другом. И пока существует капиталистический способ производства, до тех пор глупо пытаться решать в отдельности жилищный или какой-либо другой общественный вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение состоит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении самим рабочим классом всех средств существования и средств труда.

ОТДЕЛ III.

ЕЩЕ РАЗ О ПРУДОНЕ И ЖИЛИЩНОМ ВОПРОСЕ.

I.

В № 86 «Volksstaat» А. Мюльбергер объявляет себя автором статей, разобранных мною в № 51 и следующих. В своем ответе он забрасывает меня такой массой упреков и до такой степени перепутывает при этом все точки зрения, о которых идет речь, что я волей-неволей должен на это ответить. Я попытаюсь своему возражению, — которое, к сожалению, должно большей частью касаться предуказанной мне Мюльбергером области личной полемики, — придать общий интерес тем, что еще раз и по возможности отчетливее, чем прежде, разовью самые важные положения, хотя бы мне снова грозили упреки Мюльбергера в том, что все это «в сущности не содержит ничего нового ни для него, ни для прочих читателей «Volksstaat»».

Мюльбергер жалуется на форму и содержание моей критики. Что касается формы, то достаточно будет возразить, что я в то время вовсе не знал, кому принадлежат разбираемые статьи. О личной «предвзятости» против автора не могло быть, следовательно, и речи; а против развернутого в этих статьях решения жилищного вопроса у меня, конечно, была «предвзятость» постольку, поскольку это решение было мне давно знакомо по Прудону, и мой взгляд на него был твердо установлен.

О «тоне» моей критики я не стану спорить с приятелем Мюльбергером. Когда участвуешь в движении столько времени, как я, то приобретаешь довольно толстую кожу по отношению к нападкам и потому предполагаешь наличие такой кожи и у других. Чтобы удовлетворить Мюльбергера, я попытаюсь на этот раз соразмерить свой «тон» с чувствительностью его эпидермиса (верхнего слоя кожи).

Мюльбергер особенно горько жалуется на то, что я обозвал его прудонистом, между тем как он вовсе не прудонист. Мне приходится, конечно, верить ему, но все-таки я приведу доказательства того, что данные статьи — а только о них и шла речь — представляют собою чистый прудонизм.

Но и Прудона, по мнению Мюльбергера, я критикую «легкомыслен-

но» и совершенно несправедливо: «Теория о мелком буржуа Прудоне стала у нас в Германии установившейся догмой, которую многие исповедуют, даже не прочитав ни одной строчки из его произведений». На мое сожаление о том, что рабочие, говорящие на романских языках, в течение 20 лет не имели никакой другой духовной пищи, кроме сочинений Прудона, Мюльбергер отвечает, что у романских рабочих «принципы, сформулированные Прудонем, почти повсюду образуют живую душу движения». С этим я не могу согласиться. Во-первых, «живая душа» рабочего движения нигде не заключается в «принципах», а везде — в развитии крупной промышленности и его последствиях: накоплении и концентрации капитала, с одной стороны, и пролетариата — с другой. Во-вторых, неверно, что так называемые прудоновские «принципы» играют у романских рабочих ту решающую роль, которую приписывает им Мюльбергер, что «принципы анархии, organisation des forces économiques [организации экономических сил], liquidation sociale [социальной ликвидации] и т. п. стали там... истинными носителями революционного движения». Если и не говорить уж об Испании и Италии, где прудонистские панцеи от всех зол приобрели кое-какое влияние лишь в еще более испорченном Бакуниным виде, всякому, кто знает международное рабочее движение, хорошо известен тот факт, что во Франции прудонисты образуют малочисленную секту, между тем как рабочие массы знать ничего не хотят о предложенном Прудонем плане общественных реформ, известном под названием liquidation sociale и organisation des forces économiques. Это сказалось, между прочим, при Коммуне. Хотя прудонисты были в ней сильно представлены, все же не сделано было ни малейшей попытки, на основе проектов Прудона, ликвидировать старое общество или организовать экономические силы. Напротив. К величайшей чести Коммуны, «живую душу» всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а... простая практическая потребность. Но потому-то эти мероприятия — отмена ночного труда пекарей, запрещение денежных штрафов на фабриках, конфискация закрытых фабрик и мастерских и предоставление их рабочим ассоциациям — соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу немецкого научного социализма. Единственное социальное мероприятие, проведенное прудонистами, — это отказ от конфискации Французского банка, что и было одной из причин гибели Коммуны. Точно так же и так называемые бланкисты, как только они сделали попытку из чисто политических революционеров превратиться в социалистическую рабочую фракцию с определенной программой, что выразилось в выпущенном в Лондоне бланкистами-

эмигрантами манифесте «Internationale et Révolution»¹, провозгласили не «принципы» прудоновского плана спасения общества, а (и притом почти буквально) воззрения немецкого научного социализма о необходимости политического действия пролетариата и его диктатуры, как перехода к отмене классов, а вместе с ними и государства, как было сказано об этом еще в «Коммунистическом манифесте» и с тех пор повторялось бесчисленное количество раз. И если Мюльбергер из неуважения немцев к Прудону делает вывод о недостаточном понимании ими романского движения, «вплоть до Парижской коммуны», то пусть бы он в доказательство этого непонимания назвал такое романское произведение, в котором хотя приблизительно так правильно была бы понята и изображена Коммуна, как в воззвании Генерального совета Интернационала о гражданской войне во Франции, написанном немцем Марксом.

Единственная страна, в которой рабочее движение находится под прямым влиянием прудоновских «принципов», это — Бельгия, и именно поэтому бельгийское движение, по выражению Гегеля, идет «от ничего через ничто к ничему».

Если я считаю несчастьем, что романские рабочие, прямо или косвенно, в течение двадцати лет духовно питались только Прудоном, то несчастье это я нахожу не в совершенно мифическом господстве прудоновского рецепта реформ, который Мюльбергер называет «принципами», а в том, что их экономическая критика существующего общества была заражена совершенно ложными прудоновскими взглядами, а их политическая деятельность была испорчена прудонистским влиянием. На вопрос же о том, кто «больше пребывает в революции», «прудонизированные романские рабочие» или же немецкие рабочие, которые во всяком случае бесконечно лучше понимают научный немецкий социализм, чем романцы своего Прудона, — на этот вопрос мы сможем ответить лишь тогда, когда будем знать, что это значит: «*пребывать* в революции». Говорили о людях, что они «*пребывают* в христианстве, в истинной вере, в милости божьей» и т. п. Но «*пребывать*» в революции, в насильственнейшем движении! Да разве «революция» — догматическая религия, в которую надо верить?

Далее Мюльбергер упрекает меня в том, что я, вопреки тому, что буквально сказано в его статье, утверждал, будто он объявляет жилищный вопрос исключительно рабочим вопросом.

На этот раз Мюльбергер действительно прав. Я пропустил соответствующее место. Пропустил непростительным образом, так как

¹ «Интернационал и революция» См. ст. «Эмигрантская литература», стр. 224 — 230 настоящего тома. *Ред.*

место это одно из наиболее характерных для всей тенденции его работы. Мюльбергер в самом деле говорит без обиняков:

«Так как нам часто и много раз бросали *смехотворный* упрек, будто мы ведем *классовую политику*, стремимся к *классовому господству* и т. п., то прежде всего мы решительно подчеркиваем, что жилищный вопрос касается вовсе не исключительно пролетариата, а, *напротив*, он в *высшей степени* интересует *собственно среднее сословие*, мелких ремесленников, мелкую буржуазию, всю бюрократию... Жилищный вопрос — это как раз тот пункт социальных реформ, который, повидимому, более, чем все другие, способен вскрыть *абсолютное внутреннее тождество интересов пролетариата*, с одной стороны, и *подлинно средних классов общества* — с другой. Средние классы страдают так же сильно, *пожалуй, даже сильнее*, чем пролетариат, от гнетущих оков наемного жилища... Собственно средние классы общества стоят теперь перед вопросом, найдут ли они в себе... достаточно сил... чтобы в союзе с полной юношеских сил и энергии рабочей партией принять участие в процессе преобразования общества, преобразования, *благодетельные результаты которого принесут пользу прежде всего им*».

Итак, приятель Мюльбергер констатирует здесь следующее:

1) «Мы» не ведем «классовой политики» и не стремимся к «классовому господству». Между тем, германская социал-демократическая рабочая партия, именно *потому*, что она *рабочая партия*, необходимым образом ведет «классовую политику», политику рабочего класса. Так как всякая политическая партия стремится достичь господства в государстве, то, следовательно, германская социал-демократическая рабочая партия неизбежно добивается *своего* господства, господства рабочего класса, т. е. «классового господства». Впрочем, *всякая* действительно-пролетарская партия, начиная с английских чартистов, всегда выставляла первым условием классовую политику, организацию пролетариата в самостоятельную политическую партию, а ближайшей целью борьбы — диктатуру пролетариата. Сбывая это «смехотворным», Мюльбергер ставит себя вне пролетарского движения, в ряды мелкобуржуазного социализма.

2) Жилищный вопрос имеет то преимущество, что он не представляет собой исключительно рабочего вопроса, а «в высшей степени интересует» мелкую буржуазию, так как «собственно средние классы так же сильно, *пожалуй, даже сильнее*» страдают от жилищной нужды, чем пролетариат. Кто заявляет, что мелкая буржуазия, хотя бы в одном только отношении, страдает, «*пожалуй, даже сильнее*, чем пролетариат», тот уж никак не может жаловаться, что его причисляют к мелкобуржуазным социалистам. Итак, есть ли у Мюльбергера основание для недовольства, когда я говорю:

«Как раз этими-то страданиями, общими у рабочего класса с другими классами, в особенности с мелкой буржуазией, преиму-

щественно и занимается мелко-буржуазный социализм, к которому принадлежит и Прудон. И вовсе не случайно то обстоятельство, что наш немецкий прудонист берется прежде всего за жилищный вопрос, который, как мы видели, никоим образом не является исключительно рабочим вопросом».

3) Между интересами «собственно средних классов общества» и интересами пролетариата существует «абсолютное внутреннее тождество», и не пролетариату, а именно этим собственно средним классам в первую очередь принесут пользу «благодетельные результаты» предстоящего процесса преобразования общества.

Таким образом, рабочие совершат предстоящую социальную революцию «прежде всего» в интересах мелких буржуа. И далее, существует абсолютное внутреннее тождество между интересами мелких буржуа и интересами пролетариата. Если интересы мелких буржуа внутренне тождественны с интересами рабочих, то и интересы рабочих тождественны с интересами мелких буржуа. Следовательно, мелкобуржуазная точка зрения в движении так же правомерна, как и пролетарская. А утверждение такого равноправия и есть то, что называют мелкобуржуазным социализмом.

Поэтому вполне последовательно со стороны Мюльбергера, что он на стр. 25 своей брошюры чествует «мелкое производство» как «подлинный *оплот* общества», «так как оно по самой своей природе соединяет в себе три фактора: труд — приобретение — владение, и так как соединением этих трех факторов оно не ставит никаких преград способности индивида к развитию»; и что он особенно упрекает современную промышленность за то, что она уничтожает этот рассадник нормальных людей и «сделала из полного жизненных сил, постоянно себя воспроизводящего *класса* бессознательную *кучу* людей, не знающую, куда ей обратить свой боязливый взор». Итак, мелкий буржуа для Мюльбергера — образец человека, а мелкое ремесло для Мюльбергера — образцовый способ производства. Разве же я оклеветал его, причислив его к мелкобуржуазным социалистам?

Так как Мюльбергер отклоняет от себя всякую ответственность за Прудона, то было бы излишне показывать здесь дальше, что прудоновские планы реформы имеют целью превращение всех членов общества в мелких буржуа и мелких крестьян. Так же излишне было бы останавливаться на мнимом тождестве интересов мелких буржуа с интересами рабочих. Все необходимое уже сказано в «Коммунистическом манифесте» (лейпцигское издание 1872 г., стр. 12 и 21¹).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 493 и 504 — 505. Ред.

Итак, результат нашего исследования сводится к тому, что рядом со «сказкой о мелком буржуа Прудоне» выступает быль о мелком буржуа Мюльбергере.

II.

Переходим теперь к главному пункту. Я упрекнул статьи Мюльбергера в том, что в них экономические отношения искажаются на манер Прудона переводом на юридический способ выражения. В качестве примера я взял следующее положение Мюльбергера:

«Раз дом уже построен, он служит *вечным юридическим основанием* для получения определенной доли общественного труда, хотя бы действительная стоимость дома была в более чем достаточной мере давно уже выплачена владельцу в форме квартирной платы. *Так получается*, что дом, выстроенный, например, 50 лет тому назад, покрывает за это время первоначальные издержки доходом от арендных платежей 2, 3, 5, 10 и т. д. раз».

Мюльбергер жалуется на это следующим образом:

«Это *простое, трезвое констатирование факта* дает Энгельсу повод делать мне внушение о том, что мне следовало бы объяснить, *каким образом* дом становится «юридическим основанием», — что совершенно не входило в круг моих задач... Одно дело — *изображение*, другое дело — *объяснение*. Если я говорю вслед за Прудонем, что экономическая жизнь общества должна быть проникнута *правовой идеей*, то я тем самым *изображаю* современное общество как такое, в котором отсутствует если не всякая правовая идея, то *правовая идея революции*, — факт, с которым согласится сам Энгельс».

Прежде всего остановимся на уж раз построенном доме. Дом, сданный в наем, приносит своему застройщику в виде наемной платы земельную ренту, издержки ремонта и процент на затраченный им строительный капитал, включая и прибыль с него¹; постепенно уплачиваемая наемная плата, смотря по обстоятельствам, может составить сумму в два, три, пять, десять раз превышающую первоначальные издержки. Это, дружище Мюльбергер, есть «простое трезвое констатирование» «факта», который имеет *экономический* характер; и если мы хотим знать, как же это «так получается», что факт этот существует, то мы должны производить исследование в экономической области. Рассмотрим же этот факт поближе, так, чтобы он стал понятен каждому ребенку. Продажа товара состоит, как известно, в том, что владелец отдает его потребительную стоимость и получает его меновую стоимость. Потребительные стоимости товаров различаются друг от друга, между прочим, и тем, что их потреб-

¹ В 1-м издании вместо этого было напечатано: «... издержки ремонта и прибыль на затраченный им строительный капитал». *Ред.*

ление требует различных промежутков времени. Каравай хлеба съедается в один день, пара брюк изнашивается в один год, дом, скажем, — в сто лет. По отношению к товарам с продолжительным периодом изнашивания представляется, стало быть, возможность продавать их потребительную стоимость по частям, каждый раз на определенный срок, т. е. *отдавать ее в наем*. Продажа по частям реализует, следовательно, меновую стоимость лишь постепенно; за этот отказ от немедленной выплаты затраченного капитала и полагающейся с него прибыли продавец вознаграждается надбавкой к цене, выплатой процентов, высота которых определяется отнюдь не произвольно, а законами политической экономии. По истечении ста лет дом потреплен, изношен, негоден для жилья. Если мы после этого вычтем из всей уплаченной суммы наемной платы: 1) земельную ренту вместе с некоторым повышением, которое она испытала за это время, 2) издержки, затраченные на текущий ремонт, — то мы найдем, что остаток в среднем составляет: 1) из первоначального строительного капитала дома, 2) из прибыли с него и 3) из процентов на постепенно погашенный капитал и на прибыль¹. Правда, по истечении этого времени у нанимателя нет дома, но нет его и у владельца. У последнего есть лишь участок земли (если он принадлежит именно ему) и находящиеся на нем строительные материалы, которые, однако, уже перестали быть домом. И если дом тем временем «покрыл первоначальные издержки 5 или 10 раз», то мы увидим, что это произошло исключительно вследствие роста земельной ренты; это очевидно для каждого в таких местах, как Лондон, где землевладелец и домовладелец — большей частью два разных лица. Подобный колоссальный рост наемной платы происходит в быстро растущих городах², но отнюдь не где-нибудь в деревне, где земельная рента со строительных участков остается почти неизменной. Общеизвестно, что за вычетом повышений земельной ренты квартирная плата в среднем приносит домовладельцу ежегодно не свыше 7% вложенного капитала (включая прибыль), причём из этой суммы нужно еще покрывать издержки ремонта и т. п. Словом, договор о найме — это самая обыкновенная товарная сделка, представляющая для рабочего теоретически не больший и не меньший интерес, чем всякая другая товарная сделка, за исключением той, где дело идет о купле-продаже рабочей силы; практически же этот договор о найме выступает перед ним как одна из тысяч форм буржуазного надувательства, о которых я говорю на

¹ Слова «и на прибыль» добавлены Энгельсом во 2-м издании. *Ред.*

² В 1-м издании: «в быстро растущих крупных городах». *Ред.*

стр. 4 отдельного оттиска¹ и которая, как я там указал, тоже подвержена известному экономическому регулированию.

Мюльбергер, напротив, не видит в договоре о найме ничего, кроме чистого «произвола» (стр. 19 отдельного оттиска), а когда я доказываю ему обратное, — он жалуется, что я говорю ему «сплошь такие вещи, которые, к сожалению, он сам уже знал».

Однако, никакие экономические исследования о квартирной плате не приведут нас к тому, чтобы превратить отмену сдачи квартир в наем в «одно из плодотворнейших и величайших стремлений, возникших в недрах революционной идеи». Чтобы добиться этого, нам нужно перевести этот простой факт из области трезвой экономии в гораздо более идеологическую область юриспруденции. «Дом служит вечным юридическим основанием» арендной платы; — *«так получается»*, что стоимость дома может быть оплачена наемной платой 2, 3, 5 и 10 раз. При изучении того, как же это «так получается», «юридическое основание» не сдвинет нас с места ни на один дюйм; потому-то я и говорил, что только путем исследования того, каким образом дом становится юридическим основанием, мог бы Мюльбергер узнать, *как* это «так получается». Мы узнаем это лишь тогда, когда исследуем, как я и сделал, *экономическую* природу квартирной платы, вместо того, чтобы возмущаться тем юридическим выражением, в котором санкционирует ее господствующий класс. Кто предлагает экономические меры для отмены квартирной платы, тот обязан ведь знать о квартирной плате побольше того, что она «представляет собою дань, которую наниматель оплачивает вечное право капитала».

На это Мюльбергер отвечает: «Одно дело — изображение, другое дело — объяснение».

Итак, стало быть, дом, хотя он отнюдь не вечен, превращен в вечное юридическое основание квартирной платы. Безразлично, как это «так получается», но мы обнаруживаем, что в силу этого юридического основания дом приносит в виде квартирной платы доход, во много раз превышающий его стоимость. Благодаря переводу на юридический язык мы благополучно удалились от экономии так далеко, что нам видно лишь то явление, что валовая сумма арендной платы мало-по-малу может многократно оплатить стоимость дома. Так как мы мыслим и говорим юридически, то и к этому явлению мы прилагаем масштаб права, справедливости, и находим, что явление это *несправедливо*, что оно не соответствует «правовой идее

¹ См. стр. 6 настоящего тома. *Ред.*

революции», — что бы эта штука ни означала, — и что поэтому юридическое основание никуда не годится. Далее мы обнаруживаем, что то же самое относится и к приносящему проценты капиталу и к сданной в аренду пахотной земле, и это дает нам повод выделить и эти разряды собственности из других и подвергнуть их особому рассмотрению. Последнее приводит к требованию: 1) лишить собственника права отказа от договора, права востребования своей собственности, 2) передать безвозмездно нанимателю, должнику или арендатору пользование сданным ему, но ему не принадлежащим предметом и 3) выплатить собственнику его достояние мелкими долями без процентов. Этим мы и исчерпали прудоновские «принципы» в этой области. Это и есть прудоновская «общественная ликвидация».

Кстати, совершенно ясно, что весь этот план реформ должен пойти на пользу почти исключительно мелким буржуа и мелким крестьянам, *закрепляя* их положение как мелких буржуа и мелких крестьян. Легендарный, по Мюльбергеру, образ «мелкого буржуа Прудона», таким образом, приобретает здесь вдруг весьма осязательную историческую реальность.

Мюльбергер продолжает:

«Если я говорю вслед за Прудоном, что экономическая жизнь общества должна бы быть проникнута *правовой идеей*, то я тем самым *изображаю* нынешнее общество, как такое, в котором отсутствует если не всякая правовая идея, то правовая идея революции, — факт, с которым согласится сам Энгельс».

К сожалению, я лишен возможности доставить Мюльбергеру это удовольствие. Мюльбергер выставляет требование, что общество *должно* быть проникнуто правовой идеей, и называет это изображением. Если суд посылает мне через судебного исполнителя требование уплатить долг, то, по Мюльбергеру, суд не совершает ничего иного, как только *изображает* меня человеком, не платящим своих долгов. Одно дело — изображение, другое дело — требование. В этом именно и состоит главное отличие немецкого научного социализма от Прудона. Мы изображаем, — а всякое истинное изображение, вопреки Мюльбергеру, есть в то же время объяснение предмета, — мы изображаем экономические отношения, как они существуют и как они развиваются, и доказываем строго экономически, что это их развитие есть в то же время развитие элементов социальной революции: развитие, с одной стороны, пролетариата, класса, условия жизни которого неизбежно влекут его к социальной революции, а с другой стороны — производительных сил, которые, перерастая рамки капиталистического общества, должны неизбежно взорвать его и которые в то же время представляют средство для устранения раз навсегда классовых

различий в интересах самого общественного прогресса. Прудон, наоборот, предъявляет современному обществу требование преобразоваться не по законам своего собственного экономического развития, а по предписаниям справедливости («правовая идея» принадлежит не ему, а Мюльбергеру). Там, где мы доказываем, там Прудон, а за ним и Мюльбергер *проповедуют* и плачутся.

Что это за штука «правовая идея революции», — я абсолютно не в состоянии разгадать. Правда, Прудон превращает «Революцию» в своего рода богиню, олицетворяющую и осуществляющую его «справедливость»; при этом он впадает в странное заблуждение, сваливая в одну кучу буржуазную революцию 1789 — 1794 гг. и грядущую пролетарскую революцию. Он проделывает это почти во всех своих произведениях, особенно после 1848 г.; в качестве примера я приведу хотя бы только «*Idée générale de la Révolution*» [«Общая идея революции»], éd. 1868, p. 39 — 40. Но так как Мюльбергер снимает с себя всякую ответственность за Прудона, то мне запрещено обращаться к Прудону за объяснением «правовой идеи революции», и я продолжаю пребывать во тьме египетской.

Далее Мюльбергер говорит:

«Но ни Прудон, ни я не апеллируем к «вечной справедливости» для объяснения существующих несправедливых условий, ни, тем менее, как приписывает мне Энгельс, не ждем улучшения этих условий от апелляции к этой справедливости».

Мюльбергер, должно быть, полагается на то, что «Прудон почти вовсе неизвестен в Германии». Во всех своих сочинениях Прудон измеряет все общественные, правовые, политические, религиозные положения ¹ масштабом «справедливости», отвергая их или признавая в зависимости от того, согласуются ли они или не согласуются с тем, что он называет «справедливостью». В «*Contradictions économiques*» [«Экономических противоречиях»] эта справедливость называется еще «вечной справедливостью», *justice éternelle*. Впоследствии о вечности умалчивается, но по существу она сохраняется. Например, в «*De la Justice dans la Révolution et dans l'Eglise*» [«О справедливости в революции и в церкви»], изд. 1858 г., следующий отрывок выражает содержание всей этой трехтомной проповеди (том I, стр. 42):

«Каков основной принцип, органический, управляющий, суверенный принцип обществ, принцип, который, подчиняя себе все остальные, правит, защищает,

¹ В 1-м издании это место формулировано так: «все общественные, правовые, политические условия, все теоретические, философские, религиозные положения». *Ред.*

оттесняет, карает, в случае нужды даже подавляет все мятежные элементы? Что это? — религия, идеал, *интерес*?.. Этим принципом, на мой взгляд, является *справедливость*. — Что такое справедливость? *Сущность самого человечества*. — Чем была она со времени возникновения мира? Ничем. — Чем она должна стать? Всем».

Справедливость, которая составляет сущность самого человечества, — что же это другое, если не *вечная* справедливость? Справедливость, которая является основным, органическим, управляющим, суверенным принципом обществ, справедливость, которая, несмотря на это, до сих пор была ничем, но должна стать всем, — что же это, если не масштаб, которым должны измеряться все дела человеческие, к которому, как к высшему судье, надо апеллировать при всяком затруднительном случае? А разве я утверждал что-либо другое, кроме того, что Прудон прикрывает свое экономическое невежество и свою беспомощность тем, что судит об экономических отношениях не по экономическим законам, а сообразно с тем, согласуются или не согласуются они с его представлением об этой вечной справедливости? И чем же Мюльбергер отличается от Прудона, требуя, чтобы «все изменения в жизни современного общества... были проникнуты *правовой идеей*, т. е. проводились везде сообразно *строгим требованиям справедливости*»? Или я не умею читать? или Мюльбергер писать не умеет?

Далее Мюльбергер говорит:

«Прудон знает не хуже Маркса и Энгельса, что подлинным двигателем человеческого общества служат экономические, а не юридические отношения, он знает также, что правовые идеи народа в каждую данную эпоху являются лишь выражением, отражением, продуктом экономических, в особенности производственных, отношений... Одним словом, право для Прудона есть исторически развившийся экономический продукт».

Если Прудон все это (я оставляю в стороне неясный способ выражения Мюльбергера и довольствуюсь его благими намерениями) «знает не хуже Маркса и Энгельса», — о чем же нам тогда спорить? Но в том-то и дело, что насчет знаний Прудона вопрос стоит несколько иначе. Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*. А Прудон в только что цитированном главном своем произведении пишет черным по белому, что «основной управляющий, органический, суверенный принцип обществ, подчиняющий себе все остальные» принципы, это — не *интерес*, а *справедливость*. И он повторяет то же самое во всех своих сочинениях во всех решающих местах. Все это не мешает Мюльбергеру продолжать:

«...идея экономического права, глубже всего развитая Прудоном в «La Guerre et la Paix» [«Война и мир»], вполне совпадает с теми основными мыслями

Лассалья, которые так хорошо изложены в его предисловии к «Системе приобретенных прав».

«La Guerre et la Paix» — пожалуй, самое ученическое из многочисленных ученических произведений Прудона, и я никак не мог ожидать, что оно будет приведено в доказательство мнимого усвоения Прудоном немецкого материалистического понимания истории, объясняющего все исторические события и представления, всю политику, философию, религию материальными экономическими условиями жизни данного исторического периода. Эта книга так мало материалистична, что даже свое понимание войны не может дать, не призывая на помощь *творца*:

«Между тем творец, избравший для нас этот образ жизни, имел свои цели» (т. II, стр. 100, изд. 1869 г.).

На каких исторических познаниях покоится эта книга, видно из того, что в ней выражена вера в историческое существование золотого века:

«Вначале, когда человечество было еще редко рассеяно по земному шару, природа без труда удовлетворяла потребности человека. Это был золотой век, век изобилия и покоя» (там же, стр. 102).

Экономическая позиция Прудона представляет собою позицию самого грубого мальтузианства:

«Если удваивается производство, то тотчас же удвоится и население» (стр. 105).

В чем же тогда состоит материализм этой книги? В том, что в ней утверждалось, будто причиной войны всегда был и поныне остается «пауперизм» (например, стр. 143). Дядюшка Брезиг был таким же ловким материалистом, когда в своей речи в 1848 г. изрек великие слова: «Причиной великой нищеты является великая раувтетé» [бедность].

На всей «Системе приобретенных прав» Лассалья лежит отпечаток иллюзий не только юриста, но и старо-гегельянца. На стр. VII Лассаль определенно заявляет, что и в «экономическом отношении понятие приобретенного права представляет собою исходный пункт, приводящий в движение все дальнейшее развитие»; он хочет показать (стр. IX), что «право есть разумный, из самого себя (значит, не из экономических предпосылок) развивающийся организм»; для него задача состоит в том, чтобы вывести право не из экономических отношений, а «из самого понятия воли, развитием и отображением которого только и является философия права» (стр. X). Но при чем же здесь эта книга? Различие между Прудоном и Лассалем состоит

лишь в том, что Лассаль был действительно юристом и гегельянцем, а Прудон и в юриспруденции, и в философии, как и во всем прочем, был всего только дилетантом.

Что Прудон, который, как известно, постоянно сам себе противоречит, подчас делает кое-где и такие замечания, которые как будто обнаруживают стремление объяснять идеи исходя из фактов, — это я отлично знаю. Однако подобные отдельные замечания находятся вне всякой связи с основным направлением его мысли, а там, где они встречаются, они к тому же в высшей степени путаны и противоречивы.

На известной, весьма низкой ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов, позаботиться о том, чтобы индивидуум подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом*. Вместе с законом необходимо возникают и органы, которым поручается его соблюдение, — публичная власть, государство. В ходе дальнейшего общественного развития закон разрастается в более или менее обширное законодательство. Чем сложнее становится это законодательство, тем более отличается способ его выражения от того способа, в котором выражаются обычные экономические условия жизни общества. Законодательство представляется как бы самодовлеющим элементом, который находит оправдание своего существования и обоснование своего дальнейшего развития не в экономических отношениях, а в собственных внутренних основах, хотя бы, скажем, в «понятии воли». Люди забывают о происхождении их права из экономических условий их жизни, подобно тому как они забыли о своем собственном происхождении из животного царства. С дальнейшим развитием законодательства в сложное, объемистое целое выступает необходимость в новом общественном разделении труда: образуется сословие профессиональных правоведов, а вместе с ними возникает и наука права. Последняя в дальнейшем своем развитии сравнивает друг с другом правовые системы различных народов и различных эпох не как отражения соответствующих экономических отношений, а как системы, заключающие свое обоснование в самих себе. Сравнение предполагает нечто общее: это общее обнаруживается в том, что все, более или менее одинаковое во всех этих правовых системах, юристы соединяют под именем *естественного права*. А масштабом, которым измеряется, что относится к естественному праву и что к нему не относится, служит абстрактнейшее выражение самого права — *спра-*

ведливость. Отныне, таким образом, в глазах юристов и тех, кто верит им на слово, развитие права состоит лишь в стремлении все более и более приближать условия человеческой жизни, поскольку они находят юридическое выражение, к идеалу справедливости, к *вечной* справедливости. А эта справедливость всегда представляет собою лишь идеологизированное, вознесенное в небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны. Справедливость греков и римлян находила справедливым рабство; справедливость буржуа 1789 г. требовала устранения феодализма, ибо он несправедлив. Для прусских юнкеров даже жалкий закон об округах является нарушением вечной справедливости. Представление о вечной справедливости изменяется, таким образом, не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у различных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под которыми, как правильно замечает Мюльбергер, «каждый понимает нечто другое». Если в обыденной жизни, при простоте отношений, с которыми там приходится иметь дело, такими выражениями, как справедливо, несправедливо, справедливость, чувство права, пользуются даже по отношению к общественным явлениям без особых недоразумений, то в научных исследованиях экономических отношений, как мы видели, выражения эти приводят к такой же беспросветной путанице, какая возникла бы, например, в современной химии, если бы там попытались сохранить терминологию теории флогистона. Еще хуже бывает эта путаница, когда верят, подобно Прудону, в социальный флогистон, в «справедливость», или же когда уверяют, подобно Мюльбергеру, что теория флогистона не менее правильна, чем теория кислорода *.

III.

Мюльбергер жалуется далее на то, что я называю реакционной иеремиадой его «напыщенные» излияния по поводу того, что «нет более ужасной насмешки над всей культурой нашего прославленного

* До открытия кислорода химики объясняли горение тел в атмосферном воздухе допущением особого горючего вещества, флогистона, улетучивающегося при горении. Так как они нашли, что сгоревшие простые тела по сгорании имеют больший вес, чем прежде, то они объявили, что флогистон имеет отрицательный вес, так что тело без своего флогистона весит больше, чем с ним. Таким образом, флогистону постепенно приписали все важнейшие свойства кислорода, но все — в *обратном смысле*. Открытие того, что горение состоит в соединении горящих тел с другим телом, кислородом, и получение этого кислорода положило — после долгого, однако, сопротивления со стороны старых химиков — конец этому допущению.

века, чем тот факт, что в крупных городах 90 и более процентов населения не имеют пристанища, которое они могли бы назвать своим собственным». В самом деле, если бы Мюльбергер ограничился, как он это сам оговаривает, изображением «ужасов современности», то я, разумеется, не сказал бы ни одного худого слова «о нем и о его скромных писаниях». Но он делает нечто совершенно другое. Он изображает эти «ужасы» *следствием* того, что рабочие «не имеют пристанища, которое они могли бы назвать своим собственным». Жалуются ли на «ужасы современности» оттого, что отменено право собственности рабочего на его жилище, или, как это делают юнкера, оттого, что отменен феодализм и цехи, — в обоих случаях не может получиться ничего, кроме реакционной иеремиады, скорбной песни о вторжении неизбежного, исторически необходимого. Реакционность состоит именно в том, что Мюльбергер хочет восстановить индивидуальную собственность рабочего на жилище — дело, с которым история давным-давно покончила; в том, что он не может иначе представить себе освобождение рабочих, как только в виде превращения каждого вновь в собственника своего жилища. — Далее:

«Я утверждаю самым решительным образом: борьба идет собственно против капиталистического способа производства, и только *исходя из его преобразования* можно ожидать улучшения жилищных условий. Энгельс ничего этого не замечает... Я предполагаю полное решение социального вопроса, прежде чем приступить к выкупу наемных жилищ».

К сожалению, я и теперь еще ничего этого не замечаю. Не могу же я знать, что предполагает в потаенном уголке своего мозга некто, даже имени которого я не знал. Я могу придерживаться только печатных статей Мюльбергера. А там я и теперь еще нахожу (на стр. 15 и 16 отдельного оттиска), что в качестве предпосылки для отмены наемного жилища Мюльбергер не предполагает ничего, кроме... самого наемного жилища. Лишь на стр. 17 он берет «производительность капитала за рога», к чему мы еще вернемся. И даже в своем ответе он это подтверждает, говоря:

«Дело шло скорее о том, чтобы показать, как *исходя из существующих условий* могло бы быть произведено полное преобразование в области жилищного вопроса».

«Исходя из существующих условий» и «исходя из преобразования (что должно бы означать: уничтожения) капиталистического способа производства» — ведь это понятия совершенно противоположные.

Не удивительно, что Мюльбергер сетует на то, что в филантропических стремлениях г. Дольфуса и других фабрикантов помочь рабочим обзавестись собственным домом я вижу единственно воз-

можное практическое осуществление его прудонистских проектов. Если бы Мюльбергер понял, что прудоновский план спасения общества есть фантазия, всецело остающаяся на почве *буржуазного* общества, то он, разумеется, не уверовал бы в этот план. Да я никогда и нигде и не сомневался в его благих намерениях. Но почему же в таком случае восхваляет он д-ра Решауэра за то, что последний предлагает венскому городскому управлению подражать проектам г. Дольфуса?

Далее Мюльбергер заявляет:

«Что касается в частности противоположности между городом и деревней, то стремление уничтожить ее относится к области утопий. Противоположность эта — естественная, вернее говоря, исторически возникшая... Дело не в том, чтобы *уничтожить* эту противоположность, а в том, чтобы найти такие политические и социальные формы, в которых она была бы *безвредна*, даже *плодотворна*. Таким путем можно достигнуть мирного соглашения, постепенного уравнивания интересов».

Итак, уничтожение противоположности между городом и деревней — утопия, *потому что* эта противоположность — естественная, вернее говоря, исторически возникшая. Применим эту логику к другим противоположностям современного общества и посмотрим, куда это нас приведет. Например:

«Что касается в частности противоположности между «капиталистами и наемными рабочими», то стремление уничтожить ее относится к области утопий. Противоположность эта — естественная, вернее говоря, исторически возникшая. Дело не в том, чтобы *уничтожить* эту противоположность, а в том, чтобы найти такие политические и социальные формы, в которых она была бы *безвредна* и даже *плодотворна*. Таким путем можно достигнуть мирного соглашения, постепенного уравнивания интересов».

Тем самым мы опять пришли к Шульце-Деличу.

Уничтожение противоположности между городом и деревней не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Оно с каждым днем все более становится практическим требованием как индустриального, так и сельскохозяйственного производства. Никто не требовал этого настоятельнее, чем Либиг в своих сочинениях по земледельческой химии, где он всегда выдвигал первым требованием, чтобы человек возвращал земле то, что он от нее получает, и где доказывается, что этому препятствует существование городов, в особенности крупных городов. Когда видишь, как здесь, в одном только Лондоне, изо дня в день, с затратой огромных средств

выбрасывается... в море бóльшая масса навозу, чем производится во всем королевстве Саксонии, и когда видишь, какие колоссальные сооружения необходимы для того, чтобы этот навоз не отравил весь Лондон, — то утопия об уничтожении противоположности между городом и деревней приобретает замечательно практическое основание. Даже относительно небольшой Берлин уже по крайней мере тридцать лет задыхается в своих собственных нечистотах. С другой стороны, было бы чистойшей утопией желать, подобно Прудону, низвергнуть современное буржуазное общество, сохраняя крестьянина как такового. Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь индустриального и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения, — конечно, при условии уничтожения капиталистического способа производства, — в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий. Утверждение о том, что освобождение людей от цепей, выкованных их историческим прошлым, будет полным лишь тогда, когда будет уничтожена противоположность между городом и деревней, — такое утверждение вовсе не является утопией; утопия возникает лишь тогда, когда пытаются, «исходя из существующих отношений», предугадать *форму*, в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу. А это и делает Мюльбергер, принимая прудоновскую формулу решения жилищного вопроса.

Далее Мюльбергер жалуется, что я в известной степени считаю и его ответственным за «чудовищные воззрения Прудона на капитал и процент», и заявляет:

«Изменение производственных отношений я предполагаю *как данное уже заранее*, а переходный закон, регулирующий норму процента, имеет дело не с производственными отношениями, а с общественным оборотом, с отношениями обращения... Изменение производственных отношений или, как точнее формулирует немецкая школа, уничтожение капиталистического способа производства происходит, конечно, не вследствие переходного закона, упраздняющего процент, как *приписывает* мне это Энгельс, а вследствие *фактического* овладения всеми орудиями труда, всей промышленностью со стороны трудящегося народа. Будет ли при этом трудящийся народ поклонником (!) выкупа или же немедленной экспроприации, — этого не решить ни Энгельсу, ни мне».

Я с изумлением протираю глаза. Я снова перечитываю сочинение Мюльбергера от начала до конца, чтобы отыскать то место, где он заявляет, что его выкуп наемных жилищ заранее предполагает «фактическое овладение всеми орудиями труда, всей промышлен-

ностью со стороны трудящегося народа». Этого места я не нахожу. Его не существует. О «фактическом овладении» и т. д. нигде нет речи. Зато на стр. 17 сказано:

«Предположим, что производительность капитала, — что рано или поздно должно случиться, — действительно взята за рога, например посредством переходного закона, твердо устанавливающего размер процента со всех капиталов в один процент, притом с тенденцией постепенно приблизить и этот размер процента к нулю... Разумеется, и дом и квартира, подобно всем другим продуктам, подлежат действию этого закона... Мы видим, таким образом, что и с этой стороны выкуп наемных квартир является необходимым следствием уничтожения производительности капитала вообще».

В полную противоположность новейшему повороту Мюльбергера здесь, стало быть, сказано без обиняков, что производительность капитала, — а под этой путаной фразой он заведомо разумеет капиталистический способ производства, — в самом деле «была бы взята за рога» посредством закона об отмене процента и что именно в результате этого закона «выкуп наемных жилищ является необходимым следствием уничтожения производительности капитала вообще». Теперь Мюльбергер говорит, что это вовсе не так. Этот переходный закон имеет «дело не с производственными отношениями, а с отношениями обращения». При таком полнейшем противоречии, которое, по выражению Гете, «одинаково таинственно для мудрецов и для глупцов», мне остается только предположить, что я имею дело с двумя различными Мюльбергерами, из которых один справедливо жалуется, что я «приписываю» ему то, что напечатал другой.

Что трудящийся народ не станет спрашивать ни меня, ни Мюльбергера, будет ли он при фактическом овладении «поклонником выкупа или же немедленной экспроприации», — это совершенно верно. В высшей степени вероятно, что он вообще предпочтет не быть «поклонником». Но ведь о фактическом овладении всеми орудиями труда трудящимся народом вовсе не было речи; речь шла только об утверждении Мюльбергера (стр. 17), что «все содержание решения жилищного вопроса дано в слове *выкуп*». Если теперь он признает этот выкуп крайне сомнительным, — зачем же тогда напрасно утруждать и нас обоих, и читателей?

Впрочем, необходимо констатировать, что «фактическое овладение» всеми орудиями труда, всей промышленностью со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем *отдельный рабочий* становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ», который едва ли станет

предоставлять, по крайней мере в переходное время, пользование ими отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение земельной собственности есть не уничтожение земельной ренты, а передача ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Следовательно, фактическое овладение всеми орудиями труда трудящимся народом никоим образом не исключает сохранения отношений найма.

Вообще дело вовсе не в том, захватит ли пролетариат, достигнув власти, орудия производства, сырые материалы и средства существования путем простого насилия, заплатит ли он тотчас же вознаграждение за это или выкупит постепенно эту собственность небольшими частичными платежами. Попытаться отвечать на этот вопрос заранее и относительно всех возможных случаев — значило бы фабриковать утопии, а это я предоставляю делать другим.

IV.

Вот сколько пришлось исписать бумаги, чтобы сквозь чащу огороков и уверток Мюльбергера добраться, наконец, до самой сути дела, которой Мюльбергер в своем ответе старательно избегает касаться.

Что положительного сказал Мюльбергер в своей статье?

Во-первых, — что «разница между первоначальными издержками на дом, строительный участок и т. д. и его теперешней стоимостью» по праву принадлежит обществу. Эта разница называется на экономическом языке земельной рентой. Прудон тоже хочет передать ее обществу, как можно прочесть в его «*Idée générale de la Révolution*», изд. 1868 г., стр. 219.

Во-вторых, — что решение жилищного вопроса состоит в том, что каждый квартиронаниматель становится собственником своей квартиры.

В-третьих, — что это решение проводится в жизнь посредством закона, превращающего платежи по найму в платежи по покрытию покупной цены жилища. — Оба эти пункта, второй и третий, заимствованы у Прудона, как всякий может убедиться в «*Idée générale de la Révolution*», стр. 199 и сл., а на стр. 203 там даже имеется в готовой редакции соответствующий проект закона.

В-четвертых, — что производительность капитала берут за рога посредством переходного закона, согласно которому норма процента снижается сперва до 1%, имея в виду затем дальнейшее понижение. Это точно так же заимствовано у Прудона, о чем подробно можно прочесть в «*Idée générale*», стр. 182 — 186.

По каждому из этих пунктов я цитировал то место у Прудона, где находится оригинал мюльбергерской копии, и вот я спрашиваю, был ли я или не был в праве назвать прудонистом автора насквозь прудонистской статьи, не содержащей ничего, кроме прудонистских воззрений? И все же Мюльбергер ни на что так горько не жалуется, как на то, что я его так называю, называю будто бы потому, что я «наткнулся на некоторые *обороты речи*, свойственные Прудону». Напротив, все «*обороты речи*» принадлежат Мюльбергеру, *содержание* же принадлежит Прудону. И когда после этого я дополняю прудонистскую статью Прудонем, то Мюльбергер жалуется, что я подсовываю ему «чудовищные воззрения» Прудона.

Что же я возражал против этого прудонистского плана?

Во-первых, — что передача земельной ренты государству равносильна уничтожению индивидуальной земельной собственности.

Во-вторых, — что выкуп наемного жилища и передача собственности на жилище прежнему нанимателю вовсе не затрагивает капиталистического способа производства.

В-третьих, — что это предложение при современном развитии крупной промышленности и городов так же нелепо, как и реакционно, и что восстановление индивидуальной собственности каждого отдельного лица на его жилище было бы шагом назад.

В-четвертых, — что принудительное понижение процента на капитал никоим образом не посягает на капиталистический способ производства, а, наоборот, как доказывают законы о ростовщичестве, оно так же старо, как и невыполнимо.

В-пятых, — что с уничтожением процента на капитал вовсе не уничтожается наемная плата за пользование домами.

С пунктами вторым и четвертым Мюльбергер теперь согласился. Против остальных пунктов он не возражает ни слова. А ведь это как раз те пункты, о которых идет спор. Но ответ Мюльбергера не есть возражение; он старательно обходит все экономические пункты, которые ведь являются решающими; ответ этот — личная жалоба, и ничего больше. Так, он жалуется на то, что я предвосхищаю обещанное им решение других вопросов, например о государственных долгах, частных долгах, кредите, и говорю, что решение везде будет такое же, как и в жилищном вопросе, — процент отменяется, платежи процентов превращаются в платежи по погашению капитала, а кредит объявляется даровым. И все же я готов и теперь биться об заклад, что когда эти статьи Мюльбергера увидят свет, их содержание по существу будет так же соответствовать «*Idée générale*» Прудона (кредит — стр. 182, государственные долги — стр. 186,

частные долги — стр. 196), как статьи о жилищном вопросе соответствуют цитированным местам той же книги.

Мюльбергер поучает меня по этому поводу, что эти вопросы — о налогах, государственных и частных долгах, кредите, да вдобавок еще вопрос об автономии общины — в высшей степени важны для крестьянина и для пропаганды в деревне. В значительной мере согласен, но 1) о крестьянах до сих пор вовсе не было речи и 2) прудоновское «решение» всех этих вопросов так же экономически нелепо и так же по существу буржуазно, как и его решение жилищного вопроса. Против намека Мюльбергера, будто я не признаю необходимым вовлечь крестьян в движение, мне защищаться не приходится. Однако, я все же считаю глупостью рекомендовать с этой целью крестьянам прудоновское знахарство. В Германии еще очень много крупных имений. По прудоновской теории, следовало бы все это раздробить на маленькие крестьянские дворы, что, при нынешнем уровне сельскохозяйственной науки и после опыта Франции и Западной Германии в области парцелльного землевладения, было бы прямо реакционным шагом. Напротив, существующее еще крупное землевладение доставит нам желанную основу для того, чтобы при помощи ассоциированных работников повести земледелие в крупном масштабе, при котором только и возможно применение всех современных вспомогательных средств, машин и т. п., и тем самым наглядно показать мелким крестьянам преимущества крупного хозяйства на началах ассоциации. Датские социалисты, опередившие в этом отношении всех других, давно уже осознали это.

Точно так же мне нет нужды защищать себя от упрека, будто ужасные современные жилищные условия рабочих показались мне «не имеющим значения пустяком». Я, поскольку мне известно, первый в немецкой литературе изобразил эти условия в их классически развитой форме, в какой они существуют в Англии; и это не потому, как полагает Мюльбергер, что они «оскорбляют мое правовое чувство», — много хлопот было бы у того, кто вздумал бы превращать в книги все факты, оскорбляющие его правовое чувство, — а, как указано в предисловии к моей книге, для того, чтобы путем описания общественных условий, созданных современной крупной промышленностью, дать тогда лишь возникавшему немецкому социализму, вращавшемуся в кругу пустых фраз, фундамент фактов. Но мне, в самом деле, и в голову не приходит решать так называемый жилищный вопрос, точно так же, как я не стану заниматься деталями решения еще более важного продовольственного вопроса. Я довольствуюсь тем, что могу указать, что производство наших современных

обществ достаточно велико, чтобы прокормить всех членов общества, и что имеется уже достаточно домов, чтобы предоставить трудящимся массам вместительное и здоровое пристанище. А как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ,—умствования об этом ведут прямо в область *утопии*. Самое большее, что мы можем утверждать, исходя из изучения основных условий всех предыдущих способов производства, это то, что с падением капиталистического производства известные формы присвоения, характерные для старого общества, станут невозможными. Даже переходные мероприятия должны будут повсюду сообразоваться с существующими в данный момент отношениями; в странах мелкого землевладения они будут существенно иными, чем в странах крупного землевладения, и т. д. Что получается в результате попыток решить поодиночке эти так называемые практические вопросы, как жилищный вопрос и т. д., лучше всего показывает пример самого Мюльбергера, который сперва на 28 страницах обстоятельно разъясняет, что «все содержание решения жилищного вопроса дано в слове *выкуп*», а затем, когда его прижали к стене, начинает смущенно бормотать, что в сущности еще очень большой вопрос, «будет ли трудящийся народ поклонником выкупа» при фактическом овладении домами или какой-либо другой формы экспроприации.

Мюльбергер требует, чтобы мы стали *практичны*, чтобы мы «действительным практическим отношениям» не «противопоставляли одни лишь мертвые, абстрактные формулы», чтобы мы «от абстрактного социализма подошли к *определенным, конкретным общественным отношениям*». Если бы Мюльбергер так поступил, то он, может быть, приобрел бы большие заслуги перед движением. Ведь первый шаг при подходе к определенным конкретным общественным отношениям состоит в том, что их изучают, что исследуют их действительную экономическую связь. А что мы находим у Мюльбергера? Целых два положения, а именно:

1) «Квартиронаниматель по отношению к домовладельцу — то же, что наемный рабочий по отношению к капиталисту».

Я показал выше, на стр. 7, что это совершенно неверно, и Мюльбергеру нечего возразить на это...

2) «Тем быком, которого (при социальной реформе) надо взять за рога, является так называемая в либеральной школе политической экономии *производительность капитала*, на самом деле не существующая, но мнимым своим существованием служащая покровом всякого неравенства, тяготеющего над современным обществом».

Итак, бык, которого надо взять за рога, «на самом деле не»

существует, стало быть не имеет и «рогов». Все зло не в нем, а в его *мнимом существовании*. Тем не менее, «так называемая производительность (капитала) в состоянии чудесным образом воздвигать над землей дома и города», существование которых уж отнюдь не «мнимо» (стр. 12).

И человек, который, несмотря на то, что «и ему хорошо знаком» «Капитал» Маркса, так безнадежно-путано лепечет что-то об отношении между капиталом и трудом, берет на себя смелость указывать немецким рабочим новый и лучший путь и выдает себя за «зодчего», которому по крайней мере «в общем и целом ясна архитектоника будущего общества»!

Никто ближе не «подошел к определенным, конкретным общественным отношениям», чем сделал это Маркс в «Капитале». Двадцать пять лет употребил он на то, чтобы всесторонне исследовать их, и результаты его критики повсюду содержат также и зародыши так называемых решений, поскольку последние вообще возможны в настоящее время. Но приятелю Мюльбергеру этого мало. Все это абстрактный социализм, мертвые абстрактные формулы. Вместо того, чтобы изучать «определенные конкретные общественные отношения», приятель Мюльбергер довольствуется чтением нескольких томов Прудона, которые ровно ничего не говорят ему об определенных конкретных общественных отношениях, но зато дают ему очень определенные конкретные чудодейственные рецепты от всех общественных зол; и этот готовый план социального спасения, эту прудоновскую *систему* он преподносит немецким рабочим под тем предлогом, что *он* хочет «распрощаться с *системами*», между тем как я, дескать, «забираю противоположный путь»! Чтобы представить это, я должен предположить, что я — слеп, а Мюльбергер — глух, так что мы никак не можем объясниться друг с другом.

Довольно. Если полемика эта не сослужит никакой другой службы, то она во всяком случае полезна уж тем, что показала, как обстоит дело с практикой этих, называющих себя «практическими», социалистов. Эти практические предложения для устранения всех социальных зол, эти социальные панацеи, всегда и везде изготовлялись основателями сект, выступавших в то время, когда пролетарское движение было еще в младенческом возрасте. К их числу относится и Прудон. Развитие пролетариата отбрасывает в сторону эти детские пеленки и воспитывает в самом рабочем классе понимание того, что нет ничего менее практичного, чем эти заранее вымышленные, пригодные к любому случаю «практические решения», и что, напротив, практический социализм заключается в правильном

понимании различных сторон капиталистического способа производства. Для рабочего класса, обладающего таким пониманием, *никогда* не представит трудности в каждом данном случае решить, против каких социальных учреждений и каким образом следует направить свои главные удары.

Die Redaktion ist
 in Berlin,
 Unter den Eichen 15.
 Die Expeditionen sind
 in Berlin,
 Unter den Eichen 15.
 Die Expeditionen sind
 in Berlin,
 Unter den Eichen 15.
 Die Expeditionen sind
 in Berlin,
 Unter den Eichen 15.

Der Volksstaat

Die Expeditionen sind
 in Berlin,
 Unter den Eichen 15.
 Die Expeditionen sind
 in Berlin,
 Unter den Eichen 15.
 Die Expeditionen sind
 in Berlin,
 Unter den Eichen 15.
 Die Expeditionen sind
 in Berlin,
 Unter den Eichen 15.

Organ der sozialdemokratischen Arbeiterpartei und der internationalen Gewerkschaften.

Nr. 53.

Mittwoch, 2. Juli.

1873.

«КРИЗИС» В ПРУССИИ.

Французская «великая нация» в самом деле с полным правом оттеснена на задний план германской «великой нацией». В Версале возникает политический кризис, так как французские захолустные юнкеры (Krautjuncker) замышляют заменить существующую республику монархией; в то же время разражается кризис в Берлине, ибо прусские захолустные юнкеры не желают пожертвовать все еще сохраняющейся у них — спустя восемьдесят лет после французской революции — старо-феодальной помещичьей полицией. Можно ли еще хотя бы минуту сомневаться в превосходстве немецкой «культуры» над французской цивилизацией? Французы, со свойственной им поверхностностью, препираются о пустой *форме*: республика или монархия. А основательные пруссаки проникают в корень вещей, собираясь наконец-то, в 1872 г., последними в Европе, если не считать Мекленбурга и России, обезопасить крестьянский зад, эту основу общества, от помещичьего кнута — обезопасить или же... не обезопасить.

Ничто так не характерно для жалкого поведения прусской буржуазии, как весь этот фарс с положением об округах. В 1848 г. в Пруссии была революция; власть была в руках у буржуазии; если бы только войско присягнуло конституции, — все равно какой, — буржуазия удержала бы власть. Феодалы и бюрократы были так напуганы, что уничтожение еще сохранившихся остатков феодализма казалось тогда само собой разумеющимся. И в самом деле, первые проекты конституции 1848 г. и даже 1849 г. заключали в себе, хотя и в обычной убогой форме, все существенное в этом направлении. Малейшего сопротивления буржуазии было бы достаточно, чтобы восстановление феодальных прав стало невозможным; если не считать нескольких захолустных юнкеров, то это никого бы не задело, кроме романтика Фридриха-Вильгельма IV. Но едва лишь европейская реакция одержала победу, как прусская буржуазия поползла к ногам Мантейфеля, отвечая на каждый удар его плетки исполненным благодарности вилянием хвоста. Она не только возвратила ост-эльбским юнкерам вотчинную полицию и всякий прочий фео-

дальный хлам; она даже сама себя покарала за свой греховный либерализм, собственноручно уничтожив установленную в 1808 г. свободу промышленности и восстановив в середине XIX столетия цехи.

Буржуазия — по меньшей мере класс, лишенный героизма. Даже свои наиболее блестящие достижения, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, не она сама завоевала для себя, а их для нее завоевали плебейские народные массы, рабочие и крестьяне. В той же Франции буржуазия спасалась от ужасов июньских дней 1848 г. тем, что бросилась к ногам комедианта; в той же Англии после 1848 г. наступил долгий период реакции; но в обеих этих странах реакция оправдывала себя хотя бы тем, что она защищала основы *буржуазного* общества от напора пролетариата. В Пруссии результат революции сводился к тому, что романтик Фридрих-Вильгельм IV получил, наконец, возможность осуществить свои средневековые чаяния, когда победоносная реакция смела множество антиромантических учреждений, контрабандой проникших в прусское государство за время от Фридриха II до Штейна и Гарденберга. Под предлогом защиты буржуазного общества от пролетариата это общество вновь подчинили господству феодализма. Ни одна буржуазия в мире не может похвастать таким позорным периодом, как тот, через который прусская буржуазия прошла при Мантейфеле. В какой другой стране было бы возможно чествовать Гинкельдея как поборника и мученика свободы?

Наконец, в результате сложных дворцовых интриг, наступает *новая эра*. Старо-либеральное министерство неожиданно-негаданно сваливается в руки буржуазии.

И вот она, не ударившая пальцем о палец, чтобы призвать его к жизни, она, трусливейшая буржуазия в мире, внезапно вообразила, что она уже у кормила власти, что старое прусское военно-полицейское государство исчезло, что она может назначать и смещать министров и предписывать двору свою волю. Если мантейфелевский период показал ее трусость, то новая эра вскрыла ее политическую несостоятельность.

Платой за допущение старо-либерального министерства была реорганизация армии. Итальянская война дала долгожданный повод потребовать ее от ландтага. С одной стороны, мобилизация 1859 г. показала, что старая организация армии окончательно себя изжила. С другой стороны, то равнодушие, с каким была встречена во Франции аннексия Савойи и Ниццы, показало, что французский шовинизм можно серьезно разжечь только перспективой завоеваний на Рейне, т. е. войной против Пруссии. Стало, таким образом, очевидно,

что как только империя Луи Бонапарта, вследствие внутренних событий во Франции, снова подвергнется опасности, — единственной возможностью избежать этой опасности будет война против Пруссии, война, в которой старая прусская армия, при отсутствии союзников, должна бы быть разгромленной. С другой стороны, сама Пруссия, хотя и была по существу военным государством, не создала необходимых предпосылок для современной большой армии. Для этого она была слишком слаба. Но уклониться от того, что стало необходимым для всего континента, она не могла, тем более, что ее двусмысленная «политика свободных рук» отрезала ей путь к заключению сколько-нибудь надежных союзов. Наконец, как бы ни смотреть на реорганизацию армии, прусская буржуазия должна была знать, что не ей этому воспрепятствовать. Итак, единственно правильный оперативный план мог для нее состоять лишь в том, чтобы за согласие на неизбежную реорганизацию выторговать для себя как можно больше политических уступок. Но прусская буржуазия, вся еще в синяках от пинков мантейфелевского сапога, теперь внезапно распутилась. Она вдруг вообразила себя решающей силой в государстве; она отвергла реорганизацию армии. Тут-то и пришел конец иллюзиям. Бисмарк разъяснил ей, что ее бумажная конституция и парламентские голосования не стоят медного гроша, что Пруссией управляет король, а палаты существуют только для того, чтобы соглашаться. Реорганизация армии была проведена вопреки конституции, а с депутатами опять обошлись по-мантейфелевски. После недолгого показного сопротивления, которое утомило ее самое гораздо скорее, чем ее противника Бисмарка, буржуазия нашла в датской войне первый предлог для стыдливых попыток к примирению; после Садовой она перестала стесняться, восторженно пала к ногам Бисмарка и с тех пор красовалась только в его свите; после французской войны восторг ее уже не знал границ, отныне она принадлежала Бисмарку душой и телом, она буквально стерлась перед ним в порошок.

Но есть в мире нечто, открытое Гегелем и названное им «иронией истории». Эта ирония истории играла людьми и покрупнее Бисмарка; в ее власти оказалось также и прусское государство вместе с Бисмарком. С того момента, как одна за другой были осуществлены вожделенные цели прусской политики, с этого же момента стали колебаться основы прусского государства. Старая Пруссия опирается, в сущности, на юнкерство, из рядов которого главным образом пополняется офицерство и бюрократия. Юнкерство существует во всей красе только в шести восточных провинциях и, при ограниченных

большую часть размерах юнкерского землевладения, нуждается для своего существования в известном количестве феодальных привилегий; без них большинство юнкеров быстро опустилось бы до уровня простых землевладельцев. Пока юнкерству противостояли только две западные провинции, ему не угрожало никакой опасности. Но уже аннексии 1866 г. в огромной степени усилили буржуазный и крестьянский элементы в государстве. Не пустой легитимистский вздор, а в гораздо большей степени правильное понимание того, под какой угрозой оказывается собственное положение, вызвало со стороны партии Штала—Герлаха сопротивление этим аннексиям.

Включение мелких государств в Северо-германский союз, передача этому союзу решающих государственных функций, связанная с этим медиатизация [потеря независимости] прусской палаты господ, окончательное присоединение южно-германских государств — все это наносило тяжелые удары юнкерству, которое становилось в империи лишь ничтожным меньшинством. Мало этого. Всякое правительство, даже самое деспотическое, вынуждено считаться в своей деятельности с существующими условиями, иначе оно сломит себе шею. Пруссия могла подчинить себе Малую Германию, но она не могла навязать свое юнкерство двадцати пяти миллионам немцев, живущих к западу от Эльбы. Напротив, юнкерство, в котором нуждалась старая Пруссия, стало для «империи» обузой. Подобно тому как Бисмарк был вынужден, вопреки своим прежним взглядам, ввести свободу промышленности, свободу передвижения из одного немецкого государства в другое и прочие буржуазные реформы, — правда, в бюрократически изуродованном виде, — точно так же Бисмарк, этот юнкер *par excellence*, иронией истории был осужден на то, чтобы ущемить юнкерство положением об округах.

Это положение об округах — один из самых жалких законов, когда-либо издававшихся. Его содержание можно передать в двух словах. Он отнимает у *отдельного* юнкера принадлежащую ему в силу феодальной привилегии власть, чтобы под видом самоуправления округов вернуть эту власть юнкерскому *классу*. Крупнейшее и крупное землевладение попрежнему будет господствовать в земледельческих районах восточных провинций; власть его даже возрастет вследствие перехода в его руки таких полномочий, которые принадлежали до сих пор государству. Но каждый отдельный юнкер теряет то исключительное положение, которое он занимал в качестве феодального сеньора. Он опускается до уровня обычного современного помещика и тем самым перестает быть юнкером. Но это вместе с тем подрывает основы старой Пруссии, и поэтому палата

господ была со своей точки зрения вполне права, оказывая сопротивление положению об округах. При этом положении — конец юнкерству, а без юнкерства — конец специфической Пруссии.

Прусская буржуазия оставалась в этом деле достойной самой себя. Сначала утверждали, что положение об округах — это, мол, только первый шаг к самоуправлению, что надо на это пойти, так как в данный момент нельзя ничего лучшего достичь, что это, мол, компромисс с правительством, но что дальше уже нельзя уступать ни одной пяди. Палата господ проваливает положение об округах. Правительство, хотя и связанное уже соглашением с палатой депутатов, требует от нее новых уступок. Палата достаточно мужественна, чтобы безоговорочно на них согласиться; за это буржуазии обещают назначение новых паров и подают надежду на реформу палаты господ. Назначение новых паров осуществляется: назначено двадцать пять генералов и бюрократов; палата господ их принимает. Компромисс спасен, но... реформа палаты господ снята с очереди. Утешают себя только тем, что положение об округах составляет все же огромный шаг вперед..., но тут приходит известие о министерском кризисе. Роон, Зельхов, Итценплиц хотят подать в отставку; либералы побеждают по всей линии; становится неизбежным — либеральное? нет, вовсе нет, — *объединенное* министерство! Наши буржуа так непритязательны! Они довольствуются даже еще меньшим. Бисмарк уходит с поста председателя совета министров, его замещает Роон, противник положения об округах, в министерство вступает еще один генерал, Зельхов и Итценплиц остаются на местах, объединенное министерство оказывается менее объединенным, чем когда бы то ни было, феодальные элементы в нем усиливаются, — а буржуа спокойно продолжает пить свою кружку пива в гордом сознании того, что душою всего остается все же в конце концов Бисмарк.

Этот пример отчетливо характеризует позицию прусской буржуазии. Она относит к числу своих заслуг то, что историческое положение, к которому Бисмарк привел Пруссию, и промышленный прогресс последних двадцати лет вынуждают его, Бисмарка, делать то, чего сама она из трусости не посмела сделать в 1848 — 1850 годах. У нее нехватает мужества даже на то, чтобы заставить своего Бисмарка провести эти мелкие реформы просто, на откровенно буржуазный лад, без государственно-полицейских извращений; она громко ликует по поводу того, что Бисмарк вынужден теперь... кастрировать ее собственные требования 1846 г.; к тому же, — это надо иметь в виду, — только ее экономические требования, т. е. такие,

выполнению которых не могли бы воспрепятствовать и тысяча Бисмарков, хотя бы они этого желали.

О *политических* требованиях, о передаче политической власти буржуазии, если еще и говорится, то только ради приличия. Прусская буржуазия *не хочет* политической власти; прогнившая, не успевши созреть, как официальная Россия еще во времена Вольтера, она, так и не побывавши у власти, докатилась уже до той ступени вырождения, какой французская буржуазия достигла после восьмидесяти лет борьбы и после долгого господства. Panem et circenses! — хлеба и зрелищ! — требовал опустившийся римский плебе от своих императоров; panem et circenses! — спекулятивных прибылей и дикой роскоши! — требует от своих императоров не прусский народ, а прусская буржуазия. Римские плебеи вместе с их императорами были сметены германскими варварами; за спиною прусских буржуа грозно поднимаются германские рабочие.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Volksstaat»

№ 5 от 15 января 1873 г.

Без подписи¹.

---

¹ Об авторстве Энгельса см. в письме К. Зейферта к Фр. Энгельсу от 21 января 1873 года. *Ред.*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНДИФФЕРЕНТИЗМ.

«Рабочий класс не должен организоваться в политическую партию; ни при каких условиях он не должен заниматься политикой, ибо вести борьбу с государством значит признавать государство, а это противоречит вечным принципам! Рабочие не должны устраивать стачек, ибо тратить свои силы на то, чтобы добиваться повышения заработной платы или препятствовать ее понижению, значило бы признавать *систему наемного труда*, а это противоречит вечным принципам освобождения рабочего класса!

«Если в политической борьбе против буржуазного государства рабочие соединяются лишь для того, чтобы добиться каких-нибудь уступок, они идут на компромисс; а это противоречит вечным принципам. Поэтому надо отвергнуть всякое мирное движение, предоставив эту скверную привычку английским и американским рабочим. Рабочие не должны добиваться законодательного ограничения рабочего дня, ибо это означало бы компромисс с предпринимателями, которые вместо 14 или 16 часов могли бы тогда эксплуатировать свою рабочую силу только 10 или 12 часов. Они не должны также тратить свои силы на то, чтобы добиваться законодательного запрещения фабричного труда девочек моложе десяти лет, ибо таким путем не прекращается еще эксплуатация мальчиков моложе десяти лет: новый компромисс, нарушающий чистоту вечных принципов!

«Еще менее должны рабочие добиваться того, чтобы государство, *бюджет* которого составляется из рабочих грошей, обязано было, как в Северо-Американских Соединенных Штатах, давать детям рабочих первоначальное образование, ибо первоначальное образование не есть еще образование всестороннее. Пусть лучше рабочие и работницы не умеют ни читать, ни писать, ни считать, чем получать образование в казенной школе от учителя, состоящего на государственной службе. Пусть лучше невежество и ежедневный шестнадцатичасовой труд продолжают отуплять рабочий класс, лишь бы не были осквернены вечные принципы!

«Если политическая борьба рабочего класса принимает насильственные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ста-

L'INDIFFERENZA

in materia politica

« La classe operaia non deve costituirsi in partito politico; essa non deve, sotto alcun pretesto, avere azione politica, poichè combattere lo Stato è riconoscere lo Stato: ciò che è contrario ai principii eterni. Gli operai non devono fare degli scioperi; poichè fare degli scioperi per farsi crescere il salario o per impedire l'abbassamento, è come riconoscere il *Stato*: ciò che è contrario ai principii eterni dell'emancipazione della classe operaia!

« Se nella lotta politica contro lo Stato borghese, gli operai non giungono che a strappare delle concessioni, essi fanno dei compromessi: ciò che è contrario ai principii eterni. Si deve quindi disprezzare ogni movimento pacifico, come gli operai inglesi ed americani hanno la cattiva abitudine di fare. Gli operai non devono fare sforzi per stabilire un limite legale della giornata di lavoro, perchè gli è come fare dei compromessi coi padroni, i quali allora non possono più sfruttarli che per 10 o 12 ore, in luogo di 14 o 16. Essi non devono più neanche darsi la pena d'interdire legalmente l'impiego

nica, per mettere al coperto la libertà o concorrenza borghese nostra unica garanzia; i discepoli predicano l'indifferenza in materia politica per mettere al coperto la libertà borghese, loro unica garanzia. Se i primi cristiani, che pure predicavano l'indifferenza in materia politica, ebbero bisogno del braccio di un imperatore per trasformarsi da oppressi in oppressori, i moderni apostoli dell'indifferenza in materia politica non credono, che i loro principii eterni impongano loro l'astinenza dai godimenti mondani e dai privilegi temporali della società borghese. Tuttavia dobbiamo riconoscere che si è con uno stoicismo degno dei martiri cristiani, che essi sopportano le 11 o 16 ore di lavoro, onde sono svaccaricati gli operai delle fabbrichet

Londra, Gennaio 1873.

KARL MARX

вят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство. Рабочие не должны создавать профессиональные союзы, ибо таким путем они увековечивают общественное разделение труда, как оно существует в буржуазном обществе, а ведь именно это разделение труда разъединяет рабочих и является подлинной основой их современного рабства.

«Одним словом, рабочие должны скрестить руки на груди и не тратить своего времени на политическое и экономическое движение. Движение это может дать им только преходящие результаты. Как истинно верующие, они должны, презирая свои повседневные нужды, восклицать: «Пусть класс наш будет распят, пусть погибнет наше племя, но да не будут осквернены вечные принципы!» Как благочестивые христиане, они должны верить словам попов, отказываться от всех земных благ и думать только о достижении рая. Подставьте на место рая *социальную ликвидацию*, которая в один прекрасный день совершится неведомо где, неведомо как, неведомо кем, — и обман станет ясен целиком и полностью.

«В ожидании этой пресловутой «социальной ликвидации» рабочий класс должен вести себя прилично, как смиренное стадо овец; оставить в покое предержавшие власти; бояться полиции; уважать законы; безропотно поставлять пушечное мясо.

«В повседневной практической жизни рабочие должны быть покорнейшими слугами государства, но в сердце своем они должны энергично протестовать против его существования и доказывать свое глубокое теоретическое презрение к нему посредством покупки и чтения литературных трактатов об уничтожении государства; капиталистическому строю они не должны оказывать иного сопротивления, кроме декламаций о будущем обществе, в котором этот ненавистный строй перестанет существовать!»

Не подлежит никакому сомнению, что если бы апостолы политического индифферентизма выражались так ясно, то рабочий класс послал бы их ко всем чертям и принял бы все это лишь за оскорбление со стороны этих буржуазных доктринеров и свихнувшихся аристократов, которые настолько глупы или настолько наивны, что запрещают ему использовать всякое реальное средство борьбы; потому что ведь все эти средства приходится брать в современном обществе и потому что неизбежные условия этой борьбы складываются

независимо от идеалистических фантазий, которые эти доктора *социальных наук* обожествляют под именем *Свободы, Автономии, Анархии*. Но движение рабочего класса в настоящее время настолько могущественно, что эти филантропические сектанты уже не осмеливаются больше повторять относительно экономической борьбы те *великие истины*, которые они неустанно проповедают относительно борьбы политической. Они слишком трусливы, чтобы применять эти истины к стачкам, к рабочим объединениям, к профессиональным союзам, к законам о женском и детском труде, об ограничении рабочего дня и т. д. и т. д.

Посмотрим теперь, в какой степени они могут сослаться на старые традиции, на честность, на добросовестность и вечные принципы.

Первые социалисты (Фурье, Оуэн, Сен-Симон и др.) должны были роковым образом, — ибо общественные отношения не были еще достаточно развиты, чтобы позволить рабочему классу конституироваться в качестве воинствующего класса, — ограничиваться мечтами об *образцовом обществе* будущего и осуждать все такие попытки рабочего класса, направленные хотя бы на некоторое улучшение его участи, как стачки, союзы и политическое движение. Но если мы не должны отречься от этих патриархов социализма, как современные химики не могут отречься от своих родоначальников, от алхимиков, то мы должны во всяком случае стараться не впасть в их ошибки, ибо с нашей стороны они были бы непростительны.

Однако еще в 1839 г., когда политическая и экономическая борьба рабочего класса в Англии приняла уже достаточно отчетливый характер, Брей, — один из учеников Оуэна и один из тех, которые задолго до Прудона изобрели мютюзелизм, — издал книгу под заглавием «*Labours wrongs and Labours remedy*» [«Страдания рабочего и средства против них»].

В этой книге, в главе о недействительности *всех средств, которых хотят достичь рабочие своей нынешней борьбой*, он подвергает жестокой критике все экономические и политические выступления английских рабочих. Он осуждает политическое движение, стачки, ограничение рабочего времени, регулирование женского и детского фабричного труда, потому что все это, по его мнению, не только не поможет избавиться от господствующих социальных условий, но, наоборот, закрепит их и приведет лишь к еще большему обострению противоречий.

Перейдем теперь к оракулу этих докторов социальных наук, к Прудону. В то время как учитель имел мужество энергично вы-

сказаться против всякого экономического движения (против союзов, стачек и пр.), противоречившего спасительным теориям его *мютюэлизма*, — хотя сам он и поощрял своими писаниями и личным участием политическое движение рабочего класса, — его ученики не решаются открыто высказаться против этого движения. Еще в 1847 г., когда появился главный труд учителя: «Система экономических противоречий», я опроверг его софистические доводы против рабочего движения *. Но в 1864 г., после закона Оливье, предоставившего французским рабочим, — правда, в весьма недостаточных размерах, — право союзов, Прудон снова вернулся к изложению своих взглядов в книге «О политической дееспособности рабочего класса», вышедшей в свет через несколько недель после его смерти.

Атака учителя так пришлась по вкусу буржуазии, что во время большой забастовки портных в Лондоне в 1866 г. «Times» оказала честь Прудону, переведя его книгу на английский язык, чтобы осудить бастующих его же собственными словами. Вот несколько образчиков.

Французские углекопы в Рив-де-Жье объявили забастовку; чтобы научить их уму-разуму, туда послали солдат. «Власть, — восклицает Прудон, — которая расстреливала в Рив-де-Жье углекопов, была, конечно, поставлена в печальное положение. Но она действовала, как римлянин Брут, который вынужден был выбирать между любовью к детям и своим долгом консула: он должен был пожертвовать сыновьями, чтобы спасти республику. Брут не поколебался, и потомство не решается осудить его» **. Ни один рабочий не припомнит такого капиталиста, который поколебался бы принести в жертву своих рабочих, чтобы спасти собственные интересы. Какие Бруты эти буржуа!

«Нет права союзов, — говорит Прудон, — как нет права на обман и на воровство, как нет права на кровосмешение и прелюбодеяние» ***. Зато наверно существует право на глупость.

В чем же заключаются те вечные принципы, во имя которых учитель изрекает свои бессмысленные проклятия?

Первый вечный принцип:

«Размеры заработной платы определяют цены товаров».

---

* См. в моей книге «Нищета философии. Ответ на философию нищеты г. Прудона. Париж 1847», гл. V: «Стачки и рабочие коалиции» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 409. *Ред.*].

** Прудон. О политической дееспособности рабочего класса. Париж. Лакруа и К^о. Изд. 1868, стр. 387.

*** Там же, стр. 383.

Даже тем, кто не имеет никакого понятия о политической экономии и не знает, что великий буржуазный экономист Рикардо в своей книге «*Основные начала политической экономии*», опубликованной в 1817 г., раз навсегда опроверг эту старую ошибку, даже им известна все-таки та замечательная особенность английской промышленности, что она в состоянии сбывать свои товары по гораздо более низким ценам, чем промышленность всякой другой страны, а между тем заработная плата в Англии относительно выше, чем в любой другой европейской стране.

Второй вечный принцип:

«Закон, разрешающий союзы, есть закон в высшей степени антиюридический и антиэкономический, противоречащий всякому обществу и порядку».

Одним словом, он «противоречит экономическому праву свободной конкуренции».

Если бы учитель не был таким шовинистом, он спросил бы себя, как это объяснить, что закон, столь противоречащий «*экономическому праву свободной конкуренции*», мог быть издан в Англии еще сорок лет назад, и почему же по мере развития промышленности, а вместе с ней и *свободной конкуренции*, этот закон, столь противоречащий *всякому обществу и порядку*, признается, как некая необходимость, даже самими буржуазными государствами. Он тогда, быть может, убедился бы, что это его пресловутое *Право* (с прописной П!) существует только в *экономических учебниках*, которые пишутся невежественной братией буржуазных экономистов, — в тех самых учебниках, где находятся и такие перлы экономической премудрости: *собственность есть плод труда... других*, — забывают они прибавить.

Третий вечный принцип:

«Поэтому, под тем предлогом, чтобы поднять рабочий класс из столь низкого общественного положения, надо будет начать с опорочения целого класса граждан: класса господ, предпринимателей, хозяев и буржуа; надо будет возбудить в рабочей демократии презрение и ненависть к этим недостойным членам среднего класса; надо будет предпочесть легальным средствам сопротивления торговую и промышленную войну, государственной полиции — борьбу классов» *.

Итак, чтобы не дать рабочему классу выйти из его так называемого *низкого общественного положения*, учитель осуждает союзы, ибо они превращают рабочий класс в класс, враждебный уважаемой *кате-*

---

* *Прудон*. О политической дееспособности рабочего класса. Париж. Лакруа и К^о Изд. 1868, стр. 337 — 338.

гории хозяев, предпринимателей, буржуа, которые, конечно, вместе с Прудонем охотно борьбе классов предпочтут государственную полицию. Чтобы избавить этот уважаемый класс от всяких неприятностей, добрый Прудон (конечно, до наступления нового строя, основанного на принципах *мютюзлизма*) рекомендует всем рабочим как лучшее средство (несмотря на связанные с ним большие неудобства) — «свободу или конкуренцию, нашу единственную гарантию»*.

Учитель проповедывал экономический индифферентизм, чтобы сохранить в неприкосновенности свободу или буржуазную конкуренцию, нашу единственную гарантию. Ученики проповедуют политический индифферентизм, чтобы сохранить в неприкосновенности буржуазную свободу, их единственную гарантию. Если первые христиане, тоже проповедывавшие политический индифферентизм, нуждались в помощи императора, чтобы из гонимых превратиться в гонителей, то современные апостолы политического индифферентизма отнюдь не думают, что их вечные принципы делают для них обязательным воздержание от светских удовольствий и преходящих привилегий буржуазного общества. Тем не менее нужно признать, что они с истинно христианским стоицизмом переносят четырнадцать или шестнадцать часов труда, когда этот труд вваливается на фабричных рабочих!

Лондон, январь 1873 г.

Написана К. Марксом.

Напечатана в сборнике «Алтанассо Кериббисано per l'anno 1874», на итальянском языке.

Подпись: Карл Маркс.

---

* Прудон. О политической дееспособности рабочего класса. Париж. Лакруа и К^о. Изд. 1868, стр. 334.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «VOLKSSTAAT».

7 мая 1873 г.

В качестве дальнейшей информации по поводу пресловутой статьи в «Neuer»¹ обращаем ваше внимание отчасти повторно на следующее: а) на абсурдное утверждение, что Бакунин — против заговоров, тогда как он внутри Интернационала затеял всеобщий заговор — «Альянс» — не против правительства, конечно, а против самого Интернационала; б) будто во Франции после закона Дюфора Интернационал вообще мог бы существовать *иначе*, как «тайно»; но тайное пропагандистское общество и заговор — две разные вещи; в) что Гаагский конгресс так энергично высказался против бланкистов, желавших сделать Интернационал орудием заговоров, что те ушли из Интернационала и открыто высказались против него, ибо ему, мол, нехватает «революционной энергии»; г) что Геддегема (Вальтера), этого тихого долговязого рыжеволосого мужчину в Гааге, сопровождаемого маленькой, одетой в траур мнимой «женой» с лицом Марии Магдалины, — и разоблаченного теперь, как старого полицейского агента, — Серайе предложил прежнему составу Генерального совета принять, вместе с его секцией, лишь после того, как Геддегем сослался на члена Генерального совета бланкиста *Ранье* и был этим последним признан *безусловно заслуживающим доверия*; д) что Геддегем, так же, как и Дантрейт, имели законные мандаты от своих секций и, следовательно, *должны* были быть допущены на конгрессе, пока против них не было поднято никаких обвинений, что не пришлось в голову сделать ни одному человеку из меньшинства; е) что «Neuer» как нельзя лучше проявляет себя в качестве полицейского органа, повторяя лозунги, выдвинутые полицейскими и бонапартистами, вроде Фогта и К^о, будто бы Маркс стремится выступать в качестве «международного вождя заговорщиков» и имел уже «дюжину коммунистических процессов», между тем как именно выступление Гаагского конгресса — с большинством которого отождествляют Маркса — против бланкистов доказывает обратное, а полицейская ложь об *одном* процессе коммунистов

¹ «Neuer Social-Demokrat», орган лассальянцев. *Ред.*

1853 г. давно раскрыта Марксом в его «Разоблачениях о Кельнском процессе коммунистов»; ж) что если теперь кто-нибудь из «Neuer Sozial-Demokrat» будет приговорен к тюремному заключению, то уж известно, как себя надо вести, после того как сам «Neuer» обратил внимание на полицейский маневр — осуждать также и полицейских, обеспечивая им, однако, в тюрьме более удобную жизнь. *«Пусть рабочие всегда будут начеку!»*

Впрочем, Дантрейг был не шпионом, а просто опустившимся субъектом, который стал доносчиком только в тюрьме, но после этого вскоре целиком предался полиции. Геддегем, напротив, уже при Бонапарте был шпионом, а за него мы должны быть благодарны только бланкистам. Но «великий старый борец за свободу», Бакунин, постоянно имел в своих рядах шпионов, например Альбера Ришара, который с 1868 г., с основания «Альянса», был его правой рукой во Франции. А так как юрцы утверждают, что они *тоже* имеют тайные секции во Франции (процессы доказывают обратное), то в чем же тогда разница, придуманная «Neuer»?

Что же касается статьи в номере 45, то в противовес содержащимся в ней утверждениям нужно отметить еще следующее. Против Гаагского конгресса высказались: 1) так называемая итальянская федерация, которая *никогда* не принадлежала к Интернационалу, потому что она не желает признать Генеральный устав и, стало быть, пока не подчинится, никак не может принадлежать к Ийтернационалу. Напротив, целый ряд подлинных итальянских секций признали устав и поддерживают регулярную связь с Генеральным советом; 2) юрская федерация, 150 человек, против 4 — 5 000 человек в одной лишь французской Швейцарии; федерация поэтому временно распущена; 3) бельгийцы; 4) часть испанцев, в то время как другая часть основала в Валенсии Федеральный совет, находящийся в регулярной связи с Генеральным советом в Нью-Йорке; 5) в Англии — целых десять человек, которые не имеют за собою ни одной действительной секции, в то время как английский Федеральный совет, опираясь на многочисленные секции, многие из которых насчитывают по 500 и более человек и которые растут с недели на неделю, считает признание гаагских постановлений основным условием допущения в Интернационал; 6) во Франции, *«поскольку там еще существует организация»*, она примыкает к Гааге и к Генеральному совету, что доказано *как раз* теми процессами, которые послужили поводом для статьи, напечатанной в номере 49. *«Эмигранты Коммуны»* ни в целом, ни в «большинстве» никогда не «выступали энергично против...» и т. д., ибо этой фракции никогда не существовало. Бланкисты же, в числе пяти человек, из

которых четверо — члены Коммуны, ушли по той причине, что Интернационал не захотел стать *орудием* их заговорщической деятельности. Кроме же этого не произошло *абсолютно ничего*, что могло бы дать хотя бы самый отдаленный повод для этой лжи.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Volksstaat»

№ 37 от 7 мая 1873 г.

Без подписи ¹.

---

¹ Об авторстве Энгельса см. в письме Энгельса к Зорге от 3 мая 1873 года. *Ред.*

Erklärung der Parteien auf Ausbleiben eines Exports...
7) Der Antrag, welcher wegen nichtrechtlicher Entlassung...

8) Oben ein Mittel, welches auf Ausbleiben ergangen ist...
9) Es scheint die Einspruch erhebende Partei auch an dem neuen...

10) Ein Besetz nach Bescheidens kann in der Entscheidung eine...
11) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

12) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
13) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

14) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
15) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

16) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
17) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

18) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
19) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

20) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
21) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

22) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
23) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

24) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
25) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

26) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
27) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

28) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
29) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

30) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
31) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

32) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
33) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

34) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
35) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

36) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
37) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

38) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
39) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

39) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
40) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

41) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...
42) Die Verhandlungen der Gewergerichte sind streitfrei...

Der Kongress billigte den Bericht und beschloss: Die Internationale...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...
In der Beschlusse wurde die Aufgabe nicht nur allen Gewerkevereinen...

Die Internationale Gewerkevereine

Das Internationale

Der „Volksstaat“ hat, seit längerer Zeit, über den Stand der Dinge in der internationalen Arbeiter-Assoziation weiter nichts gebräut, als die offiziellen Beschlüsse des Generalrats in New-York. Er hat es eben gemacht wie alle andern internationalen Blätter, und was die große Masse der Mitglieder der Assoziation selbst. Wähler der von den bahnführenden geistigen „Allianz“ geleiteten Organe der Haager Minorität Himmel und Erde in Bewegung setzen, was sich als Vertreter der wirklichen Majorität der Internationalen hinstellen, die Majorität des Kongresses, von allen Generalrats, und besonders Marx in allen Tonarten zu erschreken und zu verurteilen, und die verurteilten Genies aller Nationen ein sich zu verarmen, begnügen sich die Angegriffenen damit, ein für alle Mal den Patechband über den Haager Kongress zu schlagen und nur da allergrößten und infamsten Verleumdungen die Thesen selbst entgegen zu halten. Im Uebrigen weißt man sich auf den gefunden Sinn der Arbeiter und die Taten des Generalrats, der sich ja auch seinen Posten vollständig gemacht hat.

Des Nachfolgenden wird bewiesen, daß dies ohne weitere Ueberlegung liberal von selbst eingehaltene Handlungsmasse ihre Früchte getragen hat.

In England hatten einige englische Mitglieder des letzten Generalrats, denen Marx im Haag — auf Grund allemöglicher Rücksicht auf eigenen Eigennutz, und ohne daß sie ein Wort...

В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ.

«*Volksstaat*» уже давно ничего не помещал о положении дел в Международном товариществе рабочих, если не считать официальных сообщений Генерального совета из Нью-Йорка. Он поступал в этом отношении так же, как и все другие газеты Интернационала и как большинство его членов. Если органы гаагского меньшинства, руководимые бакунистским тайным «Альянсом», из кожи лезли вон, изображая себя представителями подлинного большинства Интернационала, сляясь на все лады оклеветать и опорочить большинство конгресса, прежний Генеральный совет и в особенности Маркса, и собирая вокруг себя непризнанных гениев всех наций, — то те, кто подвергался нападению, ограничивались тем, что раз навсегда установили, как действительно обстояло дело на Гаагском конгрессе, и отвечали лишь на самые вопиющие и гнусные инсинуации, опять таки противопоставляя им факты. Вообще же они полагались на здравый смысл рабочих и на действия Генерального совета, который показал себя вполне достойным своего поста.

Нижеследующее покажет, что этот образ действий, который проводили повсюду по собственному почину, без предварительного сговора, принес свои плоды.

В *Англии* некоторые английские члены последнего состава Генерального совета, которым Маркс в Гааге, на основе документальных доказательств и собственного их признания, бросил в лицо обвинение в продажности, причем они не осмелились произнести ни слова возражения, — эти люди в декабре прошлого года вызвали раскол в британском Федеральном совете. Они вышли из совета и созвали особый конгресс, состоявший из целых *одиннадцати* человек, о которых никто не решился бы даже сказать, являются ли они представителями секций и каких именно. Эти одиннадцать человек с негодованием высказались против гаагских решений и стали под знамя сецессионистов [отколовшихся от Интернационала]; во главе их стоят два иностранца — *Эккартус* и *Юнг*. С этого момента существовало два федеральных совета, но с тем различием, что один, примыкавший к Интернационалу, имел за собою почти все секции, в то время как

другой, сецессионистский, никого не представлял кроме своих собственных членов. Последний разыгрывал эту комедию в течение нескольких месяцев, но в конце концов приказал долго жить. С английскими рабочими, прошедшими школу пятидесятилетнего движения, нелегко разыгрывать такие шутки. Напротив, 1 и 2 июня в Манчестере состоялся конгресс британского Интернационала, который безусловно составил эпоху в английском рабочем движении. Присутствовало 26 делегатов, представлявших наряду с некоторыми мелкими местечками главные центры английской промышленности. Отчет Федерального совета отличался от всех прежних документов этого рода тем, что он — в этой стране прирожденной законности — признал за рабочим классом право отстаивать свои требования *насильственным путем*.

Конгресс одобрил этот отчет и постановил: красное знамя есть знамя британского Интернационала; рабочий класс требует возврата в руки трудящегося народа не только всей земельной собственности, но и всех средств труда вообще; в качестве предварительного мероприятия выдвинуто требование нормального восьмичасового рабочего дня; конгресс поздравил испанских рабочих с учреждением республики и избранием десяти рабочих в Кортесы; английскому правительству предъявлено требование немедленно освободить находящихся еще в тюрьме ирландских фениев. Всякий, кто знает историю английского рабочего движения, согласится, что никогда еще ни один английский рабочий конгресс не выставлял таких радикальных требований. Во всяком случае, в связи с этим конгрессом и жалким концом сепаратистского, самозванного Федерального совета, определилась позиция английского Интернационала.

В *Швейцарии* дела сепаратистов обстоят не лучше. Известно, что Юрская федерация издавна была душою всяческого сепаратизма в Интернационале. Уже на Гаагском конгрессе ее делегаты заявили, что они представляют подлинное большинство Интернационала и что на ближайшем конгрессе они это докажут. Но время учит уму-разуму, и это касается даже самых хвастливых людей. 27 и 28 апреля в Невшателе состоялся конгресс Юрской федерации. Из прений явствует, что федерация насчитывает *одинадцать* швейцарских секций, из которых были представлены *девять*. Как обстоит дело в этих одиннадцати секциях, какова их численность и т. д., об этом в отчете Комитета нет ни слова; зато отчет заявляет, что, видите ли, весь Интернационал примкнул к их сепаратизму. Что же, стало быть, это огромное большинство выступит на ближайшем конгрессе и опрокинет гаагские решения? Нет, ничуть не бывало. Наоборот, тот же Комитет

вносит следующее предложение, которое, конечно, тотчас же принимается этими «автономными» делегатами: для того, чтобы новый конгресс не вступил опять на пагубный и неверный путь Гаагского конгресса, сепаратистские федерации должны созвать собственный конгресс в каком-нибудь швейцарском городе, не признавая никакого конгресса, который был бы созван нью-йоркским Генеральным советом.

Гаагский конгресс дал Генеральному совету определенное поручение наметить швейцарский город для созыва следующего конгресса. Решение Юрской федерации обозначает, следовательно, не что иное, как новое отступление, прикрытое громкими фразами.

И в самом деле, этим господам пора было подумать о прикрытии своего тыла. 1 и 2 июня — роковые дни для сепаратистов — состоялся Швейцарский рабочий конгресс в Ольтене. Из восьмидесяти делегатов оказалось *целых пять* юрцев. Было предложено учредить централизованный Швейцарский рабочий союз.

В противовес этому пятеро юрцев предложили искусственно обставленную со всех сторон оговорками федеративную систему, которая лишила бы всю организацию способности действовать. Будучи в безнадежном меньшинстве, они занялись тем, что стали, как в Гааге, отнимать время у других. Все воскресенье конгресс потерял на прения по этому так называемому «принципиальному вопросу». Наконец, большинство оказалось вынужденным, точь-в-точь как в Гааге, заткнуть этим несносным говорунам глотку, чтобы перейти наконец к деловой работе. В понедельник было попросту решено учредить централизованный союз, в ответ на что пятеро проповедников, огласив ничего не говорящее заявление, покинули зал и отправились по домам. И эти-то люди, оказавшиеся полнейшими нулями в своей собственной стране, клянутся в течение ряда лет, что они призваны реорганизовать Интернационал!

Но пришла беда, открывай ворота. В Италии, где анархисты из лагеря сепаратистов шумят сейчас во всю мочь, один из них, Крешо из Пьяченцы, послал свою новую газету «L'Avvenire Sociale» [«Социальное будущее»] Гарибальди, на которого эти господа все время рассчитывают как на одного из своих. Газета была полна гневных выкриков против того, что они называют «авторитарным принципом», который, на их взгляд, является корнем всех зол. Гарибальди ответил на это:

«Дорогой Крешо! Сердечно благодарен и т. д. Вы хотите в своей газете вести войну против лжи и рабства, это — прекрасная программа. Но я думаю, что борьба с авторитарным принципом — одна из ошибок Интернационала,

препятствующая его успехам. *Парижская коммуна пала потому, что в Париже не было авторитетной власти, а была только анархия.*

Старый борец за свободу, который в одном 1860 г. сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине, тем более, что ему приходилось самому всегда дисциплинировать свои боевые силы, и притом не муштрой, не постоянной угрозой расстрела, как это делает официальная военщина, а прямо перед лицом врага.

Мы все еще, к сожалению, не исчерпали списка злоключений, которые постигли сепаратистов. Одного только им нехватало, но вот случилось с ними и это. «Neuer», полицейский нюх которого давно уже почуял лакомый душок у этих исконных разрушителей Интернационала, теперь целиком встал на их сторону. В № 68 «Neuer Sozial-Demokrat» находит, что проект устава, выработанный бельгийцами, фактически вышедшими из Интернационала, вполне соответствует его взглядам, и обещает присоединиться к сепаратистам. Ничего большего мы не желаем. Когда Гассельман и Газенклевер появятся на конгрессе сепаратистов, тогда этот сепаратистский союз обретет свой истинный характер. Справа Бакунин, слева Газенклевер, а в середине злосчастные бельгийцы, которых водят за нос их же прудонистскими фразами!

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Volksstaat»,

№ 59 от 2 июля 1873 г.

Без подписи¹.

---

¹ Об авторстве Энгельса см. в письмах Энгельса к В. Блосу от 20 июня 1873 г. и Блоса к Энгельсу от 23 июня 1873 года. *Ред.*

Фридрих Энгельс
БАКУНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ

ЗАМЕТКИ О ВОССТАНИИ В
ИСПАНИИ ЛЕТОМ 1873 Г.

*Напечатана в газете «Der Volksstaat»
№ 105, 106, 107 от 31 октября, 2 ноября и
5 ноября 1873 г.*

Подпись: Ф. Энгельс

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ¹.

Чтобы облегчить понимание нижеследующих заметок, приведем несколько хронологических данных.

9 февраля 1873 г. королю Амадео надоела его испанская корона; он — первый забастовавший король — отрекся от престола. 12-го была провозглашена республика; вслед за тем в баскских провинциях вспыхнуло новое карлистское восстание.

10 апреля было избрано Учредительное собрание, которое открылось в начале июня и провозгласило 8 июня федеративную республику. 11-го образовалось новое министерство, с Пи-и-Маргаллем во главе. Одновременно была избрана комиссия для выработки проекта новой конституции, причем, однако, в эту комиссию не были допущены крайние республиканцы, так называемые непримиримые. И вот, когда 3 июля провозглашена была эта новая конституция, непримиримые нашли, что она идет недостаточно далеко по линии раздробления Испании на «независимые кантоны». Ввиду этого непримиримые немедленно подняли восстания в провинциях; в Севилье, Кордове, Гранаде, Малаге, Кадиксе, Алькое, Мурсии, Картагене, Валенсии и других местах они с 5 по 11 июля повсюду одержали верх и учредили в каждом из этих городов независимое кантональное правительство. 18 июля Пи-и-Маргалль подал в отставку и был смещен Сальмероном, который тотчас же послал войска против повстанцев. После слабого сопротивления повстанцы были побеждены в несколько дней; уже 26 июля, вследствие падения Кадикса, по всей Андалузии была восстановлена власть правительства; почти одновременно были покорены Мурсия и Валенсия; только Валенсия проявила в борьбе некоторую энергию.

Держалась одна лишь Картагена. Этот крупнейший военный порт Испании, попавший вместе с флотом в руки повстанцев, со стороны суши был защищен, кроме крепостного вала, еще 13-ю отдельными фортами, и взять его поэтому было нелегко. А так как правительство

---

¹ Это «Предварительное замечание», как и подзаголовок всей статьи, добавлены Энгельсом в 1894 г. при переиздании статьи в сборнике «Internationales aus dem Volksstaat». *Ред.*

остерегалось разрушить место стоянки своего собственного флота, то «суверенный кантон Картагена» продолжал существовать вплоть до 11 января 1874 г., когда он, наконец, сдался, так как в самом деле он решительно ни на что другое не был способен.

Во всем этом позорном восстании нас занимают здесь лишь еще более позорные деяния бакунистских анархистов; лишь они описаны здесь более или менее подробно, в назидание современникам.

I.

Только что опубликованный доклад гаагской комиссии о тайном Альянсе Михаила Бакунина * раскрыл перед рабочим миром тайные происки, мошеннические проделки и пустозвонство, посредством которых стремились поставить пролетарское движение на службу раздутому честолюбию и эгоистическим целям нескольких непризнанных гениев. Вместе с тем в Испании эти спесивые хвостуны дали нам возможность познакомиться также и с их практической революционной деятельностью. Посмотрим же, как осуществляют они свои ультра-революционные фразы об анархии и автономии, об уничтожении всякой власти, в особенности государственной, о немедленном и полном освобождении пролетариата. Теперь, наконец, мы можем это сделать, так как, помимо газетных сообщений о событиях в Испании, мы располагаем теперь и докладом Новой мадридской федерации Интернационала, представленным Женевскому конгрессу.

Как известно, в Испании при расколе Интернационала получили перевес члены тайного Альянса; значительное большинство испанских рабочих шло за ними. И вот, когда в феврале 1873 г. была провозглашена республика, испанские альянсисты оказались в очень затруднительном положении. Испания в промышленном отношении настолько отсталая страна, что там еще не может быть и речи о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания должна еще пройти различные предварительные ступени развития и преодолеть целый ряд препятствий. Республика и давала возможность в кратчайший срок пробежать эти предварительные ступени и быстро устранить эти препятствия. Но воспользоваться этой возможностью можно было только путем *действенного политического* вмешательства испанского рабочего класса.

---

* L'Alliance de la Démocratie Socialiste, London 1873. Немецкое издание вышло под заглавием «Ein Komplott gegen die Internationale» [«Заговор против Интернационала»].

Рабочая масса чувствовала это; везде добивалась она того, чтобы принять участие в событиях, использовать представляющуюся возможность действовать, а не оставлять, как до сих пор, имущим классам свободное поле для их деятельности и их интриг. Правительство назначило выборы в учредительные кортесы; какую позицию должен был занять Интернационал? Вожди бакунистов были в величайшем затруднении. Дальнейшая политическая бездеятельность становилась со дня на день все более смешной и невозможной; рабочие хотели «видеть дело». С другой стороны, альянсисты много лет проповедывали, что не следует принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение рабочего класса, что предпринять какое-либо политическое действие значило бы тем самым признать государство, этот источник всякого зла, и что именно поэтому принять участие в каких-либо выборах — преступление, заслуживающее смертной казни. Как вышли они из этого тупика, поясняет нам вышеупомянутый мадридский доклад:

«Те самые люди, которые отвергли гаагскую резолюцию о политической деятельности рабочего класса и попирали ногами устав Интернационала, вызвав этим раскол, внутреннюю борьбу и дезорганизацию в рядах испанского Интернационала; те самые люди, которые имели бесстыдство изображать нас в глазах рабочих честолюбивыми карьеристами, люди, которые под предлогом завоевания господства рабочим классом стремились захватить господство для самих себя; эти самые люди, называющие себя автономистами, анархистами-революционерами и т. п., на этот раз с жаром бросились делать политику, но — самую худшую, буржуазную политику. Они работали не для того, чтобы доставить политическую власть рабочему классу, — напротив, к этой идее они питают отвращение, — а для того, чтобы помочь притти к власти одному из слоев буржуазии, состоящему из авантюристов, честолюбцев и карьеристов и называющему себя «непримиримыми» (*intransigente*) республиканцами.

«Уже накануне общих выборов в Учредительное собрание рабочие Барселоны, Алькоя и других мест потребовали разъяснения, какой политики следует держаться рабочим как в парламентской, так и во всякой другой борьбе. С этой целью было устроено два больших собрания: одно в Барселоне, другое в Алькоя; в обоих случаях альянсисты всеми силами противились тому, чтобы была твердо установлена политическая линия, которой должен был бы держаться Интернационал (*nota bene*: их Интернационал). Таким образом, было решено, что *Интернационалу, как ассоциации, вовсе не следует заниматься политической деятельностью, но что члены Интернационала, каждый за свой страх, могут действовать, как им угодно, и примыкать ко всякой партии, к какой им заблагорассудится*, — в силу их пресловутой автономности! Каков же был результат применения такого нелепого учения? — Таков, что огромная масса членов Интернационала, включая анархистов, приняла участие в выборах без программы, без знамени, не имея собственных кандидатов, и, таким образом, способствовала тому, что избраны были почти исключительно буржуазные республиканцы. В палату вошли только два или три рабочих — люди, которые абсолютно никого

не представляют, которые ни единого разу не возвысили голоса в защиту интересов нашего класса и которые преспокойно голосуют за все реакционные предложения, вносимые большинством палаты».

Вот что получается из бакунистского «воздержания от политики». В спокойные времена, когда пролетариат наперед знает, что в лучшем случае, он проведет в парламент лишь нескольких представителей и что возможность достичь парламентского большинства совершенно исключена для него, — в такое время кой-где удастся убедить рабочих, что великое революционное дело — сидеть во время выборов дома и вообще нападать не на то государство, в котором живешь и которое тебя угнетает, а на государство как таковое, на государство вообще, которое нигде не существует и которое, стало быть, не может и защищаться. Это в самом деле великолепный способ разыгрывать из себя революционеров для тех людей, у которых душа легко уходит в пятки; а до какой степени вожди испанских альянсистов относятся к людям такого сорта, подробно доказывает вышеупомянутая брошюра об Альянсе.

Но как только сами события выдвигают пролетариат на первый план, воздержание становится явной нелепостью, а деятельное вмешательство рабочего класса — неустранимой необходимостью. Так и было в Испании. Отречение Амадео оттеснило от власти радикальных монархистов и лишило их возможности снова притти к власти в ближайшем будущем; еще менее вероятно было это в тот момент для альфонсистов; карлисты же, как почти всегда, предпочитали избирательной борьбе гражданскую войну. Все эти партии, по испанскому обычаю, воздержались от выборов; в выборах приняли участие только расколовшиеся на два крыла федералисты-республиканцы и рабочая масса. При огромном обаянии, которым в то время еще пользовалось имя Интернационала среди испанских рабочих, при превосходной организации его испанского ответвления, в то время, по крайней мере на практике еще существовавшей, — было несомненно, что в фабричных районах Каталонии, в Валенсии, в городах Андалузии и т. д. всякая выдвинутая и поддержанная Интернационалом кандидатура прошла бы блестяще и что в кортесах безусловно образовалось бы меньшинство, достаточно сильное для того, чтобы при каждом голосовании определять исход дела между тем и другим крылом республиканцев. Рабочие чувствовали это; они чувствовали, что теперь настало время пустить в ход свою тогда еще могущественную организацию. Но господа вожди бакунистской школы так долго проповедывали евангелие безусловного воздержания, что не могли сразу переменить курс; и вот они придумали тот жалкий выход, что Интернационал как це-

лое воздержался, а его членам, каждому в отдельности, было предложено голосовать *по своему усмотрению*. Следствием этого объявления политического банкротства было то, что рабочие, как всегда в подобных случаях, голосовали за людей, выступавших наиболее радикально, — за непримиримых, — а тем самым в большей или меньшей степени брали на себя ответственность за дальнейшие шаги своих избранников и оказывались втянутыми в их действия.

II.

Альянсисты никак не могли упорствовать на своем, оставаясь в том смешном положении, в которое они себя поставили своею ловкой избирательной политикой, — иначе наступил бы конец их прежнему господству над испанским Интернационалом. Им приходилось действовать, хотя бы только для виду. Спасением для них должна была стать *всеобщая стачка*.

В бакунистской программе всеобщая стачка служит тем рычагом, при помощи которого совершается социальная революция. В одно прекрасное утро все рабочие всех отраслей промышленности какой-либо страны или даже всего мира прекращают работу и этим вынуждают господствующие классы, самое большее через месяц, либо принести повинную, либо же напасть на рабочих, а тогда последние имеют право защищаться и, пользуясь таким поводом, опрокинуть все старое общество. Проект этот — отнюдь не новый; французские, а за ними бельгийские социалысты после 1848 г. вдоволь погарцовали на этом парадном коне, который, впрочем, по происхождению — английской породы. Во время быстрого и бурного развития чартизма, последовавшего вслед за кризисом 1837 г., среди английских рабочих уже в 1839 г. проповедывался «священный месяц», прекращение работы в национальном масштабе (см. *Энгельс*. Положение рабочего класса в Англии, 2-е издание, стр. 234)¹, и это встретило такой отклик, что фабричные рабочие северной Англии в июле 1842 г. попытались осуществить это дело. Большую роль играла всеобщая стачка и на женевском конгрессе альянсистов, происходившем 1 сентября 1873 г., но здесь всеми было признано, что для этого необходима совершенная организация рабочего класса и наполненная касса. А тут-то и вся закорючка! С одной стороны, правительства, в особенности когда их ободрают политическим воздержанием, никогда не допустят, чтобы организация или касса рабочих достигли такого уровня. А с другой стороны, политические события и злоупотребления господствующих

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 512. Ред.

классов своей властью приведут к освобождению рабочих гораздо раньше, чем пролетариат успеет создать эту идеальную организацию и этот колоссальный запасный фонд. А если бы он обладал ими, ему неважно было бы идти окольным путем всеобщей стачки, чтобы достигнуть цели.

Для всякого, кто сколько-нибудь знает тайные пружины Альянса, не может подлежать сомнению, что предложение прибегнуть к этому испытанному средству исходило от швейцарского центра. Как бы то ни было, испанские вожаки нашли в этом выход, открывавший им возможность хоть что-нибудь делать, не ввязываясь прямо в «политику», и пошли на это с радостью. Повсюду стали проповедывать о чудодейственных свойствах всеобщей стачки; стали готовиться к тому, чтобы начать ее в Барселоне и в Алькое.

Между тем, политические отношения все более и более приближались к кризису. Старые краснобаи из федералистов-республиканцев, Кастелляр и компания, испугались движения, которое переросло их; они вынуждены были уступить власть Пи-и-Маргаллю, который попытался войти в соглашение с непримиримыми. Среди официальных республиканцев Пи был единственным социалистом, единственным человеком, сознававшим, что республике необходимо опираться на рабочих. Он представил тотчас же и программу мероприятий социального характера, которые можно было немедленно осуществить и которые должны были не только принести непосредственную выгоду рабочим, но последствия которых побуждали бы рабочих к дальнейшим шагам и, таким образом, должны были по крайней мере привести в движение социальную революцию. Но бакунистские члены Интернационала, которые обязаны отвергать даже самые революционные мероприятия, раз они исходят от «государства», предпочитали поддерживать самых сумасбродных шарлатанов среди непримиримых, но только не министра. Переговоры Пи с непримиримыми затянулись; непримиримые стали проявлять нетерпение, а самые горячие из них принялись в Андалузии за проведение кантонального восстания. Тут пришлось приступить к делу и вождям Альянса, если только они не хотели тащиться на буксире у непримиримых буржуа. И вот было приказано начать всеобщую забастовку.

В Барселоне было тогда расклеено, между прочим, такое объявление:

«Рабочие! Мы устраиваем всеобщую забастовку, чтобы выразить глубокое негодование, которое мы испытываем при виде того, как правительство использует войска для усмирения наших трудящихся братьев, пренебрегая, однако, войной против карлистов» и т. д.

Рабочих Барселоны, крупнейшего фабричного города Испании, история которого знает больше баррикадных боев, чем история какого бы то ни было другого города в мире, призывали, таким образом, выступить против вооруженной силы правительства не с оружием, находившимся у них в руках, а... со всеобщей стачкой, т.е. с мероприятием, затрагивающим непосредственно лишь отдельных буржуа, но не их общего представителя — государственную власть! В спокойное, мирное время барселонские рабочие могли еще выслушивать буйные фразы смиренных людей вроде Алерини, Фарга-Пеллисера и Виньаса; но когда пришло время действовать, когда Алерини, Фарга-Пеллисер и Виньас сначала выпустили свою знаменитую избирательную программу, затем стали беспрестанно призывать к спокойствию и, наконец, вместо того, чтобы призвать к оружию, объявили всеобщую забастовку, — тогда рабочие стали прямо-таки презирать их. Самый слабенький непримиримый проявлял все же больше энергии, чем самый деятельный альянсист. Альянс и одураченный им испанский Интернационал утратили всякое влияние, и когда эти господа провозгласили всеобщую стачку, якобы с целью парализовать таким путем правительство, рабочие попросту высмеяли их. Но деятельность лжеинтернационала привела все же к тому, что удержала Барселону от участия в кантональном восстании; а Барселона была единственным городом, присоединение которого к движению могло оказать рабочему элементу, везде игравшему в нем видную роль, сильную поддержку, а вместе с тем и надежду овладеть в конце концов всем движением. Кроме того, с присоединением Барселоны победа была бы почти обеспечена. Но Барселона и пальцем не пошевелила; барселонские рабочие, раскусившие непримиримых, обманутые альянсистами, остались в бездействии и обеспечили тем самым окончательную победу мадридского правительства. Все это не помешало, однако, альянсистам Алерини и Бруссу (подробности о них — в докладе об Альянсе) заявить в своей газете «Solidarité révolutionnaire»:

«Революционное движение распространяется по всему полуострову с быстротой молнии... в Барселоне еще ничего не произошло, но на площадях, в общественных местах — перманентная революция!»

Но то была революция альянсистов, которая состоит в том, что бьют в бубны и литавры, и которая именно поэтому «перманентно» стоит на одном «месте».

В то же самое время вспыхнула всеобщая стачка в Алькоке. Алькой — молодой фабричный город, насчитывающий теперь около 30 000 жителей, в котором Интернационал, в бакунистской форме, появился лишь год тому назад и очень быстро распространился. Ра-

бочие этого города, до тех пор совершенно чуждые движению, охотно воспринимали социализм в любой форме, подобно тому, как это повторяется то здесь, то там в отсталых местечках Германии, где Всеобщий германский рабочий союз внезапно приобретает много свежеспеченных приверженцев. Алькой был избран поэтому местопребыванием бакунистской испанской Федеральной комиссии. С деятельностью этой самой Федеральной комиссии мы здесь и ознакомимся.

7 июля рабочее собрание постановляет объявить всеобщую стачку и на следующий день отправляет депутацию к алькальду (городскому голове) с требованием в 24 часа созвать фабрикантов и предъявить им требования рабочих. Алькальд Альборс, буржуазный республиканец, задерживает рабочих, вызывает войска из Аликанте, а фабрикантам дает совет не уступать, а забаррикадироваться в своих домах. Сам же он будет на своем посту. После совещания с фабрикантами, — мы следуем здесь официальному отчету Федеральной комиссии альянсистов, датированному 14 июля 1873 г., — он, пообещавший вначале рабочим сохранять нейтралитет, выпускает прокламацию, в которой он «оскорбляет рабочих и клеветает на них, становится на сторону фабрикантов и таким образом уничтожает право и свободу стачечников, провоцируя их на борьбу». Как могут благочестивые пожелания городского головы уничтожить право и свободу стачечников, остается во всяком случае неясным. Как бы то ни было, но руководимые Альянсом рабочие объявляют через комиссию городской думе, что если она не намерена сохранять обещанный нейтралитет по отношению к стачке, то, во избежание конфликта, лучше бы ей сложить свои полномочия. Комиссия не была принята, и, когда она покидала ратушу, полицейские открыли огонь по безоружному народу, мирно стоявшему на площади. Так, по альянсистскому отчету, началась борьба. Народ вооружился, завязалось сражение, длившееся будто бы «двадцать часов». С одной стороны — рабочие, число которых «Solidarité révolutionnaire» определяет в 5 000, с другой стороны — 32 жандарма в ратуше да еще несколько вооруженных человек в четырех или пяти домах на рынке; дома эти — по доброму прусскому примеру — были сожжены народом. Наконец, у жандармов вышли боевые припасы, и они вынуждены были сдаться.

«Не пришлось бы оплакивать так много жертв, — повествует отчет альянсистской комиссии, — если бы алькальд Альборс не обманул народа: он сделал вид, что сдается, а затем малодушно приказал убить тех, кто, полагаясь на его слово, проникли в ратушу; и сам этот алькальд не был бы убит населением, пришедшим в справедливое негодование, если бы он не выстрелил в упор из револьвера в людей, арестовывавших его».

Каковы же были жертвы этой борьбы?

«Хотя мы и не имеем возможности точно подсчитать число убитых и раненых (со стороны народа), мы все же можем сказать, что их *не менее десяти*. Со стороны нападавших насчитывается не менее *пятнадцати* убитых и раненых».

Это было первое уличное сражение, выдержанное Альянсом. В течение двадцати часов дрались против 32 жандармов и нескольких вооруженных буржуа, и после того, как те расстреляли все свои патроны, одолели их, потеряв всего-навсего *десять человек*. Видимо, Альянс вдолбил своим последователям изречение Фальстафа о том, что «осторожность — наилучшее доказательство храбрости».

Разумеется, все сообщения буржуазных газет о всякого рода ужасах, о бесцельно сожженных фабриках, о массовых расстрелах жандармов, о людях, облитых керосином и подожженных, — чистейшие выдумки. Победившие рабочие, даже тогда, когда ими руководят альянсисты, девиз которых: «Бей, круши!», — всегда обходятся даже чересчур великодушно со своими побежденными противниками, а последние приписывают им все те позорные деяния, которые *сами они* никогда не преминут учинить в случае победы.

Итак, победа была одержана.

«В Алькое, — ликует «Solidarité révolutionnaire», — наши друзья, в числе 5 000 человек, стали господами положения».

Как же воспользовались эти «господа» своим «положением»?

Об этом не говорит нам ни слова ни отчет Альянса, ни альянсистская газета; мы вынуждены обратиться к обычным газетным сообщениям. Из них мы узнаем, что в Алькое был тотчас учрежден «комитет общественного спасения», т. е. революционное правительство. Правда, на своем конгрессе в Сент-Имье, в Швейцарии, 15 сентября 1872 г., альянсисты постановили, что «всякая организация политической, так называемой временной или революционной власти может быть только новым обманом и была бы столь же опасна для пролетариата, как и все существующие ныне правительства». Члены заседающей в Алькое испанской Федеральной комиссии также употребили все усилия к тому, чтобы эта резолюция была принята и конгрессом испанского Интернационала. И вот, несмотря на все это, мы обнаруживаем, что Северино Альбаррасин, член этой комиссии, а по некоторым сведениям и Франциско Томас, ее секретарь, были членами этой временной и революционной правительственной власти — алькойского комитета общественного спасения!

Что же делал этот комитет общественного спасения? Какие принял он меры к тому, чтобы осуществить «немедленное полное освобождение рабочих»? Комитет запретил всем мужчинам выезжать из города, между тем как женщинам это было разрешено, если только

они... имели *паспорта!* Противники всякой власти вводят снова паспорта! Во всем остальном — полнейшая бестолковщина, бездеятельность и беспомощность.

Между тем из Аликанте приближался с войсками генерал Велларде. У правительства было достаточно причин желать покончить с местными восстаниями в провинциях без всякого шума. А у «господ положения» в Алькое было достаточно причин желать выбраться из положения, в котором они не знали, что делать. Так что роль депутата Сервера, служившего посредником, была легка. Комитет общественного спасения сложил свои полномочия, войска 12 июля вступили в город без всякого сопротивления, и единственным обещанием, которое за это было дано комитету общественного спасения, была... всеобщая амнистия. Альянсистские «господа положения» еще раз благополучно вышли из тупика. Этим и кончилась авантюра в Алькое.

В Сан-Лукар-де-Баррамеда, около Кадикса, рассказывает нам отчет Альянса, «алькальд закрывает помещение Интернационала и вызывает гнев рабочих своими угрозами и своими непрерывными посягательствами на личные права граждан. Комиссия требует от министра соблюдения права и открытия произвольно закрытого помещения. Г-н Пи соглашается на это в принципе... но отказывается исполнить это на деле. Рабочие убеждаются, что правительство намерено систематически подвергать опале их ассоциацию; они смещают всех местных представителей власти и назначают на их место новых, которые вновь открывают помещение ассоциации».

«В Сан-Лукаре... народ является господином положения!» — торжествует «Solidarité révolutionnaire». Альянсисты, которые и здесь, вопреки своим анархистским воззрениям, образовали революционное правительство, не знали, что делать со своей властью. Они тратили время на пустые споры и бумажные резолюции; а когда генерал Павиа, взяв Севилью и Кадикс, послал 5 августа в Сан-Лукар несколько рот из бригады Сориа, — то он... не встретил никакого сопротивления.

Таковы геройские подвиги, совершенные Альянсом там, где у него не было никаких соперников.

III.

Вслед за уличной битвой в Алькое поднялись в Андалузии непримиримые. Пи-и-Маргалль был еще у власти и вел все время переговоры с вождями этой партии, желая образовать из них министерство; зачем же было начинать восстание, когда переговоры еще не кончи-

лись неудачей? Причина этой поспешности до сих пор не совсем понятна; но одно несомненно: господа непримиримые стремились прежде всего как можно скорее практически осуществить федеративную республику, чтобы овладеть властью и тем множеством правительственных постов, которые должны были быть учреждены в отдельных кантонах. Кортесы в Мадриде слишком долго тянули с раздроблением Испании; стало быть, надо было взяться самим за дело и провозгласить повсюду самостоятельность кантонов. Прежнее поведение (бакунистского) Интернационала, впутавшегося со времени выборов в дела непримиримых, позволяло рассчитывать на его содействие: ведь он только что насильно овладел Алькоем и вступил, следовательно, в открытую борьбу с правительством! К тому же бакунисты долгие годы проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз пагубно, что все нужно организовывать и проводить в жизнь снизу вверх. И вот теперь представлялся случай осуществить снизу вверх знаменитый принцип автономии, по крайней мере в отдельных городах! Иначе и быть не могло: бакунистские рабочие попались на удочку и стали таскать каштаны из огня для непримиримых, чтобы потом получить в награду от этих союзников, как всегда, пинки сапогом и ружейные пули.

Какова же была роль членов бакунистского Интернационала во всем этом движении? Они помогли придать ему характер федералистской раздробленности, они осуществили, насколько это было возможно, свой идеал анархии. Те самые бакунисты, которые в Кордове, за несколько месяцев до того, объявили учреждение революционных правительств изменой и надувательством рабочих, заседали теперь во всех революционных правительствах городов Андалузии, — но везде в меньшинстве, так что непримиримые могли делать, что им угодно. В то время как эти последние держали в своих руках политическое и военное руководство, — от рабочих отделялись пышными фразами или резолюциями о мнимо-социальных реформах самого нелепого и бессмысленного рода, которые вдобавок оставались лишь на бумаге. Когда же бакунистские вожди требовали действительных уступок, они встречали бесцеремонный отказ. Перед корреспондентами английских газет «непримиримые» вожди движения сочли наиболее важным указать, что у них нет ничего общего с этими так называемыми интернационалистами и что они не несут за них никакой ответственности; вместе с тем они заявили, что держат под строжайшим полицейским надзором как главарей Интернационала, так и всех эмигрантов Парижской коммуны. Наконец, в Севилье, как мы увидим дальше, во время сражения с правительственными

войсками непримиримые стреляли также и в своих бакунистских союзников¹.

Так вышло, что в несколько дней вся Андалузия оказалась в руках вооруженных непримиримых. Севилья, Малага, Гранада, Кадикс и т. д. перешли в их руки почти без сопротивления. Каждый город объявил себя суверенным кантоном и учредил революционный правительственный комитет (хунту). За ними последовали Мурсия, Картагена, Валенсия. В Саламанке была произведена подобная же попытка, но более мирного характера. Таким образом, большинство крупных городов Испании было во власти повстанцев; исключение составляли лишь столица, Мадрид, город роскоши, почти никогда не выступающий решительно, а также Барселона. Если бы поднялась Барселона, — окончательный успех был бы почти обеспечен, а вместе с тем была бы обеспечена мощная поддержка рабочим элементам движения. Но, как мы видели, непримиримые были в Барселоне достаточно бессильны, а члены бакунистского Интернационала, пользовавшиеся там в то время еще очень большим влиянием, воспользовались всеобщей стачкой как предлогом для того, чтобы *уклониться* от восстания. Таким образом, на этот раз Барселона не оказалась на своем посту.

Тем не менее это восстание, хотя и безвозглаго начатое, имело еще большие шансы на победу, если бы им руководили хоть скольнибудь разумно, хотя бы лишь на манер испанских военных мятежей, когда поднимается гарнизон одного города, идет в ближайший город, увлекает за собою заранее уже обработанный гарнизон этого города и, вырастая, как лавина, устремляется на столицу, покуда удачное сражение или переход на их сторону высланных против них войск не решает победы. Такой метод был на этот раз особенно подходящим. Повстанцы повсюду были уже давно организованы в добровольческие батальоны; правда, дисциплина у них была скверная, но, наверное, не хуже, чем у остатков старой, большей частью разложившейся испанской армии. Единственным надежным войском правительства были жандармы (*guardias civiles*), но они были рассеяны по всей стране. Прежде всего следовало помешать сосредоточению жандармских отрядов, а этого можно было достичь только действуя наступательно и рискнув выйти в открытое поле; большой опасности в этом не было, так как войска, которые правительство могло против-

---

¹ Следующие три абзаца в «Volksstaat» (№ 106 от 2 ноября 1873 г.) вверстаны в самый конец этой третьей главы. Они переставлены сюда Энгельсом при перепечатке статьи в 1894 г. в сборнике «Internationales aus dem Volksstaat». *Ред.*

поставить добровольцам, были так же недисциплинированы, как и сами добровольцы. А если желали победить, — другого средства не было.

Так нет же. Федерализм непримиримых и их бакунистского охвостья в том-то и заключался, что каждый город действовал на собственный страх, объявив самым важным делом не совместные действия с другими городами, а отделение от других городов, и исключив тем самым всякую возможность всеобщего наступления. То, что во время крестьянской войны в Германии и во время немецких восстаний в мае 1849 г. было неизбежным злом, — а именно раздробленность и разрозненность революционных сил, позволявшая одним и тем же правительственным войскам подавлять одно восстание за другим, — то было здесь провозглашено принципом наивысшей революционной мудрости. Бакунин мог быть удовлетворен. Уже в сентябре 1870 г. (*Lettres à un Français*¹) он заявил, что единственное средство изгнать путем революционной войны пруссаков из Франции заключается в том, чтобы уничтожить всякое централизованное руководство и предоставить каждому городу, каждой деревне, каждой общине вести войну на собственный риск. Стоит только противопоставить единообразно управляемому прусскому войску освобожденные от оков революционные страсти, — и победа обеспечена. Перед лицом представленного, наконец, снова самому себе всеобщего рассудка французского народа единичному рассудку Мольтке пришлось бы, конечно, стушеваться. Французы не хотели тогда понять этого; но в Испании Бакунин одержал блестящий успех, как мы уже видели и еще увидим в дальнейшем.

Между тем это скоропалительное, без всякого повода начатое восстание лишило Пи-и-Маргалля возможности продолжать дальше переговоры с непримиримыми. Он вынужден был уйти; взамен него пришли к власти чистые республиканцы кастеллярковского пошиба, ничем не прикрытые буржуа, первой задачей которых было — доканать рабочее движение, которое они раньше использовали, но которое теперь стало им только помехой. Сколотили одну дивизию, под командой генерала Павиа, против Андалузии и другую, под командой Кампоса, — против Валенсии и Картагены. Ядро их составляли собранные со всей Испании жандармы, сплошь старые солдаты, среди которых дисциплина еще не была поколеблена. Как при атаках версальских войск против Парижа, жандармы и здесь должны были придать устойчивость деморализованным линейным войскам и

¹ «Письма к французам». *Ред.*

итти везде во главе атакующих колонн; в обоих отношениях они и выполнили по мере сил свою задачу. Кроме жандармов, в эти дивизии было включено еще несколько сборных линейных полков, так что каждая из них насчитывала приблизительно по 3 000 человек. Это было все, что правительство могло выставить против инсургентов.

Генерал Павиа выступил в поход около 20 июля. 24-го отряд жандармов и линейных войск, под командой Риполя, занял Кордову. 29-го Павиа атаковал забаррикадированную Севилью, которая была взята 30 или 31 июля (по телеграммам это число трудно установить). Он оставил здесь летучий отряд для умирения окрестностей и двинулся на Кадикс, защитники которого отставали, да и то весьма слабо, лишь подступы к городу, но затем, 4 августа, без всякого сопротивления позволили себя обезоружить. В последующие дни Павиа обезоружил, тоже без всякого сопротивления, Сан-Лукар-де-Баррамеду, Сан-Рок, Тарифу, Алжесирас и много других мелких городов, каждый из которых сформировался в суверенный кантон. Одновременно он послал отряды против Малаги и Гранады, сдавшихся без сопротивления, первая 3-го, а вторая 8 августа, так что к 10 августа, менее чем через две недели и почти без борьбы, была покорена вся Андалузия.

26 июля Мартинец Кампос начал наступление против Валенсии. Здесь восстание было поднято рабочими. При расколе испанского Интернационала перевес в Валенсии оказался на стороне членов настоящего Интернационала, и новый испанский Федеральный совет был перенесен в этот город. Вскоре после провозглашения республики, когда впереди предстояли революционные бои, бакунистские рабочие Валенсии, не доверяя прикрытому ультра-революционными фразами отлыниванию барселонских вожakov, предложили членам настоящего Интернационала свое содействие во всех местных движениях. Когда вспыхнуло кантональное движение, те и другие, используя непримиримых, немедленно напали на войска и прогнали их. Каков был состав валенсийской хунты, — осталось неизвестным; но из сообщений корреспондентов английских газет видно, что в ней, как и в рядах валенсийских добровольцев, решительно преобладали рабочие. Те же самые корреспонденты отзывались о валенсийских повстанцах с уважением, какого они отнюдь не выказывали по отношению к другим восставшим, состоявшим преимущественно из непримиримых; они восхваляли мужественную дисциплину валенсийцев, царящий в городе порядок и предсказывали продолжительное сопротивление и упорную борьбу. Они не ошиблись. Валенсия, ничем не защищенный город, выдерживала атаки дивизии

Кампоса с 26 июля до 8 августа, т. е. дольше, чем вся Андалузия, вместе взятая.

В провинции Мурсия главный город того же наименования был занят без сопротивления; после падения Валенсии Кампос двинулся на Картагену, одну из сильнейших крепостей Испании, защищенную со стороны суши сплошным валом и выдвинутыми вперед фортами на господствующих над городом высотах. 3 000 человек правительственных войск, без всякой осадной артиллерии, были, конечно, при своих легких полевых орудиях бессильны против тяжелой артиллерии фортов и должны были ограничиться осадой города с суши; но такая осада имела мало значения, пока картагенцы господствовали над морем при помощи военного флота, захваченного ими в гавани. Повстанцы, занятые в то время, когда в Валенсии и Андалузии шла борьба, только собою, стали подумывать о внешнем мире лишь после подавления остальных восстаний, когда у них самих вышли деньги и съестные припасы. Только тогда была сделана попытка двинуться против Мадрида, лежащего по крайней мере на расстоянии 60 немецких миль, т. е. более чем вдвое дальше, нежели, например, Валенсия и Гранада! Недалеко от Картагены экспедицию постиг печальный конец. Осада отрезала всякую возможность повторять дальнейшие сухопутные вылазки; поэтому ухватились за вылазки при помощи флота. Но что это были за вылазки! О том, чтобы снова поднять с помощью картагенских военных судов восстание в только что покоренных приморских городах, не могло быть и речи. Поэтому флот суверенного кантона Картагены ограничился тем, что стал угрожать бомбардировкой другим, — по картагенской теории тоже суверенным, — приморским городам, от Валенсии до Малаги, а в случае необходимости и в самом деле бомбардировал их, если они не доставляли на борт требуемых съестных припасов и военной контрибуции звонкой монетой. Пока эти города, в качестве суверенных кантонов, воевали против правительства, в Картагене держались принципа: «каждый за себя». Когда же они были побеждены, был провозглашен принцип: «все за Картагену!» Так понимали картагенские непримиримые и их бакунистские сообщники федерализм самостоятельных кантонов.

Чтобы усилить ряды борцов за свободу, правительство Картагены выпустило на волю около 1 800 каторжников, заключенных в городской каторжной тюрьме, — самых отъявленных разбойников и убийц Испании. Что это такое революционное мероприятие было ему подсказано бакунистами, — не подлежит уже ни малейшему сомнению после разоблачений доклада об «Альянсе». Там показано,

как мечтает Бакунин о «разнуздании всех дурных страстей», выстав-
ляя русского разбойника в качестве образца для всех истинных ре-
волюционеров. Но что русскому здорово, то испанцу смерть. Когда
картагенское правительство разнуздало «дурные страсти» 1 800 го-
ловорезов, сидевших под замком, и тем самым довело до крайней сте-
пени деморализацию в рядах своих войск, — оно действовало, стало
быть, вполне в духе Бакунина. А когда испанское правительство,
вместо того, чтобы разрушать до основания свои собственные кре-
постные сооружения, ожидало падения Картагены от внутренних
беспорядков среди ее защитников, — оно придерживалось вполне
правильной политики.

IV.

Послушаем теперь, что говорит обо всем этом движении доклад
«Новой мадридской федерации».

«Во второе воскресенье августа месяца в Валенсии должен был состояться
конгресс, которому предстояло, между прочим, решить и вопрос о том, какую
позицию следует занять испанской интернациональной Федерации в связи с
важными политическими событиями, происшедшими в Испании, начиная с 11 фе-
враля, дня провозглашения республики. Но бестолковое (*descabellada*, — бук-
вально: растрепанное) кантональное восстание, которое потерпело столь плачев-
ное поражение и в котором члены Интернационала почти во всех восставших
провинциях принимали самое горячее участие, не только парализовало деятель-
ность Федерального совета, рассеяв большинство его членов, но почти совершенно
деорганизовало и местные федерации и, что всего хуже, навлекло на членов
этих федераций всю ту ненависть и все те преследования, которые бывают след-
ствием всякого постыдно начатого и потерпевшего поражение народного
восстания...

«Когда вспыхнуло кантональное восстание, когда организовались хунты,
т. е. правительства кантонов, — тогда эти люди (бакунисты), так яростно высту-
павшие против политической власти, обвинявшие нас в авторитаризме, эти люди
поспешили вступить в кантональные правительства. В значительных городах,
как Севилья, Кадикс, Сан-Лукар-де-Баррамеда, Гранада и Валенсия, в канто-
нальных хунтах заседали многие из членов Интернационала, называвшие себя
анти-авторитаристами, заседали, не имея никакой другой программы кроме авто-
номии провинции или кантона. Это официально подтверждается опубликован-
ными этими хунтами прокламациями и другими документами, под которыми
красуются имена известных интернационалистов этого сорта.

«Такое вопиющее противоречие между теорией и практикой, между пропа-
гандой и делом, не имело бы большого значения, если бы в результате получи-
лась хоть какая-нибудь польза для нашей ассоциации, хоть какой-нибудь про-
гресс в организации наших сил, хоть некоторое приближение к достижению
нашей главной цели — освобождения рабочего класса. Но случилось как раз
обратное, да иначе и быть не могло. Не было главного условия — действенного
сотрудничества испанского пролетариата, сотрудничества, которого так легко было

достичь, действуя от имени Интернационала. Не было единодушия среди местных федераций; движение было предоставлено индивидуальной или местной инициативе, без всякого руководства (кроме разве того, *которое мог навязать ему таинственный Альянс, а этот Альянс, к стыду нашему, все еще господствует над испанским Интернационалом*), без всякой программы, кроме программы наших природных врагов, буржуазных республиканцев. И вот кантональное движение было подавлено самым позорным образом, почти без сопротивления, но, погибая, оно увлекло с собою престиж и организацию Интернационала в Испании. Какое бы ни произошло бесчинство, преступление, насилие, — республиканцы сваливают его теперь на интернационалистов; мы имеем достоверные сведения даже о том, что в Севилье, во время сражения, непримиримые стреляли в своих союзников, членов (бакунистского) Интернационала. Реакция, ловко пользуясь нашими глупостями, натравила на нас республиканцев и клеветает на нас пред широкими темными массами; того, чего ей не удалось достичь во времена Сагасты, ей удастся, повидимому, достичь теперь: опорочить имя «Интернационал» в широких массах испанских рабочих.

«В Барселоне множество рабочих секций отделилось от Интернационала, решительно протестуя против господ из газеты «La Federacion» (главный орган бакунистов) и их необъяснимого поведения. В Хересе, Пуэрто-де-Санта-Мария и в других местах федерации приняли решение о своем роспуске. В Лойа (провинция Гранада) население изгнало нескольких живших там членов Интернационала. В Мадриде, где пользуются еще наибольшей свободой, старая (бакунистская) федерация не подает ни малейших признаков жизни, а наша вынуждена бездействовать и молчать, чтобы не расплачиваться за чужие грехи. В городах севера мы лишены всякой возможности действовать из-за карлистской войны, принимающей с каждым днем все более ожесточенный характер. Наконец, в Валенсии, где правительство после пятнадцатидневной борьбы осталось победителем, члены Интернационала, не успевшие бежать, вынуждены были скрыться, а Федеральный совет совершенно распался».

Вот что сообщает мадридский доклад. Легко видеть, что он ни в чем не расходится с вышеприведенным историческим очерком.

Каков же результат всего нашего исследования?

1) Как только бакунисты оказались пред лицом серьезной революционной ситуации, они вынуждены были выбросить за борт всю свою прежнюю программу. Прежде всего они пожертвовали своим учением о необходимости политического воздержания и, в особенности, воздержания от участия в выборах. Затем подверглась той же участи анархия, уничтожение государства; вместо того, чтобы уничтожить государство, они пытались, напротив, создать множество новых, мелких государств. Затем они отбросили тот принцип, что рабочие не должны принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение пролетариата, и приняли участие в заведомо чисто буржуазном движении. Наконец, они грубо нарушили свой только что провозглашенный догмат, что участие в революционном правительстве было бы только новым надувательством и

новой изменой рабочему классу, преспокойно вступив в правительственные комитеты отдельных городов, и притом почти везде в качестве бессильного меньшинства, политически эксплуатируемого буржуазным большинством.

2) Это отречение от проповедывавшихся до тех пор принципов выразилось, однако, в самой трусливой, самой лживой форме и под давлением нечистой совести, так что ни сами бакунисты, ни руководимые ими массы, вступая в движение, не имели никакой программы или вообще не знали, чего они хотят. Каков же был естественный результат этого? — Тот, что бакунисты либо препятствовали всякому движению, как в Барселоне, либо вовлекались в разрозненные, лишённые плана, нелепые восстания, как в Алькое и в Сан-Лукар-де-Баррамеда; либо же руководство восстанием попадало в руки «непримиримых» буржуа, как это было в большинстве восстаний. Таким образом, как только дошло до дела, ультра-революционный визг бакунистов превратился или в отлынивание, или в заведомо безнадежные восстания, или же в присоединение к буржуазной партии, которая постыднейшим образом политически эксплуатировала рабочих и вдобавок награждала их пинками сапога.

3) От так называемых ¹ принципов анархии, свободной федерации независимых групп и т. п. не остается ничего, кроме безмерного и бессмысленного раздробления средств революционной борьбы, позволившего правительству с помощью горсти солдат покорять почти без сопротивления один город за другим.

4) Все это привело не только к тому, что хорошо организованный и многолюдный испанский Интернационал, — как ложный, так и действительный, — полетел в пропасть вслед за непримиримыми и ныне фактически не существует, но вдобавок еще к тому, что на него же возводится множество вымышленных бесчинств, без которых филистеры всех стран не могут даже и представить себе рабочего восстания. А вследствие этого может быть на целые годы стала невозможной новая международная организация испанского пролетариата.

5) Одним словом, бакунисты в Испании дали нам неподражаемый образчик того, как не следует делать революцию.

---

¹ В «Volksstaat»: вместо «так называемых» — «великих». *Ред.*

АНГЛИЙСКИЕ ВЫБОРЫ.

Лондон, 22 февраля 1874 г.

Выборы в английский парламент уже закончены. Гениальный Гладстон, который не мог управлять с большинством в 66 голосов, внезапно распустил парламент, произвел в течение 8 — 14 дней выборы, и результатом оказалось... большинство в 50 с лишним голосов *против* него. Второй парламент в условиях избирательной реформы 1867 г. и первый парламент, избранный тайным голосованием, дал прочное консервативное большинство. К тому же консерваторов послали в парламент главным образом крупные промышленные города и фабричные районы, где большинство безусловно имеют рабочие. Как это произошло?

Прежде всего этот результат объясняется попыткой Гладстона произвести посредством выборов государственный переворот. Выборы были назначены так быстро после роспуска парламента, что иным городам было дано на размышление каких-нибудь пять дней, большинству — не полных восемь, а ирландским, шотландским и сельским избирательным округам — самое большее — четырнадцать дней. Гладстон хотел окопачить избирателей, но в Англии государственные перевороты как-то не удаются, а попытки окопачить других оборачиваются против тех, кто их затевает. В результате — вся многочисленная масса индифферентных и колеблющихся голосовала против Гладстона.

К тому же и методы управления Гладстона грубо нарушали исконные привычки Джона Булля. А Джон Буль так ограничен, что видит в своем правительстве не своего господина и повелителя, а своего слугу, и к тому же единственного слугу, которого он может рассчитать в любую минуту без всякого предупреждения. Если та или иная правящая партия иной раз и разрешает своему министерству, да и то из сугубо практических соображений, провести какую-либо эффектную неожиданность в области налоговых облегчений и иных финансовых мероприятий, то в области серьезных законодательных мер она допускает что-либо подобное только в виде исключения. А между тем Гладстон возвел эти законодательные театральные эффекты в правило. Большинство его крупных мероприятий

оказывались для его собственной партии такой же неожиданностью, как и для противников; либералам эти мероприятия форменно навязывались сверху, так как если бы они не стали голосовать за них, они тотчас привели бы к власти противную партию. И если содержание многих из этих мероприятий, например ирландского церковного билля и ирландского земельного билля, при всем своем убожестве, приводило в ужас многих старых умеренно-консервативных вигов, то всю партию в целом отталкивал тот способ, каким они ей навязывались. Но Гладстон не ограничился этим. Отмену покупки должностей в армии он провел, обратившись без всякой нужды вместо парламента к королевской власти, и этим оскорбил свою собственную партию. К тому же он связался с целым рядом назойливых посредственностей, единственный талант которых заключался в умении без надобности вызывать к себе ненависть. Таковы в особенности Брюс, министр внутренних дел, и Айртон, действительный глава лондонского городского управления. Первый отличался грубостью и надменным обращением с рабочими депутациями; второй управлял Лондоном, — как, например, при попытке запретить народные собрания в парках, — совершенно по-прусски, а так как здесь такие номера не проходят (действительно, ирландцы, вопреки запрещению, тотчас же устроили под носом у г. Айртона большой массовый митинг в Гайд-парке), то это повлекло за собою ряд мелких поражений правительства и его растущую непопулярность.

Наконец, тайное голосование дало возможность множеству рабочих, прежде политически индифферентных, безнаказанно голосовать против своих эксплуататоров и против партии, в которой они справедливо видят партию промышленных магнатов, — против либеральной партии. Это верно даже и там, где большинство крупных промышленных магнатов, следуя моде, перешло в лагерь консерваторов. Если либеральная партия не представляет крупной промышленности в противовес крупному землевладению и крупным финансистам, то она в Англии вообще ничего не представляет.

Общий умственный уровень уже прошлого парламента был более чем посредственным. Парламент этот состоял главным образом из провинциальных помещиков и сыновей крупных землевладельцев, с одной стороны, и из банкиров, директоров железных дорог, пивоваров, фабрикантов и прочих новоявленных богачей — с другой; там были еще отдельные политические деятели, юристы, профессора. Порядочное количество этих последних «представителей разума» на сей раз провалилось, так что новый парламент еще в большей степени, чем прошлый, является исключительно представительством крупного землевладения и денежного мешка. Зато он отли-

чается от прошлого двумя новыми элементами: в нем оказались двое рабочих и около пятидесяти ирландских гомрулеров ¹.

Что касается рабочих, то нужно прежде всего констатировать, что со времени крушения в пятидесятых годах партии чартистов, в Англии больше не существует особой политической рабочей партии. Да это и понятно в такой стране, где рабочий класс больше, чем где бы то ни было, получал свою долю выгоды от огромного роста крупной промышленности, а при господстве Англии на мировом рынке иначе не могло и быть; к тому же — в такой стране, где господствующие классы поставили себе целью, наряду с другими уступками, выполнять пункт за пунктом все требования программы чартистов, народной хартии. Из шести пунктов хартии два уже стали законом: тайная подача голосов и отмена избирательного ценза; третий пункт, всеобщее избирательное право, введен по крайней мере приблизительно; совершенно не выполнены три последних пункта: ежегодные перевыборы, вознаграждение депутатам (Diäten) и самый важный пункт — равномерные избирательные округа в соответствии с числом населения. — Рабочие, поскольку они участвовали в общей политике через особые организации, выступали в последнее время почти исключительно как крайнее левое крыло «великой либеральной партии», а при такой их роли великая либеральная партия, вполне естественно, надувала их на каждом выборах. Но вот внезапно вышел билль о реформе, и политическое положение рабочих разом изменилось. Во всех крупных городах они составляют теперь большинство избирателей, а в Англии как правительство, так и кандидаты в парламент привыкли ухаживать за избирателями. Отныне председатели и секретари тред-юнионов и политических рабочих союзов, как и вообще популярные рабочие ораторы, которых считали влиятельными в рабочей среде, сразу стали важными людьми; члены парламента, лорды и прочая знатная сволочь стали наносить им визиты, начали вдруг проявлять участие к пожеланиям и нуждам рабочего класса, стали обсуждать с этими «вождями рабочих» вопросы, над которыми до сих пор высокомерно насмехались или самая постановка которых уже считалась зазорной: начали даже вносить пожертвования и устраивать денежные сборы в пользу требований рабочих.

Вполне естественно, что «вождям рабочих» пришла тут в голову мысль пройти самим в парламент; их знатные друзья отнеслись к этому в общем сочувственно, но, разумеется, лишь для того, чтобы в каждом отдельном случае по возможности помешать избранию рабочего депутата. И дело, таким образом, дальше не двинулось.

¹ Сторовников ирландского самоуправления. *Ред.*

Что «вожди рабочих» охотно вошли бы в парламент, за это никто не станет их упрекать. Кратчайшим путем к этой цели было бы приступить сейчас же к организации новой, сильной рабочей партии с определенной программой; народная хартия была бы для них наилучшей политической программой, какой они могли только желать. Но имя чартистов, — именно потому, что они были явно пролетарской партией, — было у буржуазии на дурном счету, и вместо того, чтобы примкнуть к славной традиции чартистов, «вожди рабочих» предпочли вступить в переговоры со своими знатными друзьями и выступить «респектабельно», что значит у англичан — *по-буржуазному*. Если старое избирательное право до известной степени вынуждало рабочих выступать в качестве придатка радикальной буржуазии, то непростительно было заставлять их играть эту роль и после того, как билль о реформе открыл двери парламента по меньшей мере для шестидесяти рабочих кандидатов.

Это было поворотным пунктом. Чтобы пройти в парламент, «вожди рабочих» воспользовались в первую очередь голосами и деньгами буржуазии и лишь во вторую очередь — голосами самих рабочих. Но тем самым они перестали быть рабочими кандидатами и превратились в буржуазных кандидатов. Они обратились не к заново организуемой рабочей партии, а к буржуазной «великой либеральной партии». Они образовали взаимное общество страхования при выборах, Labour Representation Ligue [Лига рабочего представительства], которое черпало свои очень незначительные денежные средства главным образом из буржуазных источников. Но мало того. Радикальные буржуа достаточно сообразительны, чтобы понять, что избрание рабочих в парламент становится все более неизбежным; поэтому в их интересах удерживать под своим руководством предполагаемых рабочих кандидатов и тем самым как можно дальше отодвинуть момент их действительного избрания. Для этого они и располагают неким г. Самуилом Морлеем, лондонским миллионером, которому не жаль потратить несколько тысяч фунтов, чтобы, с одной стороны, разыгрывать роль главнокомандующего в этом лжербочем генеральном штабе, а с другой стороны — прослыть с его помощью в массах другом рабочих в благодарность за то, что он этих рабочих надувает. Когда же около года тому назад становилась все яснее вероятность роспуска парламента, Морлей собрал вокруг себя в лондонской таверне своих верных слуг. Они явились все: Поттеры, Гоуэллы, Оджеры, Гейлсы, Моттерседы, Кремеры, Эккариусы и всякие прочие; сборище людей, каждый из которых на предшествующих парламентских выборах был платным агентом буржуазии, агитируя за «великую либеральную партию» или, по крайней мере,

предлагая свои услуги для этого. Компания эта составила под председательством Морлея «рабочую программу», под которой мог бы подписаться любой буржуа и которая должна была явиться основой мощного движения, чтобы политически еще теснее приковать рабочих к буржуазии и чтобы — как воображали эти господа — провести в парламент ее «основателей». В алчном воображении этих основателей мелькали к тому же и многочисленные пятифунтовые чеки Морлея, которые непременно попали бы в их карман в ходе агитации. Но все это движение провалилось, не успев еще как следует начаться. Морлей запер свой несгораемый шкаф, а основатели снова пропали без вести.

Но вот четыре недели тому назад Гладстон внезапно распускает парламент. Непременные вожди рабочих облегченно вздохнули: либо они будут избраны, либо станут снова странствующими платными проповедниками «великой либеральной партии». Но нет: срок выборов так близок, что они обмануты и в той и в другой надежде. Правда, некоторые из них выступают в качестве кандидатов; но так как в Англии каждый кандидат, чтобы иметь право баллотироваться, должен внести 200 фунтов (1 240 талеров) в качестве взноса на покрытие издержек по выборам, а рабочие почти нигде не были организованы для этой цели, то выступить со своей кандидатурой могли лишь те из них, которым эту сумму предоставила буржуазия и которые, стало быть, выступали с *ее высшего начальственного соизволения*. А буржуазия этим и исчерпывала свои обязательства, предоставляя затем им всем самим блестяще провалиться на выборах.

Лишь двое рабочих прошли в парламент, оба — шахтеры угольных копей. Эта отрасль промышленности весьма крепко организована в три тред-юниона, располагает значительными средствами, имеет в некоторых округах бесспорное большинство среди избирателей и планомерно добивалась со времени избирательной реформы прямого представительства в парламенте.

Кандидатами были выставлены секретари всех трех тред-юнионов; один из них, Галлидей, не имел никакого успеха в Уэльсе; оба других — *Макдональд в Стаффорде* и *Берт в Морпете* — оказались выбранными. Берт мало известен за пределами своего округа; Макдональд же, бывший представителем углекопов при обсуждении последнего горнопромышленного закона, предал своих доверителей, одобрив один дополнительный параграф, который столь явно был в интересах капиталистов, что даже правительство не решилось ввести его в свой проект.

Но как бы то ни было, лед сломан, и в самом фешенебельном дискуссионном клубе Европы, среди людей, называющих себя первыми джентльменами Европы, сидят двое рабочих.

Рядом с ними сидит не меньше пятидесяти ирландских гомруле-ров. После разгрома восстания фениев в 1865 г., когда военные вожди фениев (ирландских республиканцев) были мало-по-малу либо заключены в тюрьмы, либо изгнаны в Америку, уцелевшие участники заговора фениев вскоре потеряли всякое значение. Возможность насильственного восстания была исключена на долгие годы — по крайней мере до того момента, когда Англия впуталась бы снова в серьезные внешние затруднения. Оставался, таким образом, только путь легального движения, которое и было предпринято под знаменем гомруля, «господства в собственном доме». Было выдвинуто определенное требование, чтобы имперский парламент в Лондоне передал законодательство по всем чисто ирландским вопросам особому ирландскому парламенту в Дублине; о том, что следует понимать под чисто ирландскими вопросами, до поры до времени благообразно умалчивалось. Это движение, вначале поднятое на смех английской прессой, приобрело такую силу, что к нему вынуждены были присоединиться ирландские депутаты самой различной партийной окраски, консерваторы и либералы, протестанты и католики (вождь движения, Бутт, сам протестант), и даже один коренной англичанин, который является представителем Голвея. Со времен О'Коннеля, движение которого за расторжение унии с Англией (Repeal - Bewegung) прекратилось почти одновременно с чартистским движением под ударами всеобщей реакции после событий 1848 г. (сам О'Коннель умер еще в 1847 г.), это — первая сплоченная ирландская партия в парламенте, созданная при таких условиях, которые вряд ли позволят ей повторять беспрестанные компромиссы О'Коннеля с либералами и вошедший после него в моду обычай продавать своих членов в розницу либеральному правительству.

Итак, в парламент вступили теперь обе движущие силы политического развития Англии: с одной стороны, рабочие, а с другой — ирландцы в виде сплоченной национальной партии. И хотя обе они едва ли будут играть видную роль и в этом парламенте (рабочие наверняка не будут), — все же выборы 1874 г. бесспорно открыли собою новую фазу в политическом развитии Англии.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Volksstaat»

№ 26 от 4 марта 1874 г.

Без подписи¹.

---

¹ Об авторстве Энгельса см. в письме В. Либкнехта к Ф. Энгельсу от 5 августа 1874 года. *Ред.*

НЕРАЗГОВОРЧИВЫЙ ШТАБНОЙ КРИКУН МОЛЬТКЕ И ЕГО НЕДАВНИЙ ЛЕЙПЦИГСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.

Лондон, 13 марта.

Ура-патриотизм какого-то откормленного лейпцигского буржуа был, повидимому, неприятно задет тем фактом, что французы до Меца не несли никаких потерь в орудиях, а немцы, напротив, такие потери понесли. Охваченный пушечной лихорадкой, он просит разъяснений у пресловутого полубога Мольтке, который в ответ помещает в «Leipziger Tageblatt» одно из своих забавных оракульских изречений, смысл которого таков, что хотя некоторыми французскими генералами во время процесса Базена и были сообщены неточные данные о захвате пушек той и другой стороной, но нужно все же допустить, что в то время как немцам удалось 16 августа взять у французов всего одну пушку, последние захватили 18-го два немецких орудия. Этим было сказано достаточно. Но неразговорчивому Мольтке нужно еще прочесть лекцию, без этого никак не обойтись. Итак, он рассказывает благоговеющим олухам, что, согласно «современной тактике», артиллерия должна сражаться в самых первых рядах; потому-то немцы и потеряли две пушки. Из его слов следует, что если бы французы воздали должное этой его «современной тактике», то, по всей вероятности, они потеряли бы гораздо больше пушек и тем заслужили бы его похвалу; ведь, по его словам, австрийцы, у которых артиллерия поддерживала пехоту на самой передовой линии боя, «почетнейшим образом» лишились 160 пушек. Австрийская артиллерия, как сам он изрекает, маневрировала так потому, что австрийская пехота по своему вооружению уступала немецкой. Ну, а так как французские шаспо превосходили прусские игольчатые ружья, то это и послужило основанием для *немецкой* артиллерии делать из нужды добродетель так же, как делала это австрийская артиллерия при Кениггреце; но у французской артиллерии отнюдь не было нужды *бесцельно* позволять себя расстреливать артиллерии противника, превосходящей ее своей нарезной конструкцией и подвижностью. Для Мольтке, конечно, должно представлять большое

неудобство то обстоятельство, что за три дня, 14, 16 и 18 августа 1870 г., было убито и ранено 40 000 немцев, несмотря на то, что французской артиллерией командовали на его взгляд до такой степени неразумно, что он и теперь еще заявляет: «Является ли при этих условиях факт отсутствия потерь или потери одного лишь орудия особым доказательством искусности французской артиллерии или ее стойкости в бою, — вопрос этот можно оставить открытым».

Но не подумайте, хотя вас и могло бы побудить к этому несловохотливое письмо Мольтке, что французская артиллерия действовала в те дни не вполне надлежащим образом, хотя бы даже по сравнению с немецкой артиллерией. Галантно выражаясь словами Мольтке, — «не вполне соответствует действительности», когда утверждают, как храбро делает он сам, что французская артиллерия «большой частью была легко устранимым противником». Кто хочет знать об этом более точно, пусть прочтет книгу «Die deutsche Artillerie in den Schlachten bei Metz [Немецкая артиллерия в битвах при Меце] Гоффбауера, капитана и командира батареи 1-го восточно-прусского артиллерийского полка, преподавателя объединенной артиллерийской и инженерной школы. Берлин 1872, Миттлер и сын». Книга, стало быть, официозная! Мольтке знает, что кто ставит такие глупые вопросы, как наш лейпцигский буржуа, тот подобных книг не читает или не понимает, а все те, которые прочтут эту книгу с пониманием дела, будут, по расчету Мольтке, «держат язык за зубами».

Разглагольствования Мольтке о «новом» способе употребления артиллерии не стоят и бумаги, на которой они написаны. Не только потери артиллеристами и лошадьми, но и расходы боевых припасов бывают при этом так огромны, что в короткий срок невозможно доукомплектование ни людьми, ни лошадьми, ни снарядами. Вдобавок, в результате «новой тактики» Мольтке немецкая артиллерия во славу науки расстреливает гораздо чаще, чем это желательно, своих собственных соотечественников. Так случилось 14, 16 и 18 августа 1870 года. «Новая тактика» привела к такой научно-запутанной артиллерийской пальбе, что пришлось посылать контр-приказы, просьбы прекратить это предательское безумие — огонь по немецким войскам (см. у Гоффбауера).

Впрочем, действия немецкой артиллерии в те дни носили, как говорит сам капитан Гоффбауер, кавалер ордена железного креста первой степени и безусловный поклонник своего начальства, «импровизированный характер». Мольтке спешит назвать это выполнением «требований современной тактики», которая «предписывает, чтобы артиллерия не смела бояться (это стиль Мольтке) включаться в самые

передовые линии сражающихся войск или же, при защите от атаки врага, держаться до последнего момента и защищать другие роды оружия». Но такие требования предъявлялись к артиллерии уже задолго до Мольтке. О «современной тактике» артиллерии ничего нельзя установить точно. До 1815 г. об этом не было написано ничего заслуживающего внимания, а с 1815 г. прусская артиллерия стала загнивать от бездействия, а ее офицеры только тем и занимались, что грызлись друг с другом. С 1866 г. пруссаки *полагали*, что они овладели пушечной премудростью, так как случайно они оказались владельцами лучшей пушки, чем некоторые их соседи. Во время французской войны они стали лишь нацупывать для своей артиллерии тактику, которая, как это ясно самым простым людям, должна изменяться вместе с каждым заметным усовершенствованием орудий.

Одно лишь человеколюбие может побудить заняться осмеянием и посрамлением столь же наивных, сколь старчески-претенциозных оракульских изречений Мольтке и его лакеев, изречений, с которыми они дерзают выступать в книгах, газетах, речах и письмах.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Volksstaat»

№ 35 от 25 марта 1874 г.

Без подписи ¹.

---

¹ Об авторстве Энгельса см. в письме В. Блоса к Ф. Энгельсу от 13 марта 1874 года. *Ред.*

ОБ АВТОРИТЕТЕ.

Некоторые социалисты начали в последнее время систематический крестовый поход против того, что они называют *принципом авторитета*. Достаточно им заявить, что тот или иной акт *авторитарен*, чтобы осудить его. Этим упрощенным приемом стали злоупотреблять до такой степени, что необходимо выяснить вопрос подробней. Авторитет в том смысле, о котором здесь идет речь, означает навязывание нам чужой воли; с другой стороны, авторитет предполагает подчинение. Но поскольку оба эти выражения звучат неприятно, и выражаемое ими отношение тягостно для подчиненной стороны, спрашивается, нельзя ли обойтись без этого отношения, не можем ли мы — при современном состоянии общества — создать иной общественный строй, при котором этот авторитет окажется бесцельным и, следовательно, должен будет исчезнуть. Исследуя экономические, промышленные и земледельческие отношения, лежащие в основе современного буржуазного общества, мы находим, что они тяготеют к тому, чтобы все больше и больше заменять разрозненные действия комбинированной деятельностью людей. Вместо небольших мастерских разрозненных производителей появилась современная промышленность с ее огромными фабриками и заводами, в которых сотни рабочих управляют сложными машинами, приводимыми в движение паром; дилижансы и повозки на больших дорогах вытеснены железнодорожными поездами, а маленькие парусные шхуны и фелюги — пароходами. Даже в земледелии все больше начинают господствовать машина и пар, медленно, но неуклонно заменяющие мелких собственников крупными капиталистами, которые обрабатывают с помощью наемных рабочих большие площади земли. Таким образом, комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становятся на место независимой деятельности отдельных лиц. Но комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?

Предположим, что социальная революция свергла капиталистов, в руках которых находится ныне производство и обращение богатств. Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитари-

стов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью: пользующихся ими рабочих. Исчезнет ли авторитет или же он только изменит свою форму? Посмотрим.

Возьмем, например, бумагопрядильню. Хлопчатая бумага должна подвергнуться по крайней мере шести последовательным операциям, прежде чем она превратится в нить, и эти операции производятся по большей части в разных помещениях. Далее, для бесперебойного функционирования машин нужен инженер, наблюдающий за паровой машиной, нужны механики для ежедневных починок и много других рабочих для переноски продуктов из одного помещения в другое и т. д. Все эти рабочие — мужчины, женщины и дети — должны начинать и кончать работу в часы, определяемые авторитетом пара, которому дела нет до личной автономии. Итак, рабочие прежде всего должны столкнуться относительно часов труда; а как только эти часы установлены, они уж обязательны для всех без исключения. Затем в каждом помещении ежеминутно возникают частные вопросы относительно способа производства, распределения материалов и т. д., которые требуется разрешать сейчас же, во избежание немедленного прекращения производства. И как бы ни разрешались эти вопросы, решением ли выборного лица, возглавляющего каждую отрасль труда, или, где это возможно, большинством голосов, воля каждого во всяком случае должна подчиняться, а это означает, что вопросы будут разрешаться авторитарно. Автоматический механизм большой фабрики оказывается гораздо более деспотическим, чем мелкие капиталисты, на которых работают рабочие. По крайней мере, что касается часов труда, то над воротами этих фабрик можно написать: *Lasciate ogni autonomia, voi che entrate!* [Оставьте всякую автономию, вы, сюда входящие!] Если человек наукою и творческим гением подчинил себе силы природы, то они ему мстят, подчиняя его самого, поскольку он пользуется ими, настоящему деспотизму, не зависящему ни от какой социальной организации. Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности, — уничтожения паровой прядильной машины для того, чтобы вернуться к прялке.

Возьмем другой пример — железную дорогу. Здесь также безусловно необходимо сотрудничество бесчисленного множества лиц; это сотрудничество должно осуществляться в точно установленные часы, во избежание несчастных случаев. И здесь первым условием дела является господствующая воля, решающая всякий подчиненный вопрос, — представлена ли эта воля одним выборным лицом или целым комитетом, который уполномочен выполнять постановления

большинства заинтересованных лиц. И в том и в другом случае мы имеем резко выраженный авторитет. Мало того: что стало бы с любым отправляемым поездом, если бы был уничтожен авторитет железнодорожных служащих по отношению к господам пассажирам?

Но как нельзя более очевидна необходимость авторитета — и притом авторитета самого властного — на корабле в открытом море. Там в момент опасности жизнь всех зависит от немедленного и беспрекословного подчинения всех воле одного.

Если я выдвигаю эти аргументы против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «Да! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших выборных лиц, а об известном поручении». Эти люди воображают, что, изменив название вещи, они изменили самое вещь. Эти глубокие мыслители просто-напросто издеваются над всеми.

Итак, мы видели, что, с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны известное подчинение, — независимо от какой бы то ни было общественной организации, — обязательны для нас в силу материальных условий, при которых происходит производство и обращение продуктов.

Кроме того, мы видели, что материальные условия производства и обращения неизбежно ведут к развитию крупной промышленности и крупного земледелия и стремятся ко все большему расширению сферы этого авторитета. Нелепо поэтому изображать принцип авторитета абсолютно плохим, а принцип автономии — абсолютно хорошим. Авторитет и автономия вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития. Если бы автономисты хотели сказать только то, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столкнуться, но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и страстно борются против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны с тем, что политическое государство, а вместе с ним политический авторитет исчезнут в результате будущей социальной революции, т. е. что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, охраняющие истинные интересы общества. Но антиавторитаристы требуют, чтобы авторитарное политическое государство было

отменено немедленно же, еще прежде, чем будут отменены социальные отношения, его породившие. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видали ли эти люди когда-нибудь революцию? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных; и если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?

Итак, одно из двух: или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они секут лишь путаницу, или они это знают, и в этом случае они изменяют движению пролетариата. В том и в другом случае они служат реакции.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в сборнике «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874», на итальянском языке.

Подпись: Ф. Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ»

[ДОБАВЛЕНИЕ ОТ 1874 Г.]¹

Предшествующие строки были написаны более четырех лет назад. Они и теперь сохраняют свое значение. То, что было верно после Садовой и разделения Германии, подтверждается и после Седана и основания Священной германской империи прусской нации. Так мало изменений могут внести в направление исторического движения «потрясающие мир» важные государственные события (Haupt- und Staatsaktionen) так называемой большой политики.

Эти важные государственные события могут лишь ускорить ход этого движения. В этом отношении виновники указанных «потрясающих мир событий» невольно достигли таких успехов, которые для них самих наверное крайне нежелательны, но с которыми волей-неволей им приходилось считаться.

Уж война 1866 г. потрясла старую Пруссию до самых глубоких ее основ. Уже после 1848 г. стоило не мало труда вновь подчинить старой дисциплине мятежный индустриальный, — как буржуазный, так и пролетарский, — элемент западных провинций; все же это удалось, и интересы юнкеров восточных провинций, наряду с интересами армии, снова заняли господствующее положение в государстве. В 1866 г. почти вся северо-западная Германия стала прусской. Не говоря уж о непоправимом моральном ущербе, который потерпела прусская божьей милостью корона, проглотив три других короны божьей милостью, — теперь центр тяжести монархии заметно переместился на запад. Пятимиллионное население Рейнской области и Вестфалии было подкреплено сначала 4 миллионами немцев путем прямой аннексии, а затем — 6 миллионами немцев, присоединенных косвенно, через посредство Северо-германского союза. А в 1870 г. к этому прибавилось еще 8 миллионов юго-западных немцев, так что в «новой империи» 14,5 миллионам старых пруссаков (из 6 ост-эльбских провинций, где в том числе было еще 2 миллиона поляков) противостояло около

¹ Предисловие, напечатанное в 1870 г., помещено в XIII томе настоящего издания. *Ред.*

25 миллионов, давно уже переросших старо-прусский юнкерский феодализм. Таким образом, именно победы прусской армии произвели решительный сдвиг во всем фундаменте прусского государственного здания; господство юнкерства становилось все более и более невыносимым даже для правительства. Но в то же время стремительно-быстрое промышленное развитие оттеснило борьбу между юнкерами и буржуазией на задний план перед борьбой между буржуазией и рабочими, так что в общественных основах старого государства произошел и изнутри решительный переворот. Основной предпосылкой медленно разлагавшейся с 1840 г. монархии была борьба между дворянством и буржуазией, борьба, в которой монархия поддерживала равновесие. Но с того момента, когда вместо защиты дворянства от напора буржуазии пришлось охранять все имущие классы от напора рабочего класса, — старая абсолютная монархия должна была полностью перейти в другую, специально для этой цели выработанную государственную форму: в *бонапартистскую монархию*. Этот переход Пруссии к бонапартизму я рассмотрел уже в другом месте («К жилищному вопросу», 2-й отдел, стр. 26 и сл. ¹). Но там я не отметил одного факта, который здесь имеет весьма существенное значение, а именно, что этот переход был *величайшим шагом вперед*, сделанным Пруссией после 1848 г., — настолько отстала Пруссия от современного развития. Она все еще оставалась полуфеодальным государством, а бонапартизм — уж во всяком случае современная государственная форма, которая предполагает устранение феодализма. Поэтому Пруссия должна решиться на то, чтобы покончить с многочисленными в ней остатками феодализма и пожертвовать юнкерством как таковым. Все это, конечно, совершается в самой мягкой форме и под звуки любимой мелодии: «Тише едешь — дальше будешь». Так, например, обстоит дело с достославным положением об округах. Оно отменяет феодальные привилегии отдельного юнкера на территории его имения, но лишь для того, чтобы восстановить их в виде привилегий всей совокупности крупных землевладельцев на территории целого округа. Сущность дела остается той же, только переведенной с феодального на буржуазный язык. Старо-прусского юнкера принудительно превращают в некое подобие английского сквайра, но ему вовсе незачем было особенно противиться этому, так как и у того и у другого одинаково мало ума.

Таким образом, Пруссии выпала своеобразная судьба — завершить свою буржуазную революцию, начавшуюся в 1808 — 1813 гг.

¹ См. стр. 52 и сл. настоящего тома. *Ред.*

и сделавшую шаг вперед в 1848 г., — завершить ее в конце этого столетия в приятной форме бонапартизма. И, если все будет идти хорошо и мир будет спокойно ждать, а мы сами — достаточно долго жить, то, может быть, к 1900 г. мы доживем до того, что прусское правительство действительно уничтожит все феодальные учреждения, и Пруссия, наконец, достигнет того положения, в котором Франция находилась в 1792 году.

Уничтожение феодализма, выраженное в положительной форме, означает установление буржуазного строя. По мере того как отпадают привилегии дворянства, законодательство становится буржуазным. И здесь мы натываемся на основу отношения немецкой буржуазии к правительству. Мы видели, что правительство *вынуждено* вводить эти медлительные и мелочные реформы. Но перед буржуазией каждую из этих маленьких уступок оно изображает как принесенную ей *жертву*, согласие на которую вырвано у короны с большим трудом, за что они, буржуа, должны, со своей стороны, также кое в чем уступить правительству. И буржуа, хотя суть дела для них довольно ясна, идут на этот обман. Отсюда и вытекает тот безмолвный договор, который в Берлине негласно лежит в основе всех дебатов в рейхстаге и в палате: с одной стороны, правительство черепашным шагом реформирует законы в интересах буржуазии, устраняет созданные феодализмом и партикуляризмом мелких государств препятствия развитию индустрии, устанавливает единство монеты, мер и весов, вводит свободу промышленности и т. д., устанавливает свободу передвижения, предоставляя этим в неограниченное распоряжение капитала рабочую силу Германии, покровительствует торговле и спекуляции; с другой стороны, буржуазия предоставляет правительству всю действительную политическую власть, вотирует налоги, займы и солдатские наборы и помогает ему так формулировать все новые законы, чтобы старая полицейская власть над неугодными лицами оставалась в полной силе. Буржуазия покупает свое постепенное общественное освобождение ценою прямого отказа от собственной политической власти. Естественно, что главным побудительным мотивом, делающим для буржуазии приемлемым такой договор, является не страх перед правительством, а страх перед пролетариатом.

Как ни жалки выступления нашей буржуазии в политической области, нельзя, однако, отрицать, что в сфере промышленности и торговли она, наконец, стала выполнять свой долг. Расцвет промышленности и торговли, который был отмечен во введении ко второму изданию, развивался с тех пор с еще большей энергией. То, что проис-

ходило в этом отношении в рейнско-вестфальской промышленной области с 1869 г., представляет собой прямо-таки неслыханное для Германии явление и напоминает расцвет английских фабричных округов в начале этого столетия. То же самое будет также в Саксонии и Верхней Силезии, в Берлине, Ганновере и приморских городах. Мы имеем, наконец, мировую торговлю, настоящую крупную промышленность, настоящую современную буржуазию; но зато у нас произошел и настоящий кризис, а также сложился настоящий, мощный пролетариат.

Для будущего историка грохот пушек в боях под Шпихерном, Мар-ля-Туром и Седаном и все, с этим связанное, будет иметь в истории Германии 1869 — 1874 гг. гораздо меньше значения, чем неприятное, спокойное, но непрерывно прогрессирующее развитие немецкого пролетариата. Уже в 1870 г. немецким рабочим пришлось выдержать тяжелое испытание: бонапартистскую провокацию войны и ее естественный результат — всеобщий национальный энтузиазм в Германии. Немецкие социалистические рабочие ни на минуту не дали сбить себя с толку. Они не проявили ни капли националистического шовинизма. Среди самого неистового опьянения победой они сохранили хладнокровие, требовали «справедливого мира без всяких аннексий» с французской республикой, и даже осадное положение не могло заставить их замолчать. Среди них не нашли отзвука ни увлечение военной славой, ни разговоры о «величии Германской империи»; единственной их целью осталось — освобождение всего европейского пролетариата. С полным правом можно сказать: столь тяжелому и так блестяще выдержанному испытанию не подвергались до сих пор рабочие никакой другой страны.

За осадным положением военного времени последовали процессы о государственной измене, оскорблении величества и чиновников, все возрастающие полицейские придирки мирного времени. У газеты «Volksstaat» сидело в тюрьме обычно три-четыре редактора одновременно, у других газет — также соответственное количество. Всякий сколько-нибудь известный партийный оратор должен был по меньшей мере раз в год предстать перед судом, где ему почти всегда выносили обвинительный приговор. Градом сыпались высылки, конфискации, роспуск собраний. Но все — напрасно. Каждого арестованного или высланного тотчас заменял другой; взамен каждого распущенного собрания созывались два новых; полицейский произвол преодолевали в одном месте за другим выдержкой и точным соблюдением законов. Все преследования приводили к противоположным результатам; они не только не могли сломить или хотя бы

сгнуть рабочую партию, но приносили ей только новых приверженцев и укрепляли ее организацию. В своей борьбе как с властями, так и с отдельными буржуа рабочие везде проявляли свое умственное и нравственное превосходство, доказав в своих столкновениях с так называемыми «работодателями», что теперь они, рабочие, являются просвещенными людьми, а капиталисты — невеждами. При этом борьбу они большею частью вели с юмором, который является лучшим доказательством их уверенности в своем деле и сознания собственного превосходства. Борьба, которую так проводят на подготовленной историей почве, должна дать большие результаты. Успех январских выборов представляет собою исключительное явление в истории современного рабочего движения, и изумление, вызванное им во всей Европе, было вполне обосновано.

Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и сохранили в себе тот теоретический смысл, который совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествовавшей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не сложился бы немецкий научный социализм — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у немецких рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это произошло на деле. А как необъятно велико это преимущество, доказывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, что английское рабочее движение, несмотря на превосходную организацию отдельных профессий, так медленно движется вперед; с другой стороны, это показывают та смута и те шатания, которые посеял прудонизм в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, а в карикатурной форме, приданной ему Бакуниным, — у испанцев и у итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы вступили в рабочее движение почти что позже всех. Так же, как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, трех людей, которые при всей фантастичности и всем утопизме своих учений принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество положений, правильность которых мы доказываем теперь научно, — точно так же немецкое практическое рабочее движение никогда не должно забывать о том, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно могло попросту ис-

пользовать их дорого купленный опыт и избежать теперь их ошибок, которые тогда были большею частью неизбежны. Где были бы мы теперь без примера английских тред-юнионов и политической борьбы французских рабочих, без того гигантского толчка, который дала в особенности Парижская коммуна?

Надо воздать должное немецким рабочим, которые с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этих преимуществ своего положения, а с другой — вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие стоят в данный момент в авангарде пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, — этого нельзя предсказать. Но покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, свой долг, как подобает. Для этого требуется удвоенное напряжение сил в каждой области борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому мировоззрению фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует того, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Необходимо будет все с большим усердием распространять среди рабочих масс приобретенное таким образом все более и более проясняющееся сознание и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов. Хотя голоса, собранные социалистами в январе, и представляют собою уже довольно значительную армию, но они все же далеко еще не составляют большинства немецкого рабочего класса; и, как ни много бодрости придают успехи пропаганды среди сельского населения, все же именно здесь остается еще сделать бесконечно много. Поэтому нельзя уставать в борьбе, а надо отвоевывать у врага город за городом, избирательный округ за округом. Но прежде всего необходимо сохранять истинно интернациональный дух, исключаяющий возникновение какого бы то ни было патристического шовинизма и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил. Если

немецкие рабочие будут идти вперед таким образом, то они будут не шествовать во главе движения, — вовсе не в интересах этого движения, чтобы рабочие одной какой-нибудь нации шествовали во главе его, — но будут занимать почетное место в общей боевой линии; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или чрезвычайные события потребуют от них еще более высокого мужества, более высокой решимости и энергии.

Лондон, 1 июля 1874 г.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в 3-м издании

«Der Deutsche Bauernkrieg», Leipzig, 1875.

Карл Маркс
КОНСПЕКТ КНИГИ БАКУНИНА
«ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ»

*Перевод с рукописи Маркса,
хранящейся в архиве ИМЭЛ*

БАКУНИН: «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ. ВВЕДЕНИЕ. ЧАСТЬ I. 1873»¹.

(ПОЗАДИ ЭТОГО ЗАГОЛОВКА НА СТРАНИЦЕ 1-А: «БОРЬБА В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ РАБОЧИХ»).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«В Италии, как в России, нашлось довольно значительное количество таких молодых людей, несравненно более, чем в какой-либо другой стране» (стр. 7).

«Да, может быть нигде так не близка социальная революция, как в Италии» (стр. 8).

«В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором господа Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем, *и только в нем*, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, *заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции*».

У немцев наоборот: правительство, с одной стороны, опирается на хорошее и пр. войско, а с другой — «на верноподданнический патриотизм, на национальное безграничное честолюбие и на то древнее историческое, столь же безграничное послушание и богопочитание власти, которыми отличаются повывне немецкое дворянство, немецкое мещанство (*bourgeoisie*), немецкая бюрократия, немецкая церковь, весь цех *немецких* ученых и под их соединенным влиянием нередко, увы, *и сам немецкий народ*» (стр. 11).

«Оказывается, что Пруссия съела Германию. Значит, доколе Германия останется государством, несмотря ни на какие мнимо-либеральные, конституционные, демократические *и даже социально-демократические формы*, она будет по необходимости *первостепенною и главною представительницею и постоянным источником всех возможных деспотизмов в Европе*» (стр. 11).

Начиная с середины XVI столетия и до 1815 г. главный источник

¹ При обратном переводе цитат воспроизведен текст Бакунина (с издания 1873 г.) с сохранением лишь тех изменений, которые внесены Марксом при переводе. Особым шрифтом в этих цитатах набраны те места, которые Маркс сам цитировал по-русски (старая орфография и описки Маркса здесь не воспроизводятся). Все курсивы в цитатах (кроме специально оговоренных) принадлежат Марксу. **Жирным (альдине)** набраны сделанные Марксом замечания, взятые им в рукописи в прямые скобки. *Ред.*

всех реакционных движений — Австрия (id est [т. е.] как представительница Германии); с 1815 по 1848 г. — разделяется между Австрией и Пруссией с преобладанием первой из них (Меттерних) (стр. 12); «с 1815 года приступил к этому святому союзу чисто германской реакции, гораздо более в виде охотника, чем дельца, наш татаро-немецкий, всероссийско-императорский кнут» (стр. 13).

Для того, чтобы свалить с себя ответственность, немцы пытались убедить себя самих и других в том, что главным зачинщиком Священного союза была Россия (Бакунин): «В противность немецким социальным демократам, программа которых ставит первую целью основание пангерманского государства, русские социальные революционеры стремятся прежде всего к совершенному разрушению нашего (русского) государства» и пр. (стр. 13). Ради истины, «не из желания защищать политику петербургского кабинета» (стр. 13), Бакунин дает немцам следующий ответ (**Великий человек, не говоря уж о создании Пруссии при помощи русских со времени Петра I, не упоминает и о Союзе при Екатерине и о русском влиянии на Францию со времени революции до Людовика-Филиппа включительно.**) (То же — о ее мошенничествах, начиная с XVIII столетия, вместе с Англией, с целью порабощения Европы). Он начинает с Александра I и Николая и изображает их деятельность следующим образом: «Александр рыскал с конца в конец и много хлопотал и шумел; Николай хмурился и грозил. Но тем все и кончилось. Они ничего не сделали... потому, что не могли, оттого, что им не позволили их же друзья, австрийские и прусские немцы; им предоставлена была лишь почетная роль пугал (bange machen), действовали же только Австрия, Пруссия и наконец — под руководством и с позволения той и другой — французские Бурбоны против Испании» (стр. 13, 14).

Россия один только раз перешла границу — в 1849 г., чтобы спасти Австрию от венгерской революции. Кроме того, в течение нынешнего столетия она дважды душила польскую революцию с помощью Пруссии, столь же заинтересованной в этом, как и она сама. Конечно, «Россия народная немыслима без польской независимости и свободы» (стр. 14).

Россия «ни по уму, ни по могуществу или богатству не занимает в Европе такого преобладающего положения, чтобы иметь возможность своим голосом решать вопросы».

Россия может что-нибудь сделать лишь тогда, когда ее призывает какая-либо из западных держав (так, например, Фридрих II предложил Екатерине раздел Польши и чуть ли не Швеции).

«В отношении к революционному движению в Европе Россия, в руках прусских государственных людей, играла роль пугала, а не

Handwritten text in a cursive script, likely a manuscript. The text is written in a dark ink on aged paper. It appears to be a list or a detailed record, with several lines of text underlined or highlighted. The handwriting is somewhat dense and difficult to read, but some words are clearly visible, such as "КОНСПЕКТА", "БАНКИНА", "ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ", and "АНАРХИЯ". The text is organized into several paragraphs, with some lines starting with "179/14" and "179/14". The overall appearance is that of a historical document, possibly a draft or a working paper.

ВТОРАЯ СТРАНИЦА «КОНСПЕКТА КНИГИ БАНКИНА «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ», ИЗ РУКОПИСИ МАРКСА.

редко и ширм, за которыми они очень искусно скрывали свои собственные завоевательные и реакционные предприятия». После недавних побед они в этом более не нуждаются и больше этого не делают (стр. 15).

Нынче Берлин с Бисмарком — видимая глава и резиденция реакции в Европе (стр. 16). Реакция (римско-католическая) в Риме, Версале, отчасти в Вене и Брюсселе; кнуто-реакция — в России; но живая, умная, действительно сильная — сосредоточена в Берлине и распространяется на все страны Европы из новой германской империи и т. д. (стр. 16).

«Федеральная организация снизу вверх рабочих ассоциаций, групп, общин, волостей и наконец областей и народов, это единственное условие настоящей, а не фиктивной свободы, столь же противна их существу, как не совместима с ними никакая экономическая автономия» (стр. 17).

Наоборот, *«представительная демократия требует для успеха своего двух вещей: государственной централизации и действительного подчинения государя-народа интеллектуальному управляющему им, будто бы представляющему его и непременно эксплуатирующему его меньшинству»* (стр. 17).

«Суть нашей татарио-немецкой империи» (стр. 14).

Новая германская империя воинственна: должна завоевывать или быть завоеванной (стр. 17 — 18): «носит в себе неотвратимое стремление стать государством всемирным» (стр. 18). Гегемония — лишь скромное выражение этого стремления; условия его — слабость или подчиненность по возможности всех окружающих государств. Эту роль играла последняя французская империя, теперь — немецкая, и *«германское государство, по нашему убеждению, единственное настоящее государство в Европе»* (стр. 19).

(Государство (Empire, Royaume¹); государь (souverain, monarque, empereur, roi²); государствовать (regner, dominer³); государь (souverain, empereur, monarque, roi⁴). (По-немецки, наоборот, Reich (государство) — первоначально не что иное, как заключенный в определенные границы участок земли (крупный или мелкий), носящий название соответственно народности, населению, которому он принадлежит. Так, например, местность у Регена в Верхнем Пфальце до Фихтаха — Viechtreich; Aachnerreich; Vrankrijk (в Нидерландах); Reich von Nymwegen; Reich von Megen; округ Трарбух на

¹ — империя, королевство. *Ред.*

² — суверен, монарх, император, король. *Ред.*

³ — царствовать, господствовать. *Ред.*

⁴ — суверен, император, монарх, король. *Ред.*

Мозеле до сих пор еще Gröverreich, другая местность на Мозеле — Westrich).

Государственная карьера Франции окончилась; кто сколько-нибудь знает характер французов, знает так же, как и мы (Бакунии), что если Франция долго могла быть *первенствующей державою*, то второстепенное положение, хотя бы равносильное с другими, для нее невозможно. Она будет готовиться к новой войне, к мести, к восстановлению утраченного первенства (ersten Rangs) (стр. 19). Но достигнет ли она его? Решительно — нет. Последние события доказали, что *патриотизм, эта высшая государственная добродетель*, более не существует во Франции (стр. 19). Патриотизм высших классов — только лишь тщеславие, которым, однако, как то показала последняя война, они жертвуют ради своих реальных интересов. Столь же мало патриотизма высказало и сельское население Франции. Крестьянин перестал быть патриотом с той поры, как он стал собственником. Только в Эльзасе и Лотарингии, в насмешку над немцами, проявился французский патриотизм. Патриотизм сохранился только в *городском пролетариате*. Поэтому против пролетариата и направлена главным образом ненависть имущих классов. Но они не патриоты в собственном смысле слова, ибо относятся по социалистически (по-братски к рабочим всех других стран), и вооружились не против народа германского, а против германского военного деспотизма (стр. 20—22). Война началась только через шесть лет после первого Женевского конгресса¹, но интернациональная пропаганда пробудила *«особливо»* среди рабочих *«латинского племени»* новое антипатриотическое миросозерцание (стр. 22). Оно проявилось также на митинге в Вене в 1868 г. в ответ на целый ряд политических и патриотических *предложений*, «сделанных бюргерами-демократами Молодой Германии. Рабочие ответили им, что те их эксплуатировали, вечно обманывали и угнетали и что все рабочие всех стран — их братья. Интернациональный лагерь рабочих — единственное их отечество; интернациональный мир эксплуататоров — единственные их враги» (стр. 22, 23). В доказательство послали телеграмму «к парижским братьям, как пионерам всемирно-рабочего освобождения» (стр. 23). Ответ этот наделал много шума в Германии; перепугал всех буржуазных демократов, в том числе и Иоганна Якоби, и «оскорбил не только их патриотические чувства, но и государственную веру школы Лассалья и

¹ Описна; у Бакунина: «ровно 6 лет после первого основания интернационального общества рабочих, только четыре года спустя после его первого конгресса в Женеве». *Ред.*

Маркса. Вероятно по совету последнего господин Либкнехт, в настоящее время один из глав социальных демократов Германии, но тогда бывший еще сам членом бюргерско-демократической партии (покойной Народной партии), тотчас отправился из Лейпцига в Вену для переговоров с венскими работниками, *«политическая бестактность»* которых дала повод к такому скандалу. Должно отдать ему справедливость, он действовал так успешно, что несколько месяцев спустя, а именно в августе 1868 г., на Нюрнбергском конгрессе германских работников все представители австрийского пролетариата без всякого протеста подписали узкую патриотическую программу социально-демократической партии» (стр. 23, 24). Это показывало «глубокое различие между политическим направлением предводителей, более или менее ученых и буржуазных, этой партии и собственным революционным инстинктом *германского или, по крайней мере, австрийского пролетариата*». Однако инстинкт этот мало развился с 1868 г. в Германии и в Австрии, зато великолепно развился в Бельгии, Италии, Испании и особенно во Франции (стр. 24). Французские рабочие сознают, что они в качестве социалистов и революционеров работают для целого мира (стр. 25), «и больше для мира, чем для себя» (стр. 25). «Эта мечта стала природою французского пролетариата и выгнала из его воображения и сердца последние остатки государственного патриотизма» (стр. 26). Призывая к оружию, французский пролетариат был убежден, что он борется «столько же за свободу и права немецкого пролетария, сколько и за свои собственные» (стр. 16). Они боролись не за величие и за почести, а за победу над ненавистною военною силою, служившей в руках буржуазии орудием их порабощения. «Они ненавидели немецкие войска не потому, что они немецкие, а потому, что они войска» (стр. 26). «Восстание Парижской Коммуны против версальского Национального собрания и против спасителя отечества — Тьера... обнаруживает вполне ту единственную страсть, которая ныне двигает французский пролетариат, для которого и т. д. существует лишь только война социально-революционная» (стр. 27). В порыве социально-революционной страсти они провозгласили окончательное разрушение французского государства, расторжение государственного единства Франции, несовместного с автономиею французских коммун (общин). Немцы только уменьшили границы и силу их политического отечества, [а они] захотели совсем убить его (umbringen, erschlagen) и как бы для обнаружения этой изменнической цели свалили в прах Вандомскую колонну, этот величественный памятник французской славы» (стр. 27).

«Итак, государство с одной стороны, социальная революция — с другой»

(стр. 29). Борьба эта решительнее всего во Франции; уже и среди крестьян, по крайней мере в Южной Франции (стр. 30). «И это враждебное противоположение двух отныне непримиримых миров составляет *вторую* причину, по которой для Франции невозможно сделаться вновь первостепенным, преобладающим государством» (стр. 30). Версальская биржа, буржуазия и пр. потеряли голову, когда Тьер объявил об эвакуации прусских войск (стр. 31). «Значит, странный патриотизм французской буржуазии ищет своего спасения в позорном покорении отечества» (стр. 31). «Симпатии, высказываемые ныне так ясно французскими работниками к испанской революции, *особенно в Южной Франции*, где обнаруживается явное стремление пролетариата к братскому соединению с испанским пролетариатом и *даже к образованию с ним народной федерации*, основанной на освобожденном труде и коллективной собственности (народ — Volk, Nation (*natio, nasci*¹), нечто прирожденное, рождение), наперекор всем национальным различиям и государственным границам, — эти симпатии и стремления, говорю я, доказывают, что собственно для французского пролетариата, так же, как и для привилегированных классов, время государственного патриотизма прошло» (стр. 32).

«Где же такому старому, неизлечимо больному государству (как Франция) бороться с юным и до сих пор еще здоровым государством германским» (стр. 33). Ни одна форма государства, будь то даже самая демократическая республика, не может дать народу того, что ему надо, «т. е. вольной (вольный — свободный, но также и необузданный) организации своих собственных интересов (снизу в верх) без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякая такая государственность (государство), даже самая республиканская и самая демократическая, даже *мнимо-народное государство, задуманное г. Марксом*, в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ» (стр. 34, 35). Так как, таким образом, имущие классы не могут дать удовлетворения народным страстям и народным требованиям, им «остается одно только средство — государственное насилие, одним словом, — *государство*, потому что *государство* именно и значит *насилие* (violence, vehemence, force²), *господство посредством насилия*, замаскированного, если можно, а в крайнем случае бесперемонного» и пр.

¹ — род, рождаться (лат.). *Ред.*

² — насилие, напор, сила (фр.). *Ред.*

(стр. 35). Тут Гамбетта не поможет; отчаянная борьба между буржуазией и пролетариатом (во Франции) «потребует употребления всех средств и сил правительства (государства), так что для удержания своего внешнего преобладания между европейскими державами у французского государства не останется ни средств, ни сил. Куда же ему тягаться с империею Бисмарка! (стр. 37). Франция принуждена покориться верховному руководству, дружески-попечительному влиянию германской империи, точно так, как итальянское государство подчинялось политике французского (стр. 37, 38).

Англия: влияние весьма уменьшившееся. Характерна следующая фраза: «Еще тридцать лет тому назад оно не перенесло бы так спокойно ни завоевания *рейнских провинций немцами*, ни восстановления русского преобладания на Черном море, ни похода русских в Хиву» (стр. 39). Причина этой уступчивости и т. д. — борьба рабочего мира с миром эксплуатирующей, политически господствующей буржуазии (стр. 39). Там социальная революция близится и т. д. (там же).

Испания и Италия — о них и говорить нечего: никогда не станут грозными и сильными государствами — не по недостатку в материальных средствах, а потому, что народный дух влечет их к совершенно иным целям (стр. 39). Кстати: Испания вновь пробудилась во время народной войны против Наполеона, который сам был выходцем из грубых масс. Ничего подобного не произошло в Германии в 1812 и в 1813 гг.: встрепенулись только после неудачи Наполеона в России. Исключение — один только Тироль (стр. 40, 41). Тут же: «Мы видели, что обладания собственностью было достаточно, чтобы развратить французское крестьянство и убить в нем последнюю искру патриотизма» (стр. 42). В Германии (1812 — 1813) юные граждане, или, точнее, верноподданные, возбуждаемые философами и поэтами, вооружились для защиты и восстановления германского государства, потому что именно в это время и пробудилась в Германии идея о государстве пангерманском. Между тем испанский народ встал поголовно, чтобы вновь отстоять против жестокого и могучего поработителя свободу родины и самостоятельность народной жизни (стр. 43). После того в Испании напрасно испробованы были все формы правительства — деспотического, конституционного, консервативно-республиканского и пр.; даже форма мелкобуржуазной федеральной республики вроде Швейцарской (стр. 43). «Испанией овладел не на шутку чорт революционного социализма. Андалузские и эстремадурские крестьяне, не спрашиваясь никого и не ожидая ничьих указаний, захватывают земли прежних землевладельцев. Каталония, и в особенности Барселона, громко заявляют свою независимость, свою автономию.

Мадридский народ провозглашает федеральную республику и не соглашается подчинить революцию будущим указам учредительного собрания. Даже на севере, находящемся в руках карлистов, совершается явно социальная революция: провозглашаются фуэросы, независимость областей и общин, жгутся все судебные и гражданские акты; войско во всей Испании братается с народом и гонит своих офицеров. Началось всеобщее, публичное и частное банкротство — первое условие социально-экономической революции» (стр. 44). «Нет более ни финансов, ни войска, ни суда, ни полиции; нет государственной силы, нет *государства*, остается могучий, свежий народ, одержимый ныне единою социально-революционной страстью. Под коллективным руководством Интернационала и Союза социальных революционеров он сплачивает и организует свою силу» и т. д. (стр. 44). В итальянском народе живет еще только традиция абсолютной автономии не только *областей* (Provinz, Kreis, District), но и общин. К этому единственному политическому понятию, существующему собственно в народе, присоедините исторически-этнографическую разнородность областей, говорящих на диалектах столь различных, что люди одной области (означает также, *en passant* [к слову сказать], *власть, сила*) с трудом понимают, а иногда и вовсе не понимают людей других областей; однако Италия общественно не разъединена. Напротив, есть общий итальянский характер и тип, которым итальянцы отличаются от людей всякого другого племени, даже южного (стр. 45). «Разрушение новейшего итальянского государства будет иметь непременно результатом вольно-общественное соединение» (стр. 46). Все это относится только к народным массам. Наоборот, в высших слоях итальянской буржуазии, так же, как и в других странах, с единством государственным создано и теперь развивается все более и более *социальное единство класса* привилегированных эксплуататоров народного труда. Этот класс обозначается теперь в Италии общим именем *консортерий*... — весь официальный мир, бюрократический и военный, полицейский и судебный; крупные землевладельцы, промышленники, кушцы и банкиры; вся официальная и официозная адвокатура и литература, весь парламент (стр. 46).

Но даже *нищета* (нужда) самая ужасная, даже когда она поражает многомиллионный пролетариат, не есть еще достаточный залог для революции... Когда человек (толпа) доведен до *отчаяния*, возмущение его становится уже более возможным... Даже немец в отчаянии перестает быть резонером, но для того, чтобы довести его до отчаяния, требуется чрезвычайно много... Но нищета и отчаяние способны лишь произвести личные, много — местные *бунты*, но недостаточны, чтобы

охватить целые народные массы. Для этого необходим *общенародный* идеал, вырабатывающийся всегда исторически из глубины народного инстинкта... К тому еще вера в свое право, можно сказать, религиозная вера в это право (это вместе с бедностью и отчаянием составляет **верный рецепт социальной революции**) (стр. 47, 48). «Именно в таком положении находится итальянский народ» (стр. 48). К тому же *Интернационал* (т. е. Альянс), особенно в течение последних двух лет (72-го и 73-го), со значительной энергией действовал в Италии в качестве повивальной бабки этого идеала. «Она [пропаганда Интернационала] указала ему цель, которую он должен осуществить, и вместе с тем открыла ему пути и средства для организации пародной силы» (стр. 48). «Замечательно, что в Италии, равно как и в Испании, решительно не посчастливилось (повезло) государственно-коммунистической программе Маркса, а, напротив, там приняли широко и страстно *программу всемирно-известного* (пресловутого) Альянса или *Союза социальных революционеров*, объявившую беспощадную войну всякому господству, правительственной опеке, начальству и авторитету (стр. 49). При этих условиях народ может освободиться, построить свою собственную жизнь на самой широкой воле всех и каждого, но отнюдь не грозить свободе других народов» (стр. 49).

Так как Италия и Испания признают, таким образом, программу Альянса, то они близки к социальной революции и с их стороны не приходится опасаться никакой *завоевательной* политики (стр. 49).

Маленькие государства — Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция, «именно по тем же причинам» (стало быть, именно потому, что они приняли программу Альянса!), «по главным образом вследствие своей «политической незначительности» (стр. 49) никому не грозят, а, напротив, имеют много причин опасаться завоеваний со стороны новой германской империи» (стр. 50).

Австрия — неизлечимый больной. Разделена на два государства: мадьяро-славянское и германо-славянское (стр. 50). В последнем хотят владычествовать немцы. «Немцы, государственники и бюрократы, можно сказать, от природы, опирают свои претензии на своем историческом праве, т. е. на праве завоевания и давности, с одной стороны, а с другой — на мнимом превосходстве своей культуры» (стр. 52). В последние годы немцы принуждены признать за мадьярами право на самостоятельное существование. «Из всех племен, населяющих австрийскую империю, мадьяры после немцев самый государственный народ» (стр. 52); они заявляют свое историческое право на господство над всеми остальными племенами, населяющими вместе с ними венгерское королевство, несмотря на то, что сами составляют немного более

третьей части населения (а именно 5 500 000 мадьяр, 5 000 000 славян, 2 700 000 румын, 1 800 000 евреев и немцев, около 500 000 других племен, всего 15 500 000) (там же). Таким образом, Австро-Венгерская империя делится на две части: цислейтанскую славяно-немецкую с населением в 20 500 000 душ (7 200 000 немцев и евреев, 11 500 000 славян, около 1 800 000 итальянцев и других племен) и мадыро-славяно-румыно-немецкую (стр. 53).

В Венгрии «большинство населения, подчиненное мадьярам, не любит их, против воли несет их иго, отсюда непрерывная борьба» (стр. 53). Мадьяры боятся восстания румын и славян. Отсюда тайный союз с *Бисмарком*, который, «предвидя неизбежную войну против Австрийской империи, обреченной на гибель, заигрывает с мадьярами» (стр. 54).

В цислейтанской империи дело обстоит не лучше. Там немцы хотят властвовать над славянским большинством. «Немцы ненавидят славян, как господа ненавидят обыкновенно своих рабов» (стр. 54), боятся их освобождения и пр. «Как все народы-завоеватели чужой земли и покорители чужого народа, немцы в одно и то же время совершенно несправедливо и ненавидят и презирают славян» (там же). Прусские немцы упрекают австрийское правительство главным образом в том, что оно неспособно онемечить славян. «Это по их убеждению, да и в самом деле, составляет величайшее преступление против общенемецких патриотических интересов, против пангерманизма» (стр. 55) (его курсив). В противовес этому пангерманизму австрийские славяне, за исключением поляков, выставили панславизм, такую же «отвратительную нелепость, свободопротивный и народодубийственный идеал» (стр. 55). (Сюда же относится примечание, в котором г. Бакунин угрожает рассмотреть этот вопрос подробнее; здесь же он приглашает лишь русскую революционную молодежь противодействовать этому: он признает, что среди австрийских славян действуют в этом направлении русские агенты, уверяющие их, что царь желает освободить их страну от германского ига, и «это в то самое время, когда петербургский кабинет явным образом продает и предает Бисмарку всю Богемию с Моравией в вознаграждение за обещанную помощь на Востоке»).

Каким же образом случилось, что в австрийско-славянских землях имеется целый класс образованных и т. д. людей, которые ждут со стороны русских либо освобождения, либо даже «создания великого царства славянского¹ под державою русского царя?» (стр. 57).

¹ Слова «великого царства славянского» подчеркнуты и у Бакунина. Ред.

Это только показывает, «до какой степени эта проклятая немецкая цивилизация, по существу своему *буржуазная* и потому *государственная*, успела проникнуть в души даже патриотов славянских... они остаются вполне немцами, хотя цель, к которой они стремятся, антинемецкая; немецкими путями и средствами они хотят, думают освободить славян из-под немецкого ига. По своему немецкому воспитанию они не понимают другого способа освобождения, как посредством образования славянских государств или единого могущественного славянского государства. Они ставят себе, таким образом, и цель совершенно немецкую, потому что новейшее государство, централистическое, бюрократическое, полицейско-солдатское, вроде, например, новой германской или всероссийской империи, есть создание чисто немецкое; в России оно было прежде с примесью татарского элемента, но за татарскую любезностью, право, и в Германии теперь дело не станет» (стр. 57).

«По всей своей природе, по всему существу своему славяне решительно племя не политическое, т. е. не государственное. Напрасно чехи поминают свое великое царство Моравское, а сербы — царство Душана. Все это — эфемерные явления или древние басни. Верно то, что ни одно славянское племя само собой не создало государства» (стр. 57).

Польская монархия-республика основана под двойным влиянием германизма и латинизма, после того как славянский народ (*холоп — крепостной, слуга*) был совершенно поработчен шляхтой, которая, по мнению многих польских историков, например *Мицкевича*, не была славянского происхождения (стр. 58).

Богемское (чешское) *государство* склеено по образу и подобию немецкого, под открытым влиянием немцев, и поэтому вскоре стало органической частью германской империи.

Русская империя: татарский кнут, византийское благословение и немецкое чиновно-солдатское и полицейское просвещение (стр. 58).

«Итак, несомненно, что славяне никогда своею собственною инициативой государства не слагали. Ибо они никогда не были завоевательным племенем. Только народы завоевательные создают государство, и создают его непременно себе на пользу, в ущерб покоренным народам. Славяне были совсем мирными земледельческими племенами, жили отдельно и независимо в своих общинах, управляемых (управлять значит также *regieren* [*править*]) по патриархальному обычаю стариками на основании выборного начала, общинной собственности на землю, без дворянства, без особой касты жрецов, были все равны между собою, «осуществляя в патриархальном и, следовательно, в»

несовершенном виде идею человеческого братства». Никакой политической связи между общинами, только связь для защиты от иноземных нашествий; никакого славянского государства, зато связь общественная, братская между всеми славянскими племенами, в высшей степени гостеприимными (стр. 58, 59). «При такой организации они были беззащитными против нападений и захватов воинственных племен, особенно германцев, стремившихся распространить повсюду свое господство» (стр. 59). «Славяне отчасти истреблены, большею же частью покорены турками, татарами, мадьярами, а главным образом немцами» (стр. 59). «Со второй половины X века начинается мученическая, но также и героическая история их рабства» (стр. 59).

«К несчастью для Польши, руководящие партии ее, до сих пор еще преимущественно шляхетские, не отказались еще от своей государственной программы, и вместо того, чтобы искать освобождения и обновления своей родины в социальной революции, повинувшись древним предрассудкам, ищут их то в покровительстве какого-нибудь Наполеона, то в союзе с иезуитами и австрийскими феодалами» (стр. 61)

В наш век вновь пробуждаются также западные и южные славяне; средоточием первых является Богемия, а вторых — Сербия (стр. 61, 62).

Последнее выражение государства — *пангерманская империя*: «ее дни сочтены, и от падения ее все народы ждут своего окончательного избавления... Неужели славянам стало завидно, что немцы заслужили ненависть всех остальных народов Европы!» (стр. 63). (*Англия* для этого человека, политика из кафе, не существует, — она, эта истинная вершина буржуазного общества в Европе.)

Либо никакого славянского государства, либо же одно громадное, всепоглощающее панславистское, кнотовое, С.-Петербургское (стр. 64, 65).

Пангерманской централизации невозможно также противопоставить *панславянскую федерацию* вроде Соединенных Штатов (стр. 66). Федерация в Северной Америке возможна только потому, что на американском континенте в соседстве с великою республикою нет ни одного могущественного государства вроде России, Германии или Франции. Итак, чтобы противодействовать на государственном или политическом поприще торжествующему пангерманизму, остается одно только средство — создать *панславянское* государство. Общее славянское рабство под всероссийским кнутом (стр. 67). Но и это невозможно. В Европе количественно почти на одну треть больше славян, чем немцев. Тем не менее, никогда панславянское государство не сравняется могуществом и настоящею государственно-военною силою с империей пангерманской. Почему? «Потому что в немецкой крови,

в немецком инстинкте, в немецкой традиции есть страсть государственного порядка и государственной дисциплины»; у славян же наоборот: «поэтому, чтобы дисциплинировать их, надо держать их под палкою, в то время как всякий немец с убеждением, свободно съел бы палку. Его свобода состоит именно в том, что он вымуштрован и охотно преклоняется перед всяким начальством. Притом немцы — народ серьезный и работающий; они учены, бережливы, нарядливы, отчетливы и расчетливы, что не мешает им, когда надо, а именно, когда того хочет начальство, отлично драться. Они доказали это в последних войнах. К тому же их военная и административная организация доведена до наивозможнейшей степени совершенства, степени, которой никакой другой народ никогда не достигнет. Так вообразимо ли состязаться с ними на поле государственности? (стр. 68, 69). «Немцы ищут жизни и свободы своей в государстве: для славян же это гроб. Они ищут своего освобождения вне государства, не только в борьбе против немецкого государства, но во всенародном бунте против всякого государства, в социальной революции» (стр. 69). «Но государства сами не валятся; их может только повалить всенародная и всеплеменная, интернациональная социальная революция» (стр. 69). Противогосударственная природа, составлявшая до сих пор их слабость, теперь, наоборот, для нынешнего народного движения составляет их силу (стр. 69). Приближается время полного освобождения чернорабочих масс и «их вольной общественной организации снизу вверх без всякого (направляющего) правительственного вмешательства, при помощи *вольных экономических*, народных (*dem Volk gehörig, öffentlich*) союзов (*Verbindung, Allianz, Koalition, Bündnis*), помимо всех старых государственных границ и всех национальных различий, на одном основании производительного труда, общечеловеческого и вполне солидарного при всем своем разнообразии» (стр. 70).

«Национальность не есть общечеловеческое начало, а есть исторический, местный факт, имеющий несомненное право, как все действительные и безвредные факты, на общее признание. Всякий народ или даже народец имеет свой особый характер, свою манеру, составляющие именно суть национальности, суть результата всей исторической жизни во всех условиях жизни национальности. Всякий народ, точно так же, как и всякое лицо, есть поневоле то, что он есть, и имеет несомненное право быть самим собою. Отсюда вытекает все так называемое национальное право» (стр. 70).

Но из этого не следует, чтобы один выставлял свою национальность, а другой свою индивидуальность, как особые начала. «Чем

меньше они думают о себе и чем более проникаются общечеловеческим содержанием, тем более оживотворяется и получает смысл национальность одного и индивидуальность другого» (стр. 71). Так и славяне только тогда завоюют свое законное место в истории и в свободном братстве народов, когда они проникнутся вместе с другими мировыми интересами (стр. 71).

«В Германии реформация очень скоро утратила характер бунта, несвойственного немецкому темпераменту, и приняла вид мирной государственной реформы, послужившей немедленно основанием для самого правильного, систематического, ученого государственного деспотизма. Во Франции после долгой и кровавой борьбы, послужившей не мало к развитию свободной мысли в этой стране, они (стремления к реформе) были раздавлены торжествующим католицизмом. В Голландии, в Англии, а вслед за тем и в Соединенных Штатах Америки они создали новую цивилизацию, по сущности своей антигосударственную, но буржуазно-экономическую и либеральную» (стр. 72). Место это очень характерно для Бакунина; подлинно капиталистическое государство для него антигосударственно; во-вторых, различие в развитии Германии, с одной стороны, Голландии и Англии — с другой, вытекает не из изменений в мировой торговле, а и т. д.).

Религиозная реформация (замечательно также, что Возрождение рассматривается только *sub specie* [под углом зрения] религии) породила в цивилизованном человечестве два главных направления: *экономически-и либерально-буржуазное* — особенно Англия, а затем и Америка, — и «деспотически-государственное, по сущности своей также буржуазное (слово это *служит ему* как для капитализма, так и для средневекового мещанства в Германии) и *протестантское*, хотя смешанное с дворянским католическим элементом, впрочем, вполне подчинившимся государству. Главными представителями этого направления были Франция и Германия — сначала австрийская, потом прусская» (стр. 73).

Французская революция основала новый общечеловеческий интерес, идеал полнейшей человеческой свободы, но только на *исключительно политическом поприще*; противоречие, неосуществимость политической свободы; свобода в государстве — ложь. Породила два главных направления. Систематическая эксплуатация пролетариата и обогащение меньшинства. На этой эксплуатации народа одна партия хочет основать демократическую республику, другая, более последовательная, — монархический, т. е. откровенный государственный деспотизм (стр. 73).

Против всех этих стремлений — новое направление, «прямо идущее» к Бакунину (стр. 74).

«Таким образом, славянский пролетариат должен войти массою в Интернациональную ассоциацию рабочих» (стр. 75). «Мы уже имели случай упомянуть о великолепном заявлении интернационального братства венскими работниками в 1868 г.» (стр. 75) вопреки пангерманистской программе. Но австрийские рабочие не сделали необходимых дальнейших шагов, «потому что были остановлены на первом шагу германо-патриотической пропагандою г. Либкнехта и других социальных демократов, приехавших вместе с ним в Вену, кажется, в июле 1868 г., именно с целью совратить верный социальный инстинкт австрийских работников с пути интернациональной революции и направить его к политической агитации в пользу основания единого государства, называемого ими *народным (народное государство)*, разумеется пангерманского, — одним словом, для осуществления патриотического идеала князя Бисмарка, только на социально-демократической почве и посредством так называемой легальной народной агитации» (стр. 76).

«Для славян это значило бы подчиниться добровольно немецкому игу, а это противно всякому славянскому сердцу (стр. 77). Вследствие того мы не только не станем уговаривать братьев славян вступить в ряды социально-демократической партии немецких рабочих, руководимых диктаторской властью господ Маркса и Энгельса, а за ними — господ Бебеля, Либкнехта и нескольких литераторствующих евреев; мы, напротив, должны употребить все усилия, чтобы отвратить славянский пролетариат от самоубийственного вступления в союз с этою партией, отнюдь не народною, но по своему направлению, по целям и средствам чисто *буржуазною* и к тому же исключительно немецкою, т. е. славяно-убийственною» (стр. 77).

Славянский пролетариат не только не должен связываться с этою партией, но должен держаться от нее подальше, зато тем теснее примкнуть к Международному товариществу рабочих. «Отнюдь не должно смешивать немецкую партию социальных демократов с Интернационалом (стр. 77). Политически-патриотическая программа первой не имеет почти ничего общего с программой последнего, наоборот, совершенно противоположна ей. На Гаагском конгрессе марксисты хотели навязать ее всему Интернационалу. Но эта попытка вызвала всеобщий громкий протест со стороны Италии, Испании, части Швейцарии, Франции, Бельгии, Голландии, Англии, даже отчасти Соединенных Штатов Америки, так что всему свету стало ясно, что немецкой программы кроме немцев не хочет никто» (стр. 78).

«Славянский пролетариат должен войти массами в Интернационал, образовать секции, а если окажется нужным, то и *общеславянскую федерацию*» (стр. 78).

Сербия. Сербское княжество: после освобождения от турок сербы основали государство, иго которого оказалось еще более тяжким, нежели турецкое (стр. 79). Предано бюрократическому грабежу и деспотизму (там же). В турецкой Сербии нет ни дворянства, ни очень больших поземельных собственников, ни промышленников, ни чрезвычайно богатых купцов; образовалась новая бюрократическая аристократия, большей частью воспитанная на казенный счет в Одессе, Москве, Петербурге, Вене, в Германии, Швейцарии, в Париже (стр. 79).

Болгары знать ничего не хотят о сербском душановском царстве, так же, как и хорваты и черногорцы и боснийские сербы. Для всех этих стран есть лишь один путь к спасению и объединению — социальная революция, но никак не государственная война, которая может привести только к их покорению Россией или Австрией или обоими вместе (стр. 86).

В чешской Богемии царство и венец Венцеслава, к счастью, еще не восстановлены; венское начальство обращается с нею просто как с провинцией, даже без привилегий какой-нибудь Галиции, и все же в Богемии столько же политических партий, сколько их в любезном¹ славянском государстве. «Да, этот проклятый немецкий дух политиканства и государственности так проник в образование чешского юношества, что оно подвергается серьезной опасности утратить вконец возможность понимать свой народ» (стр. 86). «Во всех австрийских городах, где славянское население смешано с немецким, славянские работники принимают самое энергическое участие во всех общих заявлениях пролетариата. Но в этих городах не существует почти других рабочих ассоциаций, кроме тех, которые признали программу социальных демократов Германии, так что на деле славянские работники, увлеченные своим социально-революционным инстинктом, вербуются в партию, прямая и громко признанная цель которой — создание пангерманского государства, т. е. огромной немецкой тюрьмы» (стр. 88). Им следовало бы признать программу руководимого Бакуниным интернационала (стр. 89) (как специальное вербовочное бюро рекомендуется (страница 89, примечание) *славянская секция* в Цюрихе, принадлежащая к Юрской федерации).

Австрийская (конец) империя существует еще только благодаря

¹ У Бакунина: «в любом славянском государстве»; Маркс переводит: *in dem lieben. Fed.*

рассчетливому долготерпению Пруссии и России, не желающих пока приступить к ее разделу, потому что каждая из них надеется при удобном случае захватить кусок побольше.

Россия: «Полезная конституция для народа может быть только одна — разрушение (русской) империи» (стр. 96).

Обладает ли она военной силой, чтобы состязаться с новой германской империей? Это в настоящее время единственный политический вопрос в России (там же). «Вопрос этот... поставлен с неотвратимой необходимостью новым положением Германии, которая за одну ночь выросла в огромное и всеильное государство. Но вся история свидетельствует, и рациональная логика подтверждает, что два равносильных государства не могут одновременно существовать рядом. Одно из них должно покорить себе другое (стр. 97). Это необходимо для Германии. «После долгого, долгого политического унижения она вдруг стала могущественнейшей державою на континенте Европы. Может ли она терпеть, чтобы рядом, так сказать, у самого ее носа, стояла держава, вполне от нее независимая, ею еще не побежденная и смеющаяся равняться с нею; к тому же еще держава русская, самая ненавистная».

«Мы думаем, что мало русских, которые не знали бы, до какой степени немцы, все немцы, а главным образом немецкие буржуа, и под их влиянием, увы! и сам немецкий народ, ненавидят Россию» (стр. 97). Эта же ненависть — одна из сильнейших национальных страстей в Германии (стр. 98).

Вначале — честная ненависть немецкой цивилизации к татарскому варварству (стр. 98). В двадцатых годах протест политического либерализма против политического деспотизма (там же). Всю ответственность за Священный союз они возложили на Россию (там же). В начале тридцатых годов симпатии к полякам, ненависть к русским как подавителям польского восстания (там же). Опять позабыли, что Пруссия помогала при подавлении Польши; Пруссия помогала, потому что в случае победы поляков восстала бы и вся прусская Польша, что «задушило бы в корне возникавшее могущество прусской монархии» (там же).

Во второй половине тридцатых годов — новая причина для ненависти к России, придавшая этой ненависти политически-национальное направление, — поднялся славянский вопрос: образование в Австрии и в Турции славянской партии, надеявшейся и ожидавшей помощи со стороны России. Панславянская республика. Федерация — к ней стремились (уже) декабристы (Пестель, Муравьев-Апостол и пр.). Николай перенял эту мысль, но в виде панславистского,

единого и самодержавного государства под его железным скипетром. В начале тридцатых и сороковых годов отправлялись из Петербурга и Москвы русские агенты в славянские земли, одни официально, другие добровольно и бесплатно; последние принадлежали к московскому обществу славянофилов. Среди южных и западных славян распространялась панславистская пропаганда. Много брошюр, отчасти написанных по-немецки, отчасти переведенных. Испуг пангерманской публики. *Богемия — русская!* Это лишало их аппетита и сна (стр. 99). С тех пор — величайшая ненависть к России; русские, со своей стороны, не любят немцев. Возможно ли при этих условиях сосуществование двух соседних государств, всероссийской и пангерманской империй (стр. 100)! Однако причины для соблюдения мира существовали и продолжают существовать для обеих. *Во-первых: Польша* (там же). Австрия — не за раздел и т. д. Для нее Польша — защита от России и Пруссии. *Во-вторых: Австрия*, которую они желают поделить. Раздел Австрии разъединит их, но ничто до этого раздела (стр. 100—102). *В-третьих: новая германская империя* ненавидима всеми, не имеет никаких союзников, кроме России, разве что *Соединенные Штаты*. Остается еще много сделать для реализации идеи пангерманского государства: отнять у французов всю Лотарингию, проглотить Бельгию, Голландию, Швейцарию, Данию, Скандинавский полуостров, русские прибалтийские провинции, чтобы одной властвовать над Балтийским морем. Она оставляет Венгрию мадьярам, Галицию с австрийской Буковиной русским, захватывая для себя всю Австрию до Триеста (включительно) и Богемию, которую русский кабинет и не думает оспаривать... *«Мы (Бакунин) положительно знаем, что насчет более или менее отдаленного деления австрийской империи уже давно ведутся тайные переговоры между дворами петербургским и германским»*, причем они, разумеется, стараются взаимно надуть друг друга. Пруско-германское государство в отдельности не способно осуществить эти широкие планы: *«поэтому союз с Россией составляет и будет еще долго составлять насущную необходимость. То же и для России. Завоевания во все стороны и со что бы то ни стало — нормальное условие жизни Российской империи»*. В каком же направлении? На запад или на восток? Западный путь — панславистский и союз с Францией против соединенных военных сил Пруссии и Австрии при вероятном нейтралитете Англии и Соединенных Штатов. Другой (восточный) путь ведет в Индию, Персию, Константинополь. Но тут враги — Австрия, Англия, вероятно с ними и Франция; союзники — Германия и Соединенные Штаты (стр. 102—104).

Первый путь (панславистский, против Германской империи). Помощь Франции ничего не стоит; единство ее навсегда нарушено и пр.; путь этот революционный, ведет к возмущению народов, по преимуществу славянских, против их законных государей, австрийского и прусско-германского. Николай откинул этот путь по инстинкту, из принципа и т. д. (1). К тому же «нельзя не признать, что для всероссийской государственности освобождение Польши решительно невозможно». Целые века длилась борьба между двумя формами «государства»: воля шляхетская или царский кнут. Поляки часто казались близки к победе. Но лишь только в 1612 г. в Москве восстал народ, а затем — восстание малороссийского и литовского хлопчаства под предводительством Богдана Хмельницкого, — и всему конец, *«русский кнут победил благодаря народу»* (это признание на стр. 110). На развалинах шляхетско-польского государства основалось всероссийское государство кнута. *«Лишите его этой основы, отберите области, входившие до 1772 г. в состав польского государства, и всероссийская империя исчезнет»* (стр. 110). Это — самые богатые, плодородные и населенные провинции; в случае их отпадения богатство и могущество Российской империи уменьшится на половину. За этой потерей последует и потеря прибалтийского края, и если действительно польское государство возродится к новой жизни, оно вырвет у России всю Малороссию, которая сделается или польской областью, или независимым государством. Таким образом утрачена будет и черноморская граница, так что Россия будет отрезана со всех сторон от Европы и загнана в Азию. Иные полагают, что русская империя может отдать Польше по крайней мере Литву. Нет. Соседство Москвы и Польши по необходимости поведет польский патриотизм к завоеванию прибалтийских провинций и Украины. Довольно освободить только нынешнее Царство Польское, и Варшава тотчас соединится с Вильно, Гродно, Мяском, Киевом, не говоря уже о Подолии и Волыни. Поляки такой беспокойный народ, что им нельзя оставить ни одного местечка свободным; оно сейчас же станет центром постоянной конспирации. В 1841 г. оставался один вольный город Краков, и Краков сделался центром общереволюционного сопротивления. Российская империя может продлить свое существование только при *условии душить Польшу по муравьевской системе....* Русский народ не имеет ничего общего с русским государством, интересы их противоположны (по этому поводу Бакунин выставляет следующее положение, идиотское с точки зрения его собственной системы): «Как скоро русская империя рухнет, и народы великорусский, малорусский, белорусский и другие восстановят свою свободу,

для них не страшны будут честолюбивые замыслы польских государственных патриотов (*comment done!* [каково!]); они могут быть убийственными только для империи» (стр. 111). Поэтому царь добровольно не откажется от малейшего клочка Польши. «А не освободив поляков, может ли он призвать к бунту славян?» (стр. 104—111).

А во времена Николая путь панславизма обещал еще более выгод, чем теперь. Тогда можно было еще рассчитывать на восстание мадьяр и итальянцев против Австрии. Теперь же Италия будет, вероятно, нейтральна, так как Австрия теперь, в случае надобности, вероятно, добровольно отдаст ей немногие итальянские земли, которыми она еще владеет. Мадьяры, принимая во внимание их собственные *государственные*¹ отношения к славянам, со страстью встали бы на сторону немцев против России. Русский император мог бы рассчитывать только на большее или меньшее содействие со стороны *австрийских* славян; если бы он хотел поднять и *турецких*, — то новый враг, Англия. Но в Австрийской империи только 17 миллионов славян; за вычетом 5 миллионов, приходящихся на Галицию, где поляки парализовали бы русин, остается 12 миллионов, из числа которых надо отнять еще тех, которые завербованы в австрийское войско и по обычаю всякого войска стали бы драться против кого начальство прикажет. Эти 12 миллионов (*у Бакунина все они — исключительно мужчины, притом взрослые*) не сосредоточены в одном или нескольких пунктах; они разбросаны по всему пространству Австрийской империи, говорят на совершенно разных наречиях, перемешаны с немцами, мадьярами, итальянцами, румынами. «Этого очень много, чтобы держать в постоянной тревоге австрийское правительство и вообще немцев, но слишком мало, чтобы доставить русским войскам серьезную опору против соединенных сил прусской Германии и Австрии». Русское правительство это знает и не думает вести панславистическую войну против Австрии, которая необходимо превратилась бы в войну против целой Германии. Однако посредством своих агентов оно ведет настоящую панславистическую пропаганду в австрийских владениях. Для него полезно иметь таких слепых и пр. приверженцев во всех австрийских областях. «Это парализует, связывает, беспокоит австрийское правительство и усиливает влияние России не только на Австрию, но на целую Германию. Императорская Россия возбуждает австрийских славян против мадьяр и немцев, очень хорошо зная, что в конце концов предаст их в руки немцев и мадьяр» (стр. 112—113).

¹ У Бакунина — господствующие. *Ред.*

На западном панславистическом пути России придется воевать со всеми немцами, прусскими и австрийскими, с мадьярами и с поляками. Может ли Россия в войне наступательной (какую ей пришлось бы вести для мнимого освобождения славян) справиться хотя с одной только прусской Германией? Русский народ нисколько не будет заинтересован в войне; народы вообще не интересуются чисто политическими правительственными войнами; пример обратного в новейшей истории — только Наполеон I, который, однако, считался продолжателем революции; пример по существу — только последняя прусская война против второй империи. Пангерманский интерес перевешивал тогда всякий другой интерес в умах и сердцах всех немцев без различия, и это составляет в настоящее время специальную силу Германии... Русские же не выказали интереса к своему правительству даже во время Крымской войны, «не завоевательной, а оборонительной» (это на стр. 117; а война против Наполеона III, наоборот, была видимо чисто наступательной?). Русский крестьянин не знает даже, что он славянин... Для славянских народов война против всех государств сначала в союзе с латинскими народами, которым, как и славянам, угрожает завоевательная политика немцев... С немцами лишь тогда, когда они также окажутся антигосударственниками..., но до тех пор союз славян с латинскими народами против немецкой завоевательной политики остается необходимостью... «Странное назначение немецкого племени! Возбуждая против себя общие опасения и общую ненависть, они соединяют народы»... «В этом смысле и русский народ — вполне славянский народ». Однако враждебность эта не простирается так далеко, чтобы он по собственному почину начал войну против них; она скажется лишь, когда немцы сами двинутся в Россию и вздумают хозяйничать в ней, — но никакого участия в наступательной войне против немцев... Но достаточны ли правительственные средства, финансовые и военные, против Германии?.. В данном случае (наступление русских) немцам пришлось бы сражаться у себя дома, и на этот раз произошло бы действительно поголовное восстание всех классов и всего населения Германии (стр. 114 — 120).

Русский офицер — лучший человек, нежели немецкий... цивилизованный дикий зверь... Немцы, в особенности офицеры и чиновники, соединяют образование с варварством, ученость с лакейством... Но для регулярной армии нет ничего совершеннее немецкого офицера; вся его жизнь: повиноваться и командовать... Немецкий солдат также образцовый солдат для регулярного войска как по природе, так и по дрессировке... Укрощают сначала тело, а тем самым и дух солдата... Дисциплина и т. д.... Немецкое офицерство имеет перед офицерством

других народов преимущество знания, теоретического и практического знакомства с военным делом, горячей и совершенно педантической преданности военному ремеслу, точности, аккуратности, выдержки, упорного терпения и к тому же относительной честности. Организация и вооружение немецкой армии существуют в действительности, а не только на бумаге, как у Наполеона III, как будет у нас. К тому же административный, гражданский и в особенности военный контроль, так что длительный обман невозможен. «У нас же, напротив, *снизу доверху и сверху донизу* рука руку моет, вследствие чего дознание истины становится почти невозможным» (стр. 121—128) (последняя фраза — стр. 128). Если Россия сможет выставить даже миллион солдат, половину придется оставить внутри страны для наблюдения за возлюбленным народом. Сколько понадобится для одной Украины, Литвы, Польши! (стр. 128).

У Германии будет действительно миллионная армия, по организации, вымуштровке, духу, науке, вооружению — первая в мире. А позади весь вооруженный народ, который, вероятно, не встал бы против французов, если бы в последней войне победил не Фриц прусский, а Наполеон III, но который против русского вторжения встанет как один человек... Но где же будет русский миллион? На бумаге... Где офицеры и вооружение?.. Нет денег... Из пяти миллиардов, полученных немцами от французов, по крайней мере два — на вооружение. «Да, вся Германия обратилась теперь в грозный, во все стороны щетинящийся арсенал». При первом вашем шаге в Германию вы будете разбиты на-голову, и ваша наступательная война тотчас же превратится в оборонительную; немецкие войска вступят в пределы всероссийской империи. Тогда — всеобщее восстание русского народа? «Да, если немцы вступят в русские области, пойдут, например, прямо в Москву; но если они этой глупости не сделают, а пойдут севером на Петербург, через балтийские провинции, в которых найдут — не только между мещанством, протестантскими пасторами и жидками, недовольными баронами и их детьми, студентами, но также и среди наших бесчисленных остзейских генералов, офицеров, высших и низших чиновников, наполняющих Петербург и разбросанных по всей России, — много приятелей, — мало того, они подымут против русской империи Польшу и Малороссию» (стр. 128 — 131).

У поляков нет более опасного и злого врага, нежели Бисмарк. «Кажется, что он поставил задачею своей жизни стереть их с лица земли. И все-таки это не помешает ему позвать поляков к бунту против России, когда того потребуют интересы Германии. И несмотря на то, что поляки ненавидят его и Пруссию, чтобы не сказать *всю*

Германию, в этом поляки не хотели бы сознаться, хотя в глубине их души не менее, чем у всех других славянских народов, живет та же самая историческая ненависть против немцев..., — поляки несомненно подымутся на зов Бисмарка» (стр. 133).

«В Германии и в самой Пруссии уже очень давно существует многочисленная и серьезная политическая партия, даже три партии: либерально-прогрессивная, чисто демократическая и социально-демократическая, вместе составляющих несомненное большинство в парламентах германском и прусском и еще более решительное в самом обществе; партии, которые, предвидя и отчасти желая и как бы вызывая войну Германии против России, поняли, что восстание и восстановление Польши в известных пределах¹ будет необходимым условием этой войны» (стр. 133). Ни Бисмарк и ни одна из этих партий не желают возвратить Польше все оторванные у нее Пруссией части: ни Кенигсберга, ни Данцига, ни малейшего клочка западной Пруссии; и из Познанского герцогства — очень немного. Зато они отдадут им всю Галицию со Львовом и Краковом, так как все это теперь австрийское, и столько из русской части, сколько поляки смогут сами взять. Кроме того, деньги, оружие и военную помощь, само собой разумеется, в виде польского займа с немецкой гарантией. Поляки с радостью за это ухватятся... За немногими исключениями поляки не занимаются славянским вопросом; им гораздо повятнее и ближе мадьяры... У поляков многочисленные партии; но в глубине души у них всегда восстановление польского государства в границах 1772 года. Различие между партиями лишь то, что одни считают единственно правильным для этой цели такой путь, а другие — другой... Бисмарк потребует от них формального отречения от большей части старых польских земель, ставших теперь прусскими... Правда, étrange Pologne [странная Польша], восстановленная под покровительством графа Бисмарка. Но лучше странная Польша, чем никакой; кроме того, поляки подумают, что впоследствии можно будет и освободиться от покровительства Бисмарка... Польша возродится, Литва также, затем небольшая буря, и Малороссия также восстанет... Польские патриоты — плохие социалисты, и у себя дома они не станут заниматься социально-революционной пропагандой; а если бы и захотели, Бисмарк не позволил бы — «слишком близко к Германии»; но можно это делать в России против России. Немцам и полякам полезен крестьянский бунт в России, и это им не трудно; сколько поляков и немцев рассеяно по России, — они союзники Бисмарка и Польши:

¹ Курсив также и у Бакунина. Ред.

«вообразите себе наше положение: войска наши, разбитые на-голову, бегут; за ними вслед к Петербургу идут немцы, а на юге и западе, на Смоленск и на Малороссию, идут поляки, — и в то же самое время, возбужденный внешнею и внутреннею пропагандою, в России и в Малороссии всеобщий крестьянский торжествующий бунт» (на стр. 138 эта фраза)... Немецкое государство совершенно отрезало бы русское от Европы. «Мы говорим, разумеется, об империи (русской), а не о русском народе, который, когда ему будет нужно, найдет или пробьет себе (пробиться — sich brechen, durchschlagen, percer, se faire jour) всюду (überall, allenthalben) дорогу (einen Weg) (этот абзац на стр. 138—139).

(Итак, в то время как русский народ *действует как целое и пробивает* себе дорогу, чтобы не быть отрезанным от Европы, эти анархисты ведут *войну политическую*. Чего же хочет Бакунин? Немцы и поляки разрушают российскую империю, но вызывают в то же время *всеобщее победоносное восстание крестьян* в России. Бисмарк и поляки никоим образом не будут препятствовать этим крестьянам действовать «анархистски». Наоборот: они ведут среди них пропаганду более действительную, нежели «всемирно-известный» Альянс; и лишь после того, как это анархистское состояние возрастет в достаточно широких размерах, — огонь перекинется на латинских и славянских братьев. Будет ли это следствием войны России против Германии или *vice versa* [наоборот] — по существу ничего не изменится.) (К слову сказать, так как в *Сербии*, кроме народа, существует по Бакунину только «класс чиновников», то в чем же там и состоять сербской социальной революции, как не в устранении чиновничьего класса, который один составляет там государство?) (стр. 138—139).

Итак, для Всероссийской империи путь в Европу ныне закрыт; от ее ворот ключи хранит граф Бисмарк, который ни за что в мире не вручит их князю Горчакову. Но если закрыт путь *северо-западный*, то остается *южный и юго-восточный*, *Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия*, наконец, *Константинополь*. Уже давно русскими политиками поставлен вопрос о том, не перенести ли столицу и центр тяжести империи из Петербурга в Константинополь. Правда, эти ненасытные патриоты желают и того и другого — и Балтийское море, и Константинополь. Но начинают отказываться: особенно открылись у них глаза благодаря событиям последних лет, а именно *присоединению Шлезвиг-Гольштейна и Ганновера к прусскому королевству, обратившемуся непосредственно через это в северную морскую державу* (стр. 139).

«Аксиома, всем известная, что не может ни одно государство стать в числе первенствующих держав без обширных морских гра-

ниц, обеспечивающих непосредственное сообщение его с целым светом и позволяющих ему принять участие прямое в мировом движении, как материальном, так и общественном, *политически-нравственном*... без этого вскоре застой... Китай... *Есть много разных условий для того, чтобы народ, консолидированный (замкнутый) в государстве, мог принять участие в мировом движении; сюда принадлежит природный ум и прирожденная энергия, образованность, способность к производительному труду и самая обширная внутренняя свобода, столь невозможная, впрочем, для масс в государстве. Но к этим условиям также принадлежит непременно морское плавание, морская торговля, потому что морские сообщения, по своей относительной дешевизне, скорости, а также и свободе, в том смысле, что море никем не присвоено, превосходят все другие... включая и железные дороги. Может быть, воздухоплавание окажется еще более удобным во всех отношениях и будет особенно важно тем, что оно окончательно уравнивает условия развития и жизни для всех стран». (Для Бакунина главное — уравнение, нивелировка, например, всей Европы до уровня словака-продавца мышеловок)...* Но пока что мореплавание остается *главным средством* для благоденствия (большого прогресса, преуспеяния народов) народов. (Это единственное место, где господин Бакунин говорит об *экономических* условиях, и усматривает, что они создают условия и различия между народами, независимые от государства). Когда не будет более государств и на развалинах всех государств возвысится совершенно свободно и организуясь снизу вверх вольный братский союз вольных производительных ассоциаций, общин и областных федераций, обнимающих безразлично, потому что свободно, людей всех языков и народностей, тогда путь к морю будет равно открыт для всех: для береговых жителей непосредственно, а для живущих в отдалении от моря — посредством железных дорог, освобожденных вполне от всяких государственных попечений (*Sorge, Fürsorge, Pflege*), *взиманий* (*«l'action de prendre»*), пошлин, ограничений, придинок, запрещений, позволений и вмешательств. Но даже и тогда морские береговые жители будут иметь множество *естественных преимуществ, не только материальных, но и умственно-нравственных*. Непосредственное прикосновение к мировому рынку и вообще к мировому движению жизни развивает чрезвычайно ¹ и без того не нивелированные отношения; при всем том внутренние жители, лишенные этих преимуществ, будут *жить и*

¹ У Бакунина дальше следует: «и как ни уравнивайте отношения, — все-таки внутренние жители» и т. д. *Ред.*

развиваться ленивее и медленнее прибрежных. Вот почему так важно будет воздухоплавание... Но до тех пор... прибрежные жители останутся во всех отношениях передовыми и будут составлять род аристократии в человечестве (*Бретань*, например). (А разница между равниной и горной местностью, речными райопами, разница в климате, в почве, угле, железе, приобретенных производительных силах, материальных и духовных, в языке, литературе, технических способностях и пр., и пр.? Фурье тут более героически справляется с нивелировкой) (стр. 139—142).

Бакунин попутно делает открытие, что Германия (как страна не приморская) в торговом отношении стоит ниже Голландии, а в промышленном — ниже Бельгии (стр. 143).

Пруссия, нынешнее олицетворение, голова и руки Германии, крепко основалась на *Балтийском и Северном морях* (стр. 145). Гамбург, Бремен, Любек, Мекленбург, Ольденбург, Шлезвиг-Гольштейн — вся Пруссия — строит на французские деньги два больших флота: один на Балтийском, другой на Северном море, и благодаря судоходному каналу, который ныне копают для соединения двух морей, эти два флота скоро составят один. Он вскоре будет гораздо сильнее русского балтийского флота. Тогда к чорту Рига, Ревель, Финляндия, Петербург, Кронштадт! К чорту всякое значение Петербурга! Это должен был бы себе сказать *Горчаков* в тот день, когда союзная Пруссия безнаказанно и как бы с нашего согласия ограбила нашего союзника — Данию (*польское восстание*, господин **Бакунин!**). «Он должен был понять, что с того дня, как Пруссия, опирающаяся теперь на всю Германию и составляющая в неразрывном единстве с последнею сильнейшую континентальную державу; с тех пор, одним словом, как новая Германская империя, под скипетром прусским, заняла на Балтийском море свое настоящее и для всех других прибалтийских держав столь грозное положение, — преобладанию петербургской России на этом море был положен конец, уничтожено великое политическое творение Петра, а с ним вместе уничтожено и могущество всероссийского государства, если в вознаграждение утраты вольного морского пути (но до каких пределов вольного, *s'il vous plait* [скажите, пожалуйста]? Для англичан — «вольного» до самых степен **Кронштадта**) на севере не откроется для него новый путь на юге» (стр. 145—147). Подступы еще в руках Дании, но она сначала будет добровольно федерирована, а затем будет вполне поглощена пангерманским государством. Таким образом Балтийское море вскоре станет исключительно немецким морем, а отсюда — потеря Петербургом политического значения. Горчаков должен был знать это, когда соглашался

на раздробление Дании и на присоединение Шлезвиг-Гольштейна к Пруссии. Он или изменил России, или получил формальное обязательство Бисмарка содействовать России в завоевании нового могущества на юго-востоке. Для Бакунина несомненно, что между Пруссией и Россией заключен был *наступательный и оборонительный союз после Парижского мира или, по крайней мере, во время польского восстания 1863 года*. Отсюда беспечность, с которой Бисмарк начал войну против Австрии и против большей части Германии, рискуя французским вмешательством, и еще более решительную войну с Францией. Малейшая демонстрация на границе России в это время, в особенности во время последней войны, воспрепятствовала бы дальнейшему победоносному шествию прусской армии. Вся Германия, в особенности северная часть Германии, во время последней войны была совершенно очищена от войск; Австрия вела себя смиренно только под угрозой России; Италия и Англия только потому не вмешались, что этого не хотела Россия. Не заяви она себя таким решительным союзником Пруссии, немцы никогда бы не взяли Парижа. Но Бисмарк, видимо, был уверен, что Россия не изменит ему. На чем же была основана такая уверенность? Бисмарк знает, что русские и прусские интересы совершенно противоположны, за исключением польского вопроса. Война между обеими странами неизбежна. Но могут быть основания для отсрочки, причем каждый надеется до момента кризиса использовать невольный союз как можно лучше. Германская империя далеко еще не укрепилась ни внутри, ни снаружи. Внутри еще множество мелких княжеств, снаружи — Австрия и Франция. Повинуясь внутренней необходимости, она задумывает новые предприятия, новые войны. Восстановление средневековой империи в первоначальных границах, опираясь на патриотический пангерманизм, обуявший все немецкое общество; объединение всей Австрии, без Венгрии, но с Триестом и с Богемией, всей германской Швейцарии, части Бельгии, всей Голландии и Дании, необходимых для основания ее морского могущества, — планы, возбуждающие против нее значительную часть западной и южной Европы, вследствие чего осуществление их без согласия России невозможно. Значит, для ново-германской империи еще необходим русский союз (стр. 148—151).

Всероссийская империя, со своей стороны, не может обойтись без прусско-германского союза. Она должна идти на юго-восток, вместо Балтийского моря — Черное; иначе — отрезана от Европы, а для этого необходим *Константинополь*; иначе ей всегда можно отрезать выход в Средиземное море, как это и случилось во время

Крымской войны. Итак, конечная цель — Константинополь. Это вопреки интересам всей южной Европы, включая и Францию, вопреки английским интересам и даже германским, так как безграничное владычество России на Черном море поставит все дунайское побережье в прямую зависимость от России. Тем не менее, Пруссия формально обязалась помогать России в ее юго-восточной политике; так же верно и то, что она воспользуется первой возможностью для того, чтобы изменить обещанию. Но такого нарушения договора нельзя ожидать теперь, в самом начале исполнения его. Пруссия помогла России при уничтожении условий Парижского мира; будет ее поддерживать и по отношению к Хиве. К тому же для немцев выгодно, чтобы Россия удалилась как можно дальше на восток. Какова цель русских войн против Хивы?.. Индия? Об этом не думают, с *Китаем* дело было бы много легче; русское правительство и затевает нечто в этом роде. «Оно стремится явным образом отделить от него Монголию и Манчжурию»; в один прекрасный день мы услышим о победах русских войск на *западной границе* (!) Китая... Китайцам тесно жить внутри своей перенаселенной страны; поэтому — переселение в Австралию, в Калифорнию; другие массы могут двинуться на север и на северо-запад. И тогда в одно мгновение ока Сибирь, весь край, простирающийся от Татарского пролива до Уральских гор и до Каспийского моря, перестанет быть русским. На этом огромнейшем пространстве в 12 200 000 кв. километров, больше чем в двадцать раз превосходящем размерами Францию (528 600 кв. километров), теперь только 6 000 000 жителей, из которых только около 2 600 000 русских, все же остальные — туземцы, татарского или финского племени, а численность войска самая ничтожная... Китайцы перевалят и через Урал, дойдут до самой Волги; умножение народонаселения делает почти невозможным для китайцев дальнейшее существование в границах Китая. Внутри Китая энергичные, воинственные люди, выросшие в обстановке нескончаемой междоусобной войны, в которой разом гибнут десятки и сотни тысяч людей... За последнее время ознакомились с европейским оружием и европейской дисциплиной, короче говоря, с государственной цивилизацией Европы. Притом великое варварство; никаких свободолюбивых или человеческих инстинктов. Уже теперь они соединяются в банды под влиянием множества военных авантюристов, американских и европейских, которые со времени последнего франко-английского похода (1860 г.) нашли дорогу в Китай; такова большая опасность со стороны востока... С этой опасностью играет наше русское правительство, простодушное, как дитя... Хочет расширять границы; а Россия до настоящего времени не в состоянии — и ни-

когда не будет в состоянии — населить новоприобретенный Амурский край, где на 2 100 000 кв. километров — почти вчетверо больше, чем Франция, — приходится вместе с войском и флотом всего 65 000 населения, притом нищета русского народа, толкающая его к всеобщему бунту... Русское правительство надеется водворить свое могущество на всем азиатском Востоке. Оно должно было бы окончательно повернуться спиной к Европе, — чего Бисмарк и желает, — двинуть всю армию в Сибирь и центральную Азию и, подобно Тамерлану, завоевывать Восток; но за Тамерланом народ его шел, а за русским правительством — нет... Что касается Индии, то русские не могут овладеть ею при сопротивлении англичан... «Но если мы не можем завоевать Индию, то мы можем разрушить или, по крайней мере, сильно поколебать там владычество Англии, возбуждая туземные бунты против нее, помогая им, поддерживая их даже, когда это станет нужно, военным вмешательством». Это нам будет стоить страшно много денег и людей... К чему?.. Чтобы беспокоить англичан без всякой пользы? Нет, потому, что англичане нам мешают. Где же они нам мешают? — *В Константинополе*¹; покауда англичане сохранят свою силу, они никогда и ни за что в мире не согласятся, чтобы Константинополь в наших руках стал снова столицей не только всеобщей, но и Славянской и даже Восточной империи. Поэтому русское правительство и ведет войну в Хиве, чтобы затем, согласно давнему его стремлению, приблизиться к Индии. «Оно ищет пункта, где бы можно нанести вред Англии, и, не находя другого, грозит ей в Индии. Таким образом оно надеется помирить Англию с мыслью, что Константинополь должен сделаться русским городом»... Преобладание на море Балтийском утрачено безвозвратно... Российская империя, основанная на штыке и кнуте, ненавистная для всех народных масс, включая сюда и славянские, начиная с великорусского народа, — деморализованная, дезорганизованная и пр... не в силах бороться против вновь возникающей Германской империи. Итак, «надо отказаться от Балтийского моря и ожидать того момента, когда вся прибалтийская область делается немецкой провинцией. Помешать этому может только народная революция. Но такая революция для государства — смерть, и не в ней будет наше правительство искать для себя спасения» (*последняя фраза на стр. 160*). Для него не остается иного спасения, как только в союзе с Германиею. Принужденное отказаться от Балтийского моря, оно должно искать возмещения на Черном море, хотя бы для самого своего политического существования,

¹ Подчеркнуто и Бакуниным. *Ред.*

и может сделать это только с помощью немцев. «Немцы обещали эту помощь. Мы уверены, — между Бисмарком и Горчаковым заключен формальный договор. Разумеется, немцы и не думают о его выполнении. Они не могут отдать на произвол России устье Дуная (Дунайские гирла) и свою дунайскую торговлю; воздвигнуть на юге Европы великую панславянскую империю было бы самоубийством со стороны пангерманской империи. Но направить и толкнуть русские войска в центральную Азию, в Хиву, под предлогом, что это самый прямой путь в Константинополь, — это другое дело. Бисмарк надул Горчакова и Александра II, как в свое время Наполеон III. Но дело сделано, его переменить невозможно. И не русским дряблым силам опрокинуть новую Германскую империю; это может сделать только революция, а до тех пор, пока она не восторжествовала в России или в Европе, будет побеждать и всем повелевать государственная Германия, а русское правительство, так же, как и все континентальные правительства Европы, будет существовать отныне только с ее позволения и милости»... «Немцы, более чем когда-нибудь, стали нашими господами, и недаром все немцы в России так горячо и шумно праздновали победы германских войск во Франции; недаром так торжественно принимали нового пангерманского императора все петербургские немцы». «В настоящее время на целом континенте Европы осталось только одно истинно самостоятельное государство — это Германия... *Главной причиной является инстинкт общечеловечности, составляющий характеристическую черту немецкого народа. Инстинкт, с одной стороны, слепого подчинения сильным, беспощадного притеснения слабых*» (стр. 151—163). Следует обзор истории Германии за новейшее время (в особенности с 1815 г.) для доказательства ее *рабского сознания* и стремления к притеснению... От последнего приходилось страдать особенно славянам, ибо *историческим назначением* (немцев), по крайней мере на севере и на востоке, являлось, по их собственному толкованию, истребление, порабощение и «насильственное германизирование» славянских племен. «Эта длинная и печальная история, память о которой глубоко хранится во всех славянских сердцах, без сомнения, отзовется в последней неизбежной борьбе славян против немцев, если социальная революция не укротит их прежде» (стр. 164). Следует затем история немецкого патриотизма, начиная с 1815 года. (*Материалы его из: проф. Мюллер, «Geschichte von 1816—1865» [«История 1816—1865 годов»]*).

«Политическое существование прусского королевства (1807) пощажено только благодаря просьбам Александра I» (стр. 168, 169).

Речи Фихте к немецкой нации: «но современные немцы, сохранив

всю громадность претензий своего философа-патриота, от гуманности его отказались... Для них доступнее патриотизм князя Бисмарка или г. Маркса» (стр. 171). После отступления и бегства (по словам Бакунина) Наполеона из России «Фридрих-Вильгельм III со слезами умиления и благодарности обнял в Берлине своего избавителя, императора всероссийского» (там же).

«Оставалось поэтому Австрии только одно — не душить Германию» своим вступлением со всеми своими владениями в германский союз, как она первоначально предполагала, «но вместе с тем и не позволять Пруссии стать во главе германского союза. Следуя такой политике, она могла рассчитывать на деятельную помощь Франции и России. *Политика России до самого последнего времени*, т. е. до Крымской войны, состояла именно в систематическом поддержании взаимного соперничества между Австрией и Пруссией, так, чтобы ни одна из них не могла одержать верх над другой, и в то же самое время в возбуждении недоверия и страха в маленьких и средних княжествах Германии и в покровительстве им против Австрии и Пруссии» (стр. 183). Влияние Пруссии преимущественно нравственное, от нее многого ожидали (после 1815 г.). Поэтому для Меттерниха важно было не давать никакой конституции (обещанной), чтобы стать с Австрией во главе реакции. «В этих стремлениях он нашел самую горячую поддержку во Франции, управляемой Бурбонами, и в императоре Александре, управляемом Аракчеевым» (стр. 184).

«Немцы не нуждались в свободе. Жизнь для них просто невысказана без правительства, т. е. без верховной воли, верховной мысли и железной руки, ими помыкающей. Чем сильнее эта рука, тем более гордятся они и тем самая жизнь для них веселее» (стр. 192).

1830—1840. Слепое подражание французам. «Немцы перестают пожирать галлов, но зато обращают всю свою ненависть на Россию» (стр. 196). «Все зависело от исхода польской революции. Если бы она восторжествовала, прусская монархия, оторванная от своей северо-восточной опоры и принужденная отказаться, если не от всех, то от значительной части своих польских владений, принуждена была бы искать новой точки опоры в самой Германии, и так как она тогда еще не могла... путем завоеваний..., то — путем либеральных реформ» (стр. 199). После поражения поляков Фридрих-Вильгельм III, оказавший столь значительные услуги своему вятю, императору Николаю, «сбросил маску» и пуще прежнего поднял гонение на пангерманских патриотов (стр. 200).

«В убеждении, что народные массы носят в своих более или менее развитых историю *инстинктах*, в своих насущных потребностях и

в своих стремлениях, сознательных и бессознательных, все элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этого идеала (общественной организации) в самом народе; а так как всякая государственная власть, всякое правительство, по существу своему и по своему положению поставленное вне народа, над ним, непререваемым образом должно стремиться к подчинению его порядкам и целям, ему чуждым, то мы объявляем себя врагами всякой правительственной, государственной власти, врагами государственного устройства вообще и думаем, что народ может быть только тогда счастлив, свободен, когда, организуясь снизу вверх путем самостоятельных и совершенно свободных соединений и помимо всякой официальной опеки, но не помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий, он сам создаст свою жизнь» (стр. 213). «Таковы убеждения социальных революционеров, и за это нас называют анархистами» (стр. 213). «Идеалисты всякого рода, метафизики, позитивисты, поборники преобладания науки над жизнью, доктринерные революционеры, все вместе, с одинаковым жаром, хотя разными аргументами, отстаивают идею государства и государственной власти, видя в них совершенно логично¹ по-своему единое спасение общества. Совершенно логично¹, потому что, приняв раз за основание положение, что мысль предшествует жизни, отвлеченная теория — общественной практике и что поэтому социологическая наука должна быть исходною точкою для общественных переворотов и перестроек, они необходимым образом приходят к заключению, что так как мысль, теория, наука, по крайней мере в настоящее время, составляют везде достояние весьма немногих, то эти немногие должны быть руководителями общественной жизни, не только возбудителями, но и управителями всех народных движений, и что на другой день революции новая общественная организация должна быть создана не свободным соединением народных организаций, общин, волостей, областей снизу вверх, сообразно народным потребностям и инстинктам, а единственно диктаторскою властью этого ученого меньшинства, хотя бы и избранного общепародной волей»² (стр. 214).

Поэтому «доктринерные революционеры» никогда не бывают врагами государства, а лишь врагами существующих правительств, чье место они желают занять в качестве диктаторов (стр. 215).

«И это так справедливо, что в настоящее время, когда в целой Европе торжествует реакция, когда все правительства и пр. готовятся

¹ Подчеркнуто и у Бакунина. Ред.

² У Бакунина: «будто бы выражающего народную волю». Ред.

под предводительством князя Бисмарка к отчаянной борьбе против социальной революции; теперь, когда, казалось бы, все искренние революционеры должны соединиться, чтобы дать отпор отчаянному нападению интернациональной реакции, — мы видим, напротив, что доктринерные революционеры под предводительством господина Маркса везде держат сторону государственности и государственников против *народной революции* (стр. 216). Во Франции они стояли на стороне государственного республиканца-реакционера Гамбетты, против революционной «*Ligue du Midi*» [Лиги юга], которая только одна могла спасти Францию и от немецкого порабощения, и от еще более опасной и ныне торжествующей коалиции клерикалов, легитимистов, бонапартистов, орлеанистов; в Испании они открыто приняли сторону Кастелляра, Пи-и-Маргалля и Мадридской конституанты; наконец, в Германии и вокруг Германии, в Австрии, Швейцарии, Голландии, Дании они служат службу князю Бисмарку, на которого, по собственному признанию, смотрят как на весьма полезного революционного деятеля, помогая ему в деле пангерманизирования всех этих стран» (стр. 216, 217).

(Фейербах был еще метафизиком: «должен был уступить место своим законным преемникам, представителям школы материалистов или реалистов, большая часть которых, впрочем, как, например, гг. Бюхнер, Маркс и др., еще не освободились от преобладания метафизической абстрактной мысли» (стр. 207)).

«Но главным пропагандистом социализма в Германии, сначала тайно, а вскоре потом публично, был Карл Маркс. Господин Маркс играл и играет слишком важную роль в социалистическом движении немецкого пролетариата, чтобы можно было обойти эту замечательную личность, не постаравшись изобразить ее в нескольких верных чертах. По происхождению г. Маркс — еврей. Он соединяет в себе, можно сказать, все качества и все недостатки этой способной породы. Нервный, как говорят иные, до трусости, он чрезвычайно честолюбив и тщеславен, сварлив, нетерпим и абсолютен, как Иегова, господь бог его предков, и, как он, мстителен до безумия. Нет такой лжи и клеветы, которой бы он не был способен выдумать против всякого, кто имел несчастье возбудить его ревность или, что все равно, его ненависть. И он не останавливается перед самой гнусной интригой, если только, по его мнению, — впрочем, большею частью ошибочному, — эта интрига может служить к усилению его положения, его влияния или к распространению его силы. В этом отношении он совершенно политический человек. Таковы его отрицательные качества. Но и положительных в нем очень много. Он очень умел и

чрезвычайно многосторонне учен. Доктор философии, он еще в Кельне, около 1840 г., был, можно сказать, душою и центром весьма значительного кружка передовых гегельянцев, с которыми начал издавать оппозиционный журнал, вскоре закрытый по министерскому приказанию. К этому кружку принадлежали братья Бруно Бауэр и Эдгар Бауэр, Маркс, Штирнер и потом в Берлине — первый кружок немецких нигилистов, которые циническою последовательностью своею далеко превзошли самых ярких нигилистов России. В 1843 или 1844 г. Маркс переселился в Париж. Тут он впервые столкнулся с обществом французских и немецких коммунистов и с соотечественником своим, немецким евреем г. Мозесом Гессом, который прежде его был ученым экономистом и социалистом и имел в это время значительное влияние на научное развитие г. Маркса. Редко можно найти человека, который бы так много знал и читал, и читал так умно, как г. Маркс. Исключительным предметом его занятий была уже в это время наука экономическая. С особенным тщанием изучал он английских экономистов, превосходящих всех других положительностью познаний и практическим складом ума, воспитанного на английских экономических фактах, и строгою критикой и добросовестною смелостью выводов. Но ко всему этому г. Маркс прибавил еще два новых элемента: диалектику самую отвлеченную, самую причудливо-тонкую, которую он приобрел в школе Гегеля и которую нередко доводит до шалости, до разврата, и точку зрения коммунистического направления. Г-н Маркс перечитал, разумеется, всех французских социалистов от Сен-Симона до Прудона включительно, и последнего, как известно, он ненавидит, и нет сомнения, что в беспощадной критике, направленной им против Прудона, много правды: Прудон, несмотря на все старания стать на почву реальную, остался идеалистом и метафизиком. Его точка отправления — абстрактная идея права; от права он идет к экономическому факту, а господин Маркс, в противоположность ему, высказал и доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всюду предшествовал и предшествует юридическому и политическому праву. В изложении и в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса. Но что замечательнее всего и в чем Маркс никогда не признавался, — это то, что в отношении политическом г. Маркс прямой ученик г. Луи Блана. Г-н Маркс несравненно умнее и несравненно учнее этого маленького неудавшегося революционера и государственного человека; но, как немец, несмотря на

свой почтенный рост, он попал в учение к крошечному французу. Впрочем, эта странность объясняется просто: риторик француз, как буржуазный политик и как отъявленный поклонник Робеспьера, и ученый немец, в своем тройном качестве гегельянца, еврея и немца, оба — отчаянные государственники и оба проповедуют государственный коммунизм, с тою только разницею, что один вместо аргументов довольствуется риторическими декламациями, а другой, как приличествует ученому и тяжеловесному немцу, обставляет этот, равно ему любезный принцип, всеми ухищрениями гегелевской диалектики и всем богатством своих многосторонних познаний. Около 1845 г. г-н Маркс стал во главе немецких коммунистов, и вслед за тем, вместе с *господином Энгельсом*, неизменным своим другом, столь же умным, хотя менее ученым, но зато много более практическим и не менее способным к политической клевете, лжи и интриге, основал тайное общество германских коммунистов или государственных социалистов. Центральный комитет их, которого он, вместе с Энгельсом, был, разумеется, главою, по изгнании их обоих из Парижа в 1846 г., был перенесен в Брюссель, где оставался до 1848 г. Впрочем, до самого этого года пропаганда их, хотя распространялась понемногу в целой Германии, но оставалась тайною и потому не выходила наружу» (стр. 221—225).

В то время (революция 1848 г.) городской пролетариат Германии, по крайней мере его огромное большинство, находился еще вне влияния пропаганды Маркса и вне организации его коммунистической партии. Распространена она была главным образом в индустриальных городах прирейнской Пруссии, особенно в Кельне; ветви ее — в Берлине, в Бреславле и под конец в Вене, но весьма слабые. Разумеется, в германском пролетариате — инстинктивные социалистические стремления, но никак не сознательные требования социального переворота в 1848—1849 гг., хотя «Коммунистический манифест» вышел уже в марте 1848 года. Он пронесся над немецким народом почти без следа. Городской революционный пролетариат — еще под прямым влиянием партии политических радикалов или крайней демократии (стр. 230). Тогда в Германии был еще элемент, которого ныне там уже нет, — крестьянство революционное или, по крайней мере, способное сделаться революционным... оно тогда было готово на все, даже на поголовный бунт. «В 1848 г., как и в 1830 г., немецкие либералы и радикалы ничего так не боялись, как подобного бунта; не любят его также и социалисты школы Маркса. Всем известно, что Фердинанд Лассаль, который, по собственному сознанию, был прямым учеником этого верховного

предводителя коммунистической партии в Германии, — что не помешало, однако, учителю, по смерти Лассалья, высказать ревнивое и завистливое (*missgünstige*) неудовольствие против блестящего ученика, оставившего далеко за собою в практическом отношении учителя, — всем известно, что Лассаль несколько раз высказывал мысль, что поражение крестьянского восстания в XVI столетии и последовавшее за ним усиление и процветание бюрократического государства в Германии были истинным торжеством для революции. Для коммунистов или социальных демократов Германии крестьянство, всякое крестьянство, есть реакция, а всякое государство, даже бисмарковское, — революция. Пусть не подумают, что мы клеветаем на них. В доказательство того, что они действительно так думают, указываем на их речи, брошюры, журнальные статьи и, *наконец, на их письма* — все это в свое время будет представлено (*zugestellt*) русской публике. Впрочем, марксисты и думать иначе не могут; государственники во что бы то ни стало, они должны проклинать всякую народную революцию, особенно же крестьянскую, по природе крестьянскую¹ и идущую прямо к уничтожению государства. Как всепоглощающие пангерманисты, они должны отвергать крестьянскую революцию уже по тому одному, что эта революция специально славянская» (стр. 230 — 232).

«Не только в 1848 г., но и в настоящее время немецкие работники слепо повинуются своим предводителям, тогда как предводители, организаторы *социально-демократической*² немецкой партии ведут их не к свободе и не к интернациональному братству, а прямо под ярмо пангерманского *государства*» (стр. 254).

Бакунин рассказывает, как *Фридрих-Вильгельм IV* боялся Николая (ответ польской депутации в марте 1848 г. и в *Ольмюце* в ноябре 1850 г.) (стр. 254—257).

1849—1858: Германский союз другими великими державами вовсе не принимается больше в расчет. «*Пруссия, более чем когда-нибудь, стала рабой России...* Преданность интересам петербургского двора простиралась до того, что прусский военный министр и прусский посланник при английском дворе, друг короля, были смены оба за выражение симпатии к западным державам». Николай взбешен был неблагодарностью Шварценберга и Австрии. Австрия, по своим интересам на Востоке — естественный враг России, открыто приняла сторону Англии и Франции против нее. Пруссия, к

¹ Описка; в тексте книги Бакунина — «анархическую». *Ред.*

² Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*

великому негодованию целой Германии, оставалась верна до конца (стр. 259). «Мантейфель стал первым министром в ноябре 1850 г. для того, чтобы подписать все условия Ольмюцской конференции, крайне унижительные для Пруссии, и окончательно подчинить ее и всю Германию австрийской гегемонии. Такова была воля Николая... Таковы также и стремления значительнейшей части прусского юнкерства или дворянства, не хотевшего и слышать о слиянии Пруссии с Германией и преданного австрийскому (?) и всероссийскому императорам даже больше, чем собственному королю» (стр. 261).

«В это время (около 1866 г.) образовалась *так называемая Народная партия*. Центр — в Штутгарте. Группа, желавшая союза с республиканской Швейцарией, была главной основательницей *Ligue de la Paix et de la Liberté* [Лиги Мира и Свободы]» (стр. 271).

«Лассаль образовал преимущественно политическую партию немецких рабочих, организовал ее иерархически, подчинив строгой дисциплине и своей диктатуре, словом — сделал то, что господин Маркс в последующие три года хотел сделать в Интернационале. Попытка Маркса не удалась, а попытка Лассалья имела полный успех» (стр. 275).

«*Первым делом народного государства* (по Лассалю) будет открытие безграничного кредита производительным и потребительным рабочим ассоциациям, которые только тогда будут в состоянии бороться с буржуазным капиталом и в непродолжительное время победят и поглотят его. Когда процесс поглощения совершится, тогда настанет период радикального преобразования общества. Такова программа Лассалья, такова же и программа социально-демократической партии. Собственно, она принадлежит не Лассалю, а Марксу, который ее вполне высказал в известном «Манифесте коммунистической партии», обнародованном им и Энгельсом в 1848 г. Ясный намек находится на нее также в первом «*Манифесте международного общества*», написанном Марксом в 1864 г., в словах: «первый долг рабочего класса» и т. д., или, как говорится в «*Коммунистическом манифесте*»: «первый шаг к революции» и т. д., и кончая концентрацией всех средств производства в руках государства, т. е. пролетариата, возведенного на стезень *господствующего сословия*» (стр. 275 — 276). «Но не ясно ли, что программа Лассалья ничем не отличается от программы Маркса, которого он признавал за своего учителя. В брошюре против Шульце-Делича Лассаль... изложив свои основные понятия о социально-политическом развитии новейшего общества, говорит прямо, что эти идеи и даже терминология принадлежат

не ему, а г. Марксу... Тем страннее кажется протест г. Маркса, напечатанный *после смерти*¹ Лассалья во введении к сочинению о «Капитале». Маркс горько жалуется, что его обокрал Лассаль, присвоив его идеи. Протест чрезвычайно странный со стороны коммуниста, проповедующего коллективную собственность и не понимающего, что идея, раз высказанная, перестает быть собственностью лица. Другое дело, если бы Лассаль переписал одну или несколько страниц...» (стр. 276). «В противоположность своему учителю, Марксу, который силен в теории, в закулисной или подземной интриге и, напротив, теряет всякое значение и силу на поприще публичном, Лассаль был самой природой создан для открытой борьбы на практическом поле» (стр. 277). «Вся либеральная и демократическая буржуазия глубоко его возненавидела; товарищи-единомышленники, социалисты, марксисты и сам Маркс сосредоточили против него всю силу недоброжелательной зависти (Neids). Да, они ненавидели его так же глубоко, как и буржуазия; пока он был жив, они не смели высказать своей ненависти, потому что он был для них слишком силен» (стр. 277, 278).

«Мы уже высказывали наше глубокое отвращение к теории Лассалья и Маркса, рекомендующей работникам, если не как последний идеал, то, по крайней мере, как ближайшую главную цель, — *основание народного государства*², которое, по их объяснению, будет не что иное, как пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия. Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. (Это значит, что покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять меры насилия, стало быть, правительственные меры; если сам он остается еще классом и если еще не исчезли экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен). Например, крестьянская чернь (das gemeine Bauernvolk, der Bauernröbel), как известно не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей

¹ Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*

² Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*

степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом. (Это значит, что там, где крестьянин существует в массовом масштабе как частный земельный собственник, там, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех странах западно-европейского континента; где он не исчез и не заменен сельскохозяйственными батраками, как в Англии,—там произойдет следующее: либо крестьянин станет препятствовать и будет приводить к крушению всякую рабочую революцию, как он это делал до сих пор во Франции, либо же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится и которые, таким образом, привлекут его на сторону революции; меры, однако, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так что крестьянин сам приходит к этому хозяйственным путем; но нельзя огорошивать крестьянина, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только там, где арендатор-капиталист вытеснил крестьянина, и настоящий земледелец стал таким же пролетарием, наемным рабочим, как и городской рабочий, и, следовательно, имеет с ним одни и те же интересы *непосредственно*, а не только косвенно; тем более нельзя укреплять мелкую собственность, увеличивая мелкие участки просто путем передачи больших имений крестьянам, как в революционном походе Бакунина); или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии» (стр. 278). (Ученический вздор! Радикальная социальная революция связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой. Таким образом, она возможна только там, где вместе с капиталистическим производством промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе. И для того, чтобы он имел какие-нибудь шансы на победу, он должен быть в состоянии *mutatis mutandis* [с соответствующими изменениями] сделать для крестьян непосредственно по меньшей мере столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина. Хороша идея, что господство рабочих включает в себя порабощение сельскохозяйственного

труда! Но тут-то проявляется затаеннейшая мысль господина Бакунина. Он абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы. Ее экономические условия для него не существуют. Так как все существовавшие до сих пор экономические формы, развитые или неразвитые, включали порабощение работника (будь то в форме наемного рабочего, крестьянина и т. д.), то он полагает, что при всех этих формах одинаково возможна *радикальная революция*. Более того! Он хочет, чтобы европейская социальная революция, основывающаяся на экономическом базисе капиталистического производства, произошла на уровне русских или славянских земледельческих и пастушеских народов и чтобы она не переступала этого уровня, хотя он и видит, что *мореплавание* создает различие между братьями, но и только *мореплавание*, ибо ведь это — различие, известное всем политикам! *Воля*, а не экономические условия, является основой его социальной революции.)

«Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; господство ¹ без рабства, открытого или замаскированного, невысказанного, вот почему мы враги государства» (стр. 278).

«Что значит — пролетариат, возведенный в господствующее сословие? (Это значит, что пролетариат, вместо того, чтобы в каждом отдельном случае бороться против экономически привилегированных классов, достиг достаточной мощи и организованности, чтобы в борьбе против них применять общие средства принуждения; однако он может применять лишь такие экономические средства, которые упраздняют его собственный характер как наемного рабочего, следовательно как класса; поэтому с полной его победой кончается и его господство, ибо кончается его классовый характер.) Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления? (Неужели, например, в профессиональном союзе (тред-юнионе) весь союз образует его исполнительный комитет? Неужели на фабрике исчезнет всякое разделение труда и различные функции, из него вытекающие? А при бакунинском построении снизу вверх разве все будут сверху? Тогда ведь не будет никакого внизу. Неужели все члены общины будут в равной мере ведать общими интересами области? Тогда не будет никакого различия между общиной и областью.) Немцев считают около сорока миллионов. Неужели же все сорок миллионов будут членами правительства? (Certainly [разумеется], ибо дело начинается с общинного самоуправления.) Весь народ будет управляющим, а управляемых не

¹ У Бакунина — «государство». *Ред.*

... (faint handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page) ...

будет (когда человек сам управляет собою, то по этому принципу он собою не управляет; ибо ведь он — только он сам и никто другой). Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут и управляемые, будут рабы» (это только значит: когда исчезнет классовое господство, не будет государства в нынешнем политическом смысле слова...) (стр. 279).

«Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они (т. е. Бакунин) разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом (Asine! [осел!] Это — демократический вздор, политическое пустословие! Выборы — политическая форма, даже в мельчайшей русской коммуне и в артели. Характер выборов зависит не от этих названий, а от экономических основ, от экономических связей избирателей между собою, и с того момента, как функции эти перестали быть политическими, 1) не существует больше правительственных функций; 2) распределение общих функций становится вопросом деловым, не дающим никакого господства; 3) выборы эти вовсе не носят нынешнего политического характера.) Всеобщее право избрания целым народом (такая вещь, как целый народ в нынешнем смысле слова — фантазия) народных представителей и правителей государства — вот последнее слово марксистов, так же, как и демократической школы, — ложь, за которую кроется деспотизм *управляющего меньшинства*, тем более опасная, что она является как выражение так называемой народной воли. (При коллективной собственности исчезает так называемая народная воля, чтобы уступить место действительной воле кооператива). Итак, в результате: управление огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты (где?), будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, по которым, лишь только они сделаются представителями или правителями народа, *перестанут быть работниками* (столь же мало, как ныне фабрикант перестает быть капиталистом потому, что он член муниципального совета) и станут смотреть на всех обыкновенных рабочих с высоты государственной; они будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природою человека» (стр. 279). (Если бы господин Бакунин был знаком хотя бы с положением управляющего рабочим кооперативом, все его бредни о господстве пошли бы к черту. Ему пришлось бы себя спросить: какую форму могут принять функции управления на основе такого рабочего государства, если ему угодно его так называть) (стр. 279).

«Но эти избранные будут горячо убежденные и к тому же ученые социалисты. Слова *«ученый социализм»* (никогда не употреблявшееся), *«научный социализм»* (употреблялось только в противовес социализму утопическому, стремящемуся навязать народу новые бредни и иллюзии, вместо того, чтобы ограничить область своего познания изучением социального движения самого народа; сметри мою книгу против Прудона), которые беспрестанно встречаются в сочинениях и речах лассальянцев и марксистов, сами собою доказывают, что так называемое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!» (стр. 279—280).

«Марксисты чувствуют это (!) противоречие и, сознавая, что управление ученых (*quelle rêverie* [что за фантазия]!) самое тяжелое, обидное и презрительное в мире, будет, несмотря на все демократические формы, настоящею диктатурою, — утешаются мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая (*поп, топ черг* [нет, дорогой мой]!) *Классовое господство* рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех самых пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов). Они говорят, что единственной заботой и целью их будет *образовать и поднять народ* (политикан из кафе!) как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается скоро ненужным, и государство, утратив весь политический, т. е. господствующий, характер, обратится само собою в свободную организацию экономических интересов и общин. Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздняться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным?» (стр. 280). (Оставляя в стороне попытку поехать на либкнехтовском *народном государстве*, которое есть вздор, обращенный против «Коммунистического манифеста» и пр., это значит только: ввиду того, что в период борьбы за разрушение старого общества пролетариат действует еще на основе старого общества и поэтому придает еще своему движению политические формы, более или менее соответствующие ему, — в этот период борьбы он не достиг еще своей окончательной организации и применяет для своего освобождения средства, которые после освобождения отпадут; отсюда г-н Бакунин умозаключает, что пролетариату лучше ничего не предпринимать,

а выжидать... дня *всеобщей ликвидации* — странного суда.) «Своей полемикой (которая, разумеется, появилась еще до моей книги против Прудона и до «Коммунистического манифеста», даже еще до Сеп-Симона) против них (хорошее *3.з.ероу протероу* [последующее под видом предшествующего]!) мы довели их до сознания, что свобода или анархия (г. Бакунина всего-навсего перевел прудоновскую и штирнеровскую анархию на дикое татарское наречие), т. е. свободная организация рабочих масс снизу вверх (чепуха¹), есть окончательная цель общественного развития и что всякое государство, не исключая и их народного, есть ярмо, с одной стороны порождающее деспотизм, а с другой — рабство» (стр. 280).

«Они говорят, что такое государственное ярмо, диктатура, есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения: анархия или свобода — цель, государство или диктатура — средство. Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить. На этом противоречии и основывается наша полемика. Они утверждают, что только диктатура, конечно их собственная, может создать народную волю; мы отвечаем: никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и что она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство; свобода может быть создана только свободой (*перманентного citizen* [гражданина] Бакунина), т. е. всенародным бунтом и вольною организацией масс снизу вверх» (стр. 281).

«В то время как политико-социальная теория противогосударственных социалистов или анархистов ведет их неуклонно и прямо к полнейшему разрыву со всеми правительствами, со всеми видами буржуазной политики, не оставляя другого исхода, кроме социальной революции (не оставляя от социальной революции ничего, кроме *фразы*), — противоположная теория, теория государственных коммунистов и научного авторитета, так же неуклонно втягивает и запутывает своих приверженцев, под предлогом политической тактики, в беспрестанные сделки с правительствами и разнообразными буржуазными политическими партиями, т. е. толкает их прямо в реакцию» (стр. 281). «Лучшее доказательство — Лассаль. Кому не известны его сношения и переговоры с Бисмарком? Либералы и демократы... воспользовались этим, чтобы обвинить его в продажности. То же самое, хотя и не так явно, шептали между собою различные¹ приверженцы г. Маркса в Германии» (стр. 282).

Лассаль относился к массе простых рабочих более как медик

¹ У Бакунина: «личные». *Ред.*

к больному, чем как брат к брату. «Ни за что в мире не изменил бы он делу народа» (там же).

Лассаль был в открытой войне с либералами, демократами, он их ненавидел, презирал их. Бисмарк занял по отношению к ним такую же позицию. Таков первый повод сближения между обоими. «Главное же основание этого сближения заключалось в политико-социальной программе Лассаля, в коммунистической теории, созданной г. Марксом» (стр. 283).

«Основной пункт этой программы: освобождение (мнимое) пролетариата посредством только одного государства... Два средства... пролетариат должен совершить революцию для овладения государством — средство героическое... по теории г. Маркса... народ должен передать всю власть в его руки и руки его друзей... «Они создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и землепашескую под непосредственной командой государственных инженеров, которые составят новое привилегированное научно-политическое сословие» (стр. 283—284).

Но сделать революцию — сами немцы не верят в это: «нужно, чтобы какой-либо другой народ ее начал или какая-нибудь внешняя сила увлекла или толкнула их. Следовательно, надо искать другого средства, чтобы овладеть государством. Надо овладеть симпатией людей, стоящих или могущих стать во главе государства. Во времена Лассаля, точно так же, как и теперь, во главе государства стоял Бисмарк... Лассаль главным образом был одарен практическим инстинктом и смыслом, которых нет ни у г. Маркса, ни у его последователей. Как все теоретики, Маркс неизменный и неисправимый мечтатель на практике. Он доказал это своей несчастною кампаниею в Интернациональном обществе, имевшею целью установление его диктатуры в Интернационале, а посредством Интернационала — над всем революционным движением пролетариата Европы и Америки. Надо быть или сумасшедшим или весьма отвлеченным ученым, чтобы задаться такою целью. Г-н Маркс в настоящем году потерпел полнейшее и заслуженное поражение, но вряд ли оно избавит его от его честолюбивой мечтательности» (стр. 284—285). «Благодаря той же мечтательности, а также и желанию приобрести почитателей и приверженцев среди буржуазии, Маркс постоянно толкал и толкает пролетариат на сделки с буржуазными радикалами. Гамбетта и Кастелляр — его настоящие идеалы» (стр. 284, 285). «В этом стремлении к махинациям (сделкам) с радикальной буржуа-

зией, которое сильнее обнаружилось в последние годы в Марксе, заключается двойная мечта: во-первых, радикальная буржуазия, если ей удастся овладеть властью, будет иметь возможность захотеть употребить ее в пользу пролетариата, а, во-вторых, она будет в состоянии устоять против реакции, корень которой скрывается в ней самой» (стр. 285).

Лассаль, как практический человек, понимал это (что радикальная буржуазия и не хочет, и не может освободить народ, что она хочет его только эксплуатировать); к тому же он ненавидел немецкую буржуазию; Лассаль слишком хорошо знал своих соотечественников, чтобы ждать от них революционной инициативы. Ему оставался лишь Бисмарк. «Пункт соединения давался ему самою теориею Маркса: единое, насильственно-централизованное государство. Лассаль его хотел, а Бисмарк уже делал. Как же им было не соединиться?» Бисмарк — враг (!) буржуазии. Его нынешняя деятельность показывает, что он не фанатик и не раб дворянско-феодальной партии... «Главная цель его, так же, как Лассалья и Маркса,— государство. И поэтому Лассаль оказался несравненно логичнее и практичнее Маркса, признающего Бисмарка революционером, конечно, по-своему, и мечтающего о свержении его, вероятно потому, что он занимает в государстве первое место, которое, по мнению г. Маркса, должно принадлежать ему. Лассаль не имел такого высокого самолюбия и потому не гнушался вступить в союз с Бисмарком. Совершенно сообразно с политическою программю, изложенною гг. Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте», Лассаль требовал от Бисмарка только одного: открытия государственного кредита рабочим производительным товариществам. Но вместе с тем... сообразно программе, он поднял между рабочими мирно-законную агитацию в пользу введения избирательного права» (стр. 288, 289).

После смерти Лассалья, наряду с «Рабочими просветительными союзами» и лассальянским «Всеобщим германским рабочим союзом», образовалась «под прямым влиянием друзей и последователей г. Маркса третья партия — «Социально-демократическая партия немецких работников». Во главе ее стали Бебель, полурабочник, и Либкнехт, совсем ученый ¹ и агент г. Маркса» (стр. 289).

Мы говорили уже о деятельности Либкнехта в Вене в 1868 году. Результатом ее был *Нюрнбергский конгресс* ² (август 1868 г.), на

¹ У Бакунина: прямой ученик. *Ред.*

² Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*

котором окончательно организовалась социально-демократическая партия. «По решению (намерению) ее основателей, действовавших под прямым руководством Маркса, она должна была сделаться пангерманским отделом Интернационального общества рабочих». Но немецкие и особенно прусские законы противны такому соединению. Поэтому это затрагивалось лишь мимоходом: «Социально-демократическая партия германских рабочих становится в связь с Международным товариществом рабочих, насколько это допускается немецкими законами». *«Несомненно, что эта новая партия была основана в Германии с тайною надеждою и с задней мыслью посредством нее ввести в Интернационал всю программу Маркса, устраненную первым Женевским конгрессом (1866 г.)».* «Программа Маркса сделалась программой социально-демократической партии». «Завоевание» «политической власти» в качестве «ближайшей и непосредственной цели», с прибавлением следующей знаменательной фразы: «завоевание политической власти¹ (всеобщее избирательное право, свобода печати, свобода ассоциаций и публичных собраний и т. д.) как необходимое подготовительное (предварительное) условие экономического освобождения рабочих». «Эта фраза имеет вот какое значение: прежде чем приступить к социальной революции, рабочие должны совершить политическую революцию, или, что более сообразно с природою немцев, завоевать, или, еще проще, приобрести политическое право посредством мирной агитации. А так как всякое политическое движение прежде или, что совершенно одно и то же, вне социального движения не может быть ничем другим, как движением буржуазным, то и выходит, что эта программа рекомендует немецким работникам усвоить прежде всего буржуазные интересы и цели и совершить политическое движение в пользу радикальной буржуазии, которая потом в благодарность не освободит народ, а подчинит его новой власти, новой эксплуатации» (стр. 289—291).

«На основании этой программы совершилось трогательное примирение немецких и австрийских работников с буржуазными радикалами Народной партии». «После Нюрнбергского конгресса делегаты, назначенные с этой целью конгрессом, отправились в Штутгарт, где и был заключен между представителями обманутых работников и коноводами буржуазно-радикальной партии формальный оборонительный и наступательный союз. Вследствие такого союза как те, так и другие явились вместе на второй конгресс Лиги мира и свободы, открывшийся в сентябре в Берне. Однако — весьма

¹ У Бакунина: политических прав. Ред.

знаменательный факт. Там произошел раскол между буржуазными социалистами и радикалами — и социальными революционерами, принадлежавшими к партии *Альянса*» (стр. 291, 292). «В этом отношении (т. е. в том, чтобы называть себя социалистом и другом народа и быть противником народного социализма) школа Маркса дала нам много примеров, и немецкий диктатор так гостеприимен (под неперенным условием, чтобы ему кланялись), что он в настоящее время прикрывает своим знаменем огромное количество с ног до головы буржуазных социалистов и демократов, и Лига мира и свободы могла бы приютиться под ним, если бы только согласилась признать его за первого человека. Если бы буржуазный конгресс поступил таким образом, то положение альянсистов стало бы несравненно труднее; между Лигою и ими произошла бы та же самая борьба, которая существует ныне между ними и Марксом. Но Лига оказалась глупее и вместе с тем честнее марксистов; она отвергла равенство (вздор!) в области экономической. Оторвалась от пролетариата; умерла; оставила только две блуждающие и горько жалующиеся тени—Аманда Гегга и сен-симониста миллионера Лемонье... Другой факт этого конгресса: *делегаты, приехавшие из Нюрнберга и Штутгарта, т. е. работники, отряженные Нюрнбергским конгрессом новой социально-демократической партии немецких рабочих и буржуазно-швабской «Народной партии», вместе с большинством Лиги вотировали единодушно против равенства...* Замечателен еще другой факт. *Брюссельский конгресс Интернационала, закрывшийся за несколько дней перед Бернским, отверг всякую солидарность с последним, и все марксисты, участвовавшие в Брюссельском конгрессе, говорили и вотировали в этом смысле. Каким же образом другие марксисты, действовавшие, как и первые, под прямым влиянием Маркса, могли притти к такому трогательному единодушию с большинством Бернского конгресса? Все это осталось загадкою, до сих пор не разгаданной. То же противоречие проявлялось в течение целого 1868 г. и даже еще в 1869 г. в «*Volksstaat*»... Иногда печатались в нем довольно сильные статьи против буржуазной Лиги; но за ними следовали несомненные заявления нежности, иногда дружеские упреки. Орган этот как бы умолял Лигу укротить свои слишком ярые заявления буржуазных инстинктов, компрометировавшие защитников Лиги перед работниками. Такое колебание в партии г. Маркса продолжалось до сентября 1869 г., т. е. до Базельского конгресса. Этот конгресс составляет эпоху в развитии Интернационала» (стр. 293—296).*

Немцы впервые появились на международном конгрессе, притом

в виде партии, организованной скорее по буржуазно-политической, нежели по народно-национальной¹ программе. Вотировали как один человек, под надзором Либкнехта. Первым их делом, разумеется, исходя из их программы, было поставить вопрос политический во главе всех других. Немцы потерпели решительное поражение. Базельский конгресс сохранил чистоту интернациональной программы, не позволил немцам ее исказить внесением их буржуазной политики; таким образом начался раскол в Интернационале, причиною коего были немцы. Интернациональному по преимуществу обществу они хотели насильно навязать свою программу узкобуржуазную и национально-политическую, исключительно немецкую, пангерманскую. «Они были на-голову разбиты, и такому поражению не мало способствовал «Союз социальных революционеров», альянсисты. Отсюда жестокая ненависть немцев против Альянса. Конец 1869 и первая половина 1870 г. были исполнены злостной бранью и еще более злостными и нередко подлыми кознями марксистов против людей Альянса» (стр. 296).

Победа Наполеона III не имела бы столько длительно-вредных последствий, как победа немцев (стр. 297).

Все немцы без исключения торжествовали по поводу победы, хотя они знали, что она знаменует собой засилье милитаристского элемента; «ни один или почти ни один немец не испугался, все соединились в единодушном восторге». Их страсть — господство и рабство (стр. 298). «А немецкие работники? Ну, немецкие работники не сделали ничего, ни одного энергического заявления симпатии, сочувствия к работникам Франции. Несколько митингов, где было сказано несколько фраз, в которых торжествовавшая национальная гордость как бы умолкала перед заявлением интернациональной солидарности. Но далее фраз ни один не пошел, а в Германии, вполне очищенной от войск, можно было бы тогда кое-что начать и сделать. Правда, что множество работников было завербовано в войска, где отлично исполняли обязанности солдата, всех убивали и пр. по приказанию начальства, а также и грабили. Некоторые из них, исполняя таким образом свои воинские обязанности, писали в то же самое время жалостные письма в «*Volksstaat*» и живыми красками описывали варварские преступления, совершенные немецкими войсками во Франции» (стр. 298, 299). Было несколько примеров более смелой оппозиции: протесты Якоби, Либкнехта и Бебеля; но это единичные и к тому же весьма редкие примеры.

¹ У Бакунина — народно-социальной. *Ред.*

Мы не можем позабыть статьи, появившейся в *сентябре 1870 г.* в «*Volksstaat*», в которой явно обнаружилось пангерманское торжество. Она начиналась следующими словами: «Благодаря победам, одержанным немецкими войсками, историческая инициатива окончательно перешла от Франции к Германии; мы, немцы и т. д.» (стр. 299).

«Словом, можно сказать, что у немцев без всякого исключения преобладало и преобладает поныне восторженное чувство военного и политического национального торжества. Вот на чем опирается главным образом могущество пангерманской империи и ее великого канцлера, князя Бисмарка» (стр. 299).

«И знаете ли, какое стремление преобладает ныне в сознании или инстинкте каждого немца? Стремление распространить широко, далеко Германскую империю» (стр. 303). Страсть эта «заправляет ныне и всеми действиями социально-демократической партии. И не думайте, чтобы Бисмарк был таким ярким врагом этой партии, каким он прикидывается. Он слишком умен, чтобы не видеть, что она служит ему, как пионер, распространяя германскую государственную идею в Австрии, Швеции, Дании, Бельгии, Голландии и Швейцарии. В распространении этой германской идеи состоит ныне главное стремление г. Маркса, который, как мы уже заметили, попытался *возобновить* в свою пользу в Интернационале подвиги и победы князя Бисмарка. Бисмарк держит в своих руках все партии и вряд ли отдаст их в руки г. Маркса» (стр. 304).

«Эта империя (пангерманская) устами своего великого канцлера объявила войну на жизнь или на смерть социальной революции. Князь Бисмарк произнес этот смертный приговор от имени сорока миллионов немцев, стоящих за ним и служащих ему опорой. Маркс же, соперник и завистник его, а за ним и все коноводы социально-демократической партии Германии, со своей стороны объявили такую же отчаянную войну социальной революции. Все это мы подробно изложим в следующей части» (стр. 307, 308). «Покамест она (социальная революция) сосредоточила свои силы только на юге Европы: в Италии, Испании, Франции; но вскоре, надеемся, под ее знамя встанут и северо-западные народы: Бельгия, Голландия и главным образом Англия, а там, наконец, и все славянские племена» (стр. 308).

ПРИБАВЛЕНИЕ.

«Главные черты идеала» русского народа: 1) «всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом; 2) что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; 3) квази-абсолютная автономия, общинное самоуправление и, вследствие того, решительно враждебное отношение общины к государству» (стр. 10).

«Три теньевые стороны таковы: 1) патриархальность; 2) поглощение лица миром; 3) вера в царя. Можно было бы прибавить к этому 4) христианскую веру, как официально-православную, так и сектаторскую (10), но это в России не представляет такой важности, как в Западной Европе» (там же).

Пункты 2 и 3 — «естественные результаты» пункта 1), «патриархальность» — отец, мир, царь (15). «Община — его мир. Она — не что иное, как естественное расширение его семьи, его рода. Поэтому в ней преобладает тоже патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и та же общая приниженность, а потому и та же коренная (*ursprünglich, zur Wurzel gehörige*) несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права, как и в самой семье. Решения мира, каковы бы они ни были, — закон. Кто смеет идти против мира? — восклицает с удивлением русский мужик... В мире имеют право голоса только старики, главы семейства... Но над общиною, над всеми общинами стоит царь, всеобщий патриарх и родоначальник, отец всей России. Поэтому власть его безгранична» (стр. 15). «Каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие чего ни одна община не имеет, да и не чувствует надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи. Соединяются же они между собою только посредством царя-батюшки, только в его верховной, отеческой власти» (стр. 15, 16).

ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ «РАЗОБЛАЧЕНИЯ О КЕЛЬНСКОМ ПРОЦЕССЕ КОММУНИСТОВ».

«Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», которые «Volksstaat» счел своевременным заново опубликовать, первоначально вышли в Бостоне-Массачузетсе и в Базеле. Большая часть последнего издания была конфискована на немецкой границе. Брошюра увидела свет через несколько недель после окончания процесса. Тогда важнее всего было не терять времени, и поэтому некоторые ошибки в частности были неизбежны. Так, например, было в обозначении имен кельнских присяжных. Так, автором красного катехизиса является не М. Гесс, а некий Леви. Так, В. Гирш уверяет в своем «Оправдательном письме», что бегство Шерваля из парижской тюрьмы было результатом тайного соглашения между Грейфом, французской полицией и самим Шервалем, чтобы использовать последнего во время судопроизводства как лондонского шпиона. Это вполне вероятно, ибо произведенная в Пруссии подделка векселя и вытекающая отсюда опасность быть выданным прусским властям должны были усмирить этого Кремера¹ (такова действительная фамилия Шерваля). Мое изложение дела основано на «признаниях» Шерваля одному из моих друзей. Показание Гирша бросает еще более яркий свет на лжесвидетельство Штибера, на тайные интриги прусского посольства в Лондоне и в Париже, на бесстыдные посягательства Гинкельдея.

Когда «Volksstaat» начал на своих столбцах перепечатку памфлета, я на мгновение поколебался: не лучше ли опустить раздел VI (фракция Виллих-Шаппера). Однако, при ближайшем рассмотрении, всякое искажение текста показалось мне фальсификацией исторического документа.

Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, в особенности выброшенных с отечественной арены в изгнание, такое потрясение, которое даже сильных людей делает на более или менее продолжительное время, так сказать, невменяемыми.

---

¹ Игра слов: «Krämer» по-немецки — торгаш. *Ред.*

Они не могут дать себе отчета в ходе истории, они не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат; отсюда и промахи Шаппера и Виллиха. Виллих доказал в северо-американской гражданской войне, что он представляет собою нечто большее, чем фантазера, а Шаппер, всю жизнь бывший передовым борцом рабочего движения, понял и признал вскоре после окончания кельнского процесса свое минутное заблуждение. Спустя много лет, лежа на смертном одре, за день до смерти он говорил мне с едкой иронией об этом времени «эмигрантского сумасбродства». — С другой стороны, обстоятельства, при которых были написаны «Разоблачения», объясняют резкость нападков против невольных пособников общего врага. В моменты кризиса опрометчивость становится преступлением против партии, требующим публичного искупления.

«Все существование политической полиции зависит от исхода этого процесса!» Этими словами, которые Гинкельдей во время кельнского судопроизводства писал лондонскому посольству (см. мою брошюру «Господин Фогт», стр. 27¹), он выдал тайну процесса коммунистов. «Все существование политической полиции» — это означает не только существование и деятельность того персонала, которому непосредственно доверено это ремесло. Это означает подчинение этому учреждению всей правительственной машины, включая суд (см. прусский дисциплинарный закон для судебных чиновников от 7 мая 1851 г.) и прессу (см. рептильный фонд), подобно тому как в Венеции вся государственная организация была подчинена государственной инквизиции. Политическая полиция, парализованная во время революционной бури в Пруссии, нуждалась в преобразовании, образцом для которого была и остается вторая французская империя.

После крушения революции 1848 г. немецкое рабочее движение существовало только еще в теоретической форме, к тому же ограниченной узкими рамками пропаганды, относительно практической безопасности которой прусское правительство ни на минуту не обманывалось. Травля коммунистов имела для него значение лишь как пролог к реакционному крестовому походу против либеральной буржуазии, а буржуазия, осудив представителей рабочих и оправдав Гинкельдея-Штибера, сама отточила главное оружие этой реакции, политическую полицию. Так заслужил Штибер перед кельн-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. I., стр. 292. Ред.

скими присяжными свои рыцарские шпоры. Тогда Штибер — было имя второстепенного полицейского чиновника, бешено гнавшегося за повышением оклада и чина; теперь Штибер означает неограниченное господство политической полиции в новой священной Пруско-германской империи. Он превратился некоторым образом в моральную личность¹, моральную в том переносном смысле, в каком, например, рейхстаг является моральным лицом. На этот раз политическая полиция бьет в рабочего не для того, чтобы попасть в буржуа. Наоборот. Как раз в качестве диктатора немецко-либеральной буржуазии Бисмарк мнит себя достаточно сильным, чтобы сжить² со свету рабочую партию. Поэтому ростом величия Штибера германский пролетариат может измерять успехи движения, которое он сам совершил со времени кельнского процесса коммунистов.

Непогрешимость папы — детская игрушка по сравнению с непогрешимостью политической полиции. После того как в Пруссии в течение целых десятилетий она заключала в темницы юные пыльные головы за мечты о германском единстве, германском государстве, германской империи, — ныне она бросает в тюрьмы даже старые плешивые головы, которые отказываются мечтать об этих божьих дарах. Ныне она так же тщетно старается искоренить *врагов империи*, как тогда — *друзей империи*. Какое убедительное доказательство того, что она не призвана делать историю, хотя бы это была лишь история спора о бороде императора!

Кельнский процесс коммунистов сам по себе клеймит бессилие государственной власти в ее борьбе против общественного развития. Королевский прусский государственный прокурор обосновывал виновность обвиняемых в конце концов тем, что они тайно распространяли опасные для государства принципы *«Коммунистического манифеста»*. А разве, несмотря на это, те же самые принципы через двадцать лет не возвещаются в Германии открыто на улицах? Разве не раздаются они даже с трибуны рейхстага? Разве не совершили они кругосветного путешествия в виде *«Программы Международного товарищества рабочих»*, наперекор всем правительственным приказам о поимке? Общество никак не сможет притти в равновесие, пока оно не станет вращаться вокруг солнца труда.

В «Разоблачениях» говорится в заключение:

«Иена... вот последнее слово для правительства, которое

¹ Moralische Person = моральная личность и юридическое лицо. *Ред.*

² Непереводимая игра слов: Stieber и stiebern. *Ред.*

нуждается в таких средствах для своего существования, и для общества, которое нуждается в подобном правительстве для своей защиты. Вот последнее слово процесса коммунистов — *Иена!*»

Экое удачное предсказание, хихикнет какой-нибудь Трейчке, гордо указав на недавние успехи прусского оружия и на маузеровское ружье. Мне достаточно напомнить, что бывает не только *внутренний Дюппель*, но и *внутренняя Иена*.

Лондон, 8 января 1875 г.

Написана К. Марксом.

*Напечатана во 2-м издании «Enthüllungen
über den Kommunisten-Prozess zu Köln».
Leipzig 1875.*

ОФИЦИОЗНЫЙ ВОЙ О ВОЙНЕ.

Рептильная пресса Германской империи вновь получила приказ трубить в военные трубы. Безбожная, вырождающаяся Франция ни за что не желает оставить в покое богобоязненную Германию, так пышно расцветающую под господством биржевой спекуляции, грюндерства и краха. Франция вооружается в огромнейших размерах, и та крайняя поспешность, с какой производятся эти вооружения, является лучшим доказательством того, что она намерена по возможности уже в будущем году напасть на невинную миролюбивую империю Бисмарка, которая, как известно, никогда и водички не замутит, которая непрерывно разоружается и о которой только враждебная империи пресса распространяет клевету, будто она законом о местном ополчении только что превратила два миллиона граждан в солдат запаса.

Рептильная пресса находится в затруднительном положении. В то время как в угоду министерству иностранных дел она должна изображать империю ягненком неслыханной кротости, — в интересах военного министерства ей приходится дать понять немецкому буржуа, что за взимаемые с него тяжелые налоги кое что делается, что намеченные вооружения и в самом деле осуществляются, что строятся крепости, что готовятся кадры и разработаны планы мобилизации массы «отпускников», что боевая готовность армии повышается с каждым днем. И так как сообщения на этот счет являются доподлинными и сверх того исходят от компетентных людей, то у нас есть полная возможность составить суждение об этом воинственном кваканьи газетных жаб.

Предлогом для всей этой шумихи является новый французский закон о кадрах. Сравним же установления, созданные им во Франции, — пока еще только на бумаге, — с установлениями, существующими в Германии на деле, причем ограничимся, ради краткости, главным образом одним, решающим родом оружия — пехотой.

В целом бросается в глаза, что новый французский закон представляет собою значительно ухудшенное издание прусского.

Французская строевая пехота должна состоять из 144 строевых полков, 4 полков зуавов и 3 четырехбатальонных полков тюркочесов, 30 батальонов егерей, 4 иностранных и 5 дисциплинарных батальонов, итого — из 643 батальонов, тогда как в немецких строевых частях всего лишь 468 батальонов. Но это превосходство французских строевых войск — одна лишь видимость.

Во-первых, хотя французский батальон, как и прусский, состоит из четырех рот, но в каждой роте — лишь четыре офицера вместо пяти, да и из этих четырех один — офицер запаса, разновидность, которой во Франции до сих пор *еще вообще не существует*. Во Франции до сих пор на 35 — 40 человек приходился один офицер, и при устаревшем и громоздком французском строевом уставе это действительно необходимо, тогда как в Пруссии совершенно достаточно одного офицера на 50 человек. Но это уж представляет собою максимум, так что комиссия Национального собрания, обсуждавшая этот закон, единогласно пришла к заключению, что численность роты можно установить *самое большее* в 200 человек. Французская рота, таким образом, численно на 25% слабее прусской, а так как офицера запаса в ней налицо нет и много лет еще не будет, то и в организационном отношении она значительно уступает прусской. Но так как теперь благодаря ружью, заряжающемуся с казенной части, рота превратилась в тактическую единицу боя, а бой ротными колоннами и опирающийся на роту стрелковый бой требуют *сильных* рот, — Национальное собрание причинило здесь французской армии наибольший ущерб, какой только могло причинить.

Во французском строю насчитывается, таким образом, в боевой готовности

606 строевых батальонов по 800 человек.	484 800 человек
Зуавов, тюркочесов, иностранного легиона, дисциплинарных батальонов.	46 000 »
Итого	530 800 человек

Однако из этого числа отходят для Алжира по крайней мере 40 000 человек, которые смогут быть использованы лишь тогда, когда появятся новые формирования для их замены. Таким образом, к открытию военных действий остается 490 800 пехотинцев. 468 батальонов немецкой пехоты, насчитывающих каждый по 1 050 человек в полной боевой готовности, составляют всего по официальным данным 490 480 человек, почти ровно столько же, сколько и во французском строю.

До сих пор, таким образом, мы видим численное равенство при лучшей и более сильной организации на стороне Германии. Теперь мы подходим к различию.

Со стороны Франции упомянутые 643 слабых батальона образуют вообще всю пехоту, которая организована в военном отношении. Конечно, 318 рот строевого запаса и егерей в общем составляют еще добавочно 249 480 человек резерва (включая сюда также по 50 или 40 офицеров и унтер-офицеров на роту), но тут до сих пор имеются лишь рядовые, да и то большей частью совершенно необученные, а из обученных — прошедшие в большинстве лишь шестимесячную службу. Из состава офицеров и унтер-офицеров имеется налицо самое большее — *одна четверть*. Пока эти 318 рот запаса превратятся в 318 годных к действию батальонов, — весь исход кампании может оказаться уже решенным, а те из них, которые пойдут на линию огня, качественно не будут превосходить мобильную гвардию 1870 года. Остается еще территориальная армия, которая включает в себя людей от 30 до 40 лет и которая еще *должна* быть организована в 144 полка по 3 батальона, стало быть, 432 батальона. Все это существует лишь на бумаге. Чтобы действительно создать такую организацию, необходимо иметь 10 000 офицеров и 20 000 унтер-офицеров, из которых нет пока почти буквально ни одного человека. И откуда взяться этим офицерам? В Пруссии понадобилось чуть ли не два поколения, пока из одногодичных вольноопределяющихся вышли пригодные офицеры запаса и ополчения; еще в сороковых годах почти во всех полках их рассматривали как зло и соответствующим образом обращались с ними. А во Франции, где подобный институт противоречит всем традициям революционного равенства, где офицеры презирают одногодичников, а солдаты их ненавидят, с ними действительно ничего не сделаешь. Но другого источника для подготовки офицеров запаса не существует.

Что касается унтер-офицеров и рядовых, то победители при Садовой 1866 г. хвастались, как известно, тем, что давнишнее существование в Пруссии системы ополчения дает им преимущество в 20 лет по сравнению со всякой другой страной, которая примет такую же систему; сравняться с Пруссией удастся только тогда, когда самые старые призывные возрасты будут состоять из служивших людей. Теперь об этом, повидимому, забыли, так же, как и о том, что во Франции служит в самом деле лишь половина ежегодного контингента, другая же половина получает отпуск после шестимесячной службы (при современном педантичном уставе срок

совершенно недостаточный), так что запас и ополчение во Франции, по сравнению с Пруссией, состоит, таким образом, по большей части из рекрутов. И после этого делают вид, что боятся нынешней французской территориальной армии, которая представляет собою такое же необученное пушечное мясо, как та армия, которая в 1870 и 1871 гг. на Луаре и под Ля-Мансом не могла удержаться против вдвое слабейших, но дисциплинированных немецких частей!

Но это еще не все. В Пруссии после горького опыта научились, наконец, производить мобилизацию. Через 11 дней вся армия готова к бою, а пехота гораздо раньше. Но для этого понадобилось, чтобы все было устроено простейшим образом и, в частности, чтобы каждый отпускиник был уже заранее приписан к той части, в которую он должен будет войти. Основую такой системы является то, что каждый полк имеет для набора свой постоянный округ, в пределах которого в первую очередь и комплектуется соответственный полк ополчения. Новый французский закон, наоборот, приписывает рекрутов и запасных к тому полку, который в момент мобилизации окажется в данном округе. Это установлено как дань традиции, укоренившейся с наполеоновских времен, согласно которой отдельные полки, сменяя друг друга, стоят в качестве гарнизона по всем частям Франции и должны по возможности рекрутироваться по всей Франции. Если от последнего пришлось отказаться, то тем решительнее настаивали на первом, сделав тем самым невозможной ту постоянную органическую связь между командованием полками и окружным командованием ополчения, которая обеспечивает в Пруссии быстроту мобилизации. Если это бессмысленное изменение, причиняющее специальным родам оружия еще больше затруднений, чем пехоте, должно затянуть мобилизацию этой последней хотя бы *только* на три дня, то пред лицом активного противника они окажутся тремя важнейшими днями всего похода.

Итак, что же обозначают все эти мощные французские вооружения? Численно равную немецкой, но хуже организованную строевую пехоту, которая, чтобы притти в состояние боевой готовности, должна сверх того включить в себя известное число рядовых, прошедших лишь шестимесячный срок службы; запас первой очереди, в котором преобладают рядовые, прослужившие лишь шесть месяцев и для которого есть налицо в лучшем случае четверть потребного количества офицеров и унтер-офицеров; запас второй очереди из рядовых, большей частью вовсе не служивших, и без всякого офицерского состава; и для обеих категорий запаса, собственно говоря, полное отсутствие твердых кадров. К тому же — обеспечен-

ная перспектива, что недостаток офицеров при существующих установлениях *никогда* не сможет быть пополнен, так что обе категории запаса в случае войны окажутся не более дееспособными, чем батальоны, наспех сформированные осенью и зимой 1870 года.

А теперь взглянем на кроткую, как ягненок, Германскую империю, которая как будто бы совсем не имеет зубов и уж во всяком случае не оскаливает их. Мы уже указали на 468 батальонов строевой пехоты в состоянии боевой готовности, всего — 490 480 человек. Но к этому присоединяются еще следующие новые формирования.

С начала 1872 г. для каждого батальона установлено дополнительно 36 рекрутов, что дает круглым числом 17 000 человек в год. Далее, по истечении двухлетнего срока службы стали увольнять в отпуск добрую четверть рядового состава, а взамен их устанавливать соответственный новый набор рекрутов, что дает круглым числом 28 000 человек. Таким образом, всего ежегодно набирается и обучается на 45 000 человек больше, чем прежде; это дает до конца 1875 г., за три года, 135 000 человек, кроме того еще 12 000 одногодичных вольноопределяющихся (по 4 000 в год); итого 147 000 человек, т. е. как раз столько, чтобы для каждого из 148 полков образовать четвертый батальон. Для этой цели с того же времени при всех строевых полках уже «организационно подготовлены» сверхкомплектные запасные роты, т. е. уже установлены строевые и запасные офицеры и унтер-офицеры, которые должны войти в эти батальоны. Эти четвертые батальоны могут, таким образом, выступить в поход самое позднее через 2 — 3 дня после первых трех, усилив армию на 148 батальонов по 1 050 человек, т. е. на 155 400 человек. Но эти цифры далеко еще не выражают того прироста в мощности, который получает тем самым действующая армия. Кто видел в 1866 г. прусские четвертые батальоны, тот знает, что они состояли преимущественно из сильных, отлично сложенных людей 24 — 27-летнего возраста, образуя ядро армии.

Наряду с формированием четвертых батальонов, не говоря уже о егерских запасных ротах, идет своим чередом организация резервных батальонов в числе 148. Они формируются из сверхкомплектных отставных резервистов и из не проходивших службы рядовых из резервов запаса. Эти силы по официальным данным исчислялись в 1871 г. в 188 690 человек. Это надо, однако, понимать таким образом, что установленные еще в мирное время кадры офицеров и унтер-офицеров в состоянии обучить только такое количество рядовых, так как одни резервы запаса, в первую очередь которых входит теперь ежегодно около 45 000 человек, дают для

семи призывных возрастов гораздо больше указанного количества людей. Резервные батальоны являются именно тем резервуаром, из которого батальоны, участвующие в военных действиях и ослабленные потерями, а еще больше — изнурением, получают необходимые более или менее обученные подкрепления, которые в свою очередь пополняются затем из резервов запаса.

Одновременно со строевыми и запасными войсками производится мобилизация ополчения (Landwehr). Кадры ополченцев, также установленные уже в мирное время, охватывают 287 батальонов (число которых должно быть доведено до 301). В обеих последних войнах численность батальонов ополчения была доведена лишь до 800 человек; если мы примем за основу даже эту низкую общую численность, то и тогда Германская империя выставит пехоту ополчения в 229 600 человек организованных войск, причем остается еще для дальнейшего использования ежегодно увеличивающееся число сверхкомплектных.

Но это еще не все; вызвано вновь к жизни еще и ополчение второй очереди (Landsturm). По официальным данным, уже в конце 1874 г. военная сила германской пехоты была увеличена на 234 батальона ополчения второй очереди (по 800 человек = 187 200 человек), не считая егерских рот; а это может лишь означать, что кадры для этих батальонов, по крайней мере необходимый их минимум, установлены. Но ополчение второй очереди этим далеко еще не исчерпывается, так как, согласно торжественному заявлению Фойгт-Ретца в рейхстаге, оно обнимает собою «пять процентов населения, два миллиона людей».

Как же обстоит дело с соотношением сил?

Франция располагает строевой пехотой, включая и войска, отбывающие службу в Алжире, в количестве 530 800 людей, и это — вся ее организованная пехота. Если мы причислим сюда еще и весь запас первой очереди, поскольку он обладает хоть *какой-нибудь* видимостью организации, — 254 600 человек (288 запасных рот по 800 человек, 30 запасных егерских рот по 540 человек и 8 000 сверхкомплектных дисциплинарников), — то в итоге у нас получается всего 785 400 человек в строю.

Германская империя выступает через одиннадцать дней после приказа о мобилизации со строевой пехотой в . . . . .

490 480 человек

Спустя два-три дня выступают дальнейшие 148 батальонов . . . . .

155 400 »

Спустя еще четырнадцать дней выступают 287 батальонов ополчения по 800 человек каждый.	299 600 человек
И спустя еще четырнадцать дней выступают 234 батальона ополчения второй очереди по 800 человек каждый	187 200 »

Итого пехоты . . . . . 1 062 680 человек,

которые уже в мирное время получили вполне законченную организацию, которые заранее обеспечены всем необходимым и имеют за собой в тылу 148 резервных батальонов в составе (см. выше) 188 690 человек для пополнения понесенного в бою урона. В целом — организованная масса пехоты в 1 251 370 человек.

Могут подумать, что мы преувеличиваем. — Ни в коем случае. Мы указываем даже меньше, чем есть в действительности, оставляя без внимания различные мелкие факторы, которые, однако, в совокупности дают весьма почтенную сумму. Приведем доказательство.

«Kölnische Zeitung» от 27 декабря 1874 г. содержит исходящее от военного министерства «Военное сообщение», из которого мы узнаем следующее. В конце 1873 г. приведенная в боевую готовность германская армия насчитывала 1 361 400 человек, из которых пехота составляла . . . . . 994 900 человек. В 1874 г. к этому прибавились четвертые батальоны 155 400 » и 234 батальона ополчения второй очереди . . . 187 200 »

Итого пехоты . . . . . 1 337 500 человек,

стало быть, почти на 100 000 человек больше, чем в нашем расчете. Та же статья подсчитывает общую численность войск всех родов оружия в 1 723 148 человек, в том числе 39 948 офицеров; а французы в противовес располагают в лучшем случае 950 000 человек заранее организованных войск, в том числе 785 000 пехоты!

Что касается качества этих войск, то, — предполагая у обеих наций в среднем одинаковые военные способности, — качество французской армии наверное не повысилось со времени последней войны. Правительство сделало все, чтобы деморализовать войска, особенно тем, что разместило их в лагерных бараках, где вимою солдат не мог ни обучаться, ни заниматься чем-либо другим и был, так сказать, предназначен исключительно для распивания абсента. Нехватает унтер-офицеров, состав рот слаб, кавалерийские полки далеко не располагают достаточным количеством лошадей.

«Norddeutsche Allgemeine Zeitung» еще 14 января подчеркивала это; тогда она еще проповедывала мир!

Но новое военное законодательство предоставляет в распоряжение французского военного министра: 704 714 человек в строю, 510 294 человека в резервах, 582 523 человека территориальной армии и 625 633 человека в ее резервах, итого 2 423 164 человека, которые в случае необходимости могут быть доведены до 2 600 000 человек! Правда, генерал Леваль, тщательно изучив относящиеся сюда документы, заявляет, что должен снизить эту сумму до 2 377 000 человек. Но и этого количества вполне достаточно, чтобы привести в состояние бешенства даже наилучшего военного министра. Что ему делать, скажите на милость, с этой массой людей, почти на две трети не обученных? Откуда взять офицеров и унтер-офицеров, без которых он не может этих людей обучать, не говоря уж о том, чтобы их организовать?

В Германии дело обстоит совершенно иначе. Численность приведенной в боевую готовность армии уже в обоснованиях имперского военного закона принимается равной 1 500 000 человек. Сюда присоединяется, однако, в результате самого этого закона, пять призывных возрастов резервов запаса, которые обязаны отбывать военную службу от 27-ми до полных 31-го года, — 45 000 человек ежегодно, — итого, стало быть, около 200 000 человек. По меньшей мере 200 000 человек сверхкомплектных, помимо приведенных в боевую готовность, были уже заранее занесены в списки. И сюда прибавляется еще ополчение второй очереди численностью в добрых два миллиона человек, так что германский военный министр имеет в своем распоряжении 3 900 000, если не *четыре миллиона людей*, причем армия, как утверждает упомянутый офицер, «даже при призыве 1 800 000 человек и *выше*, будет, за исключением включенных в резервную армию рекрутов, состоять сплошь из уже служивших и в военном отношении вполне подготовленных солдат, что во Франции, включая и резервы территориальной армии, могло бы быть достигнуто *лишь через двадцать лет*».

Мы видим, что истинной представительницей милитаризма является не Франция, а Германская империя прусской нации. Четыре миллиона солдат, десять процентов населения! Одно только замечание: нам может пойти на пользу, если вся эта система будет доведена до крайних своих пределов. Система эта может быть окончательно сломлена не извне, не какой-нибудь другой победоносной военной державой, а только изнутри, вследствие своих собственных неизбежных последствий. И чем больше ее будут раздувать

сверх всякой меры, тем скорее должна она рухнуть. Четыре миллиона солдат! Социал-демократия будет тоже благодарна Бисмарку, если он увеличит это число до пяти или шести миллионов, а затем при первой возможности начнет призывать и девиц.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Volksstaat»

№ 46 от 23 апреля 1875 г.

Подпись: Ф. Э.

Фридрих Энгельс
ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Напечатана в газете «Der Volksstaat»
№ 69, 73, 117, 118 за 1874 г. и № 36,
37, 43, 44, 45 за 1875 г.
Подпись: Ф. Энгельс*

I.

ПОЛЬСКАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ¹

Когда русский император прибыл в Лондон, там уже была поставлена на ноги вся полиция. Говорили, что поляки хотят его застрелить, что уже нашелся новый Березовский, вооруженный на этот раз лучше, чем тогда в Париже. Дома известных поляков были оцеплены переодетыми в штатское полицейскими, и был даже вызван из Парижа полицейский комиссар, который при второй империи специально следил там за поляками. Полицейские меры предосторожности на пути проезда царя от его квартиры до Сити были разработаны по всем правилам стратегии, — и все эти труды пропали даром! Никакого Березовского не обнаружили, никакого пистолетного выстрела не раздалось, и царь, дрожавший не меньше своей дочери, отделался испугом. Впрочем, совсем даром труды эти все же не пропали, потому что император велел дать на чай каждому из потрудившихся для него полицейских надзирателей по пяти фунтов стерлингов и каждому инспектору — по два (по 100 и 40 марок²).

Поляки же думали тем временем совсем о других вещах, а не об убийстве благородного Александра. Общество «Польский народ» выпустило «Обращение польских эмигрантов к английскому народу», подписанное: генерал В. Врублевский, председатель; Я. Крынский, секретарь. Это обращение широко распространялось в Лондоне во время пребывания царя. За исключением «Reynold's Newspaper», вся лондонская пресса единодушно отказалась его печатать: не следует, мол, обижать «гостя Англии»!

Обращение начинается с указания англичанам на то, что царь не оказывает им чести, а наносит оскорбление, посещая их в тот самый момент, когда в Центральной Азии им делаются все приготовления для свержения господства англичан в Индии, и что если бы

¹ Подзаголовок дан Энгельсом при переиздании этой статьи в 1894 г. в сборнике «Internationales aus dem Volksstaat». *Ред.*

² В «Volksstaat»: по 33 и 14 талеров. *Ред.*

Англия, вместо того, чтобы внимать обольщающим речам царя, этого мнимого отца угнетаемых им народов, стала менее равнодушна к стремлениям поляков к независимости, то и Англия, и остальная Западная Европа могли бы спокойно прекратить свои колоссальные вооружения. И это совершенно верно. Подосновой всего европейского милитаризма является русский милитаризм. Русская армия, которая во время войны 1859 г. стояла в резерве на стороне Франции, а в 1866 и 1870 гг. — на стороне Пруссии, давала каждый раз возможность крупнейшей военной державе разбить своего противника в одиночку. Пруссия, как первая военная держава Европы, прямо является созданием России, хотя впоследствии пренеприятно переросла свою покровительницу.

Авторы обращения продолжают:

«В силу своего географического положения и своей готовности в любой момент встать на защиту интересов человечества Польша всегда была и всегда будет первой поборницей права, цивилизации и общественного прогресса во всей северо-восточной Европе. Польша неопровержимо доказала это своим вековым сопротивлением напору восточных варваров, с одной стороны, и угнетавшей тогда почти весь Запад инквизиции — с другой. Благодаря чему могли народы Западной Европы в решающую эпоху нового времени беспрепятственно отдаться развитию своих социальных жизненных сил? Только благодаря тому, что на восточных рубежах Европы стоял на посту польский солдат, всегда бдительный, всегда готовый к бою, никогда не колеблющийся поставить на карту свое здоровье, свое достоиние, свою жизнь. защите польского оружия обязана Европа тем, что ее вновь пробудившаяся в XVI веке жизнь могла развернуться в искусстве и в науке, что торговля, промышленность и богатство могли достичь своей нынешней изумительной высоты. Что случилось бы, например, с наследием цивилизации, приобретенным на Западе двухвековой работой, если бы Польша, несмотря на то, что ей самой угрожали с тыла монгольские орды, не оказала центральной Европе помощи против турок и не сломила блестящей победой под стенами Вены могущества османов?»

В обращении указывается далее, что и сейчас еще главным образом сопротивление Польши мешает России направить свои силы против Запада, что благодаря именно этому сопротивлению обезоружены опаснейшие союзники России, ее панславистские агенты. Знаменитейший русский историк Погодин в одном сочинении, напечатанном по приказу и на деньги русского правительства, пишет, что Польша, бывшая до сих пор бельмом на глазу России, должна стать ее правой рукой, для чего ее надо восстановить в виде маленького слабого королевства под властью какого-нибудь русского князя: так легче всего заманить турецких и австрийских славян,

«Мы провозгласим это особым манифестом; Англия и Франция прикусят язык, а для Австрии это — смертельный удар... Все поляки, даже самые непримиримые, бросятся в наши объятия; австрийские и прусские поляки воссоединятся со своими братьями. Все славянские племена, угнетенные сейчас Австрией, чехи, хорваты, венгры (1) и вплоть до турецких славян, будут страстно ждать той минуты, когда они смогут вздохнуть так же свободно, как вздохнут тогда поляки. Мы будем стомиллионным племенем под единым скипетром, и тогда приходите, народы Европы, и попытайте на нас свои силы!»¹

К сожалению, в этом чудесном плане нехватало главного: согласия Польши. Между тем, «на все эти приманки Польша, как известно всему миру, ответила: я хочу и должна жить, если вообще буду жить, не как орудие всемирно-завоевательных планов чужого царя, а как свободный народ среди свободных народов Европы». В обращении излагается далее, как осуществляла Польша на деле это свое непоколебимое решение. В критический момент своего существования, когда разразилась французская революция, Польша была уже изуродована первым разделом и поделена между четырьмя государствами. И, тем не менее, она имела мужество конституцией 3 мая 1791 г. водрузить знамя французской революции на берегах Вислы — акт, которым она поставила себя гораздо выше всех своих соседей. Старое польское хозяйство было этим уничтожено; несколько десятилетий спокойного, не нарушаемого извне развития, — и Польша стала бы самой передовой и самой могущественной страной к востоку от Рейна. Однако державам, участвовавшим в разделе, не могло понравиться то обстоятельство, что Польша снова поднимается, а тем более то, что она поднимается путем внедрения революции на северо-восток Европы. Ее судьба была решена: русские добились в Польше того, чего Пруссия, Австрия и имперские войска тщетно добивались во Франции.

«Костюшко сражался одновременно и за независимость Польши, и за принцип равенства. И всему миру известно, что с момента гибели ее национальной независимости и вопреки этой гибели Польша в силу своего патриотизма и в силу своей солидарности со всеми народами, борющимися за интересы человечества, всегда и везде была передовой поборницей нарушенного права, принимая участие во всех боях, направленных против тирании. Не сломленная своими собственными бедствиями, не поколебленная слепотою и злой волей европейских правительств, Польша ни на одно мгновение не нарушала обязанностей, возложенных на нее ею самой, историей и заботою о будущем».

Но одновременно она выработала и принципы, согласно которым должно быть организовано это будущее — новая польская

¹ Ср. М. П. Погодин. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. М., 1867. «Записки о Польше» (1857), стр. 54 — 55. *Ред.*

республика; они изложены в манифестах от 1836, 1845 и 1863 годов.

«Первый из этих манифестов провозглашает, наряду с неизбежным национальным правом Польши, также и *равноправие крестьян*. Манифест 1845 г., возвещенный на польской территории, в тогда еще вольном городе Кракове, и подтвержденный депутатами от всех частей Польши, провозглашает не только это равноправие, но и то положение, что *крестьяне должны стать собственниками земли*, которую они веками обрабатывают. — В захваченной русскими части Польши помещики, опираясь на вышеупомянутые манифесты как на основы польского национального права, задолго до императорского так называемого освободительного манифеста решили уладить добровольно и по соглашению с крестьянами этот внутренний вопрос, тяготевший на их совести (1859 — 1863 гг.). Польский земельный вопрос был в принципе разрешен конституцией 3 мая 1791 г.; если же польский крестьянин тем не менее оставался угнетенным, то это было исключительно виною деспотизма и маккиавеллизма царя, основавшего свое господство на вражде между помещиками и крестьянами. Решение это было принято задолго до императорского манифеста от 19 февраля 1861 г., а самый этот манифест, восторженно принятый всей Европой и устанавливавший будто бы равноправие крестьян, был лишь прикрытием для одной из постоянно повторявшихся попыток царя присваивать себе чужое добро. Польские поселенцы угнетены попрежнему, но... *царь стал собственником земли!* А в наказание за кровавое восстание, поднятое Польшей в 1863 г. против коварного варварства своих угнетателей, ей пришлось претерпеть ряд таких зверских истязаний, перед которыми должна была бы содрогнуться даже тирания прошлых веков.

И все же ни жестокое иго царя, тяготеющее над ней вот уж целое столетие, ни равнодушные Европы не были в состоянии умертвить Польшу. Мы жили и мы будем жить благодаря нашей собственной воле, нашей собственной силе и нашему собственному социальному и политическому развитию, которое высоко возносит нас над нашими угнетателями, ибо существование последних опирается от начала и до конца на грубое насилие, на тюрьму и виселицу, а основные рычаги их внешней политики — это подпольные интриги, предательские нападения и, наконец, насильственное завоевание».

Оставим теперь это обращение, достаточно охарактеризованное приведенными выдержками, чтобы присоединить к нему несколько замечаний о важности польского вопроса для немецких рабочих.

Как ни развилась Россия со времени Петра Великого, как ни возросло ее влияние в Европе (чему не мало способствовал прусский король Фридрих II, отлично, впрочем, понимавший, что он делает), — все же она по существу оставалась такой же внеевропейской державой, как, например, Турция, вплоть до того момента, когда она овладела Польшей. В 1772 г. произошел первый раздел Польши; в 1779 г. Россия уже потребовала и получила¹ по Тешенскому мирному договору формальное право вмешательства в гер-

¹ Слова «и получила» добавлены Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

манские дела. Это должно было бы послужить уроком для германских государей; но, несмотря на это, Фридрих-Вильгельм II, этот единственный Гогенцоллерн, оказывавший русской политике серьезное сопротивление, и Франц II дали свое согласие на полное уничтожение Польши. После наполеоновских войн Россия забрала к тому же львиную долю бывших прусско- и австро-польских провинций и теперь открыто выступала в качестве арбитра Европы; эту роль она непрерывно продолжала играть до 1853 года. Пруссия не мало гордилась своим пресмыкательством перед Россией; Австрия шла за нею против воли, но в решительный момент всегда уступала из страха перед революцией, против которой царь всегда ведь оставался последней опорой. Так стала Россия оплотом европейской реакции, не отказывая себе при этом в удовольствии готовить посредством панславистских подстрекательств дальнейшие завоевания в Австрии и в Турции. В годы революции подавление Венгрии русскими войсками было таким же решающим событием для Восточной и Средней Европы, каким июньский бой в Париже был для Запада; и когда вслед за тем в Варшаве император Николай оказался судьей над королем прусским и императором австрийским, то в Европе вместе с господством России установилось и господство реакции. Крымская война освободила Запад и Австрию от наглых притязаний царя; Пруссия и мелкие германские государства тем усерднее пресмыкались перед ним; но уже в 1859 г. он покарал австрийцев за их непослушание, позаботившись о том, чтобы его германские вассалы не оказали ей поддержки, а в 1866 г. Пруссия довершила наказание Австрии. Выше мы уже видели, что русская армия служит предлогом и основой всего европейского милитаризма. Только потому, что в 1853 г. Николай, полагаясь на свой миллион солдат (существующий, правда, в большей части лишь на бумаге), бросил вызов Западу, только поэтому Луи-Наполеон мог использовать Крымскую войну в качестве предлога для превращения порядком ослабленной тогда французской армии в сильнейшую армию Европы. Только потому, что в 1870 г. русская армия помешала Австрии выступить на стороне Франции, Пруссия могла победить французов и завершить создание прусско-германской военной монархии. За кулисами всех этих важных государственных событий мы видим русскую армию. И хотя несомненно, — если только внутреннее развитие России не войдет скоро в революционное русло, — что победа Германии над Францией так же неизбежно вызовет войну между Россией и Германией, как победа Пруссии над Австрией при Садовой повлекла за собой германско-французскую

войну * — все же русская армия всегда будет к услугам Пруссии против какого-либо движения внутри страны. Официальная Россия и поныне остается оплотом и прикрытием всей европейской реакции, русская армия — резервом всех остальных армий, занятых подавлением рабочего класса в Европе.

Натиск этой огромной резервной армии угнетения в первую голову угрожает именно немецким рабочим, и притом и в так называемой Германской империи, и в Австрии. Пока за буржуазией и правительствами Австрии и Германии стоит Россия, до тех пор у немецкого рабочего движения связаны руки. Стало быть, мы больше других заинтересованы в том, чтобы избавиться от русской реакции и русской армии.

И в этом деле у нас есть только один надежный, но зато надежный при всяких обстоятельствах, союзник: *польский народ*.

Польша еще в гораздо большей мере, чем Франция, всем своим историческим развитием и своим нынешним положением поставлена перед альтернативой — быть революционной или погибнуть. Тем самым отпадает всякая вздорная болтовня об аристократическом по существу характере польского движения. В польской эмиграции найдется не мало людей с аристократическими поползновениями; но как только в движение вступает сама Польша, оно становится насквозь революционным, как мы видели в 1846 и 1863 годах. Эти движения были не только национальными, они были в то же время прямо направлены к освобождению крестьян и к передаче земли в их собственность. В 1871 г. многочисленная польская эмиграция во Франции предоставила себя в распоряжение Коммуны; разве это был поступок аристократов? Разве это не доказывало, что эти поляки стояли вполне на высоте современного движения? А с тех пор, как Бисмарк ввел культуркампф в Познани и, якобы для того, чтобы насолить этим папе, преследует польские учебники, искореняет польский язык и употребляет все усилия к тому, чтобы толкнуть поляков в объятия России, — что же с тех пор происходит? Польская аристократия все больше и больше сближается с Россией, чтобы хоть под ее владычеством воссоединить Польшу; революционные же массы отвечают тем, что предлагают союз германской рабочей партии и борются в рядах Интернационала.

Что Польшу нельзя умертвить, это она доказала в 1863 г. и доказывает изо дня в день. Ее право на самостоятельное существо-

* Это указано уже во втором манифесте Генерального совета Международного товарищества рабочих о германско-французской войне (от 9 сентября 1870 года).

вание в семье европейских народов непререкаемо. А ее восстановление необходимо в особенности для двух народов: для немцев и для самих русских.

Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы. Вооруженная сила¹, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого. Пока русские солдаты стоят в Польше, русский народ не может добиться ни политического, ни социального освобождения. Но при нынешнем состоянии развития России не подлежит сомнению, что в тот день, когда Россия потеряет Польшу, в самой России движение окрепнет настолько, что опрокинет существующий порядок вещей. Независимость Польши и революция в России взаимно обуславливают друг друга. А независимость Польши и революция в России (которая, при беспредельной общественной, политической и финансовой разрухе и при разъедающей всю официальную Россию продажности, гораздо ближе, чем кажется на первый взгляд) означают для немецких рабочих, что буржуазия и правительства Германии, короче говоря — германская реакция, будут предоставлены своим собственным силам, — а с этими силами мы уж со временем справимся сами.

¹ В «Volksstaat» вместо «сила» напечатано «масса». *Ред.*

II.

ПРОГРАММА БЛАНКИСТСКИХ ЭМИГРАНТОВ КОММУНЫ¹.

После каждой потерпевшей крушение революции или контрреволюции среди бежавших за границу эмигрантов развивается лихорадочная деятельность. Создаются различные партийные группировки, упрекающие друг друга в том, что завели коня в трясину, обвиняющие друг друга в предательстве и во всевозможных прочих смертных грехах. При этом сохраняют тесную связь с родиной, организуют, ведут конспиративную работу, печатают листовки и газеты, клянутся, что через двадцать четыре часа опять «начнется», что победа обеспечена, а в предвидении этого уже заранее распределяют правительственные места. Разумеется, разочарование следует за разочарованием, а так как это не ставят в связь с неизбежными историческими отношениями, которых не желают понять, а приписывают это случайным ошибкам отдельных лиц, — то нагромождаются взаимные обвинения, и дело кончается всеобщей склокой. Такова история всех эмиграций, начиная от роялистских эмигрантов 1792 г. и вплоть до нынешнего дня; а кто из эмигрантов сохраняет рассудок и благоразумие, тот старается отойти подальше от бесплодных дразг, как только предоставляется возможность сделать это в тактической форме, и принимается за что-нибудь более полезное.

Французская эмиграция после Коммуны тоже не миновала этой неизбежной участи.

Вследствие общеевропейской кампании клеветы, которая преследовала всех одинаково, а особенно в Лондоне — вследствие наличия в нем общего центра, который нашла французская эмиграция в лице Генерального совета Интернационала, — она вынуждена была некоторое время сдерживать, хотя бы перед внешним миром, свои внутренние распри, но за последние два года она была уже не в состоянии сохранять в тайне все ускоряющийся процесс разложения в своей среде. Повсюду вспыхнула открытая вражда. В Швейцарии часть эмигрантов, главным образом под влиянием *Малона*, который сам был одним из основателей тайного Альянса, примкнула к бакунистам. Затем в Лондоне так называемые бланкисты отделились от Интернационала и образовали самостоятельную группу под названием «Революционная коммуна». Затем возникло еще множество других

¹ Подзаголовок дан Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

групп, которые, однако, находились в состоянии беспрестанного преобразования и перестройки и не создали ничего путного даже в форме манифестов; зато бланкисты в прокламации к «Communeux» [«коммунарам»] только что довели до сведения всего мира свою программу.

Бланкистами они называются отнюдь не потому, что представляют собою группу, основанную самим Бланки (из 33 лиц, подписавших программу, разве лишь двое-трое имели когда-нибудь случай беседовать с Бланки), а потому, что они хотят действовать в его духе и по его традиции. Бланки по существу — политический революционер; социалист он только по чувству, из сочувствия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства. В своей политической деятельности он был по преимуществу «человеком дела», верившим, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, выступив в надлежащий момент с попыткой революционного переворота, может первыми несколькими успехами увлечь за собой народную массу и совершить таким образом победоносную революцию. При Луи-Филиппе такое ядро он мог организовать, конечно, только в форме тайного общества, и тут произошло то, что обычно происходит при заговорах. Люди, которым надоело вечное сдерживание да пустые обещания, что вот-де скоро «начнется», потеряли, наконец, всякое терпение, стали бунтовать; и тогда пришлось выбирать одно из двух — либо дать заговору распасться, либо же без всякого внешнего повода начать восстание. Восстание было поднято (12 мая 1839 г.) и вмиг подавлено. Между прочим, этот заговор Бланки был единственным, которого полиция так и не сумела выследить; восстание было для нее ударом грома в ясный день. — Из того, что Бланки представляет себе всякую революцию как вспышку, произведенную небольшой кучкой революционеров, сама собой вытекает необходимость диктатуры после успеха восстания, диктатуры, вполне понятно, не всего революционного класса, пролетариата, а небольшого числа лиц, которые произвели переворот и которые сами, в свою очередь, уже заранее подчинены диктатуре одного или нескольких лиц.

Как видите, Бланки — революционер прошлого поколения.

Такие представления о ходе революционных событий, по крайней мере для немецкой рабочей партии, давно устарели, да и во Франции могут встретить сочувствие только у менее зрелых или у более нетерпеливых рабочих. Мы увидим также, что и в упомянутой программе эти представления подвергнуты известным ограничениям. Однако и у наших лондонских бланкистов в основе лежит тот же

принцип, что революции вообще не сами происходят, а производятся; что они производятся сравнительно незначительным меньшинством и по заранее выработанному плану; и, наконец, что в любой момент может «тотчас начаться».

Естественно, что с такими принципами люди беспомощно отдают дань всем эмигрантским самообманам и мечутся от одной глупости к другой. Больше всего хочется им играть роль Бланки, «человека дела». Но доброго желанья здесь мало; революционный инстинкт Бланки, его быстрая решительность даны ведь не всякому, и сколько бы Гамлет ни твердил об энергии, он всегда останется Гамлетом. А когда оказывается, что нашим тридцати трем людям дела абсолютно нечего делать в той области, которую они называют делом, тогда наши тридцать три Брута попадают скорее в комическое, чем в трагическое противоречие с самими собой, — в противоречие, которое отнюдь не становится трагичнее оттого, что они расхаживают с мрачным видом, словно каждый из них — «Мерос с кинжалом за пазухой», что, впрочем, им даже в голову не приходит. Что им делать? Они готовят ближайшую «вспышку», составляя наперед проскрипционные списки, чтобы очистить (*épurer*) ряды людей, принимавших участие в Коммуне; поэтому другие эмигранты и называют их *чистыми* (*les purs*). Принимают ли сами они это прозвище, мне неизвестно, да некоторым из них оно бы очень мало и подошло. Заседания у них закрытые, а решения должны сохраняться в тайне, что, однако, отнюдь не мешает всему французскому кварталу судачить о них на следующее утро. И, как всегда случается с такими серьезными людьми дела там, где нечего делать, они ввязались сначала в личный, а затем в литературный спор с неким достойным противником, с одним из самых подозрительных людей малой парижской прессы, с небезызвестным Вермершем, который при Коммуне издавал газету «*Père Duchêne*», жалкую карикатуру на орган Эбера 1793 года. В ответ на их нравственное возмущение этот благородный витязь в одном из своих памфлетов обзывает их всех «жуликами или сообщниками жуликов», осылая их на редкость богатым набором похабных ругательств:

Jedes Wort
Ist ein Nachttopf, und kein leerer ¹.

И с таким противником наши тридцать три Брута считают нужным возиться на глазах у публики!

В чем действительно нельзя сомневаться, это в том, что после изнурительной войны, после голодовки в Париже и особенно

¹ Что ни слово, то ночной горшок, и отнюдь не пустой (Гейне). *Ред.*

после страшного кровопускания в майские дни 1871 г. парижский пролетариат нуждается в продолжительном отдыхе, чтобы вновь собраться с силами, и что всякая преждевременная попытка восстания может привести лишь к новому, может быть еще более страшному поражению. Наши бланкисты — иного мнения.

Распад монархистского большинства в Версале возвещает, на их взгляд, «падение Версаля, реванш за Коммуну. Ибо мы приближаемся к одному из тех великих исторических моментов, к одному из тех великих кризисов, когда народ, казалось бы, погибающий в своих бедствиях и обреченный на смерть, вновь идет с новыми силами в революционный поход». — Итак, опять «начинается», и притом немедленно. Эта надежда на немедленный «реванш за Коммуну» — не простая эмигрантская иллюзия; это необходимый символ веры для людей, вбивших себе в голову, что они должны быть «людьми дела» в такое время, когда делать-то в их смысле, в смысле революционного восстания, решительно нечего.

Старая история. Так как уже «начинается», то им кажется, что «наступил момент, когда все эмигранты, сохранившие еще жизнеспособность, должны определить свою позицию».

И вместе с тем сами тридцать три заявляют нам, что они 1) атеисты, 2) коммунисты, 3) революционеры.

Наши бланкисты имеют ту общую с бакунистами черту, что они хотят быть представителями самого далеко идущего, самого крайнего направления. Поэтому-то, к слову сказать, при всей противоположности их целей, они часто сходятся с бакунистами в средствах. Итак, речь идет о том, чтобы быть радикальнее всех в отношении атеизма. В наши дни быть атеистом, к счастью, уже не редкость. Атеизм собственно является чем-то само собою разумеющимся в европейских рабочих партиях, хотя в некоторых странах он частенько носит такой же характер, как атеизм того испанского бакуниста, который заявил: верить в бога — это противоречит всякому социализму, но верить в деву Марию — это совсем другое дело, в нее, конечно, должен верить каждый порядочный социалист. О громадном большинстве немецких социал-демократических рабочих¹ можно даже сказать, что у них атеизм стал уже пережитком; это чисто отрицательное обозначение к ним уже неприменимо, так как они противостоят вере в бога уже не теоретически, а практически; они *попросту покончили с богом*, они живут и мыслят в действительном мире и являются поэтому материалистами. Точно так же

¹ В «Volsstaat» было напечатано: «О немецких социал-демократических рабочих». *Ред.*

обстоит дело и во Франции. А если это не так, то чего же проще позаботиться о массовом распространении среди рабочих превосходной французской материалистической литературы прошлого века, той литературы, которая до сих пор как по форме, так и по содержанию является высшим достижением французского духа и которая — учитывая тогдашний уровень науки — по содержанию еще и сейчас стоит бесконечно высоко, а по форме все еще остается недостижимым образцом. Но нашим бланкистам это не к лицу. Чтобы доказать, что они всех радикальнее, — бог, как в 1793 г., отменяется декретом: «Пусть Коммуна навеки освободит человечество от этого призрака минувших бедствий (от бога), от этой причины (несуществующий бог — причина!) его нынешних бедствий. — В Коммуне нет места попам; всякая религиозная проповедь, всякая религиозная организация должна быть запрещена». И это требование — превратить людей в атеистов *par ordre du mufti* [по велению Аллаха, по приказу свыше] — подписано двумя членами Коммуны, которые наверняка ведь имели случай убедиться, что, во-первых, можно писать сколько угодно приказов на бумаге, нисколько не обеспечивая этим их выполнения на деле, а во-вторых, что преследования — наилучшее средство укрепить нежелательные убеждения! Одно несомненно: единственная услуга, которую в наше время можно еще оказать богу, — это провозгласить атеизм принудительным символом веры и перещеголять противоцерковные законы Бисмарка о культуркампе — запрещением религии вообще.

Второй пункт программы — коммунизм.

Здесь уж мы находимся в гораздо более привычной области, потому что судно, на котором происходит здесь плавание, имеет название «Манифест коммунистической партии, опубликованный в феврале 1848 года». Уже осенью 1872 г. вышедшие из Интернационала пять бланкистов объявили себя сторонниками социалистической программы, совпадавшей во всех существенных пунктах с программой нынешнего немецкого коммунизма, а свой выход мотивировали только тем, что Интернационал отказывался на манер этой пятерки играть в революцию. Теперь и совет тридцати трех принимает эту программу вместе с ее материалистическим пониманием истории, хотя перевод ее на бланкистский французский язык и оставляет желать много лучшего, поскольку текст «Манифеста» не был воспроизведен достаточно точно, как случилось, например, в следующем месте:

«С эксплуатации труда, как последнего выражения всех форм рабства, буржуазия сорвала мистические покровы, облекавшие ее прежде: правительства, религии, семья, законы, учреждения как прошлого, так и настоящего предстали,

наконец, в этом обществе, сведенном к простой противоположности капиталистов и наемных рабочих, как орудия угнетения, с помощью которых буржуазия поддерживает свое господство и подавляет пролетариат».

Сравните с этим Коммунистический манифест, отдел 1:

«Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, буржуазия заменила открытой, бесстыдной, прямой, сухой эксплуатацией. Она лишила ореола святости все роды деятельности, которые считали до сих пор почетными и на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом. Она превратила врача, юриста, священника, поэта, человека науки в своих платных наемных работников. Она сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям» и т. д.

Но как только мы спускаемся с высот теории в область практики, — обнаруживается отличительная особенность тридцати трех:

«Мы — коммунисты, потому что мы хотим достигнуть нашей цели, не задерживаясь на промежуточных этапах, на компромиссах, которые только отдалют час победы и удлиняют срок рабства».

Немецкие коммунисты — коммунисты потому, что они через все промежуточные этапы и компромиссы, создаваемые не ими, а историческим развитием, ясно видят и преследуют¹ конечную цель: уничтожение классов, построение такого общества, в котором не будет больше частной собственности на землю и средства производства. А эти тридцать три являются коммунистами потому, что они воображают, что стоит им только пожелать перепрыгнуть через промежуточные этапы и компромиссы, — и дело сделано; когда же «начнется», а ведь «начнется» на днях, и как только они встанут у руля правления, — через два дня будет «введен коммунизм». Если этого сразу нельзя будет сделать, то они, стало быть, перестанут быть коммунистами.

Какая детская наивность — приводить нетерпение в качестве теоретически убедительного довода!

Наконец, наши тридцать три являются «революционерами».

Уж по этой части, что касается напыщенных слов, бакунисты, как известно, достигли предела человеческих возможностей; тем не менее наши бланкисты считают своим долгом перещегоолять и их. Но как? Известно, что весь социалистический пролетариат, от Лиссабона и Нью-Йорка до Будапешта и Белграда, немедленно же взял на себя en bloc [целиком] ответственность за действия Парижской коммуны. Нашим бланкистам этого мало:

«Что касается нас, то мы требуем своей доли ответственности за те казни, которые (при Коммуне) постигли врагов народа» (следует подсчет расстрелянных),

¹ Слова «и преследуют» добавлены Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

«мы требуем своей доли ответственности за те поджоги, которые были произведены для разрушения орудий монархистского или буржуазного гнета или для защиты сражавшихся».

Во всякой революции неизбежно делается множество глупостей, так же, как и во всякое другое время; и когда, наконец, люди успокаиваются настолько, чтобы вновь стать способными к критике, они обязательно приходят к выводу: мы сделали много такого, чего лучше было бы не делать, и не сделали многого, что следовало бы сделать, поэтому дело и шло скверно.

Но какое отсутствие критики требуется для того, чтобы считать Коммуну совершенно святой, объявить ее непогрешимой, утверждать, что с каждым сожженным домом, с каждым расстрелянным заложником поступили в точности, вплоть до точки на *i*, так, как следовало! Не значит ли это утверждать, что в майскую неделю народ расстрелял как раз тех людей, и не больше, кого необходимо было расстрелять, сжег как раз те строения, и не больше, какие следовало сжечь? Разве это не то же самое, как если бы стали утверждать, что во время первой французской революции каждый обезглавленный получил по заслугам — сначала те, кто был обезглавлен по приказу Робеспьера, а затем — сам Робеспьер? Вот до каких ребячеств доходит дело, когда в сущности совсем смиренные люди дают волю стремлению казаться очень страшными.

Довольно. При всех эмигрантских благоглупостях и при всех прямо-таки комических попытках придать мальчику Карлу (или Эдуарду?)¹ страшный вид, нельзя не видеть в этой программе существенного шага вперед. Это первый манифест, в котором *французские рабочие присоединяются к современному немецкому коммунизму*. И к тому же — рабочие того направления, которое считает французов народом-избранником революции, а Париж — революционным Иерусалимом. То, что они пришли к этому, составляет бесспорную заслугу *Вальяна*, который тоже подписался под программой и который, как известно, основательно знает немецкий язык и немецкую социалистическую литературу. Немецкие же социалистические рабочие, которые доказали в 1870 г., что они совершенно свободны от всякого национального шовинизма, могут считать добрым предзнаменованием то обстоятельство, что французские рабочие принимают правильные теоретические положения, хотя они и исходят из Германии.

¹ Слова «(или Эдуарду?)» — намек на Эдуарда Вальяна — опущены Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

III.

В Лондоне выходит на русском языке неперIODическое обозрение под названием «Вперед»¹. Оно редактируется одним высокоуважаемым русским ученым, назвать которого запрещает нам господствующий в русской эмигрантской литературе строгий этикет. Даже такие русские, которые выдают себя за форменных революционных людоедов, которые объявляют изменой революции уважение к чему бы то ни было, даже они в своей полемике почтительно соблюдают форму анонимности, притом с такой щепетильностью, подобную которой можно встретить лишь в английской буржуазной прессе; они соблюдают эту форму даже тогда, когда она, как в данном случае, становится смешной, ибо вся русская эмиграция и русское правительство прекрасно знают, кто этот человек. Нам, конечно, и в голову не приходит разбалтывать без всяких оснований столь строго соблюдаемую тайну; но так как у каждого ребенка должно быть имя, то редактор «Вперед», надеемся, простит нам, если мы в этой статье будем называть его, ради краткости, излюбленным русским именем *Петр*².

По своей философии друг Петр является эклектиком, который старается из самых различных систем и теорий выбрать наилучшее: испытайте все и сохраните наилучшее! Он знает, что во всем есть своя хорошая и своя дурная сторона и что хорошую сторону следует усвоить, а дурную отбросить. А так как каждая вещь, каждая личность, каждая теория имеет обе эти стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теория в этом отношении примерно так же хороша и так же дурна, как и всякая другая, и, следовательно, было бы глупо с этой точки зрения горячиться, отстаивая или отрицая ту или иную. С этой точки зрения вся борьба и все споры революционеров и социалистов между собою должны показаться чистыми пустяками, служащими лишь для того, чтобы радовать их врагов. И вполне понятно, что человек, который держится таких взглядов, пытается примирить всех этих взаимно борющихся людей и серьезно убеждает их не доставлять больше реакции этого скандального зрелища, а нападать исключительно на общего врага. Это тем более

¹ Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

² Петр Лаврович Лавров. *Ред.*

естественно, если человек только что прибыл из России, где рабочее движение, как известно, так гигантски развито.

Поэтому «Вперед» полон увещаний добиваться единения всех социалистов или, по меньшей мере, избегать всяких *публичных* раздоров. Когда попытки бакунистов посредством фальшивых махинаций, лжи и обмана подчинить Интернационал своему господству вызвали пресловутый раскол в этом Товариществе, — «Вперед» и тогда взывал к единству. Этого единства, конечно, можно было достигнуть, лишь сразу отдавшись на волю бакунистов и предав Интернационал, связанный по рукам и ногам, их тайному заговору. Люди были достаточно честны, чтобы так не поступать; перчатка была поднята; Гаагский конгресс вынес свое решение, выбросил вон бакунистов и постановил опубликовать документы, оправдывающие это исключение.

Велики были вопли редакции «Вперед» по поводу того, что возлюбленному «единству» не было принесено в жертву все рабочее движение. Но еще больше был ужас, когда компрометирующие бакунистские документы действительно появились в отчете комиссии (см. «Заговор против Интернационала»¹, немецкое издание, Брауншвейг, Бракке). Предоставим слово самому «Вперед».

«Это издание... носит на себе характер желчной полемики прстиву личностей, стоящих в первых рядах федералистов... содержание его оказалось полным частных фактов, которые не могли быть собраны иначе, как по слухам, и, следовательно, достоверность которых не могла быть неоспоримой для составителей»².

И чтобы доказать людям, выполнившим постановление Гаагского конгресса, какое огромное преступление они совершили, «Вперед» указывает на фельетон некоего Карла Талера в «Neue Freie Presse», фельетон,

«вышедший из буржуазного лагеря и заслуживающий особенного внимания, потому что он яснее всего показывает, какое значение для общих врагов рабочего сословия, для буржуазии и государства могут иметь взаимно-обвинительные памфлеты борцов за власть в среде рабочих».

Заметим прежде всего, что бакунисты названы здесь просто «*федералистами*», в противоположность мнимым *централистам*, словно бы автор верил в эту несуществующую, изобретенную бакунистами противоположность. Ниже будет показано, что этого на самом

¹ Русский перевод («Международный альянс социалистической демократии») входит в XIII том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. *Ред.*

² Мы воспроизводим эту цитату, как и другие, из лавровского «Вперед» № 2, 1874 г.; см. стр. 26 и сл. *Ред.*

деле нет. Заметим, во-вторых, что из фельетона, написанного по заказу такой продажной буржуазной газеты, как венская «Neue Freie Presse», автор выводит заключение, что *настоящим* революционерам не следовало бы разоблачать *показных* революционеров, потому что эти взаимные обвинения доставляют удовольствие буржуазии и правительствам. А по-моему, «Neue Freie Presse» и вся эта газетная банда может написать хоть десять тысяч фельетонов, не оказав ни малейшего влияния на поведение немецкой рабочей партии. Всякая борьба заключает в себе такие моменты, когда нельзя не доставить врагу некоторого удовольствия, если не хочешь иначе причинить самому себе положительный вред. К счастью, мы так далеко продвинулись вперед, что можем доставить противнику такое частное удовольствие, если этой ценою можем добиться действительных успехов.

Но главное обвинение заключается в том, что отчет полон частных фактов, достоверность которых не могла быть бесспорной для его авторов, ибо факты эти могли быть собраны только по слухам. Но откуда друг Петр знает, что такое общество, как Интернационал, имеющее свои регулярно работающие органы по всему цивилизованному миру, может собрать такого рода факты только по слухам, — этого он не объясняет. Его утверждение во всяком случае крайне легкомысленно. Факты, о которых идет речь, подтверждены соответствующими документами, а затронутые ими лица не решились их оспаривать.

Но друг Петр держится того взгляда, что частные факты, как и частные письма, священны и не подлежат огласке в политических спорах. Если применять это правило так безусловно, то тем самым будет поставлено под запрет всякое историческое описание. Отношение Людовика XV к Дюбарри или к Помпадур было частным делом, но без него непонятна вся предъистория французской революции. Или же, обращаясь ближе к современности: если какую-нибудь невинную Изабеллу выдают замуж за человека, который, по свидетельству сведущих людей (например, assessора Ульриха), не переносит женщин и влюбляется поэтому исключительно в мужчин; если она, пренебрегаемая, берет мужчин где попало, — все это совершенно частное дело. Но если упомянутая невинная Изабелла — королева Испании, а один из молодых людей, которых она держит при себе, — молодой офицер по имени Серрано; если этот Серрано, в награду за свои подвиги, чинимые с глазу на глаз, возводится в фельдмаршалы и в премьер-министры, потом вытесняется и низвергается другим фаворитом, а затем, с помощью других товарищей по судьбе, изгоняет из

страны свою неверную подружку и, наконец, после разнообразных приключений, сам становится диктатором Испании и столь великим человеком, что Бисмарк прилагает все усилия к тому, чтобы его признали великие державы, — то в таком случае частная история Изабеллы и Серрано становится главою испанской истории, и если бы кто-нибудь вздумал писать историю современной Испании, сознательно умалчивая перед своими читателями об этой главке, он фальсифицировал бы историю. А когда описывается история такой банды, как Альянс, в которой, наряду с обманутыми, находится такое множество обманщиков, авантюристов, мошенников, полицейских шпионов, аферистов и трусов, то следует ли фальсифицировать эту историю, сознательно утаивая отдельные подлости этих господ как «частные факты»? Друг Петр может ужасаться сколько угодно, но он может быть уверен, что мы далеко еще не покончили с этими «частными фактами». Материала накапливается все больше и больше.

Если «Вперед» все же изображает отчет как стряпню, составленную главным образом из частных фактов, то он занимает позицию, которая с трудом поддается квалификации. Человек, который мог написать что-либо подобное, либо вовсе не читал данной брошюры, либо был слишком ограничен или слишком предубежден, чтобы понять ее, либо же он сознательно написал неправду. Всякий, прочитавший «Заговор против Интернационала», не может не убедиться, что вплетенные в него частные факты составляют там самое несущественное, — иллюстрации для лучшей характеристики упоминаемых в нем лиц, — и что все они могли бы быть вычеркнуты без ущерба для главной цели брошюры. Организация тайного общества с единственной целью подчинить европейское рабочее движение скрытой диктатуре нескольких авантюристов, подлости, совершенные с этой целью, особенно Нечаевым в России, — вот главное содержание книги; и утверждать, что все ее содержание сводится к частным фактам, — мягко выражаясь, безответственно.

Конечно, для некоторых русских могло оказаться роковым, когда так внезапно была вскрыта без прикрас перед Западной Европой грязная — и очень грязная — сторона русского движения. Но кто виноват в этом? Кто другой, как не те самые русские, которые представляют эту грязную сторону, которые, не довольствуясь обманом своих собственных соотечественников, осмелились сделать попытку подчинить своим личным целям все европейское рабочее движение? Если бы Бакунин и иже с ним ограничились свои подвиги пределами России, вряд ли кто-нибудь в Западной Европе счел бы нужным специально брать их под обстрел. Об этом позаботились бы

сами русские. Но едва лишь эти господа, ни аза не понимающие в условиях и в ходе развития западно-европейского рабочего движения, вздумали разыгрывать у нас роль диктаторов, — тут уж не до шуток: им просто дают по рукам.

Впрочем, русское движение может перенести спокойно подобного рода разоблачения. Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-то породила такого пройдоху, как Бакунин, и нескольких незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжятся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга. Ведь и среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и высокой энергии, людей, которые благодаря своему знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран, а немцев — светской гибкостью. Те русские, которые понимают рабочее движение и сами в нем участвуют, могут усмотреть в том, что их освободили от ответственности за бакунистские мошенничества, лишь услугу, оказанную им. Все это не мешает, однако, «Вперед» закончить свой отчет словами:

«Не знаем, как посмотрят на полученные результаты авторы брошюры. Большинство наших читателей, вероятно, разделит тяжелое чувство, с которым мы читали ее и с которым, исполняя обязанность летописца, заносим эти печальные явления на наши страницы».

Этим тяжелым чувством друга Петра заканчивается первая часть нашего рассказа. Вторая начинается со следующего абзаца из того же выпуска «Вперед».

«Обрадуем наших читателей и другою вестью того же рода. С нами, в наших рядах, находится и наш известный литератор Петр Никитич Ткачев; после четырех лет заключения, из места ссылки, где он был обречен на бездействие, ему удалось уйти и усилить собою наши ряды».

Кто такой известный литератор Ткачев, мы можем узнать из русской брошюры «Задачи революционной пропаганды в России», которую он сам выпустил в апреле 1874 г. и которая характеризует его как зеленого, на редкость незрелого гимназиста, как своего рода Карлхен Мисеника¹ русской революционной молодежи. Он рассказывает нам, как со всех сторон его просили принять участие в журнале «Вперед»; он знал, что редактор его — реакционер; тем не менее он счел своим долгом взять «Вперед» под свое покровительство,

---

¹ Один из персонажей юмористических рассказов М. Зальцера, вроде русского «Митрофанушки». *Ред.*

чего, кстати сказать, от него вовсе не требовалось. Как только он приехал, он увидел, к своему изумлению, что редактор, друг Петр, присвоил себе право окончательного решения о приеме или отклонении статей. *Такой* недемократический образ действий, разумеется, возмущает его; он сочиняет обстоятельное послание, в котором требует для себя и для всех других сотрудников (которые этого, кстати сказать, вовсе не требовали), «во имя справедливости, во имя соображений чисто теоретических... равенства прав и обязанностей (с главным редактором) во всем, что касается литературной и экономической стороны предприятия».

Здесь сразу обнаруживается та незрелость, которая, правда, не господствует в русском эмигрантском движении, но к которой там относятся более или менее терпимо. Русский ученый, пользующийся большой известностью в своей стране, эмигрирует и добывает себе средства, чтобы основать за границей политический журнал. Едва лишь он добился этого, как без всякого приглашения приходит первый встречный более или менее экзальтированный юнец и предлагает свое сотрудничество, выставляя более чем ребяческое условие, чтобы он во всех литературных и денежных вопросах имел такой же решающий голос, как и основатель журнала. В Германии его бы просто высмеяли. Но русские не так грубы. Друг Петр прилагает все усилия, чтобы убедить его, тоже «во имя справедливости, во имя соображений чисто теоретических», в его неправоте — и, конечно, тщетно. Обиженный Ткачев, подобно Ахиллу, удаляется в свою палатку и выпаливает оттуда своей брошюрой против друга Петра, которого он называет «философом-филистером».

Докучливо нагромождая бесконечно повторяемые бакунистские фразы о сущности истинной революции, он обличает друга Петра в том преступлении, что последний желает *подготовить* народ к революции, привести его к «ясному пониманию и осознанию своих потребностей». Но кто желает этого, тот вовсе не революционер, а сторонник мирного развития, т. е. реакционер, друг «бескровных революций в немецком вкусе». Истинный революционер «признает народ всегда готовым к революции»; кто в это не верит, тот не верит в народ, а вера в народ «составляет нашу силу». Для тех, кто в этом не убежден, автор цитирует изречение Нечаева, этого «типического представителя нашей современной молодежи»¹. Друг Петр говорит, что мы должны ждать, пока народ будет готов к революции, — «но

¹ См. Ткачев, «Задачи революц. пропаганды», стр. 19. Все цитаты из этой брошюры воспроизведены здесь по русскому изданию 1874 года. *Ред.*

мы не можем и не хотим ждать», истинный революционер тем и отличается от философа-филистера, что он «считает себя в праве в любое время призвать народ к революции». И так далее.

У нас, на европейском Западе, всем этим ребячествам был бы положен конец простым ответом: если ваш народ в любое время готов к революции, если вы считаете себя в праве в любое время призвать его к революции и если вы поэтому совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своею болтовней, почему же, черт возьми, вы не начинаете?

Но у наших русских так просто дело не делается. Друг Петр находит, что ребяческие, скучные, противоречивые, вращающиеся в порочном кругу рассуждения господина Ткачева могут возыметь на русскую молодежь совращающую притягательную силу горы Венеры, и он, как верный Эккарт¹ этой молодежи, выпускает против этих рассуждений в виде предостережения увещательное послание на шестидесяти страницах убористой печати. Он излагает там свои собственные взгляды на сущность революции, исследует со всей серьезностью, готов ли народ к революции или нет, имеют ли революционеры право, и при каких условиях, призывать его к революции и другие тому подобные мудрствования, которые в столь общей форме имеют приблизительно такую же ценность, как исследования схоластов о деве Марии. Сама «революция» становится при этом чем-то вроде дэвы Марии, теория — верой, участие в движении — культом, а все действие происходит не на нашей грешной земле, а в заоблачных высотах общих фраз.

Но при этом друг Петр впадает в трагическое противоречие с самим собою. Он, проповедник единства, противник всякой полемики, всяких «взаимно-обвинительных памфлетов» внутри революционной партии, не может, конечно, выполнить своих обязанностей Эккарта, не вступая также в полемику, не может ответить на обличения своего противника, не обличая также его. С каким «тяжелым чувством» совершается это «печальное явление», — друг Петр расскажет нам сам. Его брошюра начинается так:

«Из двух зол приходится выбирать меньшее.

«Я очень хорошо знаю, что вся эта эмигрантская литература, состоящая из взаимно-обвинительных брошюр, полемики о том, кто настоящий и кто не настоящий друг народа, и кто искренен и кто неискренен, и кто именно действительный представитель русской молодежи, заправской революционной партии, — вся эта литература личного сора русской эмиграции и читателям надоела, и в деле

¹ *Верный Эккарт* — герой древне-германского сказания, сидевший у горы Венеры и убеждавший путников не поддаваться соблазну. *Ред.*

революционной борьбы не имеет никакого значения, и может быть всего более приятна лишь нашим врагам. Знаю это и все-таки нахожу, что мне надо написать эти страницы, надо увеличить собственной рукою на одну единицу количество этой жалкой литературы, на скуку читателей, на радость врагам... надо, потому что из двух зол приходится выбирать меньшее»¹.

Превосходно. Но как же это случилось, что друг Петр, развивающий в журнале «Вперед» столько истинно христианской терпимости и требующий ее от нас по отношению к разоблаченным нами мошенникам, — мошенникам, которых, как мы увидим, он знает так же хорошо, как и мы, — как же случилось, что по отношению к авторам отчета у него не нашлось ни капли терпимости, чтобы спросить себя, не пришлось ли и им тоже... из двух зол выбирать меньшее? Как это случилось, что ему понадобилось обжечься самому, прежде чем он понял, что может произойти и большая беда, чем немного острой полемики против людей, которые под прикрытием мнимой революционной деятельности стремились сфальсифицировать и свести на-нет все европейское рабочее движение?

Будем, однако, снисходительны к другу Петру, — судьба обошлась с ним довольно сурово. Не успел он, с полным сознанием вины, сделать то же самое, что он ставит в укор нам, как Немезида повела его дальше и принудила его дать г. Карлу Талеру новый материал для подходящего фельетона в «Neue Freie Presse».

«Или же, может быть, — вопрошает он всегда готового к восстанию Ткачева, — ваша агитация уже совершила свое дело? Может быть, ваша организация готова? Готова? Точно готова? И не есть ли это знаменитый таинственный комитет «типических» революционеров, комитет из двух человек, посылающий декреты? Нашей молодежи столько лгали, ее столько надували, ее доверием так злоупотребляли, что не сразу она поверит в готовность революционной организации».

Русский читатель не нуждается, конечно, в пояснении, что эти «два человека» — Бакунин и Нечаев. Далее:

«Но есть люди, которые заявляют, что они друзья народа, приверженцы социальной революции, и в то же время вносят в свою деятельность ту лживость и неискренность, которые я назвал выше «отрыжкой старого общества»... Эти люди пользовались раздражением приверженцев нового строя против несправедливости старого и выставили начало: все средства годны для борьбы. В эти *годные* средства они включили обман товарищей по делу, обман народа, которому они будто бы служили. Они готовы были лгать всем и каждому, лишь бы орга-

¹ Текст воспроизведен из брошюры П. Лаврова «Русской социально-революционной молодежи». Лондон, 1874 г., стр. 3. *Ред.*

низовать довольно сильную партию, как будто сильная социально-революционная партия могла составиться вне искренней солидарности ее членов! Они готовы были разжигать в народе старые страсти хищничества и наслаждения без труда... они готовы были эксплуатировать своих друзей и товарищей, лишь бы сделать их орудиями своих планов; они готовы были на словах защищать полнейшую независимость и автономию личностей и кружков, организуя в то же время самую решительную тайную диктатуру, приучая приверженцев к самому овеческому бессмысленному повиновению, как будто социальную революцию могла произвести комбинация эксплуататоров и эксплуатируемых, группа людей, стрицающих на каждом шагу на деле то, что они проповедают на словах!»

Невероятно, но факт: эти строки, которые, как две капли воды, похожи на выдержку из «Заговора против Интернационала», эти строки написаны тем же человеком, который несколькими месяцами раньше считал эту брошюру преступлением против общего дела за нападки против тех же людей, вполне соответствующие вышеприведенным строкам. Теперь мы можем быть удовлетворены.

Если мы вернемся теперь к г. Ткачеву, с его великими притязаниями и абсолютно ничтожными достижениями, и к небольшой беде, постигшей в этом деле нашего друга Петра, то наступит наша очередь сказать:

«Не знаем, как посмотрят авторы на полученные результаты. Большинство наших читателей, вероятно, разделит то «веселое» чувство, с которым мы читали ее и с которым, исполняя обязанность летописца, заносим эти «своеобразные» явления на наши страницы».

Однако шутки в сторону. Множество странных явлений, происходивших в русском движении, объясняется тем, что долгое время всякое русское сочинение было для Запада книгою за семью печатями и что поэтому Бакунину и иже с ним легко было скрыть от Запада свои проделки, давно уже известные среди русских. Они усердно распространяли утверждение, что даже грязные стороны русского движения следует — в интересах самого движения — утаить от Запада; кто сообщает Европе о русских делах, — поскольку они неприятного свойства, — тот предатель. Теперь этому наступил конец. Знание русского языка, — языка, который всемерно заслуживает изучения как сам по себе, ибо это один из самых сильных и самых богатых живых языков, так и ради раскрываемой им литературы, — теперь уж не такая редкость, по крайней мере, среди немецких социал-демократов. Русские должны будут подчиниться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы. Никому не пришлось так тяжело поплатиться за прежнюю замкнутость, как им

самим. Если бы не эта замкнутость, их нельзя было бы годами так поворно дурачить, как делали это Бакунин с присными. И именно сами русские извлекут больше всего пользы от критики со стороны Запада, от взаимного международного воздействия различных западно-европейских движений на русское и обратно, от осуществляющегося, наконец, слияния русского движения с общеевропейским.

IV.

С читателями «*Volksstaat*» случилось несчастье. Некоторые из них, вероятно, еще помнят, что в последней своей статье об эмигрантской литературе в №№ 117 и 118 я рассматривал отдельные выдержки из русского журнала «Вперед», а также одну брошюру, написанную его редактором. При этом был мимоходом упомянут некий господин Петр Ткачев, когорый выпустил против упомянутого редактора брошюрку и которым я занялся лишь постольку, поскольку это было необходимо. По форме и по содержанию его бессмертного творения я характеризовал автора как «зеленого, на редкость незрелого гимназиста, как своего рода Карлхен Мисника русской революционной молодежи», и выразил сожаление, что редактор «Вперед» считает нужным возиться с подобным противником. Но вскоре мне пришлось почувствовать, что Карлхен начинает угрожать и мне, что он и меня втягивает в полемику с собою. Он выпускает «*Открытое письмо Петра Ткачева г. Фридриху Энгельсу. Цюрих, типография «Tagwacht», 1874 г.*». К тому, что в этом письме мне приписываются всевозможные вещицы, которых, как должно быть известно г. Ткачеву, я никогда не высказывал, — к этому я отнесся бы равнодушно; но то, что г. Ткачев дает немецким рабочим совершенно превратное представление о положении дел в России, чтобы оправдать таким способом деятельность бакунистов по отношению к России, — это заставляет выступить с возражениями.

Г-н Ткачев все время изображает себя в своем открытом письме представителем русской революционной молодежи. Он утверждает, будто я «давал советы... русским революционерам, уговаривая их заключить со мною (!) союз»; в то же время я будто бы изобразил их, «представителей русской революционной партии за границей», их стремления и их литературу «в самом невыгодном свете перед немецкими рабочими». Он говорит: «Вы выражаете *нам, русским*, ваше глубочайшее презрение, потому что *мы*, по-вашему, так «глупы» и «незрелы» и т. д...., «зеленые гимназисты, как вы иволите *нас* называть», — а в заключение следует неизбежный козырь: «Высмеивая *нас*, вы сослужили хорошую службу нашему общему врагу, российскому государству». На него, на самого г. Ткачева, я будто бы «обрушился со всевозможными ругательствами».

Петр Никитич Ткачев знает лучше, чем кто бы то ни было, что

во всем этом нет ни слова правды. Во-первых, в указанной статье я не возлагал ответственности за изречения г. Ткачева ни на кого, кроме самого г. Ткачева. Мне никогда и в голову не приходило видеть в нем представителя русских революционеров. Если он сам себя так величает, а мои слова о зеленых гимназистах и прочие любезности сваливает с себя на них, то я должен решительно протестовать против этого. Среди русской революционной молодежи, конечно, встречаются, как и повсюду, люди самого различного нравственного и умственного калибра. Но в среднем, — если даже принять во внимание все различие эпох и различную окружающую среду, — она все же стоит, несомненно, гораздо выше, чем стояла когда-либо наша немецкая учащаяся молодежь, даже в лучшую ее пору, в начале тридцатых годов. Никто, кроме самого г. Ткачева, не дал ему права говорить от имени всех этих молодых людей в целом. И, хотя он показал себя на сей раз настоящим бакунистом, все же я пока еще сомневаюсь, имеет ли он право выступать даже как представитель тех нескольких русских бакунистов, о которых я писал, что это — «несколько незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжятся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга». Но если бы он и представлял их, это все же было бы только новым изданием старой истории о трех портных из лондонского Тули-стрит, выпустивших прокламацию: «Мы, народ Англии, заявляем» и т. д. *. Итак, надо прежде всего констатировать, что «русские революционеры», как и прежде, тут ни при чем и что вместо ткачевского «мы» нам следует везде читать «я».

Оказывается, я ему «давал советы»! Мне об этом ровно ничего неизвестно. *Пинки*, Петр Никитич, я, может быть, попутно и давал, но *советы*?¹ Будьте любезны представить доказательства.

Оказывается, я уговаривал его или ему подобных заключить со мной союз и это — в конце моей последней статьи. Я уплачу г. Ткачеву десять марок бисмарковской имперской монетой, если он это докажет.

Оказывается, я утверждал, что он «глуп» — он ставит это слово в кавычки. Хотя я не хочу отрицать, что блеск его таланта, — поскольку вообще об этом может идти речь, — в обоих этих сочинениях лежит под спудом, — все же каждый может убедиться, что в моей статье слово «глухой» вообще *не встречается ни разу*. Но там, где нет другого выхода, господа бакунисты прибегают к фальшивым цитатам.

* Бьюсь об заклад, что г. Ткачев скажет, что этим анекдотом я совершил измену пролетариату, «изображая в смешном виде» портных как таковых.

¹ Игра слов: «Schläge» и «Rathschläge». *Ред.*

Далее оказывается, что я над ним «насмехался», что я представил его «в смешном виде». Заставить меня принять его брошюру всерьез г. Ткачеву, конечно, никогда не удастся. Мы, немцы, имеем репутацию скучных людей, и частенько вполне ее заслуживаем. Но ведь это не налагает на нас обязанности быть при всех обстоятельствах столь же скучными и торжественными, как бакунисты. Немецкое рабочее движение, благодаря партизанской войне с полицией, прокуратурой и тюремными сторожами, приняло своеобразно-юмористический характер; зачем же мне изменять ему? Никто не возбраняет и г. Ткачеву по мере сил своих осмеять меня и выставить в смешном виде, не приписывая мне, однако, небылиц.

А далее — неподражаемое обвинение: представив г. Ткачева в свете, вполне достойном его и его произведений, я тем самым «оказал хорошую услугу нашему общему врагу, русскому государству». В другом месте говорится в том же духе, что, изображая его так, как я его изобразил, я нарушаю «основные принципы программы Международного товарищества рабочих»! Здесь перед нами подлинный бакунист. Эти господа, как истые революционеры, позволяют себе по отношению к нам все, что угодно, особенно впоотьмах; но попробуйте говорить о них без высочайшей почтительности, попробуйте вывести на свет их проделки, критиковать их и их пустозвонство, — и вы служите русскому царю и нарушаете основные принципы Интернационала. Дело обстоит как раз наоборот. Услугу русскому правительству оказывает не кто иной, как сам г. Ткачев. Будь у русской полиции немного остроумия, она взялась бы за массовое распространение брошюры этого господина в России. С одной стороны, вряд ли могла бы она найти лучшее средство дискредитировать русских революционеров, представителем которых выставляет себя автор, в глазах всех разумных людей. А с другой стороны, всегда возможно, что некоторые храбрые, но неопытные молодые люди позволили бы г. Ткачеву увлечь себя на путь опрометчивых действий и сами таким образом попались бы в сети.

Г-н Ткачев говорит, что я «обрушился на него со всевозможными ругательствами». Но некоторая толика ругани, так называемая инвектива¹, является одним из наиболее выразительных риторических приемов, который применялся, когда это требовалось, всеми великими ораторами и которым сильнейший английский политический писатель, Вильям Коббетт, владел с мастерством, вызывающим до сих пор восхищение и служащим недостижимым образцом. Г-н Ткачев

¹ *Инвектива* (лат.) — резкая обличительная речь. *Ред.*

тоже «ругается» в своей брошюре довольно изрядно. Поэтому, *если бы я и ругался*, то само по себе это обстоятельство отнюдь нельзя было бы поставить мне в вину. Но так как по отношению к г. Ткачеву я вовсе не впадал в риторику, ибо я отнюдь не принимал его всерьез, то я никак *не мог* и ругать его. Посмотрим, что же я сказал о нем.

Я назвал его «зеленым, на редкость незрелым гимназистом». Незрелость может относиться к характеру, к уму и к знаниям. Что касается незрелости характера, то я пересказал, по изложению самого же г. Ткачева, следующую историю:

«Русский ученый, пользующийся в своей стране большой известностью, эмигрирует и добывает себе средства, чтобы основать за границей политический журнал. Едва лишь он добился этого, как без всякого приглашения приходит первый встречный более или менее экзальтированный юнец и предлагает свое сотрудничество, выставляя более чем ребяческое условие, чтобы он во всех литературных и денежных вопросах имел такой же решающий голос, как и основатель журнала. В Германии его бы просто высмеяли».

Дальнейших доказательств незрелости характера мне после этого приводить незачем. Незрелость ума будет вполне доказана приводимыми ниже цитатами из брошюры г. Ткачева. Что же касается знаний, то спор между журналом «Вперед» и г. Ткачевым вращается главным образом вокруг следующего вопроса: редактор журнала «Вперед» требует, чтобы русская революционная молодежь чему-нибудь училась, обогащала себя серьезными и основательными знаниями, выработала способность критически мыслить правильными методами, работала в поте лица своего над саморазвитием и самообразованием. Г-н Ткачев с отвращением отвергает подобные советы:

«Я не могу удержаться, чтобы не выразить снова и снова того чувства глубокого негодования, которое они всегда возбуждали во мне... Учитесь! Перевоспитывайте себя! О, боже, неужели это говорит *живой* человек *живым* людям. Ждать! Учитесь, перевоспитывайтесь! Да имеем ли мы право ждать (т. е. с революцией)? Имеем ли мы право тратить время на перевоспитание?» (стр. 14). «Знания — необходимое условие мирного прогресса, но они совсем не необходимое условие революции» (стр. 17)¹.

Если, таким образом, г. Ткачев уже при простом призыве к учебе проявляет глубокое негодование, если он объявляет всякие знания излишними для революционера, если к тому же во всем своем сочинении он не обнаруживает ни малейших следов каких-либо знаний, то этим он сам выдает себе свидетельство в незрелости, а я ведь только это и

¹ Энгельс здесь цитирует брошюру Ткачева «Задачи революционной пропаганды». *Ред.*

констатировал. Но тот, кто сам выдает себе такое свидетельство, может, по нашим понятиям, стоять *самое большее* на ступени развития гимназиста. Указав ему эту наивысшую из возможных ступеней, я, стало быть, не обругал его, а оказал ему, может быть, даже слишком много чести.

Я сказал далее, что рассуждения г. Ткачева являются ребяческими (доказательства этому — цитаты в настоящей статье), скучными (этого вероятно не будет отрицать сам автор), противоречивыми (как показал ему редактор журнала «Вперед») и вращающимися в порочном кругу (что тоже верно). Затем я говорю о его великих притязаниях (о которых я рассказал с его собственных слов) и абсолютно ничтожных достижениях (как это более чем достаточно показывает данная статья). Где же ругательства? Если я сравнил его с Карлхен Мисником, любимейшим гимназистом Германии и одним из популярнейших немецких писателей, то это ведь наверное не ругательство. Впрочем, стоп! Не выразился ли я о нем, что он удалился, как Ахилл, в свою палатку и выпалил оттуда своей брошюрой против журнала «Вперед»? Вот где видимо зарыта собака. От человека, которого приводит в ярость одно уж слово учеба и который смело может избрать себе девизом стихи Гейне:

Und seine ganze Ignoranz
Hat er sich selbst erworben¹,

от такого человека вполне можно ожидать, что имя Ахилл встречается ему здесь впервые. А так как я упоминаю Ахилла в связи с «палаткой» и «выпаливанием», то г. Ткачев мог вообразить, что этот Ахилл — русский унтер-офицер или турецкий башибузук и что я, следовательно, нарушаю правила приличия, обзывая его Ахиллом. Но я могу заверить г. Ткачева, что тот Ахилл, о котором я говорю, был величайшим героем греческих сказаний и что это удаление в свою палатку явилось сюжетом грандиознейшей героической поэмы всех времен, Илиады, что подтвердит ему даже г. Бакунин. Если бы это мое предположение оправдалось, то в таком случае мне пришлось бы, конечно, заявить, что г. Ткачев *не* гимназист.

Далее г. Ткачев говорит:

«Несмотря на все это, я позволил себе, однако, высказать убеждение, что социальную революцию легко можно вызвать... Если это так легко, замечаете вы, то почему же вы этого не делаете, а только болтаете об этом? — Вам это представляется смешным, ребяческим поведением... Я и мои единомышленники убеждены, что осуществление социальной революции в России не представляет

¹ И все свое невежество он приобрел собственными силами. *Ред.*

никаких затруднений, что в любой момент можно поднять русский народ на всеобщий революционный протест (!). Это убеждение обязывает нас, правда, к определенной практической деятельности, но оно ни в малейшей степени не противоречит полезности и необходимости литературной пропаганды. Недостаточно того, что мы в этом убеждены; мы хотим, чтобы и другие разделяли с нами это убеждение. Чем больше у нас будет единомышленников, тем сильнее будем мы себя чувствовать, тем легче будет нам разрешить задачу практически».

Да ведь это прямо великолепно! Это звучит так мило, так рассудительно, так благо нравно, так убедительно. Это звучит совсем так, словно бы г. Ткачев написал свою брошюру лишь для того, чтобы доказать полезность литературной пропаганды, а я, нетерпеливый желторотый птенец, ответил ему: к чорту литературную пропаганду, пора уж поднимать восстание! — Ну, а как же обстоит дело в действительности?

Г-н Ткачев начинает свою брошюру прямо с того, что выносит журнальной пропаганде (а ведь это — оказывающий наибольшее действие вид литературной пропаганды) вотум недоверия, заявляя, что на нее не следует «тратить слишком много революционных сил», ибо «при нецелесообразном употреблении она приносит гораздо большую сумму вреда, чем та сумма пользы, которую она могла бы принести при употреблении целесообразном». Так высоко ценит наш г. Ткачев литературную пропаганду вообще. Но в частности, когда хочешь заниматься такой пропагандой, когда хочешь вербовать себе единомышленников, — тогда одних декламаций мало: приходится заняться обоснованием и, стало быть, подходить к вопросу теоретически, т. е. в конечном счете научно. По этому поводу г. Ткачев говорит редактору журнала «Вперед»:

«Ваша философская война, та чисто теоретическая¹, научная пропаганда, которой задается ваш журнал..., с точки зрения интересов революционной партии не только не полезна, но даже вредна».

Как видите, чем глубже мы исследуем воззрения г. Ткачева на литературную пропаганду, тем больше заходим в тупик, тем меньше понимаем, чего он хочет. В самом деле, чего он собственно хочет? Послушаем дальше.

«Неужели вы не понимаете, что революционер всегда считает и должен считать себя в праве призывать народ к восстанию; что тем-то он и отличается от философа-филистера, что, не ожидая, пока течение исторических событий само укажет минуту, он выбирает ее сам; что он признает народ всегда готовым

¹ В «Volkstaat» ошибочно напечатано «театральная». См. указанную брошюру Ткачева, стр. 37. *Ред.*

к революции (стр. 10)... Кто не верит в возможность революции в настоящем, тот не верит в народ, не верит в его готовность к революции (стр. 11)... Вот почему мы не можем ждать. Вот почему мы утверждаем, что революция в России настоятельно необходима и необходима именно в *настоящее время*; мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. Теперь или очень нескоро, быть может, *никогда* (стр. 16)... Всякий народ, задавленный произволом, измученный эксплуататорами..., всякий такой народ (а в таком положении находятся *все народы*) в силу самых условий своей социальной среды — есть революционер; он всегда *может*, он всегда *хочет* сделать революцию; он всегда готов к ней (стр. 17)... Но мы не можем и не хотим ждать (стр. 34)... Теперь не до длинных сборов, не до вечных приготовлений, — пусть каждый наскоро соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь. Вопрос: что делать? нас не должен больше занимать. Он уже давно решен. Делать революцию. — Как? Как кто может и умеет» (стр. 39).

Это показалось мне достаточно ясным. И поэтому я обратился к Карлхен Миснику: уж если иначе никак невозможно, если народ готов к революции и ты — тоже готов, если ты ни за что не хочешь и не можешь больше ждать, да и не имеешь права ждать, если ты присваиваешь себе право выбрать момент для восстания и если, наконец, вопрос стоит так, что теперь или никогда! — что же, дражайший Карлхен, делай то, от чего ты не можешь отказаться, сделай революцию сегодня же и сокруши российское государство вдребезги, а то как бы ты не натворил, в конце концов, еще больших бед!

Что же делает Карлхен Мисник? Бросается в бой? Сокрушает русское государство? Освобождает русский народ, «этот несчастный народ, истекающий кровью, с терновым венком, пригвожденный к кресту рабства», — народ, страдания которого не позволяют ему больше ждать?

Он и не думает об этом. Карлхен Мисник, со слезами оскорбленной невинности на лице, обращается к немецким рабочим, заявляя: смотрите, что наговаривает на меня негодяй Энгельс; он пишет, что я говорил о немедленном восстании; но ведь речь идет вовсе не об этом, а о том, чтобы вести *литературную пропаганду*, а этот Энгельс, который сам только то и делает, что занимается литературной пропагандой, бесстыдно притворяется, будто он не понимает «пользы литературной пропаганды».

Ждать! Заниматься литературной пропагандой! Да имеем ли мы право ждать, имеем ли мы право тратить время на литературную пропаганду? Ведь каждый час, каждая минута, отдаляющая нас от революции, стоит народу тысячи жертв! (стр. 14). Теперь не время для литературной пропаганды, теперь нужно делать революцию — теперь или, может быть, никогда... мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. И мы должны еще заниматься

литературной пропагандой! О, боже, неужели это говорит живой человек живым людям, и этот человек зовется Петром Ткачевым!

Разве я был неправ, когда назвал эти разглагольствования о немедленном восстании, от которых теперь так постыдно отрекаются, «ребяческими»? Они ребячливы до такой степени, что автор в этом отношении, надо полагать, достиг здесь пределов возможного. И все же он превзошел даже самого себя. Редактор журнала «Вперед» сообщает одно место из составленной г. Ткачевым прокламации к русским крестьянам. Г-н Ткачев описывает в ней порядки после завершения социальной революции следующим образом:

«И тогда мужичок заживет под звуки песен веселой жизнью... не медными грошами, а золотыми червонцами будет наполнен его карман. У него будет скотины вволю, и птицы на дворе сколько его душе угодно. На столе у него будет всякого рода мясо, праздничные пироги да сладкие вина, и все это не будет сходить со стола с утра до вечера. Он будет есть и пить, сколько влезет, а работать он будет ровно столько, сколько ему захочется. И не будет никого, кто посмел бы понукать его: ступай, ешь! — ступай, ложись на печь!»

И человек, который способен был сочинить подобную прокламацию, еще жалуется, когда я ограничиваюсь тем, что называю его зеленым, на редкость незрелым гимназистом!

Далее г. Ткачев говорит:

«Почему вы ставите нам в упрек нашу конспирацию? Отказавшись от конспиративной, тайной, подпольной деятельности, мы должны были бы отнаться тем самым от всякой революционной деятельности вообще. Но вы поносите нас также за то, что мы и здесь, в Западной Европе... не хотим отказаться от наших конспиративных привычек и... пытаем тем самым великое международное рабочее движение».

Во-первых, неверно, что у русских революционеров не остается другого средства, кроме одних заговоров. Ведь сам г. Ткачев только что подчеркивал важность литературной пропаганды, проникающей с Запада в Россию! Да и внутри страны не может же быть совершенно отрезан путь устной пропаганды среди народа, особенно в городах, что бы ни говорил об этом в своих интересах г. Ткачев. Это лучше всего доказывается тем, что во время последних массовых арестов в России большинство арестованных составляли не образованные люди или студенты, а рабочие.

Во-вторых, я берусь полететь на луну еще до того, как Ткачев освободит Россию, если только он мне докажет, что я где-нибудь и когда-нибудь в моей политической деятельности утверждал, что заговоры недопустимы вообще и при любых условиях. Я берусь привести ему с луны что-нибудь на память, как только он мне дока-

жет, что в моей статье идет речь о других заговорах, кроме заговора против Интернационала, кроме «Альянса». О, если б только господа русские бакунисты действительно и серьезно конспирировали против русского правительства! Если бы вместо горе-заговоров, основанных на лжи и обмане своих же товарищей, вроде заговора Нечаева, этого, по Ткачеву, «типического представителя нашей современной молодежи», если бы вместо заговоров против европейского рабочего движения, вроде к счастью разоблаченного и тем самым уничтоженного «Альянса», они, эти «деятели»¹, как они себя хвастливо называют, в самом деле совершили бы, наконец, какое-нибудь дело, которое доказало бы, что у них действительно есть организация и что они занимаются еще чем-нибудь другим, кроме попытки образовать кружок в дюжину человек! Но вместо этого они только кричат на весь мир: мы конспирируем, мы конспирируем! — совсем как заговорщики в опере, которые ревут хором на разные голоса: тише, тише! не поднимайте шума! И все это очковтирательство о широко разветвленных заговорах служит только прикрытием, за которым не скрывается ровно ничего, кроме революционного бездействия по отношению к правительствам и тщеславных происков внутри революционной партии.

Этих господ приводит в такую ярость именно то, что в «Заговоре против Интернационала» мы беспощадно разоблачили все это мошенничество. Это было, мол, «бестактно». Разоблачая г. Бакунина, мы стремились, мол, «запятнать одного из величайших и самоотверженнейших представителей революционной эпохи, в которую мы живем», и притом запятнать... «грязью». Грязь, которая обнаружилась при этом, была до последнего золотника изделием самого г. Бакунина, и далеко еще не худшим. В упомянутом сочинении он изображен еще слишком чистоплотным. Мы *только процитировали* § 18 революционного катехизиса, параграф, который дает предписания, как нужно вести себя по отношению к русской аристократии и буржуазии, как нужно «овладеть их грязными тайнами и таким способом превратить их в наших рабов, так, чтобы их богатства и т. д. стали неистощимой сокровищницей и драгоценной поддержкой во всевозможных начинаниях». Мы до сих пор еще не рассказали, как претворялся этот параграф на практике. А об этом есть что порассказать, и в свое время мы это сделаем.

Таким образом, выясняется, что все упреки, сделанные мне г. Ткачевым с тем добродетельным видом оскорбленной невинности,

---

¹ Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

который так к лицу всем бакунистам, — что все эти упреки основаны на утверждениях, относительно которых он не только знал, что они лживы, но которые являются продуктом его же собственной гнусной и наглой лжи. На этом мы и простимся с личной частью его «открытого письма».

V.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ ¹.

Г-н Ткачев попутно рассказывает немецким рабочим, что у меня относительно России нет ни «малейших сведений», что, наоборот, я проявляю одно лишь «невежество»; он чувствует себя поэтому вынужденным разъяснить им истинное положение дел, а в особенности—те причины, вследствие которых именно теперь можно шутя произвести социальную революцию в России, гораздо легче, чем в Западной Европе.

«У нас нет городского пролетариата, это правда; но зато у нас нет и буржуазии... нашим рабочим предстоит борьба лишь с *политической властью*; *власть капитала* у нас еще в зародыше. А вам, милостивый государь, неизвестно, что борьба с первой гораздо легче, чем борьба с последней».

Переверот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в

¹ При переиздании в 1894 г. Энгельс опустил всю предыдущую главу, заменив ее следующим небольшим введением к полностью перепечатанной под этим подзаголовком главе V:

«Нижеследующие строки были написаны в связи с полемикой, в которую мне пришлось вступить с неким г. Петром Никитичем Ткачевым. В одной статье о вышедшем в Лондоне русском журнале «Вперед» («Volksstaat», 1874 г., №№ 117 и 118) мне случилось упомянуть мимоходом имя этого господина, но упомянуть так, что это навлекло на меня его почтенный гнев. Г-н Ткачев немедленно опубликовал «Открытое письмо г. Фридриху Энгельсу, Цюрих 1874», в котором он наговорил обо мне множество всяческих удивительных вещей, а затем в противовес моему вопиющему невежеству преподнес свое собственное мнение о положении вещей и о перспективах социальной революции в России. Как форма, так и содержание этой мазни носили обычный бакунистский отпечаток. Так как письмо появилось на немецком языке, я счел нужным ответить на него в «Volksstaat» (см. «Эмигрантская литература», гл. IV и V, «Volksstaat», 1875 г., № 36 и сл.). Первая часть моего ответа содержала главным образом разбор бакунистского метода литературной борьбы, состоящего попросту в том, что противнику приписывают с три короба прямого вранья. В статье, помещенной в «Volksstaat», было отведено достаточно места этой преимущественно личной части. Поэтому здесь я ее опускаю и для выходящего по желанию издательства отдельного оттиска оставляю только вторую часть, которая посвящена главным образом общественным порядкам России, как они сложились с 1861 г., со времени так называемого освобождения крестьян.

«Ход дел в России имеет величайшее значение для немецкого рабочего класса. Существующая ныне Российская империя образует последний великий оплот всей западно-европейской реакции. В 1848 и 1849 гг. это обнаружилось с полной ясностью. Вследствие того, что Германия не подняла восстания в Польше

организации нового общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, совершающего этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные силы производства достигают такого развития, при котором становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и у полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел всякий народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия. Только на известной, а в современных условиях на очень высокой ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такой высоты, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в

и не повела войны с царем (как этого требовала с самого начала «*Neue Rheinische Zeitung*»), этот самый царь мог в 1849 г. победить венгерскую революцию, которая дошла до самых ворот Вены, а в 1850 г. мог учинить в Варшаве суд над Австрией, Пруссией и мелкими немецкими государствами и восстановить старый Союзный сейм. И еще совсем недавно, в начале мая 1875 г., русский царь так же, как и 25 лет тому назад, принимал от своих вассалов в Берлине присягу на верность и доказал, что он и теперь еще продолжает быть арбитром Европы. Никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока неподалеку существует современное российское государство. Германия же — ближайший его сосед, на Германию обрушится первый натиск русских реакционных армий. Падение русского царистского государства, уничтожение Российской империи является, стало быть, одним из первых условий окончательной победы немецкого пролетариата.

«Но этого падения никоим образом нельзя вызвать извне, хотя внешняя война могла бы его очень ускорить. Внутри самой русской империи имеются элементы, которые очень работают над ее разрушением.

«Первый из них — это поляки. В результате столетнего угнетения они очутились в таком положении, что должны либо быть революционными, поддерживать всякое действительно революционное восстание на Западе как первый шаг к освобождению Польши, либо же погибнуть. И как раз теперь они в таком положении, что западно-европейских союзников они могут искать себе только в лагере пролетариата. В течение вот уже ста лет все буржуазные партии Запада то и дело предают их. В Германии буржуазия вообще ведет счет только с 1848 г., а с тех пор она все время была враждебна полякам. Во Франции Наполеон предал поляков в 1812 г. и вследствие этой измены потерял кампанию, корону и империю; его примеру следовали в 1830 и в 1846 гг. — буржуазное королевство, в 1848 г. — буржуазная республика, в Крымскую кампанию и в 1863 г. — вторая империя. Каждый из них так же подло изменял полякам, как и другие. И теперь еще радикальные буржуазные республиканцы Франции пресмыкаются перед царем для того, чтобы в награду за новую измену по отношению к Польше

общественном способе производства. Такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, обнаруживает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма.

Итак, русским работникам, — а эти работники, как говорит сам Ткачев, «земледельцы и в качестве таковых не пролетарии, а *собственники*», — сделать это легче, потому что им предстоит бороться не с властью капитала, а «только с политической властью», с русским государством. А это государство «только издали кажется силою... оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов никакого сословия... У вас государство

выторговать себе союз реванша против Пруссии, точно так же, как немецкие имперские буржуа боготворят того же царя как покровителя европейского мира, т. е. прочности немецко-пруссских аннексий. Нигде не находят поляки открытой и искренней поддержки, кроме как у революционных рабочих, потому, что обе стороны одинаково заинтересованы в падении общего врага, и потому, что освобождение Польши равнозначно этому падению.

«Но деятельность поляков территориально ограничена. Она ограничивается Польшей, Литвой и Украиной. Подлинное ядро Российской империи — Великороссия — остается почти совершенно исключенной из области этой деятельности. Сорок миллионов великороссов слишком великий народ, и у них было слишком своеобразное развитие, чтобы им можно было навязать извне какое-либо движение. Да этого вовсе и не требуется. Правда, масса русского народа, крестьяне, столетиями, из поколения в поколение, тупо влачили свое существование в тряси-не каного-то внеисторического прозябания, и единственной сменой, прерывавшей однообразие этого унылого состояния, были отдельные бесплодные восстания и новый гнет со стороны дворянства и правительства. Этому внеисторическому существованию само русское правительство положило конец (1861 г.) отменой крепостного права, с которою нельзя было больше медлить, и выкупом барщины — мерой, которую провели таким хитроумным способом, что она ведет большинство как крестьян, так и дворян к верному разорению. Таким образом, самые условия, в которых очутился теперь русский крестьянин, толкают его к движению, которое, правда, в настоящее время лишь только возникает, но которое в силу ухудшающегося с каждым днем положения крестьянской массы неудержимо будет идти все дальше и дальше. Грозное недовольство крестьян уже теперь — такой факт, с которым приходится считаться как правительству, так и всем недовольным и оппозиционным партиям.

«Отсюда следует, что когда в дальнейшем речь идет о России, то под ней надо понимать не всю Российскую империю, а исключительно Великороссию, т. е. область, у которой на крайнем западе находятся губернии Псковская и Смоленская, а на крайнем юге — Курская и Воронежская». *Ред.*

вовсе не мнимая сила. Оно обеими ногами опирается на капитал; оно воплощает в себе (!) известные экономические интересы... У нас в этом отношении дело обстоит как раз наоборот; наша общественная форма обязана своим существованием государству, которое, так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим общественным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем».

Не будем останавливаться на путаном представлении, будто экономические интересы нуждаются для своего воплощения в ими же создаваемом государстве. Оставим также в стороне смелое утверждение, будто русская «общественная форма (к которой принадлежит ведь и крестьянская община) обязана своим существованием государству», а также и противоположное утверждение, что то же самое государство «не имеет ничего общего» со своим же собственным созданием — существующим общественным строем. Присмотримся лучше сразу к этому «висящему в воздухе государству», которое не представляет интересов решительно ни одного сословия.

В Европейской России крестьяне владеют 105 миллионами десятин земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) — 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15 000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 33 000 десятин каждый. Крестьянской земли, следовательно, только чуть-чуть больше, чем земли дворянской. Как видите, у дворян нет ни малейшей заинтересованности в том, чтобы существовало русское государство, обеспечивающее им владение половиною страны! Далее. Крестьяне за свою половину платят в год 195 миллионов руб. поземельного налога, дворяне — 13 миллионов! Дворянские земли в среднем вдвое плодороднее крестьянских, так как при разверстке, последовавшей в связи с выкупом барщины, государство отняло у крестьян и передало дворянам не только больше земли, но и лучшую землю, причем крестьяне вынуждены были за наихудшую землю платить дворянству цену самой лучшей*. И русское дворянство совсем не заинтересовано в существовании русского государства!

Крестьяне — в массе своей — благодаря выкупу оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении. У них не только отняли большую и лучшую часть их земель, так что даже в самых плодородных областях империи крестьянской земли — по

---

* Исключением явилась только Польша, где правительство хотело разорить враждебное ему дворянство и привлечь на свою сторону крестьян.

русским земледельческим условиям — оказалось слишком мало, чтобы на ней можно было прокормиться. Они не только должны были уплатить за эту землю непомерно высокую цену, которую авансировало им государство и которую они вынуждены теперь постепенно выплачивать государству вместе с процентами. На них не только взвалена почти вся тяжесть поземельного налога, от которого дворяне почти вовсе освобождены, налога, который один поглощает и даже превосходит всю стоимость ренты с крестьянской земли, так что все дальнейшие платежи, которые должен вносить крестьянин и о которых мы скажем ниже, составляют уже прямой вычет из той части его дохода, которая представляет собою его заработную плату. Нет. К поземельному налогу, к выкупным платежам и процентам за предварительную их выплату государством со времени введения местного управления присоединены еще губернские и уездные сборы. Существеннейшим следствием этой «реформы» были новые податные тяготы для крестьян. Государство целиком сохранило свои сборы, но значительную часть расходов оно свалило на губернии и уезды, которые ввели для их покрытия новые налоги, а в России является правилом, что высшие сословия почти свободны от налогов, а крестьянин платит почти все.

Такое положение будто нарочно создано для ростовщиков, а в ростовщике там нигде нет недостатка при почти беспримерной способности русских к торговле в ее низших формах, к использованию благоприятных обстоятельств и к неравному с этим надувательству: недаром ведь еще Петр I говорил, что один русский справится с тремя евреями. Как только приближается время взыскания податей, является ростовщик, кулак — часто богатый крестьянин той же общины — и предлагает свои наличные деньги. Крестьянину деньги нужны во что бы то ни стало, и он вынужден принимать условия ростовщика беспрекословно. Тем самым он лишь еще глубже попадает в тиски, нуждается в наличных деньгах все больше и больше. Ко времени жатвы появляется хлеботорговец; нужда в деньгах заставляет крестьянина сбыть часть зерна, необходимого для пропитания собственной семьи. Торговец хлебом распространяет ложные, снижающие цены слухи, платит низкую цену, да и ту подчас уплачивает частично всяческими товарами по высокой расценке, ибо и «trucksystem» [система оплаты товарами вместо денег] в России очень развита. Большой вывоз русского хлеба покоится, таким образом, прямо на голоде крестьянского населения. Другой способ эксплуатации крестьян заключается в том, что спекулянт арендует у правительства на продолжительный срок участок казенной земли, обрабатывает его сам, пока земля приносит хороший урожай без удобрения, а затем делит этот участок на мелкие

кочки и сдает истощенную землю за высокую ренту соседним малоземельным крестьянам. Если выше мы видели английскую trucksystem, то здесь мы имеем точную копию ирландских middlemen [посредников]. Словом, нет другой такой страны, в которой, при всей первобытной дикости буржуазного общества, был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная масса сдавлена и опутана его сетями. И все эти кровопийцы, сосущие крестьян, все они нисколько не заинтересованы в существовании русского государства, законы и суды которого охраняют их чистоплотные и прибыльные делишки?

Крупная буржуазия Петербурга, Москвы, Одессы, развивающаяся с неслыханной быстротой за последние десять лет, в особенности благодаря строительству железных дорог, и принявшая «живое участие» в последнем кризисе, все эти экспортеры зерна, пеньки, льна и сала, все дела которых целиком строятся на нищете крестьян, вся русская крупная промышленность, существующая только благодаря пожалованным ей государством охранительным пошлинам, разве все эти влиятельные и быстро растущие элементы населения нисколько не заинтересованы в существовании русского государства? Нечего уж и говорить о бесчисленной армии чиновников, наводняющей и обворовывающей Россию и образующей там настоящее сословие. И когда после этого г. Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов никакого сословия», висит «в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе.

Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым, что долго это удержаться не может, что уже по этой причине революция в России приближается, — это ясно. Вопрос лишь в том, каков может быть, каков будет результат этой революции? Г-н Ткачев говорит, что она будет социальной революцией. Это чистая тавтология. Всякая действительная революция есть социальная революция, поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подобию. Но г. Ткачев хочет сказать, что революция будет социалистической, что она введет в России, прежде еще, чем мы достигнем этого на Западе, ту общественную форму, к которой стремится западно-европейский социализм, — и это при таком состоянии общества, когда и пролетариат, и буржуазия не составляют еще общего явления и находятся на низшей ступени развития! И это возможно, мол, потому, что русские являются, так ска-

вать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинною собственностью на землю.

Об артели г. Ткачев упоминает лишь мимоходом, но мы здесь на ней остановимся, так как уже со времени Герцена многие русские приписывают ей таинственную роль. Артель — это широко распространенная в России форма товарищества, простейшая форма свободной кооперации, подобно той, которая существует у охотничьих племен во время охоты. И по названию, и по существу она — татарского, а не славянского происхождения. И то, и другое встречается у киргизов, якутов и т. д., с одной стороны, и у лопарей, самоедов и других финских народов — с другой *. Поэтому артель развивается первоначально не на юго-западе России, а на севере и востоке, в местах соприкосновения с финнами и татарами. Суровый климат требует разнородной промышленной деятельности, а недостаточное развитие городов и нехватка капитала возмещается по мере возможности этой формой кооперации. — Один из важнейших отличительных признаков артели, круговая порука ее членов друг за друга перед третьими лицами, покоится первоначально на связях кровного родства, подобно *Gewere* [взаимной поруке] у древних германцев, кровной мести и т. д. — Впрочем, слово артель применяется в России не только ко всякого рода совместной деятельности, но и к общим учреждениям. *Биржа* — тоже артель ¹. — В рабочих артелях всегда избирается старшина, староста ², который исполняет обязанности казначея, счетовода и т. п., по мере надобности — управляющего, и получает особое жалованье. Подобные артели возникают:

1) для временных предприятий, по окончании которых они распадутся;

2) между людьми, занимающимися одним и тем же ремеслом, например между носильщиками и т. п.;

3) для собственно промышленных постоянных предприятий.

Они учреждаются на основе договора, подписываемого всеми членами. Если же эти члены не могут сами собрать необходимый капитал, как это очень часто случается, например в сыроварении и в рыболовстве (для покупки сетей, судов и пр.), то артель попадает в лапы ростовщика, который ссужает за высокие проценты недостающую сумму и с этого момента кладет себе в карман большую часть выручки. Но еще более гнусно эксплуатируются те артели, которые

* Об артели ср., между прочим, «Сборник материалов об артелях в России», С.-Петербург, 1873 г., выпуск I.

¹ Последняя фраза выпущена Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

² Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

целиком нанимаются к предпринимателю в качестве наемных рабочих. Они сами управляют своей промышленной деятельностью и тем сберегают капиталисту издержки надзора. Он сдает им в наем хижины для жилья и дает им в кредит съестные припасы, причем опять развивается самая гнусная trucksystem. Так происходит дело у дровосеков и смолокуров Архангельской губернии, на многих промыслах в Сибири и т. д. (ср. *Флеровский*. Положение рабочего класса в России, С.-Петербург, 1869 г.). Таким образом, артель является здесь средством, *облегчающим* капиталисту эксплуатацию наемных рабочих. С другой стороны, однако, есть и такие артели, которые сами имеют наемных рабочих, *не состоящих* членами артели.

Таким образом, артель есть стихийно возникшая и потому еще очень неразвитая форма кооперативного товарищества и, как таковая, не представляет собою ничего исключительно русского или же славянского. Подобные товарищества образуются повсюду, где в них есть нужда: в Швейцарии в молочном деле, в Англии в рыболовстве, где они даже очень разнообразны. Силезские землекопы (немцы, отнюдь не поляки), построившие в сороковых годах столько немецких железных дорог, были организованы в настоящие артели. Преобладание этой формы в России доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою примитивную форму, — в которой она, как мы видели, служит больше капиталу, чем рабочим, — и доросла *по меньшей мере* до уровня западно-европейских кооперативных товариществ. Но, если на сей раз поверить г. Ткачеву (что, после всего предыдущего, все же более чем рискованно), — до этого еще очень далеко. Напротив, с чрезвычайно знаменательной для его точки зрения гордостью, он уверяет нас:

«Что касается кооперативных и кредитных товариществ по немецкому (1) образцу, которые с недавних пор искусственно насаждаются в России, то большинство наших рабочих встречает их с полнейшим равнодушием, и они почти везде потерпели полный провал».

Современное кооперативное товарищество доказало, по крайней мере, свою способность самостоятельно вести с выгодой крупные промышленные предприятия (прядильные и ткацкие в Ланкашире). Артель же до сих пор не только оказалась неспособной к этому, но она неизбежно должна погибнуть при столкновении с крупной промышленностью, если не равняется дальше.

Общинная собственность русских крестьян была открыта в 1845 г. прусским правительственным советником Гакстгаузеном, и он трубил о ней на весь мир как о чем-то совершенно изумительном, хотя в своем вестфальском отечестве Гакстгаузен мог бы еще найти не мало ее остатков, а в качестве правительственного чиновника он даже обязан был знать о них в точности. Герцен, сам русский помещик, узнал впервые от Гакстгаузена, что его крестьяне владели землею сообща, и воспользовался этим для того, чтобы изобразить русских крестьян истинными носителями социализма, прирожденными коммунистами, в противоположность рабочим стареющей, загнивающей Западной Европы, которым приходится лишь искусственно выжимать из себя социализм. От Герцена эти сведения перешли к Бакунину, а от Бакунина — к г. Ткачеву. Послушаем же этого последнего.

«Наш народ... в своем огромном большинстве... проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции. Идея коллективной собственности так глубоко срослась со всем миросозерцанием русского народа (мы скоро увидим, сколь обширен мир русского крестьянина), что теперь, когда правительство начинает понимать, что эта идея несовместима с принципами «благоустроенного» общества, и во имя этих принципов старается привить народному сознанию и народной жизни идею частной собственности, — оно может достичь этого лишь при помощи штыков и кнута. Отсюда ясно, что наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя они и более образованы».

В действительности общинная собственность на землю представляет собою строй, который мы находим на низшей ступени развития у всех индогерманских народов от Индии до Ирландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, — например, на Яве. Еще в 1608 г. существование общинной собственности на землю на только что завоеванном севере Ирландии послужило для англичан предлогом объявить землю бесхозяйной и как таковую конфисковать ее в пользу короны. В Индии до сих пор существует целый ряд форм общинной собственности. В Германии она была общим явлением; встречающиеся кое-где еще и теперь общинные земли являются ее остатками; часто, особенно в горах, встречаются еще ее отчетливые следы: периодические переделы общинных земель и т. п. Более точные указания и подробности относительно древне-германского общинного землевладения можно найти в ряде сочинений *Маурера*, которые по этому вопросу являются классическими. В Западной Европе, включая сюда Польшу и Украину, эта общинная собственность превратилась, на известной ступени общественного развития, в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была

мало-по-малу устранена. Напротив, в Великороссии (т. е. в собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле. Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово *мир*¹ означает, с одной стороны, «вселенную», а с другой — «крестьянскую общину». *Весь мир*¹ означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г. Ткачев говорит о «*миро-созерцании*» русского крестьянина, то он явно неправильно употребляет русское слово *мир*¹. Подобная полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для восточного деспотизма, и везде, где преобладала эта общественная форма, от Индии до России, она всегда создавала деспотизм, всегда находила в нем свое дополнение. Не только русское государство вообще, но даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий, с которыми он, по словам г. Ткачева, «не имеет ничего общего»! Дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-по-малу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства «штыков и кнута» русского правительства. Тем более, что общинную землю крестьяне в России не обрабатывают сообща, с дележом только продуктов, как это происходит еще в некоторых областях Индии. Напротив, в России земля периодически переделывается между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует. Почти повсюду среди членов общины бывает несколько богатых крестьян, иногда миллионеров, которые занимаются ростовничеством и высасывают соки из крестьянской массы. Г-н Ткачев прекрасно знает об этом. Уверяя немецких рабочих в том, что только кнут и штык могут заставить русского крестьянина, этого коммуниста по инстинкту, по традиции, отказаться от «идеи коллективной собственности», он рассказывает в то же время в своей русской брошюре, на стр. 15:

¹ Написано Энгельсом по-русски. Ред.

«Среди крестьян вырабатывается класс *ростовщиков* (кулаков), *скупщиков* и *арендаторов* крестьянских и помещичьих земель, — крестьянская аристократия».

Это именно того типа кровопийцы, о которых мы писали выше.

Сильнейший удар общинной собственности нанес все тот же выкуп барщины. Помещику досталась большая и лучшая часть земли; для крестьян остался едва достаточный, а сплошь да рядом совсем недостаточный для существования остаток. При этом леса отошли к помещикам; дрова, поделочный и строевой лес, которые прежде крестьянин мог брать даром, он вынужден теперь покупать. Таким образом, у крестьянина нет теперь ничего, кроме избы и голого клочка земли, без средств для его обработки; нехватает обычно и земли, чтобы прокормиться с семьей от жатвы до жатвы. При таких условиях и под гнетом податей и ростовщиков общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она становится оковами. Крестьяне часто бегут из общины, с семьями или без семей, они бросают землю, стараясь прокормиться в качестве странствующих рабочих *.

Таким образом, общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и, по всей видимости, идет к своему разложению. Тем не менее, неоспоримо, что существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно** ; тогда русские крестьяне перейдут к этой высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе еще до окончательного распада этой общинной собственности произойдет победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в особенности материальные средства, которые нужны ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия. Таким образом, г. Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские

* О положении крестьян ср., между прочим, официальный отчет правительственной сельскохозяйственной комиссии (1873 г.), далее *Скалдин* — «В захолустье и в столице», Петербург, 1870 г. Эта последняя работа принадлежит перу умеренного консерватора.

** В Польше, в особенности в Гродненской губернии, где помещики в результате восстания 1863 г. по большей части разорены, крестьяне теперь часто покупают или арендуют помещичьи усадьбы и обрабатывают их совместно и на общий счет. А эти крестьяне уже веками не имеют никакой общинной собственности и притом это не великороссы, а поляки, литовцы и белороссы.

мало-по-малу устранена. Напротив, в Великороссии (т. е. в собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле. Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово *мир*¹ означает, с одной стороны, «вселенную», а с другой — «крестьянскую общину». *Весь мир*¹ означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г. Ткачев говорит о «*миросозерцании*» русского крестьянина, то он явно неправильно употребляет русское слово *мир*¹. Подобная полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для восточного деспотизма, и везде, где преобладала эта общественная форма, от Индии до России, она всегда создавала деспотизм, всегда находила в нем свое дополнение. Не только русское государство вообще, но даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий, с которыми он, по словам г. Ткачева, «не имеет ничего общего»! Дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-по-малу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства «штыков и кнута» русского правительства. Тем более, что общинную землю крестьяне в России не обрабатывают сообща, с дележом только продуктов, как это происходит еще в некоторых областях Индии. Напротив, в России земля периодически переделывается между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует. Почти повсюду среди членов общины бывает несколько богатых крестьян, иногда миллионеров, которые занимаются ростовщичеством и высасывают соки из крестьянской массы. Г-н Ткачев прекрасно знает об этом. Уверая немецких рабочих в том, что только кнут и штык могут заставить русского крестьянина, этого коммуниста по инстинкту, по традиции, отказаться от «идеи коллективной собственности», он рассказывает в то же время в своей русской брошюре, на стр. 15:

¹ Написано Энгельсом по-русски. Ред.

«Среди крестьян вырабатывается класс *ростовщиков* (кулаков), *скупщиков* и *арендаторов* крестьянских и помещичьих земель, — крестьянская аристократия».

Это именно того типа кровопийцы, о которых мы писали выше.

Сильнейший удар общинной собственности нанес все тот же выкуп барщины. Помещику досталась большая и лучшая часть земли; для крестьян остался едва достаточный, а сплошь да рядом совсем недостаточный для существования остаток. При этом леса отошли к помещикам; дрова, поделочный и строевой лес, которые прежде крестьянин мог брать даром, он вынужден теперь покупать. Таким образом, у крестьянина нет теперь ничего, кроме избы и голого клочка земли, без средств для его обработки; нехватает обычно и земли, чтобы прокормиться с семьей от жатвы до жатвы. При таких условиях и под гнетом податей и ростовщиков общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она становится оковами. Крестьяне часто бегут из общины, с семьями или без семей, они бросают землю, стараясь прокормиться в качестве странствующих рабочих *.

Таким образом, общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и, по всей видимости, идет к своему разложению. Тем не менее, неоспоримо, что существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно** ; тогда русские крестьяне перейдут к этой высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе еще до окончательного распада этой общинной собственности произойдет победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в особенности материальные средства, которые нужны ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия. Таким образом, г. Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские

* О положении крестьян ср., между прочим, официальный отчет правительственной сельскохозяйственной комиссии (1873 г.), далее *Скалдин* — «В захолустье и в столице», Петербург, 1870 г. Эта последняя работа принадлежит перу умеренного консерватора.

** В Польше, в особенности в Гродненской губернии, где помещики в результате восстания 1863 г. по большей части разорены, крестьяне теперь часто покупают или арендуют помещичьи усадьбы и обрабатывают их совместно и на общий счет. А эти крестьяне уже веками не имеют никакой общинной собственности и притом это не великороссы, а поляки, литовцы и белоруссы.

крестьяне, — хотя они и «собственники», — «стоят ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе.

С такою же легкостью, как с экономической революцией, справляется г. Ткачев и с политической. Русский народ, рассказывает он, «неустанно протестует» против рабства в форме «религиозных сект... отказа от уплаты податей... разбойничьих шаек (немецкие рабочие могут себя поздравить с тем, что Ганс-живодер ¹ оказывается отцом германской социал-демократии)... поджогов... бунтов... и поэтому русский народ можно назвать революционером по инстинкту». Все это убеждает г. Ткачева, что «нужно только одновременно во многих местностях разбудить накопленное чувство озлобления и недовольства... всегда кипящее в груди нашего народа». Тогда «объединение революционных сил произойдет уже *само собою*, а борьба... должна будет окончиться благоприятно для дела народа. Практическая необходимость, инстинкт самосохранения» создадут уже сами собой «тесный и неразрывный союз между протестующими общинами».

Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить. Стоит только в трех-четыре места одновременно начать восстание, а там уж «революционер по инстинкту», «практическая необходимость», «инстинкт самосохранения» сделают все остальное «уже сами собою». Просто понять нельзя, как же это при такой невероятной легкости революция давно уж не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну.

В действительности дело обстоит совсем не так. Русский народ, этот «революционер по инстинкту», устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *никогда не против царя*, кроме тех случаев, когда во главе его становился *самозванец* и требовал себе трона. Последнее великое крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа Петра III, будто бы не убитого своей женой, а только лишеного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал. Наоборот, царь представляется крестьянину земным богом: бог высок, царь далек ², восклицает он в отчаянии. Что масса крестьян-

¹ Прозвище немецкого разбойника Иоганна Бюклера. *Ред.*

² Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

ского населения, в особенности со времени выкупа барщины, поставлена в положение, которое все более и более принуждает ее к борьбе с правительством и с царем, это не подлежит никакому сомнению; но сказки о «революционере по инстинкту» пусть уж г. Ткачев рассказывает кому-нибудь другому.

А кроме того, *если бы* даже масса русских крестьян была как нельзя более революционна по инстинкту; *если бы* даже мы представили себе, что революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар, — даже тогда позвольте спросить: подобает ли человеку, вышедшему уже из двенадцатилетнего возраста, иметь такое сверхчревычайское представление о ходе революции, какое мы здесь видим? И подумать только, что это написано уже после блистательного провала в Испании в 1873 г. первой изготовленной по этому бакунинскому образцу революции. Там тоже восстание начали сразу в нескольких местах. Там тоже рассчитывали на то, что практическая необходимость, инстинкт самосохранения уж сами собою установят крепкий и неразрывный союз между протестующими общинами. И что же получилось? Каждая община, каждый город защищали только самого себя, о взаимной поддержке не было и речи, и Павия, имея только 3 000 солдат, в две недели покорил один город за другим и положил конец всему этому анархистскому величию (см. мою статью «Бакунисты за работой», где это описано подробно)¹.

Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговые тиски отказываются служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов, а каждый новый заем встречает все больше затруднений; только под предлогом постройки железных дорог удается еще доставать деньги! Администрация давно развращена до мозга костей; чиновники живут больше воровством, взятками и вымогательством, чем жалованьем. Все сельскохозяйственное производство — наиболее важное в России — приведено в полный беспорядок выкупом 1861 г.; крупному землевладению не хватает рабочей силы, крестьянам не хватает земли, они придавлены налогами, обобранны ростовщиками; сельскохозяйственная продукция из года в год уменьшается. Все это в целом сдерживается с большим трудом и лишь внешним образом, посредством такого азиатского деспотизма, такого произвола, о котором мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления. Это деспотизм, который не только с каждым днем вступает во все более вопиющее противоречие

¹ См. стр. 107 — 124 настоящего тома. *Ред.*

со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего своего носителя сам сбился с пути: сегодня он делает уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает всякое к себе доверие. При этом в концентрирующихся в столице более просвещенных слоях нации укрепляется сознание, что такое положение невыносимо, что близок переворот, но в то же время возникает и иллюзия, будто этот переворот можно направить в спокойное конституционное русло. Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса; эта революция имеет величайшее значение для всей Европы уже по одному тому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции. Революция эта, несомненно, приближается. Только два события могли бы надолго отсрочить ее: либо удачная война против Турции или против Австрии, для чего нужны деньги и надежные союзники, либо же... преждевременная попытка восстания, которая снова загонит имущие классы в объятия правительства.

Карл Маркс
КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПРОГРАММЫ
ГЕРМАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Напечатана в журнале «Die Neue Zeit».
IX, I, за 1891 г.

КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ.

ПИСЬМО В. БРАККЕ.

Лондон, 5 мая 1875 г.

Дорогой Бракке!

Нижеследующие критические заметки на полях объединительной программы будьте добры по прочтении передать для ознакомления Гейбу и Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Я завален работой и вынужден заниматься гораздо больше, чем мне позволили врачи. Поэтому мне отнюдь не доставляло особого «наслаждения» измарать так много бумаги. Но это было необходимо для того, чтобы партийные друзья, для которых предназначаются эти заметки, не истолковали впоследствии ложно те шаги, которые я, со своей стороны, должен буду предпринять.

Я имею в виду краткое заявление, которое Энгельс и я опубликуем после объединительного съезда; мы заявим, что мы совершенно непричастны к указанной принципиальной программе и не имеем с ней ничего общего.

Это необходимо, так как за границей распространен заботливо поддерживаемый врагами партии взгляд, — взгляд совершенно ложный, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии. В своей только недавно вышедшей по-русски брошюре Бакунин возлагает, например, на меня ответственность не только за все программы и т. д. упомянутой партии, но и за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с народной партией.

Помимо того, мой долг не позволяет мне, хотя бы лишь путем дипломатического молчания, признать программу, которая, по моему убеждению, решительно никуда не годится и деморализует партию.

Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Значит, если нельзя было, — а обстоятельства этого не допускали, — выйти за пределы эйзенахской программы, то следовало просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того, чтобы отложить это дело до того момента, когда оно будет подготовлено более

длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вежи, по которым люди судят об уровне партийного движения. Вожди лассальянцев приходят к нам потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какую сделку в принципиальных вопросах им рассчитывать нечего, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом совместного действия. Вместо этого им разрешают являться во всеоружии мандатов и признают эти мандаты обязательными для себя, т. е. сдают на милость или немилость тех, кто сам нуждается в помощи. И дело увенчивается тем, что они созывают съезд еще *до согласительного съезда*, между тем как собственная партия созывает свой съезд уже *post factum* [*после праздника, задним числом*]. Здесь явно стремились сорвать всякую критику и не дать опомниться собственной партии. Известно, что рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой.

Впрочем, программа никуда не годится и независимо от того, что она признает непогрешимым лассалевский символ веры.

Я скоро пришлю Вам последние выпуски французского издания «Капитала». Печатание было на долгое время задержано запрещением французского правительства. На этой неделе или в начале следующей работа будет готова. Получили ли Вы 6 первых выпусков? Сообщите мне, пожалуйста, также адрес Бернгарда Беккера, которому я во всяком случае должен послать последние выпуски.

У книжного склада «Volksstaat» своеобразные правила поведения. Я до сих пор, например, не получил ни одного экземпляра нового издания «Кельнского процесса коммунистов».

С сердечным приветом

Ваш Карл Маркс.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПРОГРАММЫ ГЕРМАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

I.

1. «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры, а так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

Первая часть параграфа: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры».

Труд не есть источник всякого богатства. Природа в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы. Фразу эту вы встретите во всяком детском букваре, и она правильна постольку, поскольку в ней подразумевается, что труд совершается при наличии соответствующих предметов и орудий. Но социалистическая программа не должна допускать подобных буржуазных оборотов, обходящих молчанием те условия, которые одни только и придают им смысл. Поскольку человек заранее относится к природе, этому первоисточнику всех средств и предметов труда, как собственник, обращается с нею как с принадлежащей ему вещь, постольку его труд становится источником потребительных стоимостей, а следовательно и богатства. У буржуа есть очень серьезные основания приписывать труду *сверхъестественную творческую силу*, так как именно из естественной обусловленности труда вытекает, что человек, не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, каково бы он ни был общественного положения и культурного уровня, вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда. Только с их разрешения может он работать, стало быть, только с их разрешения — жить.

Но оставим уж эту фразу как она есть, каковы бы ни были ее недостатки. Какого же заключения следовало бы ожидать? Очевидно, следующего:

«Так как труд есть источник всякого богатства, то ни один член общества не может приобрести себе богатство иначе, как в виде продукта труда. Если же он сам не работает, то он живет

чужим трудом, и свою культуру он также приобретает за счет чужого труда».

Вместо этого при помощи словечка «а так как» к первому предложению пристегивается второе, чтобы вывод сделать из этого второго предложения, а не из первого.

Вторая часть параграфа: «Приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества».

Согласно первому положению труд являлся источником всякого богатства и всякой культуры, а следовательно, никакое общество невозможно без труда. Теперь же мы узнаем, наоборот, что никакой «приносящий пользу» труд невозможен без общества.

С таким же успехом можно было бы сказать, что только в обществе бесполезный или даже вредный для общества труд может стать отраслью промышленности, что только в обществе можно жить праздно и т. д., и т. д. — короче, переписать всего Руссо.

А что такое «приносящий пользу» труд? Тот труд, разумеется, который достигает намеченного полезного результата. Дикарь (а человек — дикарь после того как он перестал быть обезьяной), который убивает камнем зверя, собирает плоды и т. д., совершает «приносящий пользу» труд.

В-третьих. Заключение: «А так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда в неурезанном виде и на равных правах принадлежит всем членам общества».

Вот так заключение! Если приносящий пользу труд возможен только в обществе и при посредстве общества, то доход труда принадлежит обществу, а на долю отдельного рабочего придется из этого дохода лишь то, что не требуется на содержание «условия» труда — общества.

В самом деле, приверженцы *каждого данного общественного строя* всегда выдвигали это положение. Прежде всего выступают притязания правительства и всего того, что липнет к нему, — ведь правительство является общественным органом для сохранения общественного порядка; затем следуют притязания различных видов частной собственности, так как различные виды частной собственности суть основы общества, и т. д. Эти пустые фразы можно, как видите, переворачивать как угодно.

Сколько-нибудь разумную связь первая и вторая части параграфа могут иметь лишь в следующей форме:

«Источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд», или, что то же самое, «в обществе и при посредстве общества».

Это положение бесспорно правильно, так как если разъединенный труд (предполагается, что его вещественные условия имеются налицо) и может создавать потребительные стоимости, то ни богатства, ни культуры он создать не может.

Но столь же бесспорно и другое положение: «По мере того как происходит общественное развитие труда и, таким образом, труд становится источником богатства и культуры, — развивается бедность и обездоленность на стороне рабочего, богатство и культура на стороне нерабочего».

Это — закон всей истории до настоящего времени. Следовательно, вместо общих фраз о «труде» и «обществе», нужно было ясно показать, как в современном капиталистическом обществе были, наконец, созданы те материальные и прочие условия, которые заставляют рабочих и делают их способными сокрушить это общественное проклятие.

На самом же деле весь этот параграф, неудачный как по форме, так и по содержанию, вставлен здесь лишь для того, чтобы лассалевскую формулу о «неурезанном доходе труда» написать в качестве лозунга на партийном знамени. К «доходу труда», к «равному праву» и пр. мне еще придется вернуться, так как то же самое повторяется в несколько иной форме и дальше.

2. «В современном обществе средства труда являются монополией класса капиталистов; обусловленная этим зависимость рабочего класса есть причина нищеты и порабощения во всех формах».

Это заимствованное из устава Интернационала положение в данной «исправленной» редакции ложно.

В современном обществе средства труда составляют монополию землевладельцев (монополия землевладения это даже основа монополии капитала) и капиталистов. В соответствующем пункте устав Интернационала не называет ни того, ни другого класса монополистов. Он говорит о *«монополии средств труда, т. е. источников жизни»*. Прибавление «источников жизни» достаточно показывает, что в средствах труда включена также и земля.

Исправление было сделано потому, что Лассаль, по мотивам в настоящее время всем известным, напал *только* на класс капиталистов, но не на землевладельцев. В Англии капиталист по большей части вовсе не является собственником той земли, на которой стоит его фабрика.

3. «Освобождение труда требует возведения средств труда в собственность всего общества и коллективного регулирования совокупного труда при справедливом распределении дохода труда».

«Возведение средств труда в собственность всего общества» обозначает, повидимому, их «превращение в собственность всего общества». Но это лишь мимоходом.

Что такое «доход труда»? Это продукт труда или же его [продукта] стоимость? И, в последнем случае, валовая ли стоимость продукта или только та часть стоимости, которую труд присоединил к стоимости потребленных средств производства?

«Доход труда» — расплывчатое представление, выдвинутое Лассалем вместо определенных экономических понятий.

Что такое «справедливое распределение»?

Разве буржуа не утверждают, что современное распределение «справедливо»? И разве оно не является в самом деле единственно «справедливым» распределением на базе современного способа производства? Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями или же, наоборот, правовые отношения возникают из экономических? И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о «справедливом» распределении?

Чтобы знать, что в данном случае следует подразумевать под словами «справедливое распределение», мы должны сопоставить первый параграф с этим параграфом. Последний предполагает такое общество, в котором «средства труда составляют общественную собственность, а совокупный труд регулируется коллективно», а из первого параграфа мы видим, что «доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

«Всем членам общества»? Даже и неработающим? Что же тогда случилось с «неурезанным доходом труда»? Только работающим членам общества? Что же случилось тогда с «равным правом» всех членов общества?

Но «все члены общества» и «равное право» — очевидно, только фразы. Суть же дела в том, что в этом коммунистическом обществе каждый работник должен получить свой лассалевский «неурезанный доход труда».

Если слова «доход труда» мы примем сначала в смысле продукта труда, то коллективный доход труда окажется *совокупным общественным продуктом*.

Из него надо теперь вычесть:

Во-первых: расходы по возмещению потребленных средств производства.

Во-вторых: добавочную часть для расширения производства.

В-третьих: резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и пр.

Эти вычеты из «неурезанного дохода труда» — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятностей, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.

Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить средствами потребления.

Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа, отсюда вновь вычитается:

Во-первых: общие, не относящиеся к производству издержки управления.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.

Во-вторых: то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и пр.

Эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.

В-третьих: фонды для нетрудоспособных и пр., короче — то, для чего теперь существует так называемое официальное призрение бедных.

Теперь только мы подходим к тому «распределению», которое, под лассалевским влиянием, программа так ограничено только и имеет в виду, а именно к той части средств потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива.

«Неурезанный доход труда» незаметно превратился уже в «урезанный», хотя все, удерживаемое с производителя как частного лица, прямо или косвенно возвращается ему же как члену общества.

Подобно тому, как испарилась фраза о «неурезанном доходе труда», так испаряется теперь и фраза о «доходе труда» вообще.

В обществе коллективном, основанном на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов. А труд, затраченный на производство продуктов, тоже отнюдь не проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не

окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение «доход труда», неприемлемое и в настоящее время по своей двусмысленности, теряет, таким образом, всякий смысл.

Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что *выходит* из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя — это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом части его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество средств потребления, на которое затрачено столько же труда. То же количество труда, которое он дал обществу в одной форме, возвращается ему в другой форме.

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует товарообмен, поскольку последний есть обмен равных ценностей. Содержание и форма здесь изменились в силу того, что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому, что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается самого распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому *равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противостоят друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь *в среднем*, а не в каждом отдельном случае.

Несмотря на этот прогресс, это *равное право* все еще втиснуто в буржуазные рамки. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение

производится *равным мерилom* — трудом. Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того, чтобы он мог служить мерилom, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерилom. Это *равное* право есть *неравное* право для *неравного* труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие. Но оно молчаливо признает *неравную индивидуальную одаренность*, а следовательно и *неравную работоспособность*, — естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию является правом неравенства, как и вообще всякое право.* По своей природе право может состоять лишь в применении *равного мерилa*; но *неравные индивиды* (а они не были бы различными индивидами, если бы не были *неравными*) могут быть измеряемы одним и тем же мерилom лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут их с одной *определенной* стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают *только как рабочих*, и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, а другой нет, у одного больше детей, нежели у другого, и т. д., и т. д. При *равном* труде, следовательно при *равной* доле в общественном потребительном фонде, один получает фактически больше, чем другой, оказывается богаче другого и т. д. Чтобы избежать всех этих недостатков, право, вместо того, чтобы быть *равным*, должно бы быть *неравным*.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно только выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

В высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение разделению труда, а вместе с тем и противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой жизненной потребностью; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники коллективного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: *каждый по способностям, каждому по потребностям!*

Я остановился более обстоятельно на «неурезанном доходе

труда», с одной стороны, и на «равном праве» и «справедливом распределении» — с другой, для того, чтобы показать, какой большой промах совершают люди, желая, с одной стороны, вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время имели некоторый смысл, но теперь превратились в устарелый словесный хлам, а с другой стороны, желая извратить реалистическое понимание, с таким трудом усвоенное нашей партией, но теперь уже пустившее в ней корни, извратить его идеологическим, правовым и прочим вздором, столь любезным сердцу демократов и французских социалистов.

Да и помимо всех вышеизложенных соображений, было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и ставить на нем главное ударение.

Всякое распределение средств потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Последнее же распределение составляет характерную черту самого способа производства. Так, капиталистический способ производства покоится на том, что вещные условия производства, в форме собственности на капитал и собственности на землю, находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение средств потребления. Если же вещные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение средств потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда истинное положение давным давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?

4. «Освобождение труда должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу*».

Первая строфа взята из вступительных слов устава Интернационала, но подверглась «улучшению». Там сказано: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих», здесь же, напротив, рабочий класс должен освобождать — что? — «труд». Пойми, кто может.

Зато как бы в виде возмещения следует антистрофа — чистойшей

воды лассалевская цитата: «по отношению к которому (рабочему классу) все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу*».

В «Коммунистическом манифесте» сказано:

«Из всех классов, противостоящих в настоящее время буржуазии, один только пролетариат является *действительно революционным классом*. Остальные классы приходят в упадок и гибнут с развитием крупной промышленности, пролетариат же — ее собственный продукт».

Буржуазия, как представительница крупной промышленности, рассматривается здесь как революционный класс по отношению к феодалам и промежуточным слоям, стремящимся удержать за собой все те социальные позиции, которые созданы устаревшими способами производства. Следовательно, они не образуют *вместе с буржуазией* лишь одну реакционную массу.

С другой стороны, пролетариат революционен по отношению к буржуазии, потому что он, выросши сам на почве крупной промышленности, стремится отнять у производства тот капиталистический характер, который старается увековечить буржуазия. Но Манифест при этом добавляет, что «средние слои... становятся революционными лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата».

С второй точки зрения опять-таки бессмысленно утверждение, будто по отношению к рабочему классу они вместе с буржуазией и вдобавок еще с феодалами «составляют лишь одну реакционную массу».

Разве на последних выборах заявляли ремесленникам, мелким промышленникам и т. п., а также *крестьянам*: «По отношению к нам вы с буржуа и феодалами образуете лишь одну реакционную массу»?!

Лассаль знал Коммунистический манифест наизусть так же, как его паства знает его священные писания. И если он так грубо искавил Манифест, то делал это лишь для того, чтобы оправдать свой союз с абсолютистскими и феодальными противниками против буржуазии.

Кроме того, к вышеуказанному параграфу премудрое лассальянское изречение вообще притянута за волосы, без всякой связи с этой нелепо «исправленной» цитатой из устава Интернационала. Здесь перед нами просто наглая выходка, и уж конечно отнюдь не неприятная г. Бисмарку, одна из тех дешевых дерзостей, которыми спекулирует берлинский Марат.

5. «Рабочий класс, борясь за свое освобождение, действует прежде всего в рамках современного национального государства,

сознавая при этом, что необходимым результатом его стремлений, разделяемых рабочими всех культурных стран, будет международное братство народов».

В противоположность «Коммунистическому манифесту» и всему прежнему социализму Лассаль подходил к рабочему движению с самой узкой национальной точки зрения. Ему в этом подражают, и это после деятельности Интернационала!

Само собой разумеется, что рабочий класс для того, чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организовать *как класс* и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Постольку его классовая борьба не по своему содержанию, а, как говорится в «Коммунистическом манифесте», «по своей форме» национальна. Однако «рамки современного национального государства» — к примеру, Германской империи — сами, в свою очередь, заключены экономически «в рамки» мирового рынка, политически — «в рамки» системы государств. Любому хорошему купцу известно, что германская торговля есть в то же время и внешняя торговля, и величие г. Бисмарка состоит как раз в проведении своего рода *международной* политики.

К чему же сводит немецкая рабочая партия свой интернационализм? К сознанию, что результатом ее стремлений будет «*международное братство народов*»; эта фраза, заимствованная у буржуазной Лиги свободы и мира, должна сойти за эквивалент международного братства рабочих классов в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств. Итак, *о международных функциях* германского рабочего класса — ни слова! И это все, что она может в виде лозунга противопоставить своей собственной буржуазии, братски объединившейся уже против нее с буржуазией всех стран, и международной заговорщической политике г. Бисмарка!

Поистине, интернациональное сознание программы стоит все еще *неизмеримо ниже* интернационального сознания партии свободной торговли. Последняя ведь также утверждает, что целью ее стремлений является «международное братство народов». Но она и *делает* кое-что, чтобы сделать торговлю международной, и отнюдь не удовлетворяется сознанием того, что все народы занимаются торговлей у себя дома.

Международная деятельность рабочих классов не находится никоим образом в зависимости от существования «*Международного товарищества рабочих*». Последнее было лишь первой попыткой создать для этой деятельности центральный орган, попыткой, которая, благодаря данному ей толчку, оставила неизгладимые результаты,

но которая в своей *первой исторической форме* после падения Парижской Коммуны больше не могла существовать.

Бисмарковская «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» имела полное право возвестить, к удовольствию своего хозяина, что германская рабочая партия в новой своей программе отреклась от интернационализма.

II.

«Исходя из этих принципов, германская рабочая партия добивается всеми законными средствами *свободного государства* и социалистического общества; устранения системы заработной платы *вместе с ее железным законом* и эксплуатации во всех ее формах; устранения всякого социального и политического неравенства».

К «свободному» государству я вернусь позднее.

Итак, германской рабочей партии придется впредь верить в «железный закон» Лассалья. Для того, чтобы он не затерялся, допускают бессмыслицу, говоря об «устранении системы заработной платы (следовало бы сказать: системы наемного труда) *вместе с ее железным законом*». Если я устраняю наемный труд, то, само собой, я устраняю и его законы, будь они «железные» или мягкие, как губка. Но борьба Лассалья против наемного труда вращается почти исключительно вокруг этого так называемого закона. Поэтому, чтобы доказать, что лассальянская секта победила, «система заработной платы» должна быть уничтожена «вместе с ее железным законом», а не без него.

Как известно, в «железном законе заработной платы» Лассалю принадлежит только слово «железный», которое он заимствовал из гетевских «ewigen, ehernen, grossen Gesetzen» [вечные, железные, великие законы]. Слово железный — это ярлычок, по которому узнают друг друга правверные. Но, принимая закон с его лассалевским штемпелем, а следовательно и в лассалевском смысле, приходится принять и лассалевское обоснование его. Что же оно представляет собою? Как указал Ланге уже вскоре после смерти Лассалья, это — не что иное, как (проповедуемая самим Ланге) теория Мальтуса о народонаселении. Но если эта теория правильна, то устранить самый закон уж *никак* невозможно, хотя бы мы тысячу раз устраняли наемный труд, потому что закону этому подчинена тогда уже не только система наемного труда, но и *всякая* общественная система. Опираясь как раз на эту теорию, экономисты уже больше пятидесяти лет доказывают, что социализм не может устранить нищеты, *обусловленной самой природой*, а может лишь сделать ее *всеобщей*, распространив ее равномерно по всей поверхности общества!

Но все это не самое главное. *Совершенно независимо от ложного* понимания Лассалем этого закона, поистине возмутительный шаг назад заключается в следующем.

После смерти Лассалья в *нашей* партии проложил себе дорогу научный взгляд, согласно которому заработная плата — не то, чем она *кажется* с виду, — не *стоимость* или *цена труда*, а замаскированная форма *стоимости* или *цены рабочей силы*. Этим самым раз навсегда опрокидывались как буржуазное понимание заработной платы, так и вся критика, направленная до тех пор против этого понимания, и ясно устанавливалось, что наемному рабочему разрешают работать для своего собственного существования, т. е. разрешают *жить*, лишь поскольку он известное количество времени работает даром в пользу капиталиста (а следовательно, и его соучастников по пожиранию прибавочной стоимости); что той осью, вокруг которой вращается вся система капиталистического производства, является стремление увеличить этот даровой труд путем удлинения рабочего дня или путем поднятия производительности труда, хотя бы посредством большего напряжения рабочей силы и т. п.; что, следовательно, система наемного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше ли или хуже оплачивается труд рабочего. И вот теперь, когда этот взгляд становится все более и более господствующим в нашей партии, возвращаются к догмам Лассалья, хотя теперь-то люди должны были бы знать, что Лассаль *не понимал*, что такое заработная плата, а принимал, вслед за буржуазными экономистами, видимость за сущность дела.

Это равносильно тому, как если бы рабы, открыв, наконец, тайну своего рабства, подняли восстание, а один из них, весь еще во власти устаревших представлений, вписал бы в программу восстания: рабство должно быть уничтожено, потому что при системе рабства продовольствование рабов не может подняться выше определенного, весьма низкого, максимума!

Один уже тот факт, что представители нашей партии способны были совершить такое чудовищное покушение на распространенное в партийных массах понимание, — не показывает ли одно это, с каким преступным легкомыслием, с какой бессовестностью приступили они к составлению компромиссной программы!

Вместо неопределенной заключительной фразы в конце параграфа: «устранение всякого социального и политического неравенства», следовало сказать, что с уничтожением классовых различий само

собой исчезнет и всякое, вытекающее из них, социальное и политическое неравенство.

III.

«Чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса, германская рабочая партия требует учреждения производительных товариществ с государственной помощью и под демократическим контролем трудового народа. Производительные товарищества как в промышленности, так и в земледелии должны быть вызваны к жизни в таком объеме, чтобы из них возникла социалистическая организация совокупного труда».

Следом за лассалевским «железным законом заработной платы» идет целительное средство того же пророка. Путь ему «пролагается» достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о «социальном вопросе», к «разрешению» которого «пролагается путь». Вместо процесса революционного преобразования общества, «социалистическая организация совокупного труда» «возникает» из «государственной помощи», оказываемой производительным товариществам, которые «призваны к жизни» им [государством], а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассалья, что с помощью государственной субсидии оказывается так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!

Из-за остатка стыдливости «государственную помощь» ставят «под демократический контроль трудового народа».

Во-первых, в Германии «трудоу народ» состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев.

Во-вторых, слово «демократический» по-немецки значит «volksherrschaftlich» [«народовластный»]. Что же это за «народовластный» контроль трудового народа? К тому же такого трудового народа, который, обращаясь с подобными требованиями к государству, вполне признает тем самым, что он и не стоит у власти и не созрел для нее.

Излишне вдаваться здесь в критику того рецепта, который при Луи-Филиппе прописал Бюше *в противовес* французским социалистам и который был принят реакционными рабочими из «Atelier». И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесено в программу, а в том, что от точки зрения классового движения вообще идут вспять к точке зрения сектантского движения.

Стремление рабочих создать условия для товарищеского производства в масштабе социальном, а прежде всего у себя в национальном масштабе, означает лишь то, что они борются за переворот в

современных условиях производства. Это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных товариществ с государственной помощью. Что же касается современных кооперативных товариществ, то они ценны *лишь* постольку, поскольку они созданы самими рабочими и не зависят ни от правительств, ни от буржуа.

IV.

Перехожу теперь к демократическому отделу:

А. «Свободная основа государства».

Прежде всего, как говорится в отделе II, германская рабочая партия добивается «свободного государства».

Свободное государство, — что это такое?

Никак уже не может быть целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического сознания, делать государство свободным. В Германской империи «государство» почти столь же «свободно», как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; и в наше время тоже большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают «свободу государства».

Германская рабочая партия — по крайней мере, принимая эту программу — обнаруживает, как мало и неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того, чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) *как основу* существующего государства (или будущее общество как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными «духовными, нравственными, свободными основами».

Да к тому еще совершенно оголтелое злоупотребление в программе словами: «*современное государство*» и «*современное общество*», а также и еще более оголтелое непонимание того государства, которому она предъявляет свои требования!

«Современное общество» есть капиталистическое общество, существующее во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. «Современное государство», напротив, меняется с каждой государственной границей. В Прусско-германской империи оно не таково, как в Швейцарии, в Англии не таково, как в Соеди-

ненных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, различные государства различных цивилизованных стран, несмотря на пестрое разнообразие их форм, имеют между собою то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, лишь более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому и некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность будущему, когда отомрет ее теперешний корень, буржуазное общество.

Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции, аналогичные теперешним государственным функциям, останутся еще и там? На этот вопрос можно ответить только научно; и хоть бы тысячу раз сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме *революционной диктатуры пролетариата*.

Программа же не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества.

Ее политические требования не содержат ничего, кроме знакомой всему миру демократической дребедени: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, народное ополчение и пр. — все это простой отголосок буржуазной Народной партии, Лиги мира и свободы. Все это сплошь требования, которые, поскольку они не переходят в фантастические представления, уже *осуществлены*. Только осуществившее их государство находится не в пределах Германской империи, а в Швейцарии, Соединенных Штатах и т. д. Подобного типа «государство будущего» есть современное государство, хотя и существующее вне «рамки» Германской империи.

Забыли, однако, об одном. Так как германская рабочая партия определенно заявляет, что она действует в пределах «современного национального государства», стало быть, *своего* государства, Прусско-германской империи, — да иначе и требования ее были бы в большей части бессмысленны, так как требуешь только того, чего не имеешь, — то она не должна была бы забывать самого главного, а именно, что все эти прекрасные вещи покоятся на признании так

называемого народного суверенитета и поэтому уместны только в демократической республике.

Так как у людей нет мужества — и это благоразумно, ибо обстоятельства диктуют осторожность, — требовать демократической республики, как делалось это в программах французских рабочих при Луи-Филиппе и при Луи-Наполеоне, то незачем было прибегать и к этой увертке, которая не является ни «честной»¹, ни достойной, — требовать вещей, которые имеют смысл лишь в демократической республике, от такого государства, которое представляет собою не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм, да притом еще всячески заверять такое государство, что можно мечтать добиться от него чего-либо подобного «законными средствами»!

Даже вульгарная демократия, которая в демократической республике видит осуществление тысячелетнего царства божия на земле и совсем не подозревает, что именно в этой последней государственной форме буржуазного общества и должна быть доведена до конца борьба классов, — даже она стоит неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски-дозволенного и логически недопустимого.

Что под «государством» на деле понимают правительственную машину или государство, поскольку оно в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм, на это достаточно указывают уже такие слова: «Германская рабочая партия требует в качестве экономической основы государства: единого прогрессивного подоходного налога» и т. д. Налоги — это экономическая основа правительственной машины, и ничего другого. В существующем в Швейцарии «государстве будущего» это требование почти выполнено. Подоходный налог предполагает различные источники доходов различных общественных классов, — следовательно, капиталистическое общество. Поэтому нет ничего удивительного в том, что буржуа из ливерпульского Союза финансовой реформы во главе с братом Гладстона выставляют те же требования, что и рассматриваемая программа.

В. «В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

¹ «Честными» называли эйвенахцев. *Ред.*

1) Всеобщего и *равного для всех народного образования*, находящегося в руках государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения».

Равное народное образование? Что представляют себе под этими словами? Воображают ли, что в современном обществе (а только о нем и идет речь) образование для всех классов может быть *равным*? Или требуют принудительным образом низвести высшие классы до скромного уровня образования, — народной школы, — единственно совместимого с экономическим положением не только наемных рабочих, но также и крестьян?

«Обязательное посещение школы. Бесплатное обучение». Первое существует даже в Германии, второе — в народных школах Швейцарии и Соединенных Штатов. Если в некоторых штатах Северной Америки «бесплатное» образование дается также и в высших школах, то фактически это означает только то, что высшие классы покрывают расходы по своему образованию из общих налоговых средств. Заметим мимоходом, что то же самое относится к «бесплатному судопроизводству», которого требует пункт А, 5. Уголовная юстиция повсюду бесплатна; гражданская же юстиция занята почти исключительно конфликтами из-за собственности, следовательно касается почти исключительно имущих классов. Что же, предложить им вести свои процессы за счет народных средств?

Параграф, относящийся к школам, должен был бы, по меньшей мере, требовать технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой.

Никуда не годится *«народное образование, находящееся в руках государства»*. Определять общим законом расходы на народные школы, квалификацию преподавательского персонала, программу обучения и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением этих предписаний закона, — нечто совсем иное, чем назначить государство воспитателем народа. Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу. В современной Прусско-германской империи (и здесь не поможет пустая увертка, будто имеется в виду «государство будущего», — мы видели, как в этом отношении обстоит дело) государство, наоборот, само нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа.

Несмотря на всю демократическую трескотню, вся программа сплошь отравлена свойственной лассальянской секте верноподданнической верой в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса. Вернее говоря, она является компромиссом

между этими двумя видами веры в чудеса, одинаково чуждыми социализму.

1. «Свобода науки» — это один из параграфов прусской конституции. И он попал сюда!

«Свобода совести!» Если теперь, во время «культуркампфа», хотели напомнить либералам их старые лозунги, то это можно было сделать только в такой форме: «Каждому надо дать возможность отправлять свои религиозные нужды, так же, как и телесные, без того, чтобы полиция совала туда свой нос». Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести*, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного суеверия. Но у нас не любят переступать «буржуазный» уровень!

Я подошел теперь к концу, так как следующее далее в программе добавление не является существенной ее частью. Ограничусь здесь поэтому лишь краткими замечаниями.

2. «Нормальный рабочий день».

Ни в одной другой стране рабочая партия не ограничивалась таким неопределенным требованием, но всегда указывала точно, какую продолжительность рабочего дня она при данных условиях считает нормальной.

3. «Ограничение женского и запрещение детского труда».

Ограничение женского труда должно уже входить в нормирование рабочего дня, поскольку оно касается продолжительности рабочего дня, длительности перерывов и пр. Помимо же того, это может означать лишь отмену женского труда в тех отраслях производства, которые особенно вредны для женского организма или же для женщин несовместимы с нравственностью. Если подразумевали именно это, то так и следовало сказать.

«Запрещение детского труда!» Здесь безусловно необходимо было указать предельный возраст.

Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому останется пустым благопожеланием. Проведение этой меры, — если бы оно было возможно, — было бы реакционно, так как, при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей, раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества.

4. «Государственный надзор за фабричной, ремесленной и кустарной промышленностью».

Имея в виду Прусско-германское государство, следовало определенно требовать, чтобы фабричные инспектора были сменяемы не иначе, как по суду; чтобы всякий рабочий мог привлекать их к суду за нарушение служебных обязанностей; чтобы должность инспекторов занимали лишь лица с медицинским образованием.

5. «Регулирование арестантского труда».

Мелочное требование в общей рабочей программе! Во всяком случае, следовало ясно заявить, что мы вовсе не хотим, из зависти к конкурентам, чтобы с уголовными преступниками обращались как со скотом, и в особенности, чтобы лишали их единственного средства исправления — производительного труда. Уж это — минимум того, чего можно ожидать от социалистов.

6. «Действенный закон, устанавливающий ответственность».

Следовало указать, что подразумевается под «действенным» законом, устанавливающим ответственность.

Замечу, между прочим, что в параграфе относительно нормального рабочего дня забыта та часть фабричного законодательства, которая касается гигиенических мероприятий и предохранительных мер против несчастных случаев и пр. Закон об ответственности начинает действовать только тогда, когда нарушаются эти правила.

Словом, и это приложение отличается такой же неряшливой редакцией.

Dixi et salvavi animam meam [Я сказал и спас свою душу].

Написана К. Марксом.

*Перевод с копии письма, хранящейся
в архиве ИМЭЛ.*

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСА А. БЕБЕЛЮ.

по поводу готской программы.

Лондон, 18 (28) марта 1875 г.

Дорогой Бебель!

Получил Ваше письмо от 23 февраля и очень рад, что Вы так хорошо себя чувствуете.

Вы спрашиваете меня, каково наше мнение по поводу истории о объединении? К несчастью, мы оказались в том же положении, что и Вы. Ни Либкнехт, ни кто-либо другой нам ничего не сообщал, поэтому и мы знаем не больше того, что пишут газеты, а в них не было ни слова, покуда дней восемь тому назад не прибыл проект программы. Проект этот действительно поверг нас в немалое изумление.

Наша партия так часто протягивала лассальянцам руку, предлагая примирение или хотя бы сотрудничество, и так часто встречала наглый отказ со стороны Газенклеверов, Гассельманов и Тельке, что даже ребенку должно было быть ясно: раз эти господа теперь сами приходят с мирными предложениями, значит им приходится очень круто. Но имея в виду хорошо известный характер этих людей, мы обязаны использовать их затруднительное положение и выговорить себе все возможные гарантии, чтобы эти господа за счет нашей партии не укрепили вновь в глазах рабочих свои поколебленные позиции. Их следовало встретить как можно более холодно и недоверчиво, обусловить объединение степенью их готовности отказаться от своих сектантских лозунгов и от своей государственной помощи и принять в основном эйзенахскую программу 1869 г. или же ее улучшенное издание, приноровленное к настоящему моменту. Нашей партии *абсолютно нечему учиться* у лассальянцев в теоретическом отношении, т. е. в том, что имеет решающее значение для программы, зато лассальянцы могли бы кой-чему поучиться у нас; первое условие объединения должно было заключаться в том, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами, — следовательно, чтобы они прежде всего отказались от всеисцеляющего знахарского средства государственной помощи или хотя бы признали ее второстепен-

ной переходной мерой наряду со многими другими. Проект программы доказывает, что наши, которые стоят во сто раз выше лассальянских лидеров в теоретическом отношении, оказались во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости; «честных» и на этот раз жестоко окопачили нечестные.

Во-первых, принята напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют одну реакционную массу. Это положение верно только в отдельных исключительных случаях, например во время пролетарской революции, какой была Коммуна, или в такой стране, где не только буржуазия создала государство и общество по своему образу и подобию, но вслед за ней и демократическая мелкая буржуазия довела уже это преобразование до крайних его последствий. Если бы, например, в Германии демократическая мелкая буржуазия принадлежала к этой реакционной массе, то как могла бы социал-демократическая рабочая партия годами идти с нею, с Народной партией, рука об руку? Как мог бы «Volksstaat» черпать почти все свое политическое содержание из мелкобуржуазно-демократической «Frankfurter Zeitung»? И как было бы возможно включить в эту самую программу целых семь требований, прямо и буквально совпадающих с программой Народной партии и мелкобуржуазной демократии? Я имею в виду семь политических требований от 1 до 5 и 1—2, среди которых нет ни одного, не являющегося *буржуазно-демократическим*.

Во-вторых, принцип международнойности рабочего движения на деле для настоящего времени совершенно отвергается, и отвергается людьми, которые целых пять лет и в труднейшей обстановке проводили этот принцип самым блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать себя так блестяще. И вот теперь им нужно отречься от этого принципа, отречься в такой момент, когда за границей рабочие повсюду подчеркивают его в той же мере, в какой правительства стремятся подавить всякую попытку осуществить этот принцип в форме какой-либо организации. Что же остается в конце концов от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда — даже не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем, в борьбе за свое освобождение, нет, — а на будущее «интернациональное братство народов», на «Соединенные штаты Европы» господ буржуа из Лиги мира!

Конечно, не было надобности говорить об Интернационале как

таковом. Но нужно было, по меньшей мере, не делать ни шагу назад от программы 1869 г. и сказать примерно так: хотя германская рабочая партия действует прежде всего внутри положенных ей государственных границ (она не имеет права говорить от имени европейского пролетариата и в особенности делать от его имени какие-либо ложные заявления), тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства. Подобные обязательства имеют силу и без провозглашения своей принадлежности к Интернационалу; к ним относятся, например, помощь и недопущение штрейкбрехерства во время стачек, забота о том, чтобы германские рабочие были осведомлены партийными органами о движении за границей, агитация против угрожающих или разразившихся династических войн, во время этих войн — тактика, подобная той, которая была образцово проведена в 1870 и 1871 гг. и т. д.

В-третьих, наши позволили навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы», основанный на том совершенно устаревшем экономическом воззрении, будто рабочий получает в среднем лишь *минимальную* заработную плату, и именно потому, что, согласно мальтузианской теории народонаселения, всегда имеется избыток рабочих (такова была аргументация Лассалья). Однако Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от условий получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железны, а, напротив, очень эластичны и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль. Данное Мальтусом обоснование закона, списанного Лассалем у него и у Рикардо (Рикардо он при этом извратил), в том виде, например, как оно на стр. 5 «Книжки для чтения рабочих» цитируется из другой брошюры Лассалья, подробно опровергнуто Марксом в отделе о «процессе накопления капитала». Принять лассалевский «железный закон» значит, таким образом, принять ложное положение и его ложное обоснование.

В-четвертых, программа выдвигает, в качестве *единственного социального* требования, лассалевскую государственную помощь в самом неприкрытом виде, в каком Лассаль украл ее у Бюше. И это после того, как Бракке превосходно вскрыл всю никчемность этого требования; после того, как почти всем, если не поголовно всем ораторам нашей партии приходилось в борьбе с лассальянцами выступать против этой «государственной помощи»! Большого унижения

для нашей партии нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гегга, социализм, опустившийся до буржуазного республиканца Бюше, который выдвинул этот лозунг *в противовес социалистам*, для борьбы против них.

Однако «государственная помощь» в лассалевском смысле есть в лучшем случае только *одно* из многих мероприятий для достижения цели, что выражено в проекте программы беспомощными словами: «для подготовки разрешения социального вопроса», — как будто для нас еще существует теоретически *неразрешенный* социальный *вопрос!* А ведь если бы было сказано: германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и, тем самым, классовых различий посредством перехода в национальном масштабе к коллективному производству в промышленности и земледелии; если бы было сказано, что она выступает за всякое мероприятие, которое приведет к достижению этой цели, — то ни один лассальянец не мог бы против этого возразить ни слова.

В-пятых, ни слова не говорится об организации рабочего класса, как класса, при помощи профессиональных союзов. А это весьма существенный пункт, потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не сможет задушить даже злейшая реакция (подобная теперешней реакции в Париже). При той важности, которую эта организация приобретает также и в Германии, мы считали бы безусловно необходимым упомянуть о ней в программе и по возможности предоставить ей определенное место в партийной организации.

Вот что сделали наши в угоду лассальянцам. А чем поступились те? Тем, что в программе фигурирует куча довольно путаных, *чисто демократических* требований, причем некоторые из них попросту предмет моды, вроде, например, «прямого народного законодательства», которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы, если оно вообще что-нибудь приносит. «Прямое народо-властие» еще имело бы какой-нибудь смысл. Отсутствует также первое условие свободы — ответственность всех чиновников за свои служебные действия по отношению к любому из граждан перед обыкновенными судами и по общему праву. О том, что такие требования, как свобода науки, свобода совести, фигурируют во всякой либеральной буржуазной программе и выглядят здесь несколько странно, я уж не стану распространяться.

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное

государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (*sich auflöst*) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова «государство» слово: «община» (*Gemeinwesen*), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна».

«Устранение всякого социального и политического неравенства» тоже весьма сомнительная фраза вместо «ликвидации всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить совершенно. Обитатели гор всегда будут жить в других условиях, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе, как о царстве *равенства*, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства» — представление, которое в свое время и на своем месте было уместно как определенный *этап развития*, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь следует преодолеть, так как оно лишь сбивает с толку и так как теперь найдены более точные способы изложения предмета.

Я заканчиваю, хотя почти каждое слово в этой программе, так бесцветно и беспомощно написанной, заслуживает критики. Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я *ни за что* не согласились бы примкнуть к основанной на таком фундаменте *новой* партии и должны были бы очень серьезно призадуматься над вопросом о том, какую позицию — также и публично — занять по отношению к ней. Учтите, что за границей за все и всякие выступления и действия германской социал-демократической рабочей

партии возлагают ответственность на нас. Так, например, делает Бакунин в своем сочинении «Политика и анархия», где на нас возлагается ответственность за каждое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «Demokratisches Wochenblatt». Люди воображают, что мы командуем отсюда всем движением, тогда как вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, и если вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные на наш взгляд ошибки, да и то *лишь теоретические*. Но вы сами поймете, что эта программа составляет поворотный пункт, который очень легко может заставить нас сложить с себя всякую ответственность за партию, признавшую такую программу.

Вообще, официальная программа партии менее важна, чем то, чем занимается партия на деле. Но все же *новая* программа всегда представляет собою открыто водруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени. Поэтому программа ни в коем случае не должна быть шагом назад, каким является эта по сравнению с эйзенахской. Ведь надо же было подумать и о том, что скажут о ней рабочие других стран, какое впечатление произведет эта капитуляция всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством.

Притом я убежден, что объединение на *такой* основе не продержится и года. Неужели лучшие люди нашей партии согласятся жевать жвачку вырубленных фраз Лассалья о железном законе заработной платы и о государственной помощи? Хотел бы я увидеть, например, Вас в этой роли! А если бы Вы и пошли на это, Вас освистали бы Ваши слушатели. А я уверен, что лассальянцы настаивают как раз на *этих* пунктах программы, как Шейлок на своем фунте мяса. Произойдет раскол; но сначала мы восстановим «честное» имя Гассельмана, Газенклевера, Тельке и присных; мы выйдем из этого раскола ослабленными, а лассальянцы — окрепшими; наша партия утратит свою политическую непорочность и уж никогда не сможет снова беззаветно бороться против лассалевских фраз, которые она на некоторое время сама же начертала на своем знамени; и если лассальянцы опять будут заявлять, что они — подлинная и единственная рабочая партия, а наши сторонники — буржуа, то в доказательство они смогут сослаться на эту программу. Все социалистические мероприятия последней принадлежат *им*, а *наша* партия не внесла туда ничего кроме требований мелкобуржуазной демократии, которую, однако, *она же сама*, в той же самой программе, охарактеризовала как часть «реакционной массы».

Я задержал отправку этого письма, так как Вы будете освобождены лишь 1 апреля, в честь дня рождения Бисмарка, и я не хотел подвергать письмо риску быть перехваченным при попытке доставить его контрабандным путем. Тут, кстати, только что прибыло письмо от Бракке, у которого также возникли серьезные сомнения по поводу программы и который хотел бы узнать наше мнение. Поэтому я для ускорения дела посылаю настоящее письмо ему, чтобы он прочел его и чтобы мне не пришлось еще раз писать всю эту канитель сначала. Впрочем, я изложил дело напрямик также и Рамму, а Либкнехту написал лишь несколько слов. Я не могу ему простить того, что он не сообщил нам *ни слова* обо всем этом деле (между тем как Рамм и другие думали, что он нас точно осведомил), пока не оказалось уже слишком поздно. Так поступал он всегда, — и этим объясняется та обширная неприятная переписка, которую нам, Марксу и мне, пришлось с ним вести, — но на этот раз дело приняло слишком уж скверный оборот, и *мы решительно отказываемся идти вместе с ним по такому пути.*

Постарайтесь устроить так, чтобы летом Вы могли приехать сюда. Вы остановитесь, конечно, у меня, и, если будет хорошая погода, мы поедем на несколько дней на морские купанья; после продолжительной отсидки это будет для Вас, право, очень полезно.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

*Напечатано в мемуарах А. Бебеля
«Aus meinem Leben», 2-er Teil,
Stuttgart 1911, S. 318 — 324.*

Фридрих Энгельс
ПРУССКАЯ ВОДКА В
ГЕРМАНСКОМ РЕЙХСТАГЕ

*Напечатана в газете «Der Volksstaat»
№№ 24, 25, 26 от 25 февраля, 27 февраля и
1 марта 1876 г.*

Без подписи

*Об авторстве Энгельса см. на
стр. 683 настоящего тома,
а также в письме Энгельса Каутскому
от 22 мая 1884 г. («Архив М. и Э.»,
т. I (VI), стр. 252)*

I.

4 февраля господин фон-Кардорф сделал имперскому правительству запрос по поводу высокого обложения немецкого «спирта» в Англии и Италии. Он обратил внимание господ депутатов (см. сообщение «Kölnische Zeitung») на то, что

«в наших восточных и северных провинциях обширные пространства, сотни квадратных миль довольно скудных, бесплодных земель, благодаря широко распространившемуся возделыванию картофеля, достигли сравнительно высокого плодородия и культуры, а это возделывание картофеля в свою очередь вызвано тем, что в этих районах разбросано множество винокуренных заводов, в которых идет производство спирта в качестве побочного сельскохозяйственного промысла. Если прежде в этих районах проживало около 1 000 человек на квадратную милю, то теперь, благодаря производству спирта, земля дает пропитание приблизительно 3 000 человек на квадратную милю, ибо винокуренные заводы являются для картофеля необходимым рынком сбыта ввиду того, что картофель из-за его объема трудно перевозить, а зимою из-за морозов перевозить и вовсе нельзя. Во-вторых, винокуренные заводы превращают картофель в высокоценный и легко транспортируемый алкоголь и, наконец, делают землю плодороднее благодаря многочисленным кормовым отходам. Как значительны доходы, связанные с этим делом, может уяснить себе каждый, кто примет во внимание, что от налога на спирт мы получаем в доход государства около 36 миллионов марок, несмотря на то, что в Германии — наиболее низкий налог на спирт по сравнению со всеми странами мира, например в пять раз более низкий, чем в России».

Прусские юнкеры в последнее время должно быть очень расхрабрились, если у них нашлось мужество привлечь внимание всего мира к их «спиртовой промышленности» или попросту говоря — к производству водки.

В прошлом столетии в Германии перегонялось лишь небольшое количество водки, да и то лишь из зерна. Тогда, правда, не умели отделять содержащееся в этой водке сивушное масло (к этому пункту мы еще вернемся), так как это сивушное масло еще вовсе не было известно; но по опыту знали, что от продолжительного хранения качество водки существенно улучшалось, терялась ее жгучесть, а ее потребление действовало менее охмеляюще и менее разрушительно для здоровья. мелкобуржуазные условия, в которых тогда производилась водка, и еще неразвитый спрос, считавшийся более с качеством, чем

с количеством, позволяли почти везде годами сохранять этот продукт в погребах и, таким образом, путем постепенного химического изменения наиболее вредных его составных частей, придавать ему менее губительный характер. Так, в конце прошлого столетия мы находим сравнительно развитое винокурение лишь в немногочисленных городских пунктах — в Мюнстере, Ульрихштейне, Нордгаузене и др., и их продукт обычно сопровождался прилагательным «старый».

К началу нынешнего столетия число винокуренных заводов в сельских местностях увеличилось, винокурение стало побочным промыслом более крупных землевладельцев и арендаторов, особенно в Ганновере и Брауншвейге. Они находили покупателей, с одной стороны, благодаря все более расширяющемуся потреблению водки, а с другой стороны, благодаря потребностям постоянно возрастающих и постоянно воюющих армий, которые, со своей стороны, распространяли пристрастие к водке во все более широких кругах. После заключения мира в 1814 г. винокурение могло, таким образом, распространиться все шире и шире и пустить прочные корни на Нижнем Рейне, в Прусской Саксонии, Бранденбурге и Лаузице, выступая в указанном, совершенно отличном от старого городского винокурения виде — в качестве побочного занятия крупных сельских хозяев.

Но поворотным пунктом для винокурения было открытие, что водку можно выгодно производить не только из зерна, но также и из *картофеля*. Тем самым весь промысел был революционизирован. С одной стороны, центр тяжести винокурения был теперь окончательно перенесен из города в деревню, и мелкобуржуазные производители доброго старого напитка все больше и больше вытеснялись крупными землевладельцами, производителями гнусной картофельной сивухи. Но, с другой стороны, — и это исторически гораздо важнее, — крупный землевладелец, перегонявший водку из зерна, был вытеснен крупным землевладельцем, перегонявшим водку из картофеля; винокурение все больше и больше перемещалось из плодородных зерновых районов в неплодородные картофельные, т. е. из северо-западной Германии в северо-восточную, — в *старую Пруссию*, на восток от Эльбы.

Этот поворотный пункт наступил тогда, когда разразился неурожай и голод 1816 года. Несмотря на более высокие урожаи двух следующих лет, цены на зерно, вследствие неудержимого вывоза зерна в Англию и в другие страны, оставались настолько высокими, что стало почти невозможно употреблять зерно для винокурения. Оксгофт¹ водки, который в 1813 г. стоил только 39 талеров, прода-

¹ *Оксгофт* (*Oxhoft*) — мера жидкостей = 12 ведер. *Ред.*

вался в 1817 г. за 70 талеров. Тогда картофель занял место зерна, и в 1823 г. оксгофт стоил уже от 14 до 17 талеров!

Но откуда у бедных ост-эльбских юнкеров, которые были якобы до гла разорены войной и жертвами, принесенными на алтарь отечества, взялись средства, с помощью которых они превратили тяготевшие над ними ипотечные долги в прибыльные водочные заводы? Правда, благоприятная конъюнктура 1816—1819 гг. принесла им очень высокие доходы и увеличила их кредит благодаря всеобщему повышению цен на землю; но этого было далеко недостаточно. Наши патриотические юнкеры получили, однако, сверх того: во-первых, государственную помощь в различных прямых и косвенных формах, а во-вторых, сюда прибавилось еще одно обстоятельство, на которое надо обратить особое внимание. Как известно, в Пруссии в 1811 г. выкуп крестьянских барщинных повинностей и вообще конфликты между крестьянами и помещиками были урегулированы законом таким образом, что натуральные повинности превращались в денежные, последние капитализировались и могли быть выкуплены либо наличными деньгами, с определенной рассрочкой платежей, либо путем уступки помещику части крестьянской земли, либо же частично деньгами, частично — землей. Этот закон оставался мертвой буквой, пока высокие хлебные цены 1816—1819 гг. не дали крестьянам возможности ускорить выкуп. С 1819 г. выкупные операции быстро двинулись вперед в Бранденбурге, более медленно в Померании, еще медленнее в Познани и Пруссии. Деньги, отнятые у крестьян таким способом, — правда, по закону, но не по праву (ибо барщинные повинности были навязаны крестьянам вопреки праву), — эти деньги, поскольку они тотчас же не прокучивались по старо-дворянскому обычаю, служили главным образом для основания винокуренных предприятий. И в остальных трех названных провинциях винокурение распространялось в той же мере, в какой выкупные платежи крестьян предоставляли для этого средства. Таким образом, водочная промышленность прусских юнкеров была создана буквально на деньги, отнятые у крестьян. И она бойко развивалась, особенно с 1825 года. Уже спустя два года, в 1827 г., в Пруссии производилось 125 миллионов четвертей водки, т. е. по $10\frac{1}{2}$ четвертей на душу населения, общей стоимостью в 15 миллионов талеров; наоборот, Ганновер, бывший пятнадцатью годами раньше первым водочным государством Германии, производил только 18 миллионов четвертей.

Понятно, что с того времени вся Германия, поскольку отдельные государства или таможенные союзы отдельных государств не оградили себя от этого таможенным барьером, была прямо-таки затоплена

бурным потоком прусской картофельной сивухи. Четырнадцать талеров за ом¹ в 180 четвертей, т. е. 2 гроша 4 пфеннига за четверть по оптовой цене! Пьянство, которое раньше стоило в три-четыре раза дороже, теперь стало повседневно доступным даже самым неимущим людям с тех пор, как за пятнадцать зильбергрошей каждый получил возможность быть всю неделю пьяным, как стелька.

Действие этих беспримерно дешевых цен на водку, которые дали себя знать в различных местах в разное время, но везде почти внезапно, — было неслыханным. Я еще очень хорошо помню, как в конце 20-х годов дешевизна цен на водку внезапно постигла нижнерейнский промышленный округ. В частности в Бергском районе и особенно в Эльберфельд-Бармене масса рабочего населения предавалась пьянству. Толпами, рука об руку, запрудив улицу во всю ширину, шумя и горлая, «пьяные люди» шатались с 9 часов вечера из трактира в трактир и, наконец, разбредались по домам. При тогдашнем культурном уровне рабочих, при полной безвыходности их положения, в этом не было ничего удивительного. Особенно же — в благословенном Вуппертале, где в течение шестидесяти лет одно производство беспрестанно вытесняло другое, где одна часть рабочих, таким образом, была постоянно в нужде, если не вовсе без хлеба, в то время как другая часть (тогда — маляры) по тем временам хорошо оплачивалась. И если, как это было тогда, вуппертальским рабочим не оставалось ничего другого, кроме выбора между земной водкой кабаков и небесной водкой пиетистских попов, — мудрено ли, что они предпочитали первую, как бы плоха она ни была.

А она была очень плоха. Как только водка выходила из холодильника, она рассылалась без всякой дальнейшей очистки, со всем содержащимся в ней сивушным маслом, и немедленно распивалась. Все водочные изделия, перегоняемые из виноградных выжимок, из свеклы, зерна или картофеля, содержат это сивушное масло, смесь, составленную из высших алкоголей, т. е. из жидкостей, подобных по составу обыкновенному алкоголю, но содержащих больше углерода и водорода (в частности первичный пропилалкоголь, изобутилалкоголь, но в первую очередь амилалкоголь). Все эти виды алкоголя вреднее обыкновенного винного спирта (этилалкоголя), и доза, при которой они действуют отравляюще, гораздо меньше, чем соответствующая доза последнего. Проф. Бинц в Бонне недавно доказал путем многочисленных опытов, что опьяняющее действие наших спиртных напитков, точно так же, как и их неприятные последствия

¹ Ом (*Ohm*) — старинная немецкая мера жидкостей. *Ред.*

в виде пресловутого похмелья или в виде более серьезных явлений заболевания и отравления, должны быть приписаны не столько обычному винному спирту или этилалкоголю, сколько главным образом высшим алкоголям, т. е. сивушному маслу. Они действуют, однако, не только более опьяняюще и разрушающе, но и определяют характер опьянения. Каждый знает из собственного наблюдения, если не из опыта, как различно действует на мозг опьянение вином (даже разными сортами вина), пивом или водкой. Чем больше в напитке сивушного масла и чем вреднее это сивушное масло по своему составу, тем более омерзительно и буйно опьянение. Молодая неочищенная картофельная водка, по сравнению с другими крепкими напитками, содержит, как известно, наибольшее количество сивушного масла, наиболее неблагоприятного состава. Действие непривычно больших количеств этого напитка на такое легко возбудимое, темпераментное население, как население Бергского района, было, разумеется, вполне соответствующим. Характер опьянения совершенно изменился. Всякое празднество, прежде кончавшееся добродушным весельем и лишь изредка эксцессами, при которых, правда, нередко пускали в ход «Kneif» (нож, по-английски Knife), каждое такое празднество стало превращаться в дикую попойку и завершалось неизбежной потасовкой, которая никак не обходилась без поножовщины, причем смертельные удары ножом становились все чаще. Попы сваливали вину за это на растущее безбожие, юристы и прочие филистеры — на кабацкие попойки. Настоящей же причиной было внезапное наводнение прусской сивухой, которая возымела свое естественное физиологическое действие и отправила в крепостные казематы сотни бедняг.

Это острое действие дешевой водки продолжалось много лет, покуда оно мало-по-малу в большей или меньшей мере не рассеялось. Но ее влияние на нравы не исчезло полностью; водка осталась в большей мере, чем раньше, жизненной потребностью рабочего класса, а ее качество, хотя несколько и улучшилось, оставалось все же гораздо ниже качества старого хлебного вина.

То же самое, что было в Бергском районе, происходило и в других районах. Сетования филистеров по поводу роста среди рабочих чрезмерного потребления водки никогда еще не были так повсеместны, единодушны и громогласны, как в 1825—1835 годах. Можно даже поставить вопрос, не объясняется ли та апатия, с которой именно северо-германские рабочие отнеслись к событиям 1830 г., не пробудившим их активности, — не объясняется ли эта апатия в значительной степени водкой, во власти которой они тогда находились

больше, чем когда бы то ни было. Серьезные, а особенно успешные восстания возникали только в винодельческих районах или в тех немецких государствах, которые в большей или меньшей мере оградили себя от прусской водки таможенными пошлинами. Это не единственный случай, когда водка спасала прусское государство.

Единственной отраслью промышленности, которая привела к еще более опустошительным прямым результатам, — да и то не против собственного, а против чужого народа, — было англо-индийское производство опиума для отравления Китая.

Между тем производство водки стремительно развивалось, распространялось все больше и больше на восток и занимало под картофель морген за моргеном песчаные и болотистые пустыри северо-восточной Германии. Не довольствуясь тем, что она осыпала свое отечество, эта отрасль производства стремилась к тому, чтобы сделать доступным благословенное старо-прусское сивушное масло и для заграницы. Для этой цели еще раз дистиллировали обыкновенную водку, чтобы удалить из нее часть находящейся в ней воды, и называли полученный таким способом содержащий воду неочищенный спирт — «Sprit», что представляет собой перевод на прусский язык слова «spiritus»¹. Все высшие алкоголи имеют более высокую точку кипения, чем этилалкоголь. В то время как последний кипит при $78\frac{1}{2}^{\circ}$ стоградусного термометра, точка кипения первичного пропилалкоголя равна 97° , изобутилалкоголя — 109° , амилалкоголя — 132° . Так что надо полагать, что при осторожной дистилляции по крайней мере большая часть амилалкоголя, главной составной части сивушного масла, равно как и часть изобутилалкоголя, должны остаться, и при дистилляции уйдет самое большее — лишь часть их, наряду с большею частью первичного пропилалкоголя, который, впрочем, в сивушном масле представлен очень слабо. Но даже научная химия не в состоянии путем дистилляции отделить эти три упомянутых низших вида алкоголя, а амилалкоголь можно выделить из сивушного масла только путем неприменимой в винокурении дробной перегонки. К тому же в сельских водочных предприятиях перегонка производится достаточно грубо. Так что нет ничего удивительного в том, что спирт, производившийся в начале сороковых годов, был еще изрядно смешан с сивушным маслом, что легко было установить по запаху; чистый или разбавленный лишь водою винный спирт почти не имеет запаха.

Этот спирт отправлялся преимущественно в Гамбург. Что проис-

¹ Sprit (нем.), spiritus (лат.) — спирт. *Ред.*

ходило с ним дальше? Часть пересылалась в такие страны, где ввозные пошлины не загораживали ему всякий доступ; в этом экспорте принимал участие также Штеттин; однако преобладающая его часть использовалась в Гамбурге и Бремене для фальсификации рома. Этот вид водки, который перегонялся в Вест-Индии частично из самого сахарного тростника, но большей частью из отходов, остающихся при изготовлении сахара, был единственным ее видом, который вследствие дешевизны его изготовления мог еще конкурировать с картофельной водкой в качестве напитка, употреблявшегося массами в виде роскоши. Чтобы изготовить «тонкий», но в то же время дешевый ром, брали примерно бочку действительно тонкого ямайского рома, три-четыре бочки дешевого, скверного бербис-рома и две-три бочки прусского картофельного спирта, — и эта или подобная этому смесь давала в общем то, чего хотели. Этот «яд», как сами купцы, занимавшиеся фальсификацией, называли в моем присутствии такую смесь, пересылался морем в Данию, в Швецию, Норвегию и Россию; однако весьма значительная часть его направлялась снова вверх по Эльбе или через Штеттин в районы, откуда прибывал благородный спирт, и отчасти распивалась там в качестве рома, а отчасти контрабандным путем ввозилась оттуда в Австрию и Польшу.

Гамбургские купцы не ограничились фальсификацией рома. С присущей им гениальностью они сразу увидели, какая потрясающая мир будущность уготована прусской картофельной водке. Они испробовали свои силы на всякого рода других напитках, и уже к концу 30-х годов никто во внепрусской Северной Германии, скольконбудь знавший толк в вине, не хотел выписывать белых французских вин из Гамбурга, так как всюду было известно, что они там подслащивались свинцовым сахаром и приобретали тем самым отравляющие свойства. Как бы то ни было, но картофельный спирт стал основой все возрастающей фальсификации напитков. За ромом последовал коньяк, который требовал уже более искусного обращения. Вскоре начали разбавлять спиртом вино и, наконец, дошли до того, что изготовляли портвейн и испанские вина... совсем без вина: из спирта, воды и растительных соков; последние часто заменялись химическими препаратами. Еще более способствовало процветанию дела то, что во многих странах подобные проделки либо были прямо запрещены, либо так близко подходили под уголовные законы, что не было расчета отваживаться на это. Но Гамбург был резиденцией неограниченной свободы торговли, и фальсификация, «на благо Гамбурга», развернулась там во всю.

Однако монополия в деле фальсификации продолжалась недолго

После революции 1848 г., когда во Франции исключительное господство крупных финансистов и небольшой кучки видных крупных промышленников было заменено минутным господством буржуазии в целом, французские промышленники и торговцы начали понимать, какие чудодейственные силы дремали в бочке прусского картофельного спирта. Они стали подделывать свой коньяк уже у себя дома вместо того, чтобы посылать его нефальсифицированным за границу; а тем более предназначенный для внутреннего потребления коньяк (я называю так для краткости всякую водку, перегнанную из виноградных выжимок) стали облагораживать крепкой примесью прусского картофельного спирта. Благодаря этому коньяк — единственная водка, которая во Франции идет для массового потребления, — стал значительно дешевле. Вторая империя покровительствовала этим проделкам, разумеется, в интересах страдающих масс, и в результате к моменту краха наполеоновской династии мы видим, что вследствие благотворного влияния старо-прусской водки пьянство, которое было там раньше почти неизвестно, получило во Франции значительное распространение.

Ряд небывало плохих сборов винограда и, наконец, торговый договор 1861 г., который открыл для французской торговли вином доступ в Англию, дали толчок для нового прогресса. Слабые вина неурожайных лет, кислоту которых не могло устранить и прибавление сахара, нуждались в примеси алкоголя для усиления крепости. Их смешивали поэтому с прусским спиртом. Кроме того, англичане привыкли к крепким винам, и натуральные французские вина, которые стали теперь предметом массового экспорта, оказались для англичан слишком слабыми и холодными. Можно ли было найти на свете что-либо лучше прусского спирта для того, чтобы сделать их крепкими и горячими? Бордо все более становился центром фальсификации французских, испанских и итальянских вин, которые превращались там в «тонкое бордо», и вместе с тем — центром... использования прусского спирта.

Да, испанские и итальянские вина! С тех пор как потребление французских красных вин, — а других не желает пить ни один буржуа, — достигло таких огромных размеров в Англии, Северной и Южной Америке и в колониях, — даже почти неисчерпаемых винных богатств Франции оказалось уже недостаточно. Почти весь пригодный сбор винограда в северной Испании, в том числе весь сбор богатой виноградом Риохи в долине Эбро, идет в Бордо. Генуя, Ливорно и Неаполь посылают туда же целые корабли, нагруженные вином. С помощью прусского спирта эти вина приводятся в такое со-

стояние, при котором они могут выдержать транспортирование морем, а в то же время этот вывоз вина так повышает цены на него в Испании и Италии, что вино, которое масса трудящегося населения раньше употребляла ежедневно, становится для нее совершенно недоступным. Вместо вина она пьет водку, а главная составная часть этой водки — опять-таки прусский картофельный спирт. Впрочем, господин фон-Кардорф жалуется в рейхстаге на то, что в Италии это происходит еще в недостаточной степени.

Куда ни повернешься, везде мы встречаем прусский спирт. Прусский спирт простирается несравненно дальше, чем рука германского имперского правительства. И всюду, где мы находим этот спирт, он служит прежде всего... для фальсификации. Он становится средством, благодаря которому южно-европейские вина делаются годными к транспортированию морем и отнимаются тем самым у туземного трудящегося населения. И подобно тому, как копьё Ахилла лечит раны, им же нанесенные, прусский спирт преподносит рабочему классу взамен отнятого у него вина — фальсифицированную водку! Картофельный спирт это для Пруссии то же самое, что железо и хлопчатобумажные товары для Англии: это товар, который представляет ее на мировом рынке. Поэтому-то новейший приверженец и вместе с тем возродитель социализма, господин Евгений Дюринг, мог прославлять винокурение «прежде всего... как естественную связь (индустрии) с сельскохозяйственной деятельностью» и торжественно провозглашать: «Значение производства спирта так велико, что его скорее можно недооценить, чем переоценить!» — И разумеется, anch' io son pittore (я — тоже живописец, как сказал Корреджио) означает по-прусски: «Я — тоже винокур».

Этим, однако, чудесные подвиги прусской картофельной водки далеко не исчерпываются.

«Если прежде в этих районах, — говорил господин фон-Кардорф, — проживало около 1 000 человек на квадратную милю, то теперь, *благодаря производству спирта*, земля дает пропитание *приблизительно 3 000 человек на квадратную милю*».

И это в общем верно. Я не знаю, о каком времени говорит господин фон-Кардорф, когда он исчисляет население в 1 000 человек на квадратную милю. Когда-либо такое время наверное было. Но если мы исключим провинции Саксонию и Силезию, где винокурение по сравнению с другими отраслями промышленности играет менее видную роль, а также Познань, большая часть которой, несмотря на все усилия правительства, все еще проявляет одно лишь желание — остаться польской, то у нас остаются три провинции: Бранденбург,

Померания и Пруссия. Эти три провинции занимают поверхность в 2 415 квадратных миль. В 1817 г. все их население исчислялось в 3 479 825 человек, или 1 441 человек на квадратную милю; в 1871 г. — в 7 432 407 человек, или 3 078 на квадратную милю. Мы совершенно согласны с господином фон-Кардорфом, когда он рассматривает этот прирост населения главным образом как прямой или косвенный результат винокурения. Если мы отнесем сюда же Альтмарк¹, северную, земледельческую Нижнюю Силезию и преимущественно немецкую часть Познани, в которых население формировалось подобным же образом, то перед нами подлинно водочная область, а вместе с тем и *ядро прусской монархии*. И тут открывается совершенно иная перспектива. Винокурение выступает теперь в качестве подлинной материальной основы современной Пруссии. Без него прусское юнкерство должно было бы погибнуть; его поместья были бы частично скуплены крупными земельными магнатами, которые образовали бы немногочисленную аристократию в российском духе, а частично были бы раздроблены, образуя основу для самостоятельного крестьянского сословия. Без винокурения ядром Пруссии оставалась бы область с какими-нибудь 2 000 человек населения на квадратную милю, область, не способная играть в дальнейшей истории никакой роли, ни положительной, ни отрицательной, пока буржуазная промышленность не развилась бы в достаточной мере, чтобы и здесь взять на себя общественное, а может быть, и политическое руководство. Винокурение дало развитию другое направление. На почве, которая не производит почти ничего, кроме картофеля и захолустных юнкеров, но зато уж в массовом масштабе, на этой почве винокурение оказалось в состоянии выдержать мировую конкуренцию. Пруссия, которой всё более благоприятствовал растущий спрос — вследствие уже указанных обстоятельств, — могла подняться до уровня центрального водочного завода мира. При наличных общественных отношениях это означало не что иное, как образование, с одной стороны, класса средних землевладельцев, младшие сыновья которых стали главным материалом для кадров офицерства и бюрократии, т. е. новое продление срока жизни юнкерства; с другой же стороны — образование относительно быстро увеличивающегося класса полукрепостных, из которых рекрутируется масса «кадровых полков» армии. О положении этой рабочей массы, номинально свободной, но практически большею частью совершенно закабаленной помещиком посредством

---

¹ *Альтмарк (Altmark)* — в средние века часть Бранденбурга, теперь входит в округ Магдебург. *Ред.*

годовых контрактов, посредством выдачи продуктов в натуре, жилищными условиями, наконец вотчинной полицией, которая при новом законе об округах лишь видоизменила свою форму, — о положении этой массы можно получить представление по сочинениям профессора фон-дер-Гольца. Короче говоря, если Пруссия оказалась в состоянии мало-мальски переварить проглоченные в 1815 г. территории на западном берегу Эльбы, в 1848 г. — подавить революцию в Берлине, в 1849 г., несмотря на рейнско-вестфальские восстания, встать во главе германской реакции, в 1866 г. — провести войну с Австрией, а в 1871 г. — подчинить всю Малую Германию руководству этой самой отсталой, самой косной, самой невежественной, еще полуфеодальной части Германии, если Пруссия могла все это сделать, то чему она этим обязана? — Винокурению.

II.

Вернемся, однако, к рейхстагу. В прениях принимают участие главным образом господин фон-Кардорф, господин фон-Дельбрюк и уполномоченный Гамбургского союза Крюгер. После этих прений может показаться, что мы совершили по отношению к прусскому картофельному спирту вопиющую несправедливость. Вся беда не в прусском, а в русском спирте. Господин фон-Кардорф жалуется на то, что гамбургские промышленники перерабатывают в спирт русскую водку (а она, как определенно подчеркивает господин Крюгер, перегоняется не из картофеля, а из зерна), «рассылают ее под видом немецкого спирта и тем самым наносят ущерб репутации прусского спирта». Господину Дельбрюку указали, что «такая подмена натолкнулась бы на большие затруднения, потому что из русской водки до сих пор еще не удавалось изготовлять спирт *без запаха*, как из немецкой», но он на это предусмотрительно заметил: «Господа, этого я, конечно, не могу знать».

Итак, вся беда не в прусском картофельном спирте, а в русском хлебном. Прусский картофельный спирт «не имеет запаха», т. е. не содержит сивушного масла; русский же хлебный спирт не умеют еще изготовлять без запаха, стало быть, он содержит в себе сивушное масло, и когда он продается под маркой прусского, он наносит ущерб бессивушной репутации прусского спирта. Судя по этому, мы мошенническим образом и с явно враждебными империи намерениями оклеветали прусский «бессивушный» спирт. Посмотрим, как обстоит дело в действительности.

Действительно, существует способ освобождать водку от сивухи путем ее обработки раскаленным древесным углем. В результате этого поступающий в продажу спирт в последнее время вообще содержит меньше сивушного масла. Однако между двумя сортами спирта, которые нас здесь интересуют, разница такова: хлебный спирт без особого труда может быть *совершенно* освобожден от сивухи, в то время как освобождение от сивухи картофельного спирта гораздо труднее, а в крупном производстве практически настолько невозможно, что даже самый чистый спирт, изготовленный из картофельной водки, при растирании на руке всегда оставляет запах сивухи. Отсюда правило, что для употребления в аптеках и для тонких ликеров берется или во всяком случае должен быть взят

(так как и здесь производят фальсификацию!) только хлебный и ни в коем случае не картофельный спирт.

Через несколько дней после того, как «Kölnische Zeitung» опубликовала вышеупомянутые прения о водке, она приводит в отделе разных сообщений (8 февраля, на первой странице) тяжкий вздох какого-то рейнского любителя выпить:

«Было бы крайне желательно иметь возможность обнаруживать примесь картофельного спирта и к тонким винам. Правда, отвратительная тяжесть в голове указывает задним числом на его присутствие, но слишком поздно. Картофельный спирт содержит сивушное масло, неприятный запах которого заглушается специфическим запахом вина. Эта фальсификация — одна из самых распространенных».

Наконец, для того, чтобы успокоить старо-пруссских винокуров, господин Крюгер предал гласности тот неудобный факт, что на гамбургском рынке русский хлебный спирт оплачивается на *четыре марки дороже*, чем прусский картофельный спирт. Последний расценивался 7 февраля в Гамбурге по 35 марок за 100 литров; русский спирт расценивался, стало быть, на 12 процентов выше прусского, репутацию которого он якобы подрывает!

И вот после всех этих фактов поглядите-ка на вид оскорбленной невинности этого оклеветанного, «не имеющего запаха», ревнивого к своей репутации, добродетельного прусского «бессивушного» спирта, который в оптовой торговле стоит только 35 пфеннигов за литр — дешевле пива! Если сопоставить прения и факты, то разве не появляется искушение спросить: кого же здесь принимают за дурака?

Благословенное влияние прусского сивушного масла — всеобъемлюще, так как вместе с картофельным спиртом оно проникает во всякий напиток. От кислого, слабого мозельского и рейнского вина худшего сорта, которое, при помощи картофельного сахара и картофельного спирта, чудесным образом превращается в браунбергское и нирштейнское, от скверного красного вина, которое со времен гладстоновского торгового договора наводняет Англию и называется там «Гладстон», и до шато-лафит и шампанского, портвейна и мадеры, которые буржуазия распивает в Индии, Китае, Австралии и Америке, — нет ни одного напитка, в состав которого не входило бы прусское сивушное масло. Производство этих напитков процветает всюду, где растет виноград и где на складах вино хранится в большом количестве, и производители поют там дифирамбы картофельному спирту. А потребители? Потребители по «отвратительной тяжести в голове» узнают, в чем именно состоит благословение прусской сивухи, и стараются держаться от этого благословения подальше. В Италии,

как говорит господин фон-Кардорф, торговый договор применяется таким образом, что за прусский спирт приходится платить чрезмерно высокую пошлину. Ввоз спирта в Бельгию, Америку, Англию стал невозможным из-за высоких пошлин. Во Франции таможенные чиновники наклеивают на бочки со спиртом красные ярлыки, чтобы обозначить, что они прусские, — впервые французские таможенные чиновники сделали хоть кой-какое общепольное дело! Словом, дело зашло так далеко, что господин фон-Кардорф в отчаянии восклицает:

«Господа, если вы представите себе положение немецкой спиртовой промышленности, вы обнаружите, что *все страны трусливейшим образом запираются от нашего спирта*».

Ну, конечно! Благодетельное влияние этого спирта мало-по-малу стало известно всему миру, и единственное средство избавиться от «отвратительной тяжести в голове» — это вообще не пропускать в страну сивухи.

Вдобавок на притесняемых шнапс-юнкеров надвигается теперь с Востока тяжелая, гнетущая грозовая туча. Великий брат в России, последний оплот и последняя защита всех стародавних порядков против современной жажды разрушения, начинает теперь тоже производить и вывозить водку, и как раз хлебную водку, притом продавая ее так же дешево, как прусские юнкера свою картофельную водку. Из года в год увеличивается производство и вывоз этой русской водки, и если до сих пор она перегонялась в спирт в Гамбурге, то теперь, как сообщает нам господин Дельбрюк, «в ряде русских гаваней... в настоящее время уже строится несколько предприятий, оборудованных превосходнейшими аппаратами для перегонки русской водки», и он предупреждает господ юнкеров, что русская конкуренция из года в год будет все больше и больше усиливаться. Господин фон-Кардорф прекрасно понимает это и требует, чтобы правительство решительно запретило провоз русского спирта через Германию.

Господин фон-Кардорф, как депутат, принадлежащий к свободным консерваторам, должен был бы суметь правильное определить позицию германского имперского правительства по отношению к России. После аннексии Эльзас-Лотарингии и неслыханной военной контрибуции в пять миллиардов, вследствие которой Францию превратили в неизбежного союзника *любого* врага Германии, и при политике, повсюду стремящейся заставить себя уважать или, вернее, бояться, но нигде — не любить, осталось лишь одно из двух: либо быстро разбить также и Россию, либо же... став послушным слугою русской дипломатии, обеспечить себе союз с Россией (поскольку мож-

но на нее полагаться). Так как не могли решиться на первое, то оказались обреченными на второе. Пруссия, а с нею и вся империя, снова находятся в такой же зависимости от России, как после 1815 г. и после 1850 г., а «Священный союз» точно так же, как и после 1815 г., служит лишь прикрытием этой зависимости. Результатом всех достославных побед является то, что Германия попрежнему остается пятой спицей в европейской колеснице. А Бисмарк еще удивляется тому, что германское общество попрежнему интересуется больше событиями, происходящими за границей, где находятся действительно решающие центры, чем делами имперского правительства, не имеющего никакого значения в Европе, или речами в рейхстаге, не имеющим никакого значения в Германии! Запретить провоз русского спирта! Хотел бы я видеть того рейхсканцлера, который осмелился бы на это, не имея в кармане объявления войны России! И когда г. фон-Кардорф ставит имперскому правительству такое странное требование, то можно подумать, что не только *питье* водки, но даже *изготовление* водки действует на рассудок помрачающе. Ведь даже более знаменитые винокуры, чем господин фон-Кардорф, в последнее время стали проделывать такие вещи, для которых, с их же собственной точки зрения, нельзя найти решительно никакого разумного объяснения.

Впрочем, вполне понятно, что русская конкуренция внушает зловещий ужас нашим шнапс-юнкерам. В центре России существуют обширные области, где хлеб можно получить так же дешево, как в Пруссии картофель. К тому же и топливо в России большей частью дешевле, чем в районах нашего винокурения. Все материальные предпосылки налицо. Что ж тут удивительного, если часть русского дворянства, точно так же, как и прусские юнкера, вкладывает в винокуренные предприятия деньги, полученные от государства за счет крестьян при выкупе барщинных повинностей? Что удивительного в том, что эти винокуренные предприятия, при наличии непрерывно растущего рынка и при том преимуществе, которое хлебная водка при равной или немного более высокой цене всегда имеет перед картофельной водкой, быстро распространились и что уже сейчас можно предвидеть то время, когда их продукция целиком вытеснит с рынка прусский картофельный спирт? Здесь не помогут никакие сетования, никакие вопли. Законы капиталистического производства, пока оно существует, так же неумолимы для юнкеров, как и для евреев. Благодаря русской конкуренции приближается тот день, когда падет священный Илион, когда славная прусская водочная промышленность исчезнет с мирового рынка и, в лучшем случае, будет еще накачивать

сивухой внутренний рынок. Но в тот день, когда у прусских юнкеров будет отнят водочный шлем и у них останется только шлем фамильного герба или в лучшем случае армейский шлем, наступит конец Пруссии. Если даже отвлечься от всего хода мировой истории, от возможности, вероятности или неизбежности новых войн или переворотов, одна уж конкуренция русской водки должна разорить Пруссию, поскольку она уничтожает промышленность, поддерживающую земледелие восточных провинций на нынешней ступени его развития. Но тем самым она уничтожает и условия существования юнкеров к востоку от Эльбы с их 3 000 крепостных на каждую квадратную милю; тем самым она уничтожает основу прусского государства — тот материал, из которого вербуются офицеры, унтер-офицеры и беспрекословно повинующиеся приказам солдаты, и, кроме того, материал основного ядра бюрократии — тот материал, который придает теперешней Пруссии ее специфический характер. С падением винокурения рухнет прусский милитаризм, а без него Пруссия — ничто. Восточные провинции займут тогда то положение, которого они заслуживают в Германии в соответствии с их редким населением, с их подчиненной земледелию индустрией, с их полуфеодальным состоянием, слабым развитием в них городской культуры и всеобщего обучения. Остальные области Германской империи, освобожденные от гнета этого полусредневекового господства, вздохнут тогда легче и займут положение, соответствующее их промышленному развитию и более высокому образованию. А сами восточные провинции изберут для себя другие отрасли промышленности, менее зависимые от земледелия и менее допускающие феодальный способ производства, и тем временем доставят свои армии не прусскому государству, а социал-демократии. Весь остальной мир будет ликовать, что, наконец, покончено раз навсегда с прусским сивушным ядом. А прусским юнкерам и «растворившемуся, наконец, в Германии» прусскому государству придется уж утешать себя словами поэта:

То, что в песне бессмертно живет,
В жизни погибнуть должно.

ИЗ ПИСЬМА К РЕДАКТОРУ «ВПЕРЕД»¹.

Лондон, 21 октября 1876 г.

...Мне только что сообщили, что дрянная русская клика, претендующая быть представительницею самых крупных русских литературных сил, намерена издавать в Англии обозрение, чтобы уяснить англичанам истинное значение политико-социального движения в России. Они объявили об этом намерении Рольстону и другим известным в Англии лицам. Главным редактором должен быть, как говорят, Головачев вместе с другими сотрудниками грязного журнала «Гражданин» и, между прочим, с князем Мещерским.

Русское правительство заявило уже свою несостоятельность, допустив петербургский (государственный) банк объявить, что он не будет более уплачивать свои заграничные векселя золотом (или серебром). Я ожидал этого; — но что переходит всякую меру, это тот факт, что это правительство, прежде чем притти к подобной «неприятной» мере, сделало снова глупость, пытаясь в продолжение двух или трех недель искусственно поддержать курс размена на лондонской бирже. Дело стоило ему около 20 миллионов рублей; это все равно, как если бы оно бросило эти деньги в Темзу.

Эта нелепая операция, — искусственная поддержка разменного курса средствами правительства, — принадлежит XVIII веку. Нынче лишь финансовые алхимики в России употребляют подобные приемы. Со времени смерти Николая эти карикатурные манипуляции, повторяясь периодически, стоили России по крайней мере 120 миллионов рублей. Но это в духе правительства, которое серьезно верит еще во всемогущество государства. Другие правительства знают по крайней мере, что «деньги не признают никакого господина»...

Написано К. Марксом.

Напечатано в журнале «Вперед»

№ 44 от 1 ноября 1876 г.

---

¹ Полностью это письмо Маркса к П. Лаврову будет напечатано в XXVI томе настоящего издания. *Ред.*

Фридрих Энгельс
ВИЛЬГЕЛЬМ ВОЛЬФ

*Напечатана в журнале «Die Neue Welt»
№№ 27, 28, 30, 31, 40, 41, 42, 43, 44 и 47
от 1 августа — 25 ноября 1876 г.*

Подпись: Фридрих Энгельс

WILHELM VON VOLFF.

Von Friedrich Engels.

Die Welt ist nicht leer, wenn Gott nicht ist. Das ist die alte Lehre der Theologen. Sie ist aber nicht wahr. Die Welt ist nicht leer, wenn Gott nicht ist. Das ist die alte Lehre der Theologen. Sie ist aber nicht wahr.

Die alte Lehre der Theologen ist nicht wahr. Die Welt ist nicht leer, wenn Gott nicht ist. Das ist die alte Lehre der Theologen. Sie ist aber nicht wahr.

Wilhelm Volff. (Originalzeichnung.)

Die alte Lehre der Theologen ist nicht wahr. Die Welt ist nicht leer, wenn Gott nicht ist. Das ist die alte Lehre der Theologen. Sie ist aber nicht wahr.

I.

Die alte Lehre der Theologen ist nicht wahr. Die Welt ist nicht leer, wenn Gott nicht ist. Das ist die alte Lehre der Theologen. Sie ist aber nicht wahr.

Die alte Lehre der Theologen ist nicht wahr. Die Welt ist nicht leer, wenn Gott nicht ist. Das ist die alte Lehre der Theologen. Sie ist aber nicht wahr.

Было это, если я не ошибаюсь, приблизительно в конце апреля 1846 года. Маркс и я жили в то время в одном из предместий Брюсселя; мы были как раз заняты вместе одной работой, когда нам сообщили, что с нами желает говорить какой-то господин из Германии. Мы увидели человека небольшого роста, но очень крепкого сложения; выражение лица настолько же свидетельствовало о доброжелательности, как и о спокойной решительности; фигура восточно-германского крестьянина в одежде восточно-германского захолустного бюргера. Это был Вильгельм Вольф. Преследуемый за нарушение законов о печати, он счастливо избежал прусских тюрем. При первом взгляде на него мы не подозревали, какой редкостный человек скрывается под этой неказистой внешностью. Не прошло и нескольких дней, как между нами и новым товарищем по изгнанию установились сердечные дружеские отношения, и мы могли убедиться, что имеем дело с отнюдь не заурядным человеком. Его ум, прекрасно воспитанный в школе классической древности, его богатый юмор, ясное понимание трудных теоретических проблем, его пламенная ненависть ко всем угнетателям народных масс, его энергичный и в то же время спокойный нрав, — все это раскрылось перед нами сразу; но понадобились долгие годы совместной деятельности и дружеского общения в борьбе, в победе и в поражении, в хорошие и в плохие времена, чтобы мы могли во всей полноте оценить непоколебимую стойкость его характера, его абсолютную, не вызывающую никаких сомнений верность, его неуклонное чувство долга, одинаково строгое по отношению к врагу, к другу, а также и к самому себе.

I.

Вильгельм Вольф родился 21 июня 1809 г. в Тарнау, в окрестностях Франкенштейна, в Силезии. Его отец был наследственно-зависимый (*erbuntertäniger*) крестьянин, содержавший вместе с тем «судебную корчму» (трактир, по-польски — *Karczma*, где происходили заседания сельского суда), что не освобождало его от обязанности вместе с женой и детьми отбывать барщину у помещика. Таким образом, Вильгельм с ранних лет не только узнал, но и лично испытал горькую долю крепостного крестьянина в Восточной Пруссии. Но он научился и большому. Его мать, о которой он говорил всегда с особенной теплотой и которая по образованию стояла выше своей среды, пробудила и воспитала в нем гнев против бесстыдной эксплуатации и унижительного обращения с крестьянами со стороны феодальных господ. Как бурлил и кипел в нем всю жизнь этот гнев, — мы увидим, подойдя к тому периоду его жизни, когда он мог его, наконец, проявить публично. Скоро обнаружились способности крестьянского мальчика и его любовь к учению; необходимо было устроить его в гимназию, но каких только препятствий не пришлось преодолеть, прежде чем это было выполнено! Не говоря уже о денежных затруднениях, на пути стояли помещик и его управляющий, а без них ничего нельзя было делать. Правда, в 1810 г. наследственная зависимость была на словах отменена, но сохранялись попрежнему феодальные оброки, барщинная повинность, вотчинный суд, помещичья полиция, а вместе с ними на деле продолжала существовать и наследственная зависимость. Помещик и его служащие предпочитали готовить из крестьянских мальчишек свинопасов, а не студентов. Однако все препятствия были преодолены. Вольф попал в гимназию в Швейднице, а затем в университет в Бреславле. И в том, и в другом учебном заведении ему приходилось большую часть своего содержания добывать самому частными уроками. В университете он с особой любовью отдался занятиям классической филологией, но он вовсе не был филологом-буквоедом старой школы; великие греческие и римские поэты и прозаики встречали у него полное понимание и оставались излюбленным его чтением до конца жизни.

Он уже почти заканчивал свои университетские занятия, когда со стороны Союзного сейма и правительств Австрии и Пруссии воз-

обновились затихшие было в 20-х годах гонения против «демагогов». Как член студенческой корпорации, он был в 1834 г. арестован; годами таскали его для следствия из тюрьмы в тюрьму, и, наконец, он был осужден. За что? Не думаю, чтобы он когда-нибудь считал, что стоит об этом говорить. Как бы то ни было, он попал в крепость Зильберберг. Там он встретил товарищей по несчастью, между прочим и Фрица Рейтера. — За несколько месяцев до смерти Вольфу попала как-то в руки книга Рейтера «*Ut mine Festungstid*» [«Из времени моего заключения»], и, узнав в авторе своего старого товарища по несчастью, он тотчас же написал ему через издательство. Рейтер тотчас же ответил ему длинным и очень сердечным письмом, которое лежит предо мною и которое доказывает, что, по крайней мере 12 января 1864 г., старый «демагог» был чем угодно, только не смиренным подхалимом.

«Я сижу здесь, — пишет он, — вот уж добрых 30 лет, мои волосы уже поседели, а я все жду настоящей революции, в которой, наконец, энергично проявилась бы воля народа. Но что толку?.. Хоть бы прусский народ отказался, по крайней мере, от уплаты податей: это — единственное средство отделаться от Бисмарка и компании и до смерти рассердить старого короля».

Вольф испытал в Зильберберге все те бесчисленные страдания и маленькие радости заключенных в крепость «демагогов», которые так живо и с таким богатым юмором описал Фриц Рейтер в упомянутой книге. За сырые казематы и за жестокие зимние холода могло служить лишь слабым вознаграждением то обстоятельство, что старое логово охранялось престарелыми инвалидами так называемого гарнизона, которые вовсе не отличались строгостью и частенько не могли устоять перед водкой или несколькими мелкими монетами. В конце концов, в 1839 г. здоровье Вольфа пошатнулось так сильно, что он был помилован.

Он поехал в Бреславль и рассчитывал просуществовать там в качестве учителя. Но расчет этот сделан был без хозяина, а хозяином было прусское правительство. Его университетские занятия были прерваны арестом, так что он не успел окончить положенный трехлетний курс, а тем более — сдать экзамен. А в прусском Китае в цех ученых принимался лишь тот, кто все это выполнил соответственно предписаниям. Всякий же другой, будь он даже таким знатоком своего дела, каким был Вольф в области классической филологии, стоял вне цеха и был лишен права публично применять свои знания. Оставалась надежда перебиваться частными уроками. Но для этого требовалось разрешение правительства, а когда Вольф обратился за этим, ему было *отказано*. «Демагогу» пришлось бы

умирать с голоду или вновь вернуться в родное село отбывать барщину, если бы в Пруссии не было поляков. Один познанский помещик взял его домашним учителем; у него он прожил несколько лет, о которых всегда говорил с особенным удовольствием.

По возвращении в Бреславль ему удалось, наконец, после долгих мытарств добиться от достопочтенного королевского правительства разрешения давать частные уроки, и теперь он мог, по крайней мере, обеспечить себе скромное существование. Большого этот непритязательный человек и не требовал. В то же время он снова вступил в борьбу против существующего угнетения, насколько это было возможно при тогдашних отчаянных условиях. Ему приходилось ограничиваться тем, чтобы предавать гласности отдельные факты произвола со стороны чиновников, помещиков и фабрикантов, но и в этом деле он встречал препятствия со стороны цензуры. Это, однако, не смущало его. В только что учрежденном в то время главном цензурном управлении не было более упорного, неизменно повторявшего свои визиты завсегдатая, чем частный учитель Вольф из Бреславля. Не было для него большего удовольствия, чем подвести цензуру, что при глупости большинства цензоров было не так уж трудно для того, кто сколько-нибудь знал их слабые стороны. Так, он до крайности скандализировал благочестивые души, обнаружив в старой книге церковных песнопений, бывшей еще кое-где в употреблении, следующую «песнь» кающегося грешника, которую он опубликовал в провинциальных силезских газетах:

«Воистину — я стерва,
истинно грешник убогий,
пропитанный весь грехами,
как русский пропитан луком.
Господи Иисусе, возьми меня, пса, за ухо,
кинь мне кость милосердия
и зашвырни меня, грешного болвана,
на твои небеса милосердия»¹,

---

¹ Ich bin ein rechtes Rabenaas,
Ein wahrer Sündenkrüppel,
Der seine Sünden in sich frass
Als wie der Russ' die Zwippel.
Herr Jesu, nimm mich Hund beim Ohr,
Wirf mir den Gnadenknochen vor,
Und schmeiss mich Sündenlummel
In deinen Gnadenhimmel. *Ред.*

С быстротой молнии разнеслась песня по всей Германии, вызывая громкий хохот безбожников и возмущение «смиранных»¹. Цензор получил строгий выговор, а правительство с этого времени вновь стало зорко следить за частным учителем Вольфом, этим беспокойным сумасбродом, которого не смогли укротить и пять лет заключения в крепости.

Не много понадобилось времени, чтобы опять нашелся предлог для возбуждения против него судебного дела. Ведь старо-прусское законодательство было распространено по всей стране подобно искусно сплетенной системе ловушек, петель, волчьих ям и тенет, от которых не всегда могли уберечься даже верные подданные; тем легче попадали туда неверные.

Нарушение закона о печати, в котором Вольф был обвинен в конце 1845 или в начале 1846 г., было до такой степени незначительно, что теперь никто из нас не может даже припомнить ближайших обстоятельств дела. Но преследование приняло такие размеры, что Вольф, которому надоели прусские тюрьмы и крепости, скрылся от грозившего ему ареста и отправился в Мекленбург*. Здесь он нашел у друзей верное убежище до тех пор, пока не удалось устроить ему в Гамбурге беспрепятственный переезд в Лондон. В Лондоне, где он впервые вступил в общественную организацию, — в существующий еще и теперь Немецкий коммунистический просветительный рабочий союз, — он оставался недолго и вскоре, как мы уже говорили, приехал в Брюссель.

---

¹ «Stille im Lande» — пиетисты, набожные консервативные круги мещанства. *Ред.*

* Согласно Вермут-Штиберу (Wermuth-Stieber: «Die Kommunisten-Verschöbungen des 19-ten Jahrhunderts», II, S. 141), Вольф был осужден бреславльским высшим областным судом за «нарушение закона о печати» к трехмесячному заключению в крепости. [Примечание Энгельса в издании 1885 года.]

II.

В Брюсселе он скоро нашел работу в основанном там корреспондентском бюро, которое снабжало немецкие газеты известиями из Франции, Англии и Бельгии, редактировавшимися, насколько позволяли обстоятельства, в социал-демократическом духе. Когда «*Deutsche Brüsseler Zeitung*» предоставила себя в распоряжение нашей партии, в этой газете стал сотрудничать и Вольф. В основанном тогда нами Брюссельском немецком рабочем союзе Вольф скоро стал одним из самых любимых ораторов. Он еженедельно делал там обзоры текущих событий, обзоры, которые всякий раз представляли собою шедевры популярного, юмористического и вместе с тем очень яркого изложения и которые особенно бичевали мелочность и низость как властителей, так и подданных в Германии. Эти политические обзоры стали до такой степени его излюбленной темой, что он проводил их в каждом союзе, в котором принимал участие, и всегда в одинаково мастерском популярном изложении.

Разразилась февральская революция, тотчас же встретившая отклик в Брюсселе. Толпы народа собирались каждый вечер на большой рыночной площади перед ратушей, занятой гражданской гвардией и жандармерией; многочисленные пивные и питейные дома вокруг рынка были битком набиты. Кричали: «*Vive la république!*» [«Да здравствует республика!»], пели марсельезу, напирали друг на друга, толкались. Правительство держалось с виду тише воды, но в провинции оно провело призыв запасных и отпускников. Господину Жоттрану (Jottrand), самому видному из бельгийских республиканцев, было втайне сообщено, что король готов отречься от престола, если народ пожелает этого, и что он, если захочет, может услышать это от самого короля. Жоттран действительно слышал от короля, что тот сам в душе республиканец и никогда не станет поперек пути Бельгии, если она пожелает стать республикой; что он хотел бы только одного, — чтобы все обошлось мирно и без кровопролития, сам же, между прочим, надеется получить приличную пенсию. Это известие тайком быстро распространилось и вызвало такое успокоение, что не сделано было и попытки восстания. Но лишь только были собраны резервы и большая часть войск сконцентрирована вокруг Брюсселя, — в маленькой стране для этого понадобилось всего три-четыре дня, — разговоров об от-

речении как не бывало; в один прекрасный вечер жандармерия с шапками наголо внезапно двинулась против народа, толпившегося на рыночной площади, — и пошли направо и налево аресты. Одним из первых был избит и арестован также и Вольф, спокойно шедший по направлению к своему дому. Его потащили в ратушу, где он еще раз подвергся побоям со стороны разъяренной и пьяной гражданской гвардии, и после нескольких дней ареста его переправили через границу во Францию.

В Париже он прожил недолго. Берлинская мартовская революция и подготовка к Франкфуртскому парламенту и к Берлинскому собранию побудили его прежде всего отправиться в Силезию, чтобы там бороться за победу радикальных элементов на выборах. Оттуда он хотел приехать к нам, как только мы организуем газету, будь то в Кельне или в Берлине. Благодаря всеобщей любви, которой он пользовался, а также благодаря силе и популярности его красноречия, ему удалось, особенно в сельских избирательных округах, провести таких радикальных кандидатов, которые без него не имели бы никаких шансов.

Между тем, 1 июня в Кельне стала выходить «*Neue Rheinische Zeitung*», главным редактором которой был Маркс; приехал вскоре и Вольф, чтобы занять свое место в редакции. Его неутомимое трудолюбие, его педантичная, неуклонная добросовестность представляли для него ту невыгоду, что в редакции, состоявшей исключительно из молодых людей, другие частенько освобождали себе лишний часок, будучи уверены, что «Лупус¹ уж позаботится о том, чтобы газета вышла»; в этом отношении и я не был безгрешен. Вследствие этого Вольф в первое время издания газеты был занят больше текущей работой, чем руководящими статьями. Он вскоре нашел, однако, средство превратить и эту работу в самостоятельную деятельность. В текущей хронике под заголовком «По стране» подбирались сообщения из мелких немецких государств, в которых он с неподражаемым юмором изображал ограниченность и филистерство как правителей, так и управляемых в мелких государствах и мелких городах. В то же время он еженедельно делал в «Демократическом обществе» обзоры текущих событий, благодаря которым он и здесь вскоре стал одним из самых любимых и влиятельных ораторов.

Глупость и трусость буржуазии, все более возраставшие после июньских боев в Париже, позволили реакции вновь собраться с

---

¹ *Лупус* (по-латыни — волк) — дружеская кличка Вольфа (по-немецки *Wolf* — волк). *Ред.*

силами. Придворные клики в Вене, Берлине, Мюнхене и т. д. работали рука об руку с благородным правителем империи, а за кулисами стояла русская дипломатия и управляла нитями, которые заставляли плясать этих марионеток. Тогда-то, в сентябре 1848 г., наступило для этих господ время действовать. Под прямым и косвенным давлением России (подготовленным лордом Пальмерстоном) первый шлезвиг-гольштинский поход окончился позорным перемирием в Мальме. Франкфуртский парламент пал так низко, что утвердил его, и тем самым открыто и недвусмысленно отрекся от революции. Ответом было франкфуртское восстание 18 сентября; оно было подавлено. Почти в то же время произошло в Берлине столкновение между согласительным Учредительным собранием и короной. 9 августа Собрание в чрезвычайно мягком, даже робком постановлении просило правительство принять хоть какие-нибудь меры к тому, чтобы наглое поведение реакционных офицеров более не проявлялось так открыто и вызывающе. Когда в сентябре Собрание потребовало выполнить это постановление, то ответом явилось назначение явно реакционного министерства Пфуля с генералом во главе (19 сентября), а пресловутого Врангеля назначили командующим войсками Бранденбурга [Obergeneral in den Marken], — два очень прозрачных намека на то, что берлинским согласителям остается либо поджечь хвост, либо дожидаться разгона. Началось всеобщее возбуждение. В Кельне также происходили митинги и был назначен комитет общественной безопасности. Правительство решило нанести первый удар в Кельне. Соответственно этому утром 25 сентября был арестован ряд демократов, между прочим и недавно умерший¹ городской голова Кельна, известный всем в то время под именем «Красного Беккера». Возбуждение росло. Пополудни на старой рыночной площади состоялся митинг. Председательствовал Вольф. Кругом была выставлена гражданская гвардия, не относившаяся враждебно к демократическому движению, но прежде всего заботившаяся о собственном благополучии. На заданный ей вопрос она ответила, что она здесь для защиты народа. Вдруг на рынок врываются люди с криком: «Пруссаки идут!» Иосиф Молль, который тоже был утром арестован, но освобожден народом, и который как раз в это время произносил речь, воскликнул: «Граждане, неужели вы разбежитесь перед пруссаками?» — «Нет, нет!» — был ответ. — «Тогда нам нужно строить баррикады!» И все тотчас же взялись за дело. — Исход дня кельнских баррикад известен. Не встретив

¹ В «Die Neue Welt» — нынешний. *Ред.*

сопротивления, оставшись безоружным (гражданская гвардия предусмотрительно разошлась по домам), без малейшего кровопролития все движение, вызванное ложной тревогой, окончилось ничем. Правительство достигло своей цели: Кельн был объявлен на осадном положении, гражданская гвардия была разоружена, «Neue Rheinische Zeitung» приостановлена, а редакторы принуждены были выехать за границу.

III.

Осадное положение в Кельне продолжалось недолго. 4 октября оно было снято. 11-го вновь вышла «Neue Rheinische Zeitung». Вольф уехал в Дюркгейм в Пфальце, где его оставили в покое. Так же, как относительно меня и других членов редакции¹, был издан приказ отдать его под суд по делу о заговоре и т. д. Но наш Вольф недолго вытерпел в Пфальце, и по окончании сбора винограда он внезапно появился вновь в редакции, помещавшейся на Unter Hutmacher, № 17. Ему удалось найти жилье так близко, что он мог проходить в редакцию через двор, не выходя на улицу. Но такое заточение ему быстро надоело; почти каждый вечер, в длинном пальто и в фуражке с длинным козырьком, стал он выходить с наступлением темноты под предлогом покупки табаку. Он думал, что его нельзя узнать, хотя его своеобразная коренастая фигура и решительная походка прямо бросались в глаза; во всяком случае, его никто не выдал. Так прожил он несколько месяцев, в то время как мы, все остальные, один за другим были освобождены от преследования. Наконец, 1 марта 1849 г. нас известили, что всякая опасность миновала, и тогда Вольф явился к следователю, который тоже заявил, что весь процесс, как основанный на преувеличенных сообщениях полиции, совершенно прекращен.

Между тем, в начале декабря Берлинское собрание было разогнано, и начался период мантейфелевской реакции. Одно из первых мероприятий нового правительства заключалось в том, чтобы успокоить феодалов Восточной Пруссии относительно оспариваемого у них права на даровой труд крестьян. После мартовских дней крестьяне Восточной Пруссии повсюду перестали выполнять барщину, а в некоторых местах даже вынудили помещиков в письменной форме отказаться от права на такой труд. Нужно было, таким образом, лишь узаконить этот установившийся порядок, — и ост-эльбский крестьянин, с которого так долго драли шкуру, стал бы свободным человеком. Но Берлинское собрание, спустя целых 59 лет после 4 августа 1789 г., когда французское Национальное собрание уничтожило безвозмездно все феодальные повинности, все еще не могло

---

¹ В «Die Neue Welt»: «Как и относительно некоторых других членов редакции». «Меня» — вставлено Энгельсом в издании 1885 года. *Ред.*

отважиться на подобный шаг. Были несколько облегчены условия выкупа барщины; но лишь некоторые из самых скандальных и возмутительных феодальных прав должны были быть упразднены безвозмездно. Однако, прежде чем этот законопроект был окончательно принят, последовал разгон Собрания, и господин Мантейфель заявил, что *такой* проект правительство не примет в качестве закона. Тем самым были уничтожены надежды старо-прусских барщинных крестьян, и было необходимо воздействовать на них, разъяснив им их положение. А для этого Вольф был самым подходящим человеком. Не только потому, что он сам был по происхождению сыном крепостного крестьянина и в детстве сам отбывал барщину на господском дворе; не только потому, что он сохранил со всей остротой пламенную ненависть против феодальных угнетателей, которую воспитало в нем такое детство; никто не знал так хорошо, как он, феодальный способ порабощения во всех его деталях, тем более — в Силезии, в той области, которая представляла собою полный комплект всех равнообразных форм этого порабощения ¹.

¹ Следующее далее в тексте вплоть до конца 9-й главы изложение статей Вольфа было в издании 1885 г. выпущено Энгельсом; в предисловии к «Силезскому миллиарду» Энгельс счел излишним излагать его содержание. Вместо этих глав там вставлены следующие строки: «Так начал Вольф кампанию против феодалов, которая достигла своего апогея в «Силезском миллиарде» и к которой я вернусь в дальнейшем. Это была кампания, которую в сущности обязана была вести буржуазия. Борьба с феодализмом была ведь всемирно-исторической задачей именно этого класса. Но, как мы видели, буржуазия ее не вела или вела только для видимости. Вследствие общественной и политической отсталости Германии немецкая буржуазия повсюду отказывалась от защиты своих собственных политических интересов, потому что за ее спиной уже угрожающе поднимался пролетариат. Смутные надежды и пожелания парижских рабочих в феврале, а еще более — их стихийная четырехдневная борьба в июне 1848 г., напугали буржуазию не только Франции, но и всей Европы. А в Германии даже простые демократические требования, давно уже приобретшие в Швейцарии силу закона, представлялись малодушным буржуа покушением на их собственность, на их безопасность, на их жизнь. Трусливые, как всегда, немецкие буржуа пожертвовали своими общими, т. е. политическими, интересами ради того, чтобы каждый из них мог спасти свои частные интересы, свой капитал. Лучше возврат к старому бюрократически-феодальному абсолютизму, чем победа буржуазии как класса, чем современное буржуазное государство, завоеванное революционным путем, при усилении революционного класса, пролетариата! Таков был крик ужаса немецкой буржуазии, приведший к победе реакции по всей линии.

Партии пролетариата пришлось, таким образом, взять на себя борьбу там, где буржуазия покинула поле битвы. И Вольф на столбцах «Neue Rheinische Zeitung» вступил в борьбу с феодализмом. Но выступил он не на радость буржуазии; — нет, он выступил подлинно революционным образом, так, что от этих

Вольф открыл свой поход в номере от 18 декабря 1848 г. статьей о вышеупомянутом заявлении министерства. 29 декабря последовала вторая, более резкая статья по поводу октроированного «Указа о временном урегулировании взаимоотношений между помещиками и крестьянами в Силезии».

Этот указ, говорил Вольф,

«является призывом к господам князьям, вельможам, графам, баронам и т. д. поскорее, под прикрытием закона, так «временно» обобрать и ограбить сельское население, чтобы после такого жирного года тем легче было пережить тощие. До марта Силезия была обетованной страной помещиков. Благодаря изданным в 1821 г. законам о выкупе барщины феодальное юнкерство устроилось так тепло, что лучше и не придумать. Благодаря выкупу, который всегда и везде устанавливается и проводится к выгоде привилегированных и ведет к разорению сельского населения, — силезское юнкерство получило из рук крестьян не менее 80 миллиончиков наличными деньгами, пахотной землей и рентой. А выкупным платежам не видно было конца. Отсюда ярость против безбожной революции 1848 года. Крестьяне отказывались впредь выполнять, как послушная скотина, дворовые повинности своему барину и продолжать платить такие же нестерпимые налоги, проценты и сборы всякого рода. В кассах помещиков появилась подзёрнутельная пустота».

Берлинское собрание взяло в свои руки урегулирование этих отношений.

«Медлить было опасно. Это поняла потсдамская камарилья, которая тоже умеет набивать себе карман, не щадя пота и крови крестьянства. Итак, к чорту Собрание! Сами переделаем законы так, как нам покажется выгоднее! — Так и случилось. Появившийся в «*Staatsanzeiger*» указ, касающийся Силезии, — не что иное, как ловушка с волчьими ямами и прочими принадлежностями: уж если сельское население попадет в нее, — оно безвозвратно погибло».

Затем Вольф показывает, что указом в сущности восстанавливается домартовское положение, и заканчивает таким образом:

«Но разве это поможет? Господам помещикам нужны деньги. Наступает зима с ее балами, маскарадами, соблазнительными карточными столами и т. д. Крестьяне, до сих пор дававшие средства на развлечения, должны их доставлять и дальше. Юнкерство хочет по крайней мере еще раз устроить себе веселый карнавал и по возможности использовать ноябрьские успехи абсолютизма. Оно поступает правильно, спеша с вызывающим задором танцевать и веселиться, потому что благословенные дворянские оргии могут вскоре оборваться страшными галицийскими сценами».

20 января появилась новая статья Вольфа, бившая в ту же точку. Реакционная партия заставила какого-то старосту Кренгеля

статей, проникнутых духом Великой французской революции, буржуазия пришла в такой же ужас, как и сами феодальные господа и правительство». *Ред.*

в Нессине возле Кольберга вместе с несколькими поденщиками подписать запрос к королю о том, правда ли, будто его величество действительно намеревалось *разделить земельную собственность и наделить* ею *безземельных*.

«Можно себе представить, — говорит Вольф, — смертельный страх и бессонные ночи поденщиков из Нессина, когда они услышали о таких намерениях. Как, король хочет делить земельную собственность? Мы, поденщики, с таким восторгом обрабатывающие поля нашего барина за 5 зильберггрошей в день, мы должны перестать наниматься в поденщики и начать обрабатывать свое собственное поле? Наш барин, имеющий 80 — 90 поместий и всего только несколько сот тысяч моргенов, должен будет несколько моргенов отдать нам? — Нет, при одной мысли о таком ужасном несчастье наши поденщики задрожали всем телом. Они не могли успокоиться ни на минуту, покуда не убедились, что на деле никто не ввергнет их в такое беспросветное бедствие, что угрожающие моргены земли далеки от них и будут попрежнему оставлены у барина».

IV.

Но все это было еще только первой перестрелкой. В начале 1849 г. у французских социал-демократов все более усиливалось движение в пользу возникшего уже раньше проекта: потребовать обратно подаренный вернувшимся в 1825 г. из эмиграции дворянам миллиард франков, уплаченный им государством за потерянные ими во время Великой французской революции имения, и употребить эти деньги в интересах трудящихся масс. 16 марта «*Neue Rheinische Zeitung*» поместила передовицу по этому вопросу, а на следующий же день Вольф дал статью «*Прусский миллиард*».

«Рыцарь Шнапганский ¹ (Лихновский) умер. Но разбойников ¹ у нас еще очень много. Юнкеры Померании и Бранденбурга объединились с остальными прусскими юнкерами. Они надели святую одежду честного буржуа и называют себя: «Союз защиты собственности всех классов населения», — конечно, *феодальной* собственности... Они замышляют не больше и не меньше, как ограбить, между прочим, и Рейнскую область на сумму около 20 миллионов талеров и сунуть эти деньги в свой карман. План недурен. Жители Рейнской области должны почитать за особую честь то, что юнкеры фон-Тадден-Триглафф в Померании, фон-Арнимы и фон-Мантейфели вместе с несколькими тысячами захолустных юнкеров соизволят оказать им честь, уплатив из рейнских денег свои долги.

Действительно, господин фон-Бюлов-Куммеров, тогда известный как Бюлов-Куммерфоль ², придумал некий план, который был принят вышеупомянутым юнкерским союзом или, как Вольф его называл, «юнкерским парламентом» и послан в качестве петиции правительству и палатам, — план регулирования поземельного налога в Пруссии. С одной стороны, землевладельцы-крестьяне, особенно в западных провинциях, жаловались на то, что им приходится платить *слишком большой* поземельный налог; с другой стороны, крупные землевладельцы-дворяне восточных провинций *вовсе не* платили поземельного налога, хотя уже закон от 27 октября 1810 г. облагал их этим налогом, как и всех других землевладельцев. Юнкерский парламент нашел способ устранить *оба* бедствия. Послушаем Вольфа.

«Юнкеры хотят «принести жертвы, чтобы устранить господствующее геперь недовольство». Так они говорят. Кто мог ожидать от них такого великодушия! Однако в чем же состоят эти жертвы? Они предлагают, чтобы доход со всякого земельного участка был твердо установлен путем приблизительной

¹ Игра слов: «Schnapphahn» — разбойник. *Ред.*

² Игра слов: «Kummervoll» — печальный. *Ред.*

оценки, а затем—чтобы по всей стране был установлен поземельный налог, прямо пропорциональный этому доходу. Благородство-то это невелико, так как они теперь собираются сделать лишь то, что обязаны делать по закону вот уж 38 лет. Но пойдем дальше. Они требуют, чтобы юнкеры и владельцы дворянских поместий, которые до сих пор противозаконно уклонялись от уплаты налога,... может быть, доплатили налог? — да нет же: за то, что они отныне соизволят платить налоги, они должны быть *«компенсированы соответствующим капиталом»*, а именно,—выплатой 25-кратной суммы того налога, который в дальнейшем должен уплачиваться. «Те же, с которых до сих пор несправедливо брали слишком высокий поземельный налог, должны... не получить обратно уплаченный излишек, а, наоборот, получить право *«избавиться от дальнейших взносов»*, откупаясь путем одновременной уплаты — в зависимости от обстоятельств — 18-20-кратной суммы налога. — «Более высокие налоги будут теперь уплачиваться крестьянами восточных провинций и, кроме того, в особенности Рейнской провинции. Старо-прусские крестьяне и жители Рейнской области теперь, таким образом, должны еще выплачивать за это капиталы. До сих пор владельцы дворянских поместий в восточных провинциях никаких налогов не платили или платили лишь незначительные поземельные сборы... Они-то, стало быть, и получают деньги, которые должны внести жители Рейнской области и крестьяне».

Далее следует обзор уплаченных в 1848 г. различными провинциями поземельных налогов и их земельных площадей, и отсюда делается вывод:

«Рейнская область уплачивает в среднем за каждую квадратную милю приблизительно в пять раз больший поземельный налог, чем Пруссия, Познань и Померания, в четыре раза больший, чем Бранденбург».

Правда, почва там лучше, однако,

«при самом скромном исчислении Рейнская область должна теперь уплатить поземельного налога почти на миллион талеров больше, чем пришлось бы на ее долю при среднем расчете. По проекту закона, предложенному юнкерским парламентом, жители Рейнской области должны, таким образом, в наказание за это уплатить еще от 18 до 22 миллионов талеров наличными, которые потекли бы в карман юнкеров восточных провинций! Государство при этом играло бы только роль банкира. Таковы те грандиозные жертвы, которые готовы принести господа захолустные юнкеры-паразиты, такова защита, которую они оказывают собственности. Так защищает собственность каждый карманный вор...

«Жители Рейнской области, особенно рейнские крестьяне, так же, как и вестфальские и силезские, должны тем временем подумать, где бы им раздобыть денег для уплаты юнкерам. Выложить 100 миллионов талеров в настоящее время не так просто.

«Таким образом, в то время как во Франции крестьяне требуют миллиард франков от дворянства, в Пруссии дворянство требует полмиллиарда франков от крестьян!

«Ура! Троекратное ура берлинской мартовской революции!»

Однако, для бесстыдства прусских юнкеров одного этого отпора было недостаточно. «*Neue Rheinische Zeitung*» видела свою силу и обрела ее в нападении, и вот Вольф напечатал, начиная с 22 марта 1849 г.,

ряд статей: «Силезский миллиард», в которых он подсчитал, какие суммы деньгами, валютными ценностями и земельной собственностью противозаконно отняло у крестьян с начала выкупа барщины одно лишь *силезское* дворянство. Из множества зажигательных статей, напечатанных в «Neue Rheinische Zeitung», немногие имели такой успех, как эти восемь статей, появившихся между 22 марта и 25 апреля. Подписка на газету в Силезии и в других восточных провинциях быстро возросла; требовали отдельных номеров, и, наконец, ввиду того, что той свободы печати, которую в виде исключения обеспечивали нам рейнские законы, в остальных провинциях не было, а вновь отпечатать оттиски при действии благородного местного права нечего было и думать, — решено было тайно напечатать в Силезии целиком эти восемь номеров, по внешнему виду как можно более близко к оригиналу, и распространить их в тысячах экземпляров, — дело, против которого редакция, конечно, могла возражать меньше всего.

V.

Вот как начал Вольф атаку против силезских юнкеров в «Neue Rheinische Zeitung» в номере от 22 марта 1849 г.:

«Как только была организована палата придворных и захолустных юнкеров (которая собралась 26 февраля 1849 г. на основании октроированной конституции и октроированного избирательного закона), — тотчас же был внесен проект о регулировании, т. е. выкупе феодальных повинностей. Благородные господа торопятся. Они хотят еще до закрытия сессии выжать из сельского населения столько, чтобы отложить изрядный запасец про черный день и перевести эту сумму за границу, прежде чем придется за нею последовать им самим.

«За тот ужас, за тот безотчетный страх, который они пережили в первое время после «недоразумения» берлинского марта и его ближайших последствий, они стараются теперь извлечь из карманов любезных деревенских подданных вдвойне любезный их сердцу бальзам.

«Силезия, бывшая до сих пор золотым дном феодальных и промышленных баронов, в особенности должна быть еще раз основательно разграблена для того, чтобы блеск ее помещичьего рыцарства, усиленный и подкрепленный, продолжал сиять и впредь.

«Тотчас же после появления октроированного в декабре прошлого года временного закона о выкупе (см. «Neue Welt» № 30), мы указали, что он был рассчитан лишь на пользу помещиков, что так называемый мелкий люд уже при образовании третейского суда был отдан на произвол сильных. Несмотря на это, благородное рыцарство недовольно этим законом. Оно требует закона, который проявил бы еще больше нежности к рыцарскому кошельку.

«В марте и апреле 1848 г. множество высокопоставленных господ в Силезии выдали своим крестьянам письменные грамоты, в которых они отказывались от всех прежних крепостнических сборов и повинностей. Чтобы спасти свои вѣмки от сожжения, а самих себя от того, чтобы стать своеобразным украшением какой-нибудь липы в замке или тополя во дворе, они одним росчерком пера отреклись от своих так называемых благоприобретенных прав. На их счастье бумага и тогда все терпела.

«Когда же затем революция, вместо того, чтобы шагать вперед, застряла в болоте филистерства и благодушного выжидания, господа помещики извлекли свои грамоты об отречении, но не для того, чтобы привести их в исполнение, а для того, чтобы послать их в уголовный суд в качестве следственных улик против бунтующей крестьянской черни».

Вольф рассказывает здесь, как бюрократия под руководством обер-президента Пиндера и с помощью летучих военных отрядов принуждала крестьян выполнять прежние повинности, как у крестьян оставалась лишь надежда на Берлинское согласительное собрание, как господа согласители, вместо того, чтобы объявить прежде всего о безвозмездной отмене всех феодальных поборов, теряли время на

исследование природы, происхождения и т. д. восхитительных феодальных повинностей и поборов до тех пор, пока реакция не окрепла до такой степени, что разогнала все это Собрание, прежде чем оно успело принять какое бы то ни было решение относительно отмены феодальных тягот; как потом был пожалован новый закон о выкупе и как даже этот архиреакционный закон не удовлетворил, однако, господ помещиков, и они предъявили теперь еще большие требования.

Но господа рыцари распорядились, не спрашивая хозяина, а хозяин этот —

«силезский крестьянин, не крестьянин-буржуа с 3, 4 и более гуф¹ земли, а та масса мелких крестьян, дворовых и вольных огородников (Hof- und Freigärtnern), крестьян, живущих в наемном доме (Häuslern) и «живущих в своем доме» (Zuhausinnewohnern), которые были до сих пор настоящими вьючными животными крупных землевладельцев и которые, по плану последних, должны бы были оставаться ими и дальше, хотя и в другой форме».

«В 1848 г. эта масса удовлетворилась бы безвозмездным упразднением феодальных тягот... После горького опыта последних месяцев 1848 г. и истекших месяцев 1849 г. силезские крестьяне, этот «мелкий люд», все больше и больше приходили к тому заключению, что господа владельцы дворянских поместий, вместо того, чтобы при помощи хитро придуманного закона о выкупе пожаловать себе новые богатства, должны бы были по праву отдать по крайней мере ту часть награбленного ими, которую они высосали при помощи прежних законов о выкупе... В деревнях заняты теперь вопросом о том, сколько же господа разбойники-рыцари украли у крестьян за последние тридцать лет».

Это сосчитать не так просто, как во Франции, где для компенсации была вытянута у нации круглая сумма в 1 000 миллионов франков, почти 300 миллионов талеров, так что «французский крестьянин знает, какую сумму капитала и процентов должен он получить обратно». В Пруссии эксплуатация происходила из года в год, и до сих пор лишь каждый крестьянин в отдельности знал, сколько уплачено им и его деревней.

«Теперь же произвели подсчет по целой провинции и нашли, что сельское население уплатило господам помещикам в счет выкупа, отчасти земельными участками, отчасти наличными деньгами и рентой, больше 80 миллионов талеров. К этому нужно прибавить ежегодные сборы и повинности с крестьян, еще до сих пор не освобожденных. Эта сумма составит за последние тридцать лет по крайней мере 160 миллионов талеров, что вместе с вышеуказанными составляет около 240 миллионов талеров».

«Крестьяне, до сведения которых лишь теперь дошли эти расчеты, увидели яркий свет, пред сиянием которого феодальная клика... пришла в ужас. Феодалы проглотили 240 миллионов, взятых из карманов крестьянского населения, и вот: «наши 240 миллионов мы должны при первой возможности

¹ Земельный участок, определяющийся различно в разных местностях Германии (от 0,75 до 7 гектаров). *Ред.*

получить обратно», — такова мысль, которая бродит отныне среди силезских крестьян, таково требование, которое провозглашается уже в тысячах деревень.

«Все больше и больше распространяющееся сознание, что *если* вообще должна идти речь о компенсации за феодальные повинности, то за совершенный у них рыцарский грабёж должны быть компенсированы *крестьяне*, — это сознание является «достижением», которое быстро дает свои плоды. Его нельзя вытеснить никакими октроированными фокусами. Ближайшая революция приведет к его практическому осуществлению, и силезские крестьяне тогда уж, по всей вероятности, сумеют выработать такой «закон о компенсации», при посредстве которого не только награбленный капитал, но и «обычные доходы» найдут обратный путь в карманы народа».

По какому «праву» господа юнкеры присвоили себе эту сумму, разъясняет вторая статья в номере от 25 марта 1849 года.

«Как обстояло дело с приобретением этих разбойничье-рыцарских «прав», об этом дает самые яркие указания не только каждая страница средневековой истории, но и каждый год вплоть до самого последнего времени. Средневековый рыцарский меч позднее как нельзя лучше объединился с гусиным пером юристов и чиновничьей банды. Из насилия посредством шулерского маневра было сфабриковано «право», «благоприобретенное право». Возьмем пример из прошлого столетия. В 80-х годах в Силезии по требованию дворянства были организованы комиссии для установления кадастров (Urbarien), т. е. повинностей и прав помещичьих крестьян... Комиссии, составленные из дворян и их доверенных, превосходно работали... в интересах аристократии. Тем не менее, высокопоставленным господам далеко не везде удавалось установить так называемые «конфирмированные» (признанные крестьянами) кадастры. Там же, где это удавалось, это происходило только путем насилия или обмана... Во введении к некоторым из этих документов очень наивно сообщается, что крестьяне не хотели ставить крестов (писать тогда умели лишь очень немногие) и что их заставили подписать документ, чрезвычайно невыгодный для них и для их потомков, отчасти при помощи угроз, отчасти путем прямого применения вооруженной силы. На основании таких «благоприобретенных прав» господа рыцари сумели в Силезии за последние тридцать лет перегнать из пота и крови крестьянского сословия в свои родовые денежные сундуки кругленькую сумму в 240 миллионов талеров».

VI.

От прямой эксплуатации крестьян дворянством Вольф переходит к различным формам косвенной эксплуатации, в которой главную роль играет содействие государства.

Прежде всего *поземельный налог*, который в Силезии в 1849 г. взимался еще на основе установленного в 1749 г. кадастра. В этот кадастр земли дворянства были внесены с самого начала с преуменьшенным числом моргенов, а крестьянские земли — с преувеличенным; доход с одного моргена луговой или пахотной земли был определен в 1 талер, и по этому расчету взимался поземельный налог. Леса и пастбища были свободны от налога. С тех пор дворяне выкорчевали целые участки леса и обрабатывали значительные площади пустырей. А налог все еще уплачивался с того числа моргенов пахотной земли, которое было в кадастре 1749 года! Таким образом, при неизменных для обеих сторон налогах, крестьянин, у которого не было пустырей для обработки, оказывался значительно переобложенным, *vulgo* [попросту говоря] обманутым. Более того:

«Значительная часть рыцарства, именно та часть, которая *владеет самыми крупными и самыми доходными имениями*, до сих пор не заплатила еще ни гроша *поземельного налога* под предлогом своих «благоприобретенных прав» в качестве медиатизированных родовых дворян».

«Будем считать, что господа рыцари за последние 30 лет не доплатили или совсем не заплатили по одному лишь поземельному налогу около 40 миллионов талеров, — а ведь это еще поистине братский расчет, — стало быть, вместе с теми 240 миллионами, которые были прямо похищены из карманов силезских крестьян, получается сумма в 280 миллионов» («*Neue Rheinische Zeitung*» от 25 марта 1849 года).

Дальше идет поразрядный налог. Один силезский крестьянин, которого Вольф берет наудачу из общей массы,

имеет 8 моргенов земли среднего качества, выплачивает ежегодно множество сборов «милостивому» господину, должен ежегодно отбывать ему огромную барщину, да к тому же платит ежемесячно поразрядный налог в 7 зильбергрошей 8 пфеннигов, что составляет 3 талера в год. Противоположность ему составляет милостивый господин с обширнейшей земельной собственностью, с лесами и лугами, железодельными заводами, цинковыми рудниками, угольными копями и т. д., например — сверх-нытик¹, руссофоб, враг демократов и депутат второй палаты, граф Ренард. Этот человек имеет ежегодный доход в 240 000 талеров.

¹ *Нытик* (*Heuler*) — прозвище реакционера. *Ред.*

Он платит высший поразрядный налог в 144 талера в год. По сравнению с крестьянином, владельцем 8 моргенов, он должен был бы платить ежегодно по крайней мере 7 000 талеров поразрядного налога, что за 20 лет составило бы 140 000 талеров. Значит, за 20 лет он не доплатил 137 120 талеров».

Вольф сравнивает сумму поразрядного налога, которую платит этот самый граф Ренард, с налогом батрака, который при жалованьи в 10 талеров в год уплачивает $\frac{1}{2}$ талера, или 5% своего чистого дохода, и с налогом прислужницы дворового садовника, которая при 6 талерах жалованья в год тоже уплачивает $\frac{1}{2}$ талера, или $8\frac{1}{3}\%$ своего дохода в качестве поразрядного налога. В соответствии с этим за 20 лет благородный граф по сравнению с батраком не доплатил 237 240 талеров поразрядного налога, а по сравнению с батрачкой — даже 397 120 талеров.

«Согласно отеческой воле Фридриха-Вильгельма IV, Эйхгорна-Ладенберга и прочей христиански-германской компании народная школа должна была ограничиваться (сравни рескрипты Эйхгорна до начала 1848 г.) лишь обучением чтению, письму и самому элементарному счету. Четыре арифметических действия были, таким образом, все же разрешены народу. Но вовсе не было нужды в народной школе для того, чтобы обучить крестьянина этим различным действиям, особенно — вычитанию или тому, как снимать да отнимать. По крайней мере, в Силезии благословенное богом разбойничье рыцарство вычитало у него и вокруг него так много, что он, со своей стороны, теперь уж при первом благоприятном случае должен отлично выдержать экзамен по вычитанию в применении к высокопоставленным господам».

Вольф дает еще один пример этой практики вычитания со стороны силезского дворянства: заброшенные участки.

«Всюду, где в прошлом столетии вследствие войн, эпидемий, пожаров и прочих бедствий гибли сельские хозяева (т. е. крестьяне), — господин сеньор тотчас же оказывался тут как тут, чтобы целиком или частично присоединить к своим владениям пашню пострадавшего района в качестве «заброшенного участка». Повемельный, подомовый налог и прочие тяготы вы, господа, при этом, конечно, остерегались брать на себя. Эти налоги должны были и дальше платить или вся община, или же новый владелец, который получал зачастую лишь третью, шестую, восьмую часть прежней земельной площади, но вместе с купчей крепостью заполучал и все прежние налоги, сборы и повинности. Подобным же образом поступали вы и с общинными дугами и пашнями, когда, например, вышеуказанные причины вызывали более или менее полное обезлюдение деревни. Этими обстоятельствами и подобными этим вы пользовались для того, чтобы как можно больше округлить свои поместья. Общины же и отдельные крестьяне должны были неослабно нести общинные, школьные, церковные, окружные и прочие повинности, словно бы у них не произошло ни малейших потерь... Той же меркой, какой вы изволите мерить нас, будем и мы вас мерить, — отвечает вам крестьянин.

«Ослепленные бешеной жаждой возмещения, вы наткнулись на настоящее оспие требование с стороны народа. Если эти осы,

раздраженные до крайности, в один прекрасный день вылетят наружу, — на вашу долю легко может выпасть, сверх известного *возмещения*, еще изрядная доза *повреждений!*» («Neue Rheinische Zeitung» от 27 марта).

В следующей статье (номер от 29 марта) Вольф описывает самый способ выкупа феодальных повинностей. Знаменитым генеральным комиссиям, которые должны были руководить этим делом по целой провинции, были подчинены королевские поместные комиссары и их помощники, королевские землемеры и регистраторы. Как только поступало заявление о выкупе феодальных повинностей со стороны помещика или крестьянина, появлялись в деревне эти чиновники, и господин помещик тотчас же приглашал их к себе в замок, славно угощал и обрабатывал.

«Зачастую такая обработка производилась еще раньше, а так как господа рыцари не скупятся на шампанское, когда с его помощью можно кой-чего достичь, то любезные старания сеньоров приводили большей частью к успешным результатам».

Правда, иногда попадались и неподкупные чиновники, но они являлись исключением, да и это не помогало крестьянам.

«В тех случаях, когда поместный комиссар со своей стороны строго придерживался буквы закона, крестьянам было от этого мало толку, как только, например, владелец поместья или его доверенный привлекал на свою сторону землемера. Еще хуже было для крестьян, когда, как это обычно бывало, между поместным комиссаром, землемером и господином сеньором царило самое теплое согласие. Рыцарское сердце могло тогда порадоваться.

«Во всей полноте власти, которую умело облекать своих сочленов старо-прусское чиновничество, появлялся королевский комиссар среди собравших в судебной корчме крестьян. Он неукоснительно напоминал крестьянам о том, что находится здесь и действует среди них «именем короля».

«Именем короля!» При этих словах перед глазами крестьянина сразу проходят все самые мрачные фигуры: жандармов, экзекуторов, сеньоральных судей, ландратов и т. д. Ведь все они душили его, выжимали из него все соки всегда «именем короля». Именем короля! Это звучало для него, как палка или как тюрьма, как налоги, десятины, барщина и специальные сборы. Ведь все это он должен был платить тоже именем короля. Если же такое вступление комиссара не производило достаточного действия, если община или отдельные крестьяне в том или другом пункте упирались против планов помещика и комиссара, то комиссар превращался в олимпийского громовержца, который осыпал болевшую толпу крестьян тысячами священных проклятий, а затем прибавлял более мягко: если вы и дальше станете чинить такие глупые проволочки, то, помяните мое слово, вам придется порядком *раскошелиться!* Этот символический намек на крестьянский кошелек большей частью решал дело: повинности и обязательства теперь легко было приспособить к желаниям помещика».

¹ Игра слов: *Entschädigung* (возмещение) и *Beschädigung* (повреждение).
Ред.

Затем приступали к обмеру земли, и тут подкупленный землемер, со своей стороны, обманывал крестьян на пользу помещика. Для оценки доходности, качества почвы и т. д. привлекались в качестве экспертов окружные старосты, и те давали свое заключение в большинстве случаев тоже в пользу помещика. Обделав все это и, после вычета части земли, отходящей к помещику в качестве компенсации за отмену феодальных повинностей, твердо установив, наконец, остающееся крестьянам количество моргенов земли, — господа рыцари вместе с поместным комиссаром старались, если только это было возможно, перенести пашню мелкого люда в наихудшее место. Хорошая земля присоединялась к помещичьей, а крестьянам взамен отрезалась та часть господской пашни, которая регулярно затоплялась в дождливые годы. Кроме того, землемер уворовывал у крестьян часть пашни еще при окончательном обмере. В огромном большинстве случаев крестьяне были беззащитны: кто затевал тяжбу, — как правило, бывал этим разорен, и лишь при совершенно исключительно благоприятных обстоятельствах крестьянин мог добиться своего права.

Дело заканчивалось составлением и подписанием всех договоров или закрепительных грамот генеральной комиссией, а также... счетом общих расходов, и тут-то начиналось подлинное горе крестьянина.

«Для характеристики этих счетов нет другого слова, как: нахальные. Крестьянин мог протестовать, мог рвать на себе волосы, — все было напрасно. С его кошельком вовсе не считались; государственная казна забирала свою часть гербового сбора, а остальное служило для оплаты генеральной комиссии, поместной комиссии и т. д. Вся эта чиновничья свора жила широко и весело. Небогатые юнцы, служившие в качестве поместных комиссаров, пользуясь бесчинством разбойников-рыцарей, очень скоро выскакивали тоже в ряды владельцев рыцарских имений. Нечего и добавлять, что решение дел в генеральных комиссиях находилось в руках дворянства. Без этого делишки господ рыцарей не обстоили бы так хорошо».

Денежный отчет о всех расходах этих генеральных комиссий по доброму старо-прусскому обычаю никогда не публиковался, так что народ и не знает даже, чего собственно стоил ему выкуп феодальных повинностей, проводившийся до 1848 года. Но отдельные общины и крестьяне никогда не забудут, как приходилось им тогда «раскошелиться».

«Например, маленькая деревушка, крестьяне которой все вместе владели едва 30 моргенами земли, должна была уплатить в покрытие издержек по договору около 137 талеров; в другой — на владельца участка в 7 моргенов пахотной земли пришлось не меньше 29 талеров издержек... Возмещение разбойников-рыцарей было таким великолепным блюдом, что, приправленное кой-какими христиански-германскими приношениями, оно должно и дальше подаваться

на стол высокопоставленных и благородных господ. Пахнет еще большим! — говорит силезское равбойничье рыцарство, ухмыляясь, поглаживая свои усы и прищелкивая языком, как это имеют обыкновение делать захолустные юнкеры».

Вольф писал это двадцать семь лет тому назад, и описанные события относятся ко времени 1820—1848 гг.; но когда читаешь о них теперь, то кажется, что читаешь описание того, как после 1861 г. крепостные России были превращены в так называемых свободных крестьян. Сходство поразительное. В обоих случаях шаг за шагом тот же самый обман крестьян в пользу господ помещиков. И подобно тому, как русский выкуп феодальных повинностей во всех официальных и либеральных описаниях изображается как огромное благодеяние для крестьян, как величайший шаг вперед в русской истории, — точно так же официальная и национал-рабочая история изображает нам старо-прусское вымогательство у крестьян как всемирно-освободительное событие, пред лицом которого Великая французская революция, бывшая ведь причиной всего этого выкупа, отступает на задний план!

VII.

Перечень грехов силезского дворянства все еще не исчерпан. В «*Neue Rheinische Zeitung*» от 5 апреля Вольф рассказывает, как введение свободы промыслов в Пруссии послужило разбойникам-рыцарям новым поводом для обмана сельского населения.

«Пока существовали цеховые стеснения, сельский ремесленник и предприниматель уплачивал за свое ремесло или за свое заведение ежегодный, обычно довольно высокий налог господину помещику. Зато он пользовался тем преимуществом, что помещик защищал его от конкуренции других, отказывая тем в разрешении заниматься ремеслом, и что, кроме того, помещик должен был давать ему работу. Так обстояло дело в особенности у мельников, пивоваров, мясников, кузнецов, пекарей, корчмарей, владельцев постоянных дворов, мелочных торговцев и т. д.»

Когда была введена свобода промыслов, — защите, которую оказывали имевшим привилегии ремесленникам, пришел конец, и у них повсюду появились конкуренты. Несмотря на это, помещики продолжали взимать прежний налог под тем предлогом, что он связан не с ремеслом, а с землей; а суды, тоже отдавая предпочтение интересам дворянства, в огромном большинстве случаев подтверждали это бессмысленное притязание. Мало того. Со временем господа помещики стали сами строить водяные и ветряные мельницы, а позднее и паровые, и таким образом сами составили непреодолимую конкуренцию прежде привилегированному мельнику; но, несмотря на это, они преспокойно заставляли его платить и дальше старый налог за прежнюю монополию под тем предлогом, что это либо земельный чинш, либо возмещение за некоторые сделанные помещиком незначительные улучшения в стоке воды и т. д. Так, Вольф приводит пример водяной мельницы с двумя поставами, без всякой пахотной земли, с которой нужно было ежегодно платить помещику 40 талеров, хотя последний построил конкурирующую с ней мельницу, так что на первой мельнице банкротился один мельник за другим. Тем лучше для помещика: мельницу приходилось тогда продавать, а с покупной суммы при каждой перемене владельца помещик получал по феодальному праву (*Laudemium*) 10% в свою пользу! — Точно так же за ветряную мельницу, к которой принадлежала лишь та земля, на которой она стояла, нужно было выплачивать помещику 53 талера в год. Так же обстояло дело у кузнецов, которые

принуждены были платить или же выкупать прежний чинш за монополию, несмотря на то, что не только была упразднена сама монополия, но и тот самый помещик, который взимал чинш, имея собственную кузницу, конкурировал с ними, как и с другими ремесленниками и предпринимателями; несмотря на это чинш либо погашался путем выкупа, либо продолжал выплачиваться, хотя обратные обязательства помещика, заключающиеся в защите от конкуренции, давно отпали.

До сих пор рассматривались лишь различные формы эксплуатации, которые феодальное дворянство применяло по отношению к имущему сельскому населению, крестьянам с двумя и больше гудами, и вплоть до вольных огородников, свободных крестьян (*Freihäusler*), выгонных крестьян (*Auenhäusler*) и других, как бы ни назывались все эти люди, имевшие, по крайней мере, хижину, а в большинстве случаев и небольшой огород. Оставался многочисленный класс тех, кто не служил у помещика и не имел ни домика, ни квадратного фута земли.

«Это тот класс постояльцев (*Inlieger*), жильцов (*Zuhauseinwohner*), — словом, *бобылей* (*Inwohner*), людей, снимавших за 4—8 талеров в год каморку, большей частью собачью конуру, у крестьян, у огородников, у живущих в наемном доме (*Häuslern*). Это либо выселенцы, т. е. люди, передавшие хозяйство родственникам или продавшие его чужим и ушедшие на покой в стоящую там избушку, оставив или не оставив за собою клочок земли, либо же — и такие составляют большинство — это бедные поденщики, деревенские ремесленники, ткачи, горнорабочие и т. п.»

Как взыскать за них? Предлог для этого должна была доставить сеньоральная юстиция, это престестное учреждение, подлежащее упразднению лишь теперь, в силу закона об округах, учреждение, в котором помещик имеет право судить своих бывших подданных. При этой юстиции, сажая кого-нибудь из своих подсудимых в тюрьму, господин помещик должен был нести и расходы по его содержанию, как и расходы по следствию. Зато тот же господин помещик получал все сборы, которые поступали сеньоральному суду. Если арестованный был крестьянином, то господин помещик опять-таки взыскивал с него издержки, в крайнем случае вынуждая его продать дом и хозяйство. Для того же, чтобы покрыть и те расходы, которые доставляли ему некоторые арестованные безземельные, помещик ежегодно взимал со всех людей этого класса, подлежащих его правосудию, *денеги на охрану* (*Schutzgeld*), окрещенные пышным именем «юрисдикционных денег».

«Некоторые из господ помещиков, — говорит Вольф («*Neue Rheinische Zeitung*» от 12 апреля), — довольствовались одним талером в год, другие взимали 1½ талера, а третьи доходили в своей наглости до того, что требовали

2 талера в год у этой части сельского пролетариата. На эти кровные деньги тем приятнее было кутить и развратничать в столице и на курортах.

«Где никак нельзя было выжать наличных денег, там господин помещик или его управляющий превращал деньги на охрану в 6, 10, 12 даровых дворовых дней (которые постоялец (Inlieger) должен был отработать на помещика даром). Деньги на бочку! Когда же постоялец не мог заплатить, то на него спустили обычно исполнителя, который должен был отнять у него последние тряпки, последнюю кровать, стол и стул. Лишь немногие из господ-помещиков выдерживались от этого варварства и не требовали денег на охрану, но не потому, что это было неправильно присвоенное право, а лишь потому, что они по своей патриархальной мягкости не хотели применять это мнимое право.

«Так, за немногими исключениями, из года в год подло грабили постояльцев в интересах помещичьего кошелька. Например, бедный ткач, которого, с одной стороны, эксплуатировал фабрикант, должен был, с другой стороны, при ежедневном заработке в 3 — 4 вильберггроша, при $\frac{1}{2}$ талера поразрядного налога государству, при сборах на школу, церковь и общину, выплачивать еще и помещику от 1 до 2 талеров денег на охрану, которые поистине следовало бы назвать кровными деньгами. Так было с горнорабочими и со всеми остальными безземельными.

«Какую выгоду имел от этого он, постоялец? Лишь ту, что, доведенный нуждой, нищетой и жестокостью до воровства или другого преступления и вынужденный отбывать наказание, он мог сидеть в тюрьме или исправительном доме с тем радостным сознанием, что он и класс постояльцев, к которому он принадлежит, уже заранее в стократном размере оплатили помещику тюремные издержки... Постоялец, который платил деньги на охрану — возьмем в среднем по $1\frac{1}{3}$ талера в год — в течение 30 лет, и не попал за это время в тюрьму, должен был опустить в помещичий карман 40 талеров чистоганом, не считая простых и сложных процентов. Этой суммой помещик оплачивает проценты за взятый в заемстве (кредитном обществе владельцев рыцарских поместий) капитал в 1 000 с лишним талеров.

«Какой обильный источник обрели эти господа-разбойники в деньгах на охрану, видно из того факта, что в большинстве деревень столько же, а часто даже больше постояльцев, чем хозяев. Мы вспоминаем одного из самых мелких помещиков, который имел 3 владения и который ежегодно выжимал у постояльцев, живших в его трех деревнях, 240 талеров денег на охрану, при помощи которых он платил проценты за земский капитал (взятый под его имя) в 6 000 талеров...

«Наивные люди после всего этого, может быть, подумают, что господа рыцари и в самом деле выплачивали какие-нибудь судебные издержки из своих авансом наполненных карманов? Такое наивное предположение было бы прямо позорно для рыцарской спекуляции. Нам известно из двадцатых годов и позднее множество случаев, когда рыцарская наглость доходила до того, что они не только взымали с постояльцев деньги на охрану, но заставляли еще своих возлюбленных деревенских подданных уплачивать то $\frac{1}{3}$, то $\frac{1}{2}$, а в некоторых деревнях даже $\frac{2}{3}$ возникающих судебных и тюремных издержек».

VIII.

В «Neue Rheinische Zeitung» от 14 апреля Вольф переходит к *праву на охоту*, которое в 1848 г. было отменено безвозмездно; господа юнкеры громко требовали тогда его восстановления или же выкупа путем «возмещения убытков».

«Святость дичи» привела к тому, что скорее убивали каналью-крестьянина, чем зайца, куропатку или тому подобное неприкосновенное существо. При охоте с загонщиками, которых набирали из возлюбленных деревенских подданных, не очень-то стеснялись; если кто-нибудь из загонщиков бывал ранен или убит наповал, то в лучшем случае производилось расследование, и делу конец. Кроме того, нам известно много случаев из этого блестящего феодального периода, когда благородный рыцарь загонял заряд дроби тому или иному загонщику в ногу или в зад, чтобы доставить себе истинно рыцарское удовольствие. И господа рыцари, помимо настоящей охоты, страстно увлекались такими забавами. По этому поводу нам всегда вспоминается тот господин барон, который, увидав женщину, собиравшую, невзирая на его запрещение, колосья на сжатой уже господской пашне, пустил ей в ляжку порцию дроби, а затем за обедом в избранном разбойничье-рыцарском обществе с нескрываемым самодовольством рассказывал о своем геройском подвиге... Зато возлюбленные деревенские подданные имели счастье во время большой господской охоты исполнять обязанности загонщиков. Каждому хозяину, т. е. каждому владельцу пашни и каждому живущему в наемном доме, отдавался приказ «завтра на рассвете» доставить на столько-то дней загонщика для большой господской охоты. Должно быть, у господ рыцарей радостно билось сердце, когда в холодные, сырые октябрьские и ноябрьские дни рядом с ними бежала рысью ватага плохо одетых, часто босых, голодных деревенских жителей. На ягдташе висела плеть, на поучение собак и загонщиков. Наибольшую порцию плетей получали последние... Некоторые рыцари широко разводили фазанов... горе женщине или служанке, по неосторожности или по недостатку чутья подошедшей при косье слишком близко к фазаньему гнезду и побеспокоившей самку... Мы сами в детстве были очевидцами того, как за такое преступление одна крестьянка была самым варварским, самым скотским образом оскорблена и изувечена молодым разбойником-рыцарем, и ни один петух не прокричал об этом. То были бедные люди, а для того, чтобы жаловаться, т. е. вести тяжбу, нужны были деньги, а также и некоторое доверие к суду, — а это бывало редко или же вовсе не встречалось у большинства силезских крестьян.

«Скрежеща зубами от бешенства, должен был крестьянин наблюдать за тем, как господа рыцари со своими охотниками или без них, или же одни только охотники, тогда и опустошали его пѳтом и кровью политое поле, как они не щадили никаких всходов, высоких или низких, густых или редких. Они скакали по полю вдоль и поперек со своими охотниками и собаками. Если крестьянин осмеливался возражать, то ему отвечали в лучшем случае презрительным смехом; наков был худший случай, — крестьянин частенько испытывал на своем избитом теле. Капусту с крестьянского огорода поедал благословенный богом,

неприкосновенный заяц, а деревья крестьянин сажал для того, чтобы заяц мог уголить свой голод зимою... Но весь этот вред — сущие пустяки по сравнению с тем, что причиняла ему красная и черная дичь, которая... взращивалась в большей части Силезии. Дикие кабаны, олени и лоси раскапывали, пожирали, растапывали часто за одну ночь то, что крестьянам, «мелкому люду», должно было служить целый год для пропитания и для уплаты налогов и сборов. Правда, потерпевшему разрешалось подавать просьбу о возмещении убытков. Это пытались делать как отдельные люди, так и целые общины. Результат таких процессов представит себе всякий, кто приобрел на своем опыте хоть самое отдаленное понятие о старо-прусском чиновничестве, о судьях и о ведении процессов... После бесконечных писаний и выводов в суд крестьянину удавалось, если судьба была благосклонна, получить через несколько лет приговор против дворянина, но хорошенько рассмотрев его и все подсчитав, он оказывался еще более обманутым... А число деревень, на пашне которых в течение 30 лет, с каждым годом все влее и влее, опустошительно хозяйничали дикие кабаны, олени и лоси, превышает 1 000. Мы знаем много отнюдь не больших деревень, которым одна лишь эта неприкосновенная крупная дичь из года в год приносила 200 — 300 талеров убытка».

И если теперь дворянство требует возмещения за отмену этого права охоты, то Вольф противопоставляет этому требованию другое:

«Полное возмещение за весь ущерб, причиненный дичью, за все опустошения, которые 30 лет причиняли нашим полям благословенные богом лоси, олени, дикие кабаны, а также и сами господа рыцари; это означает в круглых цифрах: «Возмещение по крайней мере в сумме 20 миллионов талеров!»

Завершением всего («Neue Rheinische Zeitung» от 25 апреля 1849 г.) является статья о польской части этой провинции, о Верхней Силезии, которая осенью 1847 г. была поражена таким же ужасным голодом, как тот, который в то время обезлюдил Ирландию. В Верхней Силезии так же, как в Ирландии, разразилась эпидемия голодного тифа, распространившаяся подобно чуме. В следующую зиму она здесь вспыхнула снова, хотя не было ни неурожая, ни наводнения, ни тому подобных бедствий. Чем это объясняется? Вольф отвечает:

«Большая часть земли находится в руках крупных землевладельцев, фиска (государства) и мертвой руки [духовенства]. Только $\frac{2}{6}$ всех земель находится в руках крестьян, и эта земля невероятнейшим и бессовестнейшим образом переобременена барщиной и сборами в пользу помещика, а также налогами в пользу государства, церкви, школы, округа и общины, между тем как господа помещики по сравнению с крестьянами в лучшем случае уплачивают государству сущие пустяки... Когда наступает день уплаты ренты, чинш выскивается с крестьянина при помощи кнута, если крестьянин не желает уплатить его добровольно. Недостаток капитала и кредита и изобилие сборов и повинностей разбойникам-рыцарям, государству и церкви вынудили крестьянина попасть в лапы еврею и, беспомощно барахтаясь, гибнуть в путях хитрого ростовщика.

«В течение долгих лет унижения и порабощения, в которых держало верхнесилезских крестьян христианско-германское правительство и его разбойничье

рыцарство, единственное утешение и поддержку, а отчасти и пищу, крестьянин находил в *водке*. Надо воздать должное господам помещикам: этот предмет они в изобилии доставляли крестьянину из своих винокуренных заводов по все более дешевым ценам... Рядом с мазанками польских крестьян, где стал постоянным гостем голодный тиф и озверение, еще более романтично выглядят великолепные дворцы, замки и прочие владения верхне-силезских магнатов... На одной стороне—вероятно быстрое накопление богатств, колоссальные годовые доходы «господ». На другой стороне — возрастающее массовое обнищание.

«Заработная плата сельского рабочего крайне низка: 5 — 6 зильбергрошей для мужчины, $2\frac{1}{2}$ — 3 зильбергроша для женщины надо считать уже высокой платой. Многих нужда заставляет работать за 4, за 2 зильбергроша и даже меньше. Пища состоит почти исключительно только из картофеля и водки. Если бы работник имел хоть эти два предмета в достаточном количестве, Верхняя Силезия избегла бы по крайней мере голодной смерти и тифа. Но так как из-за болезни картофеля этот главный предмет питания становился все дороже, и достать его было все труднее, а заработная плата не только не повысилась, но даже упала, — люди бросились за травами, которые они срывали на полях и в лесах, за сорняками и кореньями, варили себе сун из украденного сена и поседали пададь. Их силы таяли. Водка вадорожала и стала... еще хуже, чем прежде. «Шинкарями» называются большей частью евреи, которые платят огромную арендную плату господину помещику за право продавать водку народу. К водке, которую шинкарь разводил надлежащими порциями воды, он уже и прежде привык прибавлять для крепости разные примеси, причем главную роль играло *купоросное масло*. Распространение этой ядовитой смеси с каждым годом становилось все шире, а с наступлением болезни картофеля достигло крайней степени. Желудок крестьянина, ослабленный супами из сена и сорняков и сырыми кореньями, не мог уже переваривать такого снадобья. Если принять еще во внимание плохую одежду, грязное, невдовое жилище, холод зимою, нехватку либо работы, либо сил для работы, — то легко себе представить, как эти голодные условия жизни привели к очень быстрому развитию тифа, точно так же, как и в Ирландии. «Терять людям было нечего!» Этим все объясняется. Государство и разбойники-рыцари непрестанно так эксплуатировали их и так выжимали все соки, что малейшее увеличение нищеты должно было привести их к гибели... Разбойники-рыцари, чиновничья каста и вся благословенная богом королевско-прусская правительственная клинка обдeldывали делишки, получали оклады, распределяли награды, в то время как там внизу простой народ, измученный голодом и тифом, начал околевать сотнями, и околевал, как скотина, все больше и больше.

«Не лучше, чем с поденщиками, обстоит дело с хозяевами, т. е. с теми, кто имел дом и к тому же больший или меньший клочок земли. Их основная пища — тоже картофель и водка. То, что они производят, им приходится продавать, чтобы уплатить подати помещику, государству и т. д... К тому же приходится выполнять дворовые повинности (для господина помещика), переносить там варварские побои плетью от барина или от его служащих; работая, голодая, терпя побои, видеть и выносить роскошь и высокомерие разбойников-рыцарей и окрики чиновничьей касты, — таков был и есть удел большей части польского населения...

) «Какое обращение выпадает на долю дворовой челяди, батраков и слугамок барина, видно уже из того, что приходится претерпевать трудообязанным

деревенским подданным и так называемым наемным рабочим. Плеть и здесь является альфой и омегой рыцарского евангелия...

«Разбойничье рыцарство распоряжается, как ему вздумается. Из их среды назначаются ландраты; они исполняют обязанности поместной и участковой полиции, и вся бюрократия работает в их интересах. К тому же польский крестьянин имеет дело не с немецким — это было бы, пожалуй, слишком гуманно, — а со старо-прусским чиновничеством, с его прусским языком и его местным правом. Крестьянское население Верхней Силезии, терпящее со всех сторон эксплуатацию, издевательства, насмешки, побои, заковывание в кандалы, — должно было, наконец, дойти до той точки, до которой оно и дошло. Голодная смерть и чума неизбежно должны были явиться последним плодом, выросшим на этой истинно христианско-германской почве. Кто способен еще воровать, тот ворует. Это единственная форма, в которой обирландившаяся Верхняя Силезия фактически выражает свой протест против христианско-германского разбойничьего рыцарства. Следующая ступень — нищенство; толпами бредут изможденные фигуры с места на место. На третьем месте мы видим тех, которые не имеют сил и умения ни для того, чтобы воровать, ни для того, чтобы просить милостыню. Их ложе из истлевшей соломы особенно охотно посещает ангел смерти от эпидемий. Таковы плоды деятельности столетнего, богом благословенного монархического правительства вкупе с разбойниками-рыцарями и с бюрократией».

Как и прежде, Вольф требует, чтобы рыцарство дало возмещение крестьянам, чтобы все барщины и денежные чинши были отменены безвозмездно и, наконец, чтобы большие имения верхне-силезских магнатов были раздроблены. Этому конечно не бывать, пока будет существовать Бранденбург-мантейфельское правительство, а тем самым «жители Верхней Силезии будут, как и прежде, кучами падать жертвою голода и голодного тифа», что буквально и подтвердилось, пока огромный подъем верхне-силезской промышленности в пятидесятых и шестидесятых годах не произвел переворота во всех условиях жизни области, все более и более ставя на место грубо-феодальной эксплуатации — цивилизованную, но еще более глубокую, современную буржуазную эксплуатацию.

IX.

Мы намеренно приводили большие выдержки из «Силезского миллиарда» не только потому, что в нем яснее всего отражается характер Вольфа, но и потому, что он дает верное изображение обстановки, господствовавшей до 1848 г. в сельском хозяйстве всей Пруссии, за исключением Рейнской области, Мекленбурга, Ганновера и некоторых других мелких государств, а также во всей Австрии. Там, где происходил выкуп, крестьянин оказывался обделенным; но для половины и даже двух третей крестьянского населения — смотря по месту — феодальные повинности и сборы в пользу помещика продолжали еще существовать, и было мало надежды на ускорение темпа выкупа, покуда гром, грянувший в 1848 г., и последовавший за этим период промышленного развития не смел более или менее с пути и эти остатки средневековья. Мы говорим «более или менее», потому что в Мекленбурге феодализм еще существует в неослабной силе, да и в других отсталых областях Северной Германии можно то тут, то там найти районы, где выкуп еще не произведен. В 1849 г. в Пруссии были безвозмездно отменены деньги на охрану и другие менее значительные феодальные поборы; другие тяготы отменялись быстрее, чем прежде, так как дворянство теперь, после опыта 1848 г. и при возрастающей трудности добиться от строптивых крестьян работы, которая приносила бы прибыль, само добивалось выкупа. Наконец, с введением закона об округах, пало и сеньоральное правосудие помещиков, и тем самым, по крайней мере формально, в Пруссии был устранен феодализм.

Но только формально. Везде, где преобладает крупное землевладение, сохраняется полуфеодальное господствующее положение крупных землевладельцев, хотя бы и при современно-буржуазных во всем остальном хозяйственных отношениях. Меняются только формы этого господствующего положения. Они иные в Ирландии, где землю обрабатывают мелкие арендаторы, иные — в Англии и Шотландии, где обладающие капиталом арендаторы с наемными рабочими возделывают крупные арендные участки. К этой последней форме примыкает и дворянское господское хозяйство, преобладающее в Северной Германии и особенно на Востоке. В крупных имениях хозяйство ведется большей частью за счет владельца, реже за счет крупных арендаторов, с помощью дворовой челяди и поденщиков. Дворовая челядь находится под действием закона о челяди, изданного в Пруссии в 1810 г.

и так хорошо приспособленного к феодальным отношениям, что он *открыто разрешает* «незначительные акты насилия» господ над челядью, но *открыто воспрещает* под страхом уголовного наказания всякое насильственное сопротивление челяди против дурного обращения со стороны господ, за исключением случаев, опасных для жизни или здоровья (Общее уложение о челяди, §§ 77, 79). Поденщики, отчасти посредством контрактов, отчасти же посредством преобладающей системы оплаты труда натурою, — сюда входит и жилье, — поставлены фактически в такую зависимость от помещика, которая ничем не уступает зависимости челяди; так и процветает еще до сих пор к востоку от Эльбы то патриархальное обращение с сельскими рабочими и домашней челядью, обращение с помощью зуботычин, побоев палкой и плетью, которое описал нам Вольф в Силезии. Однако простой народ, увы, настраивается все более бунтарски и проявляет то тут, то там нежелание подвергаться далее этим отеческим мерам воздействия.

Так как Германия все еще по преимуществу земледельческая страна, в которой масса населения кормится землей и живет в деревнях, то важнейшей, но зато и труднейшей задачей рабочей партии является разъяснение сельским рабочим их интересов и их положения. Первый шаг для этого — изучить самим эти интересы и это положение сельских рабочих. Партийные товарищи, которым обстоятельства позволяют это сделать, оказали бы большую услугу делу, если бы сравнили изложение Вольфа с теперешним положением вещей, учли бы происшедшие изменения и описали теперешнее положение сельских рабочих. Наряду с настоящим батраком не следует упускать из виду также и мелкого крестьянина. Как обстоит дело с выкупом феодальных повинностей после 1848 года? Надувают ли теперь крестьянина так же, как прежде? Эти и другие вопросы возникают сами собою после прочтения «Силезского миллиарда», и если отнестись серьезно к ответу на эти вопросы и опубликовать собранный материал в партийном органе, то тем самым делу рабочих была бы оказана большая услуга, чем печатанием какого угодно количества статей о подробностях организации будущего общества.

Конец статьи Вольфа наводит еще на другой вопрос. Верхняя Силезия после 1849 г. стала одним из важнейших центров немецкой промышленности. Эта промышленность, как и следует в Силезии, расположена главным образом в деревне, в больших селах или во вновь возникающих городах, вдали от крупных городских центров. Если задача состоит в том, чтобы распространить социал-демократическое движение в деревне, то Силезия, и особенно Верхняя Силезия, —

наиболее подходящий опорный пункт. Между тем, по крайней мере Верхняя Силезия всё еще, видимо, является для социалистической пропаганды девственной почвой. Язык не может служить препятствием; с одной стороны, с ростом промышленности там очень привилось употребление немецкого языка, а с другой стороны — есть ведь достаточно социалистов, которые говорят по-польски.

Но вернемся к нашему Вольфу ¹.

19 мая 1849 г. «*Neue Rheinische Zeitung*» была запрещена после появления ее последнего, напечатанного красной краской номера. Помимо еще не законченных 23 процессов по делам печати, прусская полиция имела столько других поводов для обвинения каждого из редакторов, что все они тотчас же покинули Кельн и Пруссию. Большинство из нас отправилось во Франкфурт, где, казалось, подготовлялось нечто решительное. Победы венгерцев вызвали вторжение русских войск; конфликт между правительствами и Франкфуртским парламентом по вопросу об имперской конституции вызвал в разных местах восстания, из которых дрезденское, изерлонское и эльберфельдское были подавлены, но баденское и пфальцское еще продолжали разрастаться. У Вольфа в кармане был старый мандат из Бреслауля на замещение известного фальсификатора истории Штенцеля; «нытика» Штенцеля провели в парламент только с тем условием, чтобы в качестве заместителя был принят в то же время «смутьян» Вольф ². Штенцель, как и все добрые пруссаки, подчинился, конечно, приказу прусского правительства об отозвании из Франкфурта. Вольф занял его место.

Франкфуртский парламент, который благодаря собственной медлительности и глупости опустился от положения самого могущественного собрания, которое когда-либо существовало в Германии, до состояния крайнего бессилия, ставшего к этому времени очевидным для всех правительств, даже для назначенного им самим имперского правительства, а также и для него самого, — беспомощно стоял между собравшими свои вооруженные силы правительствами и восставшим народом, требовавшим имперской конституции. Еще можно было все спасти, если бы только парламент и вожди южно-германского движения имели мужество и решительность. Довольно было бы постановления парламента о призыве баденской и пфальцской армии во Франкфурт на защиту собрания. Таким постановлением собрание

¹ Весь дальнейший текст воспроизведен Энгельсом и в издании 1885 год *Ред.*

² «Нытики» (*Heuler*) и «смутьяны» (*Wühler*) — политические клички э: хн революции 1848 года. *Ред.*

одним ударом вновь завоевало бы доверие народа. С уверенностью можно было бы тогда ожидать перехода гессен-дармштадтской армии, присоединения Вюртемберга и Баварии к движению; мелкие государства средней Германии были бы также втянуты в дело; Пруссии было бы достаточно дела у себя дома, а Россия пред лицом такого мощного движения в Германии была бы вынуждена держать в Польше часть войск, успешно подвизавшихся позднее в Венгрии. Таким образом, во Франкфурте могла быть спасена Венгрия, а с другой стороны, вполне вероятно, что пред лицом победоносно развивающейся в Германии революции взрыв, назревавший со дня на день в Париже, не свелся бы к поражению радикального мещанства без боя, как случилось 13 июня 1849 года.

Шансы были максимально благоприятны. Совет призвать для защиты баденские и пфальцские войска был подан всеми нами ¹ во Франкфурте, а совет войскам даже без призыва двинуться на Франкфурт подан был Марксом и мною ² в Маннгейме. Но ни баденские вожди, ни франкфуртские парламентарии не имели ни мужества, ни энергии, ни ума, ни инициативы.

---

¹ Слова «всеми нами» добавлены Энгельсом в издании 1885 года. *Ред.*

² Слова «Марксом и мною» добавлены Энгельсом в издании 1885 года. *Ред.*

X.

Вместо того, чтобы действовать, парламент снова решил говорить, — словно бы он не слишком много уже разговаривал, — и на этот раз — посредством «Воззвания к немецкому народу». Была образована комиссия, которая внесла два проекта, из которых проект большинства был средактирован Уландом. Оба проекта были бледны, вялы и немощны и выражали только собственную беспомощность, малодушие и нечистую совесть самого Собрания. Поставленные 26 мая на обсуждение, они дали нашему Вольфу повод раз навсегда высказать свое мнение господам парламентариям. Стенографический отчет этой речи гласит:

«Вольф из Бреславля: «Милостивые государи, я просил записать меня, чтобы выступить против воззвания к народу, составленного большинством и оглашенного здесь, потому что считаю его совершенно не соответствующим настоящему положению, потому что нахожу его слишком слабым, пригодным разве лишь для того, чтобы появиться в качестве статьи в газетах той партии, от которой исходит это воззвание, но отнюдь не пригодным для обращения к немецкому народу. Так как здесь было оглашено и другое воззвание, то я мимоходом замечу, что против последнего я высказался бы еще резче по причинам, на которых не считаю нужным останавливаться (голос из центра: «Почему же нет?»). Я говорю только о воззвании большинства; оно составлено во всяком случае в таком умеренном тоне, что даже господин Бусс не нашел бы против него особых возражений, а ведь это — наилучшая рекомендация для воззвания. Нет, милостивые государи, если вы вообще хотите иметь еще хоть какое-нибудь влияние на народ, то вы не должны говорить с ним так, как вы говорите в воззвании; не о законности должны вы здесь говорить, не о законной почве и т. п., а о противозаконности, — в том же тоне, как говорят правительства, как говорят *русские*, а я разумею под русскими пруссаков, австрийцев, баварцев, ганноверцев (волнение и смех). Все они объединяются общим именем русских (сильное оживление). Да, милостивые государи, русские представлены и в этом Собрании. Вы должны сказать им: мы в таком же смысле стоим на точке зрения законности, в каком стоите на ней вы. Это — точка зрения *силы*, и разъясните кстати, что для вас законность состоит в том, чтобы пушкам русских противопоставить силу, противопоставить хорошо организованные боевые колонны. Уж если вообще выпускать воззвание, то выпустите такое, в котором прежде всего будет объявлен *вне закона главный предатель народа — правитель империи* (крики: «К порядку!»). Шумное одобрение на галлерейх)! *А также и все министры!* (Снова волнение.) О, вы не остановите меня: *он главный предатель народа*».

«Председатель Ра. Я считаю, что господин Вольф преступил все грани дозволенного. В этом зале эрцгерцога, правителя империи, нельзя называть предателем народа, и я должен поэтому призвать оратора к порядку...

«Вольф. Я, со своей стороны, принимаю призыв к порядку, но заявляю, что я *хотел* нарушить порядок, заявляю, что он и его министры — *предатели!* (Крики со всех сторон зала: «К порядку, это грубость!»)

«Председатель: Я должен лишить вас слова.

«Вольф. Хорошо; я *протестую*; я хотел говорить здесь от имени народа и хотел сказать то, что думают в народе. Я протестую против всякого воззвания, которое будет составлено в этом духе».

Как удар грома, раздалась эти несколько слов в испуганном Собрании. В первый раз было перед этими господами ясно и неприкрыто выражено действительное положение дел. Предательство правителя империи и его министров было общеизвестной тайной; оно совершалось на глазах у каждого из присутствовавших; но никто не решался высказать то, что видел. И вот приходит этот бесцеремонный маленький силезец и разом опрокидывает весь их условный карточный домик! Даже «крайняя левая» не преминула выразить свой энергичный протест против этого непростительного нарушения всякого парламентского приличия, нарушения, созданного простым констатированием правды; она выразила это устами своего достойного представителя, господина Карла Фогта (насчет Фогта: в августе 1859 г. ему передали 40 000 фр., как свидетельствуют об этом опубликованные в 1870 г. перечни сумм, уплаченных Луи-Наполеоном своим агентам). Господин Фогт обогатил прения следующим столь же жалко-растерянным, сколь бесчестно-лживым¹ протестом.

«Милостивые государи! Я взял слово, чтобы защитить кристально-чистую струю, влитую в это воззвание душою поэта, против недостойной грязи, которую бросили в него или (!) швырнули (!) против него; чтобы защитить эти слова против нечисти, скопившейся в последнее время в движении и грезящей все в нем ватопить и загрязнить. Да, милостивые государи! Это — нечисть и грязь, которую таким (!) образом бросают во все, что только может считаться чистым, и я выражаю здесь свое глубочайшее негодование по поводу того, что нечто подббнсе (!) могло случиться».

Так как об уландовой *редакции* воззвания Вольф вовсе не говорил, а находил только его содержание слишком слабым, то совершенно непонятно, откуда собственно берет Фогт свое негодование, свою «грязь» и свою «нечисть». Но это было вызвано, с одной стороны, воспоминанием о той беспощадности, с какой «*Neue Rheinische Zeitung*» всегда обращалась с лжебратьями типа Фогта, а с другой стороны — злобой против речи именно Вольфа, который лишил этих самых лжебратьев возможности продолжать дальше ту лицемерную игру. Принужденный к выбору между подлинной:

¹ Игра слов: *ebenso lumpig verlognen, wie infam verlognen. Red.*

революцией и реакцией, господин Фогт высказывается за эту последнюю, а правителя империи и его министров называет: «Все, что только может считаться чистым». Как жаль, что реакция знать ничего не хотела о господине Фогте.

В тот же самый день Вольф передал господину Фогту через депутата Вюрта из Зигмарингена вызов на дуэль, а когда господин Фогт отказался стреляться, пригрозил ему физической расправой. Хотя господин Фогт по сложению был великаном в сравнении с Вольфом, он бежал все же под защиту своей сестры, без которой он больше нигде не показывался. Вольф махнул рукой на этого бахвала.

Всем известно, как через несколько дней после этой сцены Собрание само подтвердило справедливость заявлений Вольфа, спасаясь бегством в Штутгарт от своего собственного правителя империи и его правительства.

XI.

Мы приближаемся к концу¹. Вольф оставался на своем посту в Штутгарте и во время разгона Национального собрания вюртембергскими войсками; после этого он направился в Баден и, наконец, вместе с другими эмигрантами — в Швейцарию. Местом своего пребывания он избрал Цюрих, где он сейчас же принялся вновь за частные уроки, но при большом наплыве находившихся там образованных эмигрантов он встретил, разумеется, сильную конкуренцию. Несмотря на создавшееся в связи с этим бедственное положение, Вольф все же остался бы в Швейцарии. Однако становилось все более ясно, что швейцарский союзный совет, покорный велениям европейской реакции, решил постепенно выжить (*hinauszudrangsaligen*), как выражался Вольф, из Швейцарии всех эмигрантов. Для огромного большинства это означало переселение в Америку, а именно этого и хотели правительства. Когда эмигранты очутятся по ту сторону океана, можно будет о них больше не беспокоиться.

Вольф тоже часто носился с мыслью о переселении в Америку, куда его приглашали многие уже уехавшие туда друзья. Когда «выживание» стало и ему невтерпёж, он, наполовину уже решившись, приехал в июне 1851 г. в Лондон, где мы его на время задержали. Конкуренция в погоне за частными уроками была и здесь очень велика. Несмотря на величайшие усилия, Вольф едва мог добывать себе самое скудное пропитание. От своих друзей он по возможности скрывал свое положение, как всегда, когда ему бывало плохо. Тем не менее, до конца 1853 г. ему пришлось набрать в долг около 37 фунтов стерлингов (750 марок), что очень его угнетало; летом того же года он записал в свой дневник:

«21 июня 1853 г. мне пришлось провести день своего рождения в ужасающей *distress* [нужде]».

Намерение уехать в Америку на этот раз было бы приведено в исполнение, если бы один тоже эмигрировавший немецкий врач в Манчестере, друживший с Вольфом еще в Бреславле, не устроил для него в Манчестере благодаря своим связям такое количество частных уроков, что он, по крайней мере, мог там существовать. В начале января 1854 г. он туда и переселился. Сначала, конечно,

¹ В издании 1885 г. эта фраза выпущена. *Ред.*

приходилось довольно туго. Но все же существование было обеспечено, а затем, при своем совершенно исключительном умении обращаться с детьми и привлекать их симпатии, Вольф мог рассчитывать на то, что как только он станет известен среди тамошних немцев, круг его деятельности постепенно расширится. Так и вышло. Спустя несколько лет он, при его скромных потребностях, был уже во вполне удовлетворительном материальном положении; ученики его обожали; и стар и млад, и англичане и немцы уважали и любили его за прямоту, верность долгу и веселую приветливость. По характеру своей работы он приходил в соприкосновение преимущественно с буржуазными, стало быть политически более или менее враждебными элементами; и хотя он ни разу ни в малейшей мере не поступился ни своим характером, ни своими убеждениями, — все же конфликты у него возникали очень редко, и выходил он из них с честью. Все мы были в то время отрезаны от всякой публичной политической деятельности. Реакционное законодательство заткнуло нам рот, текущая пресса нас замалчивала, издатели едва удостоивали отказом наши случайные предложения; бонапартизм, казалось, окончательно взял верх над социализмом. В течение многих лет Вольф был единственным моим единомышленником в Манчестере; не удивительно, что мы видались почти каждый день и что там я снова нередко имел случай восхищаться его почти инстинктивно верными суждениями о текущих событиях.

Какова была добросовестность Вольфа, — приведу один только пример. Одному из своих учеников он задал арифметическую задачу из одного учебника. Он сравнил решение с тем, которое было дано в так называемом ключе, и заявил, что ученик решил неверно. Но когда мальчик, перерешив задачу много раз, приходил все к тому же самому решению, Вольф проверил сам подсчет и убедился, что мальчик был прав; в ключе была здесь опечатка. Вольф засел тотчас же и перерешил все задачи, помещенные в книге, чтобы проверить, нет ли в ключе еще таких ошибок: «Этого со мной не должно больше случаться!»

От этой добросовестности он и умер, не достигнув еще и 55-летнего возраста. Весной 1864 г. вследствие переутомления у него появились сильные головные боли, которые мало-по-малу вызвали почти полную бессонницу; его врач как раз в это время отсутствовал; к другому он не хотел обращаться. Всякие просьбы прекратить на некоторое время или ограничить свои уроки были напрасны; за что он уже взялся, он хотел довести до конца. Только когда он абсолютно не мог работать, он изредка пропускал уроки. Но было уже поздно.

Головные боли, вызванные переполнением мозга кровью, становились все сильнее, бессонница становилась все более постоянной. Лопнул кровеносный сосуд в большом мозгу, и после повторных кровоизлияний в мозговую ткань 9 мая 1864 года наступила смерть. Маркс и я потеряли в нем вернейшего друга, а германская революция — человека, неповторимого по своей ценности.

ЗАМЕЧАНИЕ К СТРАНИЦЕ «ИСТОРИИ КОММУНЫ»¹.

ПЕРЕМИРИЕ Г. ТЬЕРА ОТ 30 ОКТЯБРЯ 1870 Г.

Нужна была вся тупость и все лицемерие людей 4 сентября, чтобы назвать весть об этом перемирии «доброй вестью». Весть действительно добрая... для пруссаков.

Капитуляция Меца только что вернула свободу действий 6 корпусам прусской армии = 120 000 человек. Надо было быть Трошю и Жюлем Фавром, чтобы не видеть, что после неминуемого прибытия этой новой армии в центр Франции станет почти невозможной всякая попытка освободить Париж, не видеть, что это был момент не для заключения перемирий, а для того, чтобы сделать наивысшее военное усилие. На это оставалось всего лишь пятнадцать дней; но это были пятнадцать драгоценнейших дней, это был критический период войны.

Положение было таково.

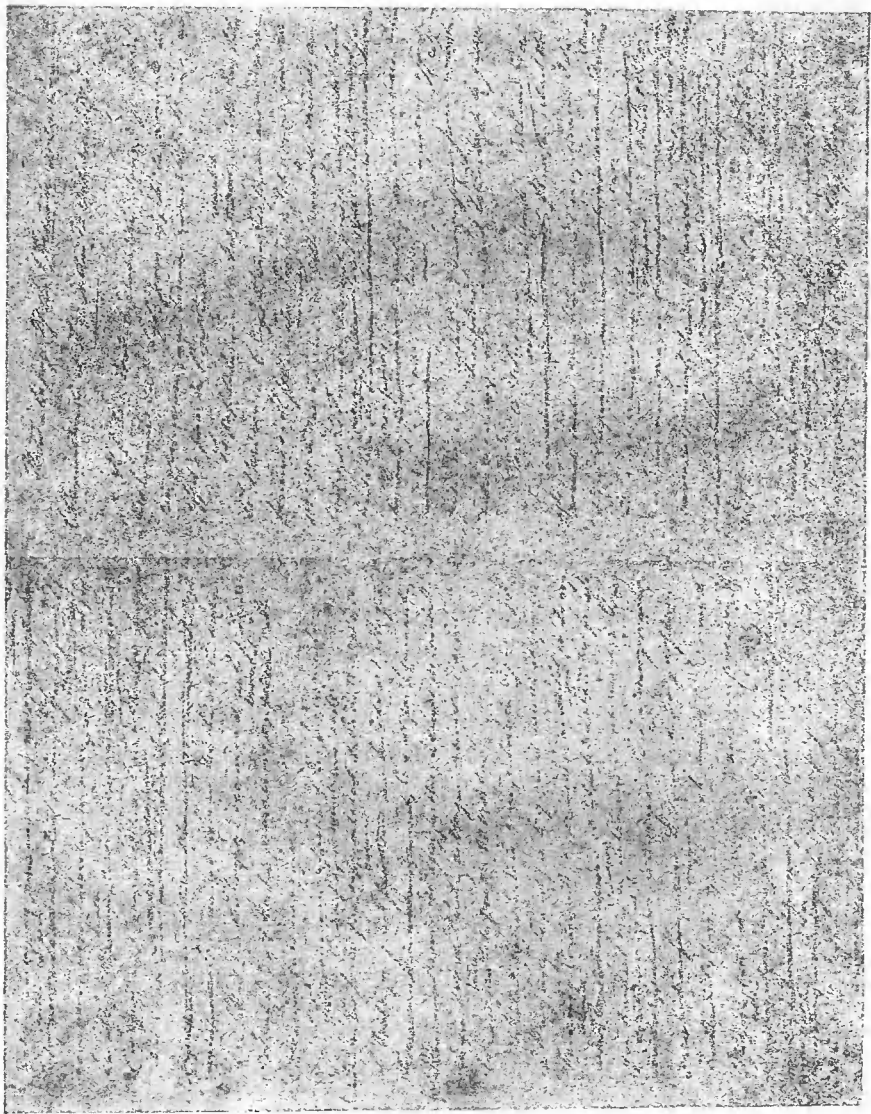
Чтобы осуществить блокаду Парижа, немцы должны были пустить в ход все войска, за исключением 3 дивизий пехоты. У них не было *никакого резерва*, так как эти 3 дивизии, заняв Орлеан и Шалон, потеряли значение резерва, ибо их задерживала луарская армия. На западе, на севере, на востоке была одна лишь кавалерия; она производила наблюдение и объезд по обширной территории, но не была в состоянии удержать ее против пехоты.

К концу октября линия немцев, окружавшая Париж, была уже очень хорошо укреплена со стороны города; но всякое нападение извне должно было застичь пруссаков врасплох и в открытом поле. Достаточно было бы появления 50 000 человек, хотя бы даже таких молодых войск, какими располагала тогда Франция, чтобы прорвать блокаду и восстановить сношения Парижа со страной. Но мы видели, что действовать надо было быстро, а произошло вот что.

Парижское правительство согласилось на перемирие, которое, несмотря на краткосрочность, дало передышку немецким войскам,

---

¹ См. *Lissagarey, Histoire de la Commune de 1871. Bruxelles, 1876, p. 29.*
Ред.

Первая и четвертая страницы рукописи Энгельса «Замечание к странице «Истории Коммуны»,
на французском языке.

истощенным работами и ночными действиями в связи с блокадой (30 октября).

Со своей стороны, д'Орель де-Паладин сосредоточивает свою армию 2 ноября в Вирзоне с намерением идти на Божанси, перейти там Луару и проникнуть между пруссаками (17-я дивизия), занимающими Шатодэн, и баварцами, захватившими Орлеан. Переход от Вирзона до Божанси — приблизительно 45 километров длины, и его вполне можно было сделать в два дня. Но, если можно верить немецкому источнику («Militärische Gedanken und Betrachtungen» etc)¹, Гамбетта имел наивность полагать, что армия в 40 000 человек может двигаться по железной дороге с такой же быстротой, как простой частный пассажир. И вот он приказывает генералу, вместо перехода, перевезти свою армию по железной дороге из Вирзона в Тур, а оттуда в Божанси. Генерал протестует; Гамбетта настаивает. Вместо *двухдневного* перехода и вместо 45 километров луарская армия совершает путешествие по железной дороге в 180 километров, которое заняло у нее *пять дней* и которое вдобавок не могло остаться скрытым от глаз неприятеля. Только 7-го она была вновь сконцентрирована в Божанси и готова к действию. Но было потеряно три драгоценных дня, а неприятель был предупрежден о происшедшем передвижении.

И какие дни! 3 ноября был наиболее критический день: прусская кавалерия, целая бригада, была вынуждена под натиском десяти многолюдных отрядов добровольцев покинуть Мант и отступить в Вер. С другой стороны, значительные французские силы всех видов оружия были замечены при переходе из Курвиля по направлению к Шартру. Если бы луарская армия, вместо того, чтобы кататься в вагонах, произвела 4-го атаку, что она вполне могла бы сделать; если бы она продвинулась, — а это было ей легко выполнить, — между баварцами и 17-й прусской дивизией; если бы она использовала свое огромное численное превосходство для того, чтобы бить их порознь, одних за другими, а затем двинуться на Париж, — то почти с уверенностью можно сказать, что Париж был бы освобожден.

Даже Мольтке был далек от того, чтобы не видеть опасности; поэтому он и решил в случае необходимости действовать так, как действовал Наполеон при Мантуе: снять блокаду, пожертвовать осадным артиллерийским парком, сформировавшимся в Вилькублей, сконцентрировать свою армию для действий в открытом поле и возобновить блокаду лишь после победы, т. е. после прихода армии из Меца.

¹ «Военные размышления и соображения» и т. д. *Ред.*

Багаж версальской главной квартиры был уже на повозках; все было готово к отъезду, оставалось только запрягать лошадей (по словам очевидца, швейцарского полковника, д'Эрлаха).

Если бы пруссаки были вынуждены снять блокаду Парижа, это могло бы привести к давлению со стороны Европы и к почетному миру. Во всяком случае, этот факт должен был бы оказать огромное моральное воздействие сначала на Европу, затем в особенности на Францию и, наконец, в противоположном смысле, на немцев. А материальные последствия этого факта! Париж имел бы по меньшей мере пятнадцать-двадцать дней для того, чтобы запасть продовольствием по всем железным дорогам, идущим с юга и с запада, что было бы равносильно продлению защиты на один или на два месяца. Столько же времени было бы выиграно для организации провинциальных армий, которых уж больше не приходилось бы бросать против неприятеля недисциплинированными, необученными, без обмундирования, почти без оружия. Чтобы вернуть Франции шансы на успех, нужно было только выиграть время; случай добиться этого представился 3 и 4 ноября; мы видели, как случай этот был упущен.

Проследим, однако, за событиями. Париж не предпринял даже вылазки. В течение недели военные силы, приближавшиеся к Парижу с запада, не сделали никакой попытки к нападению. Это не удивительно. Силы эти должны были быть довольно слабы; декрет Гамбетты, возлагавший на г-на де-Кератри организацию западной армии, датирован 22 октября!

Оставалась луарская армия, вступившая в строй 7 ноября у Божанси. Только 9-го д'Орель атакует баварцев в Кульмье; как только последние увидели, что отступление 27-й прусской дивизии, шедшей к ним со стороны Шартра, неизбежно, — они ступили в Тур, где на следующий день, 10 ноября, к ним присоединилась эта дивизия. Д'Орель *больше не шевельнулся*. Между тем, три корпуса армии из Меца, 60 000 человек, форсированным маршем приближались к Сены. Две других прусских дивизии (3-я и 4-я), отправленных из Меца по железной дороге, уже прибыли к Парижу. Теперь Мольтке получил возможность направить 17-ю прусскую дивизию в Тур, куда она прибыла 12-го. Четыре немецких дивизии, около 35 000 человек, оказались таким образом в строю против луарской армии, которая с тех пор перестала вызывать у них беспокойство.

Однако 14 ноября значительные силы французов двинулись из Дре (Dreux) на Гудан¹, в двух переходах от Версаля. Мольтке,

¹ В рукописи Энгельса написано вместо Houdan — Houblon. *Ред.*

который в этом направлении располагал пока только кавалерией, не был в состоянии произвести достаточно энергичные разведки, чтобы вскрыть, какие силы скрывались за этим авангардом. В этот день он снова собирался покинуть Версаль и снять блокаду (Блам).

Но на этот раз решили дело уже не дни, а только часы. Первый из корпусов армии из Меца (IX-й) в тот же день прибыл в Фонтенебло, III-й должен был быть между 16-м и 18-м в Немуре, а X-й — 19-го в Жуаньи на Ионне. 17-ю дивизию Мольтке направил в Рамбуе, 22-ю — в Шартр, баварцев — в Оно (Auneaux), т. е. между луарской армией, которой он предоставил свободный путь в Париж, и войсками, угрожавшими Версалю с запада. На этот раз собственная бездеятельность спасла д'Ореля. Если бы он двинулся в прорыв, образовавшийся перед ним, он был бы раздавлен между двумя немецкими армиями, готовыми броситься на его фланги. 19 ноября три корпуса II прусской армии со своими резервами на Ионне заняли Фонтенебло и Немур. 20 ноября I армия, под начальством Мантейфеля, была сконцентрирована на линии Уазы от Компьена до Нуайона; армия из Меца защищала с севера и с юга блокаду Парижа. Упущена была последняя возможность снять эту блокаду, упущена благодаря Трошю, Гамбетте, д'Орелю, взаимные ошибки которых, можно сказать, подкрепляли одна другую чуть ли не с хваленой точностью прусских батальонов.

Написано Ф. Энгельсом.

*Перевод с рукописи Энгельса
на французском языке.*

ПИСЬМО ЭНГЕЛЬСА К БИНЬЯМИ О ГЕРМАНСКИХ ВЫБОРАХ 1877 Г.

Дорогой Биньями!

Ваш берлинский корреспондент, вероятно, уже сообщил Вам все подробности германских выборов. Мы одержали победу, которая привела в ужас немецкую и иностранную буржуазию: здесь, в Лондоне, об этом говорит вся пресса. Наибольшего внимания заслуживает при этом не число завоеванных нами новых округов, хотя стоит отметить, что император Вильгельм, король саксонский и мельчайший из мелких германских князей (принц Рейсский) проживают в округах, представленных рабочими социалистами, а следовательно и они сами тоже представлены социалистами. Наиболее важно то, что, помимо округов, где мы получили большинство, мы и в качестве меньшинства собрали очень внушительное количество голосов как в крупных городах, так и в деревне. В Берлине — 31 500, в Гамбурге, Бармен-Эльберфельде, Нюрнберге, Дрездене — по 11 000; а из сельских местностей не только в деревнях Шлезвиг-Гольштинии, Саксонии, Брауншвейга, но даже в твердыне феодализма, в Мекленбурге, за нас голосовало значительное меньшинство сельскохозяйственных рабочих. 10 января 1874 г. мы получили 350 000 голосов, 10 января 1877 г. — по меньшей мере 600 000. Результаты выборов служат нам средством для подсчета наших сил; по батальонам вы можете теперь судить о численности корпусов армии немецкого социализма, которым производится смотр в дни выборов. Это имеет огромное моральное влияние как на социалистическую партию, которая с торжеством отмечает свои успехи, так и на рабочих, еще не втянутых в движение, а также на наших врагов; и очень хорошо, что раз в три года люди совершают смертный грех голосования. Господа сторонники воздержания от выборов могут говорить что угодно, — один такой факт, как выборы 10 января, стоит больше, чем все их «революционные» фразы. Когда я говорю *батальоны и корпуса армии*, я говорю это не в переносном смысле. По крайней мере половина, а то и больше, тех 25-летних мужчин (это возрастной минимум), которые голосовали за нас, пробыли два или три года в армии, отлично

умеют обращаться с игольчатым ружьем и нарезной пушкой и входят в состав армии запаса. Еще несколько лет таких успехов, и как запас, так и Landwehr [ополчение] ($\frac{3}{4}$ всей армии военного времени) будут за нас, так что мы сможем дезорганизовать весь военный аппарат и сделать невозможной всякую наступательную войну.

Найдутся люди, которые скажут: но почему же с такими силами вы не совершите революцию теперь же? Потому что, имея всего 600 000 голосов против $5\frac{1}{2}$ миллионов, причем голоса эти рассеяны по разным областям, мы наверное были бы побиты, а необдуманными восстаниями и безрассудствами сами погубили бы движение, которому нужно еще совсем немного времени, чтобы привести нас к верной победе. Ясно, что победа дастся нам нелегко, что пруссаки не позволят заразить всю свою армию социализмом, не предприняв контр-мер; но чем сильнее будут реакция и репрессии, тем выше будут вздыматься волны, пока не снесут, наконец, все плотины. Знаете ли Вы, что произошло в Берлине? Вечером 10-го числа прошлого месяца громадная толпа (сама полиция определила ее в 22 тысячи человек) запрудила все улицы поблизости от здания, где помещается социалистический Комитет. Благодаря отличной организации и дисциплине нашей партии, Комитет первый получил известие об окончательных результатах выборов. Когда они были объявлены, вся толпа провозгласила дружное ура... кому? выбранным? — Нет, «нашему активнейшему агитатору, королевскому прокурору Тессендорфу!» Этот последний всегда отличался в судебных процессах против социалистов, и своими насильственными действиями он удвоил число наших сторонников.

Вот как наши отвечают на все меры насилия: они не только не считаются с ними, но даже подзадоривают к ним как к лучшему средству агитации.

С братским приветом — Ваш

Ф. Энгельс.

Напечатано в журнале «*Le Peuple*»
от 26 февраля 1877 г.

В ИТАЛИИ.

Наконец, и в Италии социалистическое движение поставлено на твердую почву и обещает быстрое и победоносное развитие. Но для того, чтобы читатель вполне понял наступивший перелом, мы должны обратиться к истории возникновения итальянского социализма.

Зачатки движения в Италии связаны с бакунистскими влияниями. В то время как в рабочих массах господствовала страстная, но в высшей степени неясная классовая ненависть против своих эксплуататоров, — во всех местностях, где выступал революционный рабочий элемент, руководство захватила кучка молодых адвокатов, докторов, литераторов, приказчиков и т. д. под личным командованием Бакунина. Все они были в различной степени посвященными в таинство членами тайного бакунистского «Альянса», целью которого было подчинить своему руководству все европейское рабочее движение и, таким образом, добиться господства бакунистской секты в грядущей социальной революции. Более точные данные об этом подробно изложены в брошюре: «Der Komplott gegen die Internationale» [«Заговор против Интернационала»] (Брауншвейг, изд. Бракке).

Покуда движение среди рабочих было еще только в зародыше, это удавалось как нельзя лучше. Бешеные бакунистские революционные фразы везде вызвали желанные аплодисменты; даже те элементы, которые выросли из прежних политико-революционных движений, уносились этим потоком; наряду с Испанией и Италия стала, по собственному выражению Бакунина, «самой революционной страной Европы». Революционной в том смысле, что было много шума, да мало толку. В противовес той по существу политической борьбе, благодаря которой выросло и укрепилось английское, затем французское и, наконец, немецкое рабочее движение, — здесь всякая политическая деятельность осуждалась, ибо она заключает в себе признание «государства», а «государство» — это воплощение всякого зла. Итак: воспрещается создание рабочей партии; воспрещается борьба за какую бы то ни было меру защиты против эксплуатации, например за нормальный рабочий день, за ограничение женского и детского труда; а главное — воспрещается участие во всех выборах.

А взамен этого требуется агитация, организация и конспирация в целях будущей революции, которая, как только она свалится с неба, должна быть проведена без всякого временного правительства, при полном уничтожении всяких государственных или похожих на государственные учреждений, посредством одной лишь (втайне направляемой Альянсом) инициативы рабочих масс... «но только не спрашивайте меня — как!»

Покуда движение, как мы говорили, находилось в младенческом состоянии, все это отлично удавалось. Громадное большинство итальянских городов все еще стоит до известной степени вне мировых сношений, которые известны им лишь в форме посещений иностранцев. Эти города снабжают окрестных крестьян изделиями ремесленного производства и посредничают в продаже сельскохозяйственных продуктов в более широком масштабе; кроме того, в них живет землевладельческое дворянство, проедаая там свою ренту; наконец, множество иностранцев расходует там свои деньги. В этих городах оппозиционные элементы немногочисленны, весьма мало развиты и к тому же сильно разводнены людьми без систематических или постоянных занятий, чему благоприятствуют сношения с иностранцами и мягкий климат. Здесь раньше всего нашла благодарную почву ультра-революционная фраза, тихо нашептывавшая также о кинжале и яде. Но в Италии есть и промышленные города, главным образом на севере; и как только движение пустило корни среди подлинно-пролетарских масс *этих* городов, — такая недоброкачественная пища не могла уж более удовлетворять, и *эти* рабочие уже не могли допустить, чтобы их и впредь опекали те неудачливые молодые буржуа, которые бросились к социализму потому, что, по словам Бакунина, их «карьера уперлась в тупик».

Так оно и случилось. Недовольство верхне-итальянских рабочих воспрещением всякой политической деятельности, т. е. всякой *настойчивой* деятельности, выходящей за границы пустой болтовни и заговорщичества, росло с каждым днем. Избирательные победы немцев в 1874 г. и достигнутый ими результат — объединение германских социалистов — были небезызвестны и в Италии. Элементы, вышедшие из старого республиканского движения и лишь против воли подчинявшиеся «анархистскому» визгу, стали все чаще и чаще пользоваться случаем подчеркнуть необходимость политической борьбы и дали выражение пробуждавшейся оппозиции в газете «La Plebe». Эта еженедельная газета, в первые годы своего существования республиканская, вскоре примкнула к социалистическому движению и, насколько это было возможно, держалась подальше от всякого

«анархистского» сектантства. Когда, наконец, в Верхней Италии рабочие массы переросли своих назойливых руководителей и, вместо фантастического, создали настоящее движение, — они нашли в «La Plebe» орган, охотно публиковавший от времени до времени еретические намеки о необходимости политической борьбы.

Будь еще жив Бакунин, он вступил бы в борьбу с этой ересью своим привычным способом. Он приписал бы людям, сотрудничающим в «La Plebe», «авторитаризм», жажду власти, честолюбие и т. д., поднял бы против них всяческие мелкие личные обвинения и повторял бы это снова и снова через все органы «Альянса» в Швейцарии, в Италии, в Испании. Лишь во вторую очередь указал бы он затем на то, что все эти прегрешения — только неизбежное следствие первоначального смертного греха: еретического признания политической деятельности; ибо политическая деятельность предполагает признание государства, государство же есть олицетворение авторитаризма, господства, и, следовательно, каждый, кто добивается политической деятельности рабочего класса, должен последовательно добиваться политической власти для себя самого, а стало быть, он враг рабочего класса, — забросайте его камнями! Этим методом, заимствованным у блаженной памяти Максимилиана Робеспьера, Бакунин владел в совершенстве, но только слишком злоупотреблял им и пользовался им слишком однообразно. Тем не менее, это все же был единственный метод, который сулил хотя бы кратковременный успех.

Но Бакунин умер, и тайное управление миром перешло в руки господина Джемса Гильома из Невшателя в Швейцарии. Место прошедшего огонь и воду светского человека занял бездушный педант, который внес в учение об анархии фанатизм швейцарского кальвиниста. Любою ценой должна была быть соблюдена истинная вера, и папой этой истинной веры во что бы то ни стало должен был быть признан ограниченный школьный учитель из Невшателя. «Бюллетень Юрской федерации», — которая заведомо не насчитывала и 200 членов против 5 000 членов Швейцарского рабочего союза, — был провозглашен правительственным органом секты и стал попросту «отчитывать» колеблющихся в вере. Но ломбардские рабочие, организовавшиеся в «верхне-итальянскую федерацию», больше не были расположены выслушивать эти наставления. А когда прошлой осенью юрский бюллетень позволил себе просто *приказать* газете «La Plebe» удалить неугодного господину Гильому парижского корреспондента, — тут уж дружбе наступил конец. Бюллетень продолжал обвинять «La Plebe» и верхне-итальянцев в ереси. Но те уже знали теперь, в чем дело; они знали, что за проповедью анархии и автоно-

мии крылось притязание нескольких интриганов диктаторски командовать всем рабочим движением.

«Четыре маленьких невинных строчки в примечании ударили в нос Юрскому бюллетеню, и он представляет дело так, будто бы мы были разъярены против него, между тем как он только *забавлял* нас. В самом деле, было бы ребячеством попасться на удочку людей, которые с болезненной завистью стучатся во все двери и, пуская в ход клевету, нищенски выпрашивают хотя каплю злости против нас и наших друзей. — Рука, действующая с давних пор, *сея ссоры и раздоры*, известна слишком хорошо, чтобы кого-нибудь еще могли обмануть ее иезуитские (лойоловы) происки» («Plebe», 21 января 1877 года).

А в номере от 26 февраля те же люди характеризуются как «некоторые ограниченные *анархистские* и — чудовищное противоречие! — в то же время *диктаторские* головы»; это лучшее доказательство того, что в Милане этих господ вполне раскусили и что там они уж больше не смогут натворить беды.

Германские выборы от 10 января и связанный с ними перелом в бельгийском движении — отказ от прежней политики воздержания и замена ее агитацией за всеобщее избирательное право и за фабричное законодательство — довершили остальное. 17 и 18 февраля в Милане состоялся конгресс верхне-итальянской федерации. В резолюциях конгресс воздерживается от всякой ненужной и неуместной враждебности против бакунистских групп итальянских членов Интернационала. В них выражена даже готовность участвовать в созываемом в Брюсселе конгрессе, который должен будет сделать попытку объединить различные фракции европейского рабочего движения. Но в то же время они выдвигают с величайшей отчетливостью три пункта, имеющие для итальянского движения решающее значение:

1) что для обеспечения успеха движения должны быть применены *все* возможные средства, — стало быть, и политические;

2) что социалистические рабочие должны организовать в социалистическую *партию*, независимую ни от какой другой политической или религиозной партии, и

3) что верхне-итальянский союз, при условии своей автономии и на основе *первоначального* устава Интернационала, считает себя членом этого великого объединения, *не зависимым* от всех других итальянских объединений, которым, однако, он попрежнему будет и впредь давать доказательства своей солидарности.

Итак: политическая борьба, организация политической партии и разрыв с анархистами. Этими резолюциями верхне-итальянский союз окончательно отрекся от бакунистской секты и встал на общую почву великого европейского рабочего движения. А так как он

охватывает наиболее промышленную часть Италии — Ломбардию, Пьемонт, Венецию, — то его успехи не заставят себя долго ждать. Пред лицом применения тех же разумных агитационных средств, которые проверены на опыте всех других стран, пустозвонство бакунистских знахарей очень скоро обнаружит свое бессилие, а итальянский пролетариат и на юге страны скоро стряхнет с плеч иго людей, которые свое призвание руководить рабочим движением выводят из своего положения опустившихся буржуа.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Vorwärts»

№ 32 от 16 марта 1877 г.

Без подписи ¹.

---

¹ Об авторстве Энгельса см. в письме Ф. Энгельса к И. Ф. Беккеру от 24 марта 1877 года. *Ред.*

[The page contains extremely faint and illegible handwritten text in French, which appears to be a draft or a very light copy of a letter. The text is mostly obscured by the texture and noise of the scan.]

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ К. МАРКСА «ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК», НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.

«ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»¹.

(ПИСЬМО МИХАЙЛОВСКОМУ.)

Г-н редактор!

Автор статьи «Карл Маркс перед судом г. Жуковского»² — человек, повидимому, умный, и если бы он нашел в моем изложении «первоначального накопления» (или же во всем контексте «Капитала») хотя бы одно место (дающее ему право приписать мне мнение об экономическом движении в России), подтверждающие его выводы, он бы его привел. Так как такого места нет, он оказался вынужденным ухватиться за побочную деталь, за полемическое замечание против одного русского «беллетриста», напечатанное в добавлении к первому немецкому изданию «Капитала». В чем же я там упрекаю этого писателя? В том, что он открыл русскую общину³ не в России, а в книге прусского регирунгсрата Гакстгаузена и что в его руках русская община служит лишь аргументом для доказательства того, что старая, гнилая Европа должна быть возрождена победой панславизма. Моя оценка этого писателя может быть правильной, может быть ложной, но она ни в коем случае не может дать ключа к моим воззрениям на усилия «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа»⁴ и т. д.

В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала», которое автору статьи о г. Жуковском известно, так как он его цитирует, — я говорю о «великом русском ученом и критике» с высоким уважением, какого он заслуживает. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того

¹ В архиве ИМЭЛ хранится черновик этого письма, написанный рукою Маркса, а также копия письма, начисто переписанная Энгельсом. В ( ) скобках мы даем важнейшие вычеркнутые Марксом места из его черновика. *Ред.*

² Статья Н. Михайловского. См «Отечественные Записки», октябрь 1877. *Ред.*

³ В черновике Маркса: «русский» коммунизм. *Ред.*

⁴ Написано Марксом по-русски. *Ред.*

хотя ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя (этого ада), усвоить все его плоды (западной цивилизации), развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения. И мой почтенный критик имел по меньшей мере столько же оснований из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику» заключить, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и из моей полемики против русского «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я эти взгляды отвергаю.

Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии современной России, я изучил русский язык и (благодаря любезности некоторых друзей оказался даже в состоянии) затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. (Я добросовестно изучал их в течение десяти лет и...) Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать (еще лет двадцать) идти по тому пути, по которому следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя.

Глава о первоначальном накоплении претендует лишь на то, чтобы очертить тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя. Она излагает, таким образом, историческое движение, отделившее производителей от их средств производства, превратив первых в наемных рабочих (пролетариев в современном смысле слова), а владельцев последних — в капиталистов. В этой истории «составляют эпоху все перевороты, которые служат рычагом для возвышения формирующегося класса капиталистов; в особенности же перевороты, которые, лишая широкие массы людей традиционных средств производства и существования, внезапно выкидывали их на рынок труда. Но основу всего этого процесса составляет экспроприация земледельцев. Радикальным образом она завершилась только в Англии..., но все страны Западной Европы совершают то же самое движение» и т. д. (*французское издание «Капитала», стр. 315*). В конце главы историческая тенденция производства сводится к тому, что она «с неизбежностью процесса природы сама порождает отрицание себя

самой»; что она сама создала элементы нового экономического строя, дав в то же время величайший толчок росту производительных сил общественного труда и полному развитию каждого индивидуального производителя; что капиталистическая собственность, фактически уже основанная на коллективном способе производства, может превратиться только в собственность общественную. В этом месте я не привожу никаких доказательств по той простой причине, что это утверждение само по себе только общее резюме длинной цепи рассуждений, данной раньше в главах о капиталистическом производстве.

Итак, какое же применение к России мог извлечь мой критик из этого исторического очерка? Только такое: если Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние (пятнадцать лет) годы она не мало потрудилась в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подвержена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы (вступившие прежде нее на этот путь). Вот и все! Но этого моему критику мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию всеобщего пути, на который роковым образом обречены все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются, — для того, чтобы притти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает, вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда, наиболее полное развитие (каждого индивидуального производителя) человека. Но я прошу у него извинения. Это значило бы одновременно и оказать мне слишком много чести, и доставить мне слишком много стыда. Возьмем пример.

В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеев древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспропрированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло с собою не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в одно прекрасное утро оказались на одной стороне налицо свободные люди, лишенные всего, кроме их (личной) рабочей силы, а на другой стороне для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а

просто туеядцами, более презренными, чем недавние «poor whites» [белые бедняки] южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развернулся не капиталистический, а рабовладельческий способ производства. Таким образом, события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической среде, приводят к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории (объясняющей все сразу, потому что она не объясняет ничего), наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности.

Написано К. Марксом.

Перевод с рукописи Маркса.

К ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ ¹.

(ИЗ ПИСЕМ МАРКСА К В. ЛИБКНЕХТУ.)

[Лондон,] 4 февраля 1878 г.

Мы самым решительным образом становимся на сторону турок по двум причинам:

1) Потому, что мы изучали *турецкого крестьянина* — следовательно, турецкую народную массу — и видим в его лице безусловно одного из *самых дельных и самых нравственных представителей крестьянства в Европе*.

2) Потому, что *поражение русских очень ускорило бы социальный переворот в России*, элементы которого налицо в огромном количестве, а *тем самым ускорило бы резкий перелом во всей Европе*.

Дела пошли по-другому. Почему? Из-за *предательства Англии и Австрии*.

Англия — я имею в виду английское правительство — спасла, например, сербов, когда они были разбиты; путем обмана она побудила турок приостановить военные действия, уверив их, будто русские *предложили* (через посредство Англии) *перемирие, первое условие которого — прекращение военных действий*. Только благодаря этому стали возможны *последние внезапные успехи русских*. Иначе их армия в значительной части погибла бы от голода и холода; только открытие путей в Румелию, где можно было получить (т. е. взять) припасы и где к тому же мягче климат, позволило русским вырваться из болгарской мышеловки, переполненной русскими солдатами, и всей массой хлынуть на юг. Дизраэли по рукам и ногам связывали (и связывают) в его собственном министерстве русский агент маркиз Солсбери, близкий к Игнатьеву, великий маг of Common place ² граф Дерби и вышедший теперь в отставку граф Карнарвон.

Австрия помешала туркам собрать плоды их побед в Черногории и т. д.

¹ Перевод с текста, приведенного Либкнехтом в брошюре такого же наименования. Подлинников писем не сохранилось. *Ред.*

² Игра слов: Common place — общее место, пошлость; House of Commons — английская палата общин. *Ред.*

Наконец — и это одна из главных причин их окончательного поражения — *турки не сделали во-время революцию* в Константинополе; таким образом, воплощение старого серального режима, *Махмуд-Дамат*, зять султана, остался подлинным руководителем войны, а это точь-в-точь то же самое, как *если бы русский кабинет прямо руководил войною против самого себя*. То, что этот молодец систематически парализовал и компрометировал турецкую армию, может быть доказано до мельчайших подробностей. Впрочем, это в Константинополе общеизвестно и это *усугубляет историческую вину турок*. Народ, который в такие моменты наивысшего кризиса не умеет революционным способом разрубить узел, — такой народ погиб. Русское правительство знало, чего стоил для него Дамат; оно *употребило больше стратегического и тактического искусства*, чтобы держать *Мидхата-пашу* подальше от Константинополя и сохранять Дамата у власти, чем для того, чтобы взять *Плевну*.

Конечно, за кулисами русских успехов стоит... *Бисмарк*. Он создал *союз трех императоров*, удерживавший *Австрию* от выступления. Даже после падения Плевны Австрии стоило выставить только 100 000 человек, — и русским пришлось бы, не солоно хлебавши, отступить или довольствоваться самыми скромными результатами. *Отречение Австрии* сразу же дало перевес русской партии в Англии, так как Франция (вследствие ускоренной господином Гладстоном, тогдашним премьер-министром, пост-седанской катастрофы — катастрофы *после Седана*) как континентальная военная держава для Англии более не существовала.

Результат этого — *попросту распад Австрии*, неизбежный в том случае, если русские условия мира будут приняты, и Турция тем самым, по крайней мере в Европе, будет впредь существовать только формально. Турция была *плотиной Австрии против России* и ее славянской свиты. Следовательно, в подходящий момент прежде всего будет выключена «*Богемия*».

Но у Пруссии как Пруссии — т. е. в ее специфической противоположности к Германии — есть еще и другие интересы; Пруссия, как таковая, это — *ее династия*; она *создалась* и существует в том виде, как она есть, — на русской «*подкладке*». Поражение России, революция в России была бы похоронным звоном для Пруссии.

Иначе сам господин фон-Бисмарк после большой победы над Францией, когда Пруссия оказалась первой военной державой Европы не счел бы, пожалуй, нужным снова поставить ее по отношению к России в то положение, какое она занимала в 1815 г., когда она была пятой спицей в колеснице европейских государств.

И, наконец, для таких великих людей, как Бисмарк, Мольтке и т. п., далеко небезразличны те преимущества, которые сулит им лично *начавшийся* теперь ряд европейских войн...

Само собой разумеется, что Пруссия должна будет при случае потребовать «компенсацию» за *русские успехи*, ставшие возможными только благодаря ей. Это явствует хотя бы из поведения русских в отношении румынского правительства, которое *спасло* тех же русских под Плевной до прибытия из Московии войсковых пополнений. В благодарность за это Карл фон-Гогенцоллерн должен теперь вернуть русским часть Бессарабии, уступленную ими после крымской войны. Что в Берлине просто так, без околичностей, на это не согласятся, Петербург, конечно, знает, и ничего не имеет против того, чтобы заплатить handsome (щедрое) возмещение.

Но у всей этой истории есть и другие стороны. *Турция и Австрия* были последним оплотом старого европейского государственного порядка, который был вновь заштопан в 1815 году, и с их гибелью порядок этот рухнет окончательно. Этот крах, который осуществится в ряде войн (сперва «локализованных», а под конец «всеобщих»), ускоряет *социальный кризис* и вместе с ним *гибель* всех этих бряцающих оружием *shampowers* [дугих держав].

[Лондон,] 11 февраля 1878 г.

Одно хорошее дело сделали русские: они взорвали «великую либеральную партию» Англии и надолго лишили ее возможности стать правительственной партией; что же касается партии тори, то она сама потрудилась в официальной форме умертвить себя руками предателей Дерби и Солсбери (последний является подлинным орудием России в министерстве).

Благодаря периоду коррупции, наступившему с 1848 г., английский рабочий класс был мало-по-малу охвачен все более и более глубокой деморализацией и дошел, наконец, до того, что стал простым придатком «великой либеральной партии», т. е. партии своих собственных *поработителей*, капиталистов. Руководство английским рабочим классом перешло целиком в руки продажных вождей тред-юнионов и агитаторов по профессии. Эти молодцы, вслед за Гладстонами, Брайтами, Мунделлами, Морлеями, фабрикантской сволочью и т. д., на все лады крикливо прославляли царя-освободителя народов, не ударяя в то же время палец о палец для своих собственных братьев, осужденных шахтовладельцами

южного Уэльса на голодную смерть. Жалкие люди! Чтобы все это достойно увенчать, во время последних голосований в палате общин, 7 и 8 февраля, когда большинство столпов «великой либеральной партии», — Форстер, Лоу, Гаркорт, Гошен, Гартингтон и даже (7 февраля) сам великий Джон Брайт, — бросили свою армию на произвол судьбы и удрали в момент *голосования*, чтобы не слишком скомпрометировать себя каким-нибудь вотумом, — *единственные рабочие представители* в палате общин, и притом, *horribile dictu* [страшно сказать], прямые *представители шахтеров* и сами потомственные *шахтеры*, Берт и ничтожный Мак-Доннель, голосовали заодно с охвостом «великой либеральной партии», которое восторгается царем.

Но быстро развернувшиеся русские планы сразу рассеяли чары, положили конец «механической агитации» (пятифунтовые казначейские билеты — вот главная пружина механизма); в эту минуту было бы *опасно для жизни* Моттерсгедов, Гоуэллов, Джонов Гейлсов, Шиптонов, Осборнов и всей этой банды пикнуть на каком-нибудь открытом рабочем митинге; даже их «Corner- and Ticketmeetings» [закрытые собрания, куда впускают только по входным билетам] насильно срываются и разгоняются народной массой.

Но тяжеловесный «англо-сакс» просыпается слишком поздно, по крайней мере если иметь ввиду ближайшие события...

Русская дипломатия очень далека от того, чтобы разделять нелепую «христианскую» антипатию к «полумесяцу». Сведенная в Европе к Константинополю и небольшой части Румелии, но с компактным гинтерландом в Малой Азии, Аравии и т. д., Турция должна была быть прикована к России цепями наступательного и оборонительного союза.

Во время последнего похода 120 000 *поляков* сослужили хорошую службу русской армии; остается теперь присоединить к полякам *турок*, — и два самых храбрых племени Европы, жаждущих отомстить Европе за свой повор, стапуд *под русское знамя* — недурная идея!

В 1829 г. *Пруссия* действовала точно так же, как теперь, — но тогда она была еще всего-на-всего самым крупным из европейских мелких государств и заведомо *protégé* [под покровительством] России.

Отчаянное положение, в котором оказалась русская армия после перехода Балкан Дибичем (в июле 1829 г.), хорошо изображено у *Мольтке*. Спасти ее можно было только дипломатическими средствами.

Вторая кампания чуть было не прошла так же плохо, как и первая, и тогда — *finis Russiae*, тогда России был бы конец. Поэтому

царь Николай 10 июня 1829 г. прибыл в Берлин под предлогом присутствия на бракосочетании принца Вильгельма Прусского (нынешнего германского императора). Он попросил Фридриха-Вильгельма III («победоносца») воздействовать на Порту, чтобы она прислала к нему уполномоченных для начала мирных переговоров. В то время Дибич еще не перешел через Балканы, большую часть его армии задержали перед Силистрией и под Шумлой. Фридрих-Вильгельм III, по соглашению с Николаем, официально отправил барона Мюфлинга чрезвычайным послом в Константинополь; но ему было поручено действовать там, как агенту в интересах России. Мюфлинг был настоящим русским, как он сам рассказывает в книге «Из моей жизни»; он составил план русской кампании 1827 г., он же настоял на том, чтобы Дибич *coûte que coûte* [во что бы то ни стало] перешел через Балканы, пока он сам интриговал в Константинополе в качестве мирного посредника; он сам говорит, что султан, *напуганный* этим переходом, апеллировал бы «к нему как к другу».

Под предлогом обеспечения европейского мира ему удалось склонить на свою сторону Францию и Англию, — последнюю тем, что он воздействовал через английского посла, руссофила Роберта Гордона, на его брата, графа Эбердина, а через Эбердина на Веллингтона, который впоследствии в этом горько раскаивался.

Перейдя через Балканы, Дибич имел удовольствие 25 июля (1829 г.) получить от Решид-паши письменное приглашение начать мирные переговоры. В тот же день Мюфлинг впервые беседовал с рейс-эффенди (турецким министром иностранных дел), которого он запугал своей энергичной речью (*à la* принц Рейский); он ссылаясь при этом на Гордона и т. д. Под давлением прусского посла (при поддержке английского посла Гордона и французского Гильмино; оба были обработаны Мюфлингом), султан принял следующие пять условий мира: 1) целостность Оттоманской империи; 2) сохранение прежних договоров между Портой и Россией; 3) присоединение Порты к лондонскому договору (заключенному 6 июля 1827 г.) между Францией, Англией и Россией касательно урегулирования греческих дел; 4) твердые гарантии свободы судоходства на Черном море; 5) дальнейшие переговоры между турецкими и русскими поверенными в делах о требованиях компенсации (возмещения) и всех других претензиях обеих сторон.

28 августа двое турецких уполномоченных, Садек-эффенди и Абдул-Кадер-бей, в сопровождении Кюстера (*атташе прусского посольства* в Константинополе) прибыли в Адрианополь, где уже около недели находился русский генеральный штаб. 1 сентября

Дибич открыл переговоры, не дожидаясь *русских уполномоченных* (Алексея Орлова и Палена), доехавших лишь до Бургаса.

Но во время переговоров Дибич все время продвигал свои войска к Константинополю. Наглый и высокомерный (несмотря на свое скверное положение или, вернее, из-за него), он потребовал, чтобы турецкие уполномоченные дали в восьмидневный срок свое согласие на следующие пункты:

Укрепления Браилова, Журжева и Калафата должны быть скрыты, а сами эти местности присоединены к Валахии. Турция уступает России Анапу и Поты на Черном море и Ахалцыхский пашалык; 700 000 «бурс» (около 120 миллионов франков) военной контрибуции, уплата которой обеспечивается тем, что Силистрия и дунайские княжества остаются в качестве залога в руках русских. Возмещение в размере около 15 миллионов франков русским купцам за их убытки, которое должно быть уплачено в три срока, причем после каждого из этих платежей русская армия будет освобождать часть турецкой территории — сперва отойдет к подножию Балкан, затем к северу от этого горного хребта и, наконец, за Дунай.

Порта заявила протест против этих условий, находившихся в таком противоречии с заверениями царя об умеренности его требований. Новый прусский посол Ройер (Мюфлинг, этот «друг Порты» и ангел мира, испарился 5 сентября, закончив свое дело палача), вместе с генералом Гильмино, которого надул Мюфлинг, и сэром Робертом Гордоном, *поддержал заявление Порты*, ибо такая наглость противоречила уговору и заходила слишком далеко даже для «победоносца». Дибич знал, что в военном отношении он сидит в луже, и пошел на мнимые уступки: статью о *размерах военной контрибуции* он согласился вычеркнуть из официального мирного договора; первый взнос по уплате возмещения русским купцам был сокращен, ибо, *как заявили турецкие представители*, «самый невежественный человек знает, что Порта не могла бы заплатить». Мир был, наконец, заключен 5 сентября.

Велика была сенсация в Европе, велико было возмущение в Англии; Веллингтон метал громы и молнии; даже Эбердин отметил в депеше опасность, таившуюся в каждом отдельном параграфе мирного договора, и пытался создать всеобщий союз, которым *все великие державы* (включая Россию) *гарантировали бы мир на Востоке*. Австрия не возражала; но Пруссия сорвала этот план, спасла Россию от опасностей, которыми ей угрожал европейский конгресс. (Франция, в которой Карл X подготовлял тогда государственный переворот, подготовляла тайное соглашение с Россией; был заключен также

тайный договор, по которому Франция должна была *получить рейнские провинции.*)

При таких обстоятельствах Нессельроде нечего было стесняться; он послал наглую и издевательскую депешу английским министрам, т. е. депешу, адресованную графу Ливену (русскому послу) в Лондон.

Так поступила Пруссия тогда, и теперь она повторила то же самое в еще больших размерах. Недурные Гогенштауфены — эти Гогенцоллерны! Бисмарку легко было проявлять государственную мудрость в его австрийской и французской ватеях; против Австрии он опирался на Бонапарта и итальянцев, а против Франции он имел за собой всю Европу. Кроме того, цель, к которой он стремился, была поставлена и подготовлена обстоятельствами. Теперь же, когда обстоятельства запутались, гениальности — крышка ¹.

*Напечатаны в приложении к брошюре
В. Либкнехта «Zur orientalischen Frage»
без указания автора*

---

¹ Вслед за данным письмом в брошюре В. Либкнехта помещен следующий абзац, относительно которого не установлено, является ли он частью письма Маркса или принадлежит самому Либкнехту: «Внутри России неспокойно [geht's kraus]. Кроткий Александр хочет построить на *Новой Земле каторжную тюрьму для политических преступников.* Это была бы *la mort sans phrases* — смерть в буквальном смысле слова. Было бы желательно, чтобы на ближайшие год-два установился мир. Это было бы полезно прежде всего для дальнейшего развития внутреннего распада в России. Первым шагом русского правительства было бы (по прусскому образцу после 1815 г.) преследование *панславистских агитаторов.* Пока в них нуждались, их использовали; когда же прекратится военная суматоха, — кара последует без промедления». *Ред.*

Фридрих Энгельс
ЕВРОПЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ
В 1877 Г.

Написана Ф. Энгельсом

Напечатана в «The Labor Standard», Нью-Йорк,

3, 17, 24 и 31 марта 1878 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

The Workingsmen of Europe in 1877.

By FRANCIS B. STOWELL.

I.

The past year has been an eventful and a fruitful one for the Working Class of Europe. Great progress has been made in almost all countries with regard to the organization and extension of a Workingmen's Party; unity, threatened at one time by a small but active sect, has been virtually restored; the working-class movement has forced itself more and more into the foreground of every day politics, and a sure sign of approaching triumph, political events, no matter what turn they took, always turned out, in some way or other, favorable to the progress of that movement.

At its very outset, the year 1877 was inaugurated by one of the greatest ever gained by working men. of January, the triennial universal suffrage, (Reichstag) was

THE LABOR

Standard to the Republic and Democracy of the Working People.
1874, four fell to the candidate. 1877, more than six hundred. Ten workingmen candidate were elected on the 10th, while twenty-four more had to be balloted for in the supplementary elections which took place a fortnight after. Of these twenty four, only a few were actually returned, all other parties uniting against them. But the important fact remained, that in all the large towns and industrial centres of the Empire the working-class movement had advanced with giant strides, and that all these electoral districts were certain to fall into their hands at the next balloting in 1880. Berlin, Dresden, the whole of the Saxon manufacturing districts, and Romagna had been conquered; in Hesseberg, Breslau, Nurnberg, Leipzig, Brunswick, in Schkewig-Holstein and the manufacturing districts of Westphalia and the Lower Rhine, a coalition of all the parties had scarcely sufficed to defeat the working class candidates by bare majorities. German democratic socialism was a power, and a rapidly

But the best proof of the rapid advance of conscious working-class organization is in the growing number of its periodical organs in the press. And here we have to overstep the boundaries of Bismarck's "Empire," for the influence and action of German social democracy is no way limited by these. There were publishing in the German language on the 31st of December 1877, in all, not less than seventy five periodicals in the service of the Workingmen's Party. Of these in the German Empire 63 (amongst which 13 organs of as many Trades Unions), in Switzerland 2, in Austria 2, Hungary 1, America 6; 75 in all, more than the number of workingmen's organs in all other languages put together.

After the battle of Sedan in 1870, the Executive of the German Workingmen's Party contents the

STANDARD.

responsibilities their part renewed experience, and has proved, at the same time, and has proved, at the same time, the proletariat of Germany to have been in no wise inferior to the task of temporary leadership imposed upon it. Whatever mistakes some of the leaders may have made—and they are both numerous and manifold—the masses themselves have marched onwards resolutely, unhesitatingly and in the right direction. Their conduct, organization and discipline, form a marked contrast to the weakness, irresolution, servility and cowardice characteristic of all middle-class movements in Germany. But while the German middle class has closed its career by sinking down into a mere Bysantine adulation of "William the Victorious" and by surrendering itself, bound hand and foot to the wayward will of the one Bismarck, the working class is marching from victory to victory, helped onwards and strengthened even by the very measures which government and middle class contrive in order to suppress it.

THE LATE MARY B. STEWARD.

Death has taken another brave worker from the ranks of Massachusetts Labor Reformers. It has captured another chieftain in the Boston Eight Hour League.

1.

Истекший год был богат событиями и оказался плодотворным для рабочего класса Европы. Почти во всех странах достигнуты большие успехи в деле организации и роста рабочей партии. Единство, находившееся некоторое время под угрозой со стороны маленькой, но деятельной секты, было фактически восстановлено. Движение рабочего класса все более и более выступало на передний план текущей политики, и — что является верным признаком близящегося торжества — политические события, какой бы оборот они ни принимали, так или иначе всегда складывались благоприятно для роста этого движения.

Уже самое начало 1877 г. было ознаменовано одной из крупнейших побед, когда-либо одержанных рабочими. 10 января, на основе всеобщего избирательного права, состоялись выборы в германский парламент (рейхстаг), повторяющиеся каждые три года; выборы, которые уже начиная с 1867 г. давали германской рабочей партии возможность подсчитать свои силы и продемонстрировать перед миром свои хорошо организованные и постоянно растущие батальоны. В 1874 г. кандидаты рабочих получили четыреста тысяч голосов; в 1877 г. — больше шестисот тысяч. Десять рабочих кандидатов были избраны 10 января, а еще двадцать четыре должны были баллотироваться на дополнительных выборах, которые произошли через две недели. Из этих двадцати четырех были фактически избраны только немногие, ибо против них объединились все остальные партии. Но фактом большого значения осталось то обстоятельство, что во всех крупных городах и промышленных центрах империи классовое рабочее движение пошло вперед гигантскими шагами, и на следующих выборах в 1880 г. все эти избирательные округа перейдут, несомненно, в его руки. Были завоеваны Берлин, Дрезден, целые фабричные округа Саксонии и Золинген. В Гамбурге, Бреславле, Нюрнберге, Лейпциге, Брауншвейге, в Шлезвиг-Гольштинии и в фабричных округах Вестфалии и Нижне-Рейнской области коалиции всех прочих партий еле удалось победить кандидатов рабочего класса простым большинством голосов. Германская социал-демократия стала силой,

притом быстро растущей силой, с которой впредь должны будут считаться все другие — правящие или неправящие — силы страны. Впечатление от этих выборов получилось потрясающее. Буржуазия была охвачена настоящей паникой, тем более, что буржуазная пресса постоянно представляла дело так, будто социал-демократия находится на пути к полной потере всякого значения. Рабочий класс, ободренный своей победой, продолжал борьбу с новой силой и на всяком подходящем поле сражения; а рабочие других стран, как мы увидим, не только праздновали победу немцев как свой собственный триумф, но эта победа побудила и их самих к новым усилиям, чтобы не оставаться позади в соревновании за освобождение труда.

Быстрый успех рабочей партии в Германии был куплен ценою значительных жертв со стороны наиболее активных ее участников. Правительственные преследования, денежные штрафы, а еще чаще тюремные заключения сыпались на них градом, и им давно уже приходилось заранее быть готовыми к тому, чтобы большую часть своей жизни провести в тюрьме. Хотя в большинстве случаев эти приговоры выносятся на короткие сроки, от двух недель до трех месяцев, однако и долгосрочные заключения отнюдь не являются редкостью. Так, чтобы уберечь важный горнозаводский и фабричный район Саар-брюкена от заражения социал-демократическим ядом, недавно два агитатора были осуждены на два с половиной года каждый за то, что осмелились ступить на эту запретную почву. Эластичные законы империи предоставляют множество поводов для подобных мероприятий, а там, где эти законы все же недостаточны, судьи большей частью очень охотно расширяют их толкование до той степени, какая требуется для осуждения.

Большим преимуществом германского движения является тот факт, что профессиональные организации работают рука об руку с организацией политической. Непосредственные выгоды, которые дают профессиональные организации, втягивают многих обычно равнодушных людей в политическое движение; в то же время общность политического действия сплачивает обычно изолированные профессиональные союзы и обеспечивает их взаимную поддержку.

Успех, достигнутый нашими немецкими товарищами на выборах в германский парламент, побудил их испытать счастье и на других выборных участках. Так, им удалось провести рабочих при выборах в два ландтага более мелких государств империи, а также проникнуть в изрядное количество городских управлений; в саксонских фабричных районах многие города оказались под руководством социал-демократических управлений. Так как избирательное право

при этих выборах ограничено, то на большие успехи рассчитывать не приходилось; все же каждое завоеванное место помогает доказать правительствам и буржуазии, что им придется впредь считаться с рабочими.

Но наилучшим доказательством быстрого успеха сознательной организации рабочего класса является растущее число ее периодических органов печати. И здесь мы должны перешагнуть границы бисмарковой «империи», потому что влияние и деятельность германской социал-демократии отнюдь не ограничиваются ими. К 31 декабря 1877 г. на немецком языке издавалось в общем не меньше семидесяти пяти периодических органов, обслуживавших рабочую партию. Из них в Германской империи — 62 (в том числе 15 органов соответствующего числа профессиональных союзов), в Швейцарии — 3, в Австрии — 3, в Венгрии — 1, в Америке — 6, всего — 75, больше, нежели число рабочих органов на всех других языках, вместе взятых.

После битвы под Седаном, в сентябре 1870 г., Исполнительный комитет Германской рабочей партии объявил своим избирателям, что в результате войны центр тяжести европейского рабочего движения переместился из Франции в Германию и что тем самым на немецких рабочих возлагаются более высокие обязанности и новая ответственность, которые требуют с их стороны новых усилий. 1877 г. доказал правильность этого и в то же время показал, что пролетариат Германии отнюдь не стоит ниже задачи временного руководства, возложенной на него. Какие бы ошибки ни совершались отдельными вождями, — а ошибки эти и многочисленны и разнообразны, — самые массы двигались вперед решительно, непоколебимо и в правильном направлении. Их выдержка, организованность и дисциплина представляют замечательный контраст той слабости, нерешительности, лакейства и трусости, которые так характерны для всех буржуазных движений в Германии. И в то время как германская буржуазия завершила свою карьеру тем, что опустилась до более чем византийской лести «Вильгельму Победоносцу» и, связанная по рукам и по ногам, отдалась на милость Бисмарка, — рабочий класс идет от победы к победе, подкрепляемый и усиливаемый даже теми меропрятиями, которые предпринимаются правительством и буржуазией для его подавления.

II.

Как ни велико было впечатление от германских выборов в самой стране, еще гораздо сильнее было оно за границей. И прежде всего оно восстановило в европейском рабочем движении то согласие, которое в течение последних шести лет было нарушено притязаниями небольшой, но чрезвычайно энергичной секты.

Те из наших читателей, которые следили за историей Международного товарищества рабочих, вспомнят, что непосредственно вслед за падением Парижской коммуны в недрах великой рабочей организации возникли расхождения, которые на Гаагском конгрессе 1872 г. привели к открытому расколу, а затем и к распаду. Виновником разногласий был русский, Бакунин, со своими приверженцами, которые всеми правдами и неправдами стремились занять господствующее положение в организации, в которой они составляли лишь незначительное меньшинство. Их главным патентованным средством было принципиальное возражение против *какой бы то ни было* политической деятельности рабочего класса; и они в этом отношении шли так далеко, что в их глазах участвовать в выборах представлялось изменой интересам пролетариата. Они не допускали никакого другого способа действий, кроме прямой насильственной революции. Из Швейцарии, где прежде всего пустили корни эти «анархисты», как они себя называли, они распространились в Италию и Испанию, где они некоторое время действительно господствовали в рабочем движении. Внутри «Интернационала» они получили некоторую поддержку со стороны бельгийцев, которые, хотя и по другим мотивам, также высказывались в пользу политического воздержания. После раскола они сохраняли видимость организации и устраивали конгрессы, на которых дюжины две всегда одних и тех же людей, притязавших на представительство от рабочего класса всей Европы, проповедывали от его имени свои догмы. Однако уже германские выборы 1874 г. и крупные преимущества, в которых германское движение убедилось на опыте благодаря наличию в парламенте девяти человек из числа наиболее активных его членов, заронили элементы сомнения в среде «анархистов». В Испании в ходе политических событий движение было подавлено и исчезло, не оставив почти никаких следов. В Швейцарии партия, стоявшая за политическую борьбу и работавшая рука об руку с немцами, крепла с каждым днем и скоро численно превысила кучку анархистов в отношении 300 к 1.

В Италии, после ребяческой попытки совершить «социальную революцию» (Болонья, 1874 г.), в которой «анархисты» не проявили своих достоинств ни по части разума, ни по части мужества, подлинно рабочие элементы начали подумывать о более разумных способах деятельности. В Бельгии, вследствие политики воздержания со стороны вожжаков, политики, которая лишила рабочий класс всякого поля практической деятельности, движение пришло к мертвой точке. Фактически, в то время как политическая деятельность немцев вела их от успеха к успеху, рабочий класс тех стран, где лозунгом дня было воздержание, терпел поражение за поражением, пока ему не надоело движение, не дававшее никаких результатов; его организации были преданы забвению, его печатные органы исчезали один за другим. Более здравомыслящей части этих рабочих такой контраст не мог не бросаться в глаза. В Италии, как и в Бельгии, вспыхнул бунт против учений «анархизма» и воздержания, и люди стали задавать себе и другим вопрос, почему же надо в угоду глупому догматизму отказываться от применения как раз тех средств деятельности, которые оказались самыми действительными из всех. Таково было положение вещей, когда крупная избирательная победа немцев положила конец всем сомнениям и преодолела все колебания. Пред лицом такого упрямого факта невозможно было никакое сопротивление. Италия и Бельгия высказались за политическую деятельность. Остатки итальянских сторонников воздержания, доведенные до отчаяния, попытались произвести еще одно восстание близ Неаполя; человек тридцать анархистов провозгласили «социальную революцию», но о них быстро позаботилась полиция. Все, чего они достигли, — был лишь полный разгром их собственного сектантского движения в Италии. Так анархистская организация, притязавшая на руководство движением рабочего класса от одного конца Европы до другого, была вновь сведена к своему первоначальному вародышу, к каким-нибудь двумстам человек в Юрском округе в Швейцарии, где они из своего уединенного горного убежища продолжают протестовать против победоносной ереси остального мира, сохраняя истинное правоверие, возведенное их ныне покойным императором, Бакуниным. И когда в сентябре прошлого года в Генте, в Бельгии, собрался Всемирный социалистический конгресс, — конгресс, который сами они создали, — они оказались там в незначительном меньшинстве пред лицом делегатов объединенной и единодушной великой организации европейского рабочего класса. Конгресс, энергично отвергнув их смехотворные учения и высокомерные притязания и установив тот факт, что он отверг всего лишь мелкую секту, проявил к ним под конец великодушную терпимость.

Так после четырехлетней внутренней распри восстановлено было полное единство действий европейского рабочего класса, и политика, которую провозгласило большинство последнего конгресса Интернационала, была полностью оправдана событиями. Снова была теперь восстановлена почва, на которой рабочие различных европейских стран могут опять твердо действовать вместе, оказывая друг другу ту взаимную поддержку, которая составляет главную силу движения. Международное товарищество рабочих стало невозмож...¹ [Правительствами ряда стран были изданы законы], которые запрещали рабочим этих стран вступать в подобный интернациональный союз. Правительства могли бы избавить себя от этого беспокойства. Движение рабочего класса переросло не только необходимость, но даже и возможность подобного рода формального союза. Великая же пролетарская организация не только вполне осуществила свою задачу, но и сама продолжает жить, более могущественная, чем когда бы то ни было, в гораздо более мощном союзе единства и солидарности, в общности действия и политики, общности, которая воодушевляет ныне рабочий класс всей Европы и представляет собою его собственное величайшее достижение. Среди рабочих разных стран и даже каждой страны, взятой в отдельности, существует множество различных воззрений; но нет больше сект, нет больше притязаний на догматическую ортодоксию, на доктринерское верховенство, а есть совместный план действий, первоначально набросанный Интернационалом, теперь же нашедший всеобщее признание, потому что он повсюду, сознательно или бессознательно, вырастал из борьбы, из нужд движения; это план, который свободно приспособливается к разнообразным условиям каждой нации и каждой местности и сохраняет, тем не менее, повсюду свои основные черты, обеспечивая таким образом единство цели и общее соответствие средств, применяемых для достижения общей задачи — освобождения рабочего класса самим же рабочим классом.

---

¹ Здесь из английского текста статьи выпали одна или две строчки. *Ред.*

III.

В предыдущей статье мы уже отметили наиболее интересные основные факты, связанные с историей рабочего движения в Италии, Испании, Швейцарии и Бельгии. Но необходимо сказать еще кое о чем.

В Испании движение быстро разрослось между 1868 и 1872 гг., когда Интернационал мог похвалиться там более чем 30 000 платящих взносы членов. Но все это было скорее видимостью, чем действительностью; скорее результатом кратковременного возбуждения, вызванного неустойчивым политическим положением страны, чем результатом действительного идейного прогресса. Впутавшись в кантоналистское (федерально-республиканское) восстание 1873 г., испанский Интернационал был раздавлен вместе с ним. Некоторое время он продолжал существовать в виде тайного общества, ядро которого, несомненно, существует еще и сейчас. Поскольку, однако, это общество никогда не проявляло никаких признаков жизни, кроме посылки трех делегатов на Гентский конгресс, мы вынуждены притти к заключению, что эти три делегата представляют испанский рабочий класс примерно в той же мере, в какой некогда трое портных с Тули-Стрита представляли английский народ¹. И как только какое-либо политическое потрясение даст возможность испанским рабочим снова играть активную роль, — мы можем с уверенностью предсказать, что новая борьба будет исходить не от этих «анархистских» болтунов, а от небольшой организации сознательных и энергичных рабочих, которые в 1872 г. оставались верны Интернационалу и которые теперь выжидают своего времени, вместо того, чтобы играть в тайные заговоры.

В Португалии движение всегда оставалось свободным от «анархистской» заразы и развивалось на такой же разумной основе, как и в большинстве других стран. У португальских рабочих были многочисленные секции Интернационала и профессиональные союзы. Они провели в январе 1877 г. весьма плодотворный конгресс и издавали превосходный еженедельник: «O Protestos». Однако и они были стеснены направленным против них законодательством, ограничивающим свободу печати, право союзов и публичных собраний.

¹ См. стр. 242 настоящего тома. *Ред.*

Несмотря на все это, они продолжают бороться и проводят теперь в Опорто новый конгресс, который даст им возможность показать миру, что рабочий класс Португалии принимает свою долю участия в великой всемирной борьбе за освобождение труда.

Рабочие Италии также сильно стеснены в своей деятельности буржуазным законодательством. Ряд особых законов, установленных под предлогом подавления разбоев и широко распространенных тайных разбойничьих организаций и дающих правительству громадные неограниченные полномочия, — без стеснений применяется к рабочим обществам; выдающиеся их члены наравне с разбойниками подвергаются полицейскому надзору и высылке без суда и следствия. Тем не менее, движение идет вперед, и лучшим признаком его жизненности является то, что центр тяжести его переносится из почтенных, но полумертвых городов Романьи в оживленные промышленные и фабричные города севера; это изменение обеспечило преобладание подлинно рабочих элементов над кучкой втершихся в движение «анархистов», выходцев из буржуазии, в руках которых прежде находилось руководство. Рабочие клубы и профессиональные союзы, постоянно закрывающиеся и распускающиеся правительством, снова возникают под новыми названиями. Пролетарская печать, несмотря на то, что многие ее органы, вследствие преследований, штрафов и тюремных приговоров против их издателей, недолговечны, после каждого поражения восстанавливается заново и, вопреки всем препятствиям, насчитывает несколько газет со сравнительно долголетним существованием. Некоторые из этих органов, большей частью кратковременные издания, исповедуют еще «анархистские» учения, но от всяких притязаний на руководство движением эта фракция отказалась и угасает постепенно вместе с буржуазно-республиканской партией Мадзини. И каждый дюйм почвы, потерянный обеими этими кликами, есть дюйм почвы, завоеванной подлинным и сознательным движением рабочего класса.

В Бельгии центр тяжести деятельности рабочего класса также переместился, и сама эта деятельность подверглась вследствие этого существенному изменению. До 1875 г. этот центр лежал в той части страны, где говорят по-французски, включая сюда полуфранцузский и полуфламандский Брюссель. В течение этого периода движение находилось под сильным влиянием прудонистских учений, которые тоже предписывали воздержание от вмешательства в политику, особенно же от участия в выборах. Оставались, таким образом, только стачки, обычно подавлявшиеся кровавым вмешательством войск, да митинги, на которых постоянно повторялся старый набор фраз. Рабочим это

надоело, и все движение постепенно замерло. Но с 1875 г. в борьбу вступили фабричные города фламандской части страны, поведшие борьбу с большей сознательностью и, как было вскоре доказано, в новом духе. В Бельгии нет фабричных законов, которые ограничивали бы часы труда женщин или детей; и первым требованием фабричных избирателей Гента и его окрестностей было требование о защите их жен и детей, которых заставляли рабски трудиться на прядильных фабриках по пятнадцати и более часов в сутки. Сопротивление прудонистских доктринеров, которые считали подобные пустяки недостойными внимания людей, занятых заоблачным революционаризмом, было безуспешно и постепенно было сломлено. Требование законодательной охраны детского труда на фабриках стало одним из пунктов платформы бельгийского рабочего класса, а вместе с тем разбиты были магические заклинания, силой которых до сих пор было наложено табу на политическую деятельность. Пример немцев довершил дело, и теперь бельгийские рабочие, как и рабочие Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Венгрии, Австрии и части Италии, организуются в политическую партию, отличную от всех других политических партий и противоположную им, — партию, ставящую целью добиться освобождения рабочего класса любыми политическими действиями, какие требуются условиями момента.

Значительные массы швейцарских рабочих, — та их часть, которая говорит по-немецки, — объединились несколько лет назад в «Рабочую конфедерацию», которая к концу 1876 г. насчитывала свыше 5 000 членов, платящих взносы. Рядом с нею существовала еще другая организация, «Общество Грютли», образованное первоначально буржуазными радикалами для распространения радикализма среди рабочих и крестьян; но постепенно в это широко распространенное объединение проникли социал-демократические идеи, которые в конце концов овладели им. В 1877 г. оба эти общества заключили союз, почти равносильный слиянию, с целью организовать швейцарскую политическую рабочую партию; и они действовали с такой энергией, что при общенародном голосовании провели новый швейцарский фабричный закон, который из всех существующих фабричных законов является наиболее благоприятным для рабочих. Теперь они организуют бдительный надзор, чтобы обеспечить его надлежащее выполнение, вопреки открыто выраженной злой воле фабрикантов. «Анархисты», со своей сверхреволюционной точки зрения, явились, конечно, бешеными противниками всей этой деятельности, объявив ее актом настоящей измены тому, что они называют «революцией». Однако, поскольку их насчитывается в лучшем случае человек

200 и поскольку они представляют здесь, как и везде, лишь генеральный штаб офицеров без армии, — их выступление не играет роли.

Программа швейцарской рабочей партии почти совпадает с германской, даже слишком совпадает, принимая также и некоторые несовершенные и путанные ее положения. Но слова программы сами по себе не имеют большого значения, если дух, господствующий в движении, правилен.

Датские рабочие вступили в борьбу около 1870 г. и вначале добились очень быстрых успехов. Заключив союз с партией мелкобуржуазных крестьян, среди которых они успешно распространяли свои взгляды, они достигли настолько значительного политического влияния, что за «объединенной левой», ядро которой составляла крестьянская партия, в течение ряда лет сохранялось большинство в парламенте. Но в этом быстром росте движения было больше видимости, чем действительного роста. В один прекрасный день было обнаружено, что двое лидеров исчезли, растратив деньги, собранные среди рабочих на партийные цели. Вызванный этим скандал был крайне велик, и датское движение до сих пор еще не оправилось от последовавшего за этим разочарования. Как бы то ни было, хотя датская рабочая партия выступает теперь более сдержанно, чем прежде, но все же есть достаточно оснований для уверенности, что потерянное ею мимолетное и мнимое господство над массами постепенно заменится более реальным и более длительным влиянием.

В Австрии и Венгрии рабочему классу приходится бороться с величайшими трудностями. Политическая свобода, поскольку дело касается печати, собраний и союзов, сведена здесь к самому низкому уровню, соответствующему мнимо конституционной монархии. Свод законов, отличающийся неслыханной растяжимостью, позволяет правительству добиваться осуждения даже в случаях самого робкого проявления требований и интересов рабочего класса. И, тем не менее, движение здесь, как и везде, неудержимо развивается. Основными центрами являются фабричные округа Богемии, Вена и Будапешт. Рабочие газеты выходят на немецком, чешском и венгерском языках. Из Венгрии движение распространилось в Сербию, где до войны выходила на сербском языке еженедельная газета; однако, как только разразилась война, газету попросту прихлопнули.

Таким образом, куда ни кинуть взгляд в Европе, повсюду классовое движение рабочих развивается не только успешно, но и быстро, и, что еще важнее, повсюду в одном и том же духе. Восстановлено полное единомыслие, а вместе с ним восстанавливается тем или иным

путем постоянное и регулярное общение между рабочими разных стран. Люди, которые в 1864 г. основали Международное товарищество рабочих, которые высоко держали его знамя в годы борьбы, сначала против внешних, потом против внутренних врагов, откуда политическая необходимость в еще большей степени, чем внутренние раздоры, не привела к расколу и к кажущемуся отступлению, — эти люди могут теперь с гордостью воскликнуть: «Интернационал выполнил свое дело; он вполне достиг своей великой цели — объединения пролетариата всего мира в борьбе против своих угнетателей!»

IV.

Наши читатели наверное заметили, что в трех предшествующих статьях почти не упоминалось об одной из важнейших стран Европы, Франции, и это вот по какой причине. В странах, о которых говорилось до сих пор, деятельность рабочего класса, — хотя по существу это политическая деятельность, — не имеет тесной связи с общей или, так сказать, официальной политикой. Рабочий класс Германии, Италии, Бельгии и т. д. не стал еще политической силой в государстве. Он является политической силой лишь в перспективе, и если в некоторых из этих стран официальным партиям — консерваторам, либералам или радикалам — приходится с ним считаться, то это только потому, что его быстрый подъем делает очевидным, что в близком будущем пролетарская партия станет достаточно сильной для того, чтобы дать почувствовать свое влияние. Но во Франции дело обстоит иначе. Парижские рабочие, поддержанные рабочими крупных провинциальных городов, со времен Великой революции всегда были силой в государстве. В течение уже почти девяноста лет они являлись боевой армией прогресса. При каждом крупном кризисе французской истории они выходили на улицы, вооружались чем только могли, воздвигали баррикады и вступали в бой. И их победа или поражение решали судьбу Франции на последующие годы. С 1789 по 1830 г. буржуазные революции решались борьбой парижских рабочих; это они в 1848 г. завоевали республику; ошибочно приняв эту республику за средство к освобождению труда, они получили жестокий урок в июньском разгроме того же года; они сопротивлялись на баррикадах в 1851 г. государственному перевороту Луи-Наполеона и снова потерпели поражение; они смели в сентябре 1870 г. изжившую себя империю, к которой буржуазные радикалы не имели смелости и прикоснуться. Попытка Тьера в марте 1871 г. отнять у них оружие, которым они защищали Париж от иностранного нашествия, принудила их к революции Коммуны и к длительной борьбе, закончившейся их кровавым подавлением.

Национальный рабочий класс, который, таким образом, в течение почти столетия не только играл решающую роль при каждом историческом кризисе собственной страны, но в то же время всегда являлся и авангардом европейской революции, такой рабочий класс не может жить той сравнительно замкнутой жизнью, какая в сущности

составляет еще круг деятельности остальных рабочих континента. Такой рабочий класс, как французский, связан со своей прошлой историей и зависит от этой прошлой истории. Его история не менее, чем его признанная решающая боевая сила, нерасторжимыми узами связывает его с общим политическим развитием страны. И поэтому мы не могли бы сделать обзор деятельности французского рабочего класса, не входя в рассмотрение французской политики вообще.

Вел ли французский рабочий класс свою собственную борьбу, вел ли он борьбу либеральной, радикальной или республиканской буржуазии, — за всяким понесенным им поражением всегда следовала гнетущая политическая реакция, столь же свирепая, сколь продолжительная. Так, за поражениями в июне 1848 г. и в декабре 1851 г. последовало восемнадцать лет бонапартистской империи, в течение которых печать была скована, право собраний и союзов придавлено, а рабочий класс тем самым был лишен всяких средств взаимной связи и организации. Необходимым результатом было то, что когда в сентябре 1870 г. пришла революция, рабочие не могли выдвинуть никого другого, кроме тех буржуазных радикалов, которые при империи составляли официальную парламентскую оппозицию и которые, само собою разумеется, предали их и их страну. После подавления Коммуны рабочий класс, способность которого к борьбе была парализована на целые годы, был непосредственно заинтересован лишь в том, чтобы избегнуть нового повторения подобного длительного господства угнетения, а вместе с тем необходимости снова бороться не за прямое свое освобождение, а лишь за такой строй, который давал бы ему возможность подготовиться к окончательной борьбе за освобождение. В настоящее время во Франции имеется четыре больших политических партии: три монархические — легитимисты, орлеанисты и бонапартисты, каждая с особым претендентом на корону, — и республиканская партия. Какой бы из трех претендентов ни вззошел на трон, он во всяком случае нашел бы поддержку лишь незначительного меньшинства народа и мог бы, следовательно, полагаться только на силу. Поэтому неизбежным спутником всякой монархической реставрации было бы господство насилия, подавление всяких общественных свобод и личных прав, — то, чего рабочий класс должен стремиться избегнуть. С другой стороны, сохранение существующего республиканского правительства оставляло бы ему по крайней мере возможность достичь такой степени личной и общественной свободы, которая позволила бы основать рабочую печать, проводить агитацию на собраниях и организовать самостоятельную политическую партию; кроме того, сохранение

республики избавило бы его от необходимости вновь вести особую борьбу за её завоевание в будущем.

Поэтому новым доказательством высокой инстинктивной политической сознательности французского рабочего класса был тот факт, что как только 16 мая прошлого года все три монархических клики, объединившись в большом заговоре, объявили войну республике, рабочие, как один человек, провозгласили поддержку республики своей важнейшей непосредственной задачей. Несомненно, здесь они шли в хвосте буржуазных республиканцев и радикалов; но рабочий класс, не имеющий ни печати, ни собраний, ни клубов, ни политических союзов, — чем же иным может он быть, как не придатком радикально-буржуазной партии? Что иное может он делать для завоевания своей политической независимости, как не поддерживать единственную партию, которая обязана обеспечить народу вообще, а стало быть и рабочим, те свободы, которые позволили бы иметь независимую организацию? Некоторые утверждают, что на последних выборах рабочие должны были выставить своих собственных кандидатов. Но даже в тех местностях, в которых они могли бы сделать это с надеждой на успех, — откуда было взять кандидатов рабочего класса, достаточно хорошо известных в среде их собственного класса, чтобы найти необходимую поддержку? Недаром же со времени Коммуны правительство так заботливо арестовывало, как участника этого восстания, всякого рабочего, который приобретал известность хотя бы путем частной агитации в своем собственном районе Парижа.

Победа республиканцев на последних ноябрьских выборах была знаменательна. За ней последовали еще более знаменательные победы на происходивших вслед за тем департаментских, муниципальных и дополнительных выборах. Монархический заговор, может быть, положил бы конец всему этому; но руки его были парализованы недвусмысленным поведением армии. Дело не только в наличии множества республиканских офицеров, особенно среди младшего состава; гораздо важнее было то, что солдатская масса отказывалась выступить против республики. Это было первым результатом реорганизации армии, реорганизации, в связи с которой платные заместители были устранены, а армия превращена в действительное представительство молодых людей всех классов. Таким образом, заговор рухнул без того, чтобы понадобилось подавлять его силой. И это тоже было вполне в интересах рабочего класса, который, будучи еще слишком слабым после кровопускания 1871 г., не мог иметь ни малейшего желания вновь расточать свои важнейшие боевые силы в боях на пользу дру-

гих или ввязаться в целый ряд насильственных стычек, прежде чем он восстановил полностью свою мощь.

Но эта победа республиканцев имеет еще и другое значение. Она показывает, что с 1870 г. сельское население сделало большой шаг вперед. До сих пор каждая победа, одержанная рабочим классом в Париже, очень быстро сводилась на-нет из-за реакционного духа мелкого крестьянства, составляющего громадную массу французского населения. С начала нынешнего столетия французское крестьянство было бонапартистским. Вторая республика, установленная парижскими рабочими в феврале 1848 г., была уничтожена шестью миллионами крестьянских голосов, полученных Луи-Наполеоном в декабре того же года. Но прусское нашествие 1870 г. поколебало веру крестьянства в империю, а последние ноябрьские выборы показали, что масса сельского населения стала республиканской. Эта перемена имеет величайшее значение. Она означает не только то, что всякая монархическая реставрация отныне во Франции стала безнадежной. Она означает также достижимость союза между рабочими в городах и крестьянами в деревнях. Мелкие собственники-крестьяне, созданные Великой революцией, являются земельными собственниками только по названию. Их участки заложены ростовщикам; их урожай уходит на оплату процентов и на расходы по тяжбам; нотариус, стряпчий, судебный пристав, аукционный чиновник вечной угрозой стоят у их дверей. Их положение так же скверно, как и положение рабочих, и почти так же необеспечено. И если эти крестьяне поворачивают теперь от бонапартизма к республике, то этим они показывают, что не ожидают уж больше улучшения своего положения от тех чудес империи, которые Луи-Наполеон вечно им обещал, но никогда не исполнял. Вера Тьера в мистическую спасительную силу, которой обладает «император крестьян», была грубо нарушена Второй империей. Чары рассеялись. Французское крестьянство стало, наконец, достаточно сознательным, чтобы искать действительных причин хронической нужды и практических мер к ее устранению. А уж раз оно начало мыслить, оно должно будет скоро обнаружить, что единственное средство спасения лежит для него в союзе с тем единственным классом, который нисколько не заинтересован в его нынешнем жалком положении, — с рабочим классом города.

Таким образом, как бы ни было презренно нынешнее республиканское правительство Франции, все же окончательное установление республики дало, наконец, французским рабочим почву, на которой они могут организовать как самостоятельная политическая

партия и вести будущие сражения не на пользу других, а на свою собственную пользу, — почву, на которой они могут вдобавок объединиться с доселе враждебной им массой крестьянства и превратить тем самым будущие победы из кратковременного триумфа Парижа над Францией, как это было до сих пор, в окончательный триумф всех угнетенных классов Франции, руководимых рабочими Парижа и крупных провинциальных городов.

V.

Остается рассмотреть еще одну важную европейскую страну — Россию. Нельзя сказать, чтобы в России существовало рабочее движение, о котором стоило бы говорить. Однако внутренние и внешние условия, в которых находится Россия, чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы.

В 1861 г. правительство Александра II провело освобождение крепостных и превратило огромное большинство русского народа из крепостных людей, прикрепленных к земле и обязанных к принудительному труду на своих помещиков, — в свободных крестьян-собственников. Эта реформа, необходимость которой была уже давно очевидна, была проведена таким образом, что ни прежние помещики, ни прежние крепостные не оказались при этом в выигрыше. Крестьянские общины получили земельные наделы, которые должны были впредь стать их собственностью, между тем как помещикам должна была быть возмещена стоимость уступленной крестьянам земли, а также в некоторой мере и право на труд крестьян, которым они до сих пор пользовались. Так как у крестьян явно не было денег на выплату помещикам, то в дело вмешалось государство. Часть этого выкупа была покрыта путем передачи помещику части той земли, которую крестьяне обрабатывали до тех пор самостоятельно; остаток же выплачивался в форме правительственных обязательств, авансированных государством, которые должны были быть с процентами оплачены крестьянами в рассрочку, ежегодными платежами. Большинство помещиков распродавало эти обязательства и растратило деньги; помещики, таким образом, не только стали теперь беднее, чем были прежде, но и не могут найти работников для обработки своих имений, ибо крестьяне действительно отказываются на них работать и оставлять не возделанными свои собственные поля. Что касается крестьян, то их земельные наделы не только уменьшились в объеме по сравнению с тем, что было у них раньше, причем часто до таких размеров, которые в русских условиях недостаточны для прокормления семьи; наделы эти большей частью составлялись из наихудшей в поместьи земли, из болот или других непригодных участков, между тем как хорошая земля, принадлежавшая ранее крестьянам и улучшенная благодаря их труду, передавалась помещикам. В этих условиях положение

крестьян стало также значительно хуже прежнего; но, несмотря на это, от них требовалось ежегодно выплачивать правительству проценты и часть капитала, который ссудило им государство для выкупа, а кроме того, из года в год увеличивались взимавшиеся с них подати. Далее, до освобождения крестьяне имели некоторые общинные права на помещичьей земле: право выпаса для своего скота, право на порубку леса для построек и других целей и т. п. При новом порядке они были определенно лишены этих прав; если они хотели вновь ими пользоваться, то им приходилось рядиться с прежним своим помещиком.

Таким образом, меж тем как большинство помещиков в результате реформы еще больше прежнего запуталось в долгах, крестьянство было доведено до такого положения, при котором невозможно ни жить, ни умереть. Великий освободительный акт, столь единодушно превознесенный и прославленный либеральной прессой Европы, создал не что иное, как лишь твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции.

Правительство, со своей стороны, делало все возможное для ускорения этой революции. Взяточничество, которое проникает во все официальные круги и которое парализует всякие добрые намерения, какие можно было бы предполагать, — это наследственное взяточничество сохранялось в такой же, как всегда, отвратительной форме, а когда разразилась турецкая война, оно обнаружилось с ослепительной яркостью в каждом общественном учреждении. Финансы империи, пришедшие в полный беспорядок к концу Крымской войны, стали ухудшаться все более и более. За одним займом заключали другой, так что не было уже другого средства оплатить проценты по старым долгам, как только заключая новые займы. В течение первых лет царствования Александра исконный императорский деспотизм был несколько смягчен; было предоставлено больше свободы печати, был введен суд присяжных, а представительным учреждениям, избираемым соответственно дворянством, городскими буржуа и крестьянами, было позволено принимать некоторое участие в местном и провинциальном управлении. Началось некоторое политическое кокетничанье даже с поляками. Однако публика ошиблась насчет благожелательных намерений правительства. Печать стала слишком откровенной. Присяжные стали и в самом деле оправдывать политических заключенных, относительно которых правительство ожидало осуждения даже без всяких улик. Местные и провинциальные собрания одно за другим заявляли, что правительство своим освободительным актом разорило деревню и что дальше так дело продолжаться не может. Стали даже намекать на Национальное собрание, как на

единственное средство избавиться от беспорядков, ставших почти невыносимыми. И, наконец, поляки не захотели больше, чтобы их водили за нос красивыми словами, и подняли такое восстание, что понадобились все силы империи и вся свирепость русских генералов, чтобы потопить его в потоках крови. Тогда правительство снова повернуло назад. Суровые репрессии вновь стали в порядок дня. Печати заткнули рот; политические заключенные были переданы особым судам, состоящим из подобранных для этой цели судей; с местными и провинциальными собраниями перестали считаться. Но было уже поздно. Проявив однажды признаки испуга, правительство потеряло свой престиж. Вера в его непоколебимость и способность решительно сокрушить всякое внутреннее сопротивление исчезла. Появились зародыши будущего общественного мнения. Эти силы уже не могут быть снова сведены к прежнему слепому повиновению указке правительства. Обсуждение общественных вопросов, хотя бы в частном кругу, вошло в привычку в среде образованных классов. Наконец, и правительство, при всем своем стремлении возвратиться к разнузданному деспотизму царствования Николая, все же претендовало сохранять, пред лицом Европы, видимость либерализма, введенного Александром. Следствием этого явилась система колебаний и нерешительности: сегодня делают уступки, завтра берут их обратно, потом снова, попеременно, наполовину допускают, наполовину берут обратно, — политика, меняющаяся с часу на час, делающая очевидной для каждого внутреннюю слабость, недостаток разума и воли со стороны этого правительства, которое было нулем, если оно не обладало волей и средствами для проведения своей воли. Что же могло быть естественнее того, что с каждым днем возрастало презрение, возбуждаемое правительством, о котором уже давно знали, что ни к чему путному оно не способно и что ему повинуются только из страха, правительством, которое теперь показало, что оно само сомневалось в своей способности поддержать собственное существование, что оно испытывало по меньшей мере такой же страх перед народом, какой народ испытывал перед ним? Для русского правительства оставался только один путь спасения, — путь, открывающийся перед всяким правительством, оказавшимся лицом к лицу с непреодолимым сопротивлением народа, — внешняя война. И оно решилось на внешнюю войну; Европе было объявлено, что эта война предпринята для освобождения христиан от долгого ховаяничанья турок, а русскому народу заявили, что войну ведут для возвращения единоплеменных братьев-славян из-под турецкого ига в лоно священной Российской империи.

После долгих месяцев бесславных поражений, война эта теперь доведена до конца столь же бесславным подавлением турецкого сопротивления — отчасти путем предательства, отчасти вследствие громадного численного превосходства. Но русское завоевание большей части Европейской Турции само является только прелюдией общеевропейской войны. Либо на предстоящей европейской конференции (если эта конференция вообще соберется) России придется отступить от ныне завоеванных позиций до такой степени, что несоответствие между громадными жертвами и ничтожными результатами должно будет довести народное недовольство до неистового революционного взрыва, либо же Россия должна будет отстаивать свои новозавоеванные позиции в европейской войне. Истощенное уже сейчас более чем наполовину, русское правительство не сможет выдержать такой войны, — каков бы ни был ее конечный результат, — без существенных уступок народу. А такие уступки при вышеописанной ситуации означают начало революции. Избежать этой революции русское правительство не в состоянии, если даже ему и удастся задержать ее взрыв на год, на два. Но русская революция означает нечто большее, чем простую смену правительства в самой России. Она означает исчезновение обширной, хотя и неуклюжей военной державы, которая со времен Французской революции являлась становым хребтом объединенного европейского деспотизма. Она означает освобождение Германии от Пруссии, ибо Пруссия всегда была креатурой России и существовала, лишь опираясь на нее. Она означает освобождение Польши. Она означает пробуждение мелких славянских народностей Восточной Европы от грез панславизма, взлелеянных среди них нынешним русским правительством. И она означает начало активной национальной жизни внутри самого русского народа, а вместе с тем возникновение настоящего рабочего движения в России. Словом, она означает такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда.

Der Fall der Pariser Kommune brachte die Inter-
nationalen in eine unangenehme Lage. Sie wurde in den
Vordergrund der europäischen Geschichte gedrängt in einem
Augenblick, wo ihr die Möglichkeiten aller erfolgreichsten, sozial-
istischen Aktion überall abgeheimatet waren. Die Verhältnisse,
die sie zur Förderung ihrer Pläne schufen, verboten ihr

gleichzeitig, ihre
Situationskräfte ma-
chiel zu machen
und Übung in
verwenden, bei
Zitate der un-
schätzbaren Nieder-
lage und Jamm-
dämmung der Ar-
beiterbewegung
am Jahresschluss.
Denn drängten
sie von vertrieben,
denen denen die
Arbeiter vor, die
den sie selbst
gekauften Maß
der Affirmation
zu Sweden der
Gestaltung Freiheit
oder persönlichen
Kämpfes gegen
wiedererhalten.
Eine Situation in
die politische Lage
der Internationalen
arbeit, oder eine
Krisis, darauf,
es müßte ein
entscheidender Ent-
scheidungsfrage
werden, und es
war wieder
Marr, der ihn
schickte und an
den Arbeiter Mar-
quis darstellte.
Die Internationale
sollte nicht
durch einen leeren
Hintergrund
ein Jahr der
Unmöglichkeit
von ihr zu
leben der Arbeiter, die den Weltmarkt jetzt an-
verwandeln und ausarbeiten Elemente bilden; dann
Krisis der Internationalen Arbeiter der allgemeinen
Arbeiter, als die sie sozialer, geklärten
Arbeiter zu unterstützen und die volle Weltarbeit
in der Welt zu erreichen als das eine Ende von
Arbeiter der Arbeiter Bewegung hätte verhindern
sollte. Arbeiter zu unterstützen als die Internationalen

— Karl Marx — (1847)

nale verstand, von der Partei, selbst, indem sie den Be-
weiskampf nach Amerika verlegte. Die Folge hat konstatieren,
wie richtig dieser — damals und selbstem ein gewaltige —
Weiskampf war. Einziges Wort nach allen Versuchen
die Erde abgebrochen, auf den Namen der Internatio-
nale hin angestellte Forderungen zu machen und anzuwenden ohne
sonst der fort

darüber hinaus
Wörter zwischen
den sozialistischen
Schreibarten
der verschiedenen
Länder, daß das
durch die Inter-
nationalen — ge-
wisse Forderung
sein der Interes-
sengleichheit und
der Solidarität
des Proletariats
aller Länder sich
zur Weltung zu
bringen, nicht
auch ohne das,
für den Arbeiter
Bild zum Selbst
gewordene, Wand
einer förmlichen
internationalen
Affiliation.

Nach dem Zoo-
gen Konflikt fand
Marr endlich
nieder Ruhe und
Ruhe, seine theo-
retischen Arbeiten
wieder aufzuheben,
und wurde er
höchstens nicht
hat zu lange Zeit
den ersten Band
des „Kapital“
den Druck über-
geben können.

Bei den vielen
wichtigen Ent-
scheidungen, mit
denen Marr sei-
nen Namen in
die Geschichte der
Arbeiterschaft ein-
bringen konnte, können wir hier nur zwei
herzählen.

Die erste ist die durch ihn vollzogene Umgestaltung in
der gesamten Auffassung der Weltanschauung. Die Welt
hinter sich — nach dem ersten Band — die Vorstellung,
daß die letzten Elemente aller menschlichen Veränderungen
zu machen sind in den für existierenden Ideen der Men-
schen, und daß von allen menschlichen Veränderungen

КАРЛ МАРКС:

Человек, впервые давший социализму, а тем самым и всему рабочему движению наших дней, научную основу, — Карл Маркс, — родился в 1818 г. в Трире. Сначала он изучал право в Бонне и Берлине, но вскоре целиком отдался изучению истории и философии и уже готов был в 1842 г. стать доцентом философии, когда политическое движение, возникшее со времени смерти Фридриха-Вильгельма III, направило его жизнь по другому руслу. Вожди рейнской либеральной буржуазии — Кампгаузен, Ганзман и др. — основали при его участии в Кельне «Rheinische Zeitung», и Маркс, вызвавший большой шум своей критикой прений в рейнском областном ландтаге, был приглашен осенью 1842 г. стать во главе газеты. Конечно, «Rheinische Zeitung» выходила под цензурой, но цензура не могла с ней справиться *. «Rheinische Zeitung» почти всегда добивалась печатания статей, которые были необходимы: цензору сначала подбрасывали для вычеркивания менее ценный материал, покуда он сам не уступал или не бывал вынужден пойти на уступки под угрозой, что газета завтра не выйдет. Будь еще десяток газет, обладавших мужеством «Rheinische Zeitung», издатели которых не пожалели бы нескольких лишних сотен талеров на издержки набора, — и цензура в Германии стала бы невозможной уже в 1843 году. Но немецкие собственники газет были мелочные, трусливые обыватели, и «Rheinische Zeitung» вела борьбу в одиночку. Она выводила из строя одного цензора за другим. Наконец, для нее была установлена двойная цензура, так что после первой цензуры ее должен был еще раз и окончательно цензуровать правительственный президент (Regierungspräsident). Но и это не помогло. В начале 1843 г. правительство заявило, что с этой газетой ничего нельзя поделать, и попросту запретило ее.

---

* Первым цензором «Rheinische Zeitung» был полицейский советник Доллешалль, тот самый, который зачеркнул однажды в «Kölnische Zeitung» объявление о переводе Филалетом (позднее — королем Иоганном Саксонским) «Божественной комедии» Данте, сделав следующее примечание: «Из божественного нечего устраивать комедий».

Маркс, женившийся тем временем на сестре будущего реакционного министра фон-Вестфалена, переселился в Париж и стал издавать там вместе с А. Руге «Deutsch-französische Jahrbücher», в которых он критикой гегелевской философии права начал ряд своих социалистических произведений. Далее, вместе с Ф. Энгельсом им было издано: «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и единомышленников» — сатирическая критика одной из последних форм, которую принял тогдашний немецкий философский идеализм.

Занятия политической экономией и историей Великой французской революции все же оставляли Марксу достаточно времени еще и для того, чтобы при случае нападать на прусское правительство; последнее отомстило ему, добившись весной 1845 г. от министерства Гизо высылки Маркса из Франции. Г-н Александр фон-Гумбольдт видимо сыграл при этом роль посредника. Маркс переехал в Брюссель и опубликовал там в 1846 г. на французском языке «Discours sur le libre-échange» [«Речь о свободе торговли»], а в 1847 г. — «Misère de la Philosophie» [«Нищета философии»] — критику книги Прудона «Philosophie de la Misère» [«Философия нищеты»]. В то же время он воспользовался случаем основать в Брюсселе немецкий рабочий союз и приступить тем самым к практической агитации. Последняя приобрела для него еще большее значение с тех пор, как он и его политические друзья вступили в 1847 г. в существовавший уже много лет тайный «Союз коммунистов». Вся организация была теперь изменена в корне; более или менее заговорщическое до того времени объединение превратилось в простую, лишь по необходимости тайную, организацию коммунистической пропаганды — в *первую* организацию немецкой социал-демократической партии. Союз существовал всюду, где только имелись немецкие рабочие объединения; почти во всех таких объединениях Англии, Бельгии, Франции и Швейцарии и в очень многих объединениях Германии руководители были членами Союза, и участие Союза в нарождавшемся немецком рабочем движении было весьма значительно. Вместе с тем наш Союз первый подчеркнул международный характер рабочего движения в целом и показал это на деле, имея среди своих членов англичан, бельгийцев, венгров, поляков и др. и устраивая, особенно в Лондоне, международные рабочие собрания.

Преобразование Союза произошло на двух съездах, созванных в 1847 году. На втором из них было постановлено выработать и опубликовать основы партийной программы в форме манифеста, составление которого было поручено Марксу и Энгельсу. Так возник «Манифест коммунистической партии», впервые выпущенный в 1848 г., не-

задолго до февральской революции, и с тех пор переведенный почти на все европейские языки.

Deutsche Brüsseler Zeitung, в которой Маркс принимал участие и в которой беспощадно разоблачалось отечественное полицейское благополучие, дала повод прусскому правительству снова потребовать высылки Маркса, однако безуспешно. Но когда в результате февральской революции начались народные волнения также и в Брюсселе, и казалось, что Бельгия находится накануне переворота, бельгийское правительство без всяких церемоний арестовало Маркса и выслало его. Между тем, Временное правительство Франции через Флокона пригласило его вернуться в Париж, и он принял это приглашение.

В Париже он прежде всего выступил против задуманного тамошними немцами авантюристского плана сформировать во Франции из немецких рабочих вооруженные легионы, чтобы с их помощью везти в Германию революцию и республику. С одной стороны, Германия должна была совершить свою революцию сама, с другой же стороны ламартини Временного правительства заранее предавали всякий формирующийся во Франции иностранный революционный легион тому самому правительству, которое нужно было свергнуть, как это и произошло в Бельгии и в Бадене.

После мартовской революции Маркс переехал в Кельн и основал там *Neue Rheinische Zeitung*, просуществовавшую с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г., — единственную газету, которая в тогдашнем демократическом движении представляла точку зрения пролетариата, что и проявилось уже в ее безоговорочной солидарности с парижскими июньскими повстанцами 1848 г., из-за чего от газеты отшатнулись почти все ее акционеры. Напрасно указывала *Kreuzzeitung* на «беспредельную наглость» [«Chimborasso-Frechheit»], с какой *Neue Rheinische Zeitung* ополчается на все святое — от короля и правителя империи до жандарма, и все это в прусской крепости с восьмьютысячным в то время гарнизоном; напрасно возмущались либеральные, ставшие вдруг реакционными, рейнские филистеры; напрасно осадное положение в Кельне осенью 1848 г. надолго приостановило газету; напрасно франкфуртское министерство юстиции требовало от кельнского прокурора возбуждения преследования то за одну, то за другую статью; газета на глазах властей преспокойно редактировалась и продолжала печататься, а распространение и слава газеты росли вместе с резкостью ее нападок на правительство и на буржуазию. Когда в ноябре 1848 г. в Пруссии произошел государственный переворот, *Neue Rheinische Zeitung* каждый номер начинала с

призыва к народу не платить налогов и на насилие отвечать насилием. Весной 1849 г. за это и еще за одну из статей она была подвергнута суду присяжных, но оба раза была оправдана. Наконец, когда майские восстания 1849 г. в Дрездене и Рейнской области были подавлены, а после концентрации и мобилизации значительных военных сил был начат прусский поход против баденско-пфальцского восстания, правительство сочло себя достаточно окрепшим, чтобы силою прикрыть *Neue Rheinische Zeitung*. Последний номер, отпечатанный красной краской, вышел 19 мая.

Маркс снова поехал в Париж, но уже через несколько недель после демонстрации 13 июня 1849 г. он был поставлен французским правительством перед выбором — либо перенести свое местожительство в Бретань, либо покинуть Францию. Он предпочел последнее и переселился в Лондон, где и жил с тех пор постоянно.

Попытку продолжать издание *Neue Rheinische Zeitung* в форме обозрения (в Гамбурге, 1850 г.) пришлось через некоторое время оставить ввиду все более усиливавшейся реакции. Вскоре после государственного переворота во Франции, в декабре 1851 г., Маркс опубликовал «18 брюмера Луи Бонапарта» (Бостон, 1852 г.; 2-е издание — Гамбург, 1869 г., незадолго до войны). В 1853 г. он написал «Разоблачения по поводу Кельнского процесса коммунистов» (напечатано сначала в Бостоне, позднее в Базеле; недавно снова напечатано в Лейпциге).

После осуждения членов Союза коммунистов в Кельне Маркс отошел от политической агитации и посвятил себя, с одной стороны, изучению в течение десяти лет богатых сокровищ, которые имелись в библиотеке Британского музея в области политической экономии, с другой стороны, — сотрудничеству в *New-York Tribune*, газете, которая до начала гражданской войны в Америке помещала не только подписанные им корреспонденции, но и вышедшие из-под его пера многочисленные передовые статьи о положении в Европе и Азии. Его резкие статьи против лорда Пальмерстона, основанные на обстоятельном изучении английских официальных документов, переиздавались в Лондоне в виде памфлетов.

Первым плодом его многолетних занятий экономическими вопросами был появившийся в 1859 г. первый выпуск «К критике политической экономии» (Берлин, Дункер). Это сочинение содержит в себе первое систематическое изложение марксовой теории стоимости, включая учение о деньгах. Во время итальянской войны в издававшейся в Лондоне немецкой газете «*Das Volk*» Маркс вел борьбу как с бонапартизмом, подкрашивавшимся в то время под либеральный цвет

и разыгрывавшим роль освободителя угнетенных национальностей, так и с тогдашней прусской политикой, которая под прикрытием нейтралитета пыталась ловить рыбу в мутной воде. Пришлось при этом выступить и против господина Карла Фогта, который, по поручению принца Наполеона (Плон-Плон), состоя на жалованьи у Луи-Наполеона, агитировал тогда за нейтралитет и даже за сочувствие со стороны Германии. Осыпанный со стороны Фогта самой подлой, сознательно лживой клеветой, Маркс ответил книгой «Господин Фогт» (Лондон, 1860 г.), где он разоблачил Фогта и остальных господ из империалистской лжедемократической шайки и на основании как внешних, так и внутренних признаков уличил Фогта в том, что он был подкуплен декабрьской империей. Ровно через десять лет это подтвердилось: в списке бонапартистских наемников, найденном в 1870 г. в Тюильри и опубликованном сентябрьским правительством, под буквой Ф значилось: «Фогт — в августе 1859 г. передано ему... 40 000 франков».

Наконец, в 1867 г. в Гамбурге появился: «Капитал. Критика политической экономии. Том первый» — главное произведение Маркса, излагающее основы его экономико-социалистических воззрений, а также основы его критики существующего общества, капиталистического способа производства и его последствий. Второе издание этого составившего эпоху произведения вышло в 1872 году. В настоящее время автор работает над отделкой второго тома.

Между тем, рабочее движение в различных странах Европы вновь настолько усилилось, что у Маркса явилась возможность подумать об осуществлении своего заветного желания: основать товарищество рабочих, охватывающее наиболее передовые страны Европы и Америки, которое, так сказать, во плоти представило бы международный характер социалистического движения как самим рабочим, так и буржуазии и правительствам, — на радость и укрепление пролетариата, на страх его врагам. Митинг, созванный 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в Сент-Джемс-Холле ¹, в знак сочувствия Польше, только что задушенной Россией, дал повод выдвинуть это предложение, принятое с воодушевлением. *Международное товарищество рабочих* было основано; на митинге был выбран временный Генеральный совет, с местопребыванием в Лондоне, причем душою как этого, так и всех последующих Генеральных советов до Гаагского конгресса был Маркс. Им были составлены почти все выпущенные Генеральным советом Интернационала документы, от Учредительного манифеста

¹ Должно быть Сент-Мартинс-Холле. *Ред.*

1864 г. до манифеста о гражданской войне во Франции в 1871 году. Обрисовать деятельность Маркса в Интернационале значило бы написать историю самого этого Товарищества, которое живет еще в памяти европейских рабочих.

Падение Парижской коммуны создало для Интернационала невыносимое положение. Он был выдвинут на авансцену европейской истории в такой момент, когда для него повсюду была отрезана возможность всякого успешного практического действия. События, поднявшие его до положения седьмой великой державы, в то же время не позволяли ему мобилизовать и пустить в ход свои боевые силы, под страхом верного поражения и упадка рабочего движения на целые десятилетия. К тому же с разных сторон напирала элементы, пытавшиеся использовать так быстро выросшую славу Товарищества в целях своего личного тщеславия или личного честолюбия, не понимая или не учитывая истинного положения Интернационала. Надо было принять героическое решение, и опять-таки именно Маркс принял и провел его на Гаагском конгрессе. Торжественным постановлением Интернационал снял с себя всякую ответственность за действия бакунистов, являвшихся центром этих безрассудных и нечистоплотных элементов; затем, ввиду невозможности при всеобщей реакции отвечать поставленным ему повышенным требованиям и поддерживать всю полноту своей деятельности иначе, как ценою ряда жертв, от которых рабочее движение должно бы было истечь кровью, — ввиду такого положения дел, Интернационал удалился на время со сцены, перенеся Генеральный совет в Америку. Последствия доказали, как правильно было это решение, не редко и в то время и впоследствии подвергавшееся осуждению. С одной стороны, был положен конец всяким попыткам устраивать от имени Интернационала бесполезные путчи; с другой стороны, непрекращающаяся тесная связь между социалистическими рабочими партиями различных стран доказала, что пробужденное Интернационалом сознание общности интересов и солидарности пролетариата всех стран может проложить себе дорогу даже и без оформленного международного объединения, ставшего в тот момент оковами.

После Гаагского конгресса Маркс обрел, наконец, спокойствие и досуг, чтобы снова приняться за свою теоретическую работу, и будем надеяться, что в не слишком продолжительном времени он сможет сдать в печать второй том «Капитала».

Из многих важных открытий, которыми Маркс вписал свое имя в историю науки, мы остановимся здесь только на двух.

Первым из них является совершенный им переворот во всем

понимании всемирной истории. В основе прежних исторических воззрений лежало представление, что причину всех исторических перемен в конечном счете следует искать в изменяющихся идеях людей и что из всех исторических перемен важнейшими, определяющими всю историю, являются политические. Но откуда появляются у людей идеи и каковы движущие причины политических перемен, — такие вопросы даже не ставились. Лишь в новейшую школу французских, а отчасти и английских, историков проникло убеждение, что движущей силой европейской истории, по крайней мере со времени средних веков, была борьба развивающейся буржуазии против феодального дворянства за общественное и политическое господство. Маркс же доказал, что вся предшествующая история есть история борьбы классов, что во всей разнообразной и сложной политической борьбе дело всегда идет именно об общественном и политическом господстве тех или иных классов общества, о сохранении господства — со стороны классов старых, о достижении господства — со стороны поднимающихся новых. Но благодаря чему возникают и существуют эти классы? Благодаря имеющимся всякий раз налицо материальным, простыми органами чувств ощущаемым условиям, при которых общество в данное время производит и обменивает продукты своего потребления. Феодальное господство в средние века опиралось на хозяйство мелких самодовлеющих крестьянских общин, которые сами производили почти все необходимое для удовлетворения своих потребностей и почти не знали обмена. Воинственное дворянство давало им защиту от внешнего мира и национальное или, по крайней мере, политическое объединение; когда же возникли города, а вместе с ними обособленная ремесленная промышленность и торговый оборот, сначала внутри страны, а затем и международный, тогда развилась городская буржуазия, которая еще в средние века в борьбе с дворянством завоевала себе место в феодальной системе тоже в качестве привилегированного сословия. Однако, с открытием внеевропейского материка, с середины XV века, буржуазия приобрела гораздо более обширную область для торговой деятельности и вместе с тем новый стимул для развития своей промышленности. В важнейших отраслях ремесло было вытеснено мануфактурой, уже фабричной по своему характеру, а та, в свою очередь, крупной промышленностью,* которая стала возможна благодаря изобретениям предшествующего столетия, в особенности благодаря изобретению паровой машины. Крупная же промышленность оказала обратное влияние на торговлю, вытеснив в отсталых странах старый ручной труд, а в более развитых странах создав новые современные средства

*

сообщения: пароходы, железные дороги, электрические телеграфы. Буржуазия, таким образом, все более и более сосредоточивала в своих руках общественные богатства и общественную силу, хотя долго еще лишена была политической власти, которая оставалась в руках дворянства и опиравшейся на дворянство королевской власти. Но на известной ступени развития — во Франции со времени Великой революции — она завоевала также и политическую власть, став, в свою очередь, господствующим классом по отношению к пролетариату и мелкому крестьянству. С этой точки зрения, — конечно, при достаточном каждом раз знакомстве с экономическим положением общества, чего совершенно чужды наши историки специалисты, — все исторические явления объясняются простейшим образом, а представления и идеи каждого данного исторического периода объясняются также очень просто экономическими условиями существования и обусловленными ими общественными и политическими отношениями этого периода. История была впервые поставлена на свою действительную основу. За тем очевидным, но до сих пор совершенно упускавшимся из виду фактом, что людям прежде всего нужно есть, пить, иметь жилье, одеваться и что, следовательно, они должны *трудиться*, раньше чем они могут бороться за господство, заниматься политикой, религией, философией и т. д., — за этим очевидным фактом признаны были, наконец, его права в области истории.

Для социалистического мировоззрения это новое понимание истории было в высшей степени важно. Оно доказало, что вся история шла до сих пор путем антагонизма и борьбы классов, что всегда существовали господствующие и подчиненные, эксплуатирующие и эксплуатируемые классы и что огромное большинство человечества всегда было обречено на суровый труд и жалкое существование. Почему же это? Просто потому, что на всех предыдущих ступенях развития человечества производство было до того мало развито, что историческое развитие могло совершаться лишь в этой антагонистической форме, что исторический прогресс в общем и целом был предоставлен деятельности незначительного привилегированного меньшинства, между тем как огромная масса была обречена на добывание себе скудных средств существования и, кроме того, на постоянное увеличение богатств привилегированных. Но это же понимание истории, которое естественно и разумно объясняет существовавшее до сих пор классовое господство, — которое прежде объясняли только злой волей людей, — приводит также к убеждению, что вследствие колоссального развития в настоящее время производительных сил исчезает, по крайней мере в передовых странах, последний повод к тому,

чтобы люди делились на господствующих и подчиненных, эксплуатирующих и эксплуатируемых; что господствующая крупная буржуазия сыграла уже свою историческую роль, что она не только не способна более руководить обществом, но даже превратилась в тормоз для дальнейшего развития производства, как это доказывают торговые кризисы, особенно последний крупный крах и угнетенное состояние промышленности во всех странах; что историческое руководство перешло теперь к пролетариату, к классу, который по всем условиям своего общественного положения может освободить себя только тем, что устранил всякое классовое господство, всякое рабство и всякую эксплуатацию вообще; что общественные производительные силы, выросшие настолько, что буржуазия не может с ними более справиться, требуют того, чтобы ими овладел объединившийся пролетариат, — и тогда может быть установлен строй, который предоставит каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами, и который путем плановой организации всего производства увеличит до таких размеров производительные силы общества и создаваемые ими продукты, что каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянно возрастающих размерах.

Второе важное открытие Маркса состоит в выяснении до конца отношения между капиталом и трудом; другими словами, в раскрытии того, каким образом внутри современного общества, при существующем капиталистическом способе производства, совершается эксплуатация рабочего капиталистом. С тех пор как политическая экономия выдвинула положение, что труд является источником всякого богатства и всякой стоимости, неизбежно возник вопрос: как же возможно совместить это с тем, что наемный рабочий получает не все произведенное его трудом количество стоимости, а часть ее должен отдавать капиталисту? Тщетно старались буржуазные экономисты, как и социалисты, дать на этот вопрос научно обоснованный ответ, пока, наконец, не выступил Маркс со своим решением. Это решение заключается в следующем. Современный капиталистический способ производства предполагает существование двух общественных классов: с одной стороны, капиталистов, обладающих средствами производства и существования, с другой — пролетариев, лишенных этого и обладающих лишь одним товаром для продажи: своей рабочей силой; продавать свою рабочую силу они вынуждены для того, чтобы получать необходимые средства существования. Но стоимость товара определяется общественно-необходимым количеством овеществленного

труда, затраченного для его производства, стало быть и для его воспроизводства; следовательно, стоимость рабочей силы среднего человека в течение дня, месяца, года определяется количеством труда, олицетворенного в массе средств существования, необходимых для поддержания этой рабочей силы в течение дня, месяца, года. Предположим, что для производства средств существования рабочего на один день требуется шесть рабочих часов, или — что одно и то же — заключающийся в них труд представляет количество шестичасового труда; в таком случае стоимость рабочей силы в продолжение одного дня будет выражаться в сумме денег, также воплощающих в себе шесть рабочих часов. Допустим далее, что капиталист, предоставивший занятие рабочему, платит ему эту сумму, т. е. полную стоимость его рабочей силы. Если бы, таким образом, рабочий трудился на капиталиста по шесть часов в день, то он целиком возмещал бы капиталисту понесенные тем издержки: т. е. шесть часов труда за шесть часов труда. В этом случае ничего, конечно, не досталось бы капиталисту; поэтому последний представляет дело совсем иначе: я, — говорит он, — купил силу этого рабочего не на шесть часов, а на целый день; и потому он заставляет рабочего трудиться, смотря по обстоятельствам, 8, 10, 12, 14 и больше часов, так что продукт седьмого, восьмого и последующих часов является продуктом неоплаченного труда и попадает прямо в карман капиталиста. Таким образом, на службе у капиталиста рабочий не только воспроизводит стоимость своей оплаченной капиталистом рабочей силы, но сверх того производит еще *прибавочную стоимость*, которая сперва присваивается капиталистом, а в дальнейшем, по определенным экономическим законам, распределяется среди всего класса капиталистов в целом и образует тот источник, из которого возникает земельная рента, прибыль, накопление капитала, — словом, все те богатства, которые потребляются или накапливаются нетрудящимися классами. Тем самым, однако, было доказано, что приобретение богатств современными капиталистами состоит в присвоении чужого неоплаченного труда, точно так же, как и приобретение богатств рабовладельцами или эксплуатировавшими крепостной труд феодалами, и что все эти формы эксплуатации отличаются друг от друга лишь различными способами присвоения неоплаченного труда. Но тем самым у имущих классов была выбита из-под ног последняя почва для лицемерных фраз, будто в современном общественном строе господствуют право и справедливость, равенство прав и обязанностей и всеобщая гармония интересов. А современное буржуазное общество не в меньшей степени, чем предшествующее, было разоблачено как грандисное

учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством.

На этих двух важных основах видится современный научный социализм. Во втором томе «Капитала» будут дальше развиты эти и другие, не менее важные научные открытия в области изучения капиталистической общественной системы, а вместе с тем будут коренным образом пересмотрены и те стороны политической экономии, которые не были еще затронуты в первом томе. Пожелаем же Марксу в непродолжительном времени сдать этот том в печать.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «Volks-Kalender», Брауншвейг, 1878 г.

Подпись: Ф. Энгельс.

ПИСЬМО К. МАРКСА В РЕДАКЦИЮ «DAILY NEWS».

[О Л. БУХЕРЕ.]

Сэр! Согласно телеграмме агентства Рейтера, «господин советник посольства Бухер назначен секретарем-архивариусом Конгресса». Неужели этот «господин Бухер» — тот самый Лотар Бухер, который во время своего продолжительного изгнания в Лондоне блистал в роли восторженного сторонника пресловутого господина Давида Уркварта, руссофобские теории которого он еженедельно проповедывал в берлинской «National-Zeitung»; тот самый Лотар Бухер, который после своего возвращения в Берлин стал таким ярким приверженцем Фердинанда Лассалья, что последний объявил его своим душеприказчиком, завещал ему ежегодный доход и передал ему право издания своих сочинений? Вскоре после смерти Лассалья Лотар Бухер поступил на службу в прусское министерство иностранных дел, был назначен «советником посольства» и стал доверенным агентом для поручений у Бисмарка.

Он имел *наивность* написать мне письмо, приглашая меня, конечно с санкции своего господина, писать финансовые статьи для прусской официальной газеты «Staatsanzeiger».

Денежные условия предоставлялось мне назначить самому, причем меня определенно заверяли, что за мною останется полная свобода трактовать с моей собственной «научной» точки зрения совершаемые на денежном рынке операции и тех, кто их совершает. После этого странного происшествия меня не мало позабавило, когда я на столбцах издаваемого Иоганном-Филиппом Беккером в Женеве органа Интернационала, под названием «Der Vorbote», стал то-и-дело встречать следы содействия Лотара Бухера как члена «Международного товарищества рабочих». Если здесь не перепутаны лица и если есть доля правды в сообщениях о том, что русское и германское правительства хотят, в связи с покушениями Геделя и Нобилинга, предложить Конгрессу международные мероприятия против распространения социализма, — то господин Бухер действительно подходящий человек для того, чтобы со всей авторитетностью заявить

Конгрессу, что организация, деятельность и учение германской социал-демократической партии имеют с этими покушениями так же мало общего, как с гибелью Великого курфюрста или с созывом Берлинского конгресса; что паника, вызванная арестами в Германии, и пыль, столбом поднятая в рептильной прессе, служат исключительно лишь целям предвыборной агитации за такой рейхстаг, который, наконец, одобрит давно уже выработанное князем Бисмарком разрешение парадоксальной проблемы о том, как наделить германское правительство всеми финансовыми ресурсами современного государства, навязав в то же время снова немецкому народу тот старый политический режим, который был разбит вдребезги ураганом 1848 года.

Остаюсь, милостивый государь, преданный Вам

Лондон, 12 июня.

Карл Маркс.

Напечатано в газете «Daily News»

№ 10030 от 13 июня 1878 г.

ОТВЕТ НА «РАЗЪЯСНЕНИЕ» БУХЕРА.

Г-н Лотар Бухер опубликовал в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» от 20 июня «разъяснение», в котором прежде всего констатируется то неприятное обстоятельство, что мое письмо в «Daily News» было воспроизведено национал-либеральными и прогрессивными газетами. Г-н Бухер заявляет, что потребовалось бы 3 000 строк, чтобы выправить нагроможденные мною извращения. Тридцати строк более чем достаточно, чтобы раз навсегда установить правдивость «исправлений» и «дополнений» Бухера.

Письмо, которым г. Бухер пытался заманить меня в «Staatsanzeiger», помечено 8 октября 1865 г., стало быть в период конфликта прусской либеральной и прогрессивной буржуазии с г. фон-Бисмарком. В нем между прочим написано:

«Что касается содержания, само собою разумеется, Вы будете руководствоваться только Вашими научными убеждениями; однако, принимая во внимание не редакцию, а круг читателей — haute finances [высших финансистов], — рекомендуется писать так, чтобы внутренний смысл был ясен лишь сведущим лицам.»

А в «исправлении» г. Бухера сказано, наоборот, что он «запросил г. Маркса, не согласен ли тот доставлять требуемые статьи, в которых давалось бы объективное изложение дела. О «собственной научной точке зрения» г. Маркса ничего в моем письме не говорится».

Дальше в том же письме говорится:

«Для газеты «Staatsanzeiger» нужны ежемесячные обзоры о движениях денежного рынка, а также, разумеется, и товарного рынка, поскольку оба неразделимы. Меня спросили, не могу ли я рекомендовать кого-нибудь, и я ответил, что никто этого не сделает лучше, чем Вы. В результате меня попросили обратиться к Вам.»

Таким образом, господин Бухер, по собственным его недвусмысленным словам, начал со мною «переписку» по поручению *кого-то другого*. Напротив, в его «исправлении» утверждается:

«Никто, даже редактор «Staatsanzeiger», не знал и не узнал ничего об этой переписке»,

Это о методе исправлений г. Бухера. Теперь еще один образец его метода дополнений!

Мое письмо в «Daily News» говорит лишь о «наивном» обращении ко мне г. Бухера, но ни словом не упоминает о моем ему ответе. Он же, стремясь придать «странному происшествию» тривиальный характер, должен меня «дополнить» и поэтому сочиняет:

«Г-н Маркс ответил, что он не станет писать для реакционной газеты».

Как мог бы я отвечать подобной пошлостью на письмо, «внутренний смысл» которого не только «ясен», но ослепительно ярок в следующей заключительной фразе:

«Прогресс (он подразумевает либеральную или прогрессивную буржуазию) еще много раз будет менять кожу, прежде чем погибнуть; следовательно те, кто хочет еще в своей жизни принять участие в государственной деятельности, *должны объединиться вокруг правительства*».

Карл Маркс.

Лондон, 27 июня.

Напечатан в газете «Frankfurter Zeitung»

№ 180 от 29 июня 1878 г.

Перевод с рукописи Маркса.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, СОЧИНЕННАЯ МИСТЕРОМ ДЖОРДЖЕМ ГОУЭЛЛОМ.

Я полагаю, что стоит сделать несколько замечаний в связи с недавней статьей — см. «Nineteenth Century» от июля с. г. — из цикла распространенной лживой литературы по истории Интернационала, так как последний толкователь этой истории, мистер Джордж Гоуэлл, бывший рабочий и бывший член Генерального совета этого Товарищества, может быть ошибочно заподозрен в том, что он почерпнул свою мудрость из источников не общедоступных.

Мистер Гоуэлл начинает свою «Историю» замалчиванием того факта, что 28 сентября 1864 г. я присутствовал на учредительном собрании Интернационала, был там избран во временный Генеральный совет и вскоре после этого составил «Учредительный манифест» и «Генеральный устав» Товарищества, впервые опубликованный в Лондоне, в 1864 г., затем утвержденный на Женевском конгрессе 1866 года.

Мистер Гоуэлл все это знал, но для своих особых целей предпочитает заставить «одного немецкого доктора по имени Карл Маркс» впервые появиться на Лондонском «конгрессе, открывшемся 25 сентября 1865 года». Там-то и тогда, утверждает он, упомянутый «доктор» «посеял семена раздора и разложения привнесением *религиозной идеи*».

Прежде всего, никакого «конгресса» Интернационала в сентябре 1865 г. не было. Несколько делегатов главных континентальных секций Товарищества собрались в Лондоне с единственной целью обсудить совместно с Генеральным советом программу «первого конгресса», который должен был состояться в сентябре 1866 г. в Женеве. Деловая работа конференции проходила на закрытых заседаниях, а не на открытых собраниях в Адельфи-Террас, о которых только и упоминает сей точный историк, мистер Джордж Гоуэлл.

Наряду с другими представителями Генерального совета мне приходилось отстаивать принятие конференцией нашей собственной программы, которая после ее опубликования была следующим обра-

вом охарактеризована французским историком Анри Мартеном в письме в «Siècle» ¹:

«Широта кругозора и высокие моральные, политические и экономические воззрения, определявшие выбор вопросов, составляющих программу Международного рабочего конгресса, который должен собраться в будущем году, встретят общее сочувствие всех друзей прогресса, справедливости и свободы в Европе».

Между прочим, один пункт программы, которую я имел честь изложить перед Генеральным советом, гласит так:

«Необходимость уничтожения московитского влияния в Европе путем применения принципа права наций на самоопределение и путем восстановления Польши на демократической и социалистической ² основе».

В связи с этим Анри Мартен отмечает:

«Мы позволим себе заметить, что выражение «демократическая и социалистическая основа» весьма понятно по отношению к Польше, где социальный строй нуждается в перестройке в такой же мере, как и политический, и где эта основа была заложена декретами безымянного правительства 1863 г. и принята всеми классами нации. Таков ответ подлинного социализма, ответ социального прогресса, гармонирующего со справедливостью и свободой, на наступательное движение всеобщего деспотизма Московии. Эта тайна парижан становится отныне тайною народов Европы».

К несчастью, «парижане» так основательно хранили свою «тайну», что, ничего не зная о ней, двое из парижских делегатов на конференции, Толен, теперь сенатор Французской республики, и Фрибур, в настоящее время просто ренегат, напали как раз на тот пункт программы, который вызвал столь восторженные замечания французского историка.

Программа Генерального совета не содержала ни слова о «религии», но, по настоянию парижских делегатов, это запрещенное блюдо попало про запас в меню предстоящего конгресса в следующем виде:

«Религиозные идеи (а не «религиозная идея», как гласит ложное изложение Гоуэлла) и их влияние на социальное, политическое и умственное движение».

¹ В № от 14 октября 1865 года. *Ред.*

² Во французском тексте протоколов Женевского конгресса 1866 г. это место формулировано: «на демократической и социальной основе» (так же цитирует и Анри Мартен в своей статье). В немецком тексте — «на социал-демократической основе». В английском тексте — «на демократической основе». В тексте данной статьи Маркса: «upon a democratic and socialist basis». Такое же изменение внесено в данной статье ниже, в цитату из статьи Мартена. Рукопись Маркса не найдена. *Ред.*

Эта тема для дискуссии, внесенная, таким образом, парижскими делегатами, была отдана на их опеку. Фактически на Женевском конгрессе 1866 г. они сами ее отбросили, и никто ее больше не выдвигал.

Лондонский «конгресс» 1865 г., «привнесение» на нем «религиозной идеи» «немецким доктором по имени Карл Маркс» и ожесточенная борьба, которая возникла из-за этого внутри Интернационала — этот свой тройной миф мистер Джордж Гоуэлл завершает еще одной легендой. Он говорит:

«В проекте обращения к американскому народу по поводу отмены рабства фраза «бог создал все людские племена единокровными» была вычеркнута» и т. д.

Генеральный совет действительно направил одно обращение, но не к американскому народу, а к его президенту, Аврааму Линкольну, который принял обращение самым любезным образом. Обращение, написанное мною, не подвергалось решительно никаким изменениям. Так как слов «бог создал все людские племена единокровными» никогда не было в этом обращении, они не могли быть и «вычеркнуты».

Отношение Генерального совета к «религиозной идее» лучше всего обнаруживается в следующем инциденте. — Одна из швейцарских секций основанного Михаилом Бакуниным «Альянса», назвавшая себя «Секцией атеистов-социалистов», просила Генеральный совет принять ее в Интернационал, но получила такой ответ:

«Генеральный совет уже в деле с «Юношеской христианской ассоциацией» заявил, что он не признает *никаких теологических секций*» (см. стр. 13 «Les prétendues scissions dans l'Internationale. Circulaire du Conseil Général») [«Мнимые расколы в Интернационале». Сообщение Генерального совета], изданной в Женеве).

Сам мистер Джордж Гоуэлл, тогда еще не обращенный в христианство тщательным изучением «Christian Reader», совершил свой выход из Интернационала не по велению «религиозной идеи», а по соображениям весьма мирского свойства. При основании «Commonwealth», как «специального органа» Генерального совета, он жадно домогался «высокого положения» редактора. Потерпев неудачу в этой «честолюбивой» попытке, он начал дуться, его усердие все более и более уменьшалось, а вскоре о нем уже и вовсе ничего не было слышно. В течение наиболее богатого событиями периода Интернационала он, таким образом, находился вне движения.

Сознавая свою полнейшую несостоятельность для того, чтобы обрисовать историю Интернационала, но в то же время сгорая желанием сообщить поразительные разоблачения в качестве приправы

к своей статье, он измышляет появление в Лондоне, во время восстания фениев, генерала Кюзере, и рассказывает, что у «Черного Коня», на площади Ратбон, Оксфордстрит, генерал встретился «с несколькими людьми, к счастью англичанами», чтобы посвятить их в свой «план» «всеобщего восстания». У меня есть основания сомневаться в правдивости этого анекдота, но если даже допустить, что он правдив, то что же другое он доказывает, кроме того, что Кюзере был не так глуп, чтобы преподнести свою особу и свой «план» Генеральному совету, а благоразумно сохранил и то и другое для «нескольких англичан», знакомых Гоуэлла, если только последний не был сам одним из этих молодцов в клеенчатых плащах¹, которые своим «счастливым» вмешательством умудрились спасти Британию и Европу от всеобщего потрясения.

Мистер Джордж Гоуэлл раскрывает еще одну мрачную тайну.

В начале июня 1871 г. Генеральный совет опубликовал *«Манифест о гражданской войне во Франции»*, встреченный частью лондонской прессы хором проклятий. Один еженедельник напал на «гнусного автора», трусливо прячущего свое имя за ширмой Генерального совета. В ответ на это я заявил в *«Daily News»*, что автором манифеста был я. Эту устаревшую тайну мистер Джордж Гоуэлл раскрывает в июле 1878 г. со всей напыщенностью человека, стоящего за занавесом:

«Автором этого манифеста был доктор К. Маркс... Мистер Джордж Оджер и м-р Люкрафт, оба бывшие членами Генерального совета, когда он (sic!) был принят, высказались против его опубликования».

Он забывает прибавить, что остальные девятнадцать присутствовавших английских членов одобрили *«Манифест»*.

С тех пор утверждения этого манифеста были полностью подтверждены *анкетами* французского парламента аграриев (Rural-assembly), свидетельскими показаниями перед версальским военным судом, процессом Жюлья Фавра и мемуарами людей, далеких от враждебности к победителям.

Вполне в порядке вещей, что английский историк, обладающий глубокой эрудицией мистера Джорджа Гоуэлла, надменно игнорирует французские материалы, как официальные, так и неофициальные. Но я признаюсь, что испытываю чувство отвращения, когда вижу, что, например, в таких случаях, как покушения Геделя

---

¹ Намек на вымышленный рассказ Фальстафа в комедии Шекспира *«Генрих IV»*. *Ред.*

и Нобилинга, большие лондонские газеты пережевывают ту же низкую клевету, которую их собственные корреспонденты-очевидцы первые же опровергали.

Мистер Гоуэлл достигает пределов снобизма при подсчете финансов Генерального совета.

Совет в опубликованном им *Отчете Базельскому конгрессу* (1869 г.) шутил по поводу колоссального богатства, которым наградили его досужие языки европейской полиции и дикая фантазия капиталистов. В отчете говорится:

«Если бы этим людям — добрым христианам — довелось жить во времена возникновения христианства, — они бы поспешили в какой-нибудь римский банк, чтобы сунуть нос в текущий счет апостола Павла».

Мистер Эрнест Ренан, правоверие которого, правда, не совсем соответствует требованиям Джорджа Гоуэлла, воображает даже, что характер ранних христианских общин, подорвавших силы римской империи, лучше всего мог бы быть пояснен на примере секций Интернационала.

Мистер Джордж Гоуэлл, как писатель, является тем, что в кристаллографии называется «псевдо-морфным». Внешняя форма его мазни — лишь подражание способу мышления и стилю, свойственному англичанину с туго набитым кошельком, сытой добродетелью и платежеспособной моралью. И хотя свой строй «цифр» о доходах Генерального совета Гоуэлл заимствует из отчетов, которые тот же Генеральный совет ежегодно представлял открытому «Международному конгрессу», мистеру Джорджу Гоуэллу не пристало нарушать свое «подражательное» достоинство и снисходить до ответа на напрашивающийся вопрос: как могло случиться, что все правительства континентальной Европы, вместо того, чтобы обрести успокоение пред лицом тощего бюджета Генерального совета, пришли в ужас перед «могущественной и страшной организацией Международного товарищества рабочих и перед быстрым развитием, которого оно достигло в течение нескольких лет» (см. *циркуляр испанского министра иностранных дел испанским послам за границей*). Почему же, скажите во имя здравого смысла, вместо того, чтобы рассеять красный призрак самым простым способом, потрясая пред его лицом печальным бюджетом Генерального совета, — папа и его епископы проклинали Интернационал, французский парламент аграриев объявил его вне закона, Бисмарк — при встрече императоров Австрии и Германии в Зальцбурге — угрожал ему крестовым походом Священного союза, а белый царь поручил его попечению

своего страшного «третьего отделения», возглавлявшегося тогда пылким Шуваловым?

Мистер Джордж Гоуэлл снисходительно допускает: «Бедность не порок, но она страшно затруднительна». Я допускаю, что это — святая истина. С тем большей гордостью должен был бы он вспоминать о своей прежней близости к Международному товариществу рабочих, которое снискало мировую славу и заняло место в истории человечества не благодаря объему кошелька, а благодаря силе мысли и беззаветной энергии.

Однако, с возвышенной точки зрения островного «филистера», мистер Джордж Гоуэлл сообщает «просвещенным читателям» «Nineteenth Century», что Интернационал потерпел «неудачу» и приказал долго жить. На самом же деле социал-демократические рабочие партии, организованные в более или менее национальном масштабе в Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Италии, Бельгии, Голландии и Соединенных Штатах Америки, составляют международные группы, которые не являются уже разрозненными секциями, в небольшом числе рассеянными по различным странам и объединенными во-вне стоящим Генеральным советом, а образуются самими рабочими массами, находящимися в постоянном, активном, непосредственном общении, спаянными обменом мыслей, взаимной помощью и общими стремлениями.

После падения Парижской Коммуны все рабочие организации во Франции были, конечно, временно разгромлены, но теперь они снова начинают восстанавливаться. С другой стороны, вопреки всем политическим и социальным препятствиям, славяне, в особенности в Польше, Богемии и России, в настоящее время принимают участие в международном движении в таких размерах, которых в 1872 г. не мог бы предвидеть самый большой оптимист. Таким образом, Интернационал не изжил себя, а только перешел из первого периода зарождения в более высокий, в котором первоначальные его стремления отчасти стали уже действительностью. В ходе своего прогрессивного развития он должен будет претерпеть еще много изменений, прежде чем сможет быть написана последняя глава его истории.

Написана К. Марксом.

Напечатана в журнале «The Secular Chronicle»

№ 5 от 4 августа 1878 г.

Подпись: Карл Маркс.

**К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ, В. ЛИБКНЕХТУ,
В. БРАККЕ И ДР. («ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО»)**

Лондон, 17 (или 18) сентября 1879 г.

Дорогой Бебель!

Ответ на Ваше письмо от 29 августа задержался, с одной стороны, из-за продолжительного отсутствия Маркса, а с другой — из-за некоторых неожиданностей: во-первых, — прибытия рихтеровского «*Jahrbuch*», а затем приезда самого Г[ирша].

Из Вашего письма заключаю, что Либкнехт не показал Вам моего последнего письма к нему, хотя я ему это определенно поручил. В противном случае Вы, наверное, не стали бы приводить тех соображений, которые выдвинул Либкнехт и на которые я ему уже *ответил*.

Разберем же по пунктам вопрос, о котором идет речь.

I. ПЕРЕГОВОРЫ С К[АРЛОМ] ГИРШЕМ.

Либкнехт спрашивает Гирша, возьмет ли тот на себя редактирование партийного органа, который предположено основать в Цюрихе. Гирш интересуется тем, как будет финансироваться газета: какими средствами она располагает и кто их будет давать. Первое важно для того, чтобы знать, не заглохнет ли газета через два-три месяца; второе — чтобы удостовериться, в чьих руках будет кошелек, а тем самым, в конечном счете, руководство направлением газеты. Ответ Либкнехта Гиршу — «все в порядке, подробности сообщат тебе из Цюриха» (Либкнехт Г[иршу], 28 июля) — до него не доходит. Зато из Цюриха Гирш получает письмо от Бернштейна (24 июля), в котором тот сообщает, что «*нам* поручили представительство и наблюдение (над газетой)». Состоялось будто бы совещание «между Фир[енком] и *нами*», на котором нашли, что «Ваша позиция несколько затрудняется теми разногласиями, которые у Вас, как редактора «*Laterne*», были с некоторыми товарищами, но я считаю эти сомнения недостаточно вескими». О финансировании газеты — ни слова.

Гирш 26 июля в своем ответе подробно осведомляется о материальном положении газеты. Кто из товарищей обязался покрывать

дефицит? В размере какой суммы и на какой срок? Вопрос об окладе редактору тут не играет абсолютно никакой роли; единственно, что Гирш хочет знать, это — «обеспечены ли средства для газеты по крайней мере на год».

Бернштейн отвечает 31 июля: в случае, если будет дефицит, он будет покрыт добровольными взносами, из которых *некоторые (!)* уже фиксированы. Замечания Гирша относительно направления, которое он предполагает дать газете (о чем — ниже), вызывают неодобрительные замечания и *предписания*: «На этом *наблюдательная комиссия* должна особенно настаивать, так как она сама находится под контролем, т. е. несет ответственность. Следовательно, по этим пунктам Вам следовало бы договориться с *наблюдательной комиссией*». Ответ желателен подробный, по возможности — телеграфный.

Итак, вместо всякого ответа на свои законные вопросы Гирш получает извещение, что он должен редактировать газету под руководством сидящей в Цюрихе *наблюдательной комиссии*, взгляды которой существенно расходятся с его взглядами и о составе которой ему даже не сообщают!

Гирш, совершенно справедливо возмущенный таким отношением, предпочитает сговориться с лейпцигцами. Содержание его письма Либкнехту от 2 августа Вам должно быть известно, так как Г[ирш] *настоятельно потребовал*, чтобы его сообщили Вам и Фирекку. Гирш даже соглашался подчиниться цюрихской *наблюдательной комиссии* в том смысле, что последняя будет делать редакции письменные замечания, а решение будет предоставлено лейпцигской контрольной комиссии.

Между тем Либкнехт 28 июля пишет Гиршу: «*Разумеется*, предприятие в финансовом отношении прочно, потому что за ним стоит вся партия плюс Гёхберг. Что касается подробностей, то я ими не интересуюсь».

В следующем письме Л[ибкнехта] тоже ни слова о материальной стороне дела, зато есть заверение, что цюрихская комиссия не является редакционной комиссией, а ей вверены лишь *управление* и финансы. Еще 14 августа Л[ибкнехт] повторяет это в письме ко мне и настаивает на том, чтобы мы уговорили Г[ирша] согласиться. Вы сами еще 29 августа так плохо осведомлены о действительном положении дела, что пишете мне:

«Он (Гёхберг) имеет в редакции не больше веса, чем всякий другой член партии, пользующийся известностью».

Наконец, Гирш получает от Ф[ирекка] датированное 11 августа письмо, в котором тот признает, что «находящаяся в Цюрихе

тройка должна в качестве *редакционной комиссии* взяться за организацию газеты и с согласия лейпцигской тройки избрать редактора...; *насколько я помню*, в сообщенных постановлениях было также указано, что упомянутый в пункте 2-м цюрихский учредительный комитет должен взять на себя ответственность перед партией *как за политическую*, так и за финансовую сторону дела... Из всего этого для нас ясно, что... без содействия проживающей в Ц[юрихе] тройки, которой партия поручила основать газету, нечего и думать о принятии на себя редакторских функций».

Тут Гирш, наконец, получил хотя бы *сколько-нибудь* определенное указание, — правда, только о положении редактора по отношению к цюрихцам. Они являются *редакционной комиссией*; на них лежит и *политическая* ответственность; без их содействия никто не может взять на себя функции редактора. Коротче говоря, Гиршу попросту предлагается договориться с тремя цюрихцами, имена которых ему все еще неизвестны.

Но, чтобы создать окончательную путаницу, Либкнехт в приписке к письму Фирекка сообщает следующее:

«Только что был здесь Э[ингер] из Б[ерлина]; он утверждает, что наблюдательная комиссия в Цюрихе *не является*, как полагает Ф[ирекк], *редакционной комиссией*; собственно говоря, эта комиссия — административная, несущая перед партией, т. е. перед нами, финансовую ответственность; члены ее имеют, разумеется, также право и обязанность обсуждать с тобой редакционные вопросы (это право и обязанность *каждого* члена партии); учинить над тобой *опеку* они *не уполномочены*».

Три цюрихца и один из членов лейпцигского комитета — *единственный*, присутствовавший при переговорах, — настаивают на том, что Г[ирш] должен подчиняться официальному руководству цюрихской инстанции, другой член лейпцигского комитета это попросту отрицает. Должен ли Гирш принимать решение, прежде чем эти господа сговорились между собой? О том, что Гирш имел полное право требовать, чтобы его познакомили с вынесенными постановлениями, в которых были указаны предъявляемые ему условия, об этом никто и не подумал, тем более, что лейпцигцам не пришло в голову *самим* получить достоверные сведения об этих постановлениях. В противном случае как могла бы возникнуть подобная разногласия?

Если лейпцигцы не имеют единого мнения относительно полученных цюрихцами полномочий, то зато для цюрихцев все совершенно ясно.

Шрамм пишет Гиршу 14 августа:

«Если бы Вы в свое время не писали, что в подобном случае (как с Кайзером) Вы опять поступили бы точно так же, если бы Вы таким образом не дали повода ждать от Вас снова таких же выступлений в печати, — мы бы не стали на это тратить ни слова. Но теперь, учитывая ваше заявление, мы должны оставить за собой право решающего голоса по вопросу о принятии статей, предназначенных для новой газеты».

Гирш будто бы заявил это в письме к Бернштейну от 26 июля, значит, *гораздо позже* совещания в Цюрихе, на котором были определены полномочия цюрихской тройки. Но в Цюрихе уже так опьянены сознанием своего бюрократического всемогущества, что в ответ на это позднейшее письмо Гирша претендуют на право *решать* вопрос о помещении статей. Редакционная комиссия уже стала *цензурной* комиссией.

Лишь тогда, когда Гёхберг приехал в Париж, Гирш узнал от него *имена* членов обеих комиссий.

Итак, если переговоры с Гиршем сорвались, то что послужило этому причиной?

1) Упорный отказ как со стороны лейпцигцев, так и со стороны цюрихской тройки сообщить ему сколько-нибудь точные данные о финансовой базе газеты и тем самым о возможности для нее просуществовать хоть год. Относительно обеспеченной подпиской суммы он узнал только здесь от меня (на основании Вашего сообщения мне). Таким образом, из прежних сообщений («партия плюс Г[ёхберг]») едва ли можно было вывести другое заключение, кроме того, что либо газета уже теперь финансируется преимущественно Гёхбергом, либо скоро будет всецело зависеть от его взносов. Эта последняя возможность и сейчас далеко не исключена. Сумма в 800 марок — если я верно разобрал цифру — в *точности* равна той (40 фунтов стерлингов), которую здешнему Союзу пришлось добавить (для покрытия дефицита) «Freiheit» за *первое* полугодие.

2) Повторенное несколько раз и оказавшееся впоследствии совершенно неправильным заверение Либкнехта о том, что цюрихская тройка вовсе не получила права контролировать редакцию, и возникшая из этого заверения комедия ошибок.

3) Достигнутая, наконец, уверенность в том, что цюрихской тройке присвоен не только контроль, но и цензура, а ему, Гиршу, остается лишь роль подставного болвана.

Если после всего этого от него последовал отказ, то мы можем только одобрить этот шаг. Лейпцигская комиссия, как мы слышали

от Гёхберга¹, еще усилена двумя живущими вне Лейпцига членами и может поэтому быстро принимать решения только в том случае, если между тремя лейпцигцами нет разногласий. Этим подлинный центр тяжести окончательно переносится в Цюрих, а с тамошними господами Гирш, как и любой редактор, действительно настроенный революционно и пролетарски, долго работать не сможет. Об этом ниже.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГАЗЕТЫ.

Еще 24 июля Бернштейн сообщает Гиршу, что разногласия Гирша с некоторыми товарищами в бытность его редактором «*Latetne*» могут затруднить его положение.

Гирш отвечает, что направление газеты в общем не должно, по его мнению, отличаться от направления «*Latetne*», т. е. в Швейцарии избегать процессов, а в Германии не быть сверх меры трусливым. Он спрашивает, какие именно товарищи имеются в виду, и продолжает:

«Я знаю лишь одного такого и обещаю вам, что, если повторится подобный случай *нарушения дисциплины*, я по отношению к этому товарищу буду действовать совершенно так же».

На это Бернштейн, с сознанием своих новых официальных цензурских полномочий, отвечает:

«Что касается направления газеты, то надо сказать, что, по мнению наблюдательной комиссии, «*Latetne*» не может служить образцом. Мы полагаем, что газета должна отличаться не столько своим политическим радикализмом, сколько принципиальной социалистической установкой. Таких эпизодов, как атака против Кайзера, вызвавшая порицание со стороны всех без исключения (!) товарищей, следует во что бы то ни стало избегать».

И так далее, и так далее. Либкнехт называет выступление против Кайзера «грубым промахом», а Шрамм считает его настолько опасным, что на этом основании подчиняет Гирша цензуре.

Гирш снова пишет Гёхбергу, что случай, подобный кайзеровскому, «невозможен при наличии официального партийного органа, ясные директивы и благотворные указания которого депутат не мог бы так нагло игнорировать».

Фирекк тоже пишет, что новой газете «предписано... быть беспристрастной и по возможности игнорировать все имевшие место разногласия»; она не должна быть увеличенной «*Latetne*», и «самое большее, в чем можно упрекнуть Бернштейна, это в том, что он придер-

¹ В рукописи слова «от Гёхберга» вписаны карандашом. *Ред.*

живается слишком умеренного направления, если только это упрек в такое время, когда мы не можем идти вперед с развернутым знаменем».

В чем же состоит, однако, этот случай с Кайзером, это непростительное преступление, которое якобы совершил Гирш? Кайзер, единственный из социал-демократических депутатов, произносит речь и подает голос в рейхстаге за покровительственные пошлины. Гирш обвиняет его в нарушении партийной дисциплины, так как он:

- 1) голосовал за косвенные налоги, отмены которых определенно требует программа партии;
- 2) санкционировал кредиты Бисмарку и тем самым пошел против основного принципа нашей партийной тактики: «ни гроша этому правительству».

По обоим пунктам Гирш безусловно прав. После того как Кайзер так разделался, с одной стороны, с программой партии, которой депутаты в силу постановления съезда как бы присягнули, и, с другой стороны, с непреложным, первейшим и основным принципом партийной тактики, подав голос за кредиты Бисмарку *в благодарность за закон против социалистов*, Гирш, по нашему мнению, имел точно так же полное право выступить против него со всей резкостью.

Мы никак не могли понять, каким образом эта атака против Кайзера могла вызвать в Германии такое сильное раздражение. Теперь Гёхберг рассказывает мне, что «фракция» *разрешила* Кайзеру выступить так, как он выступил, и тем самым он может считаться оправданным.

Если дело обстоит так, то это уж поистине из рук вон плохо. Прежде всего Гирш, как и никто вообще, не мог знать об этом в тайне принятом решении¹. Далее: тот позор для партии, в котором прежде можно было винить одного Кайзера, благодаря этому обстоятельству только усугубляется, точно так же, как усугубляется и заслуга Гирша, который открыто и перед всем светом разоблачил пошлую фразеологию и еще более пошрое голосование Кайзера и тем самым спас честь партии. Или в самом деле германская социал-демократия заражена болезнью парламентаризма и воображает, что на

¹ В рукописи Энгельсом зачеркнуто: «Если даже предположить, что двум или трем социал-демократическим депутатам (вряд ли их там было больше) ввбрело на ум разрешить Кайзеру произнести его пошлую речь перед лицом всего мира и вотировать кредиты Бисмарку, то в таком случае они были обязаны публично взять на себя ответственность за это поведение и подождать, что скажет на это Гирш». *Ред.*

народных избранников снизошел святой дух, превращающий заседания фракции в непогрешимые соборы, а постановления фракции — в ненарушимые догматы?

Нет, в лужу сели депутаты, покрывшие своим постановлением выступление Кайзера, а не Гирш. И если те, кто более, чем кто-либо, призваны следить за соблюдением партийной дисциплины, подобным постановлением так безобразно ее нарушают, то тем хуже. Еще хуже, однако, когда осмеливаются думать, что нарушили партийную дисциплину не Кайзер своей речью и голосованием и не депутаты своим постановлением, а Гирш — тем, что он, вопреки этому постановлению, ему вдобавок неизвестному, резко обрушился на Кайзера.

Впрочем, несомненно, что по вопросу о покровительственных пошлинах партия заняла ту же нечеткую и нерешительную позицию, которую она занимала по отношению ко всем возникавшим до сих пор конкретным экономическим вопросам, — например, по вопросу об имперских железных дорогах. Это происходит оттого, что партийные органы, особенно «Vorwärts», вместо того, чтобы основательно обсудить эти вопросы, предпочитают рассуждать о структуре будущего общественного строя. Когда вопрос о покровительственных пошлинах *после* закона против социалистов внезапно приобрел практическое значение, по поводу него возникли самые разнообразные оттенки мнений, и не нашлось никого, кто обладал бы предпосылками для отчетливого и правильного суждения, а именно знакомством с условиями германской промышленности и ее положением на мировом рынке. К тому же у некоторой части избирателей могли быть протекционистские настроения, — и с этим тоже захотели считаться. Единственный путь из этого хаоса — подойти к вопросу с чисто политической стороны (что и сделала «Laterne») — был оставлен без внимания. Вот почему партия в этих прениях проявила с самого начала шатания, неуверенность и нечеткость и в конце концов, благодаря Кайзеру и вместе с ним, основательно оскандалилась.

Атака против Кайзера становится поводом к тому, чтобы на все лады проповедывать Гиршу, что новая газета не должна ни в коем случае подражать выходкам «Laterne», что она должна отличаться не столько политическим радикализмом, сколько принципиально социалистическим направлением и бесстрашностью. При этом Фирекк усердствует не меньше, чем Бернштейн; Бернштейн же кажется Фирекку самым подходящим человеком именно потому, что он слишком умерен, так как не можем же мы теперь идти вперед с развернутым знаменем.

Но для чего вообще уезжать за границу, как не для того, чтобы идти вперед с развернутым знаменем? За границей этому ничто не препятствует. В Швейцарии нет ни германских уголовных законов, ни германских законов о печати и союзах. Там не только можно, там *должно* писать все то, чего нельзя было писать у себя дома даже до закона о социалистах — из-за обычных германских законов. Ибо там мы стоим не только перед лицом Германии, но и перед лицом Европы и обязаны, поскольку позволяют *швейцарские* законы, открыто осведомлять Европу о путях и целях германской партии. Тот, кто в Швейцарии захотел бы считаться с *германскими* законами, доказал бы только, что он достоин этих германских законов и что ему нечего сказать сверх того, что разрешалось говорить в Германии до издания исключительного закона. Нечего было считаться и с тем, что для членов редакции может быть на время отрезана возможность возврата в Германию. Кто не готов рискнуть этим, тому не место на таком передовом и почетном посту.

Более того. Исключительный закон именно *потому* наложил оковы на германскую партию, что она была единственной серьезной оппозиционной партией в стране. Если она в заграничном органе выразит Бисмарку благодарность, отказываясь от этой роли единственной серьезной оппозиционной партии, выступая пайнкой и покорно принимая пинок, то этим она только докажет, что она достойна этого пинка. Из всех печатных органов немецкой эмиграции, которые издавались за границей с 1830 г., «*Laterne*», несомненно, один из самых умеренных. Но если даже «*Laterne*» оказалась слишком дерзкой, то новая газета может только скомпрометировать партию в глазах ее единомышленников вне Германии.

III. МАНИФЕСТ ЦЮРИХСКОЙ ТРОЙКИ.

Тем временем прибыл гёхберговский «*Jahrbuch*», содержащий статью «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии». Эта статья, как сообщил мне сам Гёхберг, написана именно тремя членами цюрихской комиссии и поэтому представляет собою их аутентичную критику движения, как оно до сих пор протекало, а следовательно и аутентичную программу новой газеты, поскольку линия газеты определяется этими людьми.

С самого же начала мы читаем:

«Движение, которому Лассаль приписывал огромное политическое значение, к которому он призывал не только рабочих, но и всех честных демократов, *во главе которого* должны были идти независимые представители науки и *все те, кто проникнут истинной*

человечностью, измельчало под руководством Иоганна-Баптиста Швейцера, превратившись в *одностороннюю борьбу промышленных рабочих за свои интересы*».

Я не стану заниматься вопросом о том, соответствует ли это и в какой мере соответствует действительности. Упрек, который здесь делается Швейцера, состоит в том, что он, Швейцер, *низвел* лассальянство, рассматриваемое здесь как буржуазно-демократически-филантропическое движение, на степень односторонней борьбы промышленных рабочих за свои интересы; между тем на деле он *углубил* движение как классовую борьбу промышленных рабочих против буржуазии¹. Далее, его упрекают в том, что он «оттолкнул буржуазную демократию». Но разве буржуазной демократии место в социал-демократической партии? Если буржуазная демократия состоит из «честных людей», то у нее не может и возникнуть желания присоединиться к нам, а если она этого все-таки добивается, то исключительно для того, чтобы гадить.

Лассалевская партия «предпочитала *самым односторонним* образом вести себя как *рабочая партия*»... Господа, которые это пишут, состоят членами партии, которая самым односторонним образом ведет себя как рабочая партия, и занимают теперь в ней официальные посты. Это — вещи абсолютно несовместимые. Если они думают так, как пишут, то должны выйти из партии, по крайней мере отказаться от занимаемых ими постов. Если они этого не делают, то тем самым признаются в том, что намереваются использовать свое офи-

¹ В рукописи Энгельсом зачеркнуто: «Швейцер был прохвостом, но в то же время очень талантливым человеком. Его заслуга состояла именно в том, что он сломал первоначальное узкое лассальянство с его ограниченной панацеей государственной помощи... Что бы он ни предпринимал из корыстных побуждений и как бы ни настаивал, стремясь сохранить свою гегемонию, на лассальянской всеисцеляющей государственной помощи, — все же заслуга его состоит в том, что он пробил брешь в первоначальном узком лассальянстве, расширил экономический кругозор своей партии и тем самым подготовил ее позднейшее вхождение в германскую единую партию. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, — это ядро всякого революционного социализма, — проповедывалась уже и Лассалем. Если Швейцер еще сильнее подчеркнул этот пункт, то по сути дела это было во всяком случае шагом вперед, как бы искусно он ни пользовался этим моментом, чтобы навлекать подозрения на опасных для своей диктатуры лиц. Совершенно верно, что он превратил лассальянство в одностороннюю борьбу промышленных рабочих за свои интересы. Но односторонней он сделал ее лишь потому, что из-за корыстно-политических мотивов не хотел ничего знать о борьбе сельских рабочих против крупного землевладения. Не в этом, однако, его упрекают, а в том, что он»... Далее — как в тексте: «*углубил* движение» и т. д. *Ред.*

циальное положение для борьбы против пролетарского характера партии. Таким образом, партия сама себя предает, оставляя их на официальных постах.

Итак, по мнению этих господ, социал-демократическая партия должна быть *не* односторонней рабочей партией, а всесторонней партией «всех тех, кто одушевлен истинным человеколюбием». Чтобы доказать это, она прежде всего должна отречься от грубых пролетарских страстей и под руководством образованных и филантропически настроенных буржуа «приобрести хороший вкус» и «усвоить хороший тон» (стр. 85). Тогда «неприличные манеры» некоторых вождей уступят место благовоспитанным «буржуазным манерам» (как будто внешне-неприличные манеры тех, кто здесь имеется в виду, не самое маловажное из того, в чем их можно упрекнуть!). Тогда не замедлят появиться и «многочисленные сторонники из среды образованных и имущих классов. Именно их необходимо привлечь к себе..., чтобы агитация принесла *осязательные успехи*».

Германский социализм «придавал слишком большое значение завоеванию *масс* и при этом пренебрегал энергичной (!) пропагандой среди так называемых высших слоев общества». К тому же у партии «нехватает лиц, которые были бы в состоянии представлять ее в рейхстаге». Но «желательно и даже необходимо вверять мандаты таким людям, которые имели время и возможность основательно изучать надлежащие проблемы. Простой рабочий и мелкий ремесленник... располагают для этого достаточным досугом лишь в виде редкого исключения». Следовательно, выбирайте буржуа!

Одним словом: рабочий класс не в состоянии добиться собственными руками своего освобождения. Для этого он должен принять руководство со стороны «образованных и имущих» буржуа, так как только они «имеют время и возможность» изучить то, что может принести пользу рабочим. А во-вторых, упаси боже бороться с буржуазией, — ее следует *привлечь на свою сторону* энергичной пропагандой.

Но если мы намерены завоевать высшие слои общества или хотя бы их благожелательно настроенные по отношению к нам элементы, то мы никоим образом не должны пугать их. И вот цюрихская тройца воображает, что она сделала весьма успокоительное открытие:

«Как раз теперь, под давлением закона против социалистов, партия показывает, что она *не намерена* пойти по пути насильственной, кровавой революции, что, напротив, она решила стать на путь законности, т. е. *реформы*».

Итак, если пятьсот-шестьсот тысяч социал-демократических избирателей ($\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ всего числа избирателей), к тому же рассеянных по всей стране, настолько благоразумны, что не прошибают лбом стену и не пытаются один против десяти произвести «кровавую революцию», то это значит, что они раз навсегда *зарекаются* использовать какое-либо крупное внешне-политическое событие, вызванный им внезапный революционный подъем и даже самую *победу* народа, завоеванную в возникшем на этой почве столкновении! Если Берлин когда-нибудь снова проявит такую необразованность, что учинит 18 марта, то социал-демократы, вместо того, чтобы в качестве «сволочи, рвущейся на баррикады» (стр. 88), принять участие в борьбе, должны будут «вступить на путь законности», утихомирить восстание, убрать баррикады и, когда это понадобится, выступить нога в ногу со славным воинством против односторонней, грубой и необразованной массы. Если господа авторы станут утверждать, что они не это хотели сказать, то что же они тогда хотели сказать?

Но это еще только цветочки.

«Чем спокойнее, объективнее, солиднее будет выступать партия, критикуя существующие порядки и внося предложения об их изменении, тем менее будет возможно повторить удавшийся сейчас (при введении закона против социалистов) шахматный ход, с помощью которого сознательная реакция скрутила в бараний рог напуганную красным призраком буржуазию» (стр. 88).

Чтобы избавить буржуазию даже от тени страха, ей нужно ясно и наглядно доказать, что красный призрак в самом деле не более, как призрак, что он не существует в действительности. В чем же, однако, тайна красного призрака, как не в страхе буржуазии перед неизбежной борьбой не на жизнь, а на смерть между нею и пролетариатом, страхе перед неминуемой развязкой современной классовой борьбы? Уничтожим классовую борьбу, и «все честные люди» охотно «пойдут рука об руку с пролетариями». Но в дураках-то останутся именно пролетарии.

Пусть, следовательно, партия своим смирением и кротким поведением докажет, что она раз навсегда отреклась от «несуразностей и эксцессов», дававших повод к введению закона против социалистов. Если она добровольно пообещает не выходить из рамок этого закона, то Бисмарк и буржуазия, конечно, проявят любезность и отменят этот закон, который станет тогда излишним.

«Пусть нас поймут, как следует», мы не хотим «отказываться от нашей партии и от нашей программы, но мы думаем, что нам на долгие годы хватит работы, если мы всю свою силу, всю свою

энергию обратим на достижение определенных, вполне доступных целей, которые во что бы то ни стало должны быть достигнуты, прежде чем можно начать помышлять об осуществлении более далеких задач». Тогда к нам начнут присоединяться массами буржуа, мелкие буржуа и рабочие, которых «теперь отпугивают... слишком далеко идущие требования».

От программы не следует *отказываться*; только осуществление ее должно быть *отложено*... на неопределенное время. Ее принимают, но, собственно, не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее детям и внукам. А пока что «все силы и вся энергия» обращаются на всякие пустяки и жалкое штопанье капиталистического строя, чтобы казалось, будто что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию. Разве не лучше во много раз поведение коммуниста Микеля, который, будучи непоколебимо убежден, что через несколько сот лет крах капиталистического общества неминуем, на этом основании усердно спекулирует, способствует в меру своих сил краху 1873 г. и тем самым *действительно* кое-что делает для подготовки крушения существующего строя...

Другим нарушением хорошего тона были «преувеличенные нападки на грюндеров», которые-де были лишь «детьми своего времени»; поэтому «было бы лучше... обойтись без брани по адресу Штрусберга и тому подобных лиц». К сожалению, все люди — только «дети своего времени», и если это — достаточное оправдание, то должны быть прекращены нападки на кого бы то ни было, и нам надо отказаться от всякой полемики, от всякой борьбы; нам надлежит спокойно принимать пинки от своих противников, ибо мы, мудрецы, знаем, что противники эти — лишь «дети своего времени» и не могут поступать иначе, чем поступают. Вместо того, чтобы отплачивать им сторицей за получаемые от них пинки, мы, наоборот, должны бедняжек пожалеть.

Точно так же наше выступление за Коммуну имело то дурное последствие, что «оттолкнуло от нас многих наших благожелателей и вообще усилило ненависть к нам буржуазии». Наконец, партия «не совсем неповинна во введении октябрьского закона, ибо она совершенно ненужным образом разжигала *ненависть буржуазии*».

Вот какова программа трех цюрихских цензоров. Она не оставляет никакого места для недоразумений, — особенно для нас, отлично знакомых с 1848 г. со всей этой фразеологией. Перед нами представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением

в обществе, может «зайти слишком далеко». Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее соглашательство; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена. Все исторически необходимые конфликты истолковываются как недоразумения, и всякой дискуссии кладется конец декларацией о том, что по существу никаких расхождений между нами нет. Люди, выступавшие в 1848 г. в качестве буржуазных демократов, теперь с таким же успехом могут именовать себя социал-демократами: как для первых демократическая республика, так для последних падение капиталистического строя — дело далекого будущего, не имеющее абсолютно никакого значения для политической практики современности; поэтому можно посредничать, соглашательствовать и заниматься филантропией, сколько душе угодно. Точно так же обстоит дело с классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией. На бумаге эту борьбу признают, потому что отрицать ее уже попросту невозможно, но на деле ее затушевывают, смазывают, ослабляют. Социал-демократическая партия *не должна* быть партией рабочего класса, не должна навлекать на себя ненависть буржуазии или вообще чью бы то ни было ненависть, она должна прежде всего вести энергичную пропаганду в среде буржуазии; вместо того, чтобы во главу угла ставить далеко идущие, отпугивающие буржуазию и все же недостижимые для нашего поколения цели, пусть лучше все свои силы и всю свою энергию она обратит на осуществление тех мелкобуржуазных реформ-заплат, которые укрепят старый общественный строй и тем самым, может быть, превратят конечную катастрофу в постепенный и по возможности мирный процесс перерождения. Это те самые люди, которые под прикрытием суетливой деловитости не только сами ничего не делают, но и пытаются помешать тому, чтобы вообще что-либо происходило, кроме... болтовни; люди, которые в 1848 и 1849 гг. своим страхом перед любым действием тормозили движение на каждом шагу и, в конце концов, привели его к поражению; которые видят реакцию и весьма изумляются, что оказались в тупике, где невозможно ни сопротивление, ни бегство. Это те самые люди, которые хотят втиснуть историю в рамки своего обывательского кругозора, но с которыми история никогда не считается и идет своей дорогой.

Что касается их социалистических убеждений, то они уже подвергнуты достаточной критике в «Манифесте [коммунистической партии]», в главе о «немецком или истинном социализме». Там, где классовая

борьба отстраняется как нечто непривлекательное и «грубое», там в качестве основы социализма остаются лишь «истинное человеколюбие» и пустые фразы о «справедливости».

Самым ходом развития обусловлено то неизбежное явление, что к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствовавшего до сих пор класса и приносят с собой свои знания. Об этом мы ясно высказались уже в «Манифесте [коммунистической партии]». Но тут надо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, чтобы принести действительную пользу пролетарскому движению, эти лица должны принести с собой действительные знания, а этого нельзя сказать о большинстве немецких буржуа, примкнувших к движению; ни «Zukunft», ни «Neue Gesellschaft» не дали ничего такого, что хотя бы на шаг подвинуло движение вперед. Никакого действительного фактического или теоретического образовательного материала там нет. Вместо этого — попытки согласовать поверхностно усвоенные социалистические идеи с самыми различными теоретическими взглядами, вынесенными этими господами из университета или еще откуда-нибудь; все эти взгляды — один путанее другого, что объясняется тем процессом разложения, которому ныне подвергаются остатки немецкой философии. Вместо того, чтобы прежде всего самому углубиться в изучение новой науки, каждый старался так или иначе пригнать ее к своим извне принесенным воззрениям, наскоро сколачивал себе свою собственную частную науку и тотчас же выступал с претензией обучать этой науке других. Поэтому у этих господ почти столько же точек зрения, сколько людей. Вместо того, чтобы хоть в какой-нибудь вопрос внести ясность, они создали невероятную путаницу — к счастью, почти исключительно в своей собственной среде. Без таких людей, основной принцип которых — обучать других тому, чего они сами не изучили, партия может отлично обойтись.

Во-вторых. Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение. Но те господа, о которых идет речь, как раз битком набиты буржуазными и мелкобуржуазными идеями. В такой мелкобуржуазной стране, как Германия, эти идеи, несомненно, имеют свое оправдание. Но только *вне рядов* социал-демократической рабочей партии. Если эти господа образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступать с ними в переговоры, при известных условиях

блокироваться и т. д. Но в рабочей партии они — чуждый элемент. Если есть основание пока что терпеть их, то мы обязаны *только* терпеть их, не давая им влиять на руководство партией и отдавая себе отчет в том, что разрыв с ними лишь вопрос времени. Это время к тому же, повидимому, уже наступило. Каким образом партия может далее терпеть в своих рядах авторов этой статьи, нам совершенно непонятно. Если же в руки таких людей в той или иной мере попадает даже партийное руководство, — значит, партия попросту кастрирована и в ней нет больше пролетарской энергии.

Что касается нас, то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу, как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения. Учреждая Интернационал, мы отчетливо сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Мы не можем, следовательно, идти с людьми, которые открыто заявляют, что рабочие слишком необразованы для того, чтобы освободить самих себя, и должны быть освобождены сверху, руками филантропических крупных и мелких буржуа. Если новый партийный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию за границей. Но *до этого*, надо надеяться, дело не дойдет.

Это письмо предназначено для всех пяти членов комиссии в Германии, а также Бракке...

Против того, чтобы письмо прочли и цюрихцы, мы не имеем никаких возражений.

*Перевод с рукописи Энгельса,
на немецком языке.*

Карл Маркс
ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГУ
АДОЛЬФА ВАГНЕРА

*Перевод с рукописи Маркса
на немецком языке*

ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГУ АДОЛЬФА ВАГНЕРА.

(ВАГНЕР, АДОЛЬФ. ВСЕОБЩЕЕ ИЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ. ИЗЛОЖЕНИЕ. ОСНОВЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРАВО, В ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО. ВТОРОЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО УЛУЧШЕННОЕ И СИЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНИЕ. ЛЕЙПЦИГ И ГЕЙДЕЛЬБЕРГ. К. Ф. ВИНТЕР. 1873.)

1. Концепция господина Вагнера.— «социально-правовая концепция» (стр. 2). Она находится притом «в согласии с Родбертусом, Ланге и Шеффле» (стр. 2).

В «основных пунктах изложения» он «ссылается» на *Родбертуса и Шеффле*. Даже о морском разбое, как о «неправомерном способе приобретения» у целых народов, г. Вагнер говорит, что он — равной лишь при том условии, если «предполагается существование истинного *jus gentium*» [международного права] (стр. 18, прим. 3).

Он изучает прежде всего «условия хозяйственного общежития» и «определяет в соответствии с ними сферу хозяйственной свободы индивида» (стр. 2).

«Стремление к удовлетворению потребностей» «не действует и не должно действовать как чисто природная сила, но оно находится, как и всякое стремление человека, под руководством разума и совести. Поэтому всякое вытекающее из него действие является ответственным и подлежит всегда нравственному суждению, которое, правда (!), само подвергается историческим изменениям» (стр. 9).

В рубрике о «труде» (стр. 9, § 2) г. Вагнер не делает различия между конкретным характером всякого труда и затратой рабочей силы, общей всем этим конкретным видам труда (стр. 9, 10).

«Даже простое управление имуществом в целях получения рентного дохода, равно как применение полученного дохода для удовлетворения потребностей, требует всегда деятельности, которая подпадает под понятие труда» (стр. 10, прим. 6).

Исторически-правовые категории суть, по мнению Вагнера, «социальные категории» (стр. 13, прим. 6).

«Особенно естественные монополии положения, в частности в городских (! естественная монополия положения в лондонском Сити!)

условиях, затем связанные с влиянием *климата на сельскохозяйственное производство* целых стран, далее *естественные монополии специфического плодородия* почвы, например при особенно хороших виноградниках, а также при сравнении различных наций, например при *сбыте тропических продуктов* в страны умеренного пояса [«примером служат *вывозные пошлины* на продукты своего рода естественной монополии, которые возлагаются в некоторых странах (Южная Европа, тропические страны), в твердой уверенности, что эти пошлины будут переложены на иностранных потребителей» (стр. 15, прим. 11). Если г. Вагнер выводит отсюда *вывозные пошлины* в южных странах, то это показывает, что он не имеет никакого представления об «истории» этих пошлин¹], — приводят к тому, что *блага, от природы* — по крайней мере *частично* — *свободные*, становятся чисто хозяйственными благами, весьма высоко оплаченными при приобретении» (стр. 15).

Область *регулярного обмена (сбыта)* благ—это их *рынок* (стр. 21).

Под хозяйственными благами: отношения к лицам и вещам (res incorporales), предметная законченность которых покоится на абстракции: а) в *совершенно свободном обмене: клиентура, фирма* и т. п., когда выгодные отношения к другим людям, выработавшиеся благодаря человеческой деятельности, могут быть *возмездно уступлены* и приобретены, б) на основе *известных правовых ограничений оборота*: исключительные права на производство, сервитуты, привилегии, монополии, патенты и т. д. (стр. 22, 23).

Г-н Вагнер включает «*услуги*» в число «*хозяйственных благ*» (стр. 23, прим. 2., и стр. 28). В основе этого лежит в сущности его желание представить тайного советника Вагнера в качестве «*производительного работника*», ибо, говорит он, «ответ является решающим для оценки всех тех классов, которые в виде *профессии* занимаются доставлением *личных услуг*, стало быть *прислуги*, представителей *свободных профессий* и, следовательно, также государства. Лишь в том случае, если услуги также причисляются к хозяйственным благам, названные классы в хозяйственном смысле *производительны*» (стр. 24).

Следующее очень характерно для манеры мышления Вагнера и компании:

Рау сделал замечание: зависит от «*определения имущества и хозяйственных благ*», «*принадлежат ли к ним также услуги или нет*». На это *Вагнер* отвечает: надо «*заранее дать*» «*такое определение*»

¹ Жирными квадратными скобками отмечены квадратные скобки, сделанные самим Марксом. Ред.

«имущества», которое «включает услуги в число хозяйственных благ» (стр. 28).

Однако «решающим аргументом» является, дескать, «что средства удовлетворения потребностей не могут заключаться только в вещных благах, ибо потребности распространяются не только на таковые, но и на личные услуги» (а именно услуги государства, например правовая охрана и т. д.) (стр. 28).

Имущество: 1) чисто экономически... «существующий в данный момент времени запас хозяйственных благ, как реальный фонд для удовлетворения потребностей», есть «имущество само по себе», «части совокупного народного или национального имущества».

2) «как исторически правовое понятие... — запас хозяйственных благ, находящийся во владении или в собственности какого-нибудь лица». «Имущественное владение» (стр. 32). Это — «исторически-юридически-относительное понятие собственности. Собственность дает лишь определенные распорядительные и исключительные права по отношению к другим. Объем этих прав изменяется» [т. е. исторически] (стр. 34). «Каждое имущество во втором смысле есть единичное имущество, имущество какого-нибудь физического или юридического лица» (там же).

Публичное имущество, «в частности имущество принудительно-общественных хозяйств, т. е. особенно имущество государства, округов, общин. Это имущество предназначено для всеобщего пользования (дороги, реки и т. д.), и государству и т. д. собственность на это имущество приписывается как юридическому представителю общества (народа, населения данной местности и т. д.); или же это — имущество государства и общин в собственном смысле слова, а именно имущество, служащее целям управления, т. е. для выполнения государственных функций, либо имущество, служащее финансовым целям, т. е. употребляемое государством для получения доходов как средств для выполнения его функций» (стр. 35).

Капитал, *capitale* — перевод слова *κεφάλαιον*, которым обозначали требование денежной суммы в отличие от процентов (*τόκος*). В середине века *капиталы*, *caput pecuniae*, обозначали нечто основное, существенное, первоначальное (стр. 37).

По немецки употребляли слово *Hauptgeld* (стр. 37).

Капитал, фонд, служащий для приобретения; запас благ, служащий для приобретения; запас движимых средств приобретения. В противоположность этому: потребительный запас: масса движимых средств потребления, объединяемая в каком-либо отношении (стр. 38, прим. 2).

Обращающийся и неподвижный капитал (стр. 38, 2 а и 2 в).

Стоимость. По мнению г. Вагнера, теория стоимости Маркса составляет «краеугольный камень его социалистической системы» (стр. 45). Так как я никогда не возводил «социалистической системы», то это лишь фантазия Вагнера, Шеффле и tutti quanti [им подобных].

Далее: Маркс будто бы «находит общую общественную субстанцию меновой стоимости, — только последнюю он имеет здесь в виду, — в труде, а меру величины меновой стоимости — в общественно-необходимом рабочем времени и т. д.» (стр. 45).

Я не говорю нигде об «общей общественной субстанции меновой стоимости», а говорю, что меновые стоимости (*меновая стоимость* существует лишь при наличии по меньшей мере двух таковых) представляют нечто *им общее*, что «совершенно независимо от их потребительных стоимостей» [т. е. в данном месте от их натуральной формы], а именно «стоимость». Так, например, мы читаем: «Таким образом, то общее, что представлено в меновом отношении или меновой стоимости товара, и есть *его* стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения или необходимой форме проявления стоимости; тем не менее, эта последняя должна быть сначала рассмотрена *независимо от этой ее формы*» (2-е издание, стр. 13).

Стало быть, я не говорю, будто «общая общественная субстанция меновой стоимости — это труд»; и так как я подробно рассматриваю в особом разделе *форму стоимости*, т. е. развитие меновой стоимости, то было бы странно сводить эту «форму» к «общей общественной субстанции», к труду. Г-н Вагнер забывает также, что предметом для меня является не «стоимость» и не «меновая стоимость», а *товар*.

Далее: «Но эта теория (Маркса) — не столько всеобщая теория стоимости, сколько *теория издержек*, исходящая из *Рикардо*» (стр. 45). Г-н Вагнер мог бы как из «Капитала», так и из *сочинения Зибера* (если бы он знал русский язык) увидеть разницу между мною и Рикардо, который на деле занимался трудом лишь как *мерой величины стоимости* и в силу этого не нашел никакой связи между всею теорией стоимости и сущностью денег.

Если г. Вагнер говорит, что это не «всеобщая теория стоимости», то он в своем смысле вполне прав, так как под всеобщую теорией стоимости он понимает мудрствование насчет слова «стоимость», что дает ему также возможность оставаться при традиционном и обычном у немецких профессоров смешении «потребительной стоимости» и «стоимости», так как обе они имеют общее слово «стоимость».

Но если он далее говорит, что это — «теория издержек», то это замечание либо сводится к тавтологии: товары, поскольку они суть стоимости, представляют лишь нечто общественное, труд, и именно постольку величина стоимости товара определяется, согласно моим взглядам, величиною содержащегося и т. д. в нем рабочего времени, стало быть нормальным количеством труда, которого стоит производство предмета и т. д.; господин же Вагнер доказывает противоположное тем, что он уверяет, будто эта теория стоимости не есть «всеобщая», так как она не соответствует взглядам господина Вагнера насчет «всеобщей теории стоимости». Или же он утверждает нечто ложное: Рикардо (вслед за Смитом) смешивает стоимость и издержки производства; я уже в «К критике политической экономии», а также в примечаниях к «Капиталу» ясно показал, что стоимости и цены производства (которые лишь выражают в деньгах издержки производства) не совпадают. Почему они не совпадают? Этого я не сказал господину Вагнеру.

Кроме того, я «действую произвольно», когда я свожу эти издержки к так называемым трудовым затратам в узком смысле слова. Но для этого нужно предварительно привести доказательство, которое до сих пор отсутствует, а именно — что процессе производства возможен вовсе без посредства деятельности частных капиталистов, направленной на образование и применение капитала» (стр. 45).

Вместо того, чтобы взвалить на меня подобные доказательства, относящиеся к будущему, г. Вагнер, наоборот, должен был бы сперва доказать, что общественный процесс производства, — не говоря уже о процессе производства вообще, — не имел места в весьма многочисленных общинах, существовавших до появления частных капиталистов (древне-индийская община, южно-славянская семейная община и т. д.). Кроме того, Вагнер мог бы сказать лишь следующее: эксплуатация рабочего класса классом капиталистов, — короче, характер капиталистического производства, — изображен Марксом правильно, но Маркс ошибается в том, что рассматривает это хозяйство как переходящее, между тем как Аристотель, напротив, ошибался в том, что рабское хозяйство он рассматривал как не переходящее.

«Пока подобное доказательство не приведено [иначе говоря, пока существует капиталистическое хозяйство], прибыль капиталиста на деле также [здесь показываются копыта или уши осла] составляет «конститутивный» элемент стоимости, а не, как думают социалисты, лишь вычет или «грабёж» рабочего» (стр. 45, 46). Что такое «вычет из рабочего», вычет из его шкуры и т. д., нельзя понять.

Но и в моем изложении «прибыль капиталиста» на деле *не* есть «лишь *вычет* или «грабеж» рабочего». Наоборот, я изображаю капиталиста как необходимого функционера капиталистического производства и весьма подробно показываю, что он не только «вычитает» или «грабит», но и вынуждает *производство прибавочной стоимости*, т. е. помогает создавать то, что подлежит вычету; далее я подробно показываю, что даже в товарном обмене, где обмениваются лишь эквиваленты, капиталист, если только он оплачивает рабочему действительную стоимость его рабочей силы, с полным правом, т. е. соответствующим этому способу производства, получает *прибавочную стоимость*. Но все это не делает «прибыль капиталиста» «*конститутивным*» элементом стоимости, а лишь показывает, что в стоимости, «*конституированной*» не трудом капиталиста, заключается часть, которую он может присвоить себе «по праву», т. е. не нарушая права, соответствующего товарному обмену.

«Эта теория слишком односторонне принимает во внимание лишь один момент, определяющий стоимость [1] тавтология. Эта теория ложна, так как Вагнер имеет «всеобщую теорию стоимости», которая с ней не совпадает, и поэтому «стоимость» Вагнера определяется «потребительной стоимостью», что доказывает ежемесячно профессорское жалованье; 2) г. Вагнер подсовывает вместо стоимости «рыночную цену» данного момента или отклоняющуюся от стоимости цену товара, которая есть нечто весьма отличное от стоимости], *издержки*, а не другой момент, пригодность, *полезность*, момент *потребности* [т. е. она не смешивает «стоимость» с *потребительной стоимостью*, что так желательно для прирожденного путаника вроде Вагнера]. Она не соответствует не только *образованию меновой стоимости... в современном обороте* [он имеет в виду *ценообразование*: которое абсолютно ничего не меняет в *определении стоимости*, вообще же в *современном обороте*, конечно, имеет место образование меновой стоимости, как это известно всякому грюндеру, фальсификатору товаров и т. п., которое не имеет ничего общего с образованием стоимости, но зорко следит за уже «образованными» стоимостями. Кроме того, я, например, при определении *стоимости рабочей силы* исхожу из того, что ее стоимость действительно оплачивается, что *фактически не имеет места*. Г. Шеффле в «*Capitalismus u. m. d.*» полагает, что это «великодушно» или что-то в этом роде. Но это лишь прием, необходимый в научном отношении], но, как превосходно и, пожалуй, *окончательно (!)* доказывает Шеффле в «*Quintessenz*» и особенно в «*Sozialer Körper*», она не соответствует даже условиям, которые неизбежно должны образоваться

в *марксовом гипотетическом социалистическом государстве*. [Итак, социалистическое государство, которое господин Шеффле столь любезно «образовал» от моего имени, превращается в «марксово» (а не подсованное Марксу в гипотезе Шеффле)]. Это можно *убедительно* доказать на примере хлеба и т. п., *меновая стоимость* которого, вследствие влияния колеблющихся урожаев при примерно одинаковой потребности в нем, *даже* при системе «социальных такс», неизбежно должна была бы регулироваться *иным образом, чем в соответствии только с издержками*. [Сколько слов, столько галиматьи. Во-первых, я нигде не говорил о «социальных таксах» и при *исследовании относительно стоимости* имел дело с буржуазными отношениями, а не с применением этой теории *стоимости* «к социальному государству», конструированному отнюдь не мною, а г. Шеффле от моего имени. Во-вторых: если при неурожае цена хлеба повышается, то, во-первых, повышается его *стоимость*, ибо данное количество труда *реализовано в меньшем продукте*; во-вторых, еще в гораздо большей мере повышается *продажная цена* хлеба. Какое отношение имеет это к моей теории стоимости? На сколько хлеб *продается выше своей стоимости*, ровно настолько же другие товары продаются, в натуральной ли или денежной форме, *ниже своей стоимости*, и даже в том случае, если их собственная денежная цена *не падает*. *Сумма стоимостей* остается та же, если даже денежное выражение всей этой *суммы стоимостей* возросло, т. е. если возросла, по г. Вагнеру, *сумма «меновая стоимость»*. Это имеет место, если мы примем, что *падение цен* для совокупности других товаров не покрывает *превышения цены над стоимостью* хлеба, излишка его цены. Но в этом случае *меновая стоимость денег* на столько же упала ниже их стоимости; *сумма стоимостей* всех товаров не только остается *та же*, но она не изменяется даже в *денежном выражении*, если к числу товаров причисляются и деньги. Далее: повышение цены хлеба выше его стоимости, возросшей в результате неурожая, будет в «социальном государстве» во всяком случае меньше, чем при современных хлебных ростовщиках. Но «социальное государство» заранее так организует производство, чтобы годичное предложение хлеба лишь в совершенно ничтожной степени зависело от колебаний урожая. Объем производства, предложение и потребление рационально регулируются. Наконец, может ли «социальная такса», — предполагая, что фантазии Шеффле на этот счет будут осуществлены, — что-либо доказать в пользу или против моей теории стоимости? Столь же мало, как малы принудительные мероприятия, предпринятые при недостатке провизии на корабле или в крепости или во

время французской революции и т. д., — мероприятия, которым нет никакого дела до *стоимости*, — могут нарушать *законы стоимости* «капиталистического государства», следовательно также теорию стоимости! Это не более, как детский вздор!]

Тот же Вагнер с одобрением цитирует слова Рау: «Во избежание недоразумений необходимо точно установить, что понимается под *стоимостью вообще*, и в соответствии с немецким языком для этого следует выбрать *потребительную стоимость*» (стр. 46).

Выведение понятия стоимости (стр. 46 и сл.).

Из *понятия стоимости* следует, по мнению г. Вагнера, сперва вывести *потребительную стоимость* и затем *меновую стоимость*, а не, как у меня, из *конкретного товара*; интересно проследить эти схоластические упражнения в его новейшем издании «Grundlegung».

«*Естественное* стремление человека заключается в том, чтобы довести до *ясного сознания и понимания отношение*, в котором внутренние и внешние *блага* находятся к его *потребностям*. Это происходит путем *оценки (стоимостной оценки)*, благодаря которой благам, или же предметам внешнего мира, *придается стоимость*, и последняя *измеряется*» (стр. 46), а на стр. 12 читаем: «Все средства для удовлетворения потребностей называются *благами*».

Если мы вставим теперь в первом предложении вместо слова «благо» *логическое содержание*, приписываемое ему Вагнером, то первая фраза приведенного отрывка будет гласить:

«*Естественное стремление «человека»* заключается в том, чтобы довести до *ясного сознания и понимания отношение*, в котором «внутренние и внешние средства для удовлетворения его потребностей» *стоят к его потребностям*». Эту фразу мы можем несколько упростить, опуская «*внутренние средства и т. д.*», как это сейчас же делает господин Вагнер в следующем предложении при помощи слова «или».

«*Человек?* Если здесь понимается категория «человек вообще», то он вообще не имеет «*никаких*» потребностей; если имеется в виду человек, обособленно противостоящий природе, то его следует рассматривать как любое не-стадное животное; если же это человек, живущий в какой бы то ни было форме общества, — и именно это предполагает г. Вагнер, так как его «человек», хотя и не имея университетского образования, владеет, по крайней мере, речью, — то в качестве исходного пункта следует принять определенный характер общественного человека, т. е. определенный характер общества, в котором он живет, так как здесь производство, стало быть его

процесс добывания средств к жизни, уже имеет какой-либо общественный характер.

Но у профессора-доктринера отношения человека к природе с самого начала — не *практические* отношения, т. е. основанные на действии, а *теоретические*; уже в первом предложении спутаны два отношения такого рода.

Во-первых: так как в следующем предложении «*внешние средства для удовлетворения его потребностей*» или «*внешние блага*» превращаются в «*предметы внешнего мира*», то первое из подразумеваемых отношений получает следующий вид: человек находится в отношении к предметам внешнего мира как к средствам удовлетворения его потребностей. Но люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности (они, стало быть, начинают с производства). Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира. Это неизбежно наступает, так как они находятся в процессе производства, т. е. в процессе присвоения этих предметов, постоянно в трудовой связи между собой и с этими предметами и вскоре начинают также вести борьбу с другими людьми из-за этих предметов. Но это словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи [это — предположение, необходимо вытекающее из наличия речи], определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей. Люди дают **этим** предметам особое (родовое) название, ибо они уже знают способность этих предметов служить удовлетворению их потребностей, ибо они стараются при помощи более или менее часто повторяющейся деятельности овладеть ими и таким образом также сохранить их в своем владении; они, возможно, называют эти предметы

«благами» или еще как-либо, что обозначает, что они практически употребляют эти продукты, что последние им полезны; они приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому предмету, хотя овце едва ли представлялось бы одним из ее «полезных» свойств то, что она годится в пищу человеку.

Итак: люди фактически начинают с того, что присваивают себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения их собственных потребностей и т. д., и т. д.; позднее они приходят к тому, что и словесно обозначают их как *средства удовлетворения их потребностей*, — каковыми они уже служат для них в практическом опыте, — как предметы, которые их «удовлетворяют». Если назвать то обстоятельство, что люди не только на практике относятся к подобным предметам как к средствам удовлетворения их потребностей, но также и в представлении и далее, в словесном выражении обозначают их как предметы, «удовлетворяющие» их потребности, а тем самым и *их самих* [пока потребность человека не удовлетворена, он находится в состоянии недовольства своими потребностями, а стало быть, и самим собою], — если в «соответствии с немецким словоупотреблением» сказать, что это значит «придавать *стоимость*» предметам, то мы доказали, что общее понятие «стоимость» проистекает из отношения людей к предметам внешнего мира, удовлетворяющим их потребности, что, таким образом, это и есть *родовое понятие «стоимости»* и что все другие виды стоимости, например химическая валентность элементов, есть лишь разновидность этого понятия. (Но у г. Вагнера эта дедукция становится еще лучше, ибо он имеет дело с «человеком», а не с «людьми». Эту весьма простую «дедукцию» г. Вагнер выражает следующим образом: «Естественное стремление человека» (читай: немецкого профессора политической экономии) состоит в том, чтобы «отношение», в котором предметы внешнего мира не только являются средствами удовлетворения человеческих потребностей, но и словесно признаются, а потому и служат таковыми...»¹.

«Естественное стремление» немецкого профессора политической экономии заключается в том, чтобы вывести экономическую категорию «стоимости» из какого-нибудь «понятия», и он достигает этого тем, что то, что в политической экономии в просторечии называется «потребительной стоимостью», в соответствии с немецким словоупотреблением переименовывается в «стоимость». А как только таким образом найдена «стоимость» вообще, она в свою очередь служит

¹ Угловыми скобками мы отмечаем вычеркнутые Марксом места. *Ред.*

для того, чтобы вывести *«потребительную стоимость»* из «стоимости вообще». Для этого нужно только опять прибавить перед словом «стоимость» приставку «потребительная», опущенную раньше.

Действительно, Рау (см. стр. 46) нам просто говорит, что «необходимо» (для немецкого школьного профессора) «точно установить, что понимается под *стоимостью вообще»*, и наивно прибавляет, что *«в соответствии с немецким словоупотреблением для этого следует выбрать потребительную стоимость»*. [В химии *химическую валентность* элемента называется число его атомов, соединяющихся с атомами других элементов. Но и вес соединяющихся атомов также называют эквивалентностью, равноценностью разных элементов и т. д. Стало быть, следует сперва определить понятие «стоимости вообще» и т. д., и т. д.]

Если человек относится к предметам как к *«средствам удовлетворения своих потребностей»*, то он относится к ним как к *«благам»*, — свидетельствует Вагнер. Он придает предметам атрибут «блага», но содержание этой операции ни в малейшей мере не изменяется оттого, что г. Вагнер переименовывает ее в операцию *«придавать стоимость»*. Его собственное ленивое сознание приходит тотчас же к «пониманию» в нижеследующем предложении:

«Это происходит путем оценки (*стоимостной* оценки), благодаря которой *благам, или предметам внешнего мира, придается стоимость и последняя измеряется*. Мы не говорим уже о том, что г. Вагнер выводит *стоимость* из *стоимостной* оценки (он сам прибавляет к слову «оценка» в скобках слова «*стоимостная* оценка», чтобы довести вопрос до «ясного сознания и понимания»). «Человек» имеет «естественное стремление» поступать так, «оценивать» блага как *«стоимости»*, и таким образом позволяет г. Вагнеру исполнить обещание и *вывести «понятие стоимости вообще»*. Вагнер недаром тайком подменяет слово «блага» словами: *«или» «предметы внешнего мира»*. Он исходил из следующего: человек «относится» к «предметам внешнего мира», являющимся средствами удовлетворения его потребностей, как к *«благам»*. Он, стало быть, *оценивает* эти предметы именно благодаря тому, что относится к ним как к «благам». И для этой оценки мы уже имели раньше «описание», которое, например, гласит: «Человек, как *существо, имеющее потребности*, находится в постоянном соприкосновении с *окружающим его внешним миром и познает, что в последнем заключаются многочисленные условия его жизни и благосостояния*» (стр. 8). А это значит не что иное, как то, что он *оценивает* предметы внешнего мира», поскольку они удовлетворяют его как «существо, имеющее потребности», поскольку они — средства удовлетворения его

потребностей, и поэтому, как мы далее слышали, он относится к ним как к благам.

Теперь мы можем, — особенно если мы чувствуем «естественное» профессорское «стремление» вывести *понятие стоимости вообще*, — окрестить операцию, заключающуюся в том, чтобы придавать «предметам внешнего мира» атрибут «блага», названием «*придавать стоимость*». Можно было бы также сказать: человек, относясь к удовлетворяющим его потребности предметам внешнего мира как к «благам», «оценивает» их, придает им «цену», тем самым понятие «цены вообще» было бы выведено из способа действий «человека» и доставлено немецкому профессору в готовом виде. Все, чего сам профессор не может сделать, он заставляет делать «человека», который, однако, сам на деле в свою очередь есть не более, как *профессорский человек*, который думает, что он понял мир, когда он подводит его под абстрактные рубрики. Но поскольку «придавать стоимость» предметам внешнего мира здесь лишь другой словесный способ для выражения — придавать им атрибут «благ», мы этим никоим образом не придаем, как хочет обманчивым образом уверить Вагнер, «стоимость» самим «благам», как определение, отличное от их «бытия в качестве благ». Здесь лишь подставлено вместо слова «благо» слово «стоимость». [Как видим, тут можно было бы подставить и слово «цена». Можно было бы подставить также слово «сокровище», так как «человек», накладывая на известные «предметы внешнего мира» штампель «благ», «оценивает» их и потому относится к ним как к «сокровищу». Мы видим, как эти три экономические категории — *стоимость, цена и сокровище* — могут сразу быть волшебным образом выведены г. Вагнером из «естественного стремления человека» доставить профессору его ограниченный мир понятий.] Но г. Вагнер имеет смутное стремление выбраться из своего лабиринта тавтологий и при помощи хитрости доказать «что-то дальнейшее». Отсюда фраза: «благодаря этому благам, или предметам внешнего мира, *придается стоимость* и т. д.». Так как наложение на «предметы внешнего мира» штампеля благ, т. е. *выделение и фиксация* их (в представлении) как *средств удовлетворения* человеческих потребностей, также окрещено названием «придавать этим предметам *стоимость*», то он так же мало может сказать, что *стоимость* *придается* самим «благам», как он не мог бы сказать, что *стоимость* *придается* «стоимости» предметов внешнего мира. Но он проделывает *salto mortale* [смертельный прыжок] при помощи слов: «благам или предметам внешнего мира *придается стоимость*». Вагнер должен был бы сказать: превращение известных

предметов внешнего мира в «блага» можно также обозначить словами: «придавать» этим предметам «стоимость»; таким именно образом Вагнер выводит «понятие стоимости просто или вообще». Содержание не изменяется от этой перемены словесного выражения. Это лишь всегда выделение и фиксация в представлении предметов внешнего мира, являющихся средствами удовлетворения человеческих потребностей; стало быть, на деле лишь познание и признание известных предметов внешнего мира как средств удовлетворения потребностей «человека» (который, однако, как таковой на деле страдает от «потребности в логических понятиях»).

Но г. Вагнер хочет нас или самого себя уверить, что он не дает тому же содержанию двух названий, а, напротив, от определения «блага» подвигается к отличному от него и более развитому определению «стоимость», и этого он достигает просто тем, что вместо «предметов внешнего мира» подставляет слова «или» «блага», — процесс, который опять-таки «затемняется» тем, что он вместо «благ» подставляет «или» «предметы внешнего мира». Его собственная путаница производит таким образом верное действие: она запутывает его читателей. Он мог бы также перевернуть это прекрасное «выведение» следующим образом: человек, отличая и тем самым выделяя предметы внешнего мира, являющиеся средствами удовлетворения его потребностей, в качестве таковых средств удовлетворения из других предметов внешнего мира, оценивает эти предметы по достоинству, придает им стоимость или дает им атрибут «стоимости»; это можно также выразить таким образом, что он придает им атрибут «блага» в качестве характерного признака или же ценит и оценивает их как «блага». Благодаря этому «стоимостям», или предметам внешнего мира, придается понятие «блага». Таким образом, из понятия «стоимости» «выводится» понятие «блага» вообще. Все подобного рода выведения имеют свою целью лишь отвести от задачи, которая автору не по силам.

Но г. Вагнер единым духом и со всею поспешностью переходит от «стоимости» благ к «измерению» этой стоимости.

Содержание остается абсолютно тем же, если вообще не употреблять контрабандно слова «стоимость». Можно было бы сказать: человек, накладывая на известные предметы внешнего мира, которые и т. д., штемпель «благ», все более и более сравнивает эти «блага» между собою и ставит их в известный ряд сообразно иерархии своих потребностей, т. е., если угодно, «измеряет» их. О развитии действительной меры этих благ, т. е. о развитии меры их величины, Вагнер поистине не должен здесь распространяться, так как это

слишком живо напомнило бы читателю, что здесь речь идет не о том, что вообще понимается под «измерением стоимости».

[Что *выделение*, указание предметов внешнего мира, являющихся средствами удовлетворения человеческих потребностей, в качестве «благ», может быть *окрещено* также: «придавать этим предметам стоимость», — это Вагнер мог доказать не только, как Рау, на основании «немецкого словоупотребления», но и при помощи латинизированного слова *dignitas* — значение, достоинство, ранг и т. д., которое, будучи приложено к предметам, обозначает также «стоимость»; *dignitas* происходит от *dignus*, а последнее слово — от *dis, point out, show, выделять, показывать*; *dignus*, следовательно, означает *pointed out (выделенный)*, отсюда также *digitus* — палец, которым показывают вещь, указывают на нее; по-гречески — *δείκνυμι, δάκτυλος* (палец); по-готски *ga-tecta (dico)*; по-немецки — *zeigen* (показывать); и мы могли бы притти еще ко многим дальнейшим «выведениям», если принять во внимание, что *δείκνυμι* (или *δείκνω*) (делать видимым, проявлять, указывать) имеет общий корень *δέκω* (удерживать, брать) с *δέχομαι*].

Столько банальностей, тавтологической путаницы, словесного крохоборства, надувательских маневров преподносит господин Вагнер на неполных семи строчках.

Ничего удивительного, что после таких кунштюков этот темный муж (*vir obscurus*) с большим самодовольством продолжает:

Понятие стоимости, столь спорное и еще затемненное многими, нередко лишь мнимо-глубокомысленными исследованиями, очень просто (воистину) распутывается [скорее «запутывается»], если, как это было сделано [именно Вагнером], исходить из потребностей и хозяйственной природы человека, дойти до понятия блага и к последнему присовокупить понятие стоимости (стр. 46). Мы имеем здесь манипуляции с понятиями; мнимое развитие их у *vir obscurus* сводится к «присоединению» и в известной мере к «развязыванию».

Дальнейшее выведение понятия стоимости:

Субъективная и объективная стоимости. Субъективная стоимость или стоимость блага в общем смысле слова = значению, которое... «придается» благу... в силу его полезности... Это не свойство вещей самих по себе, хотя и имеет объективную предпосылкою полезность вещи [стало быть, имеет предпосылкою «объективную» стоимость]... В объективном смысле под «стоимостью», «стоимостями» понимаются также блага, имеющие стоимость, где (!) благо и стоимость, блага и стоимости становятся в сущности идентичными понятиями» (стр. 46, 47).

После того как Вагнер просто назвал *«стоимостью вообще»* или *«понятием стоимости»* то, что обычно называется *«потребительской стоимостью»*, он не может не вспомнить, что *«выведенная (!) таким образом (так! так!) стоимость»* есть *«потребительская стоимость»*. После того как он сперва назвал *«потребительскую стоимость»* «понятием стоимости» вообще или *«просто стоимостью»*, он вадним числом открывает, что он лишь городил вздор насчет *«потребительской стоимости»* и таким образом *«вывел»* последнюю, ибо нахально городить вздор и выводить — *«в сущности»* идентичные мыслительные операции. Но при этом случае мы узнаем, какое субъективное обстоятельство соединяет Вагнера с прежними путанными *«объективными»* понятиями. А именно, он открывает нам секрет, что Родбертус написал ему письмо, — которое можно прочесть в *«Tübinger Zeitschrift»* за 1878 г., — в котором он, Родбертус, объясняет, почему существует *«лишь один вид стоимости»*, потребительская стоимость. «Я» (Вагнер) *«присоединился к такому взгляду, значение которого я подчеркнул уже в первом издании»* (стр. 48, прим.). О том, что говорил Родбертус, Вагнер отзывается так: *«Это вполне правильно и вынуждает к изменению... обычного нелогического «разделения» «стоимости» на потребительскую стоимость и меновую стоимость, которое я делал еще в § 35 первого издания»* (стр. 48, прим. 4); и тот же Вагнер причисляет (на стр. 49, примечание) меня к людям, по мнению которых *«потребительская стоимость»* должна быть совершенно *«удалена»* *«из науки»*.

Все это *«вздор»*. Во-первых, я исхожу не из *«понятий»*, стало быть также не из *«понятия стоимости»*, и потому не имею никакой нужды в *«разделении»* последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — *«товар»*. Я анализирую последний, и притом сначала в той *форме, в которой он проявляется*. Здесь я нахожу, что, с одной стороны, товар в своей натуральной форме есть *предмет потребления, или потребительская стоимость*, а с другой стороны, *носитель меновой стоимости*, и с этой точки зрения он сам — *«меновая стоимость»*. Дальнейший анализ последней показывает мне, что меновая стоимость есть лишь *«форма проявления»*, самостоятельная форма представления содержащейся в товаре *стоимости*, и тогда я перехожу к анализу последней. Поэтому я ясно пишу на стр. 36 второго издания: *«Когда мы в начале этой главы, следуя хочаему обозначению, говорили: товар есть потребительская стоимость и меновая стоимость, — то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительская стоимость, или предмет потребления, и*

«стоимость». Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда *его стоимость* получает собственную, *отличную* от его натуральной формы, *форму проявления*, а именно форму *меновая стоимости* и т. д. Стало быть, не я подразделяю *стоимость* на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположности, на которые распадается абстракция «стоимости», — а *конкретный общественный образ* продукта труда, «товар», есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны — «стоимость», — а не меновая стоимость, так как одна только форма проявления не составляет *ее* собственного содержания.

Во-вторых, только темный муж, не понявший ни слова в моем «Капитале», может заключать: так как Маркс в одном примечании в первом издании «Капитала» отвергает всю вздорную болтовню немецких профессоров насчет «потребительной стоимости» вообще и отсылает читателей, желающих знать что-либо о действительных потребительных стоимостях, к «руководствам по товароведению», то «потребительная стоимость» не играет у него никакой роли. Она, разумеется, не играет роли своей противоположности, «стоимости», которая с первой не имеет ничего общего, кроме слова «стоимость», которое фигурирует в названии «потребительная стоимость». С таким же основанием он мог бы сказать, что меновая стоимость отодвигается мною в сторону, так как она лишь форма проявления стоимости, а не сама «стоимость», ибо для меня «стоимость» товара не есть ни ее потребительная, ни ее меновая стоимость.

Если приходится анализировать «товар» — эту простейшую экономическую конкретность, — то надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа. Поэтому то, что следует сказать о товаре, поскольку он — потребительная стоимость, я сказал в немногих строках, а с другой стороны, я подчеркнул *характерную форму*, в которой здесь выступает потребительная стоимость, продукт труда, а именно: «Вещь может быть полезностью и продуктом человеческого труда, не будучи товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает, правда, потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость» (стр. 15). [В этом корень «общественной потребительной стоимости» Родбертуса.] Благодаря этому потребительная стоимость — как потребительная стоимость «товара» — сама обладает специфически-историческим характером. В примитивных общинах, в которых, например,

средства существования сообща производились и распределялись между членами общины, общий продукт непосредственно удовлетворяет жизненные потребности каждого члена общины, каждого производителя, и общественный характер продукта, или потребительной стоимости, заложен здесь *в его общем характере*. [Г-н Родбертус, напротив, превращает «общественную потребительную стоимость» *товара* в «общественную потребительную стоимость» вообще и потому несет чепуху.]

Как вытекает из предыдущего, было бы чистейшим вздором к анализу товара, — на том основании, что он представляется, с одной стороны, как потребительная стоимость или благо, а с другой стороны, как «стоимость», — «присовокуплять» всякого рода банальные рассуждения о потребительных стоимостях или благах, не относящихся к области товарного мира, каковы «государственные блага», «общинные блага» и т. д., как это делает Вагнер и вообще немецкие профессора, или насчет блага «здоровья» и т. д. Там, где государство само капиталистический производитель, как при эксплуатации рудников, лесов и т. д., его продукт есть «товар» и обладает поэтому специфическим характером всякого другого товара.

С другой стороны, темный муж проглядел, что уже в анализе товара я не остановился на двойственной форме, в которой он представляется, но сейчас же перешел к тому, что в этом двойственном бытии товара представляется двойкий *характер труда*, продукт которого он есть: *полезного труда*, т. е. конкретных видов труда, создающего потребительные стоимости, и абстрактного *труда, труда как затраты рабочей силы*, — безразлично, каким «полезным» способом она затрачивается (на этом в дальнейшем покоится изображение процесса производства); что в развитии *стоимостной формы товара*, в последнем счете ее денежной формы, т. е. *денег*, *стоимость* одного товара представляется в *потребительной стоимости* другого, т. е. в натуральной форме другого товара; что сама *прибавочная стоимость* выводится из «специфической» *потребительной стоимости рабочей силы*, присущей исключительно последней и т. д., что, стало быть, у меня потребительная стоимость играет важную роль совершенно иначе, чем в прежней политической экономии, но — и это надо заметить — она принимается во внимание всегда лишь там, где такое исследование вытекает из анализа данных экономических образований, а не из умствований по поводу понятий или слов «потребительная стоимость» и «стоимость».

Поэтому при анализе товара, даже когда речь идет о его «потребительной стоимости», мы не даем тут же определения «капитала»,

которое было бы чистою нелепостью, пока мы еще остаемся при анализе элементов товара.

Но чем г. Вагнер недоволен (шокирован) в моем изложении, так это тем, что я не доставляю ему удовольствия и не следую отечественно-немецкому профессорскому «стремлению» к смешению потребительной стоимости со стоимостью. Германское общество — правда, с большим запозданием — все более и более приходит от феодального натурального хозяйства или, по меньшей мере, от преобладания такового к хозяйству капиталистическому, но профессора все еще одною ногою стоят в старом навозе, что вполне естественно. Из крепостных землевладельца они превратились в крепостных государства, попросту — правительства. Поэтому и наш темный муж, который даже не заметил, что мой *аналитический метод*, исходящий не из человека, а из экономически-данного общественного периода, не имеет ничего общего с немецко-профессорским методом соединения понятий («словами диспуты ведутся, из слов системы создаются»), пишет: «В согласии с взглядами *Родбэртуса* и *Шеффле* я выдвигаю на первое место характер *потребительной стоимости*, который имеет *всякая стоимость*, и тем более подчеркиваю оценку потребительной стоимости, что оценка меновой стоимости ко многим из важнейших хозяйственных благ просто даже неприменима [что-то заставляет его применять? Стало быть, как служитель государства он чувствует себя обязанным смешивать потребительную стоимость со стоимостью!], например к *государству и его функциям*, также к другим отношениям публичного хозяйства» (стр. 49, прим.). [Это напоминает старых химиков до появления научной химии: на том основании, что коровье масло, называемое в обыденной жизни (по северному обычаю) просто маслом, отличается мягкостью, они называли масляными кислотами *хлористые соединения*, *безводный хлористый цинк*, *сурьмяное соединение*; следовательно, выражаясь словами темного мужа, они твердо верили в *маслянистый* характер всех хлористых, цинковых и сурьмяных соединений.] Эта болтовня сводится к следующему. Так как известные блага, в особенности *государство* [благо!] и его «услуги» [особенно услуги его профессоров политической экономии], не «товары», то содержащиеся в самих «товарах» противоположные особенности [которые к тому же *ясно* выступают в *товарной форме* продукта труда] должны быть смешаны друг с другом! Вообще Вагнер и К' вряд ли могли бы доказать, что для них более выгодно, чтобы их «услуги» оценивались по их «потребительной стоимости», по их вещному «содержанию», нежели чтобы они «оценивались» по их «содержанию»

(соответственно «социальной таксе», как выражается Вагнер), т. е. по их оплате.

[Единственное, что явно лежит в основе всей этой немецкой чепухи, заключается в том, что слова: «стоимость» (*Wert*) или *значение* (*Würde*) применялись первоначально к самим полезным вещам, которые существовали, даже в качестве «продуктов труда», задолго до того, как они сделались товарами. Но с научным определением товарной «стоимости» это имеет так же мало общего, как то обстоятельство, что слово соль применялось у древних народов первоначально для поваренной соли, а впоследствии, со времени Плиния, сахар и т. п. тела фигурировали как *разновидности соли* [фактически все бесцветные твердые тела, растворимые в воде и обладающие специфическим вкусом], не означает, что химическая категория «соль» включает в себя сахар и т. п.]

Так как товар покупается покупателем не потому, что он имеет стоимость, а потому, что он есть «потребительная стоимость» и употребляется для определенных целей, то само собою разумеется: 1) что потребительные стоимости «цениваются», т. е. исследуется их *качество* (точно так же, как *количество* их измеряется, взвешивается и т. п.); 2) что когда различные сорта товаров могут заменить друг друга для тех же целей потребления, тому или иному сорту отдается предпочтение и т. п.

[В готском языке имеется только одно слово для *стоимости* (*Wert*) и *значения* (*Würde*) — слово *vairths*, *τιρή*, *τιράω*, *оценивать*, т. е. примерять; определять *цену* или *стоимость*, *таксировать*; в *метафорическом* смысле: *уважать*, *ценить*, *почитать*, *выделять*. *Τιρή* — *оценка*, *отсюда*: определение *стоимости* или *цены*, *оценка*, *расценка*. Далее: *оценка стоимости*, также *сама стоимость* или *цена* (у Геродота, Платона), у Демосфена *αι τιραι* в смысле *издержек*. Далее: *высокая оценка*, *честь*, *уважение*, *почетное место*, *почетная должность*. См. *Греческо-немецкий словарь Поста*.]

Стоимость, *цена* (по словарю Шульце) в готском языке: *vairths*, прилагательное, *ἀξιός*, *ἰκανός*. В древнем северо-немецком языке: *verdhr* — *достойный*, *verdhr*, *стоимость*, *цена*; в англо-саксонском языке: *veordh*, *myndh*; в английском языке *worth*, прилагательное; как существительное оно обозначает *стоимость* и *значение*.

В средне-немецком языке: *wert*, родительный — *werdes*; прилагательное (*dignus*), а также *pfennigwert*; *wert*, родительный — *werdes*, *стоимость*, *значение*, *великолепие*; *aestimatio*, *товар определенной стоимости*, например *pfenwert*, *pennyworth*; *werde*: *meritum*, *aestimatio*, *dignitas*, *ценное качество* (*Zieman*n, *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*).

Стало быть, *стоимость* и *значение* и по этимологическому происхождению, и по смыслу тесно друг с другом связаны. Это обстоятельство затемняется благодаря тому, что в новом немецком языке стало обычным *неорганическое* (ложное) образование *флексий* от слова Wert (стоимость): Werth, *Werthes* вместо *Werdes*, так как готскому th соответствует верхне-немецкое d, а не *th = t*, и то же самое наблюдается в средне-немецком языке (*wert*, родительный *werdes*). По правилам средне-верхне-немецкого языка d в конце слова должно было бы превратиться в t, т. е. *wert* вместо *werd*, но родительный падеж *werdes*.

Все это, однако, имеет так же мало общего с экономической категорией «стоимость», как и с *химической валентностью химических элементов* (атомистика) или с химическими эквивалентами или равноценностями (весовые соотношения соединений химических элементов).

Далее следует заметить, — даже с точки зрения этих словесных отношений, — что если из первоначальной идентичности *значения* (*Würde*) и *стоимости* (*Wert*) вытекало само собой, как из природы вещей, что это слово относилось к вещам, продуктам труда в их натуральной форме, то впоследствии оно в неизменном виде было прямо перенесено на цены, т. е. на стоимость в ее развитой форме, т. е. на меновую стоимость, что столь же мало имеет общего с существом дела, как то обстоятельство, что то же слово продолжало употребляться для значения вообще, для почетной должности и т. д. Стало быть, здесь в языковом отношении нет никакого различия между потребительной стоимостью и стоимостью.

Перейдем теперь к свидетелю, на которого ссылается наш темный муж, к Родбертусу [статью которого можно найти в «*Tübinger Zeitschrift*»]. Наш темный муж цитирует из Родбертуса следующее:

На стр. 48 текста: «Имеется лишь один вид стоимости, и это — потребительная стоимость. Последняя есть либо *индивидуальная* потребительная стоимость, либо *социальная* потребительная стоимость. Первая противостоит индивиду и его потребностям без всякого отношения к какой-нибудь социальной организации [это уже нелепость (ср. «Капитал», стр. 171), где сказано, что *процесс труда*, как целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей и т. д., «*одинаково общ всем общественным формам*» (человеческой жизни) и «*независим от каждой из них*»]. [Во-первых, индивиду противостоит не слово «потребительная стоимость», а *конкретные потребительные стоимости*, а *какие именно* из них ему «противостоят» (у этих людей все «стоит»; все связано с «состоянием»), — это

целиком зависит от степени общественного процесса производства и, следовательно, соответствует также «какой-нибудь социальной организации». Если же Родбертус хочет сказать лишь ту тривиальность, что потребительная стоимость, которая действительно противостоит какому-нибудь индивиду как предмет потребления, противостоит ему как индивидуальная потребительная стоимость для него, то это или тривиальная тавтология, или ложное положение, так как, если не говорить о таких вещах, как рис, маис и пшеница или мясо (которое какому-нибудь индусу не противостоит как предмет питания), — потребность индивида в титуле профессора или тайного советника или в каком-нибудь ордене возможна только в совершенно определенной «социальной организации». Вторая потребительная стоимость есть *потребительная стоимость*, принадлежащая *социальному* организму, составленному из множества индивидуальных организмов (или индивидов)» (стр. 48, текст). Прекрасный немецкий язык! Идет ли здесь речь о «потребительной стоимости» «социального организма», или о потребительной стоимости, находящейся во владении «социального организма» [как, например, земля в первобытных общинах], или об определенной «социальной» форме потребительной стоимости в каком-нибудь *социальном организме*, как например там, где господствует товарное производство, — потребительная стоимость, доставляемая производителем, должна быть «потребительною стоимостью для других» и в этом смысле «общественною потребительною стоимостью»? С таким пустым багажом ничего не добьешься.

Перейдем к другому положению вагнеровского Фауста: «Меновая стоимость есть лишь историческая оболочка и приложение социальной потребительной стоимости определенного исторического периода. Если потребительной стоимости противопоставляют, как *логическую противоположность*, *меновую стоимость*, то историческое понятие ставят в логическую противоположность к логическому понятию, что логически недопустимо» (стр. 48, прим. 4). «Это» — торжествует там же Вагнер, — «вполне верно!» Но кто же поступает таким образом? Нет сомнения, что Родбертус имеет в виду меня, так как, по словам его биографа Р. Мейера, он написал большую, толстую рукопись против «Капитала». Кто же ставит в логическую противоположность? Г-н Родбертус, для которого и «потребительная стоимость», и «меновая стоимость» обе по природе своей суть лишь «понятия». На деле в любом преysкуранте каждый отдельный вид товара продельывает этот нелогический процесс, а именно в качестве *блага* или *потребительной стоимости*, как хлопок, пряжа,

железо, зерно и т. п., он отличается от других и представляет качественно совершенно отличное от других «благо», но одновременно он выражает свою *цену* как нечто качественно однородное, но количественно отличное, *одной и той же сущности*. Он представляется в своей натуральной форме для того, кто им пользуется, и в совершенно отличной от нее и «общей» ему с другими товарами *стоимостной форме*, т. е. как *меновая стоимость*. «Логическая» противоположность имеется здесь лишь у Родбертуса и родственных ему немецких школьных профессоров, которые исходят из «понятия» стоимости, а не из «социальной вещи», «товара», и само это понятие потом раздваивают (раскалывают), а затем спорят о том, какое из этих обоих фантастических представлений есть истина!

За этими высокопарными фразами скрывается во тьме не что иное, как бессмертное открытие, что человек при всех состояниях должен есть, пить и т. д. [нельзя даже просто продолжить и сказать: одеваться или иметь нож и вилку, кровать и жилище, так как это имеет место *не при всех состояниях*]; словом, что он при всех состояниях должен для удовлетворения своих потребностей находить в природе готовые внешние предметы и овладевать ими или изготовлять из того, что он находит в природе; стало быть, в этих своих действительных действиях человек фактически относится всегда к известным внешним вещам как к «потребительным стоимостям», т. е. обращается с ними как с предметами своего потребления. Поэтому потребительная стоимость есть, по мнению Родбертуса, «логическое» понятие; следовательно, на том основании, что человек должен также дышать, «дыхание» есть «логическое» понятие, но ни в коем случае не «физиологическое». Вся поверхностность Родбертуса выступает в этой противоположности «логического» и «исторического» понятия! Он вспоминает «стоимость» (экономическую, в противоположность потребительной стоимости товара) лишь в ее форме проявления, в виде *менной стоимости*, а так как последняя выступает лишь там, где по меньшей мере некоторая часть продуктов труда, предметов потребления, функционирует в виде «*товаров*», что имеет место не с самого начала, а лишь в известный период общественного развития, т. е. на известной ступени исторического развития, то *меновая стоимость* есть «историческое» понятие. Если бы Родбертус, — ниже я скажу, почему он этого не сделал, — анализировал дальше меновую стоимость товаров, — ибо последняя существует лишь там, где имеются *товары* во множественном числе, различные сорта товаров, — он нашел бы за этою формою проявления «стоимость». Если бы он далее исследовал стоимость, то он

нашел бы, что здесь вещь, «потребительная стоимость», фигурирует как простое *овеществление* человеческого труда, как *затрата равной человеческой рабочей силы*, и потому это содержание представляется как *предметный* характер вещи, присущий *ей самой* как вещи, хотя эта предметность *не* проявляется в ее натуральной форме [что как раз вызывает необходимость в особой *форме стоимости*]. Он, следовательно, нашел бы, что «стоимость» товара лишь выражает в исторически развитой форме то, что существует также, хотя и *в другой форме*, во всех других исторических общественных формах, а именно *общественный характер труда*, поскольку последний существует как *затрата общественной рабочей силы*. Если, таким образом, «стоимость» товара есть лишь определенная историческая форма чего-то существующего во всех общественных формах, то это же относится к «общественной потребительной стоимости», поскольку она характеризует «потребительную стоимость» товара. Г-н Родбертус взял меру величины стоимости у Рикардо; но так же мало, как Рикардо, он исследовал или понял самую субстанцию стоимости; например, «совместный характер» первобытной общины как совокупного организма связанных между собою рабочих сил и, следовательно, *их труда*, т. е. затраты этих сил.

Дальнейшее о нелепостях Вагнера на эту тему излишне.

Мера величины стоимости. Здесь г. Вагнер меня принимает, но находит, к своему сожалению, что я «*элиминировал*» «*труд по образованию капитала*» (стр. 58, прим. 7).

«В обороте, регулируемом общественными органами, определение *таксированной стоимости* или *таксированных цен* должно сообразоваться с этим *моментом издержек* [так называет он затраченное в производстве и т. д. количество труда], как это в принципе имело место в прежних административных и цеховых таксах и как необходимо опять будет иметь место при любой *новой системе такс* [подразумевается социалистическая система такс]. Но в свободном обороте *издержки* — *не единственная* основа определения меновых стоимостей и цен и не могут служить таковою ни при каком *мыслимом социальном*¹ *строе*. Ибо, независимо от издержек, должны наступить² *колебания потребительной стоимости и потребностей*, влияние которых на меновую стоимость и на цены (договорные и таксированные цены) видоизменяет и должно видоизменять *влияние издержек* и т. д. (стр. 58, 59). «Эта [именно эта] остроумная поправка к анализу социалистической теории

¹ У Вагнера: общественном. *Ред.*

² У Вагнера: иметь место. *Ред.*

стоимости... составляет заслугу (!) *Шеффле*, который пишет в «*Sozialer Körgere*», III, стр. 278: «При любом влиянии общества на потребности и производство нельзя обойтись без того, чтобы *все потребности* каждый раз оставались в равновесии с производством. Но если это так, *социальные показатели издержек не могут одновременно служить пропорциональными социальными показателями потребительной стоимости*» (стр. 59, прим. 9). Что все это сводится лишь к тривиальному положению о повышении и падении *рыночных цен* выше или ниже стоимости и к предположению, что в «социалистическом государстве Маркса» *имеет* силу его теория стоимости, развитая для *буржуазного* общества, — показывает фраза Вагнера: «Они (цены) временно будут отклоняться более или менее от них [от издержек], они будут повышаться для благ, потребительная стоимость которых поднялась, и падать для благ, потребительная стоимость которых уменьшилась. *Лишь для длительного периода времени издержки могут оказать свое действие в качестве решающего регулятора*» и т. д. (стр. 59).

Право.

Для характеристики фантастических представлений нашего темного мужа о творческом влиянии *права* на хозяйство достаточно одной фразы, хотя заключающуюся в ней абсурдную точку зрения он пространно излагает во многих местах: «Единичное хозяйство имеет во главе в качестве органа его технической и экономической деятельности... какую-нибудь *личность* в качестве правового и хозяйствующего субъекта. Оно не есть чисто хозяйственное явление, но зависит вместе с тем от характера *права*. Ибо последнее решает, кто признается личностью и, следовательно, может стоять во главе какого-нибудь хозяйства и т. д.» (стр. 65).

Пути сообщения и транспортное дело (стр. 75—76 и 80, прим.).

На стр. 82 «*место, где объясняется смена в (натуральных) составных частях массы благ*» [какого-нибудь хозяйства, иначе называемая Вагнером «*смена благ*», у Шеффле «*социальный обмен веществ*»] [это по меньшей мере один случай последнего: я употребил это название также при «натуральном» процессе производства в смысле обмена веществ между человеком и природою]; *заимствовано* у меня, где обмен веществ выступает впервые в анализе $T-D-T$, а в дальнейшем перерывы в смене форм обозначаются так же, как перерывы в обмене веществ.

То, что Вагнер говорит далее о «*внутреннем обмене*» благ, находящихся в какой-либо отрасли производства (у него в каком-либо «единичном хозяйстве»), частью в применении к их «потреби-

тельной стоимости», частью в применении к их «стоимости», — также изложено у меня при анализе первой фазы $T-D-T$, а именно $T-D$ (пример с ткачом холста, «Капитал», стр. 85, 86, 87), где в заключение говорится: «Наши товаровладельцы открывают поэтому, что то самое разделение труда, которое делает их самих независимыми частными производителями, делает в то же время независимыми от них самих процесс общественного производства и их отношения в этом процессе, так что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости» («Капитал», стр. 87).

Договоры для приобретения благ путем обмена.

Здесь наш темный муж ставит все на голову. У него существует сначала право, а потом оборот; в действительности же дело происходит наоборот: сперва появляется *оборот*, и лишь потом из него развивается правовой порядок. При анализе товарного обращения я показал, что уже при неразвитой меновой торговле обменивающиеся лица молчаливо признают друг друга равными личностями и собственниками обмениваемых ими благ; они *делают* это уже тогда, когда они предлагают друг другу свои блага и совершают друг с другом сделку. Это *фактическое* отношение, возникающее лишь благодаря самому обмену и в обмене, получает позднее правовую форму в виде договора и т. д.; но эта форма не создает ни своего содержания, обмена, ни *существующих* в ней *отношений лиц друг к другу*, а наоборот. В противоположность этому Вагнер пишет:

«*Это приобретение [благ путем оборота] необходимо предполагает определенный правовой порядок, на основе которого (!) совершается оборот*» и т. д. (стр. 84).

Кредит.

Вместо того, чтобы дать развитие денег как *платежного средства*, Вагнер немедленно превращает процесс обращения, — поскольку он совершается в такой форме, что оба эквивалента в $T-D$ не противостоят друг другу одновременно, — *в кредитную сделку* (стр. 85 и сл.), причем «присоединяет», что она часто связана с уплатой «процентов»; это служит также для того, чтобы выставить в качестве базиса «кредита» «оказание доверия» и тем самым «доверие».

О «юридическом понимании *имуществва*» у *Пухты* и др., согласно которым к последнему принадлежат также *долги* в качестве *отрицательной составной части* (стр. 85, прим. 6).

«*Кредит*» есть или «*потребительный кредит*», или «*производительный кредит*» (стр. 86). Первый преобладает на низших ступенях культуры, последний на «высших».

О *причинах задолженности* [причины пауперизма: колебания

урожаев, военная служба, конкуренция рабов] в древнем Риме см. *Иеринг. Дух римского права, 3-е изд., стр. 234, т. II.*

По мнению г. Вагнера, на «низшей ступени» потребительный кредит господствует среди «низших угнетенных» классов и «высших расточительных». А на деле: в Англии и Америке «потребительный кредит» стал общераспространенным с образованием системы депозитных банков! «В особенности производительный кредит обнаруживает себя... в качестве экономического фактора в народном хозяйстве, основанном на частной собственности на землю и движимые капиталы и допускающем свободную конкуренцию. Он связан с имущественным владением, а не с имуществом как чисто экономической категорией», и поэтому есть лишь «исторически-правовая категория» (!) (стр. 87).

Зависимость единичного хозяйства и имущества от воздействия внешнего мира, особенно от влияния конъюнктуры народного хозяйства.

1) *Изменения в потребительной стоимости:* они улучшаются в некоторых случаях благодаря течению времени как условию известных процессов природы (вино, сигары, скрипки и т. д.). «В большинстве случаев ухудшаются... разлагаются... на свои вещественные составные части, случайности всякого рода». Этому соответствуют «изменения» меновой стоимости в том же направлении, «повышение стоимости» или «понижение стоимости» (стр. 95, 97). См. о договорах найма жилищ в Берлине (стр. 97, прим. 2).

2) *Изменения в человеческом знании свойств благ:* благодаря этому «имущество возрастает» в положительном случае. [Применение каменного угля к плавлению железеза в Англии около 1620 г., когда уменьшение лесов уже угрожало дальнейшему существованию железоделательного производства; химические открытия, например иода (использование иодосодержащих соляных источников). Фосфориты как удобрение. Антрацит как топливо. Материалы для газового освещения, для фотографии. Открытие красящих и лечебных веществ. Гуттаперча. Каучук. Растительная слоковая кость (из *Phyteleptas macosarpa*). Креозот. Парафиновые свечи. Употребление асфальта, сосновой хвои (сосновая шерсть), газов в доменных печах, каменноугольной смолы для приготовления анилина. Шерстяное тряпье, опилки и т. д., и т. д.] В отрицательном случае уменьшение полезности, а тем самым и стоимости (например, открытие трихины в свинине, ядовитых веществ в красках, растениях и т. д.) (стр. 97, 98). Открытие ископаемых и новых способов их употребления умножает имущество землевладельца (стр. 98).

3) Конъюнктура.

Влияние *всех* внешних «условий», «существенно влияющих на производство благ для оборота, на спрос и сбыт» их, и тем самым и на их «меновую стоимость», а также на меновую стоимость «отдельного уже готового блага... совершенно или почти независимо» от «хозяйствующего субъекта» «или собственника» (стр. 98). Конъюнктура становится «решающим фактором» в «системе свободной конкуренции» (стр. 98). Один посредством «принципа частной собственности» выигрывает при этом «то, чего он не заслужил», а другой терпит «ущерб», «экономически незаслуженные убытки».

О спекуляции (стр. 101, прим. 10. Цена на жилища, стр. 102, прим. 11). Угольная и железодобывающая промышленность (стр. 102, прим. 12). Многочисленные изменения в технике понижают стоимость промышленных продуктов как средств производства (стр. 102, прим. 10).

В «народном хозяйстве с прогрессирующим народонаселением и благосостоянием преобладают... благоприятные шансы, — хотя и с случайными временными и местными отступлениями и колебаниями, — для землевладения, особенно для городского (в больших городах)» (стр. 102).

«Таким образом, конъюнктура особенно благоприятствует землевладельцу» (стр. 103). «Эти прибыли, как и большинство других, связанных с конъюнктурой..., суть чистые спекулятивные прибыли, которым соответствуют «спекулятивные убытки»» (стр. 103). То же самое о «хлебной торговле» (стр. 103, прим. 15).

Таким образом, необходимо «открыто признать..., что хозяйственное положение отдельного лица или семьи» «в сущности есть результат конъюнктуры», и это неизбежно «ослабляет значение личной хозяйственной ответственности» (стр. 105). Поэтому «если современная организация народного хозяйства и ее правовой базис (!), частная собственность на землю и капитал и т. д., признаются строем, в основном не подлежащим изменению», то не существует, после долгой болтовни, — никаких средств «для устранения... причин» [т. е. вытекающих из конъюнктуры бедствий, каковы заминки в сбыте, кризисы, увольнения рабочих, сокращение заработной платы и т. д.], а поэтому и «самого этого зла»; «симптомы» же или «следствия зла» г. Вагнер считает возможным устранить, например, путем «налогов» на «конъюнктурные прибыли», путем «рациональной... системы страхования» против «экономически незаслуженных» «убытков», являющихся продуктом конъюнктуры (стр. 105).

Это, — говорит темный муж, — получается, если современный

способ производства с его «правовым базисом» считают «не подлежащим изменению»; но исследование его, отличающееся большей глубиной, чем социалистическое учение, проникнет в самую «суть вещей». Сейчас увидим, каким именно образом?

Отдельные главные моменты, образующие конъюнктуру.

1) *Колебания урожаев основных средств питания под влиянием погоды и политических условий, например нарушений в обработке земли под влиянием войн.* Влияние этого на производителей и потребителей, стр. 106. О *хлебных торговцах* см. Tooke. History of Prices [Тук. История цен]; о *Греции* — Böck. Staatshaushalt der Athenen [Бек. Государственное хозяйство афинян], 1, § 15; о *Риме* — Jehring. Geist [Иеринг. Дух], стр. 238. *Повышение смертности среди низших классов населения* в наши дни при каждом *небольшом* повышении цен «бесспорно доказывает, что для массы рабочего класса средняя заработная плата мало превышает абсолютно необходимую для жизни сумму» (стр. 106, прим. 19). *Улучшения в средствах сообщения* [являющиеся «одновременно», как мы читаем в примечании 20, «важнейшей предпосылкой спекулятивной хлебной торговли, выравнивающей цены»], *изменившиеся методы обработки земли* [«плодопеременная система» посредством разведения различных продуктов, на которые перемены погоды оказывают не одинаковое благоприятное или неблагоприятное действие»]; отсюда «меньшие колебания хлебных цен в пределах коротких промежутков времени» в сравнении «со средними и древними веками». Но и теперь еще колебания очень большие (см. прим. 22, стр. 107, там же).

2) *Изменения в технике. Новые методы производства.* Бессемеровская сталь вместо железа и т. д., стр. 107 (и к этому прим. 23). *Введение машин вместо ручного труда.*

3) *Изменения в средствах сообщения и транспорта, влияющие на пространственное движение людей и вещей; это влияет... на стоимость земли и предметов, отличающихся низкой относительной стоимостью;* целые отрасли производства вынуждаются сделать трудный переход к другим методам производства (стр. 107). [к этому прим. 24, там же. *Повышение стоимости земли поблизости от хороших средств сообщения* благодаря лучшему сбыту добываемых здесь продуктов: *облегчение скопления населения в городах, отсюда колоссальное повышение стоимости земли в городах* и ближайших к ним местах. *Облегчение вывоза хлеба* и другого сельскохозяйственного и лесного сырья и горных продуктов из местностей с доселе дешевыми ценами в местности с высокими ценами; отсюда ухудшение хозяйственного положения слоев населения со стабильным доходом в первых мест-

ностях и, напротив, улучшение положения производителей и особенно землевладельцев там же. В обратном направлении влияет облегчение ввоза хлеба и других материалов, обладающих низкой относительной стоимостью. Оно выгодно потребителям и невыгодно производителям во ввозящей стране. Необходимость перейти к другим производствам, от земледелия к животноводству, например в Англии начиная с 1840-х гг. или недавно в Германии в результате конкуренции дешевого западно-европейского хлеба; для *германских сельских хозяев* это затруднительно (в настоящее время), во-первых, из-за *климата*, а затем из-за *недавнего сильного повышения заработной платы*, которое сельские хозяева не могут с такою же легкостью, как промышленники, переложить на продукты и т. д.]

4) *Изменения во вкусах, моде* и т. д., часто быстро совершающиеся в короткое время.

5) *Политические перемены* в национальной и международной сфере обмена (война, революция и т. д.), поскольку при усиливающемся разделении труда, развитии международного и т. д. обмена все более *важное* значение приобретает *доверие или недоверие*. Воздействие кредитного фактора, колоссальные размеры современных войн и т. д. (стр. 108).

6) *Изменения в аграрной, промышленной и торговой политике* (пример: реформа британских хлебных законов).

7) *Изменения в пространственном размещении и общем экономическом положении целых групп населения*, например переселения из сельских местностей в города (стр. 108, 109).

8) *Перемены в социальном и экономическом положении отдельных слоев населения*, например благодаря обеспечению свободы коалиции и т. д. (стр. 109). [*Французские 5 миллиардов*, прим. 29, там же.]

Издержки в единичном хозяйстве. Под «трудом», производящим «стоимость», к которому сводятся все издержки, следует понимать также «труд» в правильном *широком* смысле слова, охватывающем *всякую* человеческую целесознательную деятельность, необходимую для добывания дохода», следовательно также в особенности *духовный труд* руководителя и деятельность, благодаря которой капитал образуется и применяется — «поэтому» и *«прибыль на капитал»*, оплачивающая эту деятельность, относится к «конstitutивным элементам издержек». «Этот взгляд противоречит социалистической теории стоимости и издержек и критике, направленной против капитала» (стр. 111).

Темный муж подсовывает мне утверждение, будто *«прибавочная стоимость»*, производимая *только* рабочими, *неправильно*

поступает к капиталистическим предпринимателям» (прим. 3, стр. 114). Я же утверждаю прямо противоположное, а именно, что товарное производство на известном пункте неизбежно становится «капиталистическим» товарным производством и что, согласно господствующему в нем закону стоимости, «прибавочная стоимость» причитается капиталисту, а не рабочему. Вместо того, чтобы пускаться в подобную софистику, можно раскрыть катедер-социалистический характер нашего темного мужа в следующей банальности: «безусловные противники социалистов» игнорируют многочисленные случаи *эксплоатации*, когда чистый доход распределяется *неправильно (!)* и *издержки производства в отдельных предприятиях* чрезмерно сокращаются к ущербу для рабочего (подчас и для ссудных капиталистов) и к выгоде для работодателей» (там же).

Народный доход в Англии и во Франции (стр. 120 χ — ϕ).

Годичный валовой доход нации:

1) Совокупность *вновь* произведенных в течение года благ. *Туземное сырье* должно быть включено полностью на всю сумму своей стоимости; *изделия, изготовленные из туземного и иностранного сырья*, считаются [во избежание двойного счета сырья] на сумму *повышения стоимости, достигнутого при помощи промышленного труда*; обращающиеся в торговле и транспорте сырье и *фабрикаты* считаются на сумму вызванного этим *повышения стоимости*.

2) *Ввоз денег и товаров из-за границы* в качестве процента на *долговые требования* данной страны, основанные на *кредитных сделках* или на *вложениях капиталов* за границею подданными данного государства.

3) *Фрахтовые прибыли судоходства* данной страны от *внешней и транзитной торговли*, реально оплаченные ввозом *иностраннх благ*.

4) *Наличные деньги или товары, переведенные из-за границы* в данную страну для *пребывающих в ней иностранцев*.

5) *Ввоз имущества без соответствующего возмещения*, например при *длительной уплате налогов* другою страню данной стране, при *регулярной иммиграции и регулярном ввозе имущества иммигрантов*.

6) *Избыток стоимости ввозимых в международную торговлю товаров и денег* [но отсюда вычесть указанные в п. 2 над суммою *вывоза за границу*].

7) *Стоимость пользования, доставляемых имуществом, предназначенным для пользования* (например, жилыми домами и т. д.) (стр. 121, 122).

При *чистом доходе* следует исключить, между прочим, *вывоз благ для оплаты фрахтов иностранному судоходству* (стр. 123).

[Дело не так просто: *цена производства (внутренняя) + фрахт = = продажной цене*. Если страна вывозит свои собственные товары на собственных судах, то за граница оплачивает фрахтовые издержки; если существующая здесь рыночная цена и т. д.].

«Наряду с длительными налогами следует назвать регулярные платежи *иностранному подданному за границу* (подкупы, например, уплачивавшиеся персами грекам, *вознаграждение иностранному ученому при Людовике XVI, динарий св. Петра*)» (стр. 123, прим. 9).

Почему не *субсидии*, регулярно получавшиеся германскими князьями от Франции и Англии?

См. наивные виды *доходов частных лиц*, заключающиеся в «услугах государства и церкви» (стр. 125, прим. 14).

Оценка стоимости с точки зрения отдельного лица и народного хозяйства.

Разрушение одной части товарного запаса, с целью дороже продать остаток, Курно (Cournot, «*Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses*», 1838) [Курно. «Исследования математических принципов теории богатств»] называет «истинным созданием богатств в коммерческом смысле этого слова» (стр. 127, прим. 3).

Об уменьшении потребительских *запасов частных лиц* или, как называет их Вагнер, «*капитала, предназначенного для пользования*», — в современный культурный период, в частности в Берлине, ср. стр. 128, прим. 5, и стр. 129, прим. 8 и 10; в *производственных предприятиях* имеется слишком мало денег или собственного оборотного капитала, стр. 130 и там же прим. 11.

Относительно большее значение внешней торговли в настоящее время, стр. 131, прим. 13 и стр. 132, прим. 3.

СОЦИАЛИЗМ Г-НА БИСМАРКА.

I. ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФ.

В прениях по поводу знаменитого закона, поставившего вне закона немецких социалистов, г. Бисмарк заявил, что для того, чтобы раздавить социализм, недостаточно одних репрессий, что сверх того необходимы мероприятия для исправления бесспорных социальных неурядиц, для обеспечения постоянства труда, для предотвращения промышленных кризисов и мало ли для чего еще. Он обещал внести предложение об этих «положительных» мерах общественного спасения. Ибо, говорил он, когда человек, подобно мне, руководил делами своей страны в течение семнадцати лет, он имеет право считать себя компетентным судьей в вопросах политической экономии. Это похоже на то, как если бы кто-нибудь сказал, что достаточно питаться в течение семнадцати лет картофелем, чтобы быть знатоком агрономии.

Во всяком случае, на этот раз г. Бисмарк сдержал слово. Он наградил Германию двумя крупными «социальными мероприятиями», и это еще не все.

Первое мероприятие состояло в таможенном тарифе, который должен был обеспечить германской промышленности монопольную эксплуатацию внутреннего рынка.

До 1848 г. в Германии не было, собственно говоря, крупной промышленности. Преобладал ручной труд; пар, машины встречались лишь в виде исключения. Потерпев в 1848 и 1849 гг. благодаря своей трусости позорное поражение на политической арене, немецкая буржуазия утешилась тем, что с пылом бросилась в крупную промышленность. Страна быстро преобразилась. Кто с 1849 г. не видал рейнской Пруссии, Вестфалии, королевской Саксонии, горной Силезии, Берлина, приморских городов, тот в 1864 г. уже не узнавал их. Повсюду вторглись пар и машины. Огромные заводы большей частью заняли место мелких мастерских. Паровые суда мало-по-малу вытесняли парусные суда, сперва в прибрежном судоходстве, а затем в трансатлантической торговле. Множилось число железных

дорог; на судостроительных верфях, в каменноугольных копях, в железных рудниках — везде царила такая активность, на которую тяжелые на подъем немцы раньше сами считали себя неспособными. По сравнению с развитием крупной промышленности в Англии и даже во Франции, все это было еще не особенно значительно; но начало было, наконец, положено. И притом все это происходило без всякой помощи со стороны правительств, без субсидий или экспортных премий, и при таможенном тарифе, который по сравнению с тарифами других континентальных стран мог вполне сойти за фритредерский.

Отметим попутно, что это промышленное движение не обошлось без тех же социальных последствий, какие оно вызвало повсюду. Немецкие промышленные рабочие прозябали до тех пор в условиях, которые сохранились еще со времен средних веков. Вообще говоря, у них оставались еще некоторые шансы мало-по-малу превратиться в мелких буржуа, в самостоятельных мастеров, во владельцев нескольких ручных ткацких станков и т. д. Теперь все это исчезало. Рабочие, становясь наемными рабочими крупных капиталистов, начинали составлять постоянный класс, подлинный пролетариат. Но кто говорит — пролетариат, говорит — социализм. К тому же сохранились еще остатки свобод, которые рабочие завоевали в 1848 г. на баррикадах. Благодаря этим двум обстоятельствам немецкий социализм, который до 1848 г. должен был ограничиваться тайной пропагандой и подпольной организацией, члены которой насчитывались единицами, мог теперь проявить себя открыто и проникнуть в массы. И вот, с 1863 г. Лассалем возобновляется социалистическая агитация.

Наступает война 1870 г., мир 1871 г. и миллиарды. Если Франция отнюдь не разорилась, уплатив их, то Германия оказалась на волоске от гибели, получив их. Щедрой рукой правительства выскочек разбрасываемые по империи, которая сама была выскочкой, миллиарды попали в руки крупных финансистов, которые поспешили извлечь из них выгоду на бирже. В Берлине возродились лучшие дни банка *Crédit mobilier*. Это была горячка организации акционерных или командитных обществ, банков, учреждений поземельного кредита и кредита под движимое имущество, компаний для постройки железных дорог, всякого рода заводов, судостроительных верфей, компаний, спекулирующих землями и постройками, и других предприятий, для которых внешняя форма промышленных предприятий была на деле только предлогом для самого бесстыдного ажиотажа. Так называемая общественная потребность в торговле, путях

сообщения, средствах потребления и т. д. служила только прикрытием для испытываемой биржевыми хищниками безудержной потребности пустить в оборот миллиарды, пока они были под рукою. Впрочем, Париж уже видел все это в славные дни Перейров и Фульдов; это были те же биржевые игроки, возродившиеся в Берлине под именами Блейхредеров и Ганземанов.

То, что произошло в Париже в 1867 г., то, что часто происходило в Лондоне и в Нью-Йорке, не замедлило произойти в Берлине в 1873 г.: непомерная спекуляция закончилась всеобщим крахом. Компании банкротились сотнями. Акции тех компаний, которые держались, невозможно было продать. Разгром был полный по всей линии. Для того, чтобы иметь возможность спекулировать, необходимо было создавать средства производства и сообщения, заводы, железные дороги и т. д., акции которых служили предметом спекуляции. В момент же крушения оказалось, что далеко превзойдены пределы той общественной потребности, которая служила предлогом для этого; что за четыре года было создано больше железных дорог, заводов, копей и т. д., чем было бы создано при нормальном развитии промышленности за четверть века.

Вслед за железными дорогами, о которых еще будет речь дальше, спекуляция устремилась главным образом в железоделательную промышленность. Заводы вырастали, как грибы; было даже основано несколько предприятий, которые затмили собою Кресо. К несчастью, в момент кризиса оказалось, что нет потребителей для этого гигантского производства. Большие промышленные компании оказались на грани банкротства. Будучи добрыми немецкими патриотами, их директора обратились за помощью к правительству; они просили ввести покровительственные ввозные пошлины, которые обеспечили бы им эксплуатацию внутреннего рынка против конкуренции английского железа. Но если требовали покровительственных пошлин на железо, то не было оснований отказывать в них и другим отраслям промышленности, а также и земледелию. Таким образом, во всей Германии была организована шумная агитация в пользу таможенного протекционизма, агитация, давшая возможность Бисмарку ввести таможенный тариф, который должен был выполнить эту задачу. Этот тариф, получивший силу закона летом 1879 г., действует в настоящее время.

Но германская промышленность, какова бы она ни была, всегда развивалась на просторе свободной конкуренции. Возникши позднее промышленности Англии и Франции, она вынуждена была ограничиться заполнением тех небольших пробелов, которые оставили

для нее ее предшественники: доставкой в больших количествах товаров, слишком мелких для англичан, слишком грубых для французов; фабрикацией в небольших количествах постоянно меняющихся продуктов, *дешевых товаров дешевого качества*. Пусть не думают, что это только наше мнение; это подлинные выражения официального суждения о германских продуктах, выставленных в Филадельфии (1876 г.), суждения, высказанного официальным комиссаром германского правительства, г. Рело, человеком с европейской научной репутацией.

Подобная промышленность может удержаться на нейтральных рынках лишь до тех пор, пока на ее родине господствует свобода торговли. Если хотят, чтобы германские ткани, металлические изделия, машины выдерживали конкуренцию за границей, то необходимо, чтобы все, что служит им сырьем, бумажная, льняная или шелковая пряжа, необработанное железо, металлическая проволока доставлялись для них по такой же низкой цене, по какой покупают их иностранные конкуренты. Итак, одно из двух: или продолжать вывозить ткани и продукты металлообрабатывающей промышленности; в таком случае необходима свобода торговли с тем риском, что эта промышленность будет пользоваться сырьем, привезенным из-за границы. Или же — посредством таможенных пошлин покровительствовать производству металлов и прядению в Германии; в таком случае скоро прекратится возможность вывоза тех продуктов, сырьем которых состоит из пряжи и из необработанного металла.

Покровительствуя своим знаменитым тарифом прядильной промышленности и металлургии, г. Бисмарк уничтожает последний шанс, который до сих пор имели для сбыта за границей немецкие ткани, металлические изделия, иглы, машины. Но Германия, где в первой половине этого века земледелие производило излишки для экспорта, в настоящее время не может обойтись без добавочного ввоза иностранных сельскохозяйственных продуктов. Если г. Бисмарк запрещает своей промышленности производить для вывоза, то чем же будут оплачивать этот ввоз, да и ввоз других товаров, нужда в которых не может быть устранена никаким тарифом в мире?

Для решения этого вопроса понадобился гений г. Бисмарка вместе с гением его друзей и советников от биржи. Вот как это делается.

Возьмем железо. Период спекуляции и лихорадочного производства наградил Германию двумя предприятиями (Дортмундское объединение и заводы Лаура), из которых каждое в отдельности могло бы произвести столько, сколько необходимо в среднем для

всего потребления страны. Затем имеется гигантское предприятие Круша в Эссене, другое подобное же в Бохуме и бесконечное множество более мелких. Так что потребление железа внутри страны покрывается по крайней мере втрое или вчетверо. Можно было бы сказать, что такое положение повелительно требует самой неограниченной свободы торговли, которая одна только может обеспечить сбыт этому огромному излишку продукции. Так можно было бы сказать, но не таково мнение заинтересованных лиц. Так как имеется всего-навсего какая-нибудь дюжина предприятий, с которыми приходится считаться и которые господствуют над другими, то образуется то, что американцы называют *рингом*: объединение для поддержания цен внутри страны и для регулирования вывоза.

Когда происходят торги на рельсы или другие продукты их заводов, комитет назначает поочередно члена, на долю которого приходится подряд, и устанавливает ту цену, по которой тот должен его принять. Другие кумовья предлагают более высокие цены, тоже установленные заранее. Таким образом, прекращается всякая конкуренция, а налицо абсолютная монополия. Так же делается и с вывозом. Чтобы обеспечить выполнение этого плана, каждый член *ринга* вносит в комитет вексельный бланк в 125 000 франков, который должен быть пущен в обращение и предъявлен к уплате, как только подписавший его нарушит свое обязательство. Таким образом, монополия цена, которую вымогают у немецких потребителей, дает возможность заводам продавать за границей свой излишек продукции по ценам, на которые не могут пойти даже англичане, а расплачивается за всю эту музыку — немецкий филистер (который, впрочем, того заслуживает). Вот каким образом вновь становится возможен немецкий вывоз благодаря тем самым кровителемственным пошлинам, которые, на взгляд заурядной публики, казалось бы, губят его.

Вы хотите примеров? В прошлом году одна итальянская железнодорожная компания, которую мы можем назвать, предъявила спрос на 30 000 или 40 000 тонн (по 1 000 килограммов) рельсов. После долгих переговоров один английский завод взялся доставить 10 000; остальные взялось доставить Дортмундское объединение по цене, которую отклонили в Англии. Один английский конкурент, которого спросили, почему он не мог предоставить лучших условий, чем немецкое предприятие, ответил: кто же в мире может выдержать конкуренцию с банкротом?

В Шотландии собираются построить железнодорожный мост через морской рукав близ Эдинбурга. Для этого моста нужно 10 000

тонн бессемеровской стали. Кто же соглашается на самую низкую цену, кто побеждает всех своих конкурентов, и все это — на родине крупной железодельной промышленности, в Англии? — Немец, покровительствуемый Бисмарком во многих отношениях, г. Крупп из Эссена, «пушечный король».

Так обстоит дело с железом. Нечего и говорить, что эта прекрасная система может лишь отсрочить на несколько лет неизбежное банкротство этих составивших заговор крупных предприятий. А покамест другие отрасли производства им подражают, и они разоряют... не иностранных конкурентов, а свою страну. Можно подумать, что мы живем в стране безумцев; однако все вышеприведенные факты взяты из германских же буржуазных фритредерских газет. Организовывать разрушение германской промышленности под предлогом покровительства ей, — да разве не правы те немецкие социалисты, которые уж много лет повторяют, что г. Бисмарк работает на пользу социализма, словно бы ему платили за это?

II. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ.

С 1869 по 1873 г., во время бурного прилива берлинской спекуляции, два предприятия, то враждовавшие между собой, то объединившиеся, разделяли между собою господство на бирже: Учетное общество и банк Блейхредера. Это были, так сказать, берлинские Перейры и Мирэ. Спекуляция прокатилась в первую очередь по железным дорогам, и оба эти банка возымели мысль стать косвенно господами большинства крупных линий, как уже существующих, так и строящихся. Закупив и задержав у себя известное число акций каждой дороги, можно было бы господствовать в их руководящих комитетах; акции же сами по себе служили бы залогом для займов, посредством которых можно было бы закупить новые акции, и так далее. Как видите, простое повторение небольшой остроумной операции, которая принесла сперва обоим Перейрам головокружительный успех и которая закончилась, как известно, крахом банка «Crédit Mobilier». Такой же успех увенчал сначала и берлинских Перейров.

В 1873 г. наступил кризис. Оба наши банка оказались в очень затруднительном положении со своими грудями железнодорожных акций, из которых уже нельзя было выжать поглощенные ими миллионы. Проект подчинения своему влиянию железнодорожных компаний потерпел неудачу. Тогда переменяли фронт и попытались продать их государству. Проект концентрации всех железных дорог в руках имперского правительства имеет своим исходным пунктом

не общественное благоденствие страны, а индивидуальное благоденствие двух несостоятельных банков.

Провести проект было не слишком трудно. В новых компаниях «заинтересовали» значительное число членов парламента, и таким способом прибрали к рукам национал-либеральную и умеренно-консервативную партии, т. е. большинство. Высокие сановники империи, прусские министры, приложили руку к махинациям, с помощью которых основаны были эти компании. В конце концов, банкиром и финансовым *factotum* [правой рукой] Бисмарка был Блейхредер. В средствах, стало быть, недостатка не было.

А покамест, для того, чтобы продажа империи железных дорог оправдала труды, нужно было поднять цену акций. Для этого в 1873 г. создали «имперское бюро железных дорог»; его начальник, известный мошенник, сразу повысил тарифы всех германских железных дорог на 20%, что должно было увеличить чистый доход, а следовательно и цену акций приблизительно на 35%. Это была единственная мера, которую провел этот господин; единственно ради нее он и принял свои обязанности; вскоре же после этого он от них отделался.

Прежде всего, добились того, что соблазнили проектом Бисмарка. Но мелкие королевства противились проекту; Союзный совет отверг его наотрез. Новая перемена фронта: было решено, что сперва все прусские железные дороги скупит Пруссия, с тем, чтобы при первом случае уступить их империи.

К тому же у имперского правительства был еще один скрытый мотив, заставлявший его желать приобретения железных дорог. И он был связан с французскими миллиардами.

Из этих миллиардов были отложены значительные суммы для образования трех «имперских фондов»: одного — для сооружения здания рейхстага, второго — для крепостей и, наконец, третьего — для инвалидов трех последних войн. Все вместе они достигали суммы в 926 миллионов франков.

Из этих трех фондов самым важным и в то же время самым любопытным был фонд инвалидов. Он был предназначен пожирать самого себя, т. е. к тому времени, когда умрет последний из этих инвалидов, должен был бы исчезнуть и самый фонд, как капитал, так и доходы с него. Фонд, сам себя расходующий, — можно снова сказать, что только сумасшедшие могли это выдумать. Но это были не сумасшедшие: изобрели этот фонд мошенники из Учетного общества, — и не без основания. Понадобился почти год, чтобы склонить правительство к принятию этой идеи.

Однако нашим биржевым игрокам показалось, что фонд этот будет пожирать себя недостаточно быстро. Более того, они считали нужным наделить и два других фонда тем же прекрасным свойством самопожирания. Средство для этого было простое. Прежде еще, чем закон установил характер ценностей, в которые будут помещены эти фонды, одному коммерческому предприятию, подведомственному прусскому правительству, было предложено закупить надлежащие ценные бумаги. Предприятие это обратилось к Учетному обществу, продавшему для трех имперских фондов на 300 миллионов франков железнодорожных акций (мы можем их перечислить подробно), которые нельзя было тогда сбыть.

Среди этих акций было на 120 миллионов акций Магдебург-Гальберштадтской и объединенных с нею линий, — железной дороги, бывшей почти на грани банкротства, дороги, предназначенной служить для обеспечения огромных прибылей мошенникам, но не имевшей почти никаких шансов принести хоть какой-нибудь доход акционерам. Это становится понятным, если принять во внимание, что руководящий комитет выпустил на 16 миллионов акций для покрытия расходов по постройке трех железнодорожных веток и что деньги эти бесследно исчезли, между тем как постройка этих веток не была даже начата. А фонд инвалидов гордится тем, что обладает изрядным количеством этих акций несуществующих железных дорог.

Приобретение этих линий прусским правительством сразу легализовало бы закупку их акций империей; оно дало бы им некоторую реальную ценность. Вот в чем состояла выгода этого дела для имперского правительства. И вот, линия, о которой идет здесь речь, была одною из первых, которые прусское правительство предложило закупить, что было одобрено палатами.

Цена, предоставленная государством акционерам, значительно превышала реальную ценность даже хороших линий. Это подтверждается непрерывным повышением их акций с того момента, как стало известно постановление об их закупке, а особенно — условия продажи. Две крупные линии, акции которых стоили в декабре 1878 г. 103 и 108, были затем приобретены государством; теперь эти акции котируются соответственно в 148 и 158. Вот почему для акционеров было очень трудно скрывать свою радость в процессе торгов.

Само собою разумеется, что это повышение принесло прибыль прежде всего крупным берлинским биржевикам, посвященным в тайные намерения правительства. Биржа, бывшая весною 1879 г. еще в довольно подавленном состоянии, вновь ожила. Прежде чем окончательно расстаться со своими дорогими акциями,

спекулянты использовали их, чтобы организовать новую оргию ажиотажа.

Ясно: германская империя в такой же степени находится под ярмом биржи, как и французская империя во времена ее существования. Именно биржевики изготовляют проекты, которые — на благо их карманов — должно провести правительство. Но в Германии есть еще одно преимущество, которого нехватало бонапартистской империи: когда имперское правительство встречает сопротивление со стороны мелких государей, оно превращается в прусское правительство, которое, конечно, уж не встретит никакого сопротивления со стороны своих палат, подлинных филиальных отделений биржи.

Ну, что ж? Разве Генеральный совет Интернационала не сказал уже вслед за окончанием войны 1870 г.: вы, г. Бисмарк, ниспровергли бонапартистский режим во Франции только для того, *чтобы восстановить его у себя!*

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «L'Egalité»

№ 7 от 3 марта и № 10 от 24 марта 1880 г.

на французском языке.

Без подписи.

АНКЕТА ДЛЯ РАБОЧИХ.

Ни одно правительство (монархическое или буржуазно-республиканское) не осмелилось еще предпринять серьезную анкету относительно положения французского рабочего класса. Но зато сколько предпринято анкет относительно кризисов, земледельческих, финансовых, промышленных, торговых, политических!

Гнусности капиталистической эксплуатации, разоблаченные официальной анкетой, организованной английским правительством; законодательство, вызванное этими разоблачениями (ограничение легальной продолжительности рабочего дня десятью часами, закон относительно труда женщин и детей и т. д.) — заставили французскую буржуазию еще более трусить перед опасностями, которые могла бы принести беспристрастная и систематическая анкета.

В надежде, что мы, может быть, побудим республиканское правительство последовать примеру монархического правительства Англии и тоже организовать широкую анкету относительно деяний и злодеяний капиталистической эксплуатации, мы попытаемся приступить к такого рода анкете с теми слабыми средствами, которыми сами располагаем. Мы надеемся найти в этом деле поддержку со стороны всех городских и сельских рабочих, которые понимают, что одни лишь они могут описать с полным знанием дела те бедствия, которые они терпят; что одни лишь они, а не спасители, посланные провидением, могут энергично применить целительные средства против общественных недугов, от которых они страдают; мы рассчитываем также на социалистов всех школ, которые, желая социальной реформы, должны желать *точного и положительного* знания тех условий, при которых работает и приходит в движение рабочий класс, — класс, которому принадлежит будущее.

Эти *Наказы труда* являются первым делом, которое должна выполнить социалистическая демократия для того, чтобы подготовить социальное обновление.

Нижеследующие сто вопросов являются наиболее важными. В ответах должен быть указан порядковый номер соответствующего вопроса. Не обязательно отвечать на все вопросы, но мы советуем

давать ответы, как можно более содержательные и подробные. Имя работницы или рабочего, дающего ответы, не будет опубликовано без специального разрешения; но имя, равно как и адрес, следует указать, чтобы, в случае надобности, можно было наладить связь.

Ответы следует посылать администратору журнала «*Revue Socialiste*» г. Леклюзу, 28, улица Ройяль в Сен-Клу, близ Парижа.

Вопросы будут классифицированы и доставят материал для специальных монографий, которые будут печататься в «*Revue Socialiste*», а затем будут собраны в отдельный том.

I.

1. Какова ваша профессия?
2. Принадлежит ли мастерская, в которой вы работаете, капиталисту или акционерной компании? Укажите имена капиталистов *предпринимателей* или директоров компании.
3. Укажите число занятых лиц.
4. Укажите их возраст и их пол.
5. Каков самый младший возраст, с которого принимаются дети (мальчики или девочки)?
6. Укажите число надсмотрщиков и других служащих, не являющихся рядовыми наемными людьми.
7. Имеются ли ученики? — Сколько?
8. Кроме обычных и регулярно занятых рабочих, имеются ли приходящие со стороны и в определенные сезоны?
9. Работает ли производство вашего хозяина исключительно или главным образом для местных заказчиков, или же для внутреннего рынка вообще, или же для экспорта за границу?
10. Находится ли мастерская в деревне или в городе? Назовите местность.
11. Если ваша мастерская находится в деревне, достаточно ли для вашего существования труда в производстве или же вы сочетаете его с земледельческим трудом?
12. Работаете ли вы руками или с помощью машин?
13. Сообщите подробности относительно разделения труда в вашем производстве.
14. Применяется ли пар в качестве двигательной силы?
15. Обозначьте число комнат, в которых обычно занимаются различными отраслями производства. Опишите специальность, которой вы заняты; расскажите не только о технической части, но и о

требуемом мышечном и нервном напряжении и об общем влиянии этого на здоровье рабочих.

16. Опишите гигиенические условия в мастерской: размер комнаты, пространство, отведенное каждому рабочему; вентиляцию, температуру, побелку стен, уборную, общую чистоту; шум машин, металлическую пыль, сырость и т. д.

17. Существует ли муниципальный или правительственный надзор за гигиеническими условиями в мастерских?

18. Существуют ли в вашем производстве специальные вредные для здоровья испарения, вызывающие у рабочих специфические болезни?

19. Загромождена ли мастерская машинами?

20. Принимаются ли по отношению к двигателю, передаточному аппарату и машинам меры предосторожности для предотвращения несчастных случаев?

21. Перечислите несчастные случаи, происшедшие в продолжение вашего личного опыта.

22. Если вы работаете на руднике, перечислите предохранительные меры, принятые вашим предпринимателем для обеспечения вентиляции, предотвращения взрывов и иных опасных несчастных случаев.

23. Если вы работаете на фабрике химического производства, на заводе или в мануфактуре металлических изделий, или на каком-либо другом производстве, представляющем специфические опасности, — перечислите предохранительные меры, принятые вашим хозяином.

24. Чем освещается ваша мастерская (газом, керосином и т. д.)?

25. Достаточно ли средства спасения на случай пожара?

26. Обязан ли предприниматель *по закону* в несчастных случаях вознаграждать рабочего или его семью?

27. В противном случае, вознаграждал ли он когда-либо тех, которых постигло несчастье во время работы для его обогащения?

28. Организована ли в вашей мастерской медицинская помощь?

29. Если вы работаете на дому, опишите состояние вашей рабочей комнаты. Применяете ли вы только рабочие инструменты или небольшие машины?

Прибегаете ли вы к помощи ваших детей или других лиц (взрослых или детей, мужского или женского пола)? — Работаете ли вы на частных клиентов или для предпринимателя? — Договариваетесь ли вы с ним непосредственно или через посредника?

II.

30. Укажите число часов ежедневной работы и число рабочих дней в течение недели.

31. Укажите число дней, празднуемых в течение года.

32. Какие перерывы бывают в течение рабочего дня?

33. Принимается ли еда в определенные промежутки или нерегулярно? Принимается ли она в мастерской или вне ее?

34. Работают ли в часы еды?

35. Если применяется пар, то когда его пускают и когда его приостанавливают?

36. Идет ли работа ночью?

37. Укажите число часов работы детей и подростков моложе 16 лет.

38. Есть ли смены детей и подростков, взаимно чередующиеся в течение рабочих часов?

39. Введены ли в действие правительством или муниципалитетом законы о детском труде? Подчиняются ли им предприниматели?

40. Существуют ли школы для детей и подростков, занятых в вашей профессии? Если существуют, то в какие часы происходят занятия в школах? Кто руководит ими? Чему в них обучают?

41. Если работа происходит и ночью и днем, то каков порядок смен?

42. Каково обычное удлинение рабочего дня в периоды оживленной промышленной деятельности?

43. Производится ли чистка машин рабочими, нанятыми специально для этой работы, или ее производят бесплатно в течение своего рабочего дня рабочие, занятые на этих машинах?

44. Какие существуют правила и денежные штрафы за опоздания? Когда начинается рабочий день, когда он возобновляется после обеденного перерыва?

45. Сколько времени теряете вы на то, чтобы прибыть в мастерскую и чтобы вернуться домой?

III.

46. Какие договоры заключены у вас с вашим предпринимателем? Наняты ли вы подневно, понедельно, помесечно и т. д.?

47. Какие оговорены условия относительно увольнения или ухода с работы?

48. В случае нарушения договора, какое наказание может постигнуть предпринимателя, если виновником нарушения является он?

49. Какое наказание может постигнуть рабочего, если он является виновником?

50. Если имеются ученики, то каковы условия договора с ними?

51. Постоянной или не постоянной является ваша работа?

52. Идет ли работа по вашей профессии только в известные сезоны или же эта работа обычно распределяется более или менее равномерно в течение всего года? Если вы работаете только в определенные сезоны, то как же вы живете в промежутки между ними?

53. Получаете ли вы повременную или сдельную заработную плату?

54. Если вы получаете повременную заработную плату, то как вам платят: по часам или поденно?

55. Получаете ли вы добавочную оплату за сверхурочную работу? Как велика она?

56. Если вы получаете сдельную заработную плату, то каким образом она устанавливается? Если вы заняты в производствах, в которых выполненная работа измеряется количеством или весом, как это делается на рудниках, то не прибегают ли ваши предприниматели или их приказчики к надувательствам, чтобы лишить вас части вашей выручки?

57. Если вы получаете сдельную плату, то не используют ли качество товара как предлог для недобросовестных вычетов из вашей заработной платы?

58. Какую бы зарплату вы ни получали, — сдельную или повременную, — когда ее выдают вам? Другими словами, насколько продолжителен кредит, предоставляемый вами вашему хозяину до тех пор, пока вы получите оплату за уже выполненный труд? Платят ли вам спустя неделю, месяц и т. д.?

59. Не замечали ли вы, что замедление с уплатой вашей заработной платы заставляет вас часто прибегать к ломбардам, уплачивая там высокие проценты и лишая себя нужных вам вещей; делать долги у лавочников, становясь их жертвой потому, что вы их должник? Известны ли вам случаи, когда рабочие лишались своей заработной платы вследствие разорения или банкротства их хозяев?

60. Выплачивается ли заработная плата непосредственно хозяином или посредниками (*подрядчиками и т. п.*)?

61. Если заработную плату выдают подрядчики или иные посредники, то каковы условия вашего договора?

62. Каковы размеры вашей заработной платы в деньгах за день и в неделю?

63. Какова заработная плата женщин и детей, работающих вместе с вами в той же мастерской?

64. Какова была за последний месяц самая высокая поденная заработная плата в вашей мастерской?

65. Какова была самая высокая сдельная заработная плата за последний месяц?

66. Какова была за то же время ваша заработная плата, а если у вас есть семья, то какова заработная плата вашей жены и ваших детей?

67. Выдается ли заработная плата целиком деньгами или иным способом?

68. Если вы нанимаете квартиру у вашего предпринимателя, то на каких условиях? Не вычитает ли он квартирной платы из вашей заработной платы?

69. *Каковы цены необходимых предметов*, как например:

а) Квартирная плата за ваше жилище; условия найма; число комнат, из которых оно состоит, лиц, которые в нем проживают; ремонт, страховка; покупка и починка мебели, отопление, освещение, вода и т. д.

в) Питание: хлеб, мясо, овощи, картофель и т. д., молочные продукты, яйца, рыба, масло, растительное масло, топленое свиное сало, сахар, соль, бакалейные товары, кофе, цикорий, пиво, сидр, вино и т. п., табак.

с) Одежда для родителей и детей, стирка, забота о чистоте, бани, мыло и т. д.

д) Разные издержки: почтовые расходы, займы и взносы в ломбарды, расходы на обучение детей в школе, на обучение ремеслу, покупка газет, книг и т. д., отчисления в общества взаимопомощи, на стачки, в союзы, общества сопротивления и т. д.

е) Расходы, если таковые производятся, вызываемые исполнением вашей должности.

f) Налоги.

70. Постарайтесь установить еженедельный и годовой бюджет доходов ваших и вашей семьи, и ваших еженедельных и годовых расходов.

71. Замечали ли вы в течение вашего личного опыта более значительное повышение цен на предметы первой необходимости, как то: квартира, питание и т. д., чем заработной платы?

72. Перечислите известные вам колебания в размере заработной платы.

73. Расскажите о понижении заработной платы во времена застоя и промышленного кризиса.

74. Расскажите о повышении заработной платы в так называемые времена процветания.

75. Расскажите о перерывах в работе, вызываемых изменением мод и частичными и всеобщими кризисами. Расскажите о вашем собственном отдыхе поневоле.

76. Сравните *цены производимых вами товаров* или оказываемых вами услуг с ценою вашего труда.

77. Приведите известные вам случаи вытеснения рабочих вследствие введения машин или других усовершенствований.

78. В связи с развитием машин и ростом производительности труда, — увеличилась или уменьшилась его интенсивность и продолжительность?

79. Известны ли вам какие-либо случаи повышения заработной платы в результате усовершенствований в производстве?

80. Знали ли вы когда-нибудь рядовых рабочих, которые в возрасте 50 лет могли бы перестать работать и жить на деньги, заработанные ими в качестве наемных рабочих?

81. Сколько лет может проработать рабочий среднего здоровья в вашей профессии?

IV.

82. Существуют ли в вашей профессии общества сопротивления и как они действуют? Пришлите их уставы и правила.

83. Сколько стачек произошло в вашей профессии в течение вашей практики?

84. Сколько времени продолжались эти стачки?

85. Являлись ли они всеобщими или частичными?

86. Имели ли они целью повышение заработной платы или были организованы для того, чтобы воспротивиться понижению заработной платы; или же они связаны были с продолжительностью рабочего дня, или были вызваны другими мотивами?

87. Каковы были их результаты?

88. Расскажите о деятельности третейских судов.

89. Случалось ли, что рабочие вашей профессии поддерживали стачки рабочих, принадлежащих к другим профессиям?

90. Расскажите о правилах и о штрафах, установленных вашим предпринимателем для управления своими наемными рабочими.

91. Существовали ли объединения предпринимателей, имевшие

целью навязать снижение заработной платы, увеличение рабочего дня, воспрепятствовать стачкам и вообще навязывать свою волю?

92. Известны ли вам случаи, когда правительство злоупотребило бы средствами насилия, ставя их на службу предпринимателям против их наемных рабочих?

93. Известны ли вам случаи, когда правительство вмешивалось для того, чтобы охранить рабочих от вымогательств хозяев и их незаконных объединений?

94. Добивается ли правительство вопреки интересам хозяев исполнения существующих законов о труде? Выполняют ли его инспектора свой долг?

95. Существуют ли в вашей мастерской или профессии общества взаимопомощи при несчастных случаях, болезни, смерти, временной потери трудоспособности, старости и т. д.? — Пришлите их уставы и правила.

96. Вступление в эти общества — добровольно или принудительно? Находятся ли их фонды исключительно под контролем рабочих?

97. Если взносы принудительны и состоят под контролем хозяев, — удерживают ли они их из заработной платы? Уплачивают ли они проценты за эти удержания? Возвращаются ли последние рабочему, когда он уходит со службы или его увольняют? Известны ли вам случаи, когда рабочие получали выгоду от так называемых пенсионных касс, которые контролируются хозяевами, но основной капитал которых предварительно вычитается из заработной платы рабочих?

98. Существуют ли в вашей профессии кооперативные товарищества? Как ими руководят? Нанимают ли они рабочих со стороны таким же образом, как это делают капиталисты? Пришлите их уставы и правила.

99. Существуют ли в вашей профессии мастерские, в которых вознаграждение рабочим уплачивается частью под именем заработной платы, частью под именем так называемого соучастия в прибылях? Сравните суммы, получаемые этими рабочими, и суммы, получаемые другими рабочими, для которых не существует так называемого соучастия в прибылях. Перечислите обязательства рабочих, живущих при таком режиме. Могут ли они устраивать стачки и т. п. или же им разрешается лишь быть покорными слугами своих хозяев?

100. Каковы общие физические, интеллектуальные, моральные условия быта рабочих и работниц, занятых в вашей профессии?

101. Общие замечания.

Конец вопросника.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в журнале «Le Reve
Socialiste», 20 апреля 1880 г.*

Без подписи ¹.

---

¹ Об авторстве Маркса — см. в письме Маркса к Зорге от 5 ноября 1880 года.
Ред.

Фридрих Энгельс
РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА
ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

*Брошюра, составленная Ф. Энгельсом
из трех глав «Анти-Дюринга».*

*Впервые напечатана на французском
языке в 1880 г. под заглавием «Socialisme
utopique et Socialisme scientifique».*

Первое немецкое издание вышло в 1882 г.

Bibliothèque de la REVUE SOCIALISTE

I.

SOCIALISME UTOPIQUE

ET

SOCIALISME SCIENTIFIQUE

PAR

FRÉDÉRIC ENGELS

Traduction française par

PAUL LAFARGUE

Prix : 50 centimes

PARIS

DÉRYVEAUX LIBRAIRE-ÉDITEUR

32, Rue d'Angoulême, 32

1880

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ «РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА
ОТ УТОПИИ К НАУКЕ» — 1880 Г.

I.

Современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом понимания, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой стороны — царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он кажется на первый взгляд только дальнейшим и как бы более последовательным развитием принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был прежде всего исходить из накопленного до него идейного материала, хотя его корни находились в материальных экономических фактах.

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Они не признавали никаких внешних авторитетов, каковы бы они ни были. Религия, взгляды на природу, общество, государственный строй — все подвергалось беспощаднейшей критике; все должно было доказать пред судом разума свое право на существование или же — прекратить существование. Разум стал единственным мериллом всего существующего. Это было то время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову * прежде всего в том смысле,

---

* Вот это место о французской революции: «Идея, понятие права *сразу* завоевали себе признание, и ветхие подпорки бесправия не могли оказать им никакого сопротивления. Идея права положена, таким образом, в основу конституции, и отныне все должно на нее опираться. — С тех пор как на небе светит солнце и вокруг него вращаются планеты, никогда еще не бывало, чтобы человек становился на голову, т. е. опирался на идею, и согласно с нею перестраивал действительность. Анаксагор первый сказал, что *Nûs*, т. е. разум, управляет миром, но только теперь впервые человек дошел до признания, что идея должна управлять духовной действительностью. Это был *величественный восход солнца*. Все мыслящие существа радостно приветствовали наступление этой эпохи. Возвышенный восторг властвовал над этим временем, весь мир проникся энтузиазмом духа, как будто совершилось впервые примирение божества с миром» (Гегель, *Философия истории*, 1840 г., стр. 535). — Не пора ли, наконец, против таких общепасных бунтовческих идей покойного профессора Гегеля пустить в ход закон о социалистах?

что человеческая голова и открытые с помощью ее мышления положения предъявили притязание служить основой всех человеческих действий и общественных отношений; а впоследствии еще и в том более широком смысле, что противоречившая этим положениям действительность была фактически перевернута вверх ногами. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления, признанные неразумными, были отброшены, как старый хлам; мир руководился до сих пор одними предрассудками; все прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Только теперь взошло солнце, наступило царство разума; отныне суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, вытекающему из законов природы равенству и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было всего лишь идеализированным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что равенство свелось к равенству граждан перед законом; что одним из существеннейших прав человека провозглашена была... буржуазная собственность; а государство разума, общественный договор Руссо, на практике оказалось, да ничем иным и не могло оказаться, как буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, поставленные им их собственной эпохой.

Но наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представительницы всего остального общества¹, существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно это обстоятельство и дало возможность представителям буржуазии выступать в роли представителей не отдельного класса, а всего страждущего человечества. Более того. С момента своего возникновения буржуазия была обременена своей противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и в такой же степени, в какой средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев. И хотя в общем и целом буржуазия в своей борьбе с дворянством² могла претендовать на то, чтобы представлять

¹ Это придаточное предложение (со слова «выступавшей») добавлено Энгельсом в 4-м издании 1891 года. *Ред.*

² Подчеркнуто Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*

интересы различных трудящихся классов того времени, тем не менее, при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии движение анабаптистов и Томаса Мюнцера¹; во время Великой английской революции — левеллеров; во время Великой французской революции — Бабефа. Эти революционные выступления еще не сложившегося класса сопровождались соответствующими теоретическими построениями; таковы в XVI и XVII столетиях утопические изображения идеального общественного строя, а в XVIII уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось и на общественное положение отдельных личностей; доказывалась необходимость упразднить не только классовые привилегии, но и самые классовые различия. Аскетически суровый, спартанский коммунизм, осуждавший всякое наслаждение жизнью, был первой формой проявления нового учения. Затем последовали три великих утописта: Сен-Симон, у которого буржуазные стремления известным образом еще уживались с пролетарскими, Фурье и Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных этим способом производства противоположностей выработал свои проекты устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Все трое сходятся между собою в том, что не выставляют себя представителями интересов исторически развившегося к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят освободить все человечество сразу, а не данный класс прежде всего. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства просветителей. Буржуазный порядок, основанный на принципах этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть отброшен с таким же презрением, как феодализм и все прежние общественные формы. То обстоятельство, что до сих пор истинный разум и справедливость не господствовали в мире, объясняется только тем, что они не были познаны. Недоставало как раз того гениального человека, который явился теперь и который познал истину; что он появился только теперь, что именно теперь открыта истина, — это не является неизбежным событием, необходимо вытекающим из

¹ В 1-м издании: «таково было... направление Томаса Мюнцера». *Ред.*

общего хода исторического развития, а является просто счастливой случайностью. Гениальный человек мог с таким же успехом родиться пятьюстами лет раньше и тем избавить человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Мы видели, как французские философы XVIII века, подготовители революции, апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали основания разумного государства, разумного общества и безжалостного устранения всего того, что противоречило вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум в действительности был лишь идеализированным рассудком среднего мещанина, именно тогда развивавшегося в буржуа. И когда французская революция осуществила это разумное общество и это разумное государство, то новые учреждения, как ни рациональны были они сравнительно с прежним положением, оказались во всяком случае очень далеки от абсолютной разумности. Государство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое осуществление в господстве террора, от которого изверившаяся в своих собственных политических способностях буржуазия искала спасения сперва в подкупности Директории, а затем под крылом наполеоновского деспотизма. Обетованный вечный мир превратился в бесконечную завоевательную войну. Не более посчастливилось и разумному общественному строю. Противоположность между богатством и бедностью, вместо того, чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, напротив, обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших для нее прикрытием, а также вследствие устранения церковной благотворительности, смягчавшей ее. Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать эту мелкую собственность, подавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения, тем же самым магнатам, и превратилась, таким образом, для мелких буржуа и крестьян в свободу *от* собственности ¹. Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и нищету трудящихся масс необходимым условием существования общества. Чистоган стал, по выражению Карлейля, единственным связующим элементом общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если пороки феодальной эпохи, безбоязненно выставлявшиеся прежде напоказ, были теперь хотя и не уничтожены, но все же отодвинуты пока на задний план, то зато

¹ Последняя фраза добавлена Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*

тем пышнее расцвели буржуазные пороки, прежде робко скрывавшиеся в тени. Торговля все более и более превращалась в мошенничество. Революционный девиз «братства» осуществлялся в плутнях и зависти, порождаемых конкурентной борьбой. Место грубого насилия занял подкуп; вместо меча главнейшим рычагом общественной власти стали деньги. Право первой ночи перешло от феодалов к фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных прежде размеров. Самый брак остался, как и прежде, узаконенной формой, официальным прикрытием проституции, дополняясь к тому же многочисленными нарушениями супружеской верности. Одним словом, установленные вслед за «победой разума» общественные и политические учреждения оказались вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей. Недоставало только людей, которые констатировали бы это разочарование, и такие люди появились с началом нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя создание основ его теории относится еще к 1799 г.; 1 января 1800 г. Роберт Оуэн взялся за управление Нью-Ленарком.

Но в это время капиталистическое производство, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. Крупная промышленность, только что возникшая в Англии, во Франции была еще неизвестна. А между тем, лишь крупная промышленность порождает, с одной стороны, конфликты, ведущие с роковой необходимостью к перевороту в способе производства, к устранению его капиталистического характера, — конфликты не только между созданными ею классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена; и она же, с другой стороны, создает в этих гигантских производительных силах также и средства для разрешения порожденных ею конфликтов. Если в 1800 г. вытекающие из современного общественного порядка конфликты только что зарождались, то это тем более относится к средствам для их разрешения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на мгновение власть и могли таким образом *против* самой же буржуазии привести к победе буржуазную революцию, но этим они лишь показали всю невозможность своего прочного господства при тогдашних условиях. Пролетариат, только начинавший выделяться из общей массы неимущих в виде лишь зародыша нового класса, совершенно не способный еще к самостоятельному политическому действию, являлся лишь угнетенной, страдающей массой, способной в своей

беспомощности в лучшем случае ждать избавления извне, от какой либо высшей силы.

Это историческое положение довлекло и над учениями основателей социализма. Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось создавать из головы. Общество представляло собою одни лишь недостатки; устранение их было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного строя и навязать ее обществу извне посредством пропаганды, а по возможности посредством показательных опытов. Эти новые социальные системы были заранее обречены оставаться утопиями; и чем подробнее их разрабатывали, тем дальше уносились они в область чистой фантазии.

Установив этот факт, мы больше не будем на нем останавливаться, так как эта сторона вопроса уже отошла в область истории. Предоставим литературным торгашам с важностью перетряхивать эти ставшие теперь смешными фантазии и кичиться трезвостью своего собственного образа мыслей пред лицом подобного «сумасбродства». Нас же больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров гениальные мысли и зародыши мыслей, которых не видят эти слепые филистеры¹.

Сен-Симон был сыном Великой французской революции, к началу которой он не достиг еще тридцатилетнего возраста. Революция была победой третьего сословия, т. е. большинства нации, *занятого* в производстве и торговле, над привилегированными до того времени *праздными* сословиями — дворянством и духовенством. Но победа третьего сословия была, как вскоре обнаружилось, победой лишь маленькой части этого сословия; она свелась к завоеванию политической власти социально-привилегированной его частью, имущей буржуазией. К тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны посредством спекуляции конфискованной и затем *проданной* земельной собственностью дворянства и церкви, с другой — посредством обмана нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов привело в эпоху Директории Францию и революцию на край гибели и дало тем самым повод Наполеону для его государственного переворота. Таким образом, в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противо-

¹ Весь следующий абзац добавлен Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*

положности между «работниками» и «праздными». «Праздные» — это были не только прежние привилегированные, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил рентой. А «работники» — это были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы, банкиры. Что праздные потеряли способность к умственному руководству и политическому господству, — не подлежало никакому сомнению и было окончательно подтверждено революцией. Что неимущие не обладали этой способностью, об этом, как казалось Сен-Симону, свидетельствовал опыт эпохи террора. Кто же в таком случае должен был руководить и господствовать? По мнению Сен-Симона — наука и промышленность, объединенные новой религиозной связью, строго иерархическим, неизбежно мистическим «новым христианством», которое призвано восстановить разрушенное со времени реформации единство религиозных воззрений. Но наука — это были официальные ученые, а промышленность — это были в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры. Правда, эти буржуа должны были стать чем-то вроде официальных чиновников, доверенных лиц всего общества, но сохраняли все же по отношению к рабочим командующее, а также и экономически привилегированное положение. В особенности банкиров считал он призванными регулировать все общественное производство посредством регулирования кредита. — Такие представления вполне соответствовали той эпохе, когда во Франции крупная промышленность, а вместе с нею противоположность между буржуазией и пролетариатом только еще начинали развиваться. Но что Сен-Симон особенно подчеркивает, — это следующее: везде и всегда его в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса» (*la classe la plus nombreuse et la plus pauvre*).

Уже в «Женевских письмах» Сен-Симон выдвигает положение, что «все люди должны работать». В том же произведении он отмечает уже, что господство террора было господством неимущих классов. «Посмотрите, — восклицает он, обращаясь к последним, — что произошло во Франции в то время, когда там господствовали ваши товарищи: они создали голод!» Понять французскую революцию как борьбу классов, и притом не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и *неимущими* — это в 1802 г. было поистине гениальным открытием. В 1816 г. Сен-Симон заявляет, что политика есть наука о производстве, и предсказывает ее полное поглощение экономией. Если понимание того, что экономическое положение есть базис политических учреждений,

выражено здесь лишь в зародышевой форме, то вато уже ясно высказана та мысль, что политическая власть над людьми должна превратиться в управление вещами, в руководство процессами производства, т. е. мысль об «отмене государства», о которой так много шумели в последнее время. С таким же превосходством над своими современниками Сен-Симон заявляет в 1814 г., — тотчас по вступлении союзников в Париж, — а ватем в 1815 г., во время войны ста дней, что союз Франции с Англией, а ватем этих двух стран с Германией представлял бы собою единственную гарантию успешного развития и мира в Европе. В самом деле, много нужно было иметь мужества и исторической дальноворкости, чтобы в 1815 г. проповедывать французам союз с победителями при Ватерлоо.

Если у Сен-Симона мы находим гениальную широту взглядов, позволившую ему высказать в зародыше почти все позднейшие социалистические идеи, не относящиеся к чисто экономической области, то Фурье, со своей стороны, дает нам выраженную с чисто французским остроумием, но от этого ничуть не менее глубоко проникающую критику существующего общественного строя. Фурье ловит на слове вдохновенных пророков дореволюционной буржуазии и ее подкупленных послереволюционных льстецов. Он беспощадно вскрывает материальную и моральную нищету буржуазного мира; он сопоставляет ее как с блистательными обещаниями прежних просветителей о наступлении царства разума, о цивилизации, несущей всем счастье, о безграничной способности человечества к совершенствованию, так и с напыщенной фразеологией современных буржуазных идеологов; он показывает, какая жалкая действительность всегда соответствует их громким словам, и бичует язвительной насмешкой этот безнадежный провал фразы. Фурье — не только критик; всегда жизнерадостный по природе, он был сатириком и даже одним из величайших сатириков всех времен. Меткими насмешливыми словами рисует он спекулятивные плутни, расцветшие после упадка революции, и мелко-торгашеский дух, овладевший всей тогдашней французской торговлей. Еще более мастерски дана им критика буржуазной формы отношений полов и положения женщины в буржуазном обществе. Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень освобождения женщины является естественным мерилем общего освобождения. Но выше всего поднимается Фурье в своем понимании истории общества. Весь ее предшествующий ход он разделяет на четыре ступени развития: дикое состояние, варварство, патриархат, цивилизация. Под последней

он разумеет так называемое буржуазное общество, т. е. общественный строй, ведущий свое начало с XVI столетия, и показывает, как эта «цивилизация доводит до степени сложной, двусмысленной, двуличной, лицемерной формы существования каждый порок, при варварстве встречающийся в своей простой форме». Он указывает на «порочный круг» непреодолимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым она искренне или притворно стремится. Так что, например, «в цивилизации *бедность порождается самим избытком*». Фурье, как видите, так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель. Так же диалектично он утверждает, вопреки болтовне о безграничной способности человека к совершенствованию, что каждый исторический период имеет свою восходящую, а также и нисходящую фазу; этот взгляд он развивает далее и по отношению к будущности всего человечества. Подобно Канту, внесшему в естествознание идею о будущей гибели земли, Фурье включил в свое понимание истории мысль о будущей гибели человечества.

В то время как над Францией пронесся ураган революции, прочистивший страну, в Англии совершался менее шумный, но не менее грандиозный переворот. Пар и машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали все основы буржуазного общества. Вялый ход развития мануфактурного периода превратился в настоящий период бури и натиска в производстве. Все быстрее и быстрее совершалось расслоение общества на крупных капиталистов и неимущих пролетариев, а между ними вместо прежнего устойчивого среднего сословия влачила теперь шаткое существование непостоянная масса ремесленников и мелких торговцев, представляющих самую текучую часть населения. Новый способ производства находился еще на первых ступенях своей восходящей фазы; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным при данных условиях способом производства. А между тем, он успел уже породить вопиющие социальные бедствия: скопление массы бездомного населения в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей, патриархального быта, даже семьи; ужасающее удлинение рабочего дня — особенно для женщин и детей; испорченность нравов среди широких масс трудящегося населения, внезапно брошенного в совершенно новые условия существования, из деревни в город, из земледелия в промышленность, из устойчивых в ежедневно меняющиеся, ненадежные условия

существования¹. И тут выступил в качестве реформатора двадцатидевятилетний фабрикант, человек с почти детской простотой и благородством характера и в то же время прирожденный вождь, каких мало на свете. Роберт Оуэн усвоил учение материалистов-просветителей о том, что человеческий характер — продукт, с одной стороны, унаследованной организации, а с другой — условий, окружающих человека в течение его жизни, и в особенности в период его развития. Большинство его собратьев по сословию видело в промышленной революции только беспорядок и хаос, годный для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн видел в ней благоприятный случай для применения своей любимой идеи и для внесения тем самым порядка в хаос. В Манчестере, в качестве руководителя фабрики, где работало более 500 рабочих, он уже пытался, и вполне успешно, применить ее. С 1800 по 1829 г., управляя большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Ленарке, в Шотландии, в качестве компаньона-управляющего, он вел дело в таком же духе, но с гораздо большей свободой действий и с таким успехом, что имя его стало известным в Европе. Население Нью-Ленарка, постепенно возросшее до 2 500 человек, состоявшее вначале из крайне смешанных и по большей части сильно развращенных элементов, он превратил в образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды, процессы, попечительство о бедных, благотворительность стали неизвестными явлениями. Он достиг этого единственно тем, что поставил рабочих в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. Им были изобретены детские сады, впервые введенные в Нью-Ленарке. В них принимали детей, начиная с двухлетнего возраста, и они так хорошо проводили там время, что их с трудом уводили домой. Рабочий день был сокращен в Нью-Ленарке до 10½ часов, тогда как на соперничавших с ним фабриках работа длилась 13—14 часов в день. А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие, оставшиеся без дела, продолжали получать полную плату. И при всем том предприятие более чем удвоило свою стоимость и вплоть до конца приносило своим собственникам богатый доход.

Но все это не удовлетворяло Оуэна. То положение, в которое он поставил своих рабочих, далеко еще не соответствовало в его глазах человеческому достоинству. «Люди эти были моими рабами», — го-

---

¹ Последняя часть этой фразы, сослов«из деревни в город», добавлена Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*

ворил он; сравнительно благоприятные условия, которые он им предоставил, были далеко не достаточны для всестороннего рационального развития характера и ума, не говоря уже о свободном приложении жизненных сил. «А между тем, трудящаяся часть этих 2 500 человек создавала для общества такое количество действительного богатства, для производства которого полвека тому назад потребовался бы труд 600 000 человек. Я спросил себя: куда девается разность между количеством богатства, потребляемого 2 500 рабочих, и тем количеством, которое потребовалось бы для прежних 600 000?» Ответ был ясен. Эта разность употреблялась на то, чтобы предоставить собственникам предприятия 5% на вложенный капитал и сверх того еще 300 000 фунтов стерлингов (6 000 000 марок) дохода. Еще в большей степени, чем к Нью-Ленарку, это было применимо ко всем остальным фабрикам Англии. «Без этого нового источника богатства, созданного машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и для восстановления аристократических общественных принципов. А ведь эта новая сила была делом рук рабочего класса»*. Ему поэтому должны принадлежать ее плоды. Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основами общественного преобразования и должны были в качестве общественной собственности служить благосостоянию всего общества.

На таких чисто деловых началах, как своего рода плод коммерческого расчета, возник коммунизм Оуэна. Он до конца сохранил этот свой практический характер. Так, в 1823 г. Оуэн составил проект коммунистических колоний с целью устранения ирландской нищеты и приложил к нему подробные вычисления основного капитала, ежегодных издержек и предполагаемых доходов. Так, и в своем окончательном плане будущего строя Оуэн разрабатывает технические подробности дела, включая перспективные планы, чертежи и рисунки, и все это с таким знанием дела, что если принять его метод общественных реформ, то очень немного можно возразить против деталей организации даже с точки зрения специалиста.

Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна. Пока его деятельность была простой филантропией, она доставляла

---

* Из записки «The Revolution in Mind and Practice» [«Революция мышления и практики»], адресованной всем красным республиканцам, коммунистам и социалистам Европы и французскому Временному правительству 1848 г., но поданной также «королеве Виктории и ее ответственным советникам».

ему богатство, всеобщее одобрение, почет и славу. Он был популярнейшим человеком в Европе. Его речам благосклонно внимали не только люди его общественного положения, но и государственные деятели и князья. Но лишь только он выступил со своими коммунистическими теориями, — все изменилось. Три великих препятствия прежде всего заграждали, по его мнению, путь к общественной реформе: частная собственность, религия и современная форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему предстоит стать отверженным среди официального общества и лишиться своего общественного положения. Но это ни на волос не ослабило его беспощадного нападения, и произошло то, что он предвидел. Изгнанный из официального общества, замалчиваемый прессой, обедневший благодаря неудачным коммунистическим опытам в Америке, поглотившим все его состояние, он обратился прямо к рабочему классу и работал в его среде еще тридцать лет. Все общественные движения, все действительные успехи, достигнутые рабочим классом в Англии, связаны с именем Оуэна. Так, в 1819 г., благодаря его пятилетним усилиям, прошел первый закон, ограничивший женский и детский труд на фабриках. Так, под его председательством заседал первый конгресс, на котором тред-юнионы всей Англии объединились в единый большой профессиональный союз. Он же организовал, в качестве переходных мер к вполне коммунистическому общественному строю, с одной стороны — кооперативные товарищества (потребительские и производственные), на практике доказавшие в дальнейшем по меньшей мере полную возможность обходиться без купцов и фабрикантов, а с другой стороны — рабочие базары, учреждения для обмена продуктов труда при помощи трудовых бумажных денег, единицей которых служил час рабочего времени. Базары эти неизбежно должны были потерпеть неудачу, но они вполне предвосхитили позднейший прудоновский меновой банк, от которого, однако, они отличались как раз тем, что не возводились в универсальное средство от всех общественных зол, а предлагались только как один из первых шагов к гораздо более радикальному переустройству общества.

Миросоверпанье утопистов долго господствовало над социалистическими представлениями XIX века и отчасти господствует еще поныне. Его придерживались до самого последнего времени все французские и английские социалисты¹, а также прежний немецкий

¹ В 1-м немецком издании: «Его придерживаются все английские социалисты; его придерживались до самого последнего времени все французские социалисты»... Ред.

коммунизм, включая Вейтлинга. Социализм в их представлении есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. Притом же абсолютная истина, разум и справедливость различны у каждого основателя школы; и так как особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого из них обуславливается в свою очередь субъективным складом его ума, условиями его жизни, объемом его познаний и способом мышления, то в столкновении этих различных видов абсолютной истины нет другого выхода, кроме их взаимного приспособления. Из этого не могло выработаться ничего, кроме особого рода эклектического среднего социализма, который действительно господствует до сих пор в головах большинства рабочих-социалистов во Франции и в Англии. Этот эклектический социализм представляет собою пеструю смесь крайне разнообразных оттенков из наименее оспариваемых критических замечаний, экономических положений и представлений о будущем обществе различных основателей сект,— смесь, которая изготовляется тем легче, чем скорее ее составные части в потоке споров, как круглые камешки в ручье, утрачивают свои острые углы и грани. Чтобы превратиться в науку, социализм должен был, прежде всего, стать на реальную почву.

II.

Между тем, рядом с французской философией XVIII века и вслед за нею возникла новейшая немецкая философия, нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления. Древние греческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель — самая универсальная голова среди них — уже исследовал все существеннейшие формы диалектического мышления. Напротив, новая философия, хотя и в ней диалектика имела блестящих представителей (например, Декарт и Спиноза), все более и более погрязала, особенно под влиянием английской философии, в так называемом метафизическом способе мышления, почти безраздельно господствовавшем также и у французов XVIII века, по крайней мере в их специально-философских трудах. Вне пределов философии, как таковой, они сумели, однако, оставить нам мастерские образцы диалектики; припомним только «Племянника Рамо» Дидро и сочинение Руссо «О происхождении неравенства между людьми».

Остановимся здесь вкратце на существе обоих методов мышления.

Когда мы мысленно рассматриваем природу или историю человечества, или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. Таким образом, мы видим сперва общую картину, в которой частности пока еще более или менее ступшевываются; мы обращаем больше внимания на ход движения, на переходы, на связи, чем на то, что именно движется, переходит, находится в связи. Этот первоначальный, наивный, но по существу правильный взгляд на мир был присущ древне-греческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, постоянно изменяется, находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения частных, составляющих эту общую картину, а пока мы их не знаем, нам не ясна и общая картина. Для того, чтобы изучить эти частности, мы должны изъять их из их естественной или

исторической связи и, рассматривая каждую в отдельности, исследовать ее свойства, ее особые причины, следствия и т. д. В этом состоит прежде всего задача естествознания и истории, т. е. тех отраслей науки, которые, по вполне понятным причинам, занимали у греков классического периода лишь второстепенное место, потому что им нужно было сперва накопить необходимый для этого материал. Только после того, как естественно-научный и исторический материал был собран в достаточном количестве, можно было приняться за критическое исследование, сравнение, соответственное разделение на классы, роды и виды. Поэтому зачатки точного исследования природы стали развиваться впервые лишь у греков александрийского периода, а затем, в средние века, у арабов. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи. Разложение природы на отдельные ее части, разделение различных явлений и предметов природы на определенные классы, анатомическое исследование разнообразного внутреннего строения органических тел — все это было основным условием тех исполинских успехов, которыми ознаменовалось развитие естествознания за последние четыре столетия. Но этот же способ изучения оставил в нас привычку рассматривать предметы и явления природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенным образом изменяющиеся, а как вечно-неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенное Бэконом и Локком из естествознания в философию, это мировоззрение создало характерную ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления.

Для метафизика вещи и их мысленные отражения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непримиримыми противоположностями; речь его состоит из: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует, или не существует; предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие также совершенно противоположны друг другу. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд чрезвычайно убедительным потому, что именно он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе между четырьмя стенами, претерпевает самые удивительные приключения, лишь

только он отважится пуститься в далекий путь исследования. Точно так же и метафизический образ мышления, вполне законный и, смотря по характеру предмета, даже необходимый в известных, более или менее обширных областях, рано или поздно достигает, однако, предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием не видит их возникновения и исчезновения, за их покоем не видит их движения, за деревьями не видит леса. Мы, например, в обыденной жизни знаем и можем с уверенностью сказать, существует ли данное животное или нет; но при более точном исследовании мы обнаруживаем, что это иногда в высшей степени запутанный вопрос, трудности которого прекрасно известны юристам, тщетно пытавшимся найти рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством. Невозможно точно так же определить и момент смерти, так как физиология показывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень медленно совершающийся процесс. Равным образом и всякое органическое существо в каждое данное мгновение остается тем же самым и все же не тем же самым. В каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества; в каждое мгновение одни клеточки его организма отмирают, другие нарождаются, так что спустя некоторый период времени вещество данного организма полностью обновляется, заменяется другим составом атомов. Вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. Точно так же, при более точном исследовании, мы находим, что оба полюса данной противоположности — положительный и отрицательный — так же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность, взаимно проникают друг друга. Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, имеющие свое значение лишь в применении к отдельному случаю, но что если рассматривать отдельный случай в его общей связи с мировым целым, то эти представления растворяются в представлении о всеобщем взаимодействии, в котором причины и следствия постоянно меняются местами, и то, что теперь или здесь является следствием, станет в другое время или в другом месте причиной, и наоборот.

Все эти явления и методы мышления не вменяются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же, которая берет вещи и их мысленные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движениях, в их возникновении и исчез-

новении, такие явления, как вышеприведенные, напротив, подтверждают лишь ее собственный метод. Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, предоставившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся кругу, а проделывает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а тем самым и человек, суть продукты процесса развития, длившегося миллионы лет. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этим противоречием между достигнутыми результатами и применявшимся способом мышления объясняется та безграничная путаница, которая господствует теперь в теоретическом естествознании, одинаково приводя в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и их читателей.

Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть приобретено только путем диалектики, только постоянно принимая во внимание общие взаимодействия между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. Такую именно позицию и заняла новейшая немецкая философия. Первым шагом Канта было превращение солнечной системы Ньютона, неизменной и — после того, как ей был дан однажды знаменитый первый толчок, — вечной, в исторический процесс: в процесс возникновения солнца и всех планет из вращающейся туманной массы. При этом он пришел уже к тому выводу, что возникновение солнечной системы необходимо предполагает и ее будущую гибель. Спустя полстолетия его взгляд был математически обоснован Лапласом, а еще через полстолетия спектроскоп показал существование во вселенной таких раскаленных газообразных масс различных степеней сгущения.

Свое завершение эта новейшая немецкая философия нашла в системе Гегеля, величайшая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и попытался проследить взаимную внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения история человечества уже перестала казаться нелепым клубком

бессмысленных насилий, достойных перед судом созревшего ныне философского разума лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача научной мысли свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса сквозь все его блуждания и показать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей.

Для нас в данном случае не имеет значения то обстоятельство, что система Гегеля не разрешила поставленной себе задачи. Его великая заслуга состояла в самой постановке этой задачи. Ее разрешение не может быть делом единичного ума. Хотя Гегель, наряду с Сеп-Симоном, был самым универсальным умом своего времени, но все же он был связан как неизбежной ограниченностью своих собственных знаний, так и ограниченностью — в смысле объема и глубины — знаний и взглядов своей эпохи. К этому присоединилось еще и третье обстоятельство. Гегель был идеалистом, т. е. его мысли не представлялись ему более или менее отвлеченными отражениями существующих в действительности предметов и процессов, а, наоборот, предметы и их развитие представлялись ему лишь воплощением «Идеи», существовавшей каким-то образом еще до сотворения мира. Тем самым все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений вывернута наизнанку. И поэтому как ни правильны и гениальны были выводы Гегеля относительно взаимной связи некоторых отдельных явлений, но все же указанные нами причины привели к тому, что даже в частностях его учения многое оказалось ошибочным, искусственным, натянутым, — словом, извращенным. Гегелевская система, как таковая, была колоссальным недонеском, но зато и последним в своем роде. К тому же она страдала неизлечимым внутренним противоречием: с одной стороны, ее важнейшей предпосылкой было убеждение в том, что человеческая история есть процесс развития, который по самой своей природе не может найти своего интеллектуального завершения в открытии так называемой абсолютной истины; а с другой стороны, его система претендует быть сжатым изложением именно этой абсолютной истины. Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, что, однако, отнюдь не исключает, а напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать гигантские успехи с каждым поколением.

Уразумение того, что господствовавший до тех пор в Германии идеализм совершенно ложен, неизбежно вело к материализму, но,

разумеется, не к простому метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно-революционному простому отрицанию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем задача состоит в открытии законов движения этого процесса. В противоположность господствовавшему у французов XVIII века, как еще и у Гегеля, представлению о природе, как о всегда равном себе целом, движущемся в одном и том же узком кругу, с вечными мировыми телами, как учил о них Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил о них Линней, — современный материализм охватывает новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени; небесные тела, как и разновидности организмов, населяющих эти тела при благоприятных условиях, возникают и исчезают, а движения по кругу, поскольку мы их вообще еще допускаем, принимают бесконечно более крупные размеры. В обоих случаях материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше в стоящей над прочими науками философии. Когда перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место в общей связи вещей и знаний о вещах, то становится излишней какая-либо особая наука о всеобщей связи. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет лишь учение о мышлении и его законах, т. е. формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительные науки о природе и истории.

Но между тем как этот переворот в естественно-научном миро-соверщании мог совершаться лишь по мере того, как исследование доставляло соответствующие положительные знания, — произошли уже значительно раньше исторические события, обусловившие решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; в 1838 — 1842 гг. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своей вершины. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом начинала занимать первое место в истории наиболее передовых стран Европы, по мере того как развивалась, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — новоприобретенное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учений буржуазной экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благополучии народа в результате свободной конкуренции. Было уже невозможно не считаться с этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который был их теоретическим, правда

крайне несовершенным выражением. Но старое, все еще не вытесненное, идеалистическое понимание истории не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, как не знало оно вообще никаких материальных интересов. Производство, как и все экономические отношения, упоминалось там лишь мимоходом, как второстепенный элемент «истории культуры».

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей классовой борьбы, что эти борющиеся друг с другом общественные классы всякий раз порождаются отношениями производства и общения (*der Produktions- und Verkehrsverhältnisse*), — словом, *экономическими* отношениями своей эпохи; что, стало быть, экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, исходя из которой следует объяснять в последнем счете всю надстройку правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и прочих воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил понимание истории от метафизики, он сделал его диалектическим; но его понимание истории было по существу идеалистическим. Теперь идеализм был изгнан из последнего своего убежища, из области истории; выработано было материалистическое понимание истории, найден был путь объяснения сознания людей условиями их бытия вместо прежнего объяснения их бытия человеческим сознанием.

Поэтому социализм уже не казался теперь случайным открытием того или другого гениального ума, а явился неизбежным следствием борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии. Его задача состояла уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную общественную систему, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились эти классы и их взаимная борьба, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средства для разрешения конфликта. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим пониманием истории, как несовместимы были воззрения французских материалистов на природу с диалектикой и с новейшим естествознанием. Прежний социализм критиковал, правда, существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а следовательно не был в состоянии справиться с ним; он мог лишь попросту отвергать его, объявив его никуда не годным. Чем горячее восставал он против неотделимой от этого способа производства эксплуатации

рабочего класса, тем менее был он в состоянии отчетливо объяснить, в чем состоит эта эксплуатация и как она возникает. Но задача заключалась, с одной стороны, в том, чтобы объяснить историческую обусловленность и неизбежность капиталистического способа производства для определенного исторического периода, а стало быть и неизбежность его гибели, а с другой стороны в том, чтобы разоблачить внутренний, все еще не раскрытый, характер этого способа производства. Это было сделано благодаря открытию *прибавочной стоимости*. Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и свойственной ему эксплуатации рабочего; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу своего рабочего по полной стоимости, какую она в качестве товара имеет на товарном рынке, он все же извлекает из нее бóльшую стоимость, чем та, которую он за нее заплатил, и что эта прибавочная стоимость в конце концов и образует ту сумму стоимостей, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капиталов. Так было объяснено происхождение капиталистического способа производства, равно как и производства самого капитала.

Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны *Марксу*. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и задача теперь состоит в том, чтобы разрабатывать ее дальше во всех ее подробностях и взаимных связях.

III.

Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством и обмен его продуктов, служит основанием всякого общественного строя; что в каждом исторически появившемся обществе распределение продуктов, а с ним и расчленение общества на классы или сословия зависит от того, что и как производится и каким образом произведенное обменивается. Отсюда следует, что коренные причины всех общественных изменений и политических переворотов нужно искать не в головах людей, не в растущем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способов производства и обмена; их следует искать не в философии, а в экономике данной эпохи. Пробудившееся сознание неразумности и несправедливости существующего общественного устройства, убеждение в том, что «безумством мудрость стала, благо — злом», служит лишь показателем того, что в методах производства и в формах обмена незаметно совершились такие изменения, которым уже не соответствует общественный строй, скроенный по мерке старых экономических условий. Из сказанного ясно, что и средства для устранения вскрытого зла должны заключаться — в более или менее развитом виде — в самих изменившихся производственных отношениях. Эти средства нельзя изобрести из головы, их нужно открыть при посредстве головы в данных материальных фактах производства.

Что же мы можем сказать на основании этого о современном социализме?

Всеми признано, что существующий общественный строй создан господствующим ныне классом — буржуазией. Свойственный буржуазии способ производства, называемый со времени Маркса именем капиталистического способа производства, был несовместим с местными и сословными привилегиями, равно как и с личными взаимными связями феодального строя; буржуазия разрушила феодальный порядок и воздвигла на его развалинах буржуазный строй, царство свободной конкуренции, свободы передвижения, равноправия товаро-владельцев и всех прочих буржуазных прелестей. Капиталистический способ производства мог теперь развиваться свободно. С тех пор как пар и новые машины превратили старую мануфактуру в крупную промышленность, выработавшиеся под управлением буржуазии произ-

водительные силы¹ стали развиваться с неслыханной прежде быстротой и в неслыханных прежде размерах. Но точно так же, как мануфактура и усовершенствовавшееся под ее влиянием ремесло в свое время пришли в столкновение с феодальными оковами цеховщины, точно так же крупная промышленность на более высокой ступени своего развития приходит в столкновение с узкими рамками, в которых сжимает ее капиталистический способ производства. Новые производительные силы переросли уже буржуазную форму их использования. И этот конфликт между производительными силами и способом производства отнюдь не есть конфликт, который возникает в головах людей, подобно конфликту между первородным грехом и божественной справедливостью, — этот конфликт существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, которые его создали. Современный социализм есть не что иное, как отражение этого фактического конфликта в мышлении, его идеальное отображение в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, — рабочего класса.

В чем же состоит этот конфликт?

До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основанное на частной собственности работников на их средства производства; в деревне — земледелие мелких, свободных или крепостных, крестьян, в городе — ремесло. Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ручные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на индивидуальное употребление, и, следовательно, по необходимости мелкими, карликовыми, ограниченными. Но потому-то они и принадлежали обычно самим производителям. Концентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы, буржуазии. Как она выполняла эту роль исторически, начиная с XV столетия, на трех ступенях производства, — простой кооперации, мануфактуры и крупной промышленности, — подробно изображено Марксом в IV отделе «Капитала». Но там же показано, что превратить ограниченные средства производства в громадные современные производительные силы буржуазия не могла, не превращая их из средств производства отдельного лица в *общественные средства производства*, приводимые в действие лишь усилиями *целого коллектива людей*. Вместо

¹ В 4-м издании напечатано: «производственные отношения». *Ред.*

самопрядки; ручного ткацкого станка, кузнечного молота появились прядильная машина, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо индивидуальных мастерских — фабрики, требующие соединенного труда сотен и тысяч рабочих. Подобно средствам производства, и само производство превратилось из ряда единичных усилий в ряд общественных действий, а продукты — из продуктов отдельных лиц в общественные продукты. Пряжа, ткани, металлические товары, выходящие теперь с фабрик и заводов, представляют собой продукт совместного труда множества рабочих, которые поочередно прилагали к ним свои усилия пока не получились готовые вещи. Никто в отдельности не мог бы сказать о них: «Это сделал я, это мой продукт».

Но там, где основной формой производства является стихийное разделение труда в обществе, возникшее постепенно, без всякого плана ¹, там продукты неизбежно принимают форму *товаров*, взаимный обмен которых, купля и продажа, дают отдельным производителям возможность удовлетворять свои разнообразные потребности. Так и было в средние века. Крестьянин, например, продавал ремесленнику земледельческие продукты и покупал у него ремесленные изделия. В это общество единичных товаропроизводителей вклинился новый способ производства. В стихийное, *без всякого плана* сложившееся разделение труда, царившее во всем обществе, он внес *планомерное* разделение труда, организованное на отдельных фабриках; рядом с *индивидуальным* производством появилось *общественное* производство. Продукты того и другого продавались на одном и том же рынке, стало быть, по ценам по крайней мере приблизительно равным. Но планомерная организация была могущественнее стихийного разделения труда; изделия общественного фабричного труда стоили дешевле изделий разъединенных мелких производителей. Индивидуальное производство терпело одно поражение за другим; общественное производство революционизировало весь старый способ производства. Но этот его революционный характер так мало сознавался, что, наоборот, это общественное производство вводилось именно ради усиления и поощрения товарного производства. Оно возникло в непосредственной связи с определенными, уже раньше существовавшими рычагами производства и обмена товаров: торговым капиталом, ремеслом, наемным трудом. А так как само оно выступило в качестве новой формы товарного производства, то

---

¹ Слова «возникшее постепенно, без всякого плана» добавлены Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*

свойственные товарному производству формы присвоения сохранили также и для него свою полную силу.

При той форме товарного производства, которая существовала в средние века, вопрос о том, кому должен принадлежать продукт труда, не мог даже и возникнуть. Продукт этот изготовлялся единственным производителем, обычно из собственного материала, часто им же самим произведенного, собственными средствами труда и собственными руками или руками его семьи. Такому производителю незачем было присваивать себе свой продукт, он принадлежал ему само по себе. Таким образом, право собственности на продукт основывалось на *собственном труде*. Даже там, где прибегали к посторонней помощи, она в большинстве случаев играла лишь второстепенную роль и зачастую вознаграждалась не одною лишь заработной платою; цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради содержания и платы, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера. Но вот началась концентрация средств производства в больших мастерских и мануфактурах, превращение их на деле в общественные средства производства. Однако с этими общественными средствами производства и продуктами обращались так, как будто они попрежнему оставались средствами производства и продуктами отдельных лиц. Если до сих пор собственник средств труда присваивал себе продукт, ибо последний, как правило, был продуктом его собственного труда, при котором вспомогательный чужой труд был лишь исключением, то теперь собственник средств труда продолжал присваивать себе продукт, хотя он не был уже *его* продуктом, а продуктом исключительно *чужого труда*. Таким образом, продукты труда, уже теперь общественного, стали присваиваться не теми, кто действительно приводил в движение средства производства и кто был настоящим производителем продуктов, а *капиталистами*. Средства производства и производство по существу своему стали общественными. Но их подчинили той форме присвоения, которая имеет своей предпосылкой частное производство единичных производителей, при котором каждый является владельцем своего продукта и выносит его на рынок. Новый способ производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что он устраняет ее предпосылки *. Это противоречие, придавшее новому способу производства его капиталистический характер, включает в себе в

---

* Здесь незачем подробно разъяснять, что если форма присвоения и остается прежней, то характер присвоения вследствие вышеописанного процесса революционизируется не в меньшей степени, чем характер самого производства. Большая

зародыше всю коллизию современности. И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех решающих отраслях производства и во всех решающих в экономическом отношении странах, чем более вытеснялось тем самым индивидуальное производство до самых незначительных остатков, тем резче должна была проявляться несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением.

Первые капиталисты застали, как мы видели, форму наемного труда уже готовую. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, в виде побочного занятия, в виде временного явления. Земледелец, нанимавшийся по временам на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, продуктами которого он с грехом пополам мог существовать. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшней подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, как только средства производства приобрели общественный характер и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства и продукты мелких индивидуальных производителей все более и более обесценивались; их владельцам не оставалось ничего иного, как наниматься к капиталистам. Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал общим правилом и основной формой всего производства; из побочного он превратился в единственное занятие рабочего. Рабочий, нанимавшийся время от времени, превратился в пожизненного наемного рабочего. Масса таких пожизненных наемных рабочих чрезвычайно увеличилась к тому же благодаря одновременному крушению феодального порядка, роспуску свит феодалов, изгнанию крестьян из их усадеб и пр. Произошел полный разрыв между средствами производства, сконцентрированными в руках капиталистов, и производителями, лишенными всего, кроме своей рабочей силы. *Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявилось как противоположность между пролетариатом и буржуазией.*

Мы видели, что капиталистический способ производства вошел в общество единичных товаропроизводителей, общественно связанных между собою лишь посредством обмена своих продуктов.

разница, присваивая ли я продукт своего собственного или продукт чужого труда. Заметим мимоходом, что наемный труд, в котором уже скрывается в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен. В одиночной и случайной форме он встречался в течение столетий наряду с рабством. Но этот зародыш не мог развиваться в капиталистический способ производства раньше, чем созрели необходимые для него исторические условия.

Но особенность каждого общества, основанного на производстве товаров, заключается в том, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями. Каждый производит сам по себе, случайно имеющимися в его распоряжении средствами производства и для удовлетворения своей особой потребности в обмене. Никто не знает, сколько появится на рынке того продукта, который он производит, и в каком количестве вообще имеется на него спрос; никто не знает, найдет ли потребитель его индивидуальный продукт, окупит ли он издержки производства, да и вообще будет ли он продан. В общественном производстве господствует анархия. Но товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, присущие ему, неотделимые от него законы, и эти законы осуществляются, вопреки анархии, в ней же, через нее. Они проявляются в единственно сохраняющейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на производителей как принудительные законы конкуренции. Самим производителям они, таким образом, сначала неизвестны, и их открывают лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они пролагают себе путь без участия производителей и против производителей, в качестве слепо действующих естественных законов этой формы производства. Продукт господствует над производителями.

В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было рассчитано главным образом на собственное потребление. Оно удовлетворяло прежде всего потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в земледелии, существовала личная зависимость, производство служило также удовлетворению потребностей феодала. Следовательно, здесь не существовало обмена, и продукты не принимали поэтому характера товаров. Крестьянская семья сама производила все для нее нужное: орудия и одежду, так же как и пищу. Производить товары она начинала только тогда, когда ей удавалось произвести излишек сверх собственного потребления и сверх сдачи натуральных повинностей господину; этот пущенный в общественный обмен излишек становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они сами вырабатывали большую часть нужных для собственного потребления предметов; у них были огороды и небольшие поля; они пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им поделочный материал и топливо; женщины пряли лен, шерсть и т. д. Производство с целью обмена, производство товаров, только еще возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рынка, устойчивый способ производства, местная замкнутость

по отношению к внешнему миру, тесное единение в местной среде: марка * в деревнях, цехи в городах.

Но с расширением товарного производства, и в особенности с появлением капиталистического способа производства, дремавшие раньше законы товарного производства стали действовать с большей ясностью и большей силой. Старые союзы расшатались, бывшая замкнутость была нарушена, и производители все более и более превращались в независимых, разрозненных товаропроизводителей. Анархия общественного производства выступила наружу и принимала все большие и большие размеры. А между тем, главное орудие, посредством которого капиталистический способ производства усиливал анархию в общественном производстве, представляло собою прямую противоположность анархии: оно состояло в возрастающей организации производства, как общественного производства, в каждом отдельном производственном предприятии. С помощью этого рычага капиталистический способ производства положил конец старой мирной устойчивости. Проникая в любую отрасль промышленности, он изгонял из нее старые методы производства. Овладевая ремеслом, он уничтожал старое ремесло. Поле труда стало полем битвы. Великие географические открытия и последовавшая за ними колонизация увеличили во много раз область сбыта и ускорили превращение ремесла в мануфактуру. Борьба разгорелась не только между отдельными местными производителями; местная борьба разрослась, в свою очередь, до размеров национальной борьбы, до торговых войн XVII и XVIII столетий. Наконец, крупная промышленность и возникновение мирового рынка сделали эту борьбу всеобщей и в то же время придали ей неслыханную напряженность. От обладания выгодными естественными или искусственно созданными условиями производства зависит теперь существование не только отдельных капиталистов, но и целых отраслей промышленности и даже целых стран. Победенные безжалостно устраниются. Это — дарвинова борьба за индивидуальное существование, перенесенная с удесятеренной яростью из царства природы в человеческое общество. Естественное состояние животных оказывается вершиной человеческого развития. Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как *противоположность между организацией производства на отдельной фабрике и анархией производства во всем обществе.*

В этих двух формах проявления того противоречия, которое свой-

* См. статью «Марка» [стр. 629—645 настоящего тома. *Ред.*]

ственно ему в силу его происхождения, движется капиталистический способ производства, описывая тот «порочный круг», который в нем [в капиталистическом способе производства] открыл еще Фурье. Но во времена Фурье еще невозможно было видеть, что этот круг постепенно суживается, что это движение идет скорее по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром. Неумолимая сила общественной анархии производства все более и более превращает огромное большинство человечества в пролетариев, а пролетарские массы, в свою очередь, положат конец анархии производства. Неумолимая сила социальной анархии производства превращает возможность бесконечного усовершенствования машин, обслуживающих крупную промышленность, в неумолимый закон, принуждающий каждого отдельного промышленного капиталиста непрерывно совершенствовать свои машины под страхом разорения. Но совершенствовать машины — значит делать излишним человеческий труд. Если введение и распространение машин означало вытеснение миллионов работников ручного труда немногими рабочими при машинах, то усовершенствование машин означает все большее и большее вытеснение самих рабочих при машинах и образование в конечном счете такого предложения свободных рабочих рук, которое превышает средний спрос на них со стороны капитала; создается настоящая промышленная резервная армия, как я назвал ее еще в 1845 г.*, готовая к услугам промышленности, когда последняя работает на всех парах, и выбрасываемая на мостовую при крахе, неизбежно следующем за каждым оживлением; это — свинцовая гирия, постоянно висящая на ногах рабочего класса в его борьбе за существование против капитала; это — регулятор для снижения заработной платы до низкого уровня, соответствующего потребностям капиталистов. Таким образом, выходит, что машина, говоря словами Маркса, становится сильнейшим оружием капитала в борьбе против рабочего класса, что средства труда постоянно выбивают из рук рабочего средства существования, что собственный продукт рабочего превращается в орудие порабощения рабочего. Оказывается, что экономия средств труда становится в то же время самой беззастенчивой растратой рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям труда; что машина, это могущественнейшее средство сокращения рабочего времени, превращается в самое верное средство обращения всей жизни рабочего и его семьи в рабочее время,

---

* См. «Положение рабочего класса в Англии», стр. 109 [К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 378. *Ред.*].

готовое к услугам капитала. Оказывается, что чрезмерный труд одной части рабочего класса обуславливает полную безработицу другой его части, что крупная промышленность, по всему свету гонящаяся за потребителями, у себя дома ограничивает потребление масс голодным минимумом и тем самым подрывает свой собственный внутренний рынок. «Закон, по которому относительное перенаселение, или промышленная резервная армия постоянно поддерживается в состоянии равновесия с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обуславливает накопление нищеты, соответствующее накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» (Маркс, Капитал, стр. 671)¹. Требовать от капиталистического способа производства другого распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь в соединении с нею, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород.

Мы видели, каким образом доведенная до высочайшей степени способность современных машин к совершенствованию превращается вследствие анархии общественного производства в неумолимый закон, принуждающий каждого отдельного промышленного капиталиста непрерывно совершенствовать свои машины, непрерывно увеличивать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для них и простая фактическая возможность расширять размеры своего производства. Громадная способность крупной промышленности к расширению, способность, перед которой расширяемость газов — поистине детская игрушка, проявляется теперь в виде потребности качественного и количественного расширения, потребности, которая преодолевает всякое противодействие. Это противодействие образуется потреблением, сбытом, рынками для продуктов крупной промышленности. Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей силой. Расширение рынков не может идти в ногу с расширением производства. Столкновение становится неизбежным, и так как оно не может привести к разрешению конфликта до тех пор, пока оно не взорвет самый капиталистический способ производства, оно становится периодическим. Капиталистическое производство создает новый «порочный круг».

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 8-е, 1931 г., стр. 515. *Ред.*

И действительно, начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, — весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов, а также и их более или менее варварских приделков, приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. Торговля останавливается, рынки перенасыщаются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит уничтожается, фабрики останавливаются, трудящиеся массы лишаются средств к существованию именно потому, что они произвели слишком большое количество этих средств, банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится целые годы, массы производительных сил и продуктов расточаются и разрушаются, пока накопившиеся массы товаров не разойдутся, наконец, по более или менее пониженной цене и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место безудержному карьеру, настоящей промышленной, торговой, кредитной и спекулятивной *steep-chase* [скачке с препятствиями], чтобы, после отчаянных прыжков, снова... свалиться в бездну краха. И так все снова и снова. С 1825 г. мы переживали это уже целых пять раз, и теперь (в 1877 г.) переживаем в шестой раз. Характер этих кризисов так резко выражен, что Фурье удачно определил их всех, назвавши первый из них *crise pléthorique*, кризисом от избытка.

В кризисах противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением доходит до бурного взрыва. Обращение товаров на время прекращается; деньги из средства обращения становятся его препятствием; все законы производства и обращения товаров действуют навыворот. Экономические противоречия доходят до своей высшей точки, — *способ производства восстает против способа обмена*.

Тот факт, что общественная организация производства внутри фабрики достигает такой степени развития, на которой она становится несовместимой с существующей рядом с нею и над нею анархией производства в обществе, — этот факт становится осязательным для самих капиталистов благодаря насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов путем разорения многих крупных и еще большего числа мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического производства надламывается под тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он уж больше не может превращать в капитал эту массу средств производства; они остаются без употребления, и именно поэтому вынуждена бездействовать и

промышленная резервная армия. Средства производства, средства потребления, готовые к услугам рабочие руки, все элементы производства и общего благосостояния имеются в избытке. Но этот «избыток становится источником нужды и лишений» (Фурье), потому что именно он-то и препятствует превращению в капитал средств производства и потребления. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут функционировать иначе, как сначала превратившись в капитал, в средство эксплуатации человеческой рабочей силы. Как привидение, стоит между рабочими и средствами производства и потребления необходимость превращения этих средств в капитал. Одна эта необходимость препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим трудиться и жить. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства сам обнаруживает свою неспособность к дальнейшему управлению этими производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей силой стремятся к устранению этого противоречия, к освобождению себя от своих свойств капитала, к фактическому признанию их характера — характера общественных производительных сил.

Это сопротивление мощно возрастающих производительных сил против их свойств капитала, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще рассматривать их как общественные производительные силы, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях. Как периоды промышленной горячки с их безгранично раздутым кредитом, так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, приводят к той форме обобществления огромных масс средств производства, которая выступает перед нами в различного рода акционерных обществах. Некоторые из этих средств производства и сообщения, как, например, железные дороги, по самому существу своему до того огромны, что они исключают всякую другую форму капиталистической эксплуатации. На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма ¹: все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», союз, создаваемый с целью регулирования производства. Они определяют общее количество продукта, которое должно быть произведено, рас-

---

¹ Дальнейшая часть этого абзаца и весь следующий абзац добавлены Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*

пределяют это количество между собою и навязывают заранее твердо установленную продажную цену. А так как эти тресты при первой валинке в делах большей частью распадаются, то они вызывают тем самым еще более концентрированные объединения: целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное крупное акционерное общество, внутренняя конкуренция уступает место внутренней монополии этого общества. Так случилось уже в 1890 г. с английским производством щелочей, которое теперь, после слияния всех 48 крупных фабрик, перешло в руки единственного, руководимого единым центром общества с капиталом в 120 миллион марок.

В трестах свободная конкуренция превращается в монополию; бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед планомерным производством вторгающегося социалистического общества. Правда, сначала только в пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осязательной, что она должна рухнуть. Ни один народ не может примириться с производством, руководимым трестами, этой неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов.

Так или иначе, с трестами или без трестов, государство, как официальный представитель капиталистического общества, вынуждено *

---

* Я говорю: «вынуждено», так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда переход их в ведение государства станет экономически неизбежным, только в этом случае, — даже если этот переход совершит современное государство, — он будет экономическим прогрессом, шагом вперед по пути к переходу всех производительных сил в руки самого общества. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк принялся за огосударствление, появился особого рода ложный социализм, проявляющийся то там, то тут в виде своего рода добровольного лакейства, без дальних околичностей объявляющего социализмом *всякое*, даже бисмарково, огосударствление. Если табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское правительство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог, когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные линии, просто ради удобства управления и пользования ими в случае войны, ради образования из железнодорожных чиновников послушно голосующего за правительство стада, а главным образом ради того, чтобы создать себе новый, независимый от парламентских решений источник дохода, — то все это ни в коем случае не было социализмом, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе прусский государственный банк (Seehandlung), королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швабры в армии должны были бы

взять на себя руководство производством. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа, железных дорог.

Если кризисы вскрыли неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных компаний, трестов¹ и государства доказывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталистов исполняют теперь наемные служащие. Для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Капиталистический способ производства, вытеснивший сперва рабочих, вытесняет теперь и капиталистов, — правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения.

Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов¹, ни превращение в государственную собственность не отнимают у производительных сил их свойств капитала. Относительно акционерных компаний и трестов¹ это очевидно. Что же касается современного государства, то оно есть не что иное, как организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих, внешних условий капиталистического способа производства от посягательства как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, каковы бы ни были его формы, есть чисто капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил захватывает оно в свою собственность, тем более становится оно подлинным совокупным капиталистом и тем большее число граждан оно эксплуатирует. Рабочие остаются наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не устраняются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не есть разрешение конфликта, но в ней скрыто формальное средство, рычаг его разрешения.

Это разрешение может состоять лишь в фактическом признании общественной природы современных производительных сил, следовательно в приведении способов производства, присвоения и обмена

быть признаны социалистическими учреждениями, а заодно и всерьез предложенное при Фридрихе-Вильгельме III в тридцатых годах каким-то умником огосударствление... домов терпимости! [Последние строки, со слов «а заодно и», добавлены Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*]

¹ Слово «трестов» добавлено Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*

в соответствие с общественным характером средств производства. А этого можно достигнуть только путем открытого и прямого захвата обществом производительных сил, переросших всякий другой способ руководства ими. Общественный характер средств производства и его продуктов, обращающийся теперь против самих производителей, периодически нарушающий ход производства и обмена и проявляющийся с разрушительной силой слепого закона природы, будет тогда вполне сознательно проведен в жизнь производителями и превратится из причины неурядицы и периодических катастроф в сильнейший рычаг самого производства.

Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не понимаем их и не считаемся с ними. Но раз мы узнали их, изучили их действие, направление, влияние, то только от нас самих зависит все более и более подчинять их нашей воле и достигать с их помощью наших целей. В особенности относится это к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор эти силы действуют помимо нас, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как мы это подробно показали. Но раз понята их природа, они могут в руках объединившихся производителей превратиться из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь такое же различие, как между разрушительной силой электричества в виде молнии из грозовой тучи и укрошенным электричеством в телеграфном аппарате или в дуговой лампе; такое же различие, как между пожаром и огнем, служащим человеку. Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия производства заменится общественно-плановым регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя, уступит место новому способу присвоения, вытекающему из самой природы современных средств производства: с одной стороны, прямому общественному присвоению продуктов, в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямому индивидуальному присвоению их в качестве средств существования и потребления.

Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая, под страхом собственной гибели, должна совершить этот

переворот. Заставляя все более и более обращать в государственную собственность крупные обобщественные средства производства, капиталистический способ производства сам указывает путь к совершению этого переворота. *Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность.* Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация данного эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством граждан-рабовладельцев, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, оно само себя делает излишним. С того времени, как не будет ни одного общественного класса, который надо было бы держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые происходят из этой борьбы, — с того времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие средств производства во владение от имени общества — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Управление людьми уступает место распоряжению вещами и руководству процессами производства. Государство не «отменяется», оно *отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую на время в интересах агитации право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так

называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра.

С тех пор как на историческую сцену выступил капиталистический способ производства, переход всех средств производства в собственность общества часто мерещился как отдельным личностям, так и целым сектам в виде более или менее туманного идеала будущего. Но возможным и исторически необходимым он стал лишь тогда, когда появились действительные условия его осуществления. Как и всякий другой общественный прогресс, такой переход становится осуществимым не благодаря достигнутому убеждению, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т. п., не вследствие простого желания отменить эти классы, а лишь вследствие известных новых экономических условий. Разделение общества на классы эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный, было необходимым следствием прежнего недостаточного развития производства. Пока доход совокупного общественного труда едва превышает то, что необходимо для скудного существования всех членов общества, пока труд отнимает все или почти все время громадного большинства общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и ведающий общественными делами: руководством работой, государственными делами, правосудием, науками, искусствами и т. д. Таким образом, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не мешало тому, что это разделение на классы было проведено путем насилия и грабежа, путем обмана и хитрости, и тому, что господствующий класс, уж раз ввязавший в руки бразды правления, никогда не упустил случая упрочить свое господство за счет трудящихся и превратить управление обществом в усиленную эксплуатацию масс.

Но если разделение на классы и имело известное историческое оправдание, то оно имело его лишь для данного периода и при данных общественных условиях. Оно основывалось на недостаточности производства; оно будет сметено полным развитием современных производительных сил. В самом деле, уничтожение общественных классов предполагает достижение такой степени исторического развития, на которой стало анахронизмом, устарело не только господство того или другого определенного класса, но и вообще классовое господство, а следовательно и самое деление на классы. Стало быть, уничтожение классов предполагает такую высокую степень развития производства, на

которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, — не только становится излишним, но и служит препятствием для экономического, политического и умственного развития. Эта ступень теперь достигнута. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных производительных сил и продуктов, которых оно не может использовать, и беспомощно стоит перед тем бессмысленным противоречием, что производителям нечего потреблять именно потому, что нехватает потребителей. В своем могучем росте средства производства разрывают оковы, наложенные на них капиталистическим способом производства. Их освобождение от этих оков есть единственное предварительное условие непрерывного, все ускоряющегося развития производительных сил, а вместе с тем и практически безграничного возрастания самого производства. Но это еще не все. Обращение средств производства в собственность общества устранил не только нынешнее искусственное стеснение производства, но также фактическую растрату и порчу производительных сил и продуктов, эту теперь неизбежную спутницу производства, достигающую своих крайних пределов во время кризисов. Сверх того, оно сбережет для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной расточительной роскоши господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность путем общественного производства обеспечить всем членам общества не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также и полное свободное развитие и использование их физических и умственных способностей, — эта возможность достигнута теперь впервые, но она действительно достигнута*.

* Несколько цифр могут дать приблизительное представление об огромной способности современных средств производства к расширению, даже под капиталистическим гнетом. По вычислениям Гиффена, общая сумма всех богатств Великобритании и Ирландии составляла круглым числом:

в 1814 г.	2 200 млн фунт. стерл.,	или	44 миллиарда марок
» 1865 »	6 100 »	»	» 122 »
» 1875 »	8 500 »	»	» 170 миллиардов »

Что же касается истребления средств производства и продуктов во время кризисов, то на втором конгрессе немецких промышленников, в Берлине, 21 февраля 1878 г., общие потери одной лишь германской железодобывающей промышленности во время последнего кризиса были исчислены в 455 миллионов марок.

Вместе с захватом средств производства в руки общества устраняется товарное производство, а вместе с тем господство продукта над производителем. Анархия общественного производства заменяется планомерной сознательной организацией. Прекращается борьба за индивидуальное существование. Только тогда человек выделяется в известном смысле окончательно из царства животных и переходит из звериных условий существования в условия действительно человеческие. Окружающие людей жизненные условия, до сих пор господствовавшие над ними, подпадают теперь под власть и контроль людей, которые впервые становятся сознательными, действительными повелителями природы, в той мере, как они становятся господами своих собственных общественных отношений. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, станут тогда применяться ими с полным знанием дела, а тем самым подчинятся их господству. Общественное бытие, до сих пор казавшееся людям как бы насильственно навязанным природой и историей, станет их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. Только с этого момента люди начнут сами вполне сознательно творить свою историю, только с этого момента приводимые ими в движение причины общественных процессов будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые следствия. Это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы.

В заключение подведем итоги изложенному нами ходу развития:

I. *Средневековое общество.* Мелкое индивидуальное производство. Средства производства предназначены для индивидуального употребления и потому первобытно-неуклюжи, мелки, с ничтожным действием. Производство с целью непосредственного потребления либо самим производителем, либо его феодальным господином. Лишь там, где оказывается избыток производства над этим потреблением, избыток этот поступает в продажу и подвергается обмену: следовательно, товарное производство — еще в зачаточном состоянии; но уже и в это время оно включает в себе, в зародыше, *анархию общественного производства.*

II. *Капиталистическая революция.* Переворот в промышленности, сначала посредством простой кооперации и мануфактуры. Концентрация распыленных до сих пор средств производства в больших мастерских, тем самым превращение их из средств производства

отдельных лиц в общественные, — превращение, которое в общем и целом не касается формы обмена. Старые формы присвоения остаются в силе. Появляется капиталист; в качестве собственника средств производства он присваивает себе также и продукты и обращает их в товары. Производство становится общественным делом; обмен, а с ним и присвоение продуктов остаются индивидуальным актом, делом отдельных лиц; *продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом*. Это — основное противоречие, из которого вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности:

а) Отделение производителя от средств производства. Обращение рабочего на пожизненный наемный труд. *Противоположность между пролетариатом и буржуазией*.

б) Возрастающий вес и усиливающееся действие законов, господствующих над товарным производством. Необузданная конкуренция. *Противоречие между общественной организацией на каждой отдельной фабрике и общественной анархией в производстве в целом*.

в) С одной стороны — усовершенствование машин, обратившееся благодаря конкуренции в принудительный закон для каждого отдельного фабриканта и означающее в то же время постоянно усиливающееся вытеснение рабочих: *промышленная резервная армия*. — С другой стороны, беспредельное расширение производства, также ставшее принудительным законом конкуренции для каждого фабриканта. — С той и с другой стороны, неслыханное развитие производительных сил, превышение предложений над спросом, перепроизводство, переполнение рынков, кризисы, повторяющиеся каждые десять лет, порочный круг: *здесь излишек средств производства и продуктов, там — излишек рабочих*¹ без занятий и без средств существования. Но оба эти рычага производства и общественного благосостояния не могут соединиться, потому что капиталистическая форма производства не позволяет производительным силам действовать, а продуктам обращаться иначе, как при условии предварительного превращения их в капитал, чему именно и препятствует их излишек. Это противоречие возрастает до бессмыслицы: *способ производства восстает против формы обмена*. Буржуазия уличена в неспособности к дальней-

¹ Подчеркнуто Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*

шему управлению своими собственными общественными производительными силами.

г) Частичное признание общественного характера производительных сил, к чему вынуждены сами капиталисты. Обращение крупных организмов производства и сообщения — в собственность сперва *акционерных компаний*, позднее трестов¹, а затем *государства*. Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими.

III. *Пролетарская революция*. Разрешение противоречий. Пролетариат захватывает общественную власть и превращает с помощью этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в общественную собственность. Этим актом он освобождает средства производства от их прежних свойств капитала и дает полную свободу развития их общественной природе. Становится возможным общественное производство по заранее определенному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, замирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся тем самым господами природы, господами самих себя, — свободными.

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия и вместе с тем самую природу этого переворота и таким образом выяснить призванному его совершить, ныне угнетенному классу условия и природу его собственного дела, — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

---

¹ Слова «позднее трестов» добавлены Энгельсом в 4-м издании. *Ред.*

МИТИНГУ В ЖЕНЕВЕ, СОЗВАННОМУ В ПАМЯТЬ 50-Й ГОДОВЩИНЫ ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 Г.

Граждане!

После первого раздела страны поляки, покинув свою родину, переплывают Атлантический океан, чтобы защищать возникавшую тогда великую американскую республику. Костюшко сражается бок-о-бок с Вашингтоном. В 1794 г., когда французская революция с трудом оказывает сопротивление силам коалиции, славное польское восстание освобождает ее. Польша теряет свою независимость, зато революция спасена. Побежденные поляки вступают в армию «санкюлотов» и оказывают ей помощь в деле разрушения феодальной Европы. Наконец, в 1830 г., когда император Николай и прусский король готовы были осуществить свой план с тем, чтобы новым нападением на Францию восстановить легитимную монархию, — в это время польская революция, которую вы сегодня чествуете, заградила им путь. «Порядок воцарился в Варшаве».

Клич: «Да здравствует Польша!», который раздался тогда по всей Западной Европе, был не только признаком симпатии и восхищения перед патриотическими бойцами, подавленными грубой силой, — этим кличем приветствовали нацию, все восстания которой, столь роковые для нее самой, всегда останавливали контрреволюционный поход, нацию, лучшие сыны которой никогда не переставали вести оборонительную войну, всегда борясь под знаменем народных революций. С другой стороны, раздел Польши укрепил Священный союз, бывший лишь маской гегемонии царя над всеми правительствами Европы. Таким образом, клич: «Да здравствует Польша!» означает сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии, смерть монгольскому господству над современным обществом!

С 1830 г., когда во Франции и в Англии буржуазия в большей или меньшей степени взяла власть в свои руки, начало проявляться пролетарское движение. Уже с 1840 г. имущие классы в Англии были вынуждены прибегать к помощи вооруженной силы для сопротивления чартистской партии, этой первой боевой организации рабочего класса. Одновременно с этим в последнем уголке независимой

Польша, в Кракове, вспыхнула в 1846 г. первая политическая революция, провозгласившая социалистические требования. С той поры к Польше обращаются различные лживые симпатии имущей Европы.

В 1847 г. тайно собирается в Лондоне первый международный конгресс пролетариата, который издает *Коммунистический манифест*, заканчивающийся новым революционным лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На этом конгрессе имела своих представителей и Польша, а на публичном митинге в Брюсселе к резолюциям конгресса присоединился знаменитый Лелевель и его единомышленники.

В 1848 и 1849 гг. революционные армии — немецкие, романские, венгерские, итальянские — были переполнены поляками, которые выделялись и как рядовые солдаты, и как военачальники. Хотя социалистические движения этого времени были потоплены в крови июньских дней, однако революция 1848 г., — этого нельзя забывать, — охватив своим пламенем почти всю Европу, на мгновение создала из нее единую общину и таким образом подготовила почву для Международного товарищества рабочих. Польское восстание 1863 г., вызвавшее дружный протест английских и французских рабочих против международных злодеяний их правительств, послужило исходным пунктом Интернационала, который был основан при участии польских изгнанников. Наконец, среди польских же изгнанников нашла Парижская Коммуна доблестных своих защитников, а после ее падения с точки зрения версальских военных судов достаточно было быть поляком, чтобы тотчас же быть расстрелянным.

Итак, за пределами своего отечества поляки сыграли крупную роль в борьбе за освобождение пролетариата, — они являлись его передовыми международными бойцами.

Ныне, когда борьба эта развивается внутри самого польского народа, пусть будет она поддержана революционной пропагандой, революционной прессой, пусть она объединится со стремлениями наших русских братьев; это будет новым поводом повторить старый клич: «Да здравствует Польша!»

Привет и братство!

Лондон, 27 ноября 1880 года.

Подписи: *Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Поль Лафарг, Ф. Лесснер.*

Бывшие члены Генерального совета Международного товарищества рабочих.

Напечатано

*в журнале «Równosc», Генева, 1881 г.,
на польском языке.*

СЛАВЯНСКОМУ МИТИНГУ 21 МАРТА 1881 Г. В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ¹.

Граждане!

С большим сожалением мы вынуждены сообщить вам, что лишены возможности присутствовать на вашем митинге.

Когда (около десяти лет тому назад) Парижская Коммуна была подавлена после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители меньше всего думали о том, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое после борьбы, — быть может, длительной и жестокой, — в конце концов должно неизбежно привести к созданию Российской Коммуны.

Они меньше всего думали о том, что король Пруссии, который подготовил Коммуну, осадив Париж и принудив таким образом правящую буржуазию вооружить народ, — что этот самый король Пруссии, спустя десять лет осажденный в своей собственной столице социалистами, сможет удержать свой трон только тем, что объявит на осадном положении свою собственную столицу Берлин.

С другой стороны, континентальные правительства, которые после падения Коммуны своими преследованиями принудили Международное товарищество рабочих отказаться от своей формальной, внешней организации, эти правительства, которые полагали, что смогут сокрушить великое международное рабочее движение декретами и исключительными законами, — меньше всего думали о том, что спустя десять лет это самое международное рабочее движение, более мощное, чем когда бы то ни было, охватит рабочий класс не только Европы, но и Америки, что общая борьба за общие интересы против общего врага свяжет рабочих воедино, в новый и более широкий сам собою возникающий (spontaneous) Интернационал, все больше и больше перерастающий всякие (они сами и самопроизвольно и без всякой формы) внешние формы товарищества. (создали бы более широкий Интернационал, гораздо более опасный для существующего

---

¹ Важнейшие вычеркнутые Энгельсом места даны в ( ) скобках. *Ред.*

общества, чем когда-либо был опасен даже прежний, со всей его организацией в форме Совета)

Итак, Коммуна, которую державы старого мира считали стертой с лица земли, теперь сильнее, чем когда бы то ни было, и мы можем, таким образом, вместе с вами воскликнуть: *Vive la Commune!* [Да здравствует Коммуна!]

*Перевод с рукописи
Энгельса на английском языке.*

Фридрих Энгельс
**СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «THE LABOUR
STANDARD» ЗА 1881 Г.**

*Печатались в «The Labour Standard»
(Лондон) с 7 мая по 6 августа
1881 г.*

СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЗА СПРАВЕДЛИВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ.

Таков был лозунг английского рабочего движения в течение последних пятидесяти лет. Он сослужил хорошую службу в период роста тред-юнионов после отмены в 1824 г. гнусных законов о союзах; он сослужил еще лучшую службу в период славного чартистского движения, когда английские рабочие шли во главе европейского рабочего класса. Но времена меняются, и многое из того, что было желательно и необходимо пятьдесят, даже тридцать лет тому назад, — теперь устарело и было бы совершенно неуместно. Не такова ли участь также и этого старинного, издавна почитаемого лозунга?

Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день? Но что такое справедливая заработная плата и что такое справедливый рабочий день? Как определяются они теми законами, под действием которых живет и развивается современное общество? Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться не к науке о нравственности или о праве и не к сентиментальному чувству гуманности, справедливости или хотя бы милосердия. То, что справедливо с точки зрения морали или даже права, может оказаться далеко не справедливым в социальном отношении. Социальная справедливость или несправедливость определяются лишь одною наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производства и обмена — наукой политической экономии.

Что же называет политическая экономия справедливой заработной платой и справедливым рабочим днем? Просто размер заработной платы и продолжительность и интенсивность рабочего дня, которые определяются конкуренцией между предпринимателем и рабочими на вольном рынке. Что же они собою представляют, если исходить из этого определения?

Справедливая заработная плата, при нормальных условиях, есть та сумма, которая нужна для того, чтобы обеспечить рабочему средства существования, необходимые, соответственно уровню жизни в его положении и в данной стране, для поддержания его работоспособности и для продолжения его рода. Действительные размеры заработной платы при колебаниях производства могут быть то выше,

то ниже этой суммы; но эта сумма при нормальных условиях должна оказаться средней равнодействующей всех отклонений.

Справедливый рабочий день есть та продолжительность рабочего дня и та интенсивность выполненной работы, при которых в течение дня полностью расходуется рабочая сила рабочего, но расходуется так, чтобы не повредить его способности выполнять такое же количество труда и завтра и в следующие дни.

Сделка, стало быть, состоит в следующем: рабочий предоставляет капиталисту всю свою однодневную рабочую силу, т. е. такое ее количество, какое он может дать, не делая невозможным непрерывное возобновление сделки. В обмен он получает как раз столько, и не более, необходимых для жизни предметов, сколько требуется для того, чтобы эта сделка могла ежедневно повторяться. Рабочий дает так много, капиталист дает так мало, как только допускает это природа сделки. Такова эта весьма своеобразная справедливость.

Но вникнем в дело несколько глубже. Так как, по учению экономистов, заработная плата и рабочий день определяются конкуренцией, то справедливость, очевидно, требует, чтобы обе стороны были с самого начала поставлены в одинаковые условия. Но этого нет. Если капиталист не мог договориться с рабочим, то он в состоянии ждать, живя на свой капитал. Для рабочего это невозможно. Кроме заработной платы, ему жить не на что, и поэтому он вынужден брать работу тогда, там и на тех условиях, на которых он может ее получить. Рабочий с самого начала оказывается в неблагоприятных условиях борьбы. Голод ставит его в страшно невыгодное положение. Но, согласно политической экономии класса капиталистов, в этом-то и заключается верх справедливости.

Но это еще сущие пустяки. Применение механической силы и машин в новых производствах, а также распространение и усовершенствование машин в тех производствах, где они уже применялись, лишают работы все большее и большее количество «рук»; и это происходит гораздо быстрее, чем эти вытесненные «руки» могут быть поглощены и найти занятие на фабриках страны. Эти вытесняемые «руки» образуют подлинную промышленную резервную армию, которую пользуется капитал. Если дела в промышленности плохи, они могут умирать с голода, просить милостыню, воровать или отправляться в рабочий дом; если дела в промышленности хороши, они всегда под рукою для расширения производства; и пока последний из мужчин, женщин или детей, составляющих эту резервную армию, не найдет работы, — что случается лишь в периоды бешеного перепроизводства, — до тех пор конкуренция этой резервной

армии будет понижать заработную плату, и одно уж ее существование будет укреплять силу капитала в его борьбе против труда. В состязании с капиталом труд не только поставлен в невыгодное положение, но ему еще приходится влечь прикованное к его ноге чугунное ядро. Однако, согласно политической экономии капиталистов, это справедливо.

Но выясним, из какого же фонда платит капитал эту столь справедливую заработную плату. Конечно, из капитала. Но капитал не производит стоимости. Помимо земли, труд — единственный источник богатства; сам капитал есть не что иное, как накопленный продукт труда. Таким образом, плата за труд уплачивается из труда же, а рабочий оплачивается из своего собственного продукта. Согласно тому, что мы можем назвать обычной справедливостью, заработная плата рабочего должна соответствовать продукту его труда. Но согласно политической экономии это не было бы справедливо. Наоборот, продукт труда рабочего достается капиталисту, а рабочий получает из него не более того, что совершенно необходимо для жизни. Таким образом, результатом этого необыкновенно «справедливого» состязания оказывается то, что продукт труда тех, кто трудится, неизбежно накапливается в руках тех, кто не трудится, и становится в их руках могущественнейшим орудием порабощения тех самых людей, которые его произвели.

Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день! Многое можно было бы сказать и о справедливом рабочем дне, справедливость которого точь в точь такова же, как и справедливость заработной платы. Но это придется отложить до другого раза. Из того, что сказано, совершенно ясно, что старый лозунг отжил свой век и вряд ли удержится в наше время. Справедливость политической экономии, поскольку последняя верно формулирует законы, управляющие нынешним обществом, эта справедливость оказывается вся на одной стороне — на стороне капитала. Итак, похороним навеки старый лозунг и заменим его другим:

Средства труда — сырье, фабрики, машины — во владение самих рабочих!

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «The Labour Standard»
от 7 мая 1881 г. в качестве передовой.*

Без подписи ¹.

---

¹ Об авторстве Энгельса в отношении всей этой серии статей из «Labour Standard» см. письмо Энгельса к Марксу от 11 августа 1881 года. *Ред.*

СИСТЕМА НАЕМНОГО ТРУДА.

В предыдущей статье мы исследовали издавна почитаемый лозунг «справедливая заработная плата за справедливый рабочий день» и пришли к заключению, что при нынешних социальных условиях самая справедливая заработная плата неизбежно соответствует самому несправедливому распределению продукта труда рабочего, так как большая часть этого продукта идет в карман капиталиста, а рабочему приходится довольствоваться лишь такой долей, которая дает ему возможность поддерживать свою трудоспособность и продолжать свой род.

Это — закон политической экономии или, другими словами, закон нынешней экономической организации общества, и закон этот сильнее всех писанных и неписанных английских законов, вместе взятых, включая и суд лорда-канцлера. Пока общество разделено на два враждебных класса: с одной стороны — капиталистов, монополизировавших все средства производства, землю, сырье, машины, с другой стороны — трудящихся, рабочих, лишенных всякой собственности на средства производства, не обладающих ничем, кроме собственной рабочей силы, пока существует эта общественная организация, — закон заработной платы останется всемогущим и будет каждый день заново ковать цепи, посредством которых рабочий превращается в раба своего собственного продукта, монополизированного капиталистом.

Английские тред-юнионы вот уже в течение почти шестидесяти лет борются против этого закона, — а каков результат? Удалось ли им освободить рабочий класс от порабощения, в котором держит его капитал, этот продукт его собственных рук? Дали ли они возможность хотя бы части рабочего класса подняться выше положения наемных рабов, стать собственниками своих же средств производства, сырья, инструментов, машин, требующихся в их производстве, и стать таким образом владельцами продукта своего собственного труда? Хорошо известно, что они не только не сделали этого, но никогда и не пытались сделать.

Мы далеки от утверждения, что тред-юнионы бесполезны, по-

тому что не сделали этого. Наоборот, тред-юнионы, как в Англии, так и во всякой другой промышленной стране, необходимы рабочему классу в его борьбе против капитала. Средний размер заработной платы равен сумме предметов первой необходимости, достаточных для того, чтобы рабочие в определенной стране могли поддержать свой род соответственно обычному для этой страны уровню жизни. Этот уровень жизни может быть весьма различен для различных слоев рабочих. Большой заслугой тред-юнионов является то, что, борясь за поддержание на известном уровне размеров заработной платы и за сокращение рабочего дня, они стремятся к поддержанию и к повышению уровня жизни. В восточной части Лондона есть много производств, в которых труд столь же квалифицирован и так же тяжел, как труд каменщиков и их подручных, а между тем там зарабатывают едва половину заработной платы последних. Почему? Просто потому, что мощная организация дает одной группе возможность удерживать сравнительно высокий уровень жизни как норму, которую измеряется ее заработная плата, тогда как другая группа, неорганизованная и бессильная, вынуждена терпеть не только неизбежные, но вдобавок и произвольные вымогательства своих предпринимателей; ее уровень жизни постепенно понижается, она приучается жить на все меньшую и меньшую заработную плату, и ее заработная плата, разумеется, падает до того уровня, с которым сама она привыкла мириться.

Итак, закон заработной платы совсем не такой закон, который действует неизбежно и прямолинейно. В известных пределах он вовсе не является неумолимым. Во всякое время (за исключением периодов глубокой депрессии) для всякой отрасли производства существует определенная амплитуда колебаний, в пределах которой размеры заработной платы могут быть изменены в результате борьбы между двумя борющимися сторонами. Заработная плата в каждом случае устанавливается путем торга, а при торге тот, кто дольше и успешнее сопротивляется, имеет лучшие шансы получить больше, чем ему полагается. Если торг с капиталистом пытаются вести изолированный рабочий, то его одолеть легко, и ему приходится сдаться на милость врага; но если рабочие целой отрасли производства образуют мощную организацию, собирают общими силами денежный фонд, дающий им возможность в случае надобности выдержать бой со своими предпринимателями, и благодаря этому могут с этими предпринимателями вести переговоры как определенная сила, — тогда, и только тогда, имеют они возможность получить хотя бы то жалкое подаяние, которое соответственно

экономическому строю современного общества можно назвать справедливой заработной платой за справедливый рабочий день.

Закон заработной платы не нарушается борьбой, которую ведут тред-юнионы. Наоборот, он выполняется благодаря им. Без тех средств сопротивления, которые дают тред-юнионы, рабочий не получал бы даже того, что ему следует получить соответственно законам системы наемного труда. Лишь имея пред собою угрозу в лице тред-юнионов, капиталист может быть вынужден платить полную рыночную стоимость рабочей силы своего работника. Вы ждете доказательств? Взгляните на заработную плату, выплачиваемую членам крупных тред-юнионов, и на заработную плату, выплачиваемую в бесчисленных мелких производствах в восточной части Лондона, этом омуте беспросветной нищеты.

Итак, тред-юнионы не производят нападения на систему наемного труда. Но экономическая деградация рабочего класса обусловливается не высокой или низкой заработной платой, — эта деградация заключается в том факте, что вместо того, чтобы получить за свой труд полный продукт этого труда, рабочий класс вынужден удовлетворяться частью своего собственного продукта, именуемую заработной платой. Капиталист загребает себе весь продукт (уплачивая из него рабочему), потому что он является собственником средств труда. И поэтому подлинное освобождение рабочего класса невозможно до тех пор, пока он не станет собственником всех средств труда — земли, сырья, машин и т. д., — а тем самым и собственником *всего продукта своего собственного труда*.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «The Labour Standard»
от 21 мая 1881 г. в качестве передовой.*

Без подписи.

ТРЕД-ЮНИОНЫ.

I.

В предыдущей статье мы рассмотрели деятельность тред-юнионов, поскольку они в борьбе с предпринимателями добиваются выполнения экономического закона заработной платы. Мы возвращаемся к этому предмету, так как в высшей степени важно, чтобы рабочий класс в целом вполне понимал его.

Мы полагаем, что ни одному английскому рабочему в настоящее время незачем разъяснять, что в интересах как отдельного капиталиста, так и класса капиталистов в целом, — как можно больше снизить заработную плату. Продукт труда, за вычетом всех издержек, разделяется, как неопровержимо доказал Давид Рикардо, на две доли: одну долю составляет заработная плата рабочего, другую — прибыль капиталиста. А так как в каждом отдельном случае этот чистый продукт труда есть некоторая определенная величина, то ясно, что доля, именуемая прибылью, не может быть увеличена без понижения доли, именуемой заработной платой. Отрицать, что в интересах капиталиста — снижать заработную плату, это все равно что утверждать, будто не в его интересах — увеличивать свою прибыль.

Мы очень хорошо знаем, что существуют другие способы временно увеличивать прибыль, но они не изменяют общего закона, и поэтому здесь нам нет нужды ими заниматься.

Каким же образом капиталисты могут понижать заработную плату, если размер заработной платы определяется точным и вполне определенным социально-экономическим законом? Экономический закон заработной платы существует, и он неопровержим. Но он, как мы видели, эластичен, и притом в двух направлениях. Уровень заработной платы в отдельной отрасли производства можно снизить либо прямо, приучая постепенно рабочих этого производства к более низкому уровню жизни, либо же косвенно, увеличивая число ежедневных рабочих часов (или интенсивность труда в течение того же числа рабочих часов) без увеличения платы.

Заинтересованность каждого отдельного капиталиста в увеличении своей прибыли путем понижения заработной платы его рабочих получает новый стимул вследствие взаимной конкуренции между капиталистами одной и той же отрасли производства. Каждый из них старается продавать дешевле своих конкурентов, и, чтобы не жертвовать своей прибылью, он должен стараться понизить заработную плату. Итак, давление на размеры заработной платы, производимое в интересах каждого отдельного капиталиста, вдесятеро увеличивается вследствие конкуренции между ними. То, что прежде было делом получения большей или меньшей прибыли, теперь становится делом необходимости.

Против этого постоянного, непрекращающегося давления неорганизованный труд не имеет никаких действительных средств сопротивления. Поэтому в тех отраслях производства, где рабочие неорганизованы, заработная плата имеет постоянную тенденцию падать, а продолжительность рабочего дня имеет постоянную тенденцию увеличиваться. Этот процесс подвигается медленно, но верно. В периоды процветания он может по временам прерываться, но затем в периоды промышленного застоя он еще более ускоряется. Рабочие постепенно привыкают к все более и более низкому уровню жизни. В то время как продолжительность рабочего дня все более и более приближается к возможному максимуму, заработная плата становится все ближе и ближе к своему абсолютному минимуму, — к сумме, ниже которой для рабочего становится абсолютно невозможно жить и продолжать свой род.

Временное исключение из этого правила наблюдалось в начале этого века¹. Быстрое распространение пара и машин не поспевало за еще более быстрым ростом спроса на изготавливаемую с их помощью продукцию. Заработная плата в этих отраслях производства, за исключением заработной платы детей, проданных фабриканту из работного дома, была обычно высока; плата за такой квалифицированный ручной труд, без которого нельзя было обойтись, бывала очень высока; то, что обычно получал красильщик, механик, мастер в производстве бархата, прядильщик, пользовавшийся ручной мюль-машиной, кажется теперь баснословным. В то же время в тех отраслях промышленности, где рабочие вытеснялись машиной, они медленно умирали с голоду. Но новоизобретенные машины вытесняли шаг за шагом и хорошо оплачиваемых рабочих; изобретались машины, изготовлявшие машины, и изготовлявшие в таких размерах,

¹ Т. е. XIX века. *Ред.*

что предложение товаров, произведенных при помощи машин, не только соответствовало спросу, но даже превышало его. Когда всеобщий мир в 1815 г. восстановил регулярную торговлю, начались десятилетние периоды колебаний между процветанием, перепроизводством и коммерческой паникой. Все те преимущества, которые рабочие сохраняли от старых времен процветания и которые они, быть может, даже приумножали в период бешеного перепроизводства, отнимались у них теперь, в период промышленного застоя и паники; и вскоре фабричное население Англии было подчинено тому общему закону, согласно которому заработная плата неорганизованных рабочих постоянно стремится к абсолютному минимуму.

Но тем временем в дело вмешались тред-юнионы, узаконенные в 1824 г., и это было как раз во-время. Капиталисты всегда организованы. В большинстве случаев они не нуждаются ни в формальных союзах, ни в правилах, ни в должностных лицах и т. д. Их немногочисленность по сравнению с рабочими, тот факт, что они образуют особый класс, их постоянные общественные и коммерческие сношения — заменяют им все это. Лишь впоследствии, когда какая-либо отрасль фабричного производства получала преобладание в целом районе, — как, например, хлопчатобумажное производство в Ланкашире, — становился необходимым такой формальный тред-юнион капиталистов. С другой стороны, рабочие с самого начала не могут обойтись без сильной организации с твердо установленными правилами и с предоставлением полномочий должностным лицам и комитетам. Акт 1824 г. сделал эти организации легальными. С тех пор труд стал в Англии силой. Прежде беспомощная, разъединенная масса больше уж таковою не была. К мощи, созданной единством и совместной деятельностью, вскоре добавилась сила изрядно наполненной кассы, «фонд сопротивления», как выразительно называют это наши французские братья. Тут уж все положение совершенно изменилось. Позволить себе снизить заработную плату или удлинить рабочий день стало для капиталистов рискованным делом.

Отсюда яростные нападки класса капиталистов того времени на тред-юнионы. Стародавнюю практику угнетения рабочего класса этот класс считал всегда своим правом и законной привилегией. Теперь пришлось положить этому конец. Не удивительно, что они громко выражали свое негодование и считали, что нанесен ущерб их правам и их собственности, по меньшей мере так же, как считают в настоящее время ирландские лендлорды.

Опыт шестидесятилетней борьбы несколько образумил их.

Тред-юнионы стали теперь признанными учреждениями, и действие их в качестве одного из регуляторов заработной платы признано в такой же мере, в какой признано действие фабричных законов как регуляторов продолжительности рабочего дня. Более того, хлопчатобумажные фабриканты в Ланкашире в последнее время даже сами позаимствовали кое-что у рабочих, и теперь умеют, когда это в их интересах, организовать стачку не хуже, а то даже и лучше, чем какой-либо тред-юнион.

Таким образом, именно благодаря деятельности тред-юнионов, вопреки предпринимателям, соблюдается закон заработной платы; благодаря деятельности тред-юнионов рабочие хорошо организованной отрасли производства имеют возможность получать, по крайней мере приблизительно, полную стоимость рабочей силы, которую они отдают в наем своему предпринимателю; благодаря той же деятельности достигается при помощи государственных законов то, что рабочий день хотя бы не слишком превышает ту максимальную продолжительность, за пределами которой рабочая сила преждевременно истощается. Это, однако, крайний предел того, чего тред-юнионы, при нынешней их организации, могут надеяться достигнуть, да и то — лишь посредством постоянной борьбы, при огромных затратах сил и средств; к тому же колебания в ходе производства, по крайней мере раз в каждые десять лет, разрушают в один момент все, что было завоевано, и борьбу приходится начинать сначала. Это — порочный круг, из которого нет исхода. Рабочий класс остается тем, чем он был и чем не боялись называть его наши предки чартисты, — классом наемных рабов. Таков ли должен быть конечный итог всех этих усилий, самопожертвования и страданий? Это ли должно всегда оставаться высшей целью британских рабочих? Или же рабочий класс Англии должен, наконец, попытаться вырваться из этого порочного круга и найти выход в движении, направленном к *уничтожению самой системы наемного труда?*

В следующей статье мы рассмотрим роль тред-юнионов как организаторов рабочего класса.

II.

До сих пор мы рассматривали функции тред-юнионов лишь постольку, поскольку они содействуют регулированию размеров заработной платы и обеспечивают рабочему в его борьбе против капитала по крайней мере некоторые средства сопротивления. Но эта сторона дела не исчерпывает нашего предмета.

Мы говорили о борьбе рабочего против капитала. Борьба эта существует, сколько бы ни отрицали это апологеты капитала. Она будет существовать до тех пор, пока снижение заработной платы остается самым надежным и самым легким способом увеличения прибыли, более того, пока будет существовать сама система наемного труда. Самое существование тред-юнионов является достаточным доказательством этого; если они созданы не для того, чтобы бороться против вымогательств со стороны капитала, то для чего же они созданы? Нечего замазывать дело. Никакие слащавые фразы не могут скрыть того неприятного факта, что современное общество разделяется в основном на два больших антагонистических класса — на капиталистов, обладающих всеми средствами, необходимыми для применения труда, с одной стороны, и на рабочих, не обладающих ничем, кроме своей собственной рабочей силы, с другой стороны. Продукт труда этого последнего класса приходится делить между обоими классами, и из-за этого дележа постоянно идет борьба. Каждый класс стремится получить как можно большую долю; в этой борьбе самое курьезное то, что, когда рабочий класс борется за получение лишь части своего собственного продукта, его довольно часто обвиняют в том, будто он в самом деле грабит капиталиста!

Но борьба между двумя большими общественными классами необходимо становится борьбой политической. Такова была долгая борьба между буржуазией или классом капиталистов и землевладельческой аристократией; такова и борьба между рабочим классом и теми же капиталистами. Во всякой борьбе класса против класса ближайшею целью борьбы является политическая власть; господствующий класс защищает свое политическое господство, — иначе говоря, свое надежное большинство в законодательных органах; низший класс борется сперва за долю этой власти, а затем за всю власть, чтобы получить возможность изменить существующие законы соответственно своим собственным интересам и нуждам. Так, рабочий класс Великобритании с пылом, и прибегая даже к насилию,

годами боролся за Народную хартию, которая должна была дать ему эту политическую власть. Он потерпел поражение, но борьба произвела такое впечатление на победившую буржуазию, что с тех пор она бывала очень довольна уж тем, что ценою все новых и новых уступок рабочим покупала продолжение перемирия.

Но в политической борьбе класса против класса важнейшим оружием является организация. И по мере того, как распалась чисто политическая или чартистская организация, в той же мере организация тред-юнионов становилась все сильнее и сильнее, пока в настоящее время она не достигла такой степени мощи, что с нею не может сравниться ни одна рабочая организация других стран. Несколько крупных тред-юнионов, охватывающих от одного до двух миллионов рабочих и подкрепленных меньшими или местными союзами, представляют силу, с которою вынуждено считаться всякое правительство господствующего класса, будь то виги или тори.

Соответственно традициям, установившимся при возникновении и развитии этих могущественных организаций в Англии, их деятельность ограничивалась до сих пор почти исключительно регулированием заработной платы и рабочего дня и требованием отмены законов, открыто направленных против рабочих. Как указано выше, они делали это с успехом, вполне соответствовавшим тому, чего они были в праве ожидать. Но они достигли большего: правящий класс, который знает их силу лучше, чем они сами, сообразовал сделать им добавочные уступки. Дав избирательное право квартиронанимателям, Дизраэли предоставил право голоса по крайней мере большей части организованного рабочего класса. Разве он внес бы это предложение, если бы не предполагал, что эти новые избиратели выразят свою собственную волю, что они перестанут идти на поводу у либеральных политиков буржуазии? Разве мог бы он провести это предложение, если бы рабочие, управляя своими огромными профессиональными союзами, не доказали своей способности к административной и политической деятельности?

Именно это мероприятие открыло новые перспективы для рабочего класса. Оно доставило ему большинство в Лондоне и во всех фабричных городах и, таким образом, дало ему возможность начать борьбу против капитала новым оружием, посылая в парламент людей своего собственного класса. Но здесь-то и приходится, к сожалению, сказать, что тред-юнионы забыли свои обязанности передового отряда рабочего класса. В течение более чем десяти лет находилось в их руках новое оружие, но едва ли хоть раз они обнажили его. А им не следовало бы забывать, что они не смогут сохранить зани-

маемое ими теперь положение, если не будут действительно идти в авангарде рабочего класса. Невероятно, чтобы рабочий класс Англии, будучи в состоянии посылать в парламент сорок или пятьдесят рабочих, все же вечно удовлетворялся тем, что его представляют капиталисты или их приказчики, вроде юристов, издателей и т. п.

Мало того: есть много симптомов, что в рабочем классе Англии просыпается сознание того, что некоторое время он шел по ложному пути; что нынешнее движение, исключительной целью которого является повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, держит его в порочном кругу, из которого нет исхода; что основным злом является не низкий уровень заработной платы, а сама система наемного труда. Как только понимание этого станет среди рабочего класса общераспространенным, — положение тред-юнионов должно будет существенно измениться. У них не будет больше той привилегии, что они — единственные организации рабочего класса. Наряду с союзами отдельных профессий или над этими союзами должен будет возникнуть общий союз, политическая организация рабочего класса как целого.

Итак, организованным тред-юнионам следует хорошенько учесть два обстоятельства: во-первых, что быстро приближается время, когда рабочий класс Англии недвусмысленным образом потребует полной доли своего представительства в парламенте. Во-вторых, что столь же быстро приближается время, когда рабочий класс поймет, что борьба за высокую заработную плату и за короткий рабочий день, как и вся деятельность тред-юнионов в ее нынешнем виде, являются не самоцелью, а лишь средством, пусть средством необходимым и действительным, но все же только одним из многих средств, ведущих к достижению более высокой цели: к полному уничтожению всей системы наемного труда.

Для полного представительства труда в парламенте, равно как и для подготовки к уничтожению системы наемного труда, станет необходима организация не отдельных профессий, а рабочего класса как целого. И чем скорее это будет сделано, тем лучше. Нет в мире такой силы, которая хотя бы в течение одного дня могла сопротивляться британскому рабочему классу, организованному как единое целое.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «The Labour Standard»

от 28 мая и от 4 июня 1881 г.

в качестве передовых.

Без подписи.

ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР С ФРАНЦИЕЙ.

В четверг 9 июня в палате общин г. Монк (депутат от Глостера) предложил резолюцию, гласящую, что «не может быть признан удовлетворительным такой торговый договор с Францией, который не будет способствовать расширению торговых отношений между обеими странами путем дальнейшего понижения пошлин». Последовали довольно продолжительные прения. Сэр Ч. Дилк от имени правительства оказал слабое сопротивление, требуемое дипломатическим этикетом. Г-н Дж. А. Бальфур (от Тэмуорта) предложил встречными пошлинами принудить другие нации ввести снижение тарифов. Г-н Слегг (от Манчестера) предложил даже без всякого договора предоставить французам убедиться в значении нашей торговли для них и их торговли для нас. Г-н Иллингуорт (от Бредфорда) потерял надежду на достижение свободы торговли путем торговых договоров. Г-н Мак-Айвер (от Биркенгеда) заявил, что нынешняя система свободной торговли — только обман, поскольку она сводится к свободе ввоза и ограничению вывоза. Резолюция была принята 77 против 49, — поражение, от которого не пострадает ни настроение г. Гладстона, ни его положение.

Эти прения являются превосходным образчиком длинного ряда вечно повторяемых жалоб на то упрямство, с которым глупые иностранцы и столь же глупые колониальные подданные отказываются признать всеобщую благодетельность свободной торговли и ее способность излечивать все экономические бедствия. Ни одно пророчество никогда еще не проваливалось в такой степени, как пророчество манчестерской школы, будто свободная торговля, будучи установлена в Англии, окажется столь благодетельной для страны, что все другие нации должны будут последовать ее примеру и открыть свои гавани для английских товаров. Увещающий голос апостолов свободной торговли остался гласом вопиющего в пустыне. Не только континент и Америка повысили, в целом, свои покровительственные пошлины; их примеру последовали даже британские колонии, как только в них было введено самоуправление; и едва лишь Индия была подчинена короне, как даже там была вве-

дена пятипроцентная пошлина на хлопчатобумажные изделия в качестве стимула для развития туземной промышленности.

Как могло это случиться, — непостижимая тайна для манчестерской школы. Между тем, это достаточно ясно.

Около середины прошлого века хлопчатобумажная промышленность сосредоточивалась главным образом в Англии, и поэтому естественно, что именно здесь, при быстро возрастающем спросе на хлопчатобумажные изделия, были изобретены машины, которые с помощью парового двигателя революционизировали сперва хлопчатобумажное производство, а вслед затем и всю текстильную промышленность. Обширные и легко доступные месторождения каменного угля в Великобритании благодаря пару стали теперь основой процветания страны. Обильные залежи железной руды, расположенные вблизи от каменного угля, облегчили развитие железнорудной промышленности, получившей новый стимул в связи со спросом на машины и оборудование. Далее, в самый момент этой революции всей промышленной системы начались антиякобинские и наполеоновские войны, которые приблизительно на двадцать пять лет вытеснили с морей корабли почти всех конкурировавших наций и, таким образом, дали английским промышленным товарам фактическую монополию на всех заатлантических и на некоторых европейских рынках. Когда в 1815 г. мир был восстановлен, Англия со своими фабриками, на которых применялся пар, была в состоянии снабжать весь мир, между тем как в других странах паровые машины были еще почти неизвестны. В фабричном производстве Англия опередила их в огромной степени.

Но восстановление мира побудило вскоре другие нации пойти по стопам Англии. Прикрытая китайской стеной своего запретительного тарифа, Франция начала применять пар в промышленности. Так же поступила и Германия, хотя ее тариф в то время был гораздо либеральнее, чем во всех прочих странах, не исключая и Англии. Так же поступили и другие страны. В то же время британская землевладельческая аристократия для повышения своей ренты установила хлебные законы, повысив тем самым цену на хлеб, а вместе с нею и денежное выражение заработной платы. Несмотря на это, развитие английской фабричной промышленности шло с изумительной быстротой. Около 1830 г. Англия изо всех сил стремилась стать «мастерской мира». Лига борьбы против хлебных законов задалась целью в самом деле сделать из Англии мастерскую мира.

В те времена не скрывали, какую цель преследовали отменой хлебных законов. Понижение цены на хлеб, а следовательно и

денежной заработной платы, дало бы британским фабрикантам возможность презреть всякую конкуренцию, которой угрожали им нечестивые или невежественные иностранцы. Что могло быть естественнее того, чтобы Англия, при ее великих успехах в машинном производстве, с ее огромным торговым флотом, с ее углем и железом, снабжала весь мир фабричными изделиями и чтобы внешний мир снабжал ее в свою очередь земледельческими продуктами, зерном, вином, льном, хлопком, кофе, чаем и т. д.? Такова уж была воля провидения; противиться этому было бы прямым возмущением против велений бога. Самое большее, — это можно было бы разрешить Франции снабжать Англию и остальную часть мира такими предметами вкуса и моды, которых нельзя было изготовлять с помощью машин и которые даже не заслуживали внимания просвещенного фабриканта. Тогда, и только тогда, воцарился бы мир на земле и во человецех благоволение; тогда все нации были бы связаны нежнейшими узами торговли и взаимной выгоды; тогда навеки установилось бы царство мира и изобилия; а рабочему классу, своим «рукам», они говорили: «наступает хорошее время, ребята, — подождите еще немного». Конечно, «руки» так и ждут до сих пор.

Но между тем как «руки» ждали, нечестивые и невежественные иностранцы не ждали. Они вовсе не видели прелести в такой системе, при которой временные индустриальные преимущества, которыми обладала Англия, превратились бы в средство навсегда обеспечить за нею фабричную монополию во всем мире и свести все остальные нации к зависимой роли простых аграрных придатков Англии, — другими словами, к весьма завидному положению Ирландии. Они понимали, что ни одна нация не может не отстать от других в отношении цивилизации, если она лишена фабрик и осуждена тем самым оставаться лишь скоплением мужланов. И поэтому, подчиняя частную коммерческую выгоду национальным потребностям, они охраняли свои зарождающиеся фабрики высокими тарифами, представлявшимися им единственным средством предохранить себя от того, чтобы опуститься до того экономического положения, в котором имеет удовольствие пребывать Ирландия.

Мы вовсе не хотим сказать, что во всех случаях было правильно поступать именно так. Наоборот, Франция много выиграла бы, если бы значительно приблизилась к свободе торговли. Германские фабрики, каковы бы они ни были, достигли своего нынешнего состояния при свободе торговли, а новый покровительственный тариф, введенный Бисмарком, никому не принесет вреда, кроме самих немецких фабрикантов. Но есть одна страна, в которой краткий период

протекционизма не только был извинителен, но и являлся делом абсолютной необходимости, именно — Америка.

Америка находится на той стадии развития, когда введение фабрик стало национальной необходимостью. Лучшим доказательством этого является тот факт, что в изобретении сберегающих труд машин впереди идет уже не Англия, а Америка. Американские изобретения ежедневно вытесняют английские патенты и английские машины. Американские машины ввозятся в Англию, и это происходит почти во всех отраслях промышленности. Америка обладает к тому же энергичнейшим в мире населением, месторождениями каменного угля, по сравнению с которыми английские представляются чуть ли не бесконечно-малой величиной, железом и — в изобилии — всеми другими металлами. И можно ли предположить, что такая страна обречет свою молодую и растущую промышленность на долгую, длительную конкурентную борьбу с давно окрепшею промышленностью Англии, если она может в течение краткого периода каких-нибудь двадцати лет протекционизма сразу подняться до уровня любого конкурента? Но, — утверждает манчестерская школа, — Америка сама себя разоряет своей покровительственной системой. Так разоряет сам себя человек, который платит надбавку за скорость в курьерском поезде, вместо того, чтобы пользоваться стародавним пассажирским (old Parliamentary train), — и делает пятьдесят миль в час вместо двенадцати.

Не подлежит сомнению, что нынешнее поколение увидит, как американские хлопчатобумажные товары будут конкурировать с английскими в Индии и в Китае и постепенно отвоюют себе почву на этих двух важнейших рынках. Американские машины и железные и стальные товары конкурируют с английскими во всех частях света, в том числе и в Англии. И та же неумолимая необходимость, в силу которой фламандские мануфактуры передвинулись в Голландию, а голландские — в Англию, вскоре передвинет центр мировой промышленности из Англии в Соединенные Штаты. А на ограниченном поле деятельности, которое останется тогда для Англии, она найдет страшных конкурентов в лице некоторых континентальных наций.

Нельзя уже больше отвертеться от того факта, что промышленная монополия Англии на ущербе. Если «просвещенная» буржуазия полагает, что в ее интересах замалчивать это, то пусть рабочий класс смело глядит правде в лицо, потому что он заинтересован здесь больше, чем даже «высшие» классы. Последние могут все же еще долгое время оставаться банкирами и ростовщиками мира, подобно тому,

как это делали до них венецианцы и голландцы в период своего упадка. Но что будет с «руками», когда огромная внешняя торговля Англии начнет с каждым годом сокращаться вместо того, чтобы возрастать? Если достаточно было перемещения кораблестроения (из металла) с берегов Темзы на берега Клайда, чтобы довести всю восточную часть Лондона до хронического пауперизма, то что станет с Англией после фактического перемещения всех основных отраслей английской промышленности по ту сторону Атлантического океана?

Результатом будет одно великое дело: будет разбито последнее звено, связывающее еще английский рабочий класс с английской буржуазией. Этим звеном было их совместное стремление к национальной монополии. Раз будет уничтожена эта монополия, британский рабочий класс вынужден будет взять в свои руки свои собственные интересы, свое собственное спасение, и положить конец системе наемного труда. Будем надеяться, что он не станет ждать до тех пор.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «The Labour Standard»
от 18 июня 1881 г. в качестве передовой.*

Без подписи.

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Начиная с осени 1837 г. для нас стало вполне привычным явлением, что денежная паника и коммерческие кризисы ввозятся в Англию из Нью-Йорка. Из всех кризисов, каждые десять лет повторяющихся в промышленности, по крайней мере половина разражалась в Америке. Но что Америка сможет потрясти также и освященные веками отношения, существующие в британском земледелии, революционизировать сложившиеся с незапамятных времен феодальные отношения между лендлордом и держателем (*tenant at will*), нанести удар английской ренте и разорить английские фермы, — такое зрелище держалось про запас для последней четверти XIX века.

И, однако, это так. Девственная почва западных прерий, которая теперь возделывается не отдельными небольшими участками, а сразу тысячами квадратных миль, начинает теперь определять цену на пшеницу, а следовательно и ренту с засеянной пшеницею земли. И ни одна старая почва не может с нею конкурировать. Это — изумительная земля, ровная или слегка волнистая; это почва, которую не колебали мощные сотрясения, которая сохранилась в том же точно состоянии, в каком она медленно осаждалась на дне третичного океана; почва, свободная от камней, скал, деревьев; готовая для непосредственной обработки, без всяких предварительных работ. Не нужно ни расчистки, ни осушения почвы; пройдитесь по ней плугом, — и она готова принять семена; и она принесет двадцать-тридцать урожаев пшеницы подряд без всякого удобрения. Эта почва пригодна для земледелия гигантских размеров, и ее в гигантских размерах обрабатывают. Британский земледelec привык гордиться своими крупными фермами, противопоставляя их маленьким фермам континентальных собственников-крестьян; но что такое самые крупные фермы Соединенного королевства по сравнению с фермами американских прерий, фермами в 40 000 и более акров, обрабатываемыми настоящими армиями людей, лошадей и орудий, армиями, дисциплинированными, управляемыми и организованными, как армии солдат?

Эта американская революция в земледелии вместе с революционизированными транспортными средствами, изобретенными американцами, привели к тому, что в Европу ввозится пшеница по таким низким ценам, что с нею не может конкурировать ни один европейский фермер, по крайней мере до тех пор, пока он вынужден платить ренту. Посмотрите, что произошло в 1879 г., когда это впервые почувствовали. Во всей Западной Европе был плохой урожай; в Англии дело было совсем плохо. И все же благодаря американскому зерну цены почти не изменились. Впервые британский фермер испытал одновременно и плохой урожай, и низкие цены на пшеницу. Тогда фермеры начали волноваться, лендлорды почувствовали беспокойство. На следующий год, при лучшем урожае, цены стали еще ниже. Цена зерна определяется теперь издержками его производства в Америке плюс издержки транспорта. И с каждым годом это будет сказываться все более и более, по мере того как будут попадать под плуг все новые участки земли в прериях. Необходимые же для этого армии земледельческих рабочих мы сами подыскиваем в Европе, отправляя за океан эмигрантов.

Прежде для фермера и для лендлорда существовало хоть то утешение, что если не принесло дохода зерно, то можно себя вознаградить на мясе. Пахотная земля обращалась в пастбища, и опять все было прекрасно. Но теперь отнят и этот ресурс. Американское мясо и американский скот вывозятся во все большем и большем количестве. И не только американский. Есть еще, по крайней мере, две больших скотоводческих страны, которые усиленно ищут способа пересылать в Европу, и особенно в Англию, свой огромный избыток мяса, не находящий теперь сбыта. При нынешнем состоянии науки и при быстрых успехах в ее применении мы можем быть уверены, что — самое позднее — через несколько лет австралийская и южно-американская говядина и баранина будут доставляться в полной сохранности и в огромном количестве. Что станет тогда с процветанием британского фермера, с длинным списком доходов британского лендлорда? Конечно, очень хорошо разводить крыжовник, клубнику и т. п., но этот рынок и так вполне достаточно насыщен. Британский рабочий, несомненно, мог бы потреблять и гораздо больше этих деликатесов, но в таком случае сперва повысьте его заработную плату.

Вряд ли нужно говорить о том, что действие этой новой американской аграрной конкуренции сказывается также и на континенте. Мелкий собственник-крестьянин, оказывающийся большею частью по уши в долгах по закладным, платящий проценты и судебные из-

держки взамен ренты, которую платит английский и ирландский фермер, — этот крестьянин ощущает ее так же сильно. Своеобразным результатом этой американской конкуренции оказывается то, что она делает бесполезным не только крупное, но и мелкое землевладение, ибо невыгодным становится и то, и другое.

Могут возразить, что та система истощения земли, которую практикуют ныне на дальнем Западе, не может продолжаться вечно и что дела должны снова поправиться. Конечно, она не может длиться вечно; но неистощенной земли там еще достаточно много, чтобы этот процесс затянулся еще и на будущее столетие. Сверх того, есть и другие страны, представляющие такие же преимущества. Существует вся южно-русская степь, где и в самом деле коммерсанты скупили землю и проделали то же самое. Существуют обширные пампасы Аргентинской республики, существуют и другие места; все эти земли одинаково пригодны для этой новейшей системы гигантских ферм и дешевого производства. Так что до той поры, когда наступит истощение, эта система продержится еще достаточно долго, по крайней мере вдвое больше, чем нужно для того, чтобы покончить со всеми землевладельцами Европы, крупными и мелкими.

Ну, а к чему всё это ведет? Это ведет и должно привести к тому, что нам придется национализировать землю и обрабатывать ее кооперативными товариществами под контролем народа. Тогда, и только тогда, и для земледельцев и для нации снова станет выгодно обрабатывать землю, каковы бы ни были цены на американское или иное зерно и мясо. Если же тем временем лендлорды в самом деле переселятся в Америку, а они, повидимому, уже наполовину склонны это сделать, то мы пожелаем им счастливого пути.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «The Labour Standard»
от 2 июля 1881 г. в качестве передовой.*

Без подписи.

ТЕОРИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ТОЛКОВАНИИ ЛИГИ БОРЬБЫ ПРОТИВ ХЛЕБНЫХ ЗАКОНОВ.

Ниже мы печатаем письмо г. Дж. Нобля, который возражает против некоторых замечаний, сделанных нами в передовой статье в «The Labour Standard» от 18 июня. Хотя столбцы, предназначенные для передовых статей, мы не можем занимать полемикой по поводу исторических фактов или экономических теорий, — все же на этот раз мы ответим человеку, который хотя и стоит на позиции правительственной партии, но, повидимому, искренен.

На наше утверждение, что посредством отмены хлебных законов стремились достигнуть «понижения цены на хлеб, а следовательно и денежной заработной платы», г. Нобль возражает, что таково было «протекционистское заблуждение», против которого настойчиво боролась Лига, и в доказательство этого приводит несколько выдержек из речей Ричарда Кобдена и из одного воззвания Совета Лиги.

Автор статьи, о которой идет речь, жил в то время в Манчестере — он был там одним из фабрикантов. Ему, конечно, превосходно известно, какова была официальная доктрина Лиги. Если свести ее к самой краткой и наиболее общепризнанной формулировке (ибо вариантов есть много), то она гласила так: отмена хлебных пошлин увеличит нашу торговлю с другими странами, непосредственно увеличит наш ввоз, в обмен на который иностранные потребители будут покупать наши фабричные изделия, повышая тем самым спрос на наши фабричные товары; таким образом, увеличится спрос на труд нашего промышленного рабочего населения, а стало быть должна повыситься заработная плата. День за днем и год за годом повторяя эту теорию, официальные представители Лиги, будучи поверхностными экономистами, могли, наконец, выступить с изумительным утверждением, будто заработная плата повышается и понижается обратно пропорционально не прибыли, а цене продуктов питания; что дорогой хлеб означает низкую заработную плату, а дешевый хлеб — высокую заработную плату. Таким образом, ораторы Лиги провозгласили, что повторяющиеся каждые десять лет промышленные кризисы, существовавшие и до и после отмены

хлебных пошлин, являются просто результатами хлебных законов, результатами, которые должны исчезнуть, как только будут отменены эти ненавистные законы; что хлебные законы являются единственным крупным препятствием, стоящим между британским фабрикантом и жаждущими изделий этого фабриканта бедными иностранцами, не одетыми и дрожащими от холода из-за недостатка британских материй. И таким образом, Кобден в самом деле мог заявить в выдержке, цитируемой г. Ноблем, что промышленная депрессия и понижение заработной платы в период от 1839 до 1842 г. были последствием чрезмерно высокой цены на хлеб в эти годы, тогда как это было не что иное, как один из обычных периодов промышленной депрессии, повторяющихся с величайшей регулярностью, вплоть до настоящего времени, каждые десять лет; период депрессии, значительно удлиненный и отягощенный плохим урожаем и нелепым вмешательством алчного законодательства лендлордов.

Вот какова была официальная теория Кобдена, который при всех своих способностях агитатора был плохим дельцом и поверхностным экономистом. Он, несомненно, верил в нее так же искренно, как г. Нобль верит в нее по сей день. Но большинство Лиги состояло из практических дельцов, которые больше, чем Кобден, заботились о делах и достигали в них обычно большего успеха. Совсем по-другому относились они к этому делу. Конечно, пред лицом посторонних лиц и на публичных митингах, в особенности же пред лицом их «рук», официальная теория выдавалась обычно за «суть дела». Но дельцы, занимаясь делами, обычно не откровенничают со своими покупателями, а если г. Нобль придерживается другого мнения, то лучше бы ему держаться подальше от Манчестерской биржи. Достаточно было с некоторой настойчивостью поставить вопрос о том, каким же путем предполагается повышение заработной платы в результате свободной торговли хлебом, — как обнаруживалось, что имели в виду повышение заработной платы, выраженной в продуктах потребления; что денежное выражение заработной платы, вполне возможно, вовсе не повысится, — но разве по существу это не было бы повышением заработной платы? А если вы продолжали проявлять настойчивость, то обычно выяснялось, что денежная заработная плата могла бы даже и понизиться, тогда как блага, получаемые рабочим за эту уменьшившуюся сумму денег, все же были бы выше того, чем он пользовался раньше. Если же вы задавали вплотную еще несколько вопросов по поводу того, каким же способом должно было произойти ожидавшееся огромное расширение торговли, то вы могли очень скоро услышать, что

рассчитывают они главным образом на эту последнюю возможность: на понижение денежной заработной платы в связи с падением цены хлеба и т. д., падением, с избытком компенсирующим это понижение. Более того, много было и таких, кто не старался даже скрывать свое мнение, что дешевый хлеб нужен просто для того, чтобы снизить денежную заработную плату и таким способом разбить на-голову иностранную конкуренцию. Что именно таковы были на деле намерения и цели массы фабрикантов и купцов, составлявших большинство Лиги, — этот вывод совсем не трудно было сделать тому, кто привык иметь дело с коммерсантами и кто не имел поэтому привычки всегда принимать на веру их слова. Вот что мы говорили и повторяем. Об официальной доктрине Лиги мы не говорили ни слова. Экономически она была «заблуждением», а практически — просто прикрытием корыстных целей, хотя некоторые из лидеров повторяли ее так часто, что, в конце концов, сами в нее уверовали.

Очень забавны цитируемые г. Ноблем слова Кобдена о рабочих, которые «с удовлетворением потирают руки» в ожидании хлеба по 25 шиллингов за квартал. Рабочий класс в то время отнюдь не пренебрегал дешевым хлебом; но от деятельности Кобдена и компании рабочие испытывали такое «удовлетворение», что в течение ряда последних лет сделали невозможным для Лиги устроить по всей северной Англии хотя бы один настоящий публичный митинг. Автор настоящей статьи испытывал «удовлетворение», присутствуя в 1843 г. при последней попытке Лиги устроить такой митинг в здании сельфордской городской ратуши и видя, как митинг чуть не был сорван одним только внесением поправки в пользу Народной хартии. С тех пор на всех митингах Лиги было введено правило «входа по билетам», которые были доступны далеко не для всех. С того времени «чартистская обструкция» прекратилась. Рабочие массы достигли своей цели: они доказали, что Лига, вопреки своим притязаниям, не представляла их.

В заключение несколько слов о теории заработной платы в толковании Лиги. Средняя цена товара равна издержкам его производства; действие предложения и спроса состоит в сведении ее к этому уровню, вокруг которого она колеблется. Если это верно для всех товаров, то это верно и для товара «труд» (или, точнее говоря, «рабочая сила»). Стало быть, размер заработной платы определяется ценою тех товаров, которые входят в обычное и необходимое потребление рабочего. Другими словами, при неизменности прочих условий заработная плата повышается и понижается вместе с це-

ною жизненно-необходимых предметов. Это — закон политической экономии, против которого все эти Перронет-Томпсоны, Кобдены и Брайты всегда будут бессильны. Но все прочие условия вовсе не остаются всегда неизменными, и поэтому действие этого закона на практике видоизменяется сопутствующим действием других экономических законов; он затушевывается, и иногда до такой степени, что довольно трудно бывает проследить его. Для вульгаризирующих и вульгарных экономистов, ведущих свое происхождение от Лиги борьбы против хлебных законов, это послужило предлогом для утверждения, что прежде всего труд, а затем и все другие товары не имеют реально определенной стоимости, а имеют только колеблющуюся цену, регулируемую предложением и спросом более или менее независимо от издержек производства, и что для повышения цен, а следовательно и заработной платы, нельзя сделать ничего другого, как только увеличить спрос. Так отделяются от неприятной связи между размером заработной платы и ценою продуктов питания и бесцеремонно заявляют в этой вульгарной, смехотворной доктрине, что дорогой хлеб означает низкую заработную плату, а дешевый хлеб — высокую заработную плату.

Может быть, г. Нобль спросит, не оказывается ли заработная плата при нынешней дешевизне хлеба обычно на том же уровне или даже выше, чем при дороговизне хлеба, обложенного до 1847 года пошлиной? Для ответа на этот вопрос пришлось бы заняться продолжительным исследованием. Но достоверно вот что: там, где какая-либо отрасль промышленности процветала, и где в то же время рабочие были хорошо организованы для защиты своих интересов, их заработная плата обычно не понижалась, а в некоторых случаях даже повышалась. Это доказывает только то, что рабочих прежде оплачивали слишком низко. А там, где какая-либо отрасль промышленности приходила в упадок или же где рабочие не были крепко организованы в тред-юнионы, их заработная плата неизменно падала, часто и до голодного уровня. Подите в восточную часть Лондона и поглядите сами!

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «The Labour Standard»
от 9 июля 1881 г. в качестве передовой.*

Без подписи.

ПАРТИЯ РАБОЧИХ.

Как часто предупреждали нас друзья и сочувствующие: «Держитесь подальше от партийной политики!» И они были совершенно правы, поскольку дело касается политики нынешних английских партий. Рабочий орган не должен быть ни вигийским, ни торийским, ни консервативным, ни либеральным, ни даже радикальным в действительно партийном смысле этого слова. Консерваторы, либералы, радикалы — все они представляют только интересы правящих классов и различные оттенки мнений, господствующих среди лендлордов, капиталистов и мелких торговцев. Если они представляют рабочий класс, то представляют его в совершенно извращенном виде. У рабочего класса есть свои собственные интересы, как политические, так и социальные. Как отстаивал он то, что считал своими социальными интересами, показывает история тред-юнионов и движение за сокращение рабочего дня. Но политические свои интересы он оставляет почти полностью в руках ториев, вигов и радикалов, людей высшего класса, и в течение чуть не четверти века рабочий класс Англии довольствовался тем, что являлся как бы придатком «Великой либеральной партии».

Такая политическая роль недостойна наиболее организованного в Европе рабочего класса. В других странах рабочие оказались гораздо более активными. В Германии уже более десяти лет существует рабочая партия (социал-демократы), которая обладает десятью местами в парламенте и рост которой так напугал Бисмарка, что он провел те гнусные репрессивные меры, о которых мы будем говорить в другой статье. Однако, вопреки Бисмарку, рабочая партия непрерывно растет; лишь на прошлой неделе она завоевала шестнадцать мандатов в маннгеймский городской совет и один — в саксонский парламент. В Бельгии, Голландии и Италии последовали примеру немцев; в каждой из этих стран существует рабочая партия, хотя избирательный ценз слишком высок для того, чтобы у них в данный момент была возможность иметь депутатов в законодательный орган. Во Франции процесс организации рабочей партии как раз теперь в полном ходу; на последних выборах рабочая партия полу-

чила большинство в некоторых муниципальных советах, а в октябре этого года на общих выборах несомненно завоюет несколько мест в палату депутатов. Даже в Америке, где еще сравнительно легок переход из рядов рабочего класса в ряды фермеров, торговцев или капиталистов, рабочие считают необходимым организовать в самостоятельную партию. Везде рабочий борется за политическую власть, за прямое представительство своего класса в законодательных органах, везде, только не в Великобритании.

Однако никогда еще в Англии не было шире, чем теперь, распространено убеждение, что старые партии обречены на гибель, что старые пароли стали бессмысленны, что старые лозунги подорваны, что старые панацеи уж больше не действительны. Мыслящие люди всех классов начинают понимать, что нужно проложить новый путь и что путь этот возможен лишь в направлении к демократии. Но в Англии, где промышленный и земледельческий рабочий класс образует огромное большинство населения, демократия означает не более и не менее, как господство рабочего класса. Пусть же этот рабочий класс готовится к выполнению предстоящей ему задачи — к управлению этой великой империей; пусть он поймет ответственность, которая неизбежно выпадет на его долю. И лучший способ для этого — воспользоваться той силой, которая уже находится в его руках, тем действительным большинством, которым он обладает в каждом большом городе королевства, для посылки в парламент людей из своих собственных рядов. При нынешнем избирательном праве для квартирнанимателей, в парламент (to St. Stephen's) легко можно было бы послать сорок или пятьдесят рабочих, а такой приток совершенно свежей крови был бы там, право, крайне желателен. Уже при таком числе рабочих в парламенте невозможно было бы, как это теперь делают, все более превращать ирландский земельный билль в ирландскую земельную чушь¹, а именно: в билль о возмещении ирландских лендлордов; невозможно было бы сопротивляться требованию о перераспределении парламентских мест, о действительном наказании за подкуп, о возложении расходов по организации выборов на государственную казну, как это делается везде, кроме Англии, и т. д.

Более того, в Англии подлинная демократическая партия невозможна, если она не будет рабочей партией. Просвещенные люди из других классов (где их вовсе не так много, как нас хотят уверить) могут присоединиться к этой партии и даже быть ее

¹ Непереводимая игра слов: Bill и Bull. *Ред.*

представителями в парламенте, после того как докажут свою искренность. Так бывает везде. В Германии, например, представители рабочих вовсе не в каждом случае сами подлинные рабочие. Но никакая демократическая партия ни в Англии, ни где бы то ни было не достигнет действительных успехов, если она не будет иметь ясно выраженного пролетарского характера. Откажитесь от этого, и у вас ничего не получится, кроме сект и надувательства.

И для Англии это еще более верно, чем для других стран. К несчастью, было достаточно много надувательства со стороны радикалов, с тех пор, как распалась первая во всемирной истории рабочая партия, партия чартистов. — Да, но ведь чартисты распались и ничего не достигли. — Так ли это? Из шести пунктов Народной хартии два, а именно тайная подача голосов и отмена имущественного ценза, являются теперь законом страны. Третий пункт, всеобщее избирательное право, проведен, по крайней мере приблизительно, в форме избирательного права для квартиронанимателей; четвертый пункт, равные избирательные округа, определенно имеют в виду провести, как реформу, обещанную нынешним правительством. Так что крушение чартистского движения привело к осуществлению доброй половины чартистской программы. И если одно воспоминание о прежней политической организации рабочего класса могло привести к этим политическим реформам, а сверх того и к ряду социальных реформ, то каковы же будут результаты действительного существования политической рабочей партии, подкрепленной сорока или пятьюдесятью представителями в парламенте? Мы живем в таком мире, где каждый сам обязан заботиться о себе. Однако английский рабочий класс позволяет классам лендлордов, капиталистов и мелких торговцев с их прихвостнями — юристами, журналистами и т. д. — заботиться о его интересах. Неудивительно, что реформы, в которых рабочий заинтересован, осуществляются так медленно и такими жалкими крохами. Рабочим Англии стоит только пожелать, и они будут в силах осуществить любую реформу, социальную и политическую, которой требует их положение. Так отчего же не сделать этого усилия?

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «The Labour Standard»
от 23 июля 1881 г. в качестве передовой.*

Без подписи.

БИСМАРК И ГЕРМАНСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Английская буржуазная пресса в последнее время упорно молчала о жестокостях, совершаемых Бисмарком и его прислужниками против членов социал-демократической рабочей партии Германии. Единственным исключением оказалась до некоторой степени газета «Daily News». Прежде, когда деспотические правительства за границей позволяли себе такие выходы по отношению к своим подданным, английские ежедневные и еженедельные органы подымали действительно большой шум. Но здесь подвергается гонениям партия рабочих, которая этим именем гордится, и вот пресса, представляющая «общество», «высший свет», замалчивает факты и, судя по упорству своего молчания, повидимому даже одобряет их. В самом деле, какое дело рабочим до политики? Пусть они предоставят это дело «высшим». А затем есть еще и другая причина молчания английской прессы: очень трудно нападать на исключительные законы Бисмарка и на тот способ, которым он их применяет, защищая в то же время применение исключительных мер в Ирландии г. Форстером. Это очень щекотливый пункт, и лучше его не затрагивать. Вряд ли можно ожидать от буржуазной печати, чтобы она сама указывала на то, как сильно пал моральный престиж Англии в Европе и в Америке благодаря действиям нынешнего правительства в Ирландии.

Общие выборы каждый раз приносили германской рабочей партии быстро возрастающее число голосов; на предпоследних выборах она получила 500 000, а на последних — за ее кандидатов подано было более 600 000 голосов. Берлин выбрал двух депутатов; Эльберфельд-Бармен — одного; Бреславль, Дрезден — по одному; было завоевано десять мест, и это несмотря на то, что правительство заключило союз со всеми либеральными, консервативными и католическими партиями, несмотря на шум, вызванный двумя покушениями на жизнь императора, ответственность за которые все остальные партии дружно возложили на рабочую партию. Тогда Бисмарку удалось провести закон, в силу которого социал-демократия была объявлена вне закона. Рабочие газеты, числом более пятидесяти, были

запрещены, рабочие общества и клубы были закрыты, их денежные средства конфискованы, их собрания разгонялись полицией, и в довершение всего был издан закон, по которому целые города и округа могли быть «объявлены на чрезвычайном положении», точно так же, как в Ирландии. Но Бисмарк проделал в Германии такие вещи, на которые никогда не отваживались даже при английских исключительных законах в Ирландии. Во всяком округе, «объявленном на чрезвычайном положении», полиция получала право выслать всякого человека, которого она имела «основание подозревать» в социалистической пропаганде. Берлин был, конечно, сразу объявлен на чрезвычайном положении, и сотни (а с их семьями — тысячи) людей были высланы. Ибо прусская полиция всегда высылает людей с семьями; молодых неженатых людей обычно не трогают; для них высылка не была бы тяжелым наказанием, а для отцов семейств она в большинстве случаев означает продолжительную нищету, если не полное разорение. Затем Гамбург избрал рабочего в члены парламента, и город был немедленно объявлен на чрезвычайном положении. Первая партия высланных из Гамбурга составляла около ста человек, а вместе с семьями — еще сверх того более трехсот человек. Рабочая партия в два дня собрала средства, покрывшие их путевые и другие неотложные расходы. Затем объявлен был на чрезвычайном положении и Лейпциг, причем исключительно под тем предлогом, что иначе правительство не может сокрушить партийную организацию. В первый же день было выслано тридцать три человека, преимущественно женатых людей с семьями. Список возглавляли три члена германского парламента; быть может, г. Диллон пошлет им поздравительное письмо, так как все они оказались все же не в столь плохом положении, как он.

Но это еще не все. Раз уж рабочая партия объявлена по всем правилам вне закона, раз уж она лишена всех тех политических прав, которыми, как полагают, имеют счастье пользоваться остальные немцы, то полиция может делать с отдельными членами этой партии все, что ей угодно. Их жены и дочери, под предлогом обыска для обнаружения запрещенных изданий, подвергаются самому непристойному и грубому обращению. Их самих арестовывают, когда заблагорассудится полиции, разбор их дела откладывается с недели на неделю, и выпускают их, лишь продержав несколько месяцев в тюрьме. Полиция изобретает новые преступления, неизвестные уголовному кодексу, а толкование самого кодекса расширяется сверх всякой меры. И полиция довольно часто находит подкупленных или достаточно фанатичных чиновников и судей, которые

оказывают ей помощь и содействие; этой ценой покупается повышение по службе. К чему все это приводит — показывают следующие поразительные цифры. За год, с октября 1879 г. по октябрь 1880 г., в одной лишь Пруссии за государственную измену, за государственные преступления, за оскорбление императора и т. д. было заключено в тюрьму не менее 1108 лиц, а за политические памфлеты, за оскорбление Бисмарка или за выпады против правительства и т. п. — не менее 10 094. Одиннадцать тысяч сто¹ два политических заключенных — это превосходит даже ирландские подвиги г. Форстера!

Чего же достиг Бисмарк всеми этими принудительными мерами? Того же самого, чего г. Форстер достиг в Ирландии. Социал-демократическая партия находится в таком же цветущем состоянии и обладает столь же прочной организацией, как и Ирландская земельная лига. Несколько дней тому назад происходили выборы в городской совет Маннгейма. Партия рабочего класса выставила шестнадцать кандидатов и провела их всех большинством почти трех к одному. Затем Бебель, член германского парламента от Дрездена, выступил кандидатом в саксонский парламент от лейпцигского округа. Бебель — сам рабочий (токарь) и один из лучших, если не лучший, оратор в Германии. Чтобы воспрепятствовать его избранию, правительство выслало весь его избирательный комитет. Каков же был результат? Таков, что даже при ограниченном избирательном праве Бебель был избран значительным большинством голосов. Итак, исключительные меры Бисмарка для него совершенно бесполезны; наоборот, они ожесточают население. Те, для кого отрезаны все легальные способы отстаивать свои права, прибегнут в одно прекрасное утро к нелегальным, и никто не сможет осуждать их. Как часто провозглашали эту доктрину г. Гладстон и г. Форстер! А как поступают они теперь в Ирландии?

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «The Labour Standard»
от 23 июля 1881 г. в качестве передовой.*

Без подписи.

---

¹ Опечатка в англ. тексте; должно быть *двести* два. *Ред.*

ХЛОПОК И ЖЕЛЕЗО.

Хлопок и железо являются в наше время двумя важнейшими видами сырья. Нация, занимающая первое место в производстве хлопчатобумажных и железных товаров, стоит на первом месте в ряду промышленных наций вообще. А так как это место занимает Англия, и до тех пор, пока она его будет занимать, — она будет первой промышленной нацией в мире.

Итак, можно было бы ожидать, что рабочим, занятым в хлопчатобумажной и железоделательной промышленности, замечательно хорошо живется в Англии; что, так как Англия господствует на рынке, производство этих двух видов товаров всегда должно процветать; и что, по крайней мере в этих двух отраслях промышленности, должно быть осуществлено тысячелетнее царство изобилия, обещанное в эпоху агитации за свободу торговли. Увы! Все мы знаем, что это далеко не так и что если здесь, как в других производствах, положение рабочих не стало хуже, а в некоторых случаях даже улучшилось, то этим они обязаны исключительно своим собственным усилиям — сильной организации и упорной стачечной борьбе. Мы знаем, что после нескольких быстро промелькнувших лет процветания, около 1874 г. и позднее, в хлопчатобумажном и железоделательном производствах наступил полный упадок. Фабрики закрывались, доменные печи гасились, а где производство продолжалось, там работали, как правило, неполный день. Такие периоды упадка были известны и раньше; они повторяются в среднем раз в каждые десять лет; они продолжаются определенное время, а затем сменяются новым периодом процветания, и так далее.

Однако отличительной чертой нынешнего периода депрессии, особенно в хлопчатобумажном и железоделательном производстве, является то, что теперь продолжительность этой депрессии на несколько лет превышает обычную. Было сделано несколько попыток вызвать оживление, несколько всплеск, но тщетно. Если эпоха настоящего упадка прошла, то застой в производстве все еще продолжается, и рынки попрежнему не в состоянии поглотить всю продукцию.

Причина этого заключается в том, что при нашей нынешней

системе применения машин для производства не только промышленных товаров, но и самих машин, производство может возрастать с невероятной быстротой. Если бы фабриканты пожелали этого, не представляло бы больших затруднений в течение лишь одного периода процветания настолько увеличить оборудование для прядения и ткачества, беления и окраски бумажных тканей, чтобы быть в состоянии производить товаров на 50% больше, а также удвоить всю продукцию чугуна и всякого рода железных изделий. На деле рост не достигал таких размеров. Но все же он был вне всякого сравнения с ростом в прежние периоды расширения производства, а следствие этого — хроническое перепроизводство, хроническая депрессия в промышленности. Предприниматели в состоянии выжидать, по крайней мере значительное время, а рабочему люду приходится страдать, потому что для него это означает хроническую нищету и постоянную перспективу рабочего дома.

Вот каковы, следовательно, последствия прославленной системы неограниченной конкуренции, вот каково осуществление тысячелетнего царства, обещанного Кобденами, Брайтами и К^о! Вот какова участь рабочих, когда они, как это было в течение последних двадцати пяти лет, предоставляют руководство экономической политикой империи своим «естественным вождям», тем «капитанам промышленности», которые, по Томасу Карлейлю, призваны управлять промышленной армией страны. Действительно, капитаны промышленности! По сравнению с ними генералы Луи-Наполеона в 1870 г. были гениальными людьми. Все эти мнимые капитаны промышленности борются один против другого, действуют исключительно в своих личных интересах, расширяют свое оборудование независимо от того, что делают их соседи, а затем, в конце концов, к великому своему изумлению, все они находят, что в результате получилось перепроизводство. Они не могут объединиться для регулирования производства; они могут объединиться лишь с одной целью: *снизить заработную плату своим рабочим*. Безрассудно расширяя, таким образом, производительную силу страны далеко за пределы того, что в состоянии поглотить рынки, они лишают своих рабочих того сравнительного довольства, которое дал бы им период умеренного процветания и на которое рабочие имеют право после долгого периода упадка, чтобы довести свои доходы до среднего уровня. Разве все еще не понятно, что фабриканты как класс более уже неспособны руководить великими экономическими интересами страны; более того, неспособны даже руководить самим процессом производства? И разве это не нелепо, — хотя это факт, — что величайшим врагом

английских рабочих оказывается все возрастающая производительность их собственных рук?

Но следует принять во внимание еще и другой факт. Не одни только английские фабриканты увеличивают свои производительные силы. То же самое происходит и в других странах. Статистика не дает нам возможности сравнить в отдельности хлопчатобумажную и железоделательную промышленность различных передовых стран. Но, взяв в целом текстильную, горную и металлургическую промышленность, мы можем составить сравнительную таблицу, пользуясь материалом, приводимым директором Прусского статистического бюро, доктором Энгелем в его книге «Das Zeitalter des Dampf» («Век пара», Берлин, 1881). По его вычислениям, в указанных отраслях промышленности нижеследующих стран применяются паровые машины, общая мощность которых составляет в лошадиных силах (лошадиная сила равна силе, поднимающей 1 килограмм на высоту 1 метра в 1 секунду):

	Текстильная промышленность	Горные и металлургические заводы
Англия, 1871 г.	515 800	1 077 000 л. с.
Германия, 1875 г.	128 125	456 436 » »
Франция . . . . . около	100 000	185 000 » »
Соединенные Штаты . . . »	93 000	370 000 » »

Итак, мы видим, что вся сила пара, применяемого тремя нациями, являющимися главными конкурентами Англии, составляет в текстильных предприятиях три пятых английской силы пара, а в горной и металлургической промышленности приблизительно равна ей. А так как в этих странах промышленный рост идет гораздо более быстрым темпом, чем в Англии, то вряд ли может быть сомнение в том, что их совокупная продукция вскоре превзойдет продукцию последней.

Взгляните еще на следующую таблицу, показывающую в лошадиных силах силу пара, применяемого в производстве, не считая локомотивов и пароходов:

Великобритания	около	2 000 000 л. с.
Соединенные Штаты	»	1 987 000 » »
Германия	»	1 321 000 » »
Франция	»	492 000 » »

Эта таблица еще более ясно показывает, как мало уже осталось от монополии Англии в фабричном производстве и как мало помогла свобода торговли обеспечить промышленное преобладание Англии.

И пусть не говорят, что этот рост иностранной промышленности искусственен, что он вызван протекционизмом. Все гигантское развитие германских фабрик было достигнуто при самом либеральном режиме свободной торговли, и если Америка, главным образом из-за нелепой системы внутренних акцизов, вынуждена прибегать к скорее кажущемуся, чем реальному протекционизму, то отмены этих акцизных законов было бы достаточно, чтобы дать ей возможность конкурировать на вольном рынке.

Вот каково положение, к которому привели страну двадцать пять лет почти неограниченного господства доктрины манчестерской школы. Мы полагаем, что результаты эти таковы, что они требуют безотлагательного отстранения манчестерских и бирмингемских джентльменов, с тем, чтобы на ближайшие двадцать пять лет уступить очередь рабочему классу. Уж хуже он наверное управлять не сможет.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «The Labour Standard»
от 30 июля 1881 г. в качестве передовой.*

Без подписи.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ — НЕОБХОДИМЫЕ И ИЗЛИШНИЕ.

Часто задавали вопрос: в какой степени полезны или даже необходимы различные классы общества? И ответ, конечно, был различен для различных исторических эпох. Несомненно, было время, когда земельная аристократия была неизбежным и необходимым элементом общества. Это, однако, было очень, очень давно. Затем было время, когда капиталистический средний класс, *буржуазия*, как называют ее французы, класс, возникший со столь же неизбежной необходимостью, вступил в борьбу против земельной аристократии, сокрушил ее политическую власть и, в свою очередь, получил экономическое и политическое господство. Но никогда, с тех пор как возникли классы, не было такого времени, когда общество могло бы обходиться без рабочего класса. Название, социальное положение этого класса изменялось; место раба занял крепостной, которого в свою очередь сменил свободный рабочий — свободный от крепостной зависимости, но свободный также и от обладания чем бы то ни было на земле, кроме своей собственной рабочей силы. Но всякому ясно: какие бы изменения ни происходили в высших, непроезжих слоях общества, общество не может существовать без класса производителей. Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно притти время, когда он не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собою все общество.

Так вот, насколько же необходимо в настоящее время существование каждого из этих трех классов?

Землевладельческая аристократия в Англии — по меньшей мере экономически бесполезна, между тем как в Ирландии и в Шотландии она стала положительно вредной из-за своего стремления обезлюдить страну. Заставить население либо переселяться через океан, либо умирать с голоду и заменять его овцами или дичью, — вот и все заслуги, которыми могут похвалиться ирландские и шотландские ленд-лорды. А стоит еще немного усилиться конкуренции американских растительных и животных продуктов, — и точно так же поступят и английские земельные аристократы, по крайней мере те из них, кото-

рые в состоянии это сделать, обладая в городах значительной недвижимой собственностью, к помощи которой они могут прибегнуть. От остальных же нас скоро избавит конкуренция американских продуктов потребления. И хорошо, что избавит, потому что их политическая деятельность как в палате лордов, так и в палате общин — подлинное национальное бедствие.

Но как быть с капиталистическим классом, с тем просвещенным и либеральным классом, который основал британскую колониальную империю и установил британскую свободу? С тем классом, который реформировал парламент в 1821 г., отменил хлебные законы и снижал одну пошлину за другой? С тем классом, который создал в Англии гигантские фабрики и продолжает управлять ими, который создал огромный торговый флот и все растущую железнодорожную сеть? Вероятно, этот класс должен быть по крайней мере столь же необходимым, как и рабочий класс, которым он управляет, ведя от успеха к успеху.

Экономическая функция капиталистического класса заключалась действительно в том, чтобы создать современную систему паровых фабрик и паровых путей сообщения и сокрушить все экономические и политические препятствия, замедлявшие или тормозившие развитие этой системы. Не подлежит сомнению, что, пока капиталистический класс выполнял эту функцию, он был при тех условиях необходимым классом. Но так ли обстоит дело еще и теперь? Продолжает ли он выполнять свою важную функцию руководителя и расширителя общественного производства в интересах всего общества в целом? Посмотрим.

Начнем со средств сообщения. Телеграф находится в руках государства. Железные дороги и значительная часть морских пароходов принадлежат не отдельным капиталистам, которые сами ведут свои дела, а акционерным компаниям, дела которых ведут за них *оплачиваемые чиновники*, служащие, положение которых в сущности одинаково с положением высших, лучше оплачиваемых рабочих. Что же касается директоров и держателей акций, то и те и другие знают, что, чем менее первые вмешиваются в управление, а последние — в наблюдение, тем лучше для предприятия. Слабее и большей частью небрежное наблюдение является, в самом деле, единственной функцией, остающейся в руках владельцев предприятия. Итак, мы видим, что в действительности капиталисты, собственники этих огромных предприятий, не выполняют никакого другого дела, кроме получения каждые полгода денег по дивидендам. Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих

заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять.

Но если огромные размеры предприятий, о которых идет речь, заставили капиталиста «уйти в отставку» от руководства ими, то у него осталась еще одна функция. И функция эта состоит в том, чтобы спекулировать своими акциями на бирже. За отсутствием лучшего занятия, наши «ушедшие в отставку» или — на самом деле — вытесненные капиталисты вволю предаются в этом храме Маммона биржевой игре. Они отправляются туда с сознательной целью прикарманить деньги, делая вид, что зарабатывают их; они, впрочем, говорят, что началом всякой собственности является труд и сбережение; — возможно началом, но отнюдь не концом. Какое лицемерие — насильственно закрывать мелкие игорные дома, когда наше капиталистическое общество не может обойтись, в качестве своего подлинного центра, без огромного игорного дома, в котором проигрываются и выигрываются миллионы за миллионами! Тут уж, конечно, существование «ушедшего в отставку» акционера - капиталиста становится не только излишним, но и совершенно вредным.

То, что верно для железных дорог и для пароходства, с каждым днем становится все более и более верным для всех крупных промышленных и торговых предприятий. «Плыть по течению» — превращать крупные частные предприятия в акционерные товарищества — стало ловуном дня в последнее десятилетие и даже раньше. От больших складов манчестерских товаров в Сити до железоделательных заводов и каменноугольных копей в Уэльсе и в Северной Англии и до фабрик в Ланкашире — все поплыло или плывет по течению. Во всем Олдгеме вряд ли хоть одна хлопчатобумажная фабрика осталась в руках частных лиц; даже розничные торговцы все более и более вытесняются «кооперативными магазинами», большая часть которых только называется кооперативными, — но об этом в другой раз. Итак, мы видим, что, вследствие развития самой системы капиталистического производства, капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работавший на ручном станке, с той, однако, разницей, что ткач, работавший на ручном станке, обречен на медленную смерть от голода, а вытесняемый капиталист — на медленную смерть от обжорства. Но положение того и другого обычно сходно в том отношении, что ни один из них не знает, чем бы ему заняться.

Результат, стало быть, таков: экономическое развитие нашего современного общества все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми

уже не могут более руководить отдельные капиталисты. Всякий вздор о «хозяйском глазе» и о создаваемых им чудесах превращается в явную бессмыслицу, как только предприятие достигает определенных размеров. Представьте себе «хозяйский глаз» на Лондонской и Северозападной железной дороге! Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие, наемные служащие компании, с успехом *могут* делать и делают.

Итак, капиталист уж больше не может предъявлять права на свою прибыль как на «заработную плату за надзор», так как он ни за чем не надзирает. Надо помнить об этом, когда защитники капитала трезвонят, повторяя эту пустую фразу.

Но в нашей статье на прошлой неделе мы попытались показать, что класс капиталистов стал неспособен также управлять огромной производственной системой нашей страны; что капиталисты, с одной стороны, так расширяли производство, что периодически наводняли продукцией все рынки, а с другой стороны, становились все менее и менее в состоянии держаться против иностранной конкуренции. Таким образом, мы приходим к тому выводу, что не только можем отлично управиться в крупных отраслях промышленности нашей страны без вмешательства класса капиталистов, но что их вмешательство становится все более и более вредным.

Мы снова им заявляем: «Отойдите прочь! Предоставьте рабочему классу вас сменить».

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «The Labour Standard»
от 6 августа 1881 г. в качестве передовой.*

Без подписи.

ЖЕННИ МАРКС, УРОЖДЕННАЯ ФОН-ВЕСТФАЛЕН.

Еще одну жертву выхватила смерть из рядов старой гвардии пролетарского, революционного социализма.

2 декабря с. г. умерла в Лондоне после продолжительной мучительной болезни супруга Карла Маркса.

Она родилась в Зальцведеле. Отец ее, переведенный вскоре после этого в Трир в качестве правительственного советника, подружился там с семьею Маркс. Дети росли вместе. Две высоко одаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, было уже решено, что их будущая судьба нераздельна.

В 1843 г., после запрещения первой «*Rheinische Zeitung*», редактором которой некоторое время был Маркс, состоялась их свадьба. С тех пор Женни Маркс не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей вдумчивостью и с пламеннейшей страстью.

Молодая чета отправилась в Париж в добровольное изгнание, которое, однако, очень скоро превратилось в настоящее. Прусское правительство и там преследовало Маркса. Александр фон-Гумбольдт унивился до того, что помог выхлопотать приказ о высылке Маркса. Семье пришлось переехать в Брюссель.

Наступила февральская революция. Во время волнений, разразившихся вслед за нею в Брюсселе, был арестован не только Маркс; бельгийская полиция не постеснялась без всякого повода бросить в тюрьму и его жену.

Революционный подъем 1848 г. уже на следующий год сошел на нет. Новое изгнание, сначала в Париж, затем, вследствие вторичного вмешательства французского правительства, — в Лондон. И на этот раз для Женни Маркс это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами. Материальную нужду, из-за которой сошли в могилу два ее мальчика и одна девочка, она все же преодолела бы. Но когда правительства в союзе с буржуазной оппозицией, от вульгарно-либеральной до демократической, составили великий заговор против ее мужа; когда они закидали Маркса самой подлой, самой гнусной клеветой; когда вся печать оказалась для него

вакрытой и всякая возможность самозащиты была отрезана; когда он очутился вдруг безоружным пред лицом своих врагов, которых и он и она могли лишь презирать, — это нанесло ей глубокую рану. А это продолжалось очень долго.

Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился таких условий существования, при которых он мог до известной степени самостоятельно действовать. Был основан Интернационал. Из страны в страну перебрасывалась классовая борьба пролетариата, и в передовых рядах первым боролся ее муж. Тогда наступила для нее пора, искушившая ее жестокие страдания. Она дожила до того момента, когда клевета, градом сыпавшаяся на голову Маркса, рассеялась, как пыль от дуновения ветра; когда его учение, для подавления которого все реакционные партии, как феодалы, так и демократы, приложили такие чудовищные усилия, проповедывалось теперь во всеуслышание во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир, от России до Америки, и, сокрушая всякое сопротивление, все более и более уверенное в победе, стало пробиваться вперед. *И одною из последних ее радостей было еще то очевидное доказательство неистощимой жизненной силы, которое дали наши немецкие рабочие на последних выборах в рейхстаг.*

То, что эта женщина, со столь острым критическим умом, с таким политическим тактом, с такой энергией и страстностью характера, с такою преданностью своим товарищам по борьбе, сделала для движения в течение почти сорока лет, — это не стало достоянием общественности, об этом нет ни слова в летописях современной печати. Это каждый должен был пережить лично. Но в одном я уверен: жены изгнанников-коммунаров часто еще будут вспоминать о ней, а наш брат часто будет чувствовать, как недостает нам ее смелого и благоразумного совета — смелого без бахвальства, благоразумного без малейших уступок в вопросах чести.

Лондон, 4 декабря 1881 г.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Sozialdemokrat»

№ 50, Цюрих, 8 декабря 1881 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

РЕЧЬ НАД МОГИЛОЙ ЖЕННИ МАРКС.

«Друзья!

Женщина прекрасной души, которую мы хороним, родилась в Зальцведеде, в 1814 году. Ее отец, барон фон-Вестфален, тесно сблизился в Трире с семьей Маркс; дети обеих семей росли вместе. Когда Маркс поступил в университет, он и его будущая жена знали, что их существование будет нераздельно.

«В 1843 г., после того как Маркс впервые выдвинулся на общественном поприще как главный редактор первой «Rheinische Zeitung», и после запрещения газеты прусским правительством, состоялась их свадьба. С этого дня она не только разделяла участь, труды и борьбу своего мужа, но и активно участвовала в них с величайшей вдумчивостью и с пламенной страстью.

«Молодая чета отправилась в Париж; добровольное изгнание вскоре превратилось в вынужденное. Даже в Париже преследовало Маркса прусское правительство. С сожалением должен я упомянуть, что такой человек, как А. Гумбольдт, унизился до сотрудничества с прусским правительством, чтобы побудить правительство Луи-Филиппа изгнать Маркса из Франции. Маркс отправился в Брюссель. Разразилась февральская революция. Среди волнений, вызванных этим событием в Брюсселе, бельгийская полиция не только арестовала Маркса, но заключила в тюрьму и его жену, без малейшего к тому повода.

«Революционный подъем 1848 г. оборвался в следующем году. Вновь началось изгнание, сперва в Париж, затем, вследствие вмешательства французского правительства, — в Лондон. На этот раз это было изгнание со всеми его бедствиями. Она готова была терпеливо переносить все обычные страдания изгнанников, хотя они и были причиною гибели трех ее детей, в том числе двух мальчиков. Но видеть, как все партии, правительственные и оппозиционные (феодалы, либералы, так называемые демократы), объединившиеся против ее мужа, осыпают его самой низкой и подлой клеветой, видеть, как вся без исключения печать была для него закрыта, как он был беспомощен и беззащитен перед противниками, которых и он

и она презирали, — это причиняло ей жгучую боль. А это продолжалось долгие годы.

«Но этому пришел конец. Мало-по-малу европейский рабочий класс оказался в таких политических условиях, которые давали ему некоторую возможность действовать. Было основано Международное товарищество рабочих. Оно втягивало в борьбу одну цивилизованную нацию за другой, и в этой борьбе первым среди первых сражался ее муж. Наконец, наступило время, которое начало вознаграждать ее за пережитые страдания. Она дождалась до того, чтобы увидеть, как низкая клевета, нагромозжденная на ее мужа, разлетелась прахом; она дождалась до того, чтобы услышать, как учения ее мужа, которые реакционеры всех стран пытались удушить, открыто и победоносно провозглашались во всех цивилизованных странах, на всех цивилизованных языках. Она дождалась до того, чтобы увидеть, как революционное движение пролетариата, уверенного в своей победе, распространялось из одной страны в другую, от России до Америки. Одной из последних ее радостей было полученное ею на смертном одре блестящее доказательство неукротимой жизненной силы, которое дал, наперекор всем репрессивным законам, немецкий рабочий класс на последних выборах.

«То, что эта жизнь, свидетельствующая о столь ясном и критическом уме, о столь верном политическом такте, о такой страстной энергии, о такой великой самоотверженности, сделала для революционного движения, не выставлялось напоказ перед публикой, не оглашалось на столбцах печати. То, что она сделала, известно только тем, кто жил вместе с ней. Но одно я знаю: мы не раз еще будем сожалеть об отсутствии ее смелых и благоразумных советов; смелых без бахвальства, благоразумных без ущерба для чести.

«Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, — то это была она».

Прознесена Ф. Энгельсом.

*Напечатана в газете «L'Egalité»
от 11 декабря 1881 г., на французском
языке.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ».

Первое русское издание «Манифеста коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале шестидесятых годов, в типографии «Колокола». В то время русское издание Манифеста могло казаться на Западе не более, как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен. До какой степени ограниченную область распространения в период первого появления Манифеста (декабрь 1847 г.¹) имело движение пролетариата, лучше всего показывает последняя его глава: «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям в различных странах». В ней недостает именно России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции. Эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных произведений. Обе они являлись, следовательно, так или иначе, оплотом общественного строя Европы.

До какой степени изменилось это теперь! Именно европейская эмиграция способствовала колоссальному развитию земледелия в Северной Америке, которое своей конкуренцией колеблет крупное и мелкое европейское землевладение в самых его основаниях. Она дала кроме того Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы. Оба эти обстоятельства воздействуют, в революционном смысле, и на Америку. Мелкая и средняя поземельная собственность фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-по-малу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

¹ При обратном переводе на немецкий язык в 1890 г. Энгельс исправил эту дату, указав: «январь 1848 г.». *Ред.*

Перейдем к России. В период революции 1848 — 1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против только что собравшегося с силами пролетариата. Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, а Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе.

Задачей Коммунистического манифеста было провозгласить неизбежно предстоящее разложение современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью мы находим в России бо́льшую половину земли в общинном владении крестьян.

Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложения, который определил собою историческое развитие Запада?

Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

Карл Маркс. Фридрих Энгельс.

Лондон, 21 января 1882 г.

*Напечатано в русском издании
«Манифеста коммунистической партии»,
Женева 1882 г.*

БРУНО БАУЭР И РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО.

В Берлине 13 апреля умер человек, который прежде играл известную роль как философ и теолог, а потом в течение многих лет оставался полузабытым, лишь время от времени привлекая к себе внимание публики в качестве «литературного оригинала». Официальные теологи, в том числе и Ренан, списывали у него и поэтому единодушно его замалчивали. Между тем, он стоил больше, чем все они, вместе взятые, и сделал больше их всех в вопросе, который интересует и нас, социалистов: в вопросе об историческом происхождении христианства.

По случаю его смерти коснемся кратко современного состояния этого вопроса и того, что сделано Бауэром для его разрешения.

Взгляд на все религии, а вместе с тем и на христианство, как на изобретение обманщиков, — взгляд, господствовавший со времени средневековых вольнодумцев вплоть до просветителей XVIII века включительно, — никого больше не мог уже удовлетворить с тех пор, как Гегель поставил перед философией задачу показать во всемирной истории рациональное развитие.

Вполне понятно, что если первобытные религии, как поклонение фетишам у негров или общая первобытная религия у арийцев, возникают без какого-либо участия обмана, то в дальнейшем развитии очень скоро поповский обман становится неизбежным. Религии же, в которых играет роль искусство, наряду со всею их искренней восторженностью, уже при своем основании не могут обойтись без обмана и искажения исторических фактов; христианство также с самого начала дало очень недурные образцы этого рода, как показал Бауэр в своей критике Нового завета. Однако это устанавливает лишь общее явление, но не объясняет конкретного случая, о котором здесь как раз идет речь.

С религией, которая покорила Римскую мировую империю и в течение 1 800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделаться, просто объявив ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы ее понять, необходимо суметь объяснить ее происхождение и ее развитие из тех исто-

рических условий, при которых она возникла и достигла господства. В особенности это относится к христианству. Ведь здесь надо решить вопрос, как это случилось, что народные массы Римской империи предпочли всем другим религиям эту бессмыслицу, проповедываемую к тому же рабами и угнетенными, так что, наконец, честолюбивый *Константин* убедился, что принять эту бессмысленную религию — лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира.

Ответу на этот вопрос Бруно Бауэр содействовал гораздо более, чем кто-либо другой. Хронологическую последовательность и взаимную зависимость евангелий друг от друга, установленную Вильке чисто лингвистическим путем, он неопровержимо доказал, исходя также из их содержания, как упрямо ни противились этому полувверяющие богословы периода реакции после 1848 года. Он разоблачил всю ненаучность расплывчатой штраусовой теории мифов, пользуясь которой каждый может в евангельских рассказах счесть историческим все то, что ему вздумается. И если при этом оказалось, что из всего содержания евангелия не остался почти абсолютно ничего, историческая действительность чего могла бы быть доказана, — так что даже самое историческое существование Иисуса Христа можно объявить сомнительным, — то этим Бауэр впервые расчистил почву, на которой возможно разрешение вопроса, откуда происходят представления и идеи, которые в христианстве сложились в своего рода систему, и каким образом они достигли мирового господства.

Бауэр занимался этим вопросом до конца своей жизни. Его исследования привели к выводу, что александрийский еврей *Филон*, который глубоким уже стариком жил еще в 40-м году нашего летоисчисления, был подлинным отцом христианства, а римский стоик *Сенека* был, так сказать, дядей его. Многочисленные дошедшие до нас сочинения, приписываемые Филону, возникли фактически из слияния аллегорически и рационалистически понятых еврейских традиций с греческой, именно стоической, философией. Это примирение западных и восточных воззрений содержит уже по существу все христианские представления: прирожденную греховность человека; логос, — слово, — которое есть у бога и само есть бог, которое становится посредником между богом и человеком; покаяние не путем приношения в жертву животных, а путем принесения своего собственного сердца богу; наконец, и ту существенную черту, что новая философия религии переворачивает весь прежний порядок вещей, вербуя своих учеников среди бедных, страждущих, рабов и отверженных, а богатых, могущественных, привилегированных презирает,

и тем самым предписывается презрение ко всем мирским наслаждениям и умерщвление плоти.

С другой стороны, уже Август позаботился о том, чтобы не только богочеловек, но и так называемое непорочное зачатие стали предписанными государством формулами. Он не только требовал оказания Цезарю и самому себе божеских почестей, но отдал также распоряжение распространять повсюду, что он, Август Цезарь «Divus» [божественный], не является сыном своего отца-человека, а зачат матерью от бога Аполлона. Только не был ли этот бог Аполлон в родстве с тем, которого воспел Гейне?

Как мы видим, нехватает еще только последнего камня в своде, — и все христианство в его основных чертах было бы готово; нехватает воплощения ставшего человеком логоса в определенной личности и его искупительной жертвы на кресте во спасение грешного человечества.

Каким образом вложен был исторически этот последний камень в стоек-философские теории, об этом у нас нет вполне достоверных источников. Но несомненно одно: вложен он был не философами, учениками Филона или Стои. Религии создаются людьми, которые сами ощущают религиозную потребность и понимают религиозные потребности масс, а этого как раз у людей с философским образованием обычно не бывает. Напротив, во времена всеобщего разложения, — как, например, и в наше время, — повсюду встречается широкое распространение философии и религиозной догматики в опошленной вульгаризированной форме. Если классическая греческая философия в последних своих формах, особенно в эпикурейской школе, приводила к атеистическому материализму, то греческая вульгарная философия вела к учению о едином боге и бессмертной человеческой душе. Точно так же и еврейство, рационалистически вульгаризированное благодаря смешению и общению с чужаками и полуевреями, дошло до пренебрежения ритуальными обрядами, до превращения прежнего исключительно еврейского национального бога Ягве в единственно истинного бога, творца неба и земли, и до признания первоначально чуждого еврейству бессмертия души. Таким образом, монотеистическая вульгарная философия встретилась с вульгарной религией, которая преподнесла ей единого бога в совершенно готовом виде. И таким образом подготовлена была почва, на которой у евреев переработка столь же вульгаризированных филоновских представлений могла создать христианство, а оно, уже раз созданное, могло быть воспринято греками и римлянами. Что христианство произошло именно из популяризированных филоновских представлений, а не

непосредственно из произведений самого Филона, доказывается тем, что Новый завет почти совершенно пренебрегает важнейшей частью этих произведений, а именно аллегорически-философским истолкованием ветхозаветных рассказов. На эту сторону вопроса Бауэр не обратил достаточного внимания.

О том, как выглядело христианство в своем первоначальном виде, можно составить себе представление при чтении так называемого откровения Иоанна. Дикий, сумбурный фанатизм, догмы — лишь в зародыше, а из так называемой христианской морали — только умерщвление плоти; зато, наоборот, множество видений и пророчеств. Образование догм и морали — это было делом уже позднейшего времени, когда были написаны евангелия и так называемые апостольские послания. Тут-то и была бесцеремонно использована — по крайней мере для морали — стоическая философия, в особенности Сенека. Бауэр доказал, что послания списаны у Сенеки, часто почти дословно. В самом деле, это бросалось в глаза даже и правоверным христианам, но они утверждали, что, наоборот, Сенека списал с Нового завета, который тогда не был еще и написан. Догматика развивалась, с одной стороны, в связи со складывавшейся евангельской легендой об Иисусе, с другой стороны — в борьбе между христианами из евреев и христианами из язычников.

Относительно причин, которые помогли христианству одержать победу и достичь мирового господства, у Бауэра имеются тоже очень ценные данные. Но здесь препятствием ему служит идеализм немецкого философа, он мешает ему видеть ясно и формулировать четко. Фраза заменяет у него часто в решающем месте существо дела. Поэтому, не вдаваясь в подробности воззрений Бауэра, мы лучше изложим здесь наше собственное понимание этого вопроса, основанное не только на работах Бауэра, но и на самостоятельном изучении.

Римское завоевание во всех покоренных странах прежде всего прямо разрушило прежний политический порядок, а затем косвенным образом и старые общественные условия жизни. Разрушило, во-первых, тем, что вместо прежнего сословного деления (не говоря о рабстве) оно создало простое различие между римскими гражданами, с одной стороны, и не-гражданами или подданными государства — с другой; во-вторых, и главным образом, — поборами от имени римского государства. Если при империи в интересах государства старались по возможности положить предел неистовой жажде наместников провинций обогащаться, то на место этого появились все сильнее действующие и все туже завинчиваемые тиски налога в пользу государственной

казны — высасывание средств, которое действовало страшно разрушительно. Наконец, в-третьих, римские судьи выносили свои решения повсюду на основании римского права, а местные общественные порядки объявлялись тем самым недействительными, поскольку они не совпадали с римским правопорядком. Эти три рычага должны были действовать с огромной силой, сводя все к одному уровню, особенно если их в течение приблизительно двух веков применяли к народностям, наиболее сильные представители которых были уже уведены в рабство и уничтожены в битвах, предшествовавших завоеванию, сопровождавших его, а часто и следовавших за ним. Общественные отношения в провинциях все больше и больше приближались к общественным отношениям в столице и в Италии. Население все больше и больше разделялось на три класса, состоявшихся из самых равнообразных элементов и национальностей: богачи, среди которых было не мало вольноотпущенных рабов (см. Петроний), крупных землевладельцев, ростовщиков, или то и другое вместе, вроде дяди христианства Сенеки; неимущие свободные — в Риме их кормило и увеселяло государство, в провинциях же им предоставлялось самим заботиться о себе; наконец, огромная масса рабов. По отношению к государству, т. е. к императору, оба первых класса были почти так же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам. Особенно в период от Тиберия до Нерона стало обычным явлением, что богатых римлян приговаривали к смерти для того, чтобы захватывать их состояние. *Материальной* опорой правительства было войско, гораздо более похожее уже на армию ландскнехтов, чем на старо-римское крестьянское войско, а опорой *моральной* — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью. На каких чисто материальных фактах основывалось это убеждение, об этом здесь не место распространяться.

Всеобщему бесправию и утере надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация. Немногие оставшиеся еще в живых старо-римляне патрицианской складки и патрицианского образа мыслей были устранены или вымерли; их последним представителем был Тацит. Остальные были рады, если могли держаться совершенно в стороне от общественной жизни. Их существование заполнялось наживой, наслаждением богатством, частными сплетнями, частными интригами. Неимущие свободные, в Риме бывшие пенсионерами государства, в провинциях, наоборот, находились в очень тяжелом положении. Они должны были

работать, конкурируя при этом с рабским трудом. Но они были только в городах. Наряду с ними в провинциях были еще крестьяне — свободные землевладельцы (местами даже еще с общинным владением) или, как в Галлии, крестьяне, находившиеся в кабале у крупных землевладельцев. Этот класс всего меньше был затронут общественным переворотом; он и религиозному перевороту сопротивлялся всего дольше. Наконец, рабы, бесправные и безвольные, которые не могли освободиться, как это уже показало поражение Спартака; при этом, однако, большинство из них было некогда свободными или сыновьями свободнорожденных. Среди них должна была еще сохраняться по большей части живая, хотя по отношению к внешнему миру и бессильная, ненависть против условий их жизни.

Мы увидим, что всему этому соответствовал и характер идеологов того времени. Философы были или просто зарабатывающими деньги школьными учителями, или же шутами на жалованьи у богатых кутил. Некоторые были даже рабами. Что из них получалось, когда дела их шли хорошо, показывает пример господина Сенеки. Этот стойк, проповедывавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, именьями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи. Только когда Нерон собрался схватить его за горло, он попросил императора взять у него обратно все подарки, так как с него достаточно его философии. Только очень редкие из философов, как Персий, поражали, по крайней мере, бичом сатиры своих выродившихся современников. Что же касается другого сорта идеологов, — юристов, — то они были в восторге от новых порядков, потому что сглаживание всех сословных различий позволяло им разработать во всю ширь свое излюбленное частное право; зато они и составили для императоров самое гнусное государственное право, какое когда-либо существовало.

Вместе с политическими и социальными особенностями народов Римская империя обрекла на гибель и их особые религии. Все религии древности были первобытными племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и тесно срослись в них. Раз была разрушена эта их основа, сломаны унаследованные общественные формы, стародавнее политическое устройство и национальная независимость, то, разумеется, рушилась и связанная с ними религия. Национальные боги могли терпеть других национальных богов рядом с собою, — и в древности это было общим правилом, — но отнюдь не над собою.

Пересадка восточных религиозных культов в Рим только повредила римской религии, но задержать упадок восточных религий она не могла. Коль скоро национальные божества не могут уже более защищать независимость и самостоятельность своей нации, они и сами гибнут. Так бывало везде (за исключением крестьян, особенно в горах). То, что в Риме и Греции сделало вульгарно-философское просвещение, — я чуть было не сказал вольтерьянство, — то в провинциях совершили римское порабощение и замена гордых своей свободой граждан приходящими в отчаяние подданными и себялюбивыми негодяями.

Таково было материальное и моральное положение. Настоящее невыносимо; будущее, пожалуй, еще более грозно. Никакого выхода. Отчаяние или же спасение в самом пошлом чувственном наслаждении, по крайней мере для *тех*, которые могли себе это позволить, но таких было ничтожное меньшинство. Для остальных не оставалось ничего, кроме тупой покорности перед неизбежным.

Но во всех классах должно было быть известное количество лиц, которые, отчаявшись в материальном освобождении, искали взамен него освобождения духовного, утешения в сознании, которое спасло бы их от полного отчаяния. Этого утешения не могла дать ни стоическая философия, ни школа Эпикура, во-первых, потому, что это были философские системы, рассчитанные, следовательно, не на рядовое сознание, а во-вторых, потому, что образ жизни их приверженцев вызывал недоверие к учению этих школ. Для того, чтобы дать утешение, нужно было заменить не утраченную философию, а утраченную религию. Утешение должно было выступить именно в религиозной форме, как и все то, что должно было захватывать массы, — так это было в ту эпоху и так продолжалось вплоть до XVII века.

Едва ли надо отмечать, что среди этих людей, страстно стремившихся к этому идеальному утешению, к этому бегству от внешнего мира в мир внутренний, большинство должны были представлять — *рабы*.

Во время этого-то всеобщего экономического, политического, умственного и морального разложения и выступило христианство. Оно решительно выступило против всех существовавших до тех пор религий.

Во всех религиях, существовавших до того времени, главным делом была обрядность. Только участием в жертвоприношениях и процессиях, а на Востоке еще соблюдением подробнейших предписаний относительно приема пищи и омовений, можно было доказать свою

принадлежность к известной религии. В то время как Рим и Греция в этом отношении проявляли терпимость, на Востоке свирепствовала система религиозных запретов, которая не мало способствовала упадку, в конце концов наступившему. Люди двух разных религий (египтяне, персы, евреи, халдеи) не могут вместе ни пить ни есть, не могут сделать совместно самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом. Это отделение человека от человека было одной из основных причин гибели древнего Востока. Христианство не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая, таким образом, все национальные религии и общую им всем обрядность, обращаясь ко всем народам без различия, христианство само становится *первой возможной мировой религией*. Еврейство со своим новым вселенским богом тоже сделало попытку стать мировой религией. Но дети Израиля оставались все время аристократией среди верующих и обрезанных; и даже христианство, прежде чем оно могло стать настоящей мировой религией, должно было сперва освободиться от представления (которое еще господствует в так называемом откровении Иоанна) о преимуществах христиан из евреев над христианами из язычников. С другой стороны, ислам, сохранив свою специфически-восточную обрядность, тем самым ограничил область своего распространения Востоком и Северной Африкой, завоеванной и вновь заселенной арабскими бедуинами. Здесь он мог стать господствующей религией, но на Западе не мог.

Во-вторых, христианство заставило зазвучать струну, которая должна была найти отклик в бесчисленных сердцах. На все жалобы по поводу тяжелых времен и по поводу всеобщей моральной и материальной нищеты христианское сознание греховности отвечало: да, это так, и иначе быть не может; в испорченности мира виноват ты сам, виноваты вы все, твоя и ваша собственная внутренняя испорченность! А где бы нашелся человек, который мог бы это отрицать? *Mea culpa!* [Моя вина!] Ни один человек не мог отказаться от признания за собою части вины в общем несчастье, и признание это стало предпосылкой духовного спасения, которое в то время было провозглашено христианством. И это духовное спасение было придумано таким образом, что его легко мог понять член любой старой религиозной общины. Всем этим старым религиям было свойственно представление об искупительной жертве, которая могла умиротворить оскорбленное божество. Разве это не была благоприятная почва для усвоения идеи о посреднике, который добровольно приносит себя в жертву, чтобы раз навсегда искупить все грехи человечества? Таким образом,

общераспространенному чувству, что люди сами виноваты во всеобщей испорченности, христианство дало ясное выражение в сознании греховности каждого отдельного человека; в то же время в жертвенной смерти своего основателя оно создало легко понятную для всех форму внутреннего спасения от испорченного мира, утешения в сознании, к чему все так страстно стремились. Так доказало христианство свою способность стать мировой религией — к тому же религией, соответствующей как раз данному обществу.

Вышло так, что среди тысячи пророков и проповедников в пустыне, которые в то время создавали бесчисленное количество своих религиозных новшеств, успех имели только основатели христианства. Не только Палестина, но и весь Восток кишмя кишел такими основателями религий, среди которых господствовала, можно сказать, прямо дарвинова борьба за идейное существование. Христианство победило главным образом благодаря изложенным выше моментам. А как оно постепенно, в борьбе сект между собой и с языческим миром, путем естественного отбора, все более совершенствовалось в качестве мировой религии, — этому учит во всех подробностях история церкви первых трех столетий.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в газете «Der Sozialdemokrat»,
Zürich, № 19 от 4 мая и № 20 от 11 мая 1882 г.*

Подпись: Фридрих Энгельс.

[О КОНЦЕНТРАЦИИ КАПИТАЛА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.]

С какой сказочной быстротой происходит концентрация капитала в Соединенных Штатах Америки, показывает недавно опубликованная в английских газетах статистика. Согласно последней, богатейшим из богатых является г. *Вандербильт* в *Нью-Йорке*. Состояние этого железнодорожного, земельного, фабричного и т. д. барона оценивается примерно в 300 миллионов долларов (1 доллар = 4 марки 25 пфеннигов); по выражению американцев, он «стоит» 300 миллионов. Он обладает 65 миллионами долларов в ваймах Соединенных Штатов (Bonds), 50 миллионами в акциях Нью-йоркского центрального и Гудзоновско-речного железнодорожного общества, а также 50 миллионами в акциях других железнодорожных обществ. Кроме того, он владеет гигантской земельной собственностью как в Нью-Йорке, так и внутри страны. Г-н Вандербильт, — восхищенно добавляют газеты, — может скупить любых Ротшильдов и все же останется самым богатым человеком в мире.

И это колоссальное состояние круглым счетом в 30 лет на...экономила семья Вандербильтов! Этот случай, — пишет «Whitehall Review», — не имеет себе равного в истории. Мы думаем так же.

За Вандербильтом следуют в списке денежных тузов:

Джейс Голд, также известный железнодорожный плут, — 100 миллионов долларов; *Меккей*, владелец серебряных рудников, организатор агитации за «договорный биметаллизм», — 50 миллионов; *Крокер* — 50 миллионов; *Джон Рокфеллер*, нефтяной плут, но не поджигатель¹, — 40 миллионов; *К. П. Гонтингтон* — 20 миллионов; *Д. О. Миллс* — 20 миллионов; сенатор *Фейр* — 30 миллионов; экс-губернатор *Станфорд* — 40 миллионов; *Россель Сейдж* — 15 миллионов; *Дж. Р. Кин* — 15 миллионов; *С. Дж. Тильден* — 15 миллионов; *Э. Д. Морган* — 10 миллионов; *Семюэл Слоун* — 10 миллионов; *Гаррисон* — 10 миллионов; *Кирус В. Филд* — 10

---

¹ «Игра слов: «Petroleumritter» — нефтяной плут, «Petroleur» — поджигатель. Ред.

миллионов; *Хью Дж. Джьюитт* — 5 миллионов; *Сидней Диллон* — 5 миллионов; *Давид Даус* — 5 миллионов; *Дж. Д. Наварро* — 5 миллионов; *Джон В. Гаррет* — 5 миллионов; *У. Б. Астор* — 5 миллионов.

Таков этот список, далеко не исчерпывающий, впрочем, всех имен. Число американских денежных тузов гораздо больше. И это сказочное накопление богатства возрастает со дня на день все больше, благодаря огромному переселению в Америку. Ибо последнее и прямо и косвенно идет прежде всего на пользу магнатам капитала. Прямо — ибо оно является причиной быстрого возрастания цен на землю; косвенно — ибо множество переселенцев понижает уровень жизни американских рабочих. Уже теперь в бесчисленных сообщениях о стачках, которые передают наши братские американские органы, мы находим все больший процент стачек, организованных для защиты от *снижения заработной платы*, а большинство стачек, ставящих целью повышение заработной платы, представляет собою по существу то же самое, потому что они вызываются либо огромным повышением цен, либо отсутствием обычного весеннего повышения заработной платы.

Таким образом, поток эмигрантов, который Европа ежегодно направляет теперь в Америку, способствует лишь тому, чтобы довести там до крайних пределов капиталистическое хозяйство со всеми его последствиями, так что рано или поздно там неизбежен колоссальный крах. Тогда поток эмигрантов остановится или, может быть, даже повернет назад, т. е. наступит момент, когда европейский, и в особенности немецкий, рабочий встанет перед альтернативой: голодная смерть или революция! А если уж встанет такая альтернатива, тогда прощайте, вы, временщики священной Прусско-германской империи!

И момент этот ближе, чем позволяет себе думать большинство. Переселенцам уже трудно найти там работу, все отчетливее видны предвестники надвигающегося промышленного кризиса, и в решительный момент достаточно самого ничтожного повода, как *наступит крах!*

Поэтому, как ни скорбим мы вместе с «*New-Yorker Volkszeitung*» по поводу эмиграции из Германии, как ни убеждены мы в том, что она вызовет прежде всего существенное ухудшение в положении американских рабочих, и как ни желали бы мы вместе с упомянутой газетой, чтобы немецкие рабочие направили все свое внимание исключительно на улучшение своего положения в Германии, — мы не можем все же разделить ее пессимизма. Мы должны все же считаться с обстоятельствами, а так как последние благодаря близорукости и

алчности наших противников все более исключают возможность развития путем подлинных реформ, то мы должны видеть свою задачу в том, чтобы вопреки всяким трусам подготавливать умы к революционному ходу событий.

О таком конфликте свидетельствует: гигантская концентрация капитала, с одной стороны, и растущая массовая нищета — с другой; решение есть только одно: *социальная революция!*

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Sozialdemokrat»

№ 21 от 18 мая 1882 г.

Без заглавия и без подписи¹.

---

¹ Об авторстве Энгельса — см. письмо Энгельса к Эд. Бернштейну от 3 мая 1882 года. *Ред.*

БРЭЙСКИЙ ВИКАРИЙ.

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО Ф. ЭНГЕЛЬСА.

Когда на троне Карл сидел,
Ласкавший церковь нашу,
Любовью к ней и я горел
И кушал с маслом кашу.
Король, — так пастве я внушал, —
Поставлен нам от бога;
Тем, кто б ему перечить стал,
Прямая в ад дорога.

Я к одному стремлюсь, по мне
Нет ничего важнее:
Кто б ни был королем в стране,
Викарием быть в Брэе.

Когда же Яков занял трон
И натиск на папистов
Был столь же круто прекращен,
Сколь прежде был неистов, —
Я сразу встал на верный путь,
За Рим пошел открыто,
И — революции не будь —
Мне быть бы иезуитом.

Я к одному стремлюсь, по мне
Нет ничего важнее:
Кто б ни был королем в стране,
Викарием быть в Брэе.

Когда король Вильям пришел
И воли век восславил,
Я новый ветер вмиг учел
И парус переставил.
Я так учил своих овец:
Боритесь с вражьем станом!
Смиренью рабскому конец,
Дадим отпор тиранам!

Я к одному стремлюсь, по мне
 Нет ничего важнее:
 Кто б ни был королем в стране,
 Викарием быть в Брае.

Но Анна, севши на престол,
 Родимой церкви вкоре
 Вернула блеск, и я пришел
 К сознанию, что я торий.
 Борьбу я на смерть объявил
 За нашей церкви целость
 И словом пламенным громил
 Терпимость, мягкотелость.

Я к одному стремлюсь, по мне
 Нет ничего важнее:
 Кто б ни был королем в стране,
 Викарием быть в Брае.

Когда ж Георг провозгласил
 Умеренность, — я мигом
 Свое лицо переменил
 И стал усердным вигом.
 Я тем свои доходы спас
 И в честь попал к регенту;
 Зато громил чрез каждый час
 То Рим, то претендентов.

Я к одному стремлюсь, по мне
 Нет ничего важнее:
 Кто б ни был королем в стране,
 Викарием быть в Брае.

Ганноверский державный дом —
 Папистов исключая —
 Я буду чтить, покуда в нем
 Нам дан владыка края.
 Я — верный сердцем паладин,
 Коль нет причин к измене,
 Король Георг — мой господин...
 До новых изменений.

Я к одному стремлюсь, по мне
 Нет ничего важнее:
 Кто б ни был королем в стране,
 Викарием быть в Брае ¹.

¹ Перевод с немецкого перевода Ф. Энгельса сделан О. Румером. *Ред.*

Вышеприведенная песня, пожалуй, единственная политическая народная песня, которая в Англии сохраняла популярность в течение свыше ста шестидесяти лет. Она обязана этим в значительной мере также и своей превосходной мелодии, которую и теперь еще распевают повсюду. Впрочем, и по отношению к нашим нынешним германским условиям эта песня несколько не устарела. Разница лишь в том, что мы, как полагается, ушли за это время вперед. Бравому брэйскому викарию приходилось менять личину только при каждой смене царствующих особ. Зато у нас, немцев, над нашими многочисленными политическими брэйскими викариями сидит подлинный брэйский папа, который подтверждает свою непогрешимость тем, что от времени до времени, и чем дальше, тем чаще, переворачивает вверх дном весь политический символ веры. Вчера — свобода торговли, сегодня — покровительственные пошлины; вчера — свобода промышленности, сегодня — принудительные объединения; вчера — культуркампф, сегодня — шествие с развевающимися знаменами в Каноссу, — да и почему бы не так? *Omnia in maiorem Dei gloriam* [все для пущей славы божией], что по-немецки значит: все для того, чтобы выколотить побольше налогов и побольше солдат. А бедные маленькие викарии должны идти вослед, должны каждый раз заново, как сами они выражаются, «прыгать через палку», и притом довольно часто — безвозмездно. С каким презрением поглядел бы наш старый бравый викарий сверху вниз на этих своих мелкотравчатых преемников, — он, изрядно гордившийся все же тем мужеством, которое помогло ему сохранять свою позицию вопреки всем бурям!

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Sozialdemokrat»

№ 37, от 7 сентября 1882 г.

Подпись: Фр. Энгельс.

К ИРЛАНДСКОМУ ВОПРОСУ.

В ирландском движении существуют два течения. Первое, самое раннее — *аграрное* течение; из встретившего у крестьян поддержку разбоя, который был организован предводителями кланов, лишенными своих владений по милости англичан, а также крупными католическими землевладельцами (в XVII столетии эти разбойники назывались *тори*, от них-то прямо и заимствуют свое название современные тори), это течение постепенно развилось в организованное по местностям и провинциям естественно возникшее движение крестьян против вторгшихся английских помещиков. Названия — Ribonmen (члены тайного союза), Whiteboys (белые ребята), Captain Rock [капитан скал], Captain Moonlight (капитан лунный свет) и т. д. — изменились, но форма сопротивления — расстрелы не только ненавистных лендлордов и их агентов (сборщиков), но также и крестьян, занимающих ферму, с которой насильственно согнан другой, бойкоты, угрожающие письма, ночные нападения с угрозами и т. д. — все это так же старо, как современное английское землевладение в Ирландии, т. е. существует, самое позднее, с конца XVII века. Эту форму сопротивления нельзя подавить, силою с ней ничего не поделаешь, и исчезнет она только вместе с ее причинами. Но по природе своей она отличается *местным, разрозненным* характером; никогда не может она стать общей формой *политической* борьбы.

Вскоре после установления унии (1800 г.) началась *либерально-национальная* оппозиция *городской буржуазии*, которая, как и во всякой крестьянской стране с захудалыми городишками (например, в Дании), нашла своих прирожденных вождей в лице *адвокатов*. Последние в свою очередь нуждаются в крестьянах; поэтому им пришлось отыскивать такие лозунги, которые имели бы успех у крестьян. Так, *О'Коннель* нашел такой лозунг сперва в *католической эмансипации*, а потом в *отмене унии*. В последнее время это направление, вследствие происков землевладельцев, было вынуждено избрать другой путь. В то время как в *социальной* области *Земельная лига* преследует более революционные (и тут достижимые) цели — полное

устранение вторгшихся лендлордов, — *политически* она выступает довольно мирно и требует только home rule, т. е. местного ирландского парламента, который существовал бы рядом с общебританским парламентом и был подчинен ему. И это тоже вполне достижимо конституционным путем. Напуганные землевладельцы уже кричат о необходимости (даже тори стоят за это предложение) возможно скорейшего выкупа крестьянской земли, чтобы спасти то, что еще можно спасти. С другой стороны *Гладстон* заявляет, что расширить самоуправление Ирландии вполне допустимо.

Наряду с обоими этими течениями выдвинулся после американской гражданской войны *фенианизм*. Сотни тысяч ирландских солдат и офицеров, принявших участие в этой войне, делали это с задней мыслью подготовить армию для освобождения Ирландии. Раздоры между Америкой и Англией после войны стали для фениев главным движущим рычагом. Если бы дело дошло до войны, Ирландия стала бы через несколько месяцев членом Соединенных Штатов или по крайней мере республикою под их протекторатом. Та сумма, которую по Алабамскому делу в связи с приговором Женевского третейского суда Англия взяла на себя с такой готовностью и выплатила, была *ценою*, которую она *откупилась от американской интервенции в Ирландии*.

С этого момента главная опасность была устранена. Для расправы с фениями достаточно было полиции. Помогло еще и неизбежное в каждом заговоре предательство; и все же изменили только *вожди*, ставшие затем прямыми шпионами и лжесвидетелями. Бежавшие в Америку вожди занимались там эмигрантской революцией и большей частью проматывались, подобно О'Доновану Россу. Тому, кто здесь наблюдал европейскую эмиграцию 1849 — 1852 гг., все это покажется знакомым — только, разумеется, в свойственном американцам утрированном виде.

Теперь, без сомнения, много фениев снова вернулось обратно и восстановило старую вооруженную организацию. Они образуют важный элемент в движении и вынуждают либералов к более решительным выступлениям. Но помимо этого они ничего не могут добиться, разве только наводят страх на Джона Булля. На периферии своей империи последний, правда, становится заметно слабее, но здесь, так близко от собственного дома, он вполне еще в состоянии легко подавить всякое ирландское восстание. Во-первых, в Ирландии расположены 14 000 человек «constabulary», жандармерии, вооруженной винтовками и штыками и обученной военному делу. Затем около 30 000 линейных войск, которые легко могут быть усилены еще та-

ким же числом линейных войск и английской милиции. К тому же еще флот. А в подавлении восстаний Джон Буль отличается жестокостью, не имеющей себе равной. *Без войны или опасности войны извне ирландское восстание не имеет ни малейших шансов на успех*, а опасны могут здесь стать *только две державы: Франция и в еще большей мере — Соединенные Штаты*. Но о Франции не может быть и речи. В Америке же партии кокетничают, чтобы привлечь ирландские голоса, многое обещают, но ничего не выполняют. Они и не думают впутываться в войну ради Ирландии. Они даже заинтересованы в том, чтобы в Ирландии господствовали условия, вызывающие усиленную ирландскую эмиграцию в Америку. И понятно, что страна, которая станет через 20 лет самой населенной, самой богатой и могущественной страной в мире, не имеет особого желания пускаться в авантюры, которые могут и должны помешать ее гигантскому внутреннему развитию. Через 20 лет она заговорит совсем другим языком.

Но если бы возникла опасность войны с Америкой, Англия охотно дала бы ирландцам все, чего они требуют... но только не полную независимость, которая в силу географического положения не может быть желательна ни в коем случае.

Поэтому ирландцам остается только конституционный путь постепенного завоевания одной позиции за другой, причем, однако, исполненный таинственности фон вооруженного заговора фениев может продолжать быть очень внушительным элементом. Но сами эти фени все более втягиваются в своеобразный бакунизм; убийство Борка и Кавендиша могло иметь только одну цель: сорвать компромисс между Земельной лигой и Гладстоном. А такой компромисс был бы для Ирландии лучшим исходом при данных обстоятельствах. За недоимки по аренде лендлорды сгоняют арендаторов со двора десятками тысяч, подчас даже с помощью военной силы. Остановить это систематическое опустошение Ирландии (изгнанные либо умирают голодной смертью, либо должны переселяться в Америку) — является первым требованием момента. Гладстон готов внести билль, согласно которому недоимки будут уплачиваться на манер того, как в 1848 г. производился в Австрии выкуп феодальных повинностей: треть уплачивает крестьянин, треть — государство, треть теряет лендлорд. Таково предложение самой Земельной лиги. Таким образом, «геройский подвиг» в Феникс-парке выглядит если не просто глупостью, то чисто бакунистской, хвастливой, бесцельной «propagande par le fait» [пропагандой действием]. Если он не имел таких последствий, как подобные же глупости *Геделя* и *Нобилинга*, то это потому, что Ирландия находится все-таки не в Пруссии. Что ж, предоставим бакунистам и

революционным фразерам ставить этакое ребячество на равную ногу с казнью Александра II и угрожать «ирландской революцией», которая все не приходит.

Еще одно замечание относительно Ирландии: никогда не восхваляйте безоговорочно ирландского «политика», никогда не объявляйте себя солидарным с ним, пока он не умер. Кельтское легковерие и вошедшая в обычай эксплуатация крестьян (ведь только ею и живут в Ирландии все «образованные» сословия, а в особенности адвокаты) делают профессиональных ирландских политиков очень склонными к подкупу. О'Коннель заставлял крестьян платить ему за его агитацию целых 30 000 ф. ст. (600 000 марок) в год.

При установлении Унии, которую Англия, как всем известно, купила, потратив на подкуп миллион фунтов стерлингов, одному подкупленному сделали упрек: «Вы продали свое отечество!», на что тот, смеясь, ответил: «Да, и я был чертовски рад, что у меня нашлось отечество для продажи».

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Sozialdemokrat»

№ 29 от 13 июля 1882 г.

Без подписи ¹.

---

¹ Об авторстве Энгельса — см. письмо Энгельса к Бернштейну от 9 августа 1882 года. *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ».

Нижеследующая брошюра возникла из трех глав моей работы: «Переворот в науке, произведенный г. Е. Дюрингом», Лейпциг, 1878 г. Я собрал их вместе по просьбе моего друга Поля Лафарга для перевода на французский язык и сделал к ним несколько дополнений. Просмотренный мною французский перевод появился сначала в «Revue Socialiste», а затем вышел отдельным изданием под названием: «Socialisme utopique et socialisme scientifique», Paris, 1880. Польское издание, сделанное по французскому переводу, только что вышло в Женеве под заглавием «Socjalizm utopijny a naukowy», Imprimerie de l'Aurore. Genève, 1882.

Неожиданный успех сделанного Лафаргом перевода в странах, где говорят по-французски, а в особенности в самой Франции, должен был поставить передо мною вопрос, не целесообразно ли будет также и отдельное немецкое издание этих трех глав. А тут редакция цюрихского «Sozialdemokrat» сообщила мне, что в рядах германской социал-демократической партии повсюду сильно растет спрос на новые пропагандистские брошюры, и запросила меня, не соглашусь ли я предназначить для этой цели указанные три главы. Я, разумеется, дал на это согласие и предоставил в распоряжение редакции свою работу.

Но первоначально она была написана вовсе не для непосредственной массовой пропаганды. Как могла подойти для этой цели работа, прежде всего чисто научная? Какие изменения необходимы были по форме и по содержанию?

Что касается формы, то сомнение могло вызвать лишь обилие иностранных слов. Но уже Лассаль в своих речах и пропагандистских брошюрах отнюдь не скупился на иностранные слова, и, насколько мне известно, на это не жаловались. С того времени наши рабочие стали гораздо больше и гораздо регулярнее читать газеты, а поэтому гораздо больше освоились с иностранными словами. Я ограничился тем, что удалил все ненужные иностранные слова. А оставляя необходимые, я отказался от присоединения к ним так

называемых пояснительных переводов. Ведь необходимые иностранные слова, представляющие собою большей частью общепринятые научно-технические выражения, вовсе не были бы необходимы, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод искажает смысл; вместо того, чтобы пояснить, он сбивает с толку. Устное разъяснение здесь гораздо полезнее.

Что же касается содержания, то смею утверждать, что оно представит для немецких рабочих мало трудностей. Труден вообще только третий раздел, но для рабочих, общие условия жизни которых он охватывает, он гораздо менее труден, чем для «образованных» буржуа. Делая здесь многочисленные пояснительные добавления, я в сущности имел в виду не столько рабочих, сколько «образованных» читателей, людей вроде господина депутата фон-Эйнера, господина тайного советника Генриха фон-Зибеля и прочих Трейчке, одержимых непреодолимым зудом все снова и снова черным по белому демонстрировать свое ужасающее невежество и вытекающее отсюда невероятное непонимание социализма. Если Дон-Кихот направляет свое копьё против ветряных мельниц, то это соответствует его званию и его роли; но Санчо-Пансо мы не можем позволить ничего подобного.

Такие читатели будут также удивлены, наткнувшись в кратком очерке истории развития социализма на учение о происхождении мира Канта-Лапласа, на современное естествознание и на Дарвина, на классическую немецкую философию и на Гегеля. Но дело в том, что научный социализм по существу представляет собою немецкий продукт и мог возникнуть только у нации, классическая философия которой живо сохранила традицию сознательной диалектики, — в Германии *. Материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики.

* «В Германии» — это описка. Следует сказать: у немцев. Ибо насколько, с одной стороны, для возникновения научного социализма была необходима немецкая диалектика, настолько же необходимы были, с другой стороны, развитые экономические и политические отношения Англии и Франции. Отсталый в начале сороковых годов в еще большей степени, чем теперь, экономический и политический уровень развития Германии мог породить в лучшем случае карикатуры на социализм (ср. «Коммунистический манифест», III, 1: «Немецкий или истинный социализм»). Только когда сложившееся в Англии и во Франции экономическое и политическое положение подвергнуто было немецко-диалектической критике, только тогда оказалось возможным достичь действительных результатов. С этой точки зрения научный социализм является, стало быть, вовсе не исключительно немецким, а в не меньшей степени и международным продуктом. [Примечание Энгельса во 2-м издании 1883 года.]

И если школьные учителя немецкой буржуазии утопили память о великих немецких философах и выработанную ими диалектику в болоте безотрадного эклектизма, — утопили до такой степени, что мы вынуждены призывать современное естествознание в свидетели того, что диалектика подтверждается в действительности, — то мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте ¹ и Гегеля.

Фридрих Энгельс.

Лондон, 21 сентября 1882 г.

---

¹ Слово «Фихте» добавлено Энгельсом в 4-м издании 1891 года. *Ред.*

*Напечатана в качестве приложения
к немецкому изданию брошюры
«Развитие социализма от утопии
к науке» (1882)*

МАРКА¹.

В такой стране, как Германия, где еще добрая половина² населения живет земледельческим трудом, социалистические рабочие, а через них и крестьяне, непременно должны узнать, как возникло современное землевладение, крупное и мелкое. Нынешнему бедственному положению батраков и нынешней долговой кабале мелких крестьян необходимо противопоставить древнюю общую собственность всех свободных мужчин, охватывавшую все, что для них тогда действительно являлось «отечеством» — унаследованным свободным общим владением. Поэтому я даю краткий исторический очерк того древнейшего земельного строя германцев, от которого в наши дни сохранились только жалкие остатки, но который на протяжении всего средневековья служил основой и образцом всякого общественного строя и глубоко проник во всю общественную жизнь не только Германии, но и Северной Франции, Англии и Скандинавии. И все же он был настолько забыт, что только в последнее время Г. Л. Мауреру пришлось снова открывать его действительное значение³.

Два стихийно возникших факта господствуют у всех или почти у всех народов на заре их истории: разделение народа по признаку родства и общая собственность на землю. Так было и у германцев. Они принесли с собой из Азии то деление на племена, роды, семьи, по которому они еще в эпоху Римской империи составляли свои отряды таким образом, что всегда плечом к плечу стояли ближайшие родичи; это деление господствовало у них и при занятии новой области к востоку от Рейна и к северу от Дуная⁴. Каждое

---

¹ Вместе с брошюрой «Развитие социализма от утопии к науке» выдержала при жизни Энгельса четыре издания. Вышла отдельным оттиском в 1883 г. под заглавием «Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем мог бы он быть?». В основу перевода взято здесь 4-е издание «Развития социализма», 1891 г., просмотренное Энгельсом. *Ред.*

² В прежних изданиях: «около двух третей». *Ред.*

³ В отдельном оттиске вместо последней фразы напечатано: «И все же он был до последнего времени почти совершенно забыт». *Ред.*

⁴ Вместо последней фразы в отдельном оттиске напечатано: «Когда они после

племя оседало на новом месте не по прихоти или случайно, а соответственно родственным связям соплеменников, как об этом точно сообщает Цезарь¹. Более крупным группам, близким по родству, доставался определенный округ, в пределах которого опять-таки отдельные роды, включавшие определенное число семей, селились вместе, образуя отдельные села. Несколько родственников сел составляли сотню (на древнем верхне-германском наречии — *huntari*, а на древнем скандинавском — *heradh*)², несколько сотен образовывали «гау», область; совокупность этих «гау» составляла данный народ. Земля, на которую не притязало село, оставалась в распоряжении сотни; то, что оставалось после наделения землей сотни, доставалось области — «гау»; земля, которая была свободной еще и после этого, — большей частью это был очень крупный участок, — находилась в непосредственном владении всего народа. Так, в Швеции мы встречаем все эти различные ступени общего владения рядом, друг возле друга. Каждое село имело сельскую мирскую землю (*bys almänningar*), а наряду с этим существовала общественная земля: «сотенная» (*härads*), областная (*lands*) и, наконец, общенародная, но захваченная королем, как представителем всего народа, и называлась она поэтому королевской: *konungs almänningar*. И все они без различия, даже и королевская, назывались *almänningar*, альмендами, общинными землями.

Если старо-шведский земельный общинный строй, во всяком случае относящийся по точному подразделению к более поздней ступени развития, существовал когда-нибудь в этой форме в Германии, то он быстро исчез³. На том очень обширном участке земли, так называемой *марке*, который предоставлен был каждому отдельному селу, быстро размножавшееся население основывало новые поселения, дочерние села, которые вместе с материнским селом, на равных или несколько урезанных правах, образовывали теперь единую общину — марку⁴. Поэтому, насколько источники позволяют восстановить прошлое, мы находим повсюду в Германии боль-

долгих, более чем двухтысячелетних скитаний заняли землю к востоку от Рейна и к северу от Дуная, каждое племя оседало» и т. д. *Ред.*

¹ Вместо слов «как об этом точно сообщает Цезарь» в отдельном оттиске: «Об этом точно сообщает Цезарь, первый римский полководец, вступивший (более чем 1900 лет тому назад) на германскую почву». *Ред.*

² Взятое в скобки замечание в отдельном оттиске опущено. *Ред.*

³ Вместо последней фразы в отдельном оттиске: «Подобное точное подразделение земли неизвестно в Германии». *Ред.*

⁴ В отдельном оттиске добавлено: «для пользования принадлежащей всем сообща землей». *Ред.*

шее или меньшее число сел, соединенных в одну общину-марку. Однако над этими союзами, по крайней мере в первое время, стояли еще более обширные союзы-марки, охватывавшие «сотни» или области (гау), и, наконец, весь народ первоначально составлял единую огромную общину-марку для управления оставшейся в непосредственном владении народа землей и для верховного надзора за входившими в нее подчиненными марками.

Еще в то время, когда франкское королевство подчинило себе германцев по восточному берегу Рейна, центр тяжести общины-марки, повидимому, находился в области (гау); область, собственно говоря, и охватывала общину-марку. Только этим и объясняется, что при административном разделении королевства опять появляется так много старых крупных марок в качестве судебных округов. Но уже вскоре после этого началось раздробление старых крупных марок. Однако еще в «Имперском праве» XIII или XIV столетия принято, что марка, по общему правилу, включает от 6 до 12 сел. Это сохранение крупных марок составляет существенное отличие общинной собственности германцев от современной русской общины; в России каждая сельская община имеет свою собственную, обособленную общую землю, если только при отмене крепостничества эта земля не отнята у общины и не передана помещику¹.

Во времена Цезаря по крайней мере значительная часть германцев, а именно племя свевов, прочно еще не осевшее,— обрабатывала землю сообща. Происходило это, судя по аналогии с другими народами, следующим образом: отдельные роды, включавшие в себя несколько родственных семей, обрабатывали сообща предоставленную им землю, которая из года в год переделывалась; продукты же распределялись между семьями. Когда же и свевы к началу нашего летоисчисления прочно осели на новых местах, этот способ обработки земли вскоре прекратился. По крайней мере, Тацит (через 150 лет

¹ В 1-м, 2-м и 3-м изданиях имеется к этому месту следующее примечание: «Указанием на это различие, в высшей степени важное по своим историческим последствиям, я обязан Марксу, который является безусловно высшим авторитетом во всех вопросах, касающихся первобытного состояния человеческого общества. Будем надеяться, что во втором томе «Капитала», где в связи с земельной рентой будет подвергнута изучению также земельная собственность, изложены будут по крайней мере главные результаты его исследований».

В 4-м издании опущено как это примечание, так и последняя фраза в тексте, со слов «Это сохранение крупных марок»... и т. д.

В отдельном оттиске из всего этого абзаца оставлена лишь одна фраза: «И еще в «Имперском праве» XIII или XIV столетия принято, что марка, по общему правилу, включает от 6 до 12 сел». *Ред.*

после Цезаря) знает только обработку земли отдельными семьями. Но и им участки для обработки предоставлялись только на один год: по истечении года земля снова переделывалась и переходила в другие руки.

Как происходили переделы, мы можем видеть еще и теперь на Мозеле и в лесных районах Прирейнской области, в так называемых *Gehöferschaften*¹. В этих местностях, — правда, не ежегодно, но все же каждые 3, 6, 9 и 12 лет, — вся пахотная земля, поля и луга во всей своей общей массе разделяются на некоторое число «конов» (*Gewanne*), смотря по расположению и по качеству почвы. Каждый кон снова делится на столько равных частей, в виде длинных узких полос, сколько правомочных членов имеется в общине; эти части распределяются между последними по жребью, так что каждый член общины получал первоначально равную долю земли в каждом коне, стало быть землю разного расположения и разного качества почвы. В настоящее время наделы стали неравными благодаря дроблению при наследовании, вследствие продажи и т. д., но старый полный надел все еще составляет ту единицу, по которой определяются размеры полунадела, четверти, восьмой доли надела и т. д. Непахотная земля, леса и пастбища остаются общим владением для совместного пользования.

То же самое древнее устройство удержалось до начала нашего² столетия в так называемых «*Loosgütern*» [жеребьевых участках] в Баварском Пфальце, пахотная земля которых впоследствии перешла в частную собственность отдельных членов общины. Также и *Gehöferschaften* находят для себя все более выгодным прекратить переделы и превратить переходящее от одного к другому владение в частную собственность. Таким образом, большинство из них, а местами и все они, в течение последних сорока лет отмерли и превратились в обыкновенные села крестьян-собственников с карликовыми наделами и общинным пользованием лесом и пастбищами.

Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была усадебная земля. Неприкосновенность жилища, — эта основа всякой личной свободы, — перешла с кочевой кибитки на бревенчатый дом оседлых крестьян и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу. Это произошло уже во времена Тацита. Усадьба свободного германца, должно быть, уже тогда выделилась из марки и, будучи поэтому недоступ-

¹ Объединение дворов, своего рода аграрное товарищество. *Ред.*

² Т. е. XIX. *Ред.*

ной марковым должностным лицам, была надежным убежищем для беглецов, как это описывается в позднейших уставах марки и отчасти уже в «народном праве» V — VIII столетий. Ибо святость жилища была не следствием, а причиной превращения его в частную собственность ¹.

Спустя четыре-пять столетий после Тацита ² мы встречаем в «народном праве» ³ также и возделанную землю в качестве наследственного, хотя и не безусловно свободного владения отдельных крестьян, которые имели право распоряжаться ею путем продажи или иной формы отчуждения. Для объяснения этого превращения мы имеем два опорных пункта.

Во-первых, с самого начала в самой Германии, наряду с уже описанными замкнутыми селами с полной общностью полей, существовали и такие села, где, кроме усадебных участков, также и поля были выделены из общины-марки и переданы отдельным крестьянам в наследственное пользование. Но это бывало лишь там, где к этому, так сказать, вынуждал характер местности: в тесных горных долинах, на узких плоских возвышенностях между болотами, как в Вестфалии. Позднее так было в Оденвальде и почти во всех альпийских долинах. Здесь село, как и сейчас еще, состояло из разбросанных одиночных дворов, и вокруг каждого расположены были принадлежащие ему поля. Передел здесь осуществить было не легко, и, таким образом, в распоряжении марки оставалась только окружающая невозделанная земля. Когда же впоследствии стало играть значительную роль право распоряжения домом и двором для отчуждения третьим лицам, то у таких собственников дворов оказалось выгодное преимущество. Стремление добиться такого же преимущества могло в некоторых селах с общинным владением полей привести к тому, что обычные переделы прекращались, и благодаря этому стала также возможной передача отдельных наделов общинников по наследству или в другие руки.

Во-вторых, завоевания привели германцев в римские области, где много столетий земля была частной собственностью (и притом римской, неограниченной) и где завоеватели, при своей малочисленности, никак не могли совершенно устранить так глубоко укоренившуюся форму владения. Подтверждением связи между наследственной частной собственностью на поля и луга и римским правом, —

¹ В отдельном оттиске последняя фраза отсутствует. *Ред.*

² Слова «после Тацита» вставлены в 4-м издании. *Ред.*

³ В отдельном оттиске слова «в народном праве» опущены. *Ред.*

по крайней мере в бывших римских владениях, — служит также тот факт, что сохранившиеся до нашего времени остатки общинной собственности на пахотную землю встречаются именно на левом берегу Рейна, т. е. в завоеванной, но совершенно германизированной области. Когда франки поселились здесь в V столетии, у них еще должна была существовать общность пахотной земли, — иначе мы не могли бы находить там теперь дворовые общины (*Gehöferschaften*) и жеребьевые участки (*Loosgüter*). Но и сюда вскоре неудержимо проникло частное владение; в рипуарском народном праве VI столетия упоминается только о такого рода владении, поскольку речь идет о возделанной земле¹. И внутри Германии пахотная земля, как сказано выше, также быстро перешла в частное владение.

Если, однако, германские завоеватели и перешли к частному владению полями и лугами, т. е. при первом распределении земли или вскоре после него отказались от новых переделов (в этом только и состоял переход), то, с другой стороны, они всюду ввели свою германскую марку с общим владением лесами и пастбищами и с распространением власти марки также и на поделенную землю. Это было проделано не только франками в Северной Франции и англосаксами в Англии, но и бургундами в Восточной Франции, вестготами в Южной Франции и в Испании и остготами и лангобардами в Италии. Впрочем, в этих последних странах, насколько известно, следы существования марки сохранились до настоящего времени почти² только в высоких горных местах.

Строение, которое получила марка вследствие отказа от нового передела пахотной земли, оказывается теперь таким, каким оно выступает перед нами не только в старом народном праве V — VIII столетий, но также и в английских и скандинавских средневековых сводах законов, в многочисленных германских уставах марки (так называемых *Weisthümern* [правдах]) от XIII до XVII столетия и в обычном праве (*coutumes*) Северной Франции³.

Община-марка, отказавшись от права периодического передела полей и лугов между отдельными своими членами, не уступила ни одного из всех прочих своих прав на эти земли. А эти права были весьма

¹ Вместо последних трех фраз (со слов «Подтверждением связи...») в отдельном оттиске напечатано: «Здесь, таким образом, вскоре прекратились ежегодные переделы земли между отдельными семьями, их место заняла частная собственность на поля и луга». *Ред.*

² Слово «почти» добавлено в 4-м издании. *Ред.*

³ Слова «и в обычном праве (*coutumes*) Северной Франции» добавлены в 4-м издании. В отдельном оттиске весь этот абзац вышущен. *Ред.*

значительны. Община передавала свои поля отдельным лицам только для использования их как пашни и луга, но не для какой-нибудь другой цели. На все, что выходило за пределы этого, частный владелец не имел никакого права. Поэтому, если в земле бывали найдены сокровища глубже, чем достает сошник, то они первоначально принадлежали не ему, а общине; то же относится к праву добывать руду и т. д. Все эти права впоследствии были похищены землевладельцами-помещиками и правителями страны и использованы ими для себя.

Но и пользование полем и лугом было подчинено контролю и регулированию со стороны общины, что осуществлялось следующим образом. Там, где господствовало трехполье, а это было почти везде, — вся пахотная земля села делилась на три одинаковых по размеру поля; каждое из них попеременно служило один год для озимых посевов, второй год — для яровых, третий год шло под пар. Таким образом, село каждый год имело свое озимое, яровое и паровое поле. При распределении земли заботились о том, чтобы каждый член общины получал одинаковую долю во всех трех полях, так, чтобы каждый без ущерба мог подчиняться принудительному севообороту общины, так что озимь он имел право сеять только на своем участке озимого поля и т. д.

Что же касается парового поля, то на все время нахождения под паром оно снова переходило в общее пользование и служило пастбищем для всей общины. И как только кончалась жатва на прочих двух полях, они также снова возвращались в общее пользование до нового посева и служили общественным пастбищем. То же самое относится к лугам после осеннего сенокоса. На всех полях, где происходил общественный выпас, владелец должен был удалить изгороди. Этот обязательный общественный выпас (Hutzwang), естественно, требовал, чтобы время посева, как и жатвы, не предоставлялось воле отдельного лица, а было для всех общим и устанавливалось общиной или обычаем¹.

Вся остальная земля, т. е. все, что не входило в усадебное хозяйство или в наделную пашню, оставалось, как и встарь, общей собственностью для совместного пользования: лес, луга, степи, болота, реки, пруды, озера, дороги и тропинки, охотничьи гоны и рыбные тони. Подобно тому как доля каждого члена общины в распределенной пахотной земле марки была первоначально для

---

¹ В отдельном оттиске здесь добавлено: «И там, где мы еще находим подобный принудительный севооборот или принудительный общественный выпас, либо же их пережитки, там это пережитки старой общины-марки». *Ред.*

всех одинаковой, так же одинакова была и доля его в пользовании «общей маркой». Способ этого пользования определялся всеми членами общины; ими же устанавливался способ распределения, когда наличной пахотной земли уже нехватало и когда от общей марки отрезался новый участок для возделывания. Больше всего пользовались общей маркой для выпаса скота и откармливания свиней жолудями; кроме того, леса доставляли строительный материал и дрова, листья для подстилки, ягоды и грибы, а торфяные болота, если они имелись, — торф. Постановления о пастбищах, о пользовании топливом и т. д. составляют главное содержание многочисленных сохранившихся от различнейших столетий марковых прав (Markweisthümer), записанных в то время, когда старое неписанное обычное право начинало становиться спорным. Существующие еще до сих пор общинные леса являются жалким остатком этой древней неподделенной марки. Другим остатком, по крайней мере в Западной и Южной Германии, является глубоко коренящееся в народном сознании представление, что лес есть общее достояние и что в лесу каждый может собирать цветы, ягоды, грибы, буковые орешки и т. д. и имеет право вообще делать все, что угодно, поскольку он не портит леса. Но Бисмарк и здесь своим знаменитым законом о сборе ягод позаботился о том, чтобы установить в западных провинциях старо-пруссские юнкерские порядки.

Наряду с одинаковыми земельными наделами и равными правами в пользовании общинными угодьями, общинники первоначально в равной степени участвовали в законодательстве, управлении и судопроизводстве в пределах марки. В определенные сроки, — а если нужно было, то и чаще, — общинники собирались под открытым небом для разрешения дел общины-марки, для суда по поводу нарушений законов марки и для разрешения тяжб. Это было, — только в небольшом масштабе, — древнее германское народное собрание, которое также первоначально было не чем иным, как большим общинным собранием. Издавались законы, — правда, только в редких, самых необходимых случаях, — избирались должностные лица, контролировалась их служебная деятельность; главным же образом творился суд. Председатель должен был только ставить вопросы, решение же выносилось всеми присутствующими сообща.

В древние времена конституция марки была почти единственной конституцией тех германских племен, у которых не было королей. Старое родовое дворянство, которое во время переселения народов или вскоре после него пришло в упадок, легко включилось в марку, как и все, что естественно возникло вместе с этим строем:

так еще в XVII столетии кельтское дворянство клана вошло в ирландскую земельную общину¹. И марка пустила настолько глубокие корни во всей жизни германцев, что мы находим ее следы на каждом шагу в истории развития германского народа. В древности вся официальная власть была в мирное время исключительно судебной властью, которая теряла силу во время народных собраний по сотням, по областям (гау) или же собраний всего племени. Но народный суд был только народным судом марки, применявшимся в случаях, которые были не только делом марки, а вообще входили в сферу официальной власти. Даже когда с выработкой областной конституции (Gauverfassung) государственные областные суды были отмежеваны от обычных судов марки, — даже тогда судебная власть и в тех и в других оставалась в руках народа. Только тогда, когда древние народные вольности пришли в сильнейший упадок, и исполнение судебных обязанностей наряду с военной службой стало тяжелым бременем для обедневших свободных граждан, — только тогда мог Карл Великий в большинстве местностей заменить народный суд судом шеффенов [присяжных] *. Но это нисколько не коснулось судов марки. Напротив, они даже оставались еще образцом для ленных судов средневековья: в последних сюзерен также только ставил вопросы, решение же выносили сами вассалы. Сельская конституция является только конституцией марки, самостоятельной сельской общины, и переходит в конституцию города, как только село превращается в город, т. е. укрепляет себя рвом и стенами. Из этой первоначальной конституции городской марки выросли все позднейшие городовые положения. И, наконец, по образцу конституции марки созданы уставы и положения бесчисленных вольных товариществ средних веков, не основанных на общности землевладения, — особенно же уставы вольных цехов. Предоставленное цеху исключительное право занятия определенными ремеслами рассматривается как обычная марка. С таким же, как там, рвением, часто теми же самыми средствами, цехи также прилагают старания к тому, чтобы вполне или возможно точнее уравнивать долю участия каждого своего члена в общих источниках доходов.

Таковую же почти изумительную приспособляемость, какую

---

¹ В отдельном оттиске последняя фраза (со слов «старое родовое дворянство») выпущена. *Ред.*

* Не следует смешивать последних с бисмарковско-леонгардовскими судами шеффенов, где шеффены и юристы совместно устанавливают приговор. В старом суде шеффенов вовсе не было юристов. Председатель или судья не имел даже права голоса, и шеффены самостоятельно выносили решение.

развила здесь марка в различнейших областях общественной жизни и по отношению к самым разнообразным требованиям, обнаруживает она и в дальнейшем ходе развития земледелия, а также в борьбе с растущим и усиливающимся крупным землевладением. Марка возникла одновременно с поселением германцев в нынешней Германии, — следовательно, в такое время, когда скотоводство было главным источником пропитания, а принесенное ими из Азии, но полузабытое земледелие только лишь начинало возрождаться. Марка сохранилась на протяжении всех средних веков в тяжелой беспрестанной борьбе с землевладельческим дворянством. Но потребность в ней все еще была так велика, что повсюду, где дворянство присвоило себе крестьянскую землю, подвластные села сохранили свою конституцию марки, хотя и сильно урезанную вследствие вмешательства землевладельцев; ниже мы приведем пример этого. Она приспособлялась к самым изменчивым отношениям владения возделанной землей все время, пока еще существовала общая марка, и точно так же сумела приспособиться к различнейшим правам собственности на общую марку, когда ее свобода исчезла. Марка погибла вследствие разграбления почти всей крестьянской земли, как поделенной, так и неделимой, — разграбления, произведенного дворянством и духовенством при благосклонном содействии правителей страны. Но она действительно устарела экономически, потеряла жизнеспособность в качестве формы земледельческого производства лишь с тех пор, как гигантский прогресс сельского хозяйства за последние сто лет превратил земледелие в научную дисциплину и привел к совершенно новым формам производства.

Подрыв основ общинного строя начался уже вскоре после переселения народов. В качестве представителей народа франкские короли завладели огромными земельными пространствами, принадлежавшими всему народу, в особенности лесами, чтобы расточительно раздарить их своей придворной челяди, своим военачальникам, епископам, аббатам. Этим путем они заложили основу позднейшего крупного землевладения дворянства и церкви. Последняя уже задолго до Карла Великого владела доброй третью всех земель во Франции; несомненно, что такое соотношение имело место почти во всей католической Западной Европе в течение средних веков.

Продолжавшиеся без конца внутренние и внешние войны, последствием которых неизменно была конфискация земли, разорили огромное множество крестьян, так что уже во времена Меровингов ¹

¹ В отдельном оттиске: «уже до Карла Великого»... *Ред.*

было очень много свободных людей, лишенных земли. Бесперывные войны Карла Великого сломали главную мощь свободного крестьянского сословия. Первоначально каждый свободный владделец земли был обязан службой и должен был на свои средства не только добыть себе снаряжение, но и заботиться о своем прокормлении на военной службе в течение шести месяцев. Нет ничего удивительного в том, что уже ко времени Карла на военную службу мог быть действительно призван едва лишь каждый пятый мужчина. Во время опустошительного ховаяничанья его преемников свобода крестьян еще быстрее катилась под гору. С одной стороны, бедствия от набегов норманнов, вечные войны королей и междоусобия великих мира сего вынуждали свободных крестьян, одного за другим, искать себе высокого покровителя. С другой стороны, алчность этих самых великих мира сего и жадность церкви ускоряли этот процесс; хитростью, обещаниями, угрозами, силой они подчинили своей власти еще больше крестьян и крестьянской земли. В том и в другом случае крестьянская земля превращалась в господскую, и, самое большее, вновь передавалась крестьянам в пользование за оброк и барщину. Крестьянин же из свободного землевладельца превращался в подвластного, платящего оброк и отбывающего барщину, или даже становился крепостным. В западно-франкском королевстве, вообще к западу от Рейна, это было общим правилом. К востоку от Рейна сохранилось, напротив, еще значительное число свободных крестьян, большую часть рассеянных повсюду, реже—соединенных в целые свободные села. Однако и здесь в X—XII столетиях всемогущество дворянства и церкви тяжелым гнетом лежало на крестьянах, доводя их до положения холопов.

Когда феодал — духовный или светский — приобретал крепостную усадьбу, он вместе с тем приобретал и принадлежавшие этой усадьбе права в марке. Таким образом, новые помещики становились членами марки, и первоначально в пределах марки они были только равноправны с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже с собственными крепостными. Но вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах привилегии в марке, а подчас даже сумели подчинить ее своей господской власти. И все же старая община-марка продолжала свое существование, хотя и под господской опекой.

Насколько необходимо было тогда общинное устройство для земледелия, даже в крупном землевладении, самым убедительным образом показывает колонизация Бранденбурга и Силезии ¹

¹ В отдельном оттиске: «колонизация Восточной Пруссии, Бранденбурга и Силезии». *Ред.*

фризскими, нидерландскими, саксонскими и рейнско-франкскими поселенцами. Начиная с XII столетия¹ они селились целыми деревнями на господской земле, — и именно на основе германского права, т. е. древнего общинного права, поскольку оно сохранилось в господских владениях. Каждый получал дом с усадьбой, участок пахотной земли одинакового для всех размера и определяемый по древнему обычаю жребием, а также право пользования лесом и пастбищем, большею частью в господском лесу, реже — в особой марке. Все это наследственно. Собственность на землю оставалась за помещиком, которому колонисты были наследственно обязаны платить определенные оброки и определенные повинности. Но эти платежи были настолько умеренны, что крестьяне находились здесь в лучшем положении, чем где-либо в Германии. Поэтому они и оставались спокойными, когда разразилась крестьянская война. За это отступничество от своего собственного дела они, однако, жестоко заплатились.

Вообще около середины XIII столетия в положении крестьян наступил решительный поворот к лучшему; подготовили его крестовые походы. Многие из уходивших в поход помещиков прямо отпускали крестьян на свободу. Другие умерли, погибли; сотни дворянских родов исчезли, и их крестьянам тоже часто удавалось получить свободу. Затем, с ростом потребностей помещиков, гораздо важнее для последних становилось право распоряжения крестьянскими повинностями, чем их личностью. Крепостное право раннего средневековья, заключавшее в себе еще много черт древнего рабства, давало помещику права, которые все больше и больше теряли свою ценность; постепенно крепостное право стало ослабевать, и положение крепостных приблизилось к простой зависимости. Так как обработка земли оставалась такой же, как и раньше, то увеличения помещичьих доходов можно было добиться только поднятием нови, основанием новых сел. Но это было достижимо только при помощи полюбовного соглашения с колонистами, — все равно, были ли они собственными крепостными или пришельцами. Поэтому мы всюду видим в эту эпоху твердо установленные, большею частью умеренные повинности и хорошее обращение с крестьянами, особенно во владениях духовенства. И, наконец, благоприятное положение вновь привлеченных колонистов опять-таки имело обратное влияние на условия жизни соседних подвластных помещику крестьян, так что и они во всей Северной Германии, продолжая выполнять свои повинности по отношению к помещикам, получили, однако,

¹ В отдельном оттиске: «С XII до XV столетия». *Ред.*

личную свободу. Только славянские и литовско-прусские крестьяне оставались несвободными¹. Однако все это длилось недолго.

В XIV и XV столетиях быстро развились и разбогатели города. Особенно отличались своей художественной промышленностью и роскошью города в Южной Германии и по Рейну. Роскошная жизнь городских патрициев не давала покоя поместному юнкерству, питавшемуся грубой пищей, одетому в грубую одежду, обставленному неуклюжей мебелью. Но откуда взять эти прекрасные вещи? Разбой на большой дороге становился все опаснее и безуспешнее. Для покупки же нужны деньги. А их мог доставить только крестьянин. Отсюда — новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины; возобновляется и все усиливается стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых — в крепостных, а общую землю марки — в господскую землю. В этом деле помогли помещикам и дворянам римские юристы, которые своим применением римских законов к германским отношениям, большею частью им непонятным, сумели создать безграничную путаницу, и притом такого рода, что помещик всегда был от нее в выигрыше, а крестьянин постоянно в проигрыше. Духовные владыки поступали проще: они фабриковали подложные документы, по которым права крестьян урезывались, а обязанности увеличивались. На это хищничество помещиков, дворян и попов с конца XV столетия крестьяне стали отвечать частыми разрозненными восстаниями, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабию, Баварию, Франконию и не распространилась также на Эльзас, Пфальц, Рейнскую область и Тюрингию. Крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы. С этого момента вновь началось всеобщее преобладание крепостничества среди германских крестьян. В местностях, где свирепствовала борьба, все сохранявшиеся еще права крестьян были теперь беззастенчиво попораны; общинная земля была превращена в господскую, сами крестьяне — в крепостных. А северо-германские крестьяне, в благодарность за то, что они, живя в лучших условиях, оставались спокойными, очутились под таким же гнетом, только несколько позднее. Крепостное право для германских крестьян в Восточной Пруссии, Померании, Бранденбурге, Силезии утвердилось с середины, а в Шлезвиг-Гольштинии — с конца XVI столетия, и оно все шире навязывалось крестьянам.

Это новое насилие имело к тому же экономическое основание. В результате войн эпохи реформации одни только германские

¹ Эта последняя фраза добавлена в 4-м издании. *Ред.*

владельцы усилили свою власть. Благородное разбойничье ремесло дворянства уже изжило себя. Если дворянство не желало погибнуть, ему необходимо было выколачивать больше дохода из своих поместий. Единственным путем для этого было — по примеру более крупных владельцев и особенно монастырей — завести собственное хозяйство, по крайней мере на некоторой части своего поместья. То, что до тех пор являлось исключением, стало теперь необходимостью. Но этой новой форме хозяйства служило препятствием то, что почти повсюду земля была роздана оброчным крестьянам. С превращением свободных или зависимых оброчных крестьян в крепостных, барин получал полную свободу действий. Часть крестьян была, по техническому выражению, «вычищена», т. е. или прогнана с земли, или низведена до положения безземельных крестьян с одной хижинкой и клочком огорода. Их хозяйства слиты были в одно огромное господское хозяйство, которое обрабатывалось в форме барщины этими же новыми безземельными или еще оставшимися на своих участках крестьянами. Таким образом, не только множество крестьян было просто вытеснено со своей земли, но и у остальных еще сохранившихся крестьян барщинные повинности значительно увеличивались, и чем дальше, тем больше. Капиталистический период оповестил на селе о своем пришествии в форме крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян.

Это превращение вначале все же шло еще довольно медленно. Но вот наступила Тридцатилетняя война. В течение целого поколения в Германии вдоль и поперек хозяйничала самая разнузданная солдатчина, какую только знает история. Повсюду налагались контрибуции, шли грабежи, поджоги, производились насилия, убийства. Больше всего терпел крестьянин там, где в стороне от больших войск на собственный страх и риск самостоятельно действовали мелкие вольные отряды, или, вернее, мародеры. Опустошение и обезлюдение было безгранично. Когда наступил мир, Германия лежала беспомощной, растоптанной, растерзанной, истекая кровью; но в самом бедственном положении оказался опять-таки крестьянин.

Поместное дворянство стало теперь единственным хозяином в деревне. Князья, уничтожившие как раз к тому времени его политические права в сословных собраниях, предоставили ему зато полную свободу действий в отношении крестьян. Благодаря же войне последние силы крестьян были сломлены. Таким образом, дворянство могло установить все земельные отношения в таком виде, как это было всего выгоднее для восстановления его разоренных

финансов. Мало того, что заброшенные крестьянские хозяйства были попросту присоединены к господскому; как раз тут-то и началось в большом масштабе систематическое обезземеление крестьян. Чем крупнее было господское хозяйство, тем тяжелее были, естественно, барщинные повинности крестьян. Снова наступило время «неограниченных повинностей»: помещик мог требовать на работу крестьянина, его семью, его скот так часто и на такой срок, как ему было угодно. Крепостное состояние стало теперь всеобщим; свободный крестьянин стал теперь такой же редкостью, как белая ворона. И для того, чтобы помещик был в состоянии подавить в зародыше всякое, даже малейшее, сопротивление крестьян, он получил от владетельных князей право вотчинного суда, т. е. он был назначен единственным судьей по всем мелким крестьянским проступкам и тяжбам; даже тогда, когда крестьянин имел тяжбу с ним, со своим господином, — господин этот был судьей в своем собственном деле! С того времени стали господствовать в стране палка и кнут. Как и вся Германия, германский крестьянин дошел до крайней степени приниженности. Как и вся Германия, крестьянин до того обессилел, что исчезла всякая возможность самопомощи, и спасение могло явиться только извне.

И оно пришло. С французской революцией наступила и для Германии и германского крестьянина заря лучших времен. Едва только революционные войска заняли левый берег Рейна, как там, будто по волшебству, вместе с самим помещиком, исчез весь старый хлам: барщина, оброк и всякого рода барские повинности. Крестьянин на левом берегу Рейна стал тогда хозяином своего участка и, кроме того, в Гражданском кодексе (Code Civil), — созданном в революционную эпоху и Наполеоном только испорченном, — он получил свод законов, который был приноровлен к его новому положению и который он мог не только понимать, но и с удобством носить с собой в кармане.

Правобережному же крестьянину пришлось еще долго ждать свободы. Правда, в Пруссии после вполне заслуженного поражения при Иене были отменены некоторые из самых позорных дворянских привилегий и была установлена законом возможность так называемого освобождения от прочих крестьянских повинностей. Но эта возможность большею частью и долгое время оставалась только на бумаге. В других же государствах Германии не было и этого. Понадобилась вторая французская революция 1830 г., чтобы двинуть с места освобождение крестьян, по крайней мере в Бадене и некоторых других пограничных с Францией мелких государствах. И даже когда третья французская революция в 1848 г. увлекла за

собой, наконец, и Германию, в Пруссии освобождение далека еще не закончилось, а в Баварии еще совсем и не начиналось. Теперь, впрочем, дело пошло живее; барщина, отбываемая крестьянами, настроение которых стало на этот раз совсем бунтарским, потеряла уже всякую ценность.

В чем же заключалось это освобождение? Забирая у крестьянина определенную сумму денег или кусок его земли, помещик за это признавал впредь остальную оставшуюся еще у крестьянина землю его свободною собственностью, не отягченную никакими повинностями. И это там, где все земли, принадлежащие помещику, были раньше украдены у тех же крестьян! Но и этого мало! При размежевании назначенные для этой цели чиновники, естественно, почти всюду держали сторону помещика, у которого они жили и кутили, так что крестьян страшно обделили, даже сверх того, что полагалось по точному смыслу закона.

Итак, благодаря трем французским и одной германской революциям мы пришли, наконец, к тому, что снова имеем свободных крестьян. Но как далеко нашему нынешнему свободному крестьянину до свободного члена марки доброго старого времени! Его хозяйство и надел большею частью значительно меньше, а неподделанная марка исчезла вся, за исключением немногочисленных, очень мелких и запущенных общинных лесных участков. Но без общинного пользования угодьями мелкий крестьянин не может содержать скота; без скота нет навоза; без навоза невозможно рациональное земледелие. Сборщик податей и грозно стоящий за ним судебный исполнитель, которых современный крестьянин слишком хорошо знает, были для старого общинника незнакомыми фигурами, так же, как и ипотечный ростовщик, в лапы которого один за другим попадают крестьянские дворы. И лучше всего здесь то, что эти новые свободные крестьяне, у которых сильно урезаны наделы и подрезаны крылья, в Германии, где все происходит слишком поздно, созданы в такое время, когда не только научное сельское хозяйство, но и изобретенные уже сельскохозяйственные машины все более и более превращают мелкое крестьянское хозяйство в устарелую, уже нежизнеспособную форму производства. Подобно тому как механизированные прядильные и ткацкие фабрики вытеснили самопрялку и ручной ткацкий станок, так и эти новые методы сельскохозяйственного производства должны беспощадно уничтожить парцеллярное мельчайшее сельское хозяйство и заменить его крупной земельной собственностью, если... если им будет дано необходимое для этого время.

Дело в том, что всему европейскому земледелию в настоящем его состоянии уже угрожает могущественный соперник в виде американского массового производства хлеба. С тамошней почвой, самой природой возделанной и удобренной на долгий ряд лет, почвой, которую можно там приобрести за бесценок, не могут выдержать состязания ни наши обремененные долгами мелкие крестьяне, ни наши также глубоко запутавшиеся в долгах крупные землевладельцы. Все европейские способы сельскохозяйственного производства терпят поражение от американской конкуренции. Земледелие в Европе становится возможным только в том случае, если оно будет вестись в общественной форме и за счет всего общества.

Таковы виды на будущее для наших крестьян. И восстановление хотя и горемычного, но свободного класса крестьян имело только *ту* хорошую сторону, что оно поставило крестьянина в положение, в котором он — при содействии своих естественных союзников, рабочих — может сам себе помочь, если он только захочет понять, *как* это сделать ¹.

---

¹ В отдельном оттиске сделано следующее добавление: «Но как? Путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме; путем такого обновления общинного землевладения, при котором последнее не только обеспечит мелкокрестьянским общинникам все преимущества крупного хозяйства и применение сельскохозяйственных машин, но и доставит им средства организовать с помощью силы пара или воды наряду с земледелием также и крупную промышленность, и притом на счет не капиталистов, а самой общины.

Крупное сельское хозяйство и применение сельскохозяйственных машин — это значит другими словами: сделать излишним сельскохозяйственный труд большинства мелких крестьян, которые теперь сами обрабатывают свои земли. А чтобы эти вытесненные из сельского хозяйства люди не оставались без работы: или не скоплялись в городах, для этого необходимо занять их в промышленности, созданной в самой деревне, а такая промышленность может быть с выгодой для них организована только в крупном масштабе, при помощи силы пара или воды.

Как это устроить? Подумайте об этом хорошенько, немецкие крестьяне. Помочь вам могут только *социал-демократы*. *Ред.*

ЖЕННИ ЛОНГЕ, УРОЖДЕННАЯ МАРКС.

11 января умерла в Аржантейле близ Парижа старшая дочь Карла Маркса, Женни, около восьми лет тому назад вышедшая замуж за бывшего члена Парижской Коммуны и нынешнего члена редакции газеты «Justice», Шарля Лонге.

Родившись 1 мая 1844 г., она выросла в среде международного пролетарского движения и теснейшим образом срослась с ним. При всей своей сдержанности, которую можно было принять почти за робость, она проявляла, когда это было нужно, такое присутствие духа и такую энергию, которым мог бы позавидовать иной мужчина.

Когда ирландская пресса разоблачила позорное обращение, которому подвергались в тюрьме осужденные в 1866 г. и позднее фении, а английская пресса упорно замалчивала эти подлости; когда министерство Гладстона, вопреки обещаниям, данным при выборах, отказало осужденным в амнистии и даже ничем не облегчило их положения, — Женни Маркс нашла способ подхлестнуть благочестивого господина Гладстона. Она напечатала две статьи в «Marseillaise» Рошфора и в ярких красках изобразила, как обращаются в свободной Англии с политическими преступниками. Это подействовало. Разоблачения в большой парижской газете нельзя было потерпеть. Через несколько недель О'Донован Росса и большинство других были освобождены и находились на пути в Америку.

Летом 1871 г. она с младшей сестрой посетила своего шурина Лафарга в Бордо. Лафарг, его жена, его большой ребенок и обе девушки уехали оттуда на воды в Баньер де-Лушон в Пиренеях. Однажды рано утром явился к Лафаргу какой-то господин и сказал: «Я полицейский чиновник, но республиканец; получено приказание арестовать вас; известно, что вы руководили сношениями между Бордо и Парижской Коммуной. В вашем распоряжении час времени, чтобы перебраться через границу».

Лафарг с женой и ребенком благополучно перебрались через перевал в Испанию; полиция отомстила за это обеим девушкам, арестовав их. В кармане у Женни было письмо павшего близ Парижа вождя Коммуны Густава Флуранса; будь оно найдено, оно оказа-

лось бы для обеих надежным паспортом для путешествия в Новую Каледонию. Оставшись на минутку одна в канцелярии, она раскрыла старую, покрытую пылью регистрационную книгу, вложила в нее письмо и снова захлопнула ее. Может быть, оно еще лежит там. Когда обеих девушек привели в канцелярию префекта, то последний, благородный граф де-Кератри, старый бонапартист, учинил двум девушкам строжайший допрос. Однако хитрость бывшего дипломата и грубость бывшего кавалерийского офицера разбилась о спокойное благоразумие Женни. Сказав что-то злобное по поводу «энергии, свойственной женщинам этой семьи», он в бешенстве вышел из комнаты. После многочисленных телеграмм в Париж и обратно он должен был, наконец, освободить обеих девушек из-под ареста, где они подвергались истинно-прусскому обращению.

Эти два эпизода из жизни Женни вполне характеризуют ее. Пролетариат утратил в ее лице героического борца. Но у ее убитого горем отца осталось по крайней мере то утешение, что сотни тысяч рабочих в Европе и в Америке разделяют его горе.

Лондон, 13 января 1883 г.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в газете «Der Sozialdemokrat»

№ 4 от 18 января 1883 г.

Подпись: Фр. Энгельс.

НАБРОСОК НАДГРОбНОЙ РЕЧИ НА МОГИЛЕ МАРКСА.

Каких-нибудь 15 месяцев тому назад большинство из нас собралось вокруг этой могилы, которая должна была тогда стать последним местом успокоения возвышенной и благородной женщины. Сегодня мы снова должны раскрыть эту могилу, чтобы опустить туда останки ее мужа.

Карл Маркс был одним из тех выдающихся людей, каких немного рождается в течение столетия. Чарльз Дарвин открыл закон развития органического мира на нашей планете. Маркс — тот, кто открыл основной закон, определяющий движение и развитие человеческой истории, — закон, до такой степени простой и самоочевидный, что почти достаточно простого его изложения, чтобы обеспечить его признание. Мало того, Маркс открыл также закон, по которому создан наш нынешний общественный строй с его великим классовым делением на капиталистов и наемных рабочих; закон, по которому это общество сорганизовалось, росло, покуда почти не переросло самого себя; закон, в силу которого оно должно, в конце концов, погибнуть, подобно всем предыдущим историческим фазам общества. Такие результаты делают особенно тягостным сознание, что он отнял у нас в разгар своей работы и что, как ни много им сделано, еще большее оставил он незавершенным.

Но наука, как ни был он ей предан, далеко не поглощала его полностью. Не было человека, который испытывал бы более чистую радость, чем он, при виде каждого достижения науки в любой области, независимо от того, было ли оно практически применимо или нет. Но прежде всего он смотрел на науку как на могущественный рычаг истории, как на революционную силу в самом высоком значении этого слова. И в качестве такой именно силы он ею пользовался, к этой именно цели направлял те огромные знания, какими он располагал, особенно во всех областях истории.

Ибо он действительно был, как сам он себя называл, революционером. Борьба за освобождение класса наемных рабочих от оков современной капиталистической системы экономического производства была его подлинной стихией, и никогда не бывало борца актив-

нее, чем он ¹. Венцом этой части его деятельности было создание Международного товарищества рабочих, признанным вождем которого он был с 1864 до 1872 года. Товарищество это, поскольку речь идет о внешних признаках, прекратило свое существование; но братская связь союза рабочих всех цивилизованных стран Европы и Америки установлена раз навсегда и все время продолжает существовать без всяких уз внешнего формального союза.

Кто борется за какое-нибудь дело, тот не может не нажить себе врагов. И он имел множество врагов. В течение большей части своей политической жизни он был в Европе тем человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Но он почти не обращал внимания на клевету. Если кто-либо на земле преодолел клевету, то это именно он; и в час своей смерти он с гордостью мог оглянуться на миллионы своих последователей и в сибирских рудниках, и в мастерских Европы и Америки; он видел, что его экономические теории были приняты как неоспоримые основы социализма во всем мире, и если у него было еще много противников, то едва ли остался хоть один личный враг ².

Перевод с рукописи Энгельса

на английском языке.

Сравни стр. 652 настоящего тома.

---

¹ Далее Энгельсом вычеркнуто: «От первой Рейнской Газеты 1842 г. и второй Рейнской Газеты 1848—1849 гг. вплоть до основания... Его журналистская... Он решительно боролся в печати, на платформе»... *Ред.*

² К напечатанному в «La Justice» (от 20 марта 1883 г.) французскому переводу этой речи, под заголовком: «Discours Frédéric Engels», в конце добавлены следующие слова: «Чем был Маркс в своей частной жизни, для своей семьи и своих друзей, — в данный момент нет у меня сил выразить это. И не к чему, так как это знаете все вы, пришедшие сюда сказать ему последнее прости.

Прощай, Маркс! Твое дело и твое имя будут жить века». *Ред.*

ПОХОРОНЫ КАРЛА МАРКСА.

В субботу, 17 марта, на Хайгетском кладбище был похоронен Маркс в той же могиле, в которой пятнадцать месяцев тому назад была погребена его жена.

На могиле *Г. Лемке* возложил на гроб два венка с красными лентами от имени редакции и экспедиции «*Sozialdemokrat*» и от имени лондонского *Коммунистического просветительного рабочего союза*.

Затем *Ф. Энгельс* произнес на английском языке речь приблизительно следующего содержания:

«14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты: войдя в комнату, мы нашли его спокойно уснувшим в своем кресле... но уже навеки.

«Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та пустота, которая образовалась после смерти этого гиганта.

«Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот скрытый до последнего времени под идеологическими наслоениями простой факт, что люди раньше всего другого должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, — прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и вместе с тем каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой поэтому они должны быть объясняемы, — а не наоборот, как это делалось до сих пор.

«Мало того. Маркс открыл также специальный закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости сюда сразу была внесена ясность, между тем как все прежние

исследования, как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков, были блужданием в потемках.

«Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастлив уж тот, кому дано бы было сделать хоть одно такое открытие. Но в каждой отдельной области, которую Маркс подвергал исследованию, — а таких областей было очень много, и ни одной из них он не касался лишь поверхностно, — в каждой из них, даже в области математики, он сделал самостоятельные открытия.

«Таков был Маркс как человек науки. Но наука далеко не составляла и половины этого человека. Наука была для Маркса исторически движущей революционной силой. Какую бы чистую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в какой-либо теоретической науке, открытие, о практическом применении которого подчас не было еще и речи, — совсем другую радость испытывал он тогда, когда дело касалось открытия, сразу оказывающего революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он внимательнейшим образом следил за развитием открытий в области электричества, и еще в последнее время — за открытиями Марселя Дебрэ.

«Ибо Маркс был прежде всего — революционер. Тем или иным способом принимать участие в низвержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому лишь он впервые дал понимание собственного своего положения и своих потребностей, понимание условий своего освобождения, — вот что было его подлинным жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие. Первая «Rheinische Zeitung» 1842 г., парижский «Vorwärts» 1844 г., «Brüsseler Deutsche Zeitung» 1847 г., «Neue Rheinische Zeitung» 1848 — 1849 гг., «New York Tribune» 1852 — 1861 гг., — к тому же множество боевых брошюр, работа в организациях в Париже, Брюсселе и Лондоне, пока, наконец, как венец всего этого, не возникло великое Международное товарищество рабочих, — это был, поистине, такой результат, которым мог бы гордиться тот, кто его достиг, хотя бы он кроме этого и не создал ничего больше.

«Вот почему Маркс был тем человеком своей эпохи, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства, как самодержавные, так и республиканские, высылали его; буржуа, как консервативные, так и ультра-демократические, наперебой злословили о нем. Он отметал все это в сторону, как паутину, не обращая на это внимания, отвечая лишь при

крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников, от сибирских рудников через всю Европу и Америку до Калифорнии. И я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но едва ли был хоть один личный враг.

«Его имя и его дело будут жить века!»

Затем Лонге, зять Маркса, прочел следующие обращения, полученные на *французском языке*¹:

І. НА МОГИЛУ КАРЛА МАРКСА ОТ РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

«От имени всех русских социалистов шлю последний прощальный привет самому выдающемуся из всех социалистов нашего времени. Угас один из величайших умов; умер один из энергичнейших борцов против эксплуататоров пролетариата.

«Русские социалисты склоняются пред могилой человека, сочувствовавшего их стремлениям во всех превратностях их страшной борьбы, борьбу, которую они продолжают и будут продолжать, пока не восторжествуют окончательно принципы социальной революции. Русский язык был первым, на котором появился перевод *«Капитала»* — этого евангелия современного социализма. Студенты русских университетов были первыми, кому довелось услышать сочувственное изложение теорий могучего мыслителя, которого мы теперь потеряли. Даже те, кто расходился с основателем *«Международного товарищества рабочих»* в практических организационных вопросах, всегда бывали вынуждены все же склониться перед всеобъемлющими знаниями и высокой силой мысли, сумевшей глубоко вскрыть сущность современного капитала, эволюцию экономических форм общества и зависимость всей человеческой истории от этой эволюции. Даже самые яростные противники, которых он встретил в рядах революционных социалистов, не могли, однако, не внять великому революционному призыву, который Маркс и Ф. Энгельс², друг всей его жизни, бросили тридцать пять лет тому назад:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех, сумевших понять его мысли и оценить его влияние на нашу эпоху.

¹ Обращения переведены здесь с французского текста. *Ред.*

² Энгельс в своем переводе адреса на немецкий язык опустил здесь свою фамилию. *Ред.*

«Я позволю себе прибавить, что эта смерть пробудит еще более тяжкую скорбь у тех, кто знал этого человека в его интимной жизни, а особенно у тех, кто любил его как друга.

Париж, 15 марта 1883 г.

И. Лавров».

II. ТЕЛЕГРАММА.

«Парижское объединение французской рабочей партии выражает свою скорбь в связи с утратой мыслителя, чье материалистическое понимание истории и чей анализ капиталистического производства создали научный социализм и современное революционное коммунистическое движение; оно выражает свое глубокое уважение к Марксу как к человеку и свое полное согласие с его учением.

Париж, 16 марта 1883 г.

Секретарь Ленин».

III. ТЕЛЕГРАММА.

«От себя лично и в качестве делегата испанской рабочей партии (мадридское объединение) разделяю глубочайшую скорбь друзей и дочерей Маркса при столь тяжелой утрате великого социалиста, нашего общего учителя.

Париж, 16 марта 1883 г.

Хозе-Меса-и-Леонпарт».

Вслед за тем *Либкнехт* произнес следующую речь на немецком языке:

«Я прибыл из Германии, чтобы выразить свою любовь и благодарность незабвенному учителю и верному другу. Верному другу! Его старейший друг и соратник только что назвал Карла Маркса тем человеком нашей эпохи, которого больше всего ненавидели. Это так. Его больше всего ненавидели, но его также больше всего любили. Больше всего *ненавидели* угнетатели и эксплуататоры народа, больше всего *любили* угнетенные и эксплуатируемые, поскольку они сознавали свое положение. Масса угнетенных и эксплуатируемых любит его, ибо *он* ее любил. Покойник, утрату которого мы оплакиваем, был велик в своей любви так же, как и в своей ненависти. Его ненависть вытекала из любви. У него был не только великий *ум*, но и великое *сердце*. Это знают все, кто знал его.

«Но я стою здесь не только как ученик и друг; я стою здесь также как представитель *германской социал-демократии*, поручившей мне

выразить те чувства, которые она испытывает к своему *учителю*, к *тому* человеку, который *создал* нашу партию, поскольку в этом отношении можно говорить о создании.

«Было бы неуместно говорить здесь красивые речи. Ведь не было более страстного *врага фразы*, чем Карл Маркс. Ведь в том и состоит его бессмертная заслуга, что он *освободил от фразы* пролетариат, партию трудящегося народа, и дал ей твердую, несокрушимую основу *науки*. Революционер науки, революционер *с помощью науки*, он достиг высочайших вершин науки, чтобы спуститься оттуда к народу и сделать науку общим достоянием народа.

«Наука — освободительница человечества.

«Наука о природе освобождает нас от *бога*. Но бог небесный продолжает жить и после того, как его убила наука.

«Наука об обществе, которую Маркс раскрыл для народа, убивает капитализм, а вместе с ним тех кумиров и господ *земли*, которые, пока они живы, не дают богу умереть.

«Наука — не *немецкая наука*. Она не знает никаких границ, прежде всего — границ *национальности*. И поэтому творец «Капитала» естественно должен был стать творцом «*Международного товарищества рабочих*».

«Фундамент науки, которым мы обязаны Марксу, дает нам возможность сопротивляться всяким нападениям врага и продолжать начатую нами борьбу со все более возрастающими силами.

«Маркс превратил социал-демократию из *секты*, из *школы* — в партию, в партию, которая уже сейчас борется победоносно и которая достигнет победы.

«И это относится не только к нам, *немцам*. Маркс принадлежит *пролетариату*. Пролетариям всех стран была посвящена вся его жизнь. Способные мыслить, мыслящие пролетарии всех стран относятся к нему с благодарностью и с уважением.

«Нас постиг тяжелый удар. Но мы не предаемся горю. Покойный не мертв. Он живет в *сердце*, он живет в *голове* пролетариата. Память о нем не изгладится, его учение будет распространяться все шире и шире.

«Вместо того, чтобы предаваться горю, будем действовать в духе великого павшего бойца; будем стремиться всеми силами к тому, чтобы как можно скорее *осуществилось* то, чему он учил и к чему он стремился. Так мы лучше всего почтим его память.

«Почивший, живущий друг! Мы будем идти указанным тобой путем, пока не достигнем цели. Мы клянемся в этом на твоей могиле!»

На могиле, кроме названных выше, присутствовали, между прочим: другой зять Маркса — *Поль Лафарг*, *Фридрих Лесснер*, приговоренный в 1852 г. по Кельнскому процессу коммунистов к пяти годам заключения, *Г. Логнер*, тоже старый член Союза коммунистов. Естествознание было представлено двумя знаменитостями первого ранга: профессором зоологии *Рэй Ланкастером* и профессором химии *Шорлеммером*; оба они члены Лондонской академии наук (Royal Society).

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в газете «Der Sozialdemokrat»,
Zürich, № 13 от 22 марта 1883 г.*

Подпись: Фр. Энгельс.

К СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА.

I.

По случаю этого печального события я получил еще несколько выражений сочувствия, показывающих, какой широкий отклик оно встретило, и моя обязанность — сообщить об этом.

20 марта г-жа Элеопора Маркс получила от редакции «Daily News» следующую телеграмму на французском языке:

«М о с к в а, 18 марта. Редакция «Daily News», Лондон. Будьте так любезны передать господину *Энгельсу*, автору «Рабочего класса в Англии» и близкому другу покойного *Карла Маркса*, нашу просьбу возложить на гроб незабвенного автора «Капитала» венок со следующей надписью:

«Борцу за права рабочих в теории и за их осуществление в жизни — студенты *Петровской* сельскохозяйственной академии в Москве».

Г-на Энгельса просят сообщить свой адрес и стоимость венка; расходы будут ему немедленно возмещены.

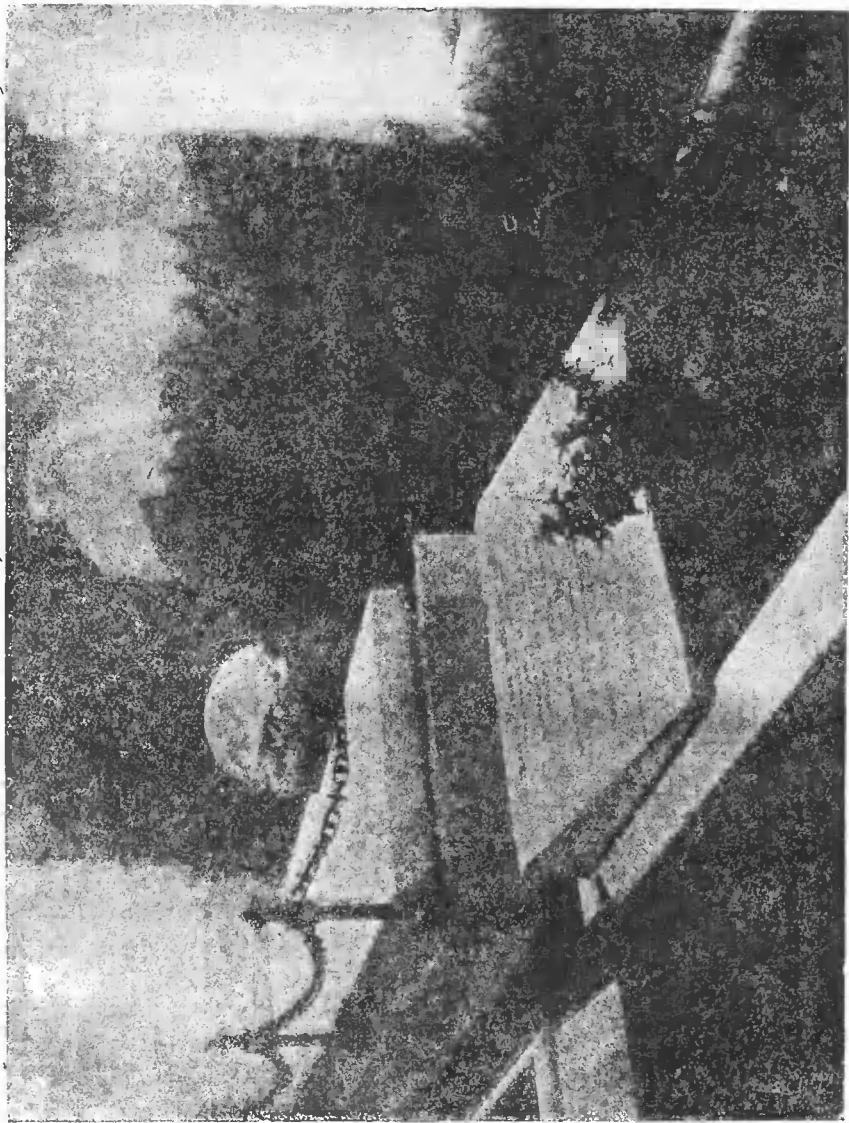
Студенты Петровской академии в Москве».

К похоронам, которые состоялись 17 марта, телеграмма, конечно, запоздала.

Далее, друг *П. Лавров* перевел мне 31 марта из Парижа 124,50 фр. = 4.18.9 ф. ст., присланных студентами *Петербургского* технологического института и русскими курсистками — также для венка на могилу Карла Маркса.

В-третьих, «*Sozialdemokrat*» сообщил на прошлой неделе, что одесские студенты тоже изъявили желание возложить от их имени венок на могилу Маркса.

Так как полученных из Петербурга денег с избытком хватало на все три венка, то я позволил себе купить на них и венки от Москвы и Одессы. Изготовление надписей — дело здесь довольно необычное — вызвало некоторую задержку, но все же в начале будущей недели венки будут возложены, и тогда я буду иметь возможность

МОДЕЛЪ КАРЕНА МАРКА.

дать на страницах «Sozialdemokrat» отчет об израсходовании полученных денег.

Из Золингена нами получен через посредство здешнего Коммунистического просветительного рабочего союза большой, красивый венок: «На могилу Карла Маркса от рабочих, занятых в производстве ножиц, ножей и шпаг в Золингене». Когда мы 24 марта возложили этот венок, мы увидели, что чьей-то святотатственной рукой отрезаны и похищены длинные шелковые красные ленты с венков от «Sozialdemokrat» и от Коммунистического просветительного рабочего союза. Жалоба, поданная в Совет управления, не помогла делу, но обеспечит, вероятно, охрану на будущее время.

Одно славянское общество в Швейцарии «выражает надежду, что память Маркса будет особо почтена учреждением международного фонда его имени для помощи жертвам великой освободительной борьбы, а также для содействия самой этой борьбе», и посылает свой первый взнос, который я покуда сохранил у себя. Судьба этого предложения зависит, разумеется, прежде всего от того, встретит ли оно сочувствие, и поэтому я сообщаю о нем здесь.

Чтобы циркулирующим в газетах ложным слухам противопоставить факты, я сообщаю следующие краткие сведения о ходе болезни и о смерти нашего великого теоретика и вождя.

Почти совершенно излечившись благодаря троекратному курсу лечения в Карлсбаде от застарелой болезни печени, Маркс страдал только хронической болезнью желудка и нервным переутомлением, выразившимся в головных болях и особенно — в упорной бессоннице. Оба эти страдания более или менее прекращались после посещения летом морских купаний или климатического курорта и возобновлялись в более острой форме только после нового года. Хроническая болезнь горла, кашель, также способствовавший бессоннице, и хронический бронхит беспокоили в общем меньше. Но именно от них суждено было ему изнемочь. За четыре или пять недель до смерти своей жены он схватил вдруг жестокое воспаление грудореберной плевры (плеврит), осложненное бронхитом и начинавшимся воспалением легких (пневмонией). Болезнь была очень опасна, но протекала благополучно. Затем его отправили сперва на остров Уайт (в начале 1882 г.), а потом в Алжир. Во время путешествия была холодная погода, и он прибыл в Алжир с новым плевритом. При обычных обстоятельствах в этом не было бы ничего особенного. Но зима и весна были в Алжире холодными и дождливыми, как никогда: в апреле тщетно пытались протопить столовую! Таким образом, вместо улучшения общего состояния в итоге получилось ухудшение.

Посланный из Алжира в Монте-Карло (Монако), Маркс, из-за холодной и сырой погоды во время переезда, прибыл туда с третьим, но более легким плевритом. При этом упорно держалась скверная погода, которую он, казалось, привез с собою из Африки. Таким образом, и здесь вместо поправки — борьба с новой болезнью. В начале лета он отправился к своей дочери, г-же Лонге, в Аржантейль, и там пользовался против своего хронического бронхита серными ваннами в расположенном по соседству Энгиене. Несмотря на непрерывно дождливое лето, лечение, к удовлетворению врачей, хотя и медленно, но продвигалось вперед. Врачи отправили его затем в Вевей на Женевском озере; здесь он поправился настолько, что ему разрешили провести зиму, правда, не в Лондоне, но все же на южном побережье Англии. Здесь он собирался, наконец, снова приступить к своим работам. Когда в сентябре он вернулся в Лондон, он выглядел здоровым и, ни на что не жалуясь, часто взбирался со мною на Гемпстедский холм (примерно на 300 футов выше его дома). Когда стали надвигаться ноябрьские туманы, его отправили в Вентнор, на юг острова Уайт. И здесь снова дождливая и туманная погода; неизбежный результат — новая простуда, кашель и т. д., словом, ослабляющий здоровье домашний арест вместо укрепляющего движения на свежем воздухе. В это время умерла г-жа Лонге. На следующий день (12 января) Маркс приехал в Лондон уже с настоящим бронхитом. Вскоре к этому присоединилось воспаление гортани, которое почти лишило его возможности глотать. Он, умеющий со стоическим равнодушием переносить величайшие страдания, предпочитал выпивать литр молока (к которому всю жизнь питал отвращение), чем принимать соответствующую твердую пищу. В феврале обнаружился нарыв в легком. Лекарства перестали оказывать действие на этот организм, напичканный за последние 15 месяцев всякого рода медицинскими снадобьями. Они вызывали лишь ослабление аппетита и пищеварения. Он худел на глазах, чуть ли не с каждым днем. Тем не менее, болезнь в общем протекала сравнительно благоприятно. Бронхит почти прошел, глотать стало легче. Врачи подавали самые лучшие надежды. Но однажды между двумя и тремя часами — это было самое удобное ему время для посещений — я застал внезапно весь дом в слезах: он очень плох; наступает, видимо, конец. И все же этим утром, — рассказывали мне, — он с аппетитом выпил вино, молоко, поел суп. Старая верная Ленхен Демут, воспитавшая всех его детей с колыбели и живущая в доме сорок лет, поднимается в его комнату и тотчас же возвращается: «Пойдемте, он в полусне». Когда мы вошли, он уже спал, но спал вечным сном. Более легкой

смерти, чем та, которую нашел Карл Маркс в своем кресле, нельзя и пожелать.

Теперь, в заключение, хорошее известие.

Рукопись второго тома «Капитала» *целиком сохранилась*. Насколько она в данном виде пригодна для печати, я еще не могу судить, — в ней больше 1 000 страниц большого формата. Но «процесс обращения капитала» и «формы процесса, взятого в целом» — закончены в обработке, относящейся к 1867 — 1870 годам. Имеется начало более поздней обработки, а также обильный материал в виде критических извлечений, особенно о русских земельных отношениях, откуда, вероятно, многое удастся использовать.

Согласно устному распоряжению, он назначил свою младшую дочь Элеонору и меня своими литературными душеприказчиками.

Лондон, 26 апреля 1883 г.

II.

От *эрфуртских* социал-демократов в Аржантейле получен красивый венок с надписью на красных лентах; к счастью, нашлось одно лицо, по случаю доставившее его; когда его возлагали на могилу, оказалось, что красные шелковые ленты золингенского венка снова украдены.

Между тем, три венка от *Москвы, Петербурга и Одессы* были уже готовы. Чтобы воспрепятствовать похищению лент, мы были вынуждены посредством небольших надрезов по краям сделать их непригодными для дальнейшего употребления. Венки возложены были вчера. Ливень сделал эрфуртский бант непригодным для каких-либо других целей, и его благодаря этому не похитили.

Эти три венка стоили каждый по 1.1. 8 ф. ст., итого, стало быть, 3.5.0 ф. ст. Таким образом, из присланных мне 4. 18. 9 ф. ст. осталась 1. 13. 9 ф. ст., которые я переслал П. Лаврову, чтобы он распорядился ими по воле жертвователей.

Смерть великого человека является прекрасным поводом для маленьких людей сколотить себе политический, литературный, да и наличный капитал. Приведу здесь лишь несколько примеров, которые должны быть преданы гласности; о многих других, относящихся к области частной переписки, не стоит и говорить.

Филипп ван-Паттен, секретарь Central Labor Union [Центрального рабочего союза] в Нью-Йорке, писал мне (2 апреля т. г.) следующее:

«В связи с недавней демонстрацией в честь Карла Маркса, в которой объединились все фракции, чтобы выразить свое уважение к покойному мыслителю, *Иоганн Мост* и его друзья заявили во всеуслышание, что *он*, Мост, был лично близок с Карлом Марксом, что *он* сделал популярным в Германии его сочинение «Капитал» и что Маркс одобрял проводившуюся Мостом пропаганду. — Мы очень высокого мнения о талантах и о деятельности Маркса, и мы не можем поверить, чтобы он сочувствовал анархистскому, дезорганизаторскому образу мыслей и действий Моста. Нельзя ли поэтому узнать ваше мнение об отношении Маркса к вопросу: анархия и социал-демократия? Несвоевременная и нелепая болтовня Моста уже вызвала большое замешательство, и для нас крайне неприятно

слышать, что столь высоко авторитетное лицо, как Маркс, одобряло подобную тактику.

Я ответил на это 18 апреля следующим письмом, которое перевожу здесь на немецкий язык:

«Мой ответ на ваш вопрос от 2 апреля об отношении Карла Маркса к анархистам вообще и к Иоганну Мосту в частности будет краток и ясен:

«Маркс и я с 1845 г. держались того взгляда, что *одним* из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное отмирание (Auflösung) политической организации, носящей название *государство*. Главной целью этой организации всегда было обеспечивать при помощи вооруженной силы экономическое угнетение трудящегося большинства особо привилегированным меньшинством. С исчезновением этого особо привилегированного меньшинства исчезнет и необходимость в вооруженной силе угнетения, в государственной власти. Но в то же время мы всегда держались того взгляда, что для достижения этой и других, гораздо более важных целей грядущей социальной революции рабочий класс должен прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому. Это можно прочесть уже в «Коммунистическом манифесте», написанном в 1847 г., глава вторая, заключение.

«Анархисты ставят все на-голову. Они утверждают, что пролетарская революция должна *начать* с упразднения политической организации государства. Но единственная организация, которую прелдстариат застаёт в готовом виде после своей победы, — это именно государство. Правда, это государство требует очень значительных изменений, прежде чем оно сможет выполнять свои новые функции. Но разрушить его в такой момент — значило бы разрушить тот единственный аппарат, посредством которого победивший пролетариат может осуществлять только что завоеванную им власть, подавить своих капиталистических противников и провести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы закончиться новым поражением и массовой резней рабочих, подобно той резне, которая произошла после Парижской Коммуны.

«Надо ли мне специально заявлять, что Маркс выступал против этого анархистского вздора с первого же дня, как только его преподнес в нынешней форме Бакунин? Об этом свидетельствует вся внутренняя история Международного товарищества рабочих. Начиная с 1867 г., анархисты стремились при помощи самых

гнуемых средств захватить руководство Интернационалом; Маркс был главным препятствием на их пути. На Гаагском конгрессе, в сентябре 1872 г., пятилетняя борьба закончилась исключением анархистов из Интернационала; и человеком, который больше всего способствовал этому исключению, был Маркс. Наш старый друг Ф. А. Зорге из Гобокена, присутствовавший там в качестве делегата, может сообщить Вам, если Вы пожелаете, дальнейшие подробности.

«А теперь о Иоганне Мосте.

«Кто утверждает, будто Мост, с тех пор как он стал анархистом, имел какую-нибудь связь с Марксом или получал от него какую-нибудь поддержку, тот либо обманут, либо сам сознательно лжет. После появления первого номера лондонской «Freiheit» Мост не более одного-двух раз заходил к Марксу или ко мне. Мы к нему тоже не ходили, а также никак и нигде не встречались случайно. Под конец мы даже вовсе перестали подписываться на его газету, потому что в ней «решительно вовсе уж ничего» не было. К его анархизму и к его анархистской тактике мы относились с таким же презрением, как и к людям, у которых он тому и другому научился.

«Будучи еще в Германии, Мост опубликовал «популярное» изложение «Капитала» Маркса. Маркса попросили просмотреть это изложение для второго издания. Я проделал эту работу совместно с Марксом. Мы убедились, что если не желаем написать всю вещь с начала до конца заново, то не остается ничего лучшего, как выбросить хотя бы самые грубые нелепости Моста. Маркс разрешил вставить свои поправки лишь под тем непременным условием, чтобы его имя никогда не было ни в какой мере связано даже с этим исправленным изданием макулатуры Иоганна Моста.

«Вы можете, если угодно, опубликовать это письмо».

От Америки перейдем к Италии.

Года два назад один молодой итальянец, г. *Ахилл Лориа* из Мантуи, прислал Марксу свою книгу о земельной ренте, приложив написанное по-немецки письмо, в котором называл себя его учеником и поклонником; он переписывался с ним еще некоторое время. Летом 1882 г. он приехал в Лондон и дважды навестил меня. При втором его посещении я имел случай всерьез высказать ему свое мнение по поводу того, что в одной появившейся тем временем брошюре он бросил Марксу упрек, будто тот умышленно неверно цитирует.

Теперь этот человек, позаимствовавший свою мудрость у немецких катедер-социалистов, пишет статью о Марксе в «Nuova Antologia» и имеет бесстыдство прислать отдельный ее оттиск мне, «своему высокоуважаемому другу» (!!). В чем состояло бесстыдство, покажет

ниже следующий перевод моего ответа (я писал ему на его родном языке, ибо его немецкий был еще хуже моего итальянского):

«Я получил вашу брошюрку о Карле Марксе. Вы вольны, конечно, подвергать его учение Вашей строжайшей критике и даже совсем не понимать его. Вы вольны дать очерк биографии Маркса, представляющий чистейшую фантазию. Но в чем Вы не вольны, и чего я никогда никому не позволю, это возводить клевету на характер моего покойного друга.

«Уже в одной прежней работе Вы позволили себе обвинить Маркса в том, будто он умышленно неверно цитировал. Когда Маркс прочел это, он сравнил свои и Ваши цитаты с оригиналами и сказал мне, что его цитаты верны и если кто-либо здесь умышленно неверно цитирует, то это Вы. И когда я вижу, как Вы теперь цитируете Маркса, как у Вас хватает бесстыдства заставлять его говорить о «прибыли» там, где он говорит о «прибавочной стоимости», — причем он неоднократно предупреждает против ошибочного мнения, будто это одно и то же (что к тому же г. Мур и я разъяснили Вам устно уже здесь, в Лондоне), — то я знаю, кому я должен доверять, а кто умышленно неверно цитирует.

«Но это лишь мелочь по сравнению с вашим «твердым и глубоким убеждением... что над всеми ими (учениями Маркса) господствует сознательный софизм»; что Маркс «не останавливался перед ложными заключениями, отлично зная, что они ложны»; что он часто был софистом, желавшим за счет истины притти к отрицанию существующего строя», и что он, по выражению Ламартина, «играл ложью и истиной, как дети играют в бабки».

«В Италии, стране античной цивилизации, такие вещи, может быть, способны сойти за комплимент. Возможно, что и среди катедер-социалистов нечто подобное считается большой похвалой, так как эти бравые профессора никогда не смогли бы сочинить свои бесчисленные системы иначе, как «за счет истины». Мы же, революционные коммунисты, смотрим на дело иначе. Мы рассматриваем такие утверждения как позорящие обвинения, а так как мы знаем, что они вымышлены, то мы швыряем их обратно их автору, который такими выдумками опозорил лишь самого себя.

«Мне кажется, Вашей обязанностью было сообщить читателям, в чем же собственно состоит этот знаменитый «сознательный софизм», господствующий над всеми учениями Маркса. Но напрасно я ищущу его. Nagott! (Крепкое ломбардское выражение для: ровно ничего).

«Какую нужно иметь мелкую душонку, чтобы вообразить себе,

будто такой человек, как Маркс, «постоянно угрожал своим противникам вторым томом», написать который «ему и в голову не приходило»; будто этот второй том — не что иное, как «хитрая уловка Маркса, посредством которой он избегал научных аргументов». Этот второй том у меня в руках и вскоре будет опубликован. Тогда, может быть, Вы поймете, наконец, и разницу между прибавочной стоимостью и прибылью.

«Немецкий перевод этого письма появится в ближайшем номере цюрихского «Sozialdemokrat».

«Имею честь приветствовать Вас со всеми теми чувствами, каких Вы заслуживаете».

Пока этим и ограничимся.

Лондон, 12 мая 1883 г.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в газете «Der Sozialdemokrat»
№ 19 от 3 мая и № 21 от 17 мая 1883 г.,
на немецком языке, в качестве передовых.*

Подпись: Фридрих Энгельс,

ЗА ПОЛЬШУ¹.

В Лондоне и в этом году происходило празднование годовщины польского восстания 22 января 1863 года. В торжестве приняло участие очень много наших немецких партийных товарищей; многие из них выступали с речами, в том числе *Энгельс* и *Маркс*.

«Здесь уже говорили, — сказал Энгельс, — о тех причинах, которые побуждают революционеров всех стран симпатизировать делу Польши и выступать в его защиту. Лишь об одном забыли упомянуть: о том, что политическое положение, в которое поставлена Польша, насковзь революционно, что оно не оставляет Польше никакого другого пути, как либо быть революционной, либо погибнуть. Это обнаружилось уже после первого раздела, вызванного стремлением польского дворянства получить такую конституцию и такие привилегии, которые уже потеряли свое право на существование и которые приносили бы стране и общему порядку вред вместо того, чтобы сохранять спокойствие и обеспечивать прогресс. Уже после первого раздела часть дворянства признала ошибку и пришла к убеждению, что Польша может быть восстановлена лишь путем революции; и 10 лет спустя мы видели, как Польша боролась за свободу в Америке. Французская революция 1789 г. тотчас же нашла свой отклик в Польше. Конституция 1791 г. с декларацией прав человека и гражданина стала знаменем революции на берегах Вислы, сделав Польшу авангардом революционной Франции, и как раз в тот момент, когда три державы, которые уже однажды ограбили Польшу, объединились, чтобы пойти на Париж и задушить революцию. Могли ли они потерпеть, чтобы в центре коалиции свила себе прочное гнездо революция? — Ни в коем случае. Снова бросились они на Польшу, на этот раз с намерением окончательно лишить ее национального существования. То обстоятельство, что Польша развернула революционное знамя, было одной из главных причин ее подавления. Страна, которая была раздроблена и вычеркнута из списка народов за то, что она была революционна, не может уж больше искать себе спасения ни в чем другом, кроме революции. И поэтому во всех революционных боях мы встречаем Польшу. Польша поняла это в 1863 г., и во время того восстания, годовщину которого мы сегодня чествуем, обнародовала самую радикальную из всех революционных программ, когда-либо выдвигавшихся на востоке Европы. На том основании, что существует польская аристократическая партия, было бы смешно считать польских революционеров аристократами, желающими восстановить аристократическую Польшу 1772 года. Польша 1772 г. погибла навеки. Никакая сила не в состоянии поднять ее из гроба. Новая Польша, которую революция поставит на ноги,

¹ Отчет в «*Volksstaat*» о выступлениях Энгельса и Маркса. *Ред.*

в общественном и политическом отношении будет столь же коренным образом отличаться от Польши 1772 г., как новое общество, к которому мы быстро приближаемся, — от общества современного.

«Еще несколько слов. Никто не может поработать какой-либо народ безнаказанно. Три державы, растерзавшие Польшу, тяжело наказаны. Взгляните на мое собственное стечество, на Пруссию-Германию. Под видом национально-го объединения мы присоединили к себе поляков, датчан и французов, — и у нас *тысяды Венеция*; повсюду у нас враги, мы отягчаем себя долгами, налогами, чтобы содержать бесчисленные массы солдат, которые должны вместе с тем служить для подавления немецких рабочих. Австрия, даже официальная, отлично знает, как тяжело ей дается кусочек Польши. Во время Крымской войны Австрия готова была выступить против России при условии, чтобы русская Польша была занята и освобождена. Но это не входило в планы Луи-Наполеона, а еще менее — в планы Пальмерстона. Что же касается России, то мы видим, что в 1861 г. там вспыхнуло первое серьезное движение среди студентов, которое было тем опаснее, что народ повсюду был в сильном возбуждении вследствие освобождения крепостных крестьян; что же сделало русское правительство, которое отлично видело опасность? — Оно *вызвало в Польше восстание 1863 г.*; ибо *доказано*, что это восстание — дело его рук. Движение среди студентов, глубокое брожение в народе тотчас исчезли и уступили место русскому шовинизму, который захлестнул Польшу, когда дело пошло о сохранении в Польше русского господства. Так погибло первое значительное движение в России вследствие злосчастной борьбы с Польшей. Восстановление Польши поистине в интересах революционной России, и я с радостью услышал сегодня вечером, что это мнение совпадает с убеждениями русских революционеров» (которые высказались в этом смысле на митинге).

Маркс сказал приблизительно следующее. Рабочая партия Европы решительнейшим образом заинтересована в освобождении Польши, и первоначальная программа «Международного товарищества рабочих» говорит о восстановлении Польши, как об одной из целей рабочей политики. Каковы причины этого особого сочувствия рабочей партии к судьбам Польши?

Прежде всего, конечно, симпатия к порабощенному народу, который непрерывной героической борьбой против своих поработителей доказал свое историческое право на национальную независимость и самоспределение. Нет решительно никакого противоречия в том, что *интернациональная* рабочая партия добивается восстановления польской нации. Наоборот: лишь после того, как Польша вновь завоеует свою независимость, после того, как она в качестве самостоятельного народа сможет снова распоряжаться сама собою, — лишь тогда сможет она вновь начать свое внутреннее развитие и самостоятельно содействовать социальному преобразованию Европы. Пока жизнеспособный народ скован чужеземным завоевателем, он по необходимости направляет все свои силы, все свои стремления, всю свою энергию против внешнего врага; в течение всего этого времени его внутренняя жизнь остается парализованной, и он лишен возможности бороться за социальное освобождение. Ирландия, Россия под монгольским игом и т. д. дают этому положению яркое доказательство.

Другой причиной симпатии рабочей партии к возрождению Польши является особенность ее географического, военного и исторического положения. Раздел Польши есть та связь, которая соединяет три больших военных деспотии: Россию, Пруссию и Австрию. Лишь восстановление Польши может разрвать

эту связь и тем самым смести величайшее препятствие на пути к социальному освобождению европейских народов.

Но главная причина симпатии рабочей партии к Польше состоит в том, что Польша — не только единственное славянское племя, но и единственный народ Европы, который сражался и сражается как *космополитический солдат революции*. Польша пролила свою кровь в американской войне за независимость; ее легионы сражались под знаменем первой французской республики; в 1830 г. она своей революцией предотвратила нашествие на Францию, которое решили тогда предпринять участники раздела Польши; в 1846 г., в Кракове, она первая в Европе водрузила знамя социальной революции; в 1848 г. она принимает выдающееся участие в революционных боях в Венгрии, Германии и Италии; наконец, в 1871 г. она дает Парижской Коммуне лучших генералов и самых героических солдат.

В те короткие мгновения, когда народные массы Европы могли дышать свободно, они вспоминали о том, чем они обязаны Польше. После победоносной мартовской революции в Берлине в 1848 г. первым действием народа было освободить польских заключенных, Мерославского и его товарищей по страданиям, и провозгласить восстановление Польши; в Париже, в мае 1848 г., Бланки шел во главе рабочих против реакционного Национального собрания, чтобы принудить его к вооруженной интервенции в пользу Польши; наконец, в 1871 г., когда парижские рабочие утвердились в качестве правительства, они почтили Польшу тем, что доверили ее сынам военное командование своими боевыми силами.

Германская рабочая партия и в настоящий момент не позволит ни в малейшей степени ввести себя в заблуждение реакционными выступлениями польских депутатов в германском рейхстаге; она знает, что эти господа действуют не в интересах Польши, а в своих частных интересах; она знает, что польский крестьянин, рабочий, — одним словом, каждый не ослепленный сословным интересом поляк, должен понять, что *Польша имеет и может иметь в Европе лишь одного союзника — рабочую партию. — Да здравствует Польша!*

Напечатана в «Der Volksstaat»

№ 34 от 24 марта 1875 г.

Без подписи.

Приложение II.

РЕЧИ НА ЮБИЛЕЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО СОЮЗА.

7 февраля с. г. Коммунистический рабочий просветительный союз (Международное товарищество рабочих) на Marshall Street, Golden Squ. W. праздновал 36-летие со дня своего основания. Празднование отличалось подлинно международным характером, и торжественные речи произносились на трех языках. При входе в помещение был выставлен плакат, на котором были начертаны слова: «Свобода, равенство и братство». Для приветия французским товарищам по партии получает слово т. Кауфман. Последний сообщает на французском языке, что он не в состоянии дать статистический обзор деятельности Союза, ибо он стал членом Союза лишь недавно; но он указал на великие достижения Союза

в прошлом и призвал членов Союза работать над просвещением тех рабочих, которые стоят еще в стороне от нас; при этом не следует делать никакого различия между национальностями, ибо стремлением Союза всегда было добиться объединения рабочих всех стран. В том же смысле высказывается товарищ *Мей*. Он подчеркивает, что за время своего существования Союз привлек на сторону пролетариата ряд молодых способных людей; он вспоминает также людей, принявших славное участие в основании этого Союза. Рабочий, которому не дозволяют учиться тому, что необходимо ему как человеку, должен вступать в такие Союзы, которые стремятся распространить истинное образование. Путем уяснения своего классового положения рабочий получает в руки такое оружие, с которым в решительную минуту он должен достичь победы.

Тов. *Карл Маркс* говорит о деятельности Союза со времени его основания. Союз был учрежден в 1840 г. *Карлом Шанпером* совместно с шестью другими единомышленниками. Внутри Союза существовало общество «Союз справедливых», которое имело свое местопребывание в различных странах, выступая против угнетения народа. В основании этого первого Союза приняло участие 4 или 5 национальностей. В 1847 г.¹ был созван в Лондоне конгресс, на котором был выработан Коммунистический манифест и девизом которого было «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Затем Маркс дает очень интересное описание тогдашних объединений и сообщает, что число членов достигало тогда 400 — 500 человек. В марте 1848 г. Союз был закрыт английским правительством, которое обычно не особенно увлекается полицейскими мероприятиями. Возможно, причиной этого закрытия была поддержка, которую Союз оказывал чартистскому движению. Общество «Союз справедливых» было распущено в 1849 г., после чего много его членов переехало в Америку. В 1850 г. Союз действовал более замкнуто, но все же он оставался всегда убежищем для преследуемых и для угнетенных. Затем Маркс перешел к современному движению и провозгласил, что Союз сделал, что мог, для его подъема, и, надо надеяться, будет всегда это делать.

Тов. *Фридрих Энгельс* прежде всего поминает преданного борца за право и справедливость, *Вильгельма Вейтлинга*. Он был, собственно, первым, кто стремился распространить в Германии идею коммунизма. Он был выдан Швейцарией прусскому правительству, которое долгое время держало его в тюрьме без всяких оснований. Вейтлинг умер в Америке. Его книга «Гарантии гармонии и свободы» была издана по советам его друзей. Затем оратор поминает т. *Молля*, который был одним из первых членов Союза и пал в борьбе за свободу в южной Германии. Оратор переходит затем к движению в Германии и полагает, что оно достигло такой силы, какой не бывало до того ни в одной стране. Оратор держится того мнения, что социалистическое движение не может не идти вперед, раз в его пользу действуют такие агитаторы, как Бисмарк, Эйленбург и Тесендорф.

Тов. *Ранье* (француз), один из парижских коммунаров, воздает хвалу свободному духу, господствующему в этом Союзе, и полагает, что всякий действительно свободомыслящий человек может выступать только в защиту угнетенных, и хотя Международное товарищество рабочих запрещено большинством существующих правительств, но чувство солидарности интересов рабочих всех стран живет все же в сердце каждого социалиста. Никогда не удастся задушить

¹ В корреспонденции ошибочно напечатано: 1845. Ред.

идею порохом и свинцом или теми действиями, которые применяет нынешнее правительство во Франции по отношению к защитникам Коммуны, и только когда рабочие достигнут желанных прав, только тогда мир и единение будут господствовать среди всех народов.

Тов. *Лесснер* письменно выражает свое сожаление о невозможности явиться; он болен и лежит.

Тов. *Шерцер* утверждает, что было и еще есть не мало лиц, которые хотели бы погубить Союз, но Союз твердо держится своих принципов, высоко неся знамя коммунизма и интернационализма. В свое время Союз поддерживал его семью во время его трехлетнего тюремного заключения во Франции; точно так же вступается Союз и теперь за своих политических друзей. Оратор указывает на великие конечные цели социалистического движения, а в заключение своей речи зачитывает стихотворение, сочиненное им в 1859 году.

Тов. *Врублевский* высказывается на французском языке следующим образом. Покуда будут живы поляки, великое рабочее движение будет иметь в их лице защитников; словом и делом они докажут, что их место там, где идет борьба за интересы пролетариата. Оратор провозглашает «ура» в честь рабочего движения всех стран.

Тов. *Энгельс* переводит речь Врублевского на немецкий язык, а затем дает некоторые сведения о его деятельности. Врублевский — генерал, и в 1863 г., во время польской революции, сумел с небольшим отрядом держать в страхе две русских армии; русским правительством он был приговорен к смерти и, преодолев различные опасности, бежал во Францию, где зарабатывал себе средства к жизни в качестве рабочего. Когда восстала Парижская Коммуна, он принял участие в ее боях и защищал южную сторону Парижа; приговоренный к смерти также и версальцами, он все же благополучно бежал; полученные раны и теперь еще доставляют ему большие страдания.

Вслед за торжественной частью празднования певцы — члены Союза позаботились о товарищеском развлечении; не было недостатка и в выступлениях декламаторов.

NB. Все рабочие газеты, которые располагают для этого местом, просим перепечатать настоящий отчет.

Напечатана в газете «Volksstaat»

от 27 февраля 1876 г.

под заглавием: «В Англии».

Подпись: Карл Шарр.

Приложение III.

СТАТЬИ ПРОТИВ ГЛАДСТОНА.

1. Г-н Гладстон и русская интрига ¹.

В своей статье в ноябрьском номере «Contemporary Review», под заглавием «Русская политика и туркестанские дела», г. *Гладстон* привел, по его словам-

¹ Эта статья написана Барри по прямым указаниям Маркса. См. письмо Маркса к Энгельсу от 7 марта 1877 г. (Сочинения, т. XXIV, стр. 471). *Ред.*

«1) обвинение из труда г. *Шюйлера*, искаженное им, как показала «*Pall Mall Gazette*», «с таким наглым бесстыдством, которое вызывает крайнее наше изумление», и «2) защиту», которая, по его словам, «дана в письме, недавно опубликованном в «*Daily News*» за подписью «Русский» и санкционированном, как я узнал от одного друга, генералом *Горловым*, русским военным *атташе* в Лондоне». Письмо «Русского» доходило до циничного отрицания подлинности «дьявольского» приказа, данного генералом *Кауфманом* генералу *Головачеву*, о полном уничтожении селений иомудов и их семей и о конфискации их стад и имущества. Г-н *Шюйлер* в письме в «*Times*» окончательно разоблачил «Русского». Но вернемся к г. *Гладстону*. Его процитированные выше строки обнаруживают ребяческую наивность, которая, без сомнения, весьма трогательна для человека его возраста, но весьма необычна для опытного государственного деятеля. Большинство людей во всем мире отнесется с подозрением к показаниям, которые дают русские для опровержения русских зверств, хотя бы эти показания были «санкционированы» креатурой русского правительства. Но г. *Гладстон* сам так правдив и прямодушен, что не может допустить коварства или двуличия у других, — во всяком случае, у агентов русского посольства, — и призывает, таким образом, английский народ довериться вместе с ним правдивым заверениям «Русского» и беспристрастной «санкции» генерала *Горлова*.

Так как дело это гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд, то нам незачем оправдываться в том, что мы ставим нижеследующие вопросы, на которые мы хотели бы получить категорический ответ от тех, кто обязан на них ответить.

Прежде всего, интересно было бы узнать — было ли письмо «Русского», на которое ссылался г. *Гладстон* в «*Contemporary Review*», написано или, если не написано, то «инспирировано» генералом *Горловым*?

Во-вторых, знал ли г. *Гладстон* о существовании этого письма, прежде чем оно было послано в «*Daily News*» для опубликования в этой газете?

В-третьих, верно ли, что в первоначальной своей форме это письмо, «санкционированное» русским военным *атташе* при Сент-Джемском дворе, представляло собою попытку возразить «*Pall Mall Gazette*» и другим главным противникам России в английской печати?

В-четвертых, было ли когда-либо письмо «Русского» представлено г. *Гладстону* на просмотр?

В-пятых, не соизволил ли г. *Гладстон* использовать некоторые разъяснения первоначального письма «Русского», чтобы усилить собственные аргументы в своей статье в «*Contemporary Review*»?

Правда это или неправда, но говорят, что генерал *Горлов*, который, как предполагают, является автором этого письма, стремясь заслужить благосклонность своего царственного повелителя, намеревался сначала снабдить своей собственной подписью этот интересный документ, который при своем появлении был просмотрен многими людьми; но если и предположить, что генерал *Горлов* простодушно решился на такой шаг, — для нас не может быть сомнения, что его более осмотрительный начальник, граф *Шувалов*, прямо запретил бы ему так поступить, если не запретил на самом деле.

Если бы г-жа *Новикова* имела возможность говорить открыто, она, несомненно, могла бы пролить много света на этот вопрос, требующий значительных разъяснений. Она могла бы, например, сообщить нам, верно ли, что было условлено

послать два письма в «Daily News», верно ли, что одно из них должен был написать генерал *Горлов* («Русский»), а другое — г-жа *Новикова* («Другой русский»). Такие сведения представляли бы глубокий интерес в данный момент, когда пущены в ход все таинственные и беззащитные приемы русской дипломатии, чтобы скрыть поражение московской «политики» в Константинополе, повидимому, непоправимое. Еще более интересно было бы узнать, просили ли г. *Гладстона* цитировать оба эти любопытных письма в качестве показаний, подтверждающих его ревностное, непонятно-настойчивое отрицание русских зверств в Туркестане, — этого дьявольского варварства, относительно которого мы имели свидетельства людей независимых, например г. *Шюйлера* и капитана *Бернеби*.

Как бы то ни было, все это дело требует немедленного и полного разъяснения. Ходят нехорошие слухи относительно усилий *царских* агентов «подмазывать» часть английской печати, свобода и вольность которой равносильны свободе и вольности английского народа; но мы не можем ни на один момент поверить, чтобы какая-либо из наших газет превратилась в адвоката России или какой-нибудь другой страны, какова бы ни была предложенная взятка. Нам трудно также поверить, чтобы какой-либо англичанин, каково бы ни было занимаемое им положение, был так слеп и так равнодушен к последствиям, чтобы позволить себе попасться в ловушку жалких уловок русского эмиссара того или иного пола.

*Напечатана в журнале «The Whitehall Review»
от 3 февраля 1877 г., на английском языке.*

Без подписи.

2. Г-н Гладстон ¹.

Вспоминая то огромное личное влияние, которым все еще пользуется г. Гладстон в нашей стране, мы чувствуем, что нам нет нужды оправдываться в стремлении несколько подробнее исследовать последние его политические подвиги. Более того, ввиду прений в парламенте по восточному вопросу (в которых экс-премьер берет на себя ведущую роль) и ввиду опасностей для мира в Европе, которые кроются в тайных действиях русской дипломатии, — те, кто тем или иным путем получили сведения об этих действиях, обязаны предать эти сведения гласности, хотя бы это повлекло за собою политическую гибель почтенного и выдающегося в других отношениях государственного деятеля. В другое время и при других обстоятельствах можно было бы допустить, что здесь, как обычно, сыграли свою роль благодарность за прежние услуги, а также личные соображения. В данном случае, однако, это невозможно. Интересы, поставленные на карту, имеют не только национальное, но и общеевропейское значение, и поддаваться в подобном случае влиянию чего-либо другого, кроме правды и справедливости, было бы поистине актом преступной слабости.

Следует напомнить, что в одном из последних выпусков руководящей газеты опубликованы выдержки из письма, в котором г. Гладстон обвинялся »

¹ Эта статья, написанная К. Марксом, была «подправлена» Барри. См. письмо Маркса к Энгельсу от 5 марта 1877 г. (Сочинения, т. XXIV, стр. 468). *Ред.*

том, что им были написаны некоторые письма к г-же Новиковой, заведомому агенту русского посольства в Лондоне, — письма, как это утверждали, компрометирующего характера. В добавление к этим выдержкам газета привела ответ г. Гладстона одному джентльмену из Шеффилда, который попросил объяснений у бывшего лидера либеральной партии. Ответ этот был таков:

«18 января 1877 г.

«Сэр! Спешу ответить на Ваше любезное письмо. Выдержки, которые Вы были так любезны мне прислать, представляются мне воплощением одного из тех пошлых вторжений в частную жизнь, которые обычно сочетаются с недобросовестной опрометчивостью в утверждениях. Чистая ложь, будто кто-нибудь из тех, с кем я состою в переписке по восточному вопросу, обладает письмами, о которых говорится в этих выдержках. Я не могу выступать в печати по такому поводу, но утверждение, только что мною сделанное, вы можете свободно повторить от моего имени.

Преданный вам
В. Ю. Гладстон».

На следующий день после опубликования в «Times» этих документов «Daily News», которая, вероятно, не совсем незнакома с ними, сделала упрек своему старшему товарищу за то, что последний о них упомянул. Но, так или иначе, «шила в мешке не утаишь»¹.

Следует отметить, что г. Гладстон вовсе не отрицает своего сотрудничества и переписки с русским агентом в то время, когда он, экс-премьер, в разгаре страшного европейского кризиса использовал восточный вопрос для истерически-страстной партийной борьбы против ответственного главы британского правительства. Одно уж это — факт, достойный внимания. Отрицал же он, — если мы его верно понимаем, — лишь компрометирующий характер его переписки, подрывая свое отрицание только дешевой насмешкой над (предполагаемым) «пошлым вторжением в частную жизнь» и (декларируемой) «недобросовестной опрометчивостью в утверждениях». Г-н Гладстон говорит, что по поводу этой его связи с г-жей Новиковой он «не может выступать в печати», и мы склонны согласиться с ним, но по мотивам, совершенно отличным от тех, которые он старается выставить. Каждый знает, как любит distinguished джентльмен «выступать в печати» по любому поводу, от прививки оспы и до папской непогрешимости, и поэтому его упорное молчание по делу, затрагивающему его личную честь, довольно загадочно. Оно не может быть результатом общего обета молчания по отношению к этим и подобным вопросам, потому что всего только накануне вечером он занялся опровержением абсурдного заявления одной провинциальной газеты о том, будто он вошел в тайный союз с лордом Биконсфилдом, чтобы свергнуть королеву и заместить ее принцем Уэльским. Уж если стоило труда заметить с высоты своего парламентского места такую явно абсурдную газетную *утку*, то, конечно, можно было также потратить пять минут и полпенса на открытку, чтобы опровергнуть более позорящее и в то же время более правдоподобное обвинение. Мы опасаемся, что экс-премьер несколько неискренен в этом

¹ В тексте английская поговорка: «murder will out» [убийство обнаружится]. *Ред.*

вопросе и что главной его целью при упоминании неправдоподобного обвинения было дискредитировать в умах его читателей другое обвинение, относительно которого он «не мог выступать в печати», но которого он втайне боялся.

Называя г-жу Новикову «русским агентом», мы не имеем в виду проявить неуважение к этой хорошо известной даме. Она могла из чисто патриотических побуждений стать в Лондоне дипломатом-любительницей, чтобы в условиях настоящего кризиса помочь осуществлению тех целей, к которым стремится ее правительство. Но ни один русский, мужчина или женщина, если у него нет желания быть изгнанным с родины или проделывать путешествие в Сибирь, не мог бы и одной недели играть в Лондоне такую роль, не будучи вынужденным подчиняться контролю и приказам русского посольства, одним словом, не ставши неофициальным агентом русского правительства. Такова, возможно, была судьба и г-жи Новиковой, которая, заботясь о своих либеральных друзьях в Москве, с радостью отказалась бы, вероятно, от личных визитов бывшего шефа русской тайной полиции графа Шувалова. Но, помимо своих отношений с русским посольством в Лондоне, г-жа Новикова с самого начала поддерживала политическую переписку с главным штабом в Кишиневе, где ее брат, г. Киреев, служит адъютантом князя Николая, главнокомандующего русских войск. Сам г. Киреев охарактеризован в русской «черной книге» (стр. 8) как «руссификатор западных губерний — человек, который провел всю свою жизнь в войне против польской национальности и который приобрел все свои средства к существованию путем грабежа поляков». Наконец, последнее по счету, но не по важности: г-жа Новикова поддерживала дипломатические отношения со своим деверем, г. Новиковым, который со своими функциями русского посла в Вене столь искусно сочетает функции главного центра бесчисленных московских агентов, которые обманывают и предают различные славянские комитеты по всей Цислейтанской Австрии, Венгрии и Турции.

Таково то лицо, с которым экс-премьер во время недавней агитации по поводу «зверств» заведомо был в близких отношениях, общественных и личных, и политические интриги которого он стремится прикрыть щитом «частной жизни»! Г-н Гладстон, право, уж слишком сильно полагается в этом деле на наивность своих соотечественников. Покуда женщины не выходят за границы свойственной им сферы «частной жизни», мужчины охотно будут признавать и допускать тот иммунитет по отношению к общественной критике, на который поступки из области частной жизни имеют право. Но когда женщины решаются выйти на арену общественной политики, тогда и они, и их союзники, и их наниматели должны быть готовы к тому, что их действия будут рассматриваться точно так же, как если бы это были действия мужчин. Одержав победу, г-жа Новикова на следующий день поспешила в Париж на помощь к своей верной подруге, Трубецкой, которая с той же целью и такими же средствами пыталась обратиться в московитизм г. Тьера и г. Гамбетту. Однако, к несчастью для политики С.-Петербурга и к счастью для политики Европы, французские государственные деятели не похожи на английских, и, несмотря на величайшие усилия этих двух выдающихся дам-дипломатов, приходится опасаться, что, поскольку дело касается Парижа, все это было «тщетными усилиями любви».

Так как лондонский *салон* г-жи Новиковой часто посещается толпою англичан, французов, австрийцев и других, и так как дама эта очень любит выставлять напоказ перед гостями свои дипломатические успехи (этот недостаток осмыслительности некоторые приписывают женскому тщеславию, другие — наличию

варанее условленного и обдуманного плана), — деяния британского Нумы с московской Эгерией скоро стали *le secret de polichinelle* [секретом полишинеля], который можно было открыть без всякого «пошлого вторжения в частную жизнь». Но мы, со своей стороны, действительно должны иметь дело только с политическими функциями г. Новиковой, хотя ее же соотечественник, модный романист Петр Боборыкин, взял, к сожалению, совершенно противоположный курс.

Сам г. Гладстон был слишком искренен, чтобы быть осмотрительным. Правда, на первое письмо г-жи Новиковой, тогда ему совершенно незнакомой, он ответил письменно, подписавшись третьим лицом; но эта предосторожность была прекращена в дальнейшем развитии переписки. Правда и то, что в своей статье в «Contemporary Review» о «Русской политике и туркестанских делах», апеллируя прямо к «санкции» генерала Горлова, он представлял г-жу Новикову под скромной маской безымянного «друга». Но когда руссофильская агитация достигла кульминационного пункта и когда ее руководителям показалось, что свержение лорда Биконсфильда неизбежно, — г. Гладстон к концу «конференции» в Сент-Джеймс-холле встал со своего места, подошел к г-же Новиковой, предложил ей свою руку и торжественно повел ее сквозь озадаченную толпу, как бы в залог автитурецкого союза, заключенного, наконец, между Англией и Россией, а тем самым публично признал, что его отношения с этой дамой принадлежат к области общественной жизни и должны рассматриваться как единение в общественных делах. Мы не сомневаемся, что таково же будет мнение всей страны, когда существо этих отношений будет вскрыто более отчетливо.

Напечатана в газете «Vanity Fair»

от 3 марта 1877 г., на английском языке.

Без подписи.

8. Великий агитатор разоблачен¹.

Во исполнение обещания, подразумевавшегося в заключительной фразе нашей статьи о г. Гладстоне, напечатанной на прошлой неделе, мы приступаем теперь к дальнейшему выяснению сношений, которые, как было показано, происходили между этим достопочтенным джентльменом и некоторыми официальными и признанными русскими агентами в нашей стране. Кое-что об этих делах было уже опубликовано, и г. Гладстон, сознавая, вероятно, что это такие обстоятельства, по поводу которых он «не может выступать в печати», до сих пор не решился опровергать их. Например, несколько недель тому назад один хорошо информированный журнал сообщил очень любопытную историю относительно статьи г. Гладстона в «Contemporary Review» от ноября прошлого года, под названием «Русская политика и туркестанские дела». Согласно сообщению журнала, тайная история этой статьи в высшей степени замечательна. Нужно вспомнить, что, незадолго до появления статьи г. Гладстона, в «Daily News» было опубликовано два письма: одно — подписанное «Русский» и другое — подписанное «Другой русский». Следует вспомнить также, что первое из этих писем было попыткой дискредитировать сообщение г. Шюйлера о жестоком обращении генерала Кауфмана с ииудами в Туркестане; в том же духе было и второе письмо.

¹ Статья написана Барри по прямым указаниям Маркса. См. письмо Маркса к Энгельсу от 7 марта 1877 г. (Сочинения, т. XXIV, стр. 471). *Ред.*

И, наконец, следует вспомнить, что г. Гладстон в своей статье в «Contemporary Review», в которой он тоже поставил себе задачей обелить русского генерала, ссылался на эти два письма для подтверждения своего отрицательного отношения к достоверности показаний г. Шюйлера по этому делу. В избытке доверчивости, а также для того, чтобы рассеять всякое сомнение, которое могло бы еще оставаться в умах его читателей, г. Гладстон уверял их, что ему «сообщил один друг», что письмо «Русского» получило санкцию генерала Горлова, русского военного атташе в Лондоне. Когда соотечественники г. Гладстона читали эти доверчивые рассуждения, преобладающими чувствами в душе у большинства из них были, вероятно, удивление и сострадание — сострадание к преждевременно увядающему интеллекту некогда великого государственного деятеля и удивление перед безрассудной надеждой так грубо обмануть целую нацию. Совсем другими были бы чувства читателей г. Гладстона, если бы они знали все обстоятельства этого дела. Каковы бы ни были недостатки экс-премьера, в их число до сих пор еще не входило лицемерие. Всем известно, что, по мнению его бывшего шефа, лорда Пальмерстона, чрезмерная откровенность и искренность г. Гладстона были одними из главных его недостатков как государственного деятеля. Если бы англичан попросили назвать самого чистосердечного из их великих людей, они, вероятнее всего, остановились бы на депутате от Гринвича; и в общественной жизни этого достопочтенного джентльмена, по всей видимости, не было такого момента, когда бы он более явно не умел скрывать своих чувств, чем в недавней агитации по поводу «жестокостей». Как же должна быть изумлена и шокирована простодушная, доверчивая английская публика, узнав, 1) что письмо «Русского» было на деле написано тем самым «генералом Горловым», русским военным атташе в Лондоне, который, как «сообщили» г. Гладстону, «санкционировал» это письмо; 2) что письмо «Другого русского» было произведением г-жи Новиковой, «друга», который «сообщил» м-ру Гладстону, что генерал Горлов «санкционировал» письмо генерала Горлова, и 3) что эти факты были известны г. Гладстону, когда он писал свою статью в «Contemporary Review»! Еще один факт. Г-н Гладстон не только знал, что письмо «Русского» было написано генералом Горловым; он знал также, что генерал Горлов хотел подписать письмо своим собственным именем, но граф Шувалов запретил ему это сделать. И, наконец, сам г. Гладстон фактически просмотрел письмо генерала Горлова, вычеркнув из него некоторые места, которые были попыткой возразить «Pall Mall Gazette» и другим противникам москвитизма в Англии, — эту задачу он оставил для своей собственной статьи. Это был заранее продуманный г. Гладстоном и г-жей Новиковой план, согласно которому те два письма должны были сначала появиться в «Daily News», чтобы затем он мог сослаться на их показания для подтверждения своего отрицания русских жестокостей в Туркестане. Таковы изумительные разоблачения, которых вполне достаточно для того, чтобы подорвать национальное доверие к эмоциональным и человеколюбивым политикам; но оказывается, что приходится рассказать еще кое-что похуже. Среди лозунгов партий прогресса во всем мире, может быть, самый священный и самый необходимый — свобода и независимость печати. Мы полагаем, что в Англии борьба за это была давным-давно проведена и доведена до победы нашими далекими предками. Это впечатление, в самом деле, так единодушно разделяется всеми классами наших соотечественников, что осмеливаться наемкнуть на подкупность нашего «четвертого сословия» — значит нанести оскорбление всей нации. И уж если считать возможным, что свобода печати в известный период должна

быть более священной, чем в другое время, то это безусловно относится к такому периоду, как наш, когда взвешиваются самые страшные выводы и когда множество умов смущено крикливой болтовней алчной своры чиновников. Однако, — факт почти невероятный! — вопрос, о котором мы писали, подхвачен одним бывшим премьер-министром, чтобы намекнуть агенту ипостранной традиционно-враждебной державы на подкупность части лондонской прессы! Большинство людей сочло бы эти обвинения достаточно тяжелыми, чтобы на них необходимо было ответить, но г. Гладстон, когда к нему обращаются за объяснением, наивно сообщает своим слишком беспокойным друзьям, что они ставят вопросы, по поводу которых он «не может выступать в печати».

*Напечатана в газете «Vanity Fair»
от 10 марта 1877 г., на английском языке.*

Без подписи.

Приложение IV.

П. ЛАФАРГ. ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ»¹.

Страницы, входящие в состав настоящей брошюры, ранее опубликованные в трех статьях в «Revue Socialiste», извлечены и переведены из последней работы Ф. Энгельса: «*Переворот в науке*». Они пересмотрены автором, который в третьей части внес различные дополнения, чтобы сделать более понятным для французского читателя диалектическое движение экономических сил капиталистического производства.

Фридрих Энгельс, один из самых выдающихся представителей современного социализма, выдвинулся с 1844 г. своими «*Заметками к критике политической экономии*», которые появились сначала во «*Французско-Немецких Ежегодниках*», издававшихся в Париже Марксом и Руге. В *Заметках* были уже сформулированы некоторые общие принципы научного социализма. В Манчестере, где проживал тогда Энгельс, он написал по-немецки свою книгу «*Положение рабочего класса в Англии, 1845*», — важный труд, на серьезное значение которого указал Маркс в «*Капитале*». Во время первого своего пребывания в Англии, как позднее в Брюсселе, он сотрудничал в «*Northern Star*», официальном органе чартистского движения, и в «*New Moral World*» Роберта Оуэна.

Во время своего пребывания в Брюсселе Энгельс и Маркс основали коммунистический клуб немецких рабочих, имевший прямую связь с фламандским и валлонскими рабочими клубами. Оба они вместе с Борнштедтом создали «*Немецкую Брюссельскую Газету*». По приглашению находившегося в Лондоне немецкого комитета *Союза справедливых*, они вступили в это общество, учрежден-

¹ Об этом предисловии Энгельс 22 сентября 1882 г., в связи с немецким изданием «*Развития социализма*», писал Эд. Бернштейну: «*Рекламного предисловия я прибавить не могу. Так как издателем французского перевода был Лафарг, а Малон прислал нечто в высшей степени неудовлетворительное, то Маркс с Лафаргом написали это введение, которое там, может быть, и подходило. В выпускаемом мною самим немецком издании нечто подобное абсолютно не годится*». *Ред.*

ное первоначально Карлом Шаппером, который был вынужден бежать из Франции вследствие его участия в заговоре Барбеса-Бланки в 1839 году. С тех пор Союз был превращен в международный *Союз коммунистов*, который отказался от обычной формы тайных обществ. Тем не менее, при данных обстоятельствах Союз должен был оставаться тайной для правительств. В 1847 г. на международном конгрессе, созванном Союзом в Лондоне, Марксу и Энгельсу было поручено составить «*Манифест коммунистической партии*», опубликованный незадолго до февральской революции и почти тотчас же переведенный на все европейские языки. Коммунистический манифест — один из самых ценных документов современного социализма; он и теперь еще остается одним из самых сильных и ясных изложений развития буржуазного общества и образования пролетариата, который должен положить конец капиталистическому обществу; там, как и в «*Ницете философии*» Маркса, опубликованной годом раньше, впервые ясно формулирована теория борьбы классов.

В 1847 г. Маркс и Энгельс работали над созданием *Демократической ассоциации в Брюсселе*, публичного и международного общества, где встречались представители буржуазных радикалов и социалистических рабочих. После февральской революции Энгельс становится одним из редакторов *Neue Rheinische Zeitung* (Новой Рейнской Газеты), основанной Марксом в Кельне и запрещенной в июне 1849 г. прусским правительством. Приняв участие в восстании в Эльберфельде, Энгельс совершил затем баденский и пфальцский поход против пруссаков (июнь — июль 1849 г.) в качестве адъютанта Виллиха, бывшего тогда командиром батальона добровольцев.

В 1850 г., в Лондоне, он сотрудничал в «*Обозрении Новой Рейнской Газеты*», издаваемом Марксом и печатавшемся в Гамбурге. Там Энгельс опубликовал «*Крестьянскую войну в Германии*», которая 19 лет спустя вышла в Лейпциге отдельной брошюрой и выдержала три издания.

После возрождения социалистического движения в Германии Энгельс сотрудничал в «*Volksstaat*» и в «*Vorwärts*» и писал для них наиболее важные статьи; некоторые были позднее переизданы в виде брошюр: «*Социальное движение в России*»; «*Прусская водка в германском рейхстаге*»; «*К жилищному вопросу*»; «*Бакунисты за работой*» и т. д.

В 1870 г., покинув Манчестер и переехав в Лондон, Энгельс вступил в Генеральный совет Интернационала; ему была поручена связь с Испанией, Португалией и Италией.

Серия последних статей, которые он посылал в «*Vorwärts*» под ироническим заглавием «*Переворот в науке, совершенный г. Дюрингом*», представляет собою остроумную и научную критику якобы новых теорий г. Дюринга в науках вообще и в социализме в частности. Эти статьи были объединены в книгу и имели большой успех среди социалистов Германии. В настоящей брошюре мы даем наиболее существенные извлечения из теоретической части этой книги; эти извлечения образуют, так сказать *введение в научный социализм*.

Напечатано во французском издании
«*Socialisme utopique et socialisme scientifique*»,
Paris, 1880.

ПРОГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (1881 Г.)¹

Принимая во внимание,

что освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода, без различия пола и расы;

что производители не могут стать свободными иначе, как овладев средствами производства (землей, фабриками, кораблями, банками, кредитом и т. п.);

что средства производства могут принадлежать им только в двух формах:

1) в форме индивидуальной, которая в виде общего явления не существовала никогда и которая все более и более исключается промышленным прогрессом;

2) в форме коллективной, материальные и интеллектуальные элементы которой создаются самим развитием капиталистического общества;

принимая во внимание, что такое коллективное присвоение может осуществиться лишь в результате революционного действия класса производителей, — или пролетариата, — организованного в самостоятельную политическую партию;

что нужно добиваться подобной организации всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, в том числе и всеобщим избирательным правом, превращаемым, таким образом, из орудия обмана в орудие освобождения, —

французские рабочие социалисты, выдвигая конечной целью своей борьбы политическую и экономическую экспроприацию класса капиталистов и возвращение всех средств производства обществу в целом, решили в качестве средства для организации и для борьбы принять участие в выборах, выдвигая немедленно следующие требования...

Напечатана в газете «Egalité»

№ 24 от 20 июня 1880 г.

---

¹ О том, как была составлена эта вводная часть программы, Энгельс писал в письме к Эд. Бернштейну от 25 октября 1881 г.: «Гэд приехал сюда, когда речь зашла о том, чтобы набросать проект программы рабочей партии. И Маркс тут же, в моей комнате, в моем и Лафарга присутствии, продиктовал ему такие пункты (considerants): рабочий свободен лишь тогда, когда он является владельцем своих средств труда — это может произойти в индивидуальной или коллективной форме — индивидуальная форма владения вытесняется экономическим развитием и с каждым днем будет вытесняться все более — остается, стало быть, лишь форма коллективного владения, — мастерский образец убедительной, сжатой и ясной для масс аргументации, равной которой я почти не знаю и которая в этой чеканной формулировке поразила меня самого». См. также письмо Маркса к Зорге от 5 ноября 1880 г. *Ред.*

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН. ¹

А.

- Абдул-Гамид (1842 — 1918) — турецкий султан (1876—1909) — 380.
- Абдул-Кадер-бей — турецкий дипломат, в 1829 г. уполномоченный на русско-турецких мирных переговорах в Адрианополе — 383.
- Август, Октавиан (63 до хр. э. — 14) — первый римский император — 604.
- Айртон, Энтон-Сми (1816 — 1886) — английский политический деятель, либерал, в 1857 — 1874 гг. член парламента, с 1869 г. министр общественных работ, в 1869 — 1873 гг. — высший военный прокурор — 126.
- Акرويد — фабрикант в Купли (Англия) — 40 — 41.
- Александр I (1777 — 1825) — русский император (1801 — 1825) — 148, 178 — 179, 217, 385.
- Александр II (1818 — 1881) — русский император (1855 — 1881) — 178, 407 — 409, 622.
- Алерини — альянсист, член секции I Интернационала в Марселе; после Парижской Коммуны эмигрант в Барселоне; делегат Гаагского конгресса Интернационала (1872) и конгресса бакунистов в Сент-Имье (1872) — 113.
- Альбаррасин, Северино — альянсист, в 1873 г. стоял во главе восстания в Алькоке (Испания) — 115.
- Альборс — испанский чиновник, буржуазный республиканец, городской голова в Алькоке; убит народом во время восстания 1873 г. — 114.
- Амадео (1845—1890) — король Испании (1870 — 1873) — 107, 110.
- Анаксагор (ок. 500 — ок. 428 до хр. э.) — греческий философ ионийской школы — 507.
- Анна (1664 — 1714) — английская королева (1702 — 1714) — 617.
- Аракчеев, Алексей Андреевич, граф (1769 — 1834) — временщик императора Александра I, военный министр (1808 — 1810) — 179.

Аристотель (384 — 322 до хр. э.) — 457, 520.

Астор, Уильям (1829 — 1892) — американский железнодорожный предприниматель — 612.

Ауэр, Игнац (1846 — 1907) — немецкий социал-демократ, по профессии шорник, с 1870 г. эйзенаховец, в 1874 — 1877 гг. и после 1890 г. секретарь правления партии, член рейхстага, один из виднейших реформистов — 267.

Б.

Бабеф, Франсуа-Ноэль (1760 — 1797) — ранний представитель революционного коммунизма во Франции; под именем Гракха Б. организовал тайный «Заговор равных», подготовлявший свержение Директории и захват политической власти; Б. был казнен 16 мая 1797 г. — 509.

Базен, Ашиль-Франсуа (1811 — 1888) — французский маршал, капитулировал перед прусской армией в Меце (1870 г.); обвиненный в измене, был в 1873 г. приговорен к смертной казни с заменой 20-летним тюремным заключением; в 1874 г. бежал за-границу — 131.

Бакунин, Михаил Александрович (1814 — 1876) — русский анархист; участник дрезденского восстания 1849 г.; в 1850-х гг. сидел в царских тюрьмах и ссылке, откуда бежал за границу; примкнув к Интернационалу, основал в нем тайное общество «Альянс социалистической демократии», при помощи которого стремился захватить руководство I Интернационалом и навязать ему анархистскую программу. В ожесточенной борьбе с Марксом опирался главным образом на секции Интернационала в Швейцарии, Италии, Испании. На Гаагском конгрессе (1872) исключен из Интернационала. 59, 96 — 97, 104, 108, 119, 122, 142, 147 — 148, 152, 158, 162 —

¹ Все указатели к наст. тому подготовлены *Е. И. Бойко. Ред.*

- 164, 166 — 168, 172 — 175, 179, 184, 187 — 188, 191, 193, 234 — 235, 238 — 240, 245, 249, 259, 267, 293, 368 — 370, 394 — 395, 430, 600, 665.
- Бальфур, Джемс-Артур (род. в 1848 г.) — лидер английской консервативной партии, член парламента с 1874 г.; министр по делам Шотландии (1886) и по делам Ирландии (1887), с 1891 г. первый лорд казначейства, с 1902 по 1905 г. премьер, с 1925 г. председатель тайного совета — 570.
- Барбес, Арман (1809—1870) — французский революционер, до 1848 г. один из соратников Бланки, участник «Общества времен года» (1839); принимал участие в февральской революции 1848 г.; после поражения революции был присужден к пожизненному тюремному заключению — 683.
- Барри, Мальтман (1842—1909) — английский журналист, в 1871—1872 гг. член Генерального совета I Интернационала; впоследствии — консерватор — 675, 677, 680.
- Бауэр, Бруно (1809—1882) — немецкий теолог и публицист, один из вождей младогегельянства, автор многочисленных публицистических и исторических работ, в особенности по истории христианства — 182, 414, 602—603, 605.
- Бауэр, Эдгар (1820 — 1866) — брат Бруно Бауэра, младогегельянец, редактор лондонской «Neue Zeit» — 182.
- Бебель, Август (1840 — 1913) — один из основателей (1869, Эйзенах) и многолетний вождь германской соц.-демократии. С 1867 г. член рейхстага; с 1890 г. бессменный председатель правления партии. Боролся за революц. путь объединения Германии; занял интернационалистскую позицию во время франко-прусской войны. Неоднократно отбывал тюремное заключение. Под руководством Маркса и Энгельса в период «подготовки и собирания сил рабочего класса» был «образцом рабочего вождя» (Ленин). Однако, Б. не избежал до конца мелкобуржуазно-демократических взглядов по вопросу о государстве, по отношению к лассальянству, по вопросу о войне и др., часто допускал оппортунистические примиренческие шатания и ошибки. После смерти Энгельса стал отходить вправо и возглавил центристское течение в партии и во II Интернационале — 163, 195, 198, 267, 288, 434, 587.
- Бек, Август (1785 — 1867) — немецкий филолог и историк древности, автор двухтомной работы «Staatshaushaltung der Athener», 1817 (Государственное хозяйство афинян) — 480.
- Беккер, Бернгард (1826 — 1882) — немецкий публицист, участник лассальянского движения во Франкфурте, один из основателей Всеобщего германского рабочего союза; после смерти Лассалья стоял во главе Союза (1864 — 1865), позднее примкнул к эйзенахцам — 268.
- Беккер, Герман («Красный Беккер») (1820 — 1885) — немецкий публицист, демократ, в 1850 — 1851 гг. член Союза коммунистов в Кельне; впоследствии национал-либерал, главный бургомистр города Кельна и член прусской палаты господ — 326.
- Беккер, Иоганн-Филипп (1809—1886) — немецкий социалист, по профессии щеточник, с 30-х годов жил в Швейцарии, участник революции 1848 г. и кампании за имперскую конституцию, член Интернационала, редактор «Vorbote» — 424.
- Бейтлик-Скотт, Вильям-Джон-Кавендиш, герцог Портленд (1800—1879) — английский аристократ, в 1824 — 1826 гг. член парламента, в 1854 г. получил герцогский титул — 48.
- Березовский, Антон (1847 — 1907) — польский революционер, участник восстания 1863 г., затем эмигрант во Франции; в 1867 г. покушался в Париже на убийство Александра II, приговорен французским судом к пожизненной каторге — 217.
- Бернеби (Burnaby), Фредерик-Густав (1842 — 1885) — английский офицер и путешественник, в 1877 г. участвовал в русско-турецкой войне на стороне Турции — 677.
- Бернштейн, Эдуард (1850 — 1932) — немецкий социал-демократ; в 70-х годах дюрингалец; в 1878 г. в качестве личного секретаря К. Гехберга уехал в Швейцарию; принимал участие в издании ряда оппортунистических документов; в 1880 — 1890 гг. редактор газеты «Sozialdemokrat»; в этот период благодаря руководству Энгельса газета носила революционный характер; после смерти Энгельса выступил с открытой ревизией основ революционного марксизма, став виднейшим теоретиком реформизма и ревизионизма; во время войны социал-пацифист и шовинист; один из идеологов социал-фашизма — 434, 437, 439 — 440, 442.
- Берт, Томас (1837 — 1922) — англий-

- ский тред-юнионист, углекоп, с 1874 г. член парламента, либеральный рабочий политик — 129, 382.
- Виконсфилд — см. Диараал.
- Бинц, Карл (1832 — 1913) — немецкий фармаколог, в 1868 — 1908 гг. профессор в Бонне, основатель местного фармакологического института — 300.
- Биньями, Энрико (1847 — 1921) — гарибальдиец, затем член I Интернационала, первый социалистический кандидат итальянского парламента, редактор «*Almanacco Repubblicano*» и «*La Plebe*» — 366.
- Бисмарк, Отто-Эдуард-Леопольд, князь фон (1815 — 1898) — прусский юнкер, с 1862 г. председатель прусского кабинета министров, с 1871 по 1890 г. канцлер Германской империи, с 1878 г. провел ряд реакционных законов, направленных против рабочего движения и социал-демократической партии («исключительные законы») — 40, 50, 54, 84 — 87, 151, 155, 158, 163, 170 — 172, 175, 177 — 179, 181, 193—195, 199, 203, 205, 213, 222, 228, 234, 277 — 279, 294, 311, 380 — 381, 385, 393, 424 — 426, 432, 441, 443, 446, 484, 486 — 487, 489 — 490, 492, 539, 572, 582, 585 — 587, 636, 674.
- Блан, Луи (1811 — 1882) — французский мелкобуржуазный социалист, соглашатель, член временного правительства 1848 г.; после Парижской коммуны буржуазный радикал — 182.
- Бланки, Огюст (1805 — 1881) — французский революционер-коммунист, сторонник насильственного захвата политической власти путем заговора организованного меньшинства, продолжатель Бабефа; организатор заговора «Общества времен года» (1839), один из вождей рабочих в 1848 г., организатор заговора в 1870 г.; 36 лет своей жизни провел в тюрьмах; заговорщичество и отрыв от массового движения — основная слабость Б. — 226, 673, 683.
- Блейхрдер, Герсон (1822 — 1893) — немецкий банкир, глава банковской фирмы в Берлине, основанной Семюэлем Блейхрдером — 486, 489 — 490.
- Богдан Хмельницкий — см. Хмельницкий.
- Бонапарт Луи — см. Наполеон III.
- Борк (Burke), Томас-Генри (1829 — 1882) — помощник секретаря по делам Ирландии (1869 — 1882); вместе с лордом Кавендишем (см.) убит во время вооруженного заговора фениев — 621.
- Борнштедт, Адальберт фон (1808 — 1851) — бывший прусский лейтенант, основатель и издатель «*Deutsche Brüsseler Zeitung*» конца 30-х годов; тайный агент прусского правительства — 682.
- Брайт, Джон (1811 — 1889) — английский фабрикант, либерал, лидер фри-тредеров, министр торговли в министерстве Гладстона (1868 — 1870) — 381, 581, 589.
- Бракке, Вильгельм (1842 — 1880) — немецкий социал-демократ, издатель и книготорговец в Брауншвейге, с 1865 г. член Всеобщего германского рабочего союза, позднее один из лидеров эйзенхаховской партии, в 1877 г. член рейхстага — 232, 267, 290, 294, 368, 434, 450.
- Брей, Джон-Френсис (1809 — 1895) — английский социалист-утопист, последователь Р. Оуэна — 92.
- Брусс, Поль (1854 — 1912) — французский мелкобуржуазный социалист, после падения Парижской Коммуны эмигрировал в Швейцарию, где примыкал к анархистам; в 1873 г. организатор анархистского «Комитета социально-революционной пропаганды» в Барселоне и издатель «*Solidarité Révolutionnaire*»; в 80-х годах принял участие в организации французской рабочей партии, в рядах которой повел борьбу против Гада, возглавив реформистское крыло партии, социалистов, отколовшихся в 1882 г. — 113.
- Брут, Марк-Юний (85 — 42 до хр. э.) — римский консул, участник убийства Юлия Цезаря — 93, 226.
- Брюс, Генри Остин, барон Эбердэр (1815 — 1895) — английский либерал, с 1852 г. член парламента, в 1869 — 1873 гг. министр внутренних дел, 1873 — 1874 гг. лорд председатель совета — 126.
- Бурбоны — династия, правившая во Франции (1589 — 1792 и 1814 — 1830) и в Испании (1700 — 1931) — 148, 179.
- Бусс, Франц-Иосиф (1803 — 1878) — профессор из Фрейбурга, один из вождей баденской ультрамонтанской партии, противник прусской гегемонии, с 1874 г. член рейхстага — 354.
- Бутт, Исаак (1813 — 1879) — ирландский политический деятель, консерватор, член парламента — 130.
- Бухер, Лотар (1817 — 1892) — немецкий радикал, член Прусского национального собрания, затем эмигрант, лондонский корреспондент берлин-

- ской «National-Zeitung», с 1864 г. на службе у Бисмарка — 424, 426—427.
- Бэдфорд, герцог — см. Россель, Френсис-Чарльз-Гестингс.
- Бэкон, Френсис, лорд Веруламский (1561 — 1625) — английский философ, материалист — 521.
- Бюлов-Куммеров, Эрнст-Готфрид-Георг фон (1775 — 1851) — прусский реакционный публицист, основатель «Союза защиты собственности» (1848), прозванного «конкерским парламентом» — 332.
- Бюхнер, Людвиг (1824 — 1899) — немецкий физиолог и философ, вульгарный материалист — 181.
- Буше, Филипп (1796 — 1865) — французский католический «социалист» 40-х годов; пропагандировал производственную кооперативы с государственной помощью, стремясь отвлечь рабочих от революционной борьбы — 281, 290 — 291.
- В.**
- Вагнер, Адольф (1835 — 1917) — немецкий буржуазный экономист, профессор Берлинского университета, представитель так называемого «социально-этического» направления исторической школы, которое в связи с одним из выступлений В. получило ироническое название катедер-социализма; в качестве сторонника государственного социализма и сотрудника Бисмарка, В. в 1878 г. был одним из основателей реакционной христианско-социальной партии — 54, 453 — 454, 456 — 460, 462 — 467, 469 — 471, 474 — 478, 483.
- Вальян, Эдуард (1840 — 1915) — французский социалист, член Парижской коммуны, один из вождей бланкистов; в 1871 — 1880 гг. эмигрант в Лондоне; один из вождей социалистической партии Франции; впоследствии примкнул к жорестам; во время империалистической войны — социал-патриот — 230.
- Вандербильт, Корнелий (1794 — 1877) — американский миллионер, железнодорожный предприниматель — 611.
- Ван-Паттен, Филипп — секретарь Центрального рабочего союза в Нью-Йорке — 664.
- Вашингтон, Джордж (1732 — 1799) — северо-американский генерал и государственный деятель, вождь освободительной борьбы САСШ против владычества Англии; в 1789 — 1797 гг. первый президент САСШ — 548.
- Вейтлинг, Вильгельм (1808 — 1871) — немецкий коммунист-утопист — 519, 674.
- Веларде-и-Говзалес (Velarde y Gonzalez), Клемент (1827 — 1886) — испанский генерал — 116.
- Веллингтон, Артур Уэлсли, герцог (1769 — 1852) — английский полководец, победитель Наполеона I при Ватерлоо, консерватор, премьер-министр в 1828 — 1830 и 1832 — 1834 гг. — 383, 384.
- Венцеслав IV (Венцель) (1361 — 1419) — король Богемии с 1376 г. и германский император с 1378 по 1400 г. — 164.
- Вермерш, Эжен (1848 — 1878) — французский журналист, республиканец, участник Парижской коммуны, редактор «Revue Duchêne», в 1871 г. редактировал лондонскую «Qui vive», член выступавшей против Генерального совета лондонской «французской секции» Интернационала — 226.
- Вермут — прусский полицейский чиновник, полицей-президент в Ганновере; вместе с Штибером автор полицейской книги «Коммунистические заговоры XIX столетия» — 323.
- Вестминстерский герцог — см. Гросвенор.
- Вестфален, Людвиг фон (1770 — 1842) — отец Жени Маркс, происходил из старинной брауншвейгской фамилии, в 1814 — 1816 гг. прусский ландрат в Зальцведеле, в 1816 — 1835 гг. правительственный советник в Трире — 598.
- Вестфален, Фердинанд фон (1799 — 1876) — брат Жени Маркс, в 1850 — 1858 гг. прусский министр внутренних дел — 414.
- Виктория I, Александрина (1819 — 1901) — английская королева (1837 — 1901) — 517.
- Виллих, Август (1810 — 1878) — член Союза коммунистов, участник баденского восстания 1849 г.; после раскола в Союзе коммунистов вместе с Шаппером возглавлял ультра-«левую» фракцию, борющуюся против Маркса, позднее участник гражданской войны в Америке — 201, 202, 683.
- Вильгельм I (1797 — 1888) — прусский король с 1861 г., германский император с 1871 по 1888 г. — 366, 383.
- Вильгельм III, Оранский (1650 — 1702) — правитель (штатгальтер) голландский, с 1869 г. король Англии — 614.
- Вильке, Христиан-Готтлиб (1786 — 1854) — немецкий теолог — 603.
- Вильям — см. Вильгельм Оранский.
- Винтер, К. — немецкий издатель — 453.
- Винья (Vinas), Гарсиа — студент-медик,

- член бакунистского «Альянса» в Барселоне; вышел из Интернационала в 1872 г. — 113.
- Вольтер (1694 — 1778) — 608.
- Вольф, Вильгельм (Луцус) (1809 — 1864) — немецкий революционер, коммунист, один из соратников Маркса и Энгельса. Характеристику и биографию см. в тексте — 319 — 326, 328 — 333, 335, 338 — 340, 342 — 344, 346 — 347, 349, 351 — 352, 354 — 358.
- Врангель, Фридрих-Генрих-Эрнст, граф (1784 — 1877) — прусский фельдмаршал, предводитель реакционных королевских войск в Берлине в 1848—1849 гг. — 326.
- Врублевский, Валерий (1836 — 1908) — польский революционер, участник восстания 1863 г., генерал Парижской коммуны, позднее эмигрант в Англии; в 1872 г. секретарь-корреспондент Интернационала для Польши — 217, 675.
- Вюрт из Зигмарингена — член Франкфуртского национального собрания — 356.
- Г.**
- Газенклевер, Вильгельм (1837 — 1889) — один из вождей лассальянцев; после 1871 г. председатель Всеобщего германского рабочего союза, в 1876 — 1878 гг. — член редакции «Vorwärts», в 1874 — 1887 гг. — член рейхстага, оппортунист — 104, 238, 293.
- Ганстаузен, Август, барон (1792 — 1866) — прусский чиновник; автор работы «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (1847 г.) — 259, 375.
- Галлидей — английский тред-юнионист — 129.
- Гамбетта, Леон (1838 — 1882) — французский либерал, член временного правительства 1870 г. и организатор военного сопротивления Пруссии; после подавления Коммуны стоял во главе республиканского блока; председатель палаты депутатов (1879 — 1881), премьер-министр (1881 — 1882) — 155, 181, 194, 363 — 365, 679.
- Ганзман, Давид-Людвиг-Юстус (1790 — 1864) — рейнско-прусский капиталист; в 1848 г. прусский министр финансов; после отставки Кампгаузена, вместе с Ауэрсвальдом образовал новый кабинет, который просуществовал до сентября 1848 г. — 30, 413, 486.
- Ганс-живодер (Иоганн Бюклер) (1777 — 1803) — помощник палача в Зобернгейме; уличенный в ряде преступлений, был подвергнут пытке; после этого стал разбойником; казнен в 1803 г. в Майнце — 262.
- Гарденберг, Карл-Август, князь (1750 — 1822) — прусский дипломат, в 1804 — 1805 и 1806 — 1807 гг. — министр иностранных дел; с 1810 г. — государственный канцлер; Г. провел ряд реформ с целью приблизить феодальную Пруссию к буржуазно-конституционному строю при сохранении гегемонии юнкеров — 83.
- Гарибальди, Джузеппе (1807 — 1882) — вождь итальянского национально-освободительного революционного движения в период борьбы за объединение Италии — 103.
- Гаркоурт, Вильям (1827 — 1904) — английский либерал, с 1868 г. член парламента, в 1874 — 1880 г. и после 1894 г. лидер либералов — 382.
- Гаррет, Джон-Уорк (1820 — 1884) — американский железнодорожный предприниматель — 612.
- Гаррисон, Корнелий-Кингсленд (1809 — 1885) — американский предприниматель и финансист, основатель Компании светильного газа в Чикаго — 611.
- Гартингтон, Спенсер-Кавендиш, маркиз (1833 — 1908) — английский государственный деятель, либерал, в 1882 — 1885 гг. военный министр; после раскола либералов — лидер юнионистского крыла — 382.
- Гассельман, Вильгельм (род. в 1844 г.) — один из вождей лассальянцев, редактор «Der Neue Sozial-Demokrat»; в 1874 — 1876 и 1878 — 1880 гг. член рейхстага; за «лево»-оппортунистическую анархистскую позицию был исключен из партии в 1880 г. на Виденском съезде — 104, 277, 288, 293.
- Гегг, Аманд (1820 — 1897) — немецкий демократ, член баденского революционного правительства 1849 г., эмигрант в Англии, Америке и Швейцарии, один из руководителей пацифистской Лиги мира и свободы — 197, 291.
- Гегель, Георг-Вильгельм-Фридрих (1770 — 1831) — 84, 142, 182, 424, 507, 515, 520, 523 — 526, 602, 624 — 625.
- Геддегем (Heddeghem), [Вальтер] — член I Интернационала, провокатор — 96 — 97.
- Гедель, Макс (1857 — 1878) — жестяник из Лейпцига, в 1878 г. покушался на жизнь германского императора Вильгельма I, казнен 16 августа в Моабите — 431, 621.

- Гейб, Август (1842 — 1879) — немецкий социал-демократ, эйзенаховец, в 1869 г. назначен партией, в 1874 — 1876 гг. член рейхстага; после введения исключительного закона против социалистов занимал ликвидаторскую позицию — 267.
- Гейлс, Джон — английский тред-юнионист, по профессии ткач, с 1868 г. член Генерального совета Интернационала, с 1871 г. его секретарь; после Гаагского конгресса 1872 г. выступил против Генерального совета — 128, 382.
- Гейне, Генрих (1797 — 1856) — 604.
- Георг I (1660 — 1727) — английский король (1714 — 1727) — 617.
- Гераклит Эфесский (Гераклит Темный) (546 — 480 до хр. э.) — древне-греческий философ, материалист и диалектик — 520.
- Герлах, Эрнст-Людвиг (1795 — 1877) — прусский реакционный публицист, основатель «Neue Preussische Zeitung» («Kreuzzeitung») — 85.
- Геродот (485 — 425 до хр. э.) — древне-греческий историк, автор истории греко-персидских войн — 471.
- Герцен, Александр Иванович (псевдоним Искандер) (1812 — 1870) — русский революционер-демократ; будучи в эмиграции в Лондоне, издавал журнал «Колокол» — 257, 259.
- Гесс, Мозес (1812 — 1875) — немецкий мелкобуржуазный социалист, в 40-х годах представлял так называемого «истинного социализма»; в 1861 г. примкнул к Лассалю; участник Брюссельского и Базельского конгрессов I Интернационала — 182, 201.
- Гете, Иоганн-Вольфганг (1749 — 1832) — 75.
- Гехберг, Карл (1853 — 1885) — немецкий филантроп-«социалист», сын богатого коммерсанта, с 1876 г. примкнул к социал-демократической партии и пытался увлечь ее на реформистский путь; Г. издавал и финансировал ряд социал-демократических газет и журналов — 434, 437, 439 — 414, 443.
- Гизо, Франсуа-Пьер (1787 — 1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель, в 1840 — 1848 гг. премьер-министр и министр иностранных дел — 414.
- Гильмино, Арман-Шарль, граф (1774 — 1840) — французский генерал и дипломат, в 1824 — 1831 гг. посол в Константинополе — 383, 384.
- Гильом, Джеймс (1844 — 1917) — швейцарский анархист, с 1868 г. член Интернационала, один из лидеров бакунистского «Альянса»; написал анархистскую историю I Интернационала; во время империалистической войны социал-патриот — 370.
- Гинкельдей, Карл-Людвиг-Фридрих фон (1805 — 1856) — начальник берлинской полиции, с 1853 г. директор департамента полиции в министерстве внутренних дел; убит на дуэли — 83, 201 — 202.
- Гирш, Вильгельм — приказчик из Гамбурга, агент тайной полиции в Лондоне, служивший организатору Кельнского процесса коммунистов, полицейскому президенту Шгиберу — 201.
- Гирш, Карл (1841 — 1900) — немецкий социал-демократ, бывший лассальянец, редактор ряда социал-демократических газет, в том числе «Volksstaat» (1870 — 1871); в конце 70 гг. жил в Бельгии, где издавал еженедельник «Die Laterne» (1878 — 1879), критикувавший реформистскую позицию части руководства германской социал-демократической партии — 434, 437 — 442.
- Гиффен, Роберт (1837 — 1910) — английский статистик и экономист, автор многочисленных работ по вопросам денежного обращения — 544.
- Гладстон, Вильям (1809 — 1898) — один из вождей английских либералов, министр торговли (1843 — 1846), финансов (1852 — 1855 и 1859 — 1866), премьер-министр (1868 — 1874, 1880 — 1885, 1885 — 1886 и 1892 — 1894) — 125 — 126, 129, 309, 380, 381, 570, 587, 620 — 621, 646, 675 — 682.
- Гладстон, Р. — брат В. Гладстона, ливерпульский коммерсант, фритредер — 284.
- Гогенцоллерны — немецкая династия, правившая в Бранденбурге и Пруссии с 1415 и в Германской империи с 1871 по 1918 г. — 220, 385.
- Гогенштауфены — швабская династия на германском императорском престоле (1218 — 1254) — 385.
- Голд, Джордж-Джей (1836 — 1892) — американский финансист, миллионер — 611.
- Головачев, Алексей Адрианович (1819 — 1903) — русский публицист, идеолог либерального дворянства, сотрудник «Русского Вестника», «Отечественных записок», «Слова», «Вестника Европы» и др. журналов — 313.
- Головачев, Николай Никитич, русский генерал — 676.

Гол (Hole), Джемс — 27.
 Гольц, Теодор, барон фон дер (1836 — 1905) — немецкий агроном и статистик, с 1869 г. профессор в Кенигсберге, позднее в Иене и Бонне, автор ряда работ об экономическом положении сельскохозяйственных рабочих в Германии — 307.
 Гунтингтон (Huntington), Коллис-Поттер (1821 — 1900) — американский капиталист и железнодорожный предприниматель, миллионер — 611.
 Гордон, Роберт (1791 — 1847) — английский дипломат, в 1828 — 1831 гг. посол в Константинополе, в 1841 — 1846 гг. в Вене — 383 — 384.
 Горлов — русский генерал, в 70-х годах военный атташе в Лондоне — 676 — 677, 680 — 681.
 Горчаков, Александр Михайлович, князь (1798 — 1883) — русский дипломат, секретарь русского посольства в Лондоне (1822 — 1827), посланник в Штутгарте (1841 — 1854), в Вене (1855 — 1856), министр иностранных дел (1856 — 1882) — 172, 174, 178.
 Гоуэлл, Джордж (1833 — 1910) — английский тред-юнионист; член Генерального совета I Интернационала; позднее — ренегат — 382, 428 — 433.
 Гофбауэр, Эрнст (1836 — 1905) — прусский офицер и военный писатель, автор ряда работ по военной тактике и артиллерийской технике — 132.
 Готман, Готгельф (псевдоним — Стрелок Август Кучке) (1844 — 1924) — см. примечание на стр. 27.
 Гошен, Джордж-Иоаким (1831—1907) — английский либерал, член парламента с 1865 г., с 1886 г. либерал-унионист — 382.
 Гранты — семья фабрикантов-филантропов в Бюри (Англия); братья Г. изображены Ч. Диккенсом в повести «Николай Никльби» под именем Чирблей — 40.
 Грег, Роберт-Гайд (1795 — 1875) — английский фабрикант и экономист, председатель манчестерской торговой палаты, в 1839 — 1841 гг. член парламента, фритредер — 40 — 41, 43.
 Грейф — прусский полицей-лейтенант — 201.
 Гросвенор, Хью-Лупус, маркиз, затем первый герцог Вестминстер (1825 — 1899) — лондонский аристократ, в 1847 — 1849 гг. член парламента — 48.
 Губер, Виктор-Эмэ (1800 — 1869) — немецкий публицист и профессор исто-

рии литературы, в молодости республиканец, позднее монархист, один из основателей немецкого христианского социализма — 27, 37.

Гумбольдт, Александр-Фридрих-Вильгельм фон (1769 — 1859) — немецкий натуралист и путешественник; был посредником прусского правительства при высылке Маркса из Парижа — 414, 596, 598.

Д.

Данте, Алигьери (1265 — 1321) — итальянский поэт, автор «Божественной Комедии» — 413.
 Дантрейг [Сварм] — член Интернационала, провокатор — 96 — 97.
 Дарвин, Чарльз (1809 — 1882) — 523, 624, 648, 652.
 Даус, Давид — американский капиталист — 612.
 Декарт, Рене (1596 — 1650) — французский философ, дуалист — 520.
 Дельбрюк, Мартин-Фридрих - Рудольф, фон (1817 — 1903) — прусский министр, до 1876 г. сотрудник Бисмарка; в 1879 — 1881 гг., в годы введения таможенных тарифов, Д. выступал в рейхстаге против политики Бисмарка — 308, 310.
 Демосфен (383 — 322 до хр. э.) — афинский оратор и политический деятель, сторонник умеренно-демократического движения, боровшегося против аристократии и против македонской монархии Филиппа II; после окончательного поражения греков покончил самоубийством — 471.
 Демут, Елена (Ленхен, Ним) (1823 — 1890) — домашняя работница в доме Маркса, близкий друг всей семьи; после смерти Карла Маркса жила у Энгельса — 662.
 Депре (Deprez), Марсель (1843—1918) — французский физик, известен своими опытами электропередачи постоянного тока — 653.
 Дерби, граф, Эдуард-Джордж-Джоффри-Смит, лорд Стенли (1799 — 1869) — английский государственный деятель, перешедший от вигов к ториям, лидер гротекционистов, премьер-министр (1852, 1858 — 1859 и 1866 — 1868) — 379, 381.
 Дьюнтт, Хюг-Джедж (1817—1898) — американский железнодорожный предприниматель, директор Центральной железнодорожной компании в Огайо — 612.
 Дибич-Забалканский, Иван Иванович

- (1785 — 1831) — русский фельдмаршал, один из донесших Николаю I о заговоре декабристов, в русско-турецкой войне 1828 — 1829 гг. — главнокомандующий — 382 — 384.
- Дидро, Дени (1713 — 1784) — французский философ-материалист, один из крупнейших просветителей XVIII столетия, атеист — 520.
- Дизраэли, Бенжамин, лорд Биконсфилд, граф (1804 — 1881) — английский политический деятель, консерватор, министр финансов (1852, 1858 — 1859 и 1886 — 1868), премьер-министр (1868 и 1874 — 1880) — 379, 568, 678.
- Дилк, Чарльз (1843 — 1911) — английский политический деятель, в молодости радикал-республиканец, затем либерал, член кабинета в 1882 — 1885 гг. — 570.
- Диллон, Джон (род. в 1851 г.) — ирландский националист, лидер гомрулеров, с 1880 г. член Нижней палаты; в 1896 — 1898 гг. вождь ирландской партии в парламенте; в 80-х годах Д. неоднократно арестовывался и отбывал тюремное заключение — 586.
- Диллон, Сидней (1812 — 1892) — американский железнодорожный предприниматель и финансист — 612.
- Добролюбов, Николай Александрович (1836 — 1861) — русский публицист и критик, один из учеников Н. Г. Чернышевского; с 1857 г. секретарь редакции «Современника» — 235.
- Долешалль, Лоренц (род. в 1790 г.) — прусский полицейский советник в Кельне в 1842 г., цензор «Рейнской Газеты» — 413.
- Дольфус, Жан (1800 — 1887) — эльзасский фабрикант, мэр г. Мюльгаузена, в 1877 — 1887 гг. член германского рейхстага — 18, 72 — 73.
- Дункер, Франц (1822 — 1888) — немецкий демократический публицист и издатель, один из основателей гиршдункеровских профессиональных союзов, друг Лассалья — 416.
- Душан — см. Стефан Сильный.
- Дюбарри, Мария-Жанна, графиня (1746 — 1793) — любовница французского короля Людовика XV, сменившая маркизу де-Помпадур — 283.
- Дюпюэс (Discrétiaux), Эдуард (1804 — 1868) — бельгийский публицист и экономист, генеральный инспектор тюрем и благотворительных заведений Бельгии, лицемерный «друг рабочих» — 27.
- Дюринг, Евгений (1833 — 1921) — немецкий философ, математик и экономист, мелкобуржуазный социалист; в 1863 — 1877 гг. приват-доцент Берлинского университета, исключен из числа преподавателей за критику прусской университетской системы; Д. претендовал на собственную универсальную «систему всех наук», которую Энгельс подверг сокрушительной критике в своей работе «Анти-Дюринг» — 305, 623.
- Дюфор, Арман-Жюль (1798 — 1881) — французский государственный деятель, в 1849 г. министр внутренних дел, после переворота Луи Бонапарта вышел в отставку и до 1871 г. занимался адвокатурой, в 1871 — 1873 гг. и в 1875 г. министр юстиции, в 1876 г. министр-президент — 96.

Е.

Екатерина II (1729 — 1796) — русская императрица (1764 — 1796) — 262.

Ж.

Жоттран, Люсьен-Леопольд (1804 — 1887) — бельгийский адвокат и публицист, республиканец, в 1847 — 1848 гг. редактор «Le Débat Social» — 324.

Жуковский, Юлий Галактионович (1822 — 1907) — русский буржуазный экономист-эклектик, управляющий государственным банком и сенатор, первый русский «критик Маркса» («Вестник Европы» 1877, № 9. — «К. Маркс и его книга о капитале») — 375.

З.

Закс, Эмиль, д-р (1845 — 1927) — венский буржуазный экономист, сторонник так называемой австрийской школы, в 1879 — 1893 гг. профессор в Праге — 27 — 45, 49 — 51.

Зельхов — 86.

Зибель, Генрих фон (1817 — 1895) — прусский историк, автор ряда крупных работ, национал-либерал — 624.

Зибер, Николай Иванович (1844 — 1888) — русский экономист и историк первобытной культуры; главное сочинение: «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1881) — 456.

Зингер, Пауль (1844 — 1911) — немецкий социал-демократ, выходец из буржуазии, член партии с 1878 г., с 1887 г. член Правления партии, пред-

седатель ряда партийных съездов; с 1884 г. член рейхстага; центрист—438.
 Зорге, Фридрих-Антон (1828—1906) — немецкий социалист, участник баденского восстания 1849 г.; в эмиграции в САСШ был одним из виднейших организаторов американского рабочего движения; находясь с 1868 г. в постоянной переписке с Марксом и Энгельсом, З. боролся за линию Генерального совета в американских секциях I Интернационала; после перенесения Генерального совета в Нью-Йорк (1872) был генеральным секретарем I Интернационала — 666.

И.

Игнатъев, Николай Павлович, граф (1832 — 1908) — русский дипломат и государственный деятель, с 1864 г. посланник в Константинополе, в 1881 г. министр государственных имуществ, затем министр внутренних дел — 379.

Иеринг (Iehring), Рудольф фон (1818 — 1892) — немецкий юрист, представитель так называемой «практически-догматической» буржуазной школы, с 1845 г. профессор в Базеле, затем в Ростоке, Киле, Гиссене, Вене и др.; первоначально И. принадлежал к исторической школе права, но уже в 50-х годах выступил против Савиньи и др. ее представителей («Geist des römischen Rechts», 1852 — 1865) — 478, 480.

Изабелла II (1830 — 1904) — королева Испании (1833 — 1868) — 233 — 234.

Иллингворт, Альфред — английский либерал, в 1874 и в 1881 гг. член парламента — 570.

Иоганн, Иосиф-Фабиан (1782 — 1859) — эрцгерцог австрийский; в 1848 г. Франкфуртским собранием был избран временным правителем Германии — 326.

Иоганн Непомук, Мария - Иосиф (1801 — 1873) — король саксонский (1854 — 1873); его литературный псевдоним в 40-х годах Филалет — 413.

Итценлици, Генрих-Фридрих-Август, граф фон (1799 — 1883) — прусский государственный деятель, в 1862 — 1873 гг. министр земледелия и торговли, приверженец Бисмарка — 86.

К.

Кавендиш, Фредерик-Чарльз, лорд (1836 — 1882) — английский государ-

ственный деятель, либерал, в 1865 — 1882 гг. член парламента, в 1882 г. главный секретарь по делам Ирландии; убит во время вооруженного заговора фениев — 621.

Кайзер, Макс (1853 — 1888) — немецкий социал-демократ, с 1878 г. член рейхстага, примыкал к правому, оппортунистическому крылу с.-д. фракции — 439 — 442.

Кампгаузен, Людольф фон (1803 — 1890) — крупный рейнский капиталист, политический деятель, либерал, в 1848 г. министр-президент — 413.

Кампос — см. Мартинес де-Кампос.

Кант, Иммануил (1724 — 1804) — 515, 523, 624 — 625.

Кардорф, Вильгельм фон (1828 — 1907) — помещик из Силезии, в 1866 г. основатель так называемой «свободно-консервативной партии»; член прусского ландтага и германского рейхстага — 297, 305 — 306, 308, 310 — 311.

Карл Великий (742 — 814) — король франков, с 799 г. германский император — 637 — 639.

Карл Гогецоллерн (1839 — 1914) — с 1866 г. князь, затем король Румынии (1881 — 1914) — 381.

Карл I (1600 — 1649) — английский король (1625 — 1649) — 614.

Карл X (1757 — 1836) — французский король (1824 — 1830) — 384.

Карлейль, Томас (1795 — 1881) — английский писатель и историк; движущую силу истории усматривал в деяниях великих личностей; автор ряда работ о Французской революции, о Кромвеле и Фридрихе II — 510, 589.

Карнарвон, Генри-Роберт, граф (1831 — 1890) — английский государственный деятель, консерватор, с 1874 г. министр колоний в правительстве Дизраэли, сторонник нейтралитета Англии в русско-турецкой войне; в 1878 г. вышел в отставку — 379.

Кастеллар, Эмилио (1832 — 1899) — испанский писатель и политический деятель, федералист-республиканец, в 1868 г. избран в кортесы, в 1873 — 1874 гг. президент кортесов и премьер с чрезвычайными полномочиями; повстанец, при Альфонсе XII, оставался в рядах умеренных республиканцев — 112, 119, 181, 194.

Кауфман, Константин Петрович (1818 — 1882) — русский генерал, участник Крымской войны, с 1867 г. туркестанский военный генерал-губернатор — 676.

- Кауфман — член немецкого Коммунистического рабочего просветительного союза в Лондоне — 673.
- Кератри, Эмиль де, граф (1832—1904) — французский писатель и политический деятель, бонапартист, участник африканской и мексиканской кампаний, с 1869 г. депутат, префект полиции при Тьере — 364, 647.
- Кин, Джемс-Роберт (1838 — 1913) — американский капиталист — 611.
- Киреев, Александр Алексеевич (род. в 1833 г.) — русский генерал и публицист славянофильского направления, клерикал, в 1877 — 1890 гг. состоял при великом князе Константине — 679.
- Клюзере, Густав-Поль (1823—1900) — французский офицер, в 1848 г. участвовал в подавлении июньского восстания в Париже; при империи был в рядах буржуазной оппозиции; делегат Коммуны по военным делам, в 1871 — 1880 г. эмигрант, позднее (1889) примкнул к националистам — 431.
- Коббет, Вильям (1762 — 1835) — английский публицист, демократ, после реформы 1832 г. член парламента — 243.
- Кобден, Ричард (1804 — 1865) — манчестерский фабрикант и политический деятель, либерал, лидер фритредеров — 578 — 581, 589.
- Константин I (Великий), Кай-Флавий-Валерий-Август (ок. 286 — 337) — римский император (306 — 337); в 313 г. издал так называемый Миланский эдикт о веротерпимости по отношению к христианам, в 325 г. собрал первый вселенский собор в Никее — 603.
- Корреджио, Антонио (Аллегри) (1494 — 1534) — знаменитый итальянский художник, идеолог католической контрреформации — 305.
- Костюшко, Андрей-Тадеуш-Бонавентура (1746 — 1817) — польский генерал, вождь национально-освободительного движения против России 1791 — 1794 гг., участник освободительной войны северо-американских колоний против владычества Англии — 548.
- Кремер — см. Шерваль.
- Кремер, Вильям-Рандол (1838—1908) — лидер английских тред-юнионов и один из основателей I Интернационала, в 1864 — 1866 гг. секретарь Генерального совета, позднее либеральный член парламента, пацифист; в 1903 г. получил нобелевскую премию — 128.
- Кренгель-Шульце из Нессина — 330.
- Крешо (Crescio) — анархист, редактор газеты «L'Avvenire Sociale» в Пьяченце — 103.
- Крокер, Чарльз (1822 — 1888) — американский железнодорожный предприниматель, миллионер — 611.
- Крупп, Фридрих-Альфред (1854 — 1902) — немецкий капиталист, владелец пушечного завода в Эссене — 42, 488 — 489.
- Крынский, Ян (1811 — 1890) — польский революционер, эмигрант в Лондоне, секретарь общества «Польский народ» — 217.
- Крюгер, Даниель-Христиан-Фридрих (1819 — 1896) — прусский юрист и дипломат, с 1866 г. уполномоченный от Любена, с 1873 г. — от Гамбурга и Бремена — 308 — 309.
- Курно, Антуан-Огюстен (1801—1877) — французский математик и экономист, автор «Исследований математических принципов в теории богатства» (1838 г.) — 483.
- Кучке, Август («Стрелок») — см. Гофман.
- Кюстер — военный атташе прусского посольства в Константинополе (1829 г.) — 383.

Л.

- Лавров, Петр Лаврович (1823 — 1900) — русский публицист народнического направления; происходил из дворянской семьи; в 1860-х годах вступил в общество «Земля и Воля»; в 1870 г. бежал из ссылки за границу; редактор журналов «Вперед» (1873 — 77) и «Вестник Народной Воли» (1883 — 1886) — 231, 233 — 239, 655, 658, 664.
- Ладенберг, Адальберт фон (1798 — 1855) — прусский юрист и государственный деятель, в 1834 г. регистратор в Трире, с 1839 г. член Государственного совета; в 1848 г. был сотрудником Эйхгорна (см.) — 339.
- Ламартин, Альфонс (1790 — 1869) — французский буржуазный политический деятель, историк и поэт; министр временного правительства 1848 г. — 657.
- Ланге, Фридрих-Альберт (1828—1875) — немецкий публицист и философ, один из основоположников так называемого неокантианства, автор социал-реформистской книги «Рабочий вопрос, его значение для настоящего и

- будущего» (1-е изд. 1865, 2-е изд. — 1870 г.) — 279, 453.
- Ланкастер, Эдвин-Рэй (1847 — 1929) — английский зоолог, член Лондонской академии наук — 657.
- Лаплас, Пьер-Симон (1749 — 1827) — французский математик и астроном, автор метрической системы мер и научной теории происхождения солнечной системы — 523, 624.
- Лассаль, Фердинанд (1825 — 1864) — один из вождей германского рабочего движения в период его зарождения, оппортунист; в 1863 г. встал во главе Всеобщего германского рабочего союза; пытался вести эту первую массовую политическую организацию немецких рабочих по пути соглашения с юнкерским правительством Бисмарка; убит на дуэли — 69 — 70, 152, 183 — 186, 192 — 195, 272, 277 — 281, 288 — 291, 293, 424, 443 — 444, 485, 523, 623.
- Лафарг, Поль (1842 — 1914) — один из первых вождей марксистского крыла во французском рабочем движении; член I Интернационала; в 1870 — 1871 гг. вел работу в Париже и в Бордо, после Коммуны эмигрировал в Испанию, где боролся за линию Генерального совета; вернулся во Францию, был вместе с Гедом одним из основателей (1880) французской рабочей партии; боролся против реформизма, милитаризма; в своей политической и литературной работе допускал, однако, ряд ошибок и отступлений от марксизма. Л. был женат на дочери К. Маркса Лауре — 549, 551, 623, 646, 657, 682.
- Леваль, Жюль-Луи (1823—1908)—французский генерал и военный писатель, в 1885 г. военный министр — 212.
- Левы — 201.
- Леклюз — администратор «Revue Socialiste» — 494.
- Лелювель, Иоахим (1786 — 1861) — польский историк и политический деятель, участник восстания 1830 г. и член временного правительства; позднее эмигрант — 551.
- Лемке, Готлиб — секретарь Немецкого коммунистического рабочего просветительного союза в Лондоне—652.
- Лемонье, Шарль — буржуа-банкир, увлекавшийся сен-симонизмом; был генеральным секретарем Crédit mobile; участник Лиги мира и свободы — 197.
- Леопольд I (1790 — 1865) — король Бельгии (1831 — 1865) — 324.
- Ленин — секретарь парижского объединения Французской рабочей партии — 655.
- Лессинг, Готтольд-Эфраим (1729 — 1811) — немецкий писатель и литературный критик, один из крупнейших представителей эпохи просвещения в Германии — 235.
- Лесснер, Фридрих (1825 — 1910) — немецкий коммунист, по профессии портной, член Союза коммунистов и один из осужденных по кельнскому процессу; с 1856 г. жил в эмиграции в Лондоне, участвовал в организации I Интернационала и входил в Генеральный совет; позднее деятель тред-юнионов — 549, 551, 657, 675.
- Либиг, Юстус фон (1803 — 1873) — немецкий химик, известен рядом работ в области приложения химии к сельскому хозяйству — 73.
- Либкнехт, Вильгельм (1826 — 1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала; в 1869 — 1875 гг. редактор «Volksstaat», в 1870 г. выступил против военных кредитов и аннексии Эльзас-Лотарингии, за что был приговорен к тюремному заключению; организатор объединения с лассальянцами в 1875 г. Редактор «Vorwärts» в 1876 — 1878 гг. и с 1891 г. до смерти; многолетний член рейхстага. Следуя указаниям Маркса и Энгельса, во многих вопросах проводил правильную революционную линию, однако не изжил мелкобуржуазного демократизма и часто занимал примиренческую позицию в борьбе с оппортунизмом — 153, 163, 195, 198, 267, 288, 293 — 294, 379, 434, 437 — 440, 655.
- Ливен, Христофор Андреевич, граф (1777 — 1838) — русский дипломат, посол в Берлине (1809 — 1812) и в Лондоне (1812 — 1834) — 385.
- Линкольн, Авраам (1809 — 1865) — президент Соединенных Штатов Северной Америки в период гражданской войны (1861 — 1865); вел борьбу против рабства, отражал интересы промышленной буржуазии северных штатов. Л. был убит в театре актером Бутсом — 430.
- Линней, Карл (1707 — 1778) — шведский естествоиспытатель, разработавший метафизическую систему классификации растений и животных — 525.
- Лиссагаре, Проспер-Оливье (1839 — 1901) — французский журналист, бланкистский историк Коммуны, с

- 1881 г. редактор «Bataille» в Париже — 360.
- Лихновский, Феликс, князь (1814 — 1848) — прусский офицер, член правого крыла Франкфуртского национального собрания; убит во время сентябрьского восстания 1848 года — 332.
- Локк, Джон (1632 — 1702) — английский философ-сенсуалист — 521.
- Лонге, Женни — см. Маркс, Женни.
- Лонге, Шарль (1833 — 1903) — французский социалист, прудонист, делегат Лозанского конгресса Интернационала (1867); член Парижской коммуны, затем эмигрант в Лондоне (1871 — 1880). В 1873 г. женился на дочери Маркса, Женни; позднее член парижского муниципалитета, сотрудник газеты Клемансо «La Justice» — 646, 654.
- Лориа, Ахилл (род. в 1857 г.) — итальянский буржуазный экономист, выдававший себя за «усовершенствователя» Маркса. Энгельс называл Л. «литературным авантюристом»; в настоящее время Л. профессор Туринского университета — 666.
- Лоу, Роберт, виконт Шербрук (1811 — 1892) английский политический деятель, либерал, с 1852 г. член парламента — 382.
- Лохнер, Георг — немецкий ремесленник, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала — 657.
- Луи Блан — см. Блан, Луи.
- Луи Наполеон — см. Наполеон III.
- Людвик XV (1710 — 1774) — французский король (1715 — 1774) — 233.
- Людвик XVI (1754 — 1793) — французский король с 1774 г.; казнен во время Великой французской революции по постановлению Конвента — 483.
- Людвик-Филипп (Луи-Филипп) (1773 — 1850) — французский король в период между революциями 1830 и 1848 гг. — 148, 225, 281, 284, 598.
- Люккрафт, Бенжамин (1809 — 1897) — английский ремесленник, член Генерального совета I Интернационала — 431.
- М.**
- Мабли, Габриэль-Бонно, аббат (1709 — 1785) — один из предшественников утопического социализма во Франции — 509.
- Мадзини, Джузеппе (1805 — 1872) — итальянский революционер, глава буржуазно-демократической организации «Молодая Италия», борющейся за объединение Италии на основе демократической республики; после революции 1848 г. эмигрант в Лондоне, глава «Демократического комитета», ставившего своей целью объединение всех республиканских движений Европы — 398.
- Мак-Айвер — депутат английского парламента от Биркенхеда (1881) — 570.
- Мандональд, Александр (1831 — 1881) — английский тред-юнионист, лидер союза горнорабочих, член парламента, либеральный рабочий политик — 129.
- Мак-Доннель — 382.
- Малон, Бенуа (1841 — 1893) — французский мелкобуржуазный социалист, в 1865 г. член Интернационала, сторонник бакунинского «Альянса», позднее участник Парижской коммуны, затем эмигрант в Швейцарию; в 1880 г. издатель журнала «Revue Socialiste» в Париже; в 1882 г. один из лидеров POSSИБИЛИСТОВ, в 1885 г. возобновил издание «Revue», ставшего теоретическим органом реформизма — 224.
- Мальтус, Томас-Роберт (1766 — 1834) — английский пастор и экономист, ярый защитник капитализма, автор книги «Опыт о законе народонаселения» (1798 г.), где он устанавливал «вечный» закон, согласно которому народонаселение вырастает быстрее (в геометрической прогрессии), чем средства существования (в арифметической прогрессии) — 279, 290.
- Мантейфель, Отто-Теодор (1805—1882) — прусский государственный деятель, в 1848 г. министр внутренних дел в кабинете Бранденбурга, в 1850 — 1858 гг. реакционный премьер-министр — 82 — 84, 185, 329, 349.
- Мантейфель, Эдвин-Франц-Карл, барон фон (1809 — 1885) — прусский фельдмаршал, в 1870 г. главнокомандующий армией; с 1871 г. командовал Южной армией; главнокомандующий прусскими оккупационными войсками во Франции — 365.
- Марат, Жан-Поль (1743 — 1793) — в тексте Маркс подразумевает, повидимому, Гассельмана (см.), употребляя ироническое сравнение «берлинский Марат» — 277.
- Маркс, Гвидо (1849 — 1850) — сын Карла Маркса — 596.
- Маркс, Женни, урсжд. фон Вестфален (1814 — 1861) — жена Карла Маркса — 596 — 599.

- Маркс, Женни (1844 — 1883) — старшая дочь Карла Маркса, с 1873 г. жена Ш. Лонге — 646 — 647, 662.
- Маркс, Карл (1818 — 1883) — 5, 6, 10, 22, 25, 60, 68, 80, 89, 96 — 97, 101, 147, 153 — 154, 157, 163, 179, 181 — 183, 185 — 186, 191 — 197, 199, 268, 290, 292, 294, 319, 325, 353, 359, 375, 413 — 419, 421, 423 — 428, 430 — 431, 434, 456 — 457, 459, 468, 476, 527 — 529, 535 — 536, 549, 551, 596 — 598, 601, 646, 648, 652 — 657, 658 — 668, 671 — 672, 674, 682 — 683.
- Маркс, Франциска (1851 — 1852) — дочь Карла Маркса — 596.
- Маркс, Эдгар (Муш) (1847 — 1855) — сын Карла Маркса — 596.
- Маркс, Элеонора (1856 — 1898) — младшая дочь Карла Маркса, жена Эдуарда Эвелинга; принимала активное участие в английском и международном рабочем движении, автор обзоров европейского движения в журнале «То дау» (1884 г.) и ряда переводов социалистической литературы на английский язык — 18, 658, 663.
- Мартен, Анри (1810 — 1883) — французский историк и публицист, левый республиканец, автор многотомной «Истории Франции» — 429.
- Мартинес де-Кампос, Арсенио (1831 — 1900) — испанский генерал — 119 — 121.
- Маршалль — фабрикант в Лидсе (Англия) — 40 — 41.
- Маурер, Георг-Людвиг, фон (1790 — 1872) — немецкий историк, исследователь общественного строя древних германцев, основоположник так называемой «общинной теории»; в 1847 г. М. был баварским министром иностранных дел и юстиции — 259, 629.
- Махмуд-Дамат, Дшелаль-Эддин-паша (ум. в 1884 г.) — зять турецкого султана Абдул-Гамида II, военный министр — 380.
- Мей — член Коммунистического рабочего просветительного союза в Лондоне — 674.
- Мейер, Рудольф-Герман (1839 — 1899) — немецкий публицист и экономист, последователь Родбергуса; выступал против Бисмарка, опубликовал в 1877 г. работу «Политические грюнтеры и коррупция в Германии»; автор книги «Освободительная борьба четвертого сословия» (1874 — 1875) — 474.
- Меккей (Маскау), Джон-Уильям (1831 — 1902) — американский капиталист, миллионер — 611.
- Меровинги — первая династия франкских королей, основателем которой считается победивший аллеманов и вестготов король Хлодвиг (481 — 511) — 637.
- Мерославский, Людвиг (1814 — 1878) — польский революционер, участник восстания 1830 г.; в 1847 г. был приговорен к пожизненному тюремному заключению, освобожден революцией 1848 г.; в 1849 г. генерал баденской революционной армии, затем эмигрант в Швейцарии и во Франции; в 1863 г. назначен диктатором польского национального правительства; после поражения восстания бежал во Францию — 673.
- Меса-и-Леомпарт, Хозе (1840 — 1904) — испанский социалист, по профессии печатник; в 70-х годах примыкал к Альянсу, но был исключен за выступления в защиту политической борьбы, позднее один из организаторов испанской рабочей партии (1879) и основатель центрального партийного органа «Социалист» (1886); М. автор первой биографии Маркса на испанском языке и переводчик «Коммунистического манифеста» — 655.
- Меттерних, Клеменс-Лотар-Венцель, князь (1773 — 1859) — австрийский государственный деятель, крайний реакционер, в 1809 — 1848 гг. министр иностранных дел, в 1821 — 1848 гг. имперский канцлер; вдохновитель ряда реакционных союзов в Европе — 148, 179, 539.
- Мещерский, Владимир Петрович, князь (1839 — 1914) — представитель реакционного русского дворянства второй половины XIX века, противник самых умеренных реформ; издавал «Дело» и «Дружеские Речи» — журналы черносотенного направления — 313.
- Мидхат-паша (1825 — 1884) — турецкий политический деятель, лидер партии «Молодая Турция», англофил, в 1875 г. министр юстиции, в 1872 и с 1876 г. великий визирь, в 1879 г. канцлер Сирии — 380.
- Микель, Иоганнес (1828 — 1901) — прусский банкир, национал-либерал, в молодости бывший одно время членом Союза коммунистов; в 1867 — 1877 и 1887 — 1890 гг. член рейхстага, в 1890 — 1901 гг. министр финансов — 447.
- Миллс, Даркус-Огден (1825 — 1910) — американский финансист, миллионер — 611.

- Мирэ (Mirés), Жюль (1809 — 1871) — французский банкир — 489.
- Миттлер, Эрнст-Зигфрид (1785—1870) — немецкий издатель и книготорговец — 132.
- Михайловский, Николай Константинович (1842 — 1904) — русский публицист и литературный критик, идеолог либерального народничества и враг марксизма, глава «субъективной школы в социологии»; сотрудник, затем редактор «Отечественных Записок» — 375 — 377.
- Мицкевич, Адам (1798 — 1855) — крупнейший польский поэт-романтик и публицист, идеолог мелкого дворянства — 159.
- Молль, Иосиф (ум. в 1849 г.) — часовщик из Кельна, член Центрального комитета Союза коммунистов, участник баденского восстания; погиб в битве при Мурге — 326, 674.
- Мольтке, Гельмут-Карл-Бернгард, граф де (1800 — 1891) — прусский фельдмаршал; в 1857 — 1888 гг. начальник генерального штаба — 119, 131 — 133, 363 — 365, 381, 382.
- Монк, Чарльз-Дж. (род. в 1824 г.) — английский государственный деятель, либерал-унионист, член парламента с 1865 по 1885 г., президент объединенной торговой палаты — 570.
- Морган, Эдвин-Денисон (1811—1883) — американский финансист, республиканец, с 1862 г. сенатор — 611.
- Морелли (Morelly) — французский утопист-коммунист XVIII столетия; главное произведение М., «Кодекс природы», вышло анонимно в 1775 г. — 509.
- Морлей, Джон (1838 — 1923) — английский публицист, либерал, в 1883 — 1895 гг. член парламента, в 1880 — 1883 гг. редактор «Pall Mall Gazette» — 381.
- Морлей, Семюэл (1809—1886) — английский либерал; в 1865 г. и в 1868—1885 гг. член парламента — 128 — 129.
- Мост, И. ганн (1846 — 1906) — немецкий социал-демократ, затем анархист; с 1871 г. редактор социал-демократической газеты «Chemnitzer Freie Presse»; с 1876 г. редактор «Berliner Freie Presse»; в 1874 — 1878 гг. член рейхстага; после введения закона о социалистах эмигрировал в Лондон, где издавал газету «Freiheit», все более и более склонявшуюся к анархизму; в 1880 г. исключен из партии и переехал в САСШ, где продолжал вести анархистскую пропаганду — 664 — 666.
- Моттерсгед, Томас — английский тред-юнионист, в 1869 — 1872 гг. член Генерального совета I Интернационала — 128, 382.
- Мунделла, Антонио-Джон (1825 — 1897) — английский либерал, член парламента с 1869 г. — 381.
- Мур, Семюэл — друг Маркса и Энгельса, переводчик «Капитала» и «Коммунистического манифеста» на английский язык — 667.
- Муравьев-Апостол, Сергей Иванович (1796 — 1826) — декабрист, один из руководителей Южного общества — 165.
- Мюллер, Вильгельм (1820 — 1892) — немецкий буржуазный историк, преподаватель гимназии в Тюбингене, автор работы «Politische Geschichte der neuesten Zeit, 1816 — 1889» (1890 г.) — 178.
- Мюльбергер, Артур, д-р (1847—1907) — немецкий публицист, прудонист; кроме разбираемых Энгельсом статей в «Volksstaat», из произведений М. в свое время были известны «Kapital und Zins», Jena 1896; «Studien über Proudhon», Stuttgart 1891 и др. — 58 — 63, 65 — 68, 71 — 80.
- Мюнцер, Томас (1490 — 1525) — немецкий пастор, лютеранин, возглавивший массовое крестьянское восстание; М. требовал полного уничтожения власти попов и князей и организации общества на началах имущественного равенства. М. был взят в плен и казнен — 509.
- Мюффлинг, Карл, барон (1775 — 1851) — прусский генерал, в 1829 г. посредник между Россией и Турцией, с 1841 г. председатель Государственного совета — 383 — 384.

Н.

- Наварро, Дж. Д. — американский капиталист — 612.
- Наполеон, принц Жозеф-Шарль-Поль (насмешливое прозвище Плон-Плон) (1822 — 1891) — кузен Наполеона III, глава «левых» бонапартистов — 417.
- Наполеон I (1769 — 1821) — французский император (1804 — 1814) — 28, 155, 160, 169, 179, 363, 510, 512, 517, 539, 643.
- Наполеон III (Луи Бонапарт) (1808 — 1873) — французский император (1851 — 1870) — 7, 18, 39, 43, 51, 54, 84, 97, 169 — 170, 178, 198, 221, 284, 355, 385, 402, 405, 416 — 417, 589, 672.

- Нерон, Клавдий (37 — 68) — римский император (54 — 68) — 606 — 607.
- Нессельроде, Карл Васильевич, граф (1780 — 1862) — русский дипломат, в 1822 — 1856 гг. — министр иностранных дел — 385.
- Нечаев, Сергей Геннадиевич (1847 — 1882) — анархист-бакунист, организатор студенческих заговорщических кружков в России, в 1872 г. был выдан России швейцарским правительством и посажен в Петропавловскую крепость — 234, 236, 238, 249.
- Николай Николаевич (1831 — 1891) — великий князь, сын Николая I, в 1877 — 1878 гг. — главнокомандующий русской армией — 679.
- Николай I (1796 — 1855) — русский император (1825 — 1855) — 148, 165, 167 — 168, 179, 184 — 185, 221, 313, 383, 409, 548, 679.
- Ноблинг, Карл-Эдуард (1848—1878) — немецкий агроном, анархист, в июне 1878 г. произвел неудачное покушение на германского императора Вильгельма I, после чего покончил самоубийством. Покушения Геделя и Ноблинга послужили для Бисмарка поводом для издания законов против социалистов — 424, 432, 621.
- Нобль, Джон (1827 — 1892) — английский публицист, сторонник Лиги против хлебных законов — 578 — 581.
- Носикова, Ольга Александровна, урожд. Киреева (род. в 1840 г.) — русская публицистка, в 70-х годах жила в Лондоне, играла роль дипломатического агента русского правительства при Гладстоне во время русско-турецкой войны; автор книги «Russia and England, a protest and an appeal», встретившей сочувственный отзыв Гладстона — 676 — 680.
- Ньютон, Исаак (1642 — 1727) — английский математик и физик, открывший основные законы механики, метод дифференциального и интегрального исчисления и др. — 523, 525.
- О.**
- Оджер, Джордж (1820 — 1877) — тред-юнионист, по профессии сапожник, один из основателей первого Интернационала, председатель Генерального совета, позднее ренегат — 128, 431.
- О'Донован-Росса, Джеремиан (1831 — 1915) — ирландский националист (феений), осужден в процессе 1865 г.; после амнистии в 1870 г. переехал в Америку, где издавал «The United Irishman» — 620, 646.
- О'Коннель, Даниэль (1775 — 1847) — лидер ирландских националистов, основатель клерикальной Национальной лиги, член английского парламента — 130, 619, 622.
- Оливье, Эмиль (1825 — 1913) — французский политический деятель, реакционер, в 1857 — 1870 гг. депутат Законодательного корпуса, в 1870 г. глава «либерального» кабинета Луи Бонапарта — 93.
- Орелль де-Паладин (Д'Орелль), Луи-Жан-Батист (1804 — 1877) — французский генерал — 363 — 365.
- Орлов, Алексей Федорович, князь (1786 — 1861) — русский дипломат, уполномоченный при мирных переговорах 1829 г. в Адрианополе — 384.
- Осборн, Джордж Морган (1826 — 1897) — английский либерал — 382.
- Осман (Hausmann), Жорж - Эжен (1809 — 1891) — французский чиновник, префект департамента Сены при Наполеоне III (1853 — 1870), с 1871 г. директор Crédit mobilier, в 1877 — 1881 гг. бонапартистский депутат; О. известен проведением широкого плана буржуазного переустройства Парижа и переселения рабочих на окраины города — 7, 55.
- Оуэн, Роберт (1771 — 1858) — 36—37, 92, 142, 509, 511, 516 — 518, 625, 682.

П.

- Павиа-и-Родригес де Альбукерке, Мануэль (Pavia y Rodrigues de Albuquerque) (1827 — 1895) — испанский генерал, военный писатель и государственный деятель, в 1873 г. произвел государственный переворот в пользу Кастелляра, в 1876 г. избран в Кортесы, с 1880 г. пожизненный сенатор — 116, 119 — 120, 263.
- Пален, Петр Петрович, граф (1778 — 1864) — русский генерал, участник кампании 1829 г., уполномоченный при мирных переговорах в Адрианополе — 384.
- Пальмерстон, виконт, Генри Джон Темпл (1784 — 1865) — английский политический деятель, виг, министр иностранных дел (1830 — 1841 и 1846 — 1852), внутренних дел (1830 — 1855) и премьер-министр (1855 — 1858 и 1859 — 1865) — 326, 416, 672.
- Пеллисер — см. Фарга.
- Перейр, Исаак (1806 — 1880) — фран-

- дузский финансист, в молодости был последователем Сен-Симона, позднее один из основателей банка *Crédit mobilier* — 53, 486, 489.
- Персий, Флакк (34 — 62) — римский сатирик из школы стоиков — 607.
- Пестель, Павел Иванович (1793—1826)— декабрист, основатель и руководитель Южного общества — 165.
- Петр I (Великий) (1672 — 1725) — русский император (1682 — 1725) — 148, 220, 255.
- Петр III (1728 — 1762) — русский император (1761 — 1762) — 262.
- Петроний-Арбитр (I в. хр. э.) — римский писатель эпохи Нерона, предполагаемый автор романа «Сатирикон», где дан ряд бытовых картин из жизни разлагающегося римского общества нероновской эпохи — 606.
- Пи-и-Маргалль, Франциско (Pi-y-Margall) (1824 — 1901) — вождь левого крыла испанских федералистов; в 1868 г. член кортесов, в 1873 г. министр внутренних дел и президент — 107, 112, 116, 119, 181.
- Пиндер, Фридрих-Эдуард (ум. в 1875 г.) — силезский юрист, обер-президент Бреславля, член левой Прусского национального собрания — 335.
- Платон (427 — 348 до хр. э.) — греческий философ-идеалист — 471.
- Плиний, Кай-Секунд (Плиний старший), (23 — 79) — римский писатель и ученый, автор 37-томной «Естественной истории» — 471.
- Погодин, Михаил Петрович (1800 — 1875) — русский реакционный историк, славянофил, в 1826 — 1844 гг. профессор истории в Московском университете, с 1841 г. академик — 218.
- Помпадур, маркиза де, Жанна-Антуанетта Пуассон (1721 — 1764) — любовница Людовика XV — 233.
- Портлендский герцог — см. Бентинк-Скотт.
- Поттер, Джордж (1832 — 1893) — тредюнионист, директор Лондонской газеты «Beehive» (Улей), одного из органов I Интернационала — 128.
- Правитель империи — см. Иоганн, эрцгерцог австрийский.
- Прудон, Пьер-Жозеф (1809 — 1865) — французский мелкобуржуазный социалист, анархист; противник политической борьбы; к переустройству общества стремился путем организации распределения посредством «Банка трудового обмена», дарового кредита и т. п.; идеолог «мютюэллизма» — 5, 7, 9 — 14, 16 — 21, 23 — 25, 30, 32, 58 — 60, 62 — 63, 66 — 71, 74, 76 — 78, 80, 92 — 93, 95, 182, 192 — 193, 292, 414.
- Пугачев, Емельян Иванович (ок. 1744 — 1775) — донской казак, бежавший с царской службы и под именем Петра III ставший во главе крестьянского восстания, охватившего все Поволжье и часть Сибири; казнен в Москве — 262.
- Пухта, Георг-Фридрих (1798 — 1846) — немецкий юрист, профессор в Марбурге, Лейпциге и Берлине, один из крупнейших представителей исторической школы права. Главные сочинения: «История римского права» и «Энциклопедия права» — 478.
- Пфуль, Эрнст (1779 — 1866) — прусский генерал, в 1848 г. военный губернатор Берлина, затем министр-президент и военный министр Пруссии — 326.

Р.

- Рамм, Герман — лейпцигский социал-демократ, один из редакторов «Volksstaat» — 294.
- Ранье, Габриэль (1828 — 1879) — французский революционер, бланкист, член Генерального совета I Интернационала и участник Парижской коммуны; приговоренный к смертной казни после падения Коммуны, эмигрировал в Англию — 96, 674.
- Рау, Карл-Генрих (1792 — 1870) — немецкий буржуазный экономист, с 1839 г. член первой баденской палаты, в 1848 г. член предпарламента; с 1834 г. Р. издавал «Archiv der Politischen Oekonomie» — 454, 460, 463, 466, 469 — 470.
- Рейский принц, Генрих VII (1825 — 1906) — прусский дипломат, имперский посол в Петербурге (1871—1876) и в Вене (1878 — 1894), с 1874 г. генерал-адъютант императора Вильгельма — 366, 384.
- Рейтер, Фриц (1810 — 1874) — популярный немецкий писатель; в 30-х годах за участие в движении «демагогов» был привлечен к суду и приговорен к смертной казни по обвинению в государственной измене, однако был «помилрован» и получил 30 лет кресты; освобожден в 1840 г. по всеобщей амнистии — 321.
- Рейтер, Юлиус, барон (1821 — 1899) — основатель известного телеграфного агентства — 424.
- Рело (Reuleaux), Франц (1829 — 1905) — немецкий инженер, известен в обла-

- сти применения научных методов к технике машиностроения; в 1870 г. комиссар Германской империи на мировой выставке в Филадельфии—487.
- Ренад, Эрнест (1823 — 1892) — французский теолог и историк, идеалист, автор книги «Жизнь Иисуса» (1863 г.) — 432, 602.
- Ренард (Renard), граф — 338.
- Решауэр, Генрих, д-р (род. в 1838 г.) — австрийский журналист, редактор радикальной газеты «Volksstimme» в Граце, в 1871 г. написал «Предложение к скорому и полному устранению жилищной нужды в Вене» — 73.
- Решид-паша, Мустафа (1802 — 1858) — турецкий государственный деятель, с 1820 г. референт в министерстве иностранных дел, в 1837 — 1838 и 1839 — 1841 гг. министр иностранных дел, позднее великий визирь (1846 — 1852 и 1856 — 1857) — 383.
- Рикардо, Давид (1772 — 1823) — 94, 290, 456 — 457, 475, 563.
- Риполь (Ripoll) — испанский офицер — 120.
- Рихтер — псевдоним К. Гехберга (см.).
- Ришар, Альбер — бакунист, вожь лионской секции Альянса, участник бакунистского путча в сентябре 1870 г. в Лионе; позднее эмигрант в Лондоне, где участвовал в борьбе против Генерального совета — 97.
- Робертс, Генри (ум. в 1876 г.) — английский архитектор, филантроп, занимался изучением жилищных условий рабочего класса в Англии, Бельгии и Италии — 27.
- Робеспьер, Максимилиан (1758 — 1794) — вожь якобинцев в эпоху Великой французской революции; казнен после контрреволюционного переворота 9 Термидора (27 июля) — 183, 230, 370.
- Родбертус-Ягцов, Иоганн-Карл (1805 — 1875) — немецкий буржуазный экономист — 453, 467, 469 — 470, 472 — 475.
- Ройер — прусский посол в Константинополе с 1829 г. — 384.
- Рокфеллер, Джон-Девисон (род. в 1839 г.) — крупнейший американский капиталист, «нефтяной король» — 611.
- Рольстон — английский публицист — 313.
- Роон, Альбрехт-Теодор-Эмиль, граф фон (1803 — 1879) — прусский фельдмаршал, с 1859 г. — военный министр; провел реформу прусской армии — 86.
- Россель, Френсис-Чарльз-Гестингс, герцог Бэдфорд (1819 — 1891) — английский аристократ, в 1847 — 1872 гг. член парламента, с 1879 г. президент Королевского сельскохозяйственного общества — 48.
- Россель-Сейдж — см. Сейдж.
- Рост, Валентин-Христиан-Фридрих (1790 — 1862) — немецкий филолог, составитель «Греческо-немецкого словаря» (1820 г.) — 471.
- Ротшильд, Ансельм-Амшель-Мейер (1743 — 1812) — миллионер, основатель известного банкирского дома во Франкфурте н/М. — 611.
- Рошфор, Анри (1830 — 1913) — французский публицист, в период империи один из лидеров лево-республиканского движения; был приговорен к каторге и бежал в Лондон, где издавал «La Lanterne»; позднее возвратился во Францию и был избран в парламент (1885); в 1889 г. примкнул к заговору Буланже — 646.
- Руге, Арнольд (1802 — 1880) — немецкий радикальный публицист, левогельянец, издатель «Deutsche Jahrbücher» и «Deutsch-Französische Jahrbücher», с 1866 г. сторонник Бисмарка — 414, 682.
- Руссо, Жан-Жак (1712 — 1778) — 508, 510, 520.
- Ра, Теодор — адвокат, член Франкфуртского национального собрания — 354.

С.

- Садек-эффенди — турецкий дипломат, уполномоченный во время мирных переговоров 1829 г. в Адрианополе — 383.
- Сальмерон-и-Алонзо, дон Николас (Salmeron y Alonso) (1838-1908) — испанский буржуазный республиканец, с 1865 г. член республиканского комитета в Мадриде, в 1871 г. избран в кортесы, в 1873 г. министр юстиции, затем президент кортесов, с 1881 г. профессор в Мадриде — 107.
- Северино-Альбаррасин — см. Альбаррасин.
- Сейдж, Россель (1816 — 1906) — американский капиталист, миллионер — 611.
- Сенека, Люций-Анней (3 до хр. э. — 65) — римский придворный философ, стоик, воспитатель императора Нерона — 603, 605 — 607.
- Сен-Симон, Анри-Клод де-Рувруа (1760 — 1825) — 92, 142, 182, 193, 509, 511 — 514, 524, 625.
- Серайе, Огюст (род. в 1840 г.) — французский революционер, по профессии

- сапожник, член Генерального совета I Интернационала, член Парижской коммуны — 96.
- Сервера, Рафаэль (Cervera) (1828 — 1908) — врач, в 1870 г. сотрудник испанской республиканской газеты «La Republica Federal», член кортесов — 116.
- Серрано-и-Домингес, Франциско, герцог де-ла-Торре (1810 — 1885) — испанский генерал, фаворит королевы Изабеллы, в 1862 — 1863 гг. министр иностранных дел, затем президент сената; во время восстания 1868 г. разбил войска королевы Изабеллы и стал регентом до вступления на престол короля Амадео — 233 — 234.
- Скалдин, В. (псевдоним Ф. П. Еленева) (1828 — 1902) — русский публицист, сотрудник «Отечественных Записок», в 60-х годах либерал, позднее держался реакционных взглядов — 261.
- Слегг (Slegg) — депутат в английский парламент от Манчестера (1881) — 570.
- Слоун (Sloane), Семюэл (род. в 1819 г.) — американский железнодорожный предприниматель — 611.
- Смит, Адам (1748 — 1790) — 457.
- Солсбери, Роберт-Артур-Тальбот, маркиз (1830 — 1903) — английский консерватор, в 1876 г. посланник на конференции в Константинополе, в 1878—1880 гг. министр иностранных дел, позднее премьер — 379, 381.
- Солт, Тугус (1803 — 1863) — владелец текстильной фабрики в графстве Вэдфорд, в 1856 г. председатель местной торговой палаты, в 1859 — 1861 гг. член парламента, либерал — 40.
- Сория-Санта-Крус, Федерико де (1815—1891) — испанский генерал — 116.
- Спартак — вождь восстания римских рабов (73 — 71 до хр. э.) — 607.
- Спиноза, Бенедикт (1632 — 1677) — 520.
- Станфорд, Леленд (1824 — 1893) — американский капиталист, в 1861 — 1863 гг. губернатор Калифорнии, в 1885 — 1891 гг. — сенатор — 611.
- Стефан Сильный (Урош IV), по прозвищу Душан (1308 — 1355) — сначала король, затем царь сербский (1331 — 1355), объединивший под своей властью почти все сербские земли; прозвище Д. получил потому, что вззошел на трон посредством дворцового переворота, приказав задушить своего отца — 159.
- Стретт, Дженедиа (1726 — 1797) — фабрикант из Бельпера в английском графстве Дербишир — 40 — 41.
- Т.
- Талер, Карл — корреспондент «Neue Freie Presse» — 232, 238.
- Тамерлан (1336—1405) — один из потомков Чингис-хана, основатель огромной средне-азиатской империи — 177.
- Тацит, Публий-Корнелий (55 — 120) — древне-римский историк, описавший экономический и социальный быт древних германцев — 606, 631 — 633.
- Тельне, Вильгельм (1817 — 1893) — немецкий лассальянец; после ухода Б. Беккера (1865) короткое время был председателем Всеобщего германского рабочего союза — 288, 293.
- Тессендорф, Герман-Эрнст-Христиан (1831 — 1895) — прусский юнкер, в 1864 — 1873 гг. прокурор в Бурге и Магдебурге, затем член Королевского городского суда в Берлине, в 1879 — 1885 гг. президент верховного судебного сената в Кенигсберге и Наумбурге, с 1885 г. президент Уголовного сената Королевского суда в Берлине; организатор преследований социал-демократии — 367, 674.
- Тиберий — римский император (14 — 37) — 606.
- Тильден, Семюэл-Джонс (1814—1886) — один из лидеров американской демократической партии, в 1874 г. губернатор Нью-Йорка — 611.
- Ткачев, Петр Никитич (1844 — 1885) — русский мелкобуржуазный революционер, с 1865 г. сотрудник журнала «Русское Слово», в 1868 г. сблизился с Нечаевым и вскоре был осужден по его делу, в 1873 г. бежал за границу, где примкнул к бланкистам; в 1875 — 1881 гг. издавал в Женеве журнал «Набат» — 235 — 237, 239, 241 — 246, 248 — 249, 251, 253, 256 — 263.
- Толен, Анри-Луи (1828 — 1897) — французский рабочий, чеканщик по бронзе, один из участников организации I Интернационала, прудонист; во время Коммуны перешел на сторону версальцев; позднее сенатор — 429.
- Томпсон, Томас-Перронет (1783 — 1869) — английский либерал, один из лидеров фритредерского движения — 581.
- Трейчке, Генрих (1834 — 1896) — немецкий консервативный историк и публицист, в 1866 — 1889 гг. редактор «Preussische Jahrbücher», с 1886 г. назначен историографом прусского государства, в 1871 — 1888 гг. член рейхстага; примыкал к национал-либералам — 204, 624.

- Трошю, Жюль (1815 — 1896) — французский генерал, в 1870 г. председатель «правительства национальной обороны» — 360, 365.
- Трубецкая, княгиня — 679.
- Тук, Томас (1774 — 1856) — английский экономист и статистик, сторонник так называемого «banking principle», буржуазной теории регулирования обращения банкнот. Главная работа: «История цен и денежного обращения 1793 — 1856 гг.» — 480.
- Тьер, Луи-Адольф (1798 — 1877) — представитель правого крыла французской буржуазии, премьер-министр (1836 — 1840), глава версальского правительства 1871 г. и палач Коммуны, президент Третьей республики (1871 — 1873); автор ряда работ по истории Франции — 153 — 154, 360, 402, 405, 679.
- У.**
- Уланд, Людвиг (1787 — 1862) — немецкий поэт, член Франкфуртского национального собрания — 354.
- Ульрих, ассессор — 233.
- Уркварт, Давид (1805 — 1877) — английский политический деятель, ярый руссофоб — 424.
- Ф.**
- Фавр, Жюль (1809 — 1880) — французский буржуазный республиканец, член «правительства национальной обороны», министр иностранных дел; Ф. помогал Тьеру в деле удушения Парижской коммуны, был одним из вдохновителей преследований против I Интернационала — 360, 431.
- Фарга-Пеллисер, Рафаэль — наборщик, член I Интернационала, альянсист, делегат на конгрессах Интернационала в Базеле (1869) и в Гааге (1872) — 113.
- Фаухер, Юлиус (1820 — 1878) — немецкий публицист, вундташный экономист, сторонник свободной торговли, в 40-х годах левогегельянец, позднее один из основателей берлинской газеты «Abendpost»; член редакции фритредерской «Morning Star» в Лондоне; с 1861 г. член прусской палаты депутатов, прогрессист — 27.
- Файербих, Людвиг (1804 — 1872) — 181.
- Фейр, Джемс-Грехем (1831 — 1894) — американский миллионер, в 1881 — 1885 гг. сенатор — 611.
- Филалет — см. Иоганн Непомук.
- Филон (ок. 20 до хр. в. — 50) — представитель эллинистической образованности I в. хр. э., родоначальник аллегорического толкования библии — 603 — 605.
- Филадельф, Киркус-Уэст (1819 — 1892) — американский предприниматель, выполнявший крупнейшие подряды на прокладку электрического кабеля в Индию, Южную Америку и др. страны — 611.
- Фирек, Луи (1851 — 1921) — немецкий социал-демократ, дюрингианец; в эпоху исключительных законов один из лидеров правого крыла партии, в 1884 — 1886 гг. член рейхстага, оппортунист; в конце 80-х гг. эмигрировал в Америку и отошел от социалистического движения — 434, 437 — 438, 440, 442.
- Фихте, Иоганн-Готтлиб (1762 — 1814) — 178, 625.
- Флеровский (литературный псевдоним Василия Васильевича Берви) (1829 — 1918) — русский писатель народнического направления, автор книги «Положение рабочего класса в России» (1869) — 258.
- Флокон, Фердинанд (1800 — 1866) — французский буржуазный радикал, в 1845 — 1848 гг. редактор республиканской газеты «Réforme», член временного правительства 1848 г.; после переворота Луи Бонапарта изгнан из Франции — 415.
- Флуранс, Густав (1838 — 1871) — член военной комиссии Коммуны и редактор журнала «Marseillaise»; убит во время вылазки войск Коммуны 3 апреля 1871 г. — 646.
- Фогт, Карл (1817 — 1895) — немецкий естествоиспытатель и публицист, член Франкфуртского национального собрания и имперского регентства, в эмиграции один из лидеров мелкобуржуазной демократии; с 1852 г. профессор в Женеве, платный агент бонапартизма; разоблачен в памфлете Маркса «Карл Фогт», см. т. XII, ч. I. — 96, 202, 355 — 356, 417.
- Фойгт-Ретц, Юлиус фон (1823 — 1904) — прусский генерал, участник войны 1870 — 1871 гг., с 1873 г. директор общего военного департамента; позднее генеральный инспектор артиллерии — 210.
- Форстер, Вильям-Эдуард (1819 — 1886) — английский либерал, с 1861 г. член парламента, в 1856 — 1866 гг. товарищ министра колоний, с 1880 г. — секретарь по делам Ирландии, противник гомруля — 382, 585, 537.

Франц II (1768 — 1835) — последний (австрийский) император т. наз. священной римской империи (1792 — 1806) — 220.

Франциско-Томас — альянсист, секретарь Федеральной комиссии в Алькове, участник восстания 1873 г. — 115.

Фрибур, С. Г. — гравер, член парижской секции I Интернационала, прудонист; после Брюссельского конгресса (1868 г.) отошел от Интернационала — 429.

Фридрих II (Великий) (1712 — 1786) — прусский король (1740 — 1786) — 83, 148, 220.

Фридрих Вильгельм II (1744 — 1797) — прусский король (1786 — 1797) — 220.

Фридрих-Вильгельм III (1770—1840) — прусский король (1797 — 1840) — 179, 383, 413, 540.

Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — прусский король (1840 — 1858) — 82 — 83, 184, 339.

Фульд, Ашиль (1800 — 1867) — французский финансист; после революции 1848 г. бонапартист; в 1849 — 1860 и 1861 — 1867 гг. министр финансов; с 1852 г. сенатор — 486.

Фурье, Шарль (1772 — 1837) — 36—37, 92, 142, 174, 509, 511, 514 — 515, 535, 537 — 538, 625.

Х.

Хмельницкий, Зиновий-Богдан Михайлович (род. в конце XVI в. — ум. в 1657 г.) — вождь украинской крестьянской революции 1648 — 1654 гг.; Х. предал движение, обратившись в 1654 г. за помощью к Москве, надеясь таким путем укрепиться в роли узурпировавшего политическую власть гетмана — 167.

Хозе-Меса-и-Леопарт — см. Меса.

Ц.

Цезарь, Гай-Юлий (ок. 102 — 44 до хр. э.) — древне-римский диктатор (48 — 44 гг.); автор «Записок о Галльской войне» — 604, 631 — 632.

Циман, Адольф (1807 — 1842) — немецкий филолог, германист — 472.

Ч.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828 — 1889) — 235.

Ш.

Шаппер, Карл (1813 — 1870) — немецкий революционер, один из руководи-

телей Союза справедливых и член ЦК Союза коммунистов; в 1850 г. вместе с Виллихом стал во главе ультра-«левой» фракции Союза коммунистов, борющейся против Маркса; через несколько лет после раскола Ш., будучи председателем Лондонского рабочего просветительного союза, вновь перешел на сторону Маркса — 201 — 202, 674, 683.

Шварценберг, Феликс, князь (1800 — 1852) — австрийский дипломат и государственный деятель, с 1846 г. посол в Неаполе; в 1848 г., после сдачи Вены, министр иностранных дел и премьер-министр контрреволюционного правительства, опиравшегося на помощь царской России — 184.

Швейцер, Иогани-Балгист фон (1833 — 1875) — один из виднейших вождей лассальянцев, с 1865 по 1871 г. председатель Всеобщего германского рабочего союза; в 1865 г. основал газету «Sozial-Demokrat», на которую получил субсидию от Бисмарка — 444.

Шерваль, Франк-Юлиус (настоящая фамилия Кремер) — известный еще под фамилией Ньюджент, шпион и провокатор; был руководителем одной из парижских общин антимарксовской группы Союза коммунистов — 201.

Шерцер, Андрей (1807 — 1879) — немецкий эмигрант в Лондоне, член Коммунистического рабочего просветительного союза — 675.

Шеффле, Альберт (1831 — 1903) — немецкий буржуазный социолог, вулгарный экономист; представитель «социально-этической» школы; в 1871 г. министр торговли и земледелия в Австрии — 453, 456, 458 — 459, 470, 476 — 477.

Шинтон, Джордж — английский тред-юнионист, либеральный рабочий политик, редактор лондонской «Labour Standard» — 382.

Шнейдер, Эжен (1805 — 1875) — французский фабрикант; в 1836 г. основал сталелитейный и машиностроительный завод в г. Крезю — 42.

Шорлеммер, Карл (1834 — 1892) — немецкий химик, член Лондонской Академии наук, друг Маркса и Энгельса — 657.

Шрамм, Карл-Август — немецкий экономист, либерал, с начала 70-х годов, участник социал-демократического движения, один из сотрудников гехберговского «Jahrbuch» (см.); в 1884—1886 гг. выступал с критикой марксист-

- ма, позднее отошел от социал-демократического движения — 440.
- Шталь, Фридрих-Юлиус (1802—1861) — прусский реакционер; с 1849 г. — пожизненный член прусской палаты господ, в которой возглавлял реакционную феодальную партию, сотрудник «Kreuz-Zeitung» — 85.
- Штейн, Карл (1757—1831) — немецкий политический деятель, умеренный либерал, в 1807—1808 г. глава прусского министерства; преследуемый Наполеоном I, бежал в Австрию, а затем (1812 г.) в Россию; в 1813 г. участвовал в кампании против Наполеона — 83.
- Штенцель, Густав-Адольф (1792—1854) — немецкий историк, член Франкфуртского национального собрания — 352.
- Штибер, Вильгельм (1818—1882) — директор прусской политической полиции, организатор кельского процесса коммунистов 1852 г.; во время войн 1866 и 1870—1871 гг. стоял во главе контрразведки — 201—203, 323.
- Штирнер, Макс (псевдоним Иоганна Каслара Шмидта) (1806—1856) — немецкий философ, теоретик мелкобуржуазного индивидуализма и анархизма, в молодости примыкал к левогегельянцам — 182.
- Штрусберг, Бетель-Генри (1823—1884) — немецкий финансист и предприниматель — 53, 447.
- Шувалов, Петр Андреевич, граф (1827—1889) — петербургский обер-полицейстер, управляющий III отделением императорской канцелярии, с 1866 по 1874 г. шеф жандармов — 433, 676, 679, 681.
- Шульце-Делич, Франц-Герман (1808—1883) — немецкий экономист, умеренный либерал; в 60-х годах выступал среди рабочих с проповедью кооперации, противопоставляя агитацию Ласалю точку зрения гармонии интересов труда и капитала — 73, 185.
- Шюйлер (Schüyler) — 676—677, 680—681.
- Э.**
- Эбер, Жак-Рене (1757—1794) — деятель Великой французской революции, редактор «Père Duchêne», один из вождей клуба Кордельеров; казнен Робеспьером — 226.
- Эбердин, Джордж-Гамильтон, Гордон, граф (1784—1860) — английский торий, затем либерал-консерватор; министр иностранных дел (1828—1830 и 1841—1846), премьер министр (1852—1855) — 383, 384.
- Эвелинг, Элеонора — см. Маркс Элеонора.
- Эйленбург, Вото, граф (1831—1912) — прусский юнкер, в 1869 г. правительственный президент в Висбадене, в 1878—1881 гг. в качестве министра внутренних дел защищал закон о социалистах в прусском рейхстаге, с 1899 г. член прусской палаты господ — 674.
- Эйнерн, Эрнст (1837—1906) — фабрикант в Бармене, прусский депутат, автор брошюры против социал-демократии — 624.
- Эйхгорн, Иоганн-Альбрехт-Фридрих (1779—1856) — прусский государственный деятель, с 1815 г. член Государственного совета, в 1840—1848 гг. министр просвещения — 339.
- Эккарнус, Георг (1818—1889) — портной из Тюрингии, член Союза коммунистов; до 1871 г. заместитель председателя и секретарь Генерального совета Интернационала, позднее ренегат, участник английского тредюнионистского движения — 101, 128.
- Энгель, Эрст (1821—1896) — немецкий статистик, в 1860—1882 гг. начальник Прусского статистического бюро в Берлине; статистически доказал закон убывания доли расходов на пищу по мере возрастания доходов семьи («Закон Энгеля») — 590.
- Энгельс, Фридрих (1820—1895) — 63, 68, 72, 74, 111, 147, 163, 183, 185, 195, 244, 247, 267, 288, 294, 367, 414, 434, 549, 551, 601, 614, 625, 652, 654, 658, 671, 674 — 675, 682 — 683.
- Эпикур (341—270 до хр. э.) — древнегреческий философ, основатель материалистической философской школы в Афинах, получившей имя своего основателя (эпикурейцы) — 608.
- Д'Эрлах, Франц (1819—1889) — швейцарский адвокат, офицер и военный писатель, автор книги «Освободительные войны малых народов» — 364.
- Эшв-рт, Эдмунд (1801—1881) — английский либеральный фабрикант в Ланкашире, противник хлебных законов — 40—41, 43.
- Эштон, Томас — фабрикант в Гайде (Англия) — 40, 41, 43.
- Ю.**
- Юнг, Герман (1830—1901) — часовщик из Швейцарии, участник германской революции 1848 г., позднее

эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала; до 1871 г. сторонник Маркса — 101.

Я.

Якоби, Иоганн (1805—1877) — немецкий демократ, участник революции

1848 г.; в 1872 г. примкнул к социал-демократической партии и был избран в рейхстаг (1874), но демонстративно отказался от мандата — 152, 198.

Яков II (1633—1701) — английский король (1685 — 1689) — 614.

ИМЕНА ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ.

А.

Аполлон — древне-греческий и римский бог солнца, света, искусства — 604.

Ахилл — герой древне-греческого сказания о Троянской войне, воспетый в «Илиаде» как величайший из всех воинов, бывших под Троей, превосходивший других своей красотой, силой и храбростью — 236, 245, 305.

Б.

Брезиг — комический персонаж из рассказов Фрица Рейтера — «Приключение инспектора Брезига» и «Письма инспектора Брезига» — 69.

В.

Венера — древне-римская богиня любви; в германском народном сказании о Тангейзере фигурирует гора Герзельберг, являющаяся местопребыванием прекрасной языческой богини Гольды (или Венеры). Вход в пещеру Герзельберг есть вход в чистилище, который тщательно охраняется — 237.

Г.

Гамлет — герой произведения В. Шекспира «Гамлет, принц датский» — 226.

Гефест — в греческой мифологии сын Зевса и Геры, бог огня и кузнечного искусства; по приказанию отца, Г. приковал к каменной скале Прометей, похитившего с неба огонь — 536.

Д.

Дева Мария — 237.

Джон Булл (Джон Бык) — прозвище английской буржуазии, получившее широкое распространение со времени появления политической сатиры Абернета «History of John Bull» (1704 г.) — 125, 20, 621.

Дон-Кихот Ламанчский — герой одноименного произведения испанского писателя XVI века Сервантеса, изображенный в виде рыцаря-идеалиста,

дравшегося с ветряными мельницами и ежечасно попадавшего в комическое положение — 624.

И.

Иегова — ветхозаветное имя бога у евреев — 181, 604.

Израиль (древне-еврейское «богоборец») — прозвище библейского Иакова, распространенное позднее на все его потомство; народ израильский — народ еврейский — 609.

Иисус Христос — 603, 605.

Иоанн Богослов — мифический автор четвертого Евангелия, ряда посланий и Апокалипсиса, один из 12 апостолов Иисуса Христа — 605, 609.

К.

Карлхен Мисник — см. примечание на стр. 235. — 235, 241, 245, 247.

Л.

Лазарь — имя из евангельской притчи о богаче и бедняке — 607.

М.

Маммон (древне-сирийское «сокровище») — божество богатства и накопления — 594.

Мария Магдалина — в евангелических сказаниях женщина из г. Магдалы, постоянно сопровождавшая Христа, после того как он изгнал из нее бесов — 96.

Мерс — персонаж из стихотворения Ф. Шиллера «Die Burgschaft»; выражение «Мерс с кинжалом» («Mörs, den Dolch im Gewande») стало впоследствии крылатой фразой в Германии — 226.

Н.

Немезида — в греческой мифологии богиня возмездия — 238.

Нума-Помпилий — один из семи легендарных «царей» доисторического Рима — 680.

П.

Павел — мифический апостол христианства, один из первых его проповедников; в христианском мире апостолу П. приписывалось авторство так называемых «Посланий», написанных на самом деле разными лицами в разное время — 432.

Прометей — мифический основатель человеческой культуры, согласно греческим сказаниям похитивший с неба огонь и научивший людей им пользоваться. В наказание П. был прикован по приказу Зевса к кавказской скале, и орел клевал его печень — 536.

С.

Санчо-Панса — персонаж из «Дон-Кихота Ламанчского» Сервантеса, оруженосец Дон-Кихота — 624.

Ф.

Фальстаф — герой из произведений В. Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские кумушки», олицетворение хвастовства, лжи и обжорства — 115.

Фауст — герой немецкой легенды, воз-

никшей в эпоху Возрождения, и одноименного произведения Гёте. Немецкий композитор Рихард Вагнер (однофамилец Ад. Вагнера) написал в 1839—1842 гг. одно из своих лучших музыкальных произведений — увертюру «Фауст» — 473.

Ш.

Шейлок — действующее лицо из произведения В. Шекспира «Венецианский купец», жадный и мстительный ростовщик — 293.

Э.

Эгерия — в римской мифологии нимфа, покровительница царя Нумы (см.) — 680.

Энкарт — герой древне-германского сказания о Тангейзере, сидевший у входа в пещеру горы Вены (см.) и предостерегавший всех тех, кто хотел войти внутрь. — 237.

Я.

Ягве — см. Иегова.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ.

- Amanasso Repubblicano per l'anno 1874* (Республиканский альманах на 1874 год). Лоди 1873, издатель Э. Биньями — 89, 95, 137.
- Atelier* (Мастерская). Париж 1840—1848 — первый рабочий журнал во Франции; находился под влиянием буржуазного католического социализма Бюше (см.) — 281.
- L'Avvenir Sociale* (Социальное будущее). Пяченца 1873, редактор анархист Крешио — 103.
- Bull tin de la Fédération Jurassienne* (Бюллетень Юрской федерации)— выходил сначала в Сонвилле, затем в Локле и в Шо-де-фон (Швейцария); в 1872—1878 гг. главный орган бакунистов в Швейцарии — 370 — 371.
- Commonwealth* (Республика). Лондон 1866—1867, редактор Г. Эккартус, издатель Ф. Ферга — один из органов Генерального совета Интернационала, первоначально тред-юнионистская газета, до 1866 г. выходившая под заглавием «*Miner and Workmans Advocate*» — 430.
- The Contemporary Review* (Современное обозрение). Лондон, основ. в 1866 г. А. Стрехемом, Т. Ноульсом и П. Бентингтоном — ежемесячный право-либеральный журнал — 675 — 676, 680 — 681.
- The Christian Reader* (Христианский читатель). Лондон 1842—1843. Изд. В. и Т. Джиббонсы — 430.
- Daily News* (Ежедневная газета). Лондон, основ. в 1846 г. — либерально-буржуазная газета — 39, 424, 425, 427, 431, 585, 658, 676 — 678, 680 — 681.
- Demokratisches Wochenblatt* (Демократический еженедельник). Лейпциг 1868—1869 — орган Саксонской народной партии, редактор В. Либкнехт — 293.
- Deutsch-Französische Jahrbücher* (Немецко-французские ежегодники). Париж 1844 — журнал, издававшийся К. Марксом и А. Руге; вышел только первый двойной выпуск — 414, 682.
- Deutsche Brüsseler Zeitung* (Немецкая брюссельская газета). Брюссель 1847—1848. Выходила два раза в неделю; с сентября 1847 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс — 324, 415, 653, 682.
- L'Égalité* (Равенство). Париж 1877 — 1882 — ежедневная социалистическая газета, орган Французской рабочей партии, редакторы Ж. Гед и П. Лафарг — 492, 599, 684.
- La Emancipación* (Освобождение). Мадрид 1871 — 1873 — еженедельный орган испанского федерального совета I Интернационала — 18.
- La Federación* (Федерация). Барселона 1869 — 1872. Главный орган бакунистских секций I Интернационала. Редактор Фарга-Пеллисер — 123.
- Frankfurt r-Zeitung* (Франкфуртская газета). Франкфурт, основ. в 1856 г. — ежедневная буржуазно-демократическая газета — 289, 427.
- Freiheit* (Свобода). Лондон 1879 — 1882 и Нью-Йорк 1882 — 1906 — первоначально еженедельный орган Немецкого коммунистического рабочего просветительного союза в Лондоне под редакцией И. Моста; быстро эволюционируя «влево», газета после исключения Моста из партии заняла открытую анархистскую позицию; позднее (с 1882 г.) именовала себя «органом революционных социалистов» — 439, 666.
- Gartenlaube* (Беседка). Берлин, основ. в 1853 г. — литературно-публицистический иллюстрированный буржуазный журнал, издававшийся Э. Кейлем, затем Э. Цилем — 27.
- Graedannin*. Петербург, 1872 — 1914 — консервативная, а с 80-х гг. открыто-реакционная, журнал-газета, издававшаяся кн. Мещерским (см.) — 213.
- Illustrated London News* (Иллюстрированная лондонская газета). Лондон, основ. в 1842 г. Гербертом Согремом — распротраненный иллюстрированный еженедельный буржуазный орган — 27.

- Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* (Ежегодник социальной науки и социальной политики). Цюрих 1879—1880—социал-реформистский ликвидаторский орган, издававшийся К. Гёхбергом под псевдонимом Л. Рихтер, при участии Эд. Бернштейна, Шрамма и др. — 434, 443.
- Justice* (Справедливость). Париж, основ. в 1880 г.—ежедневная радикальная газета под ред. Ж. Клемансо — 646, 651.
- Kladderadatsch* (Тра-та-та) — распространенный буржуазный сатирический журнал, основанный в 1848 г. в Берлине Д. Калишем в издательстве А. Гофмана — 27.
- Kölnische Zeitung* (Кельнская газета). Основ. в середине XVIII века; позднее большая ежедневная газета национал-либералов — 297, 309, 413.
- «Колокол». Лондон, позднее Женева 1857—1867 (на русском языке) и 1868—1869 (на французском). Издатели А. Герцен и Н. Огарев, с 1870 г.—Бакунин и Нечаев — 600.
- Kreuz-Zeitung* (Крестовая газета) — см. «*Neue Preussische Zeitung*».
- The Labor Standard* (Знамя труда). Нью-Йорк 1876—1879 — еженедельная социалистическая газета — 389.
- The Labour Standard* (Знамя труда). Лондон 1881—1884 — еженедельный орган тред-юнионов под редакцией Шиптона — 559, 562, 569, 574, 577—578, 581, 584, 587, 591, 595.
- Die Laterne* (Фонарь). Бреда (Бельгия) 1878—1879 г.—социал-демократический еженедельник на немецком языке под редакцией К. Гирша; рассылался нелегально в конвертах, в форме письма; проводил решительную борьбу против оппортунистических ошибок правых с.-д. депутатов — 434, 440, 442 — 443.
- Leipziger Tageblatt und Anzeiger* (Лейпцигский ежедневный листок). Лейпциг, основ. в 1807 г. Г. И. Бейгангом — ежедневная судебная и полицейская газета, официальный орган — 131.
- Marschallaise* (Марсельеза). Париж 1869—1870 — ежедневная республиканская газета под редакцией А. Рошфора — 646.
- National-Zeitung* (Национальная газета). Берлин, основ. в 1848 г.—главный орган национал-либералов, до 1875 г. ответственный редактор Ф. Цабель — 424.
- Die Neue Freie Presse* (Новая свободная пресса). Вена; выходила с 1864 г.—ежедневная либеральная газета — 232 — 233, 238.
- Die Neue Gesellschaft* (Новое общество). Цюрих 1877—1880 — ежемесячный социал-реформистский журнал, издававшийся Ф. Виде, при участии Моста, анархиста Гильома, прудониста Мюльбергера и др. — 449.
- Neue Preussische Zeitung* (Новая прусская газета). Берлин, основ. в 1848 г.—орган прусских консерваторов; в обиходе часто называлась *Kreuz-Zeitung* (Крестовая газета), так как под своим заглавием печатала изображение креста — 415.
- Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie* (Новая Рейнская газета. Орган демократии). Кельн 1848—1849. Главный редактор К. Маркс. Кроме Маркса в редакцию входили: Ф. Энгельс, Г. Бюргерс, Г. Веерт, В. Вольф, Ф. Вольф, Э. Дронке и (с октября 1848 г.) Ф. Фрейлиграт — 252, 325, 327—329, 332—335, 338, 340, 343—344, 346—347, 355, 415—416, 653, 683.
- Der Neue Sozial-Demokrat* (Новый социал-демократ). Берлин 1871—1877. Орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, редактор В. Гассельман — 96—97, 104.
- Die Neue Welt* (Новый мир). Лейпциг 1876—1882 — еженедельный социал-демократический литературно-художественный журнал под редакцией правого социал-демократа Б. Гейвера — 317, 335.
- New-Moral-World and Gasette of the Rational Society* (Мир новой морали, газета разумного общества). Лондон 1835—1841, изд. Роберт Оуэн—682.
- New-York-Daily-Tribune* (Нью-Йоркская ежедневная трибуна) — радикально-демократическая республиканская газета, основанная в 1841 г. О. Грили. В газете сотрудничали Маркс и Энгельс — 416, 653.
- New-Yorker Volkszeitung* (Нью-Йоркская народная газета). Нью-Йорк 1878—ежедневная социал-демократическая газета на немецком языке — 612.
- The Nineteenth Century. A monthly review* (Девятнадцатое столетие. Ежемесячное обозрение). Лондон, основ. в 1877 г., редакторы Дж. Ноулс и У. Врей-Скилбек.— 428, 433.
- Norddeutsche Allgemeine Zeitung* (Северо-германская всеобщая газета). Берлин, основ. в 1862 г. Авг. Брассом —

- неофициальный орган Бисмарка — 279, 426.
- The Northern Star* (Северная звезда). Лондон 1838 — 1852 — главный орган чартистов. Редактор Дж. Гарни — 682.
- Nuova Antologia* (Новая Антология). Флоренция, основ. в 1866 г. Ф. Протонотари — орган итальянской крупной буржуазии; в газете сотрудничал А. Лориа — 666.
- «Отечественные Записки». Петербург 1839 — 1884 — ежемесячный журнал, издававшийся А. Краевским (до 1868 г.), позднее — Салтыковым-Щедриным, Н. А. Некрасовым, Г. З. Елисеевым и Н. К. Михайловским; будучи в первый период своего существования органом главным образом западников, «О. З.» постепенно превратились в легальный орган либерального народничества; в 1884 г. журнал был закрыт правительством — 375.
- Pall-Mall-Gazette* (Пэл-Мэл-Газета). Лондон, осн. в 1865 г. — вечерняя консервативная газета — 676, 681.
- Le Père Duchêne* (Отец Дюшен). Париж 1871, во время Парижской коммуны редактор Вермерш (см.). Газета названа так в подражание известной газете Эбера, издававшейся под тем же названием во время Великой французской революции — 226.
- La Plebe* (Плебс). Лондон, позднее Милан 1868 — 1883 — официальный орган итальянской секции I Интернационала; редактор Э. Биньями — 367, 369 — 371.
- Preussischer Staatsanzeiger* — см. *Staatsanzeiger*.
- O Protesto* (Протест). Лиссабон, 1877 — еженедельная социалистическая газета — 397.
- Revue Socialiste* (Социалистическое обозрение). Париж 1880 — ежедневный социалистический журнал, издававшийся Б. Малоном при участии П. Лафарга, Геда; возобновлен Малоном в 1885 г. в качестве теоретического органа французского реформизма — 494, 501, 623, 682.
- Reynold's Weekly Newspaper* (Еженедельная газета Рейнольда). Лондон, основ. в 1850 г. — демократический еженедельник — 216.
- Rheinische Zeitung* (Рейнская газета). Кельн 1842 — 1843, с октября 1842 г. главный редактор К. Маркс — 413, 596, 598, 653.
- Rownose* (Равенство). Женева 1879 — 1881 — ежемесячный нелегальный орган польских социалистов — 549, 551.
- The Secular Chronicle* (Мирская хроника). Бирмингам 1872 — 1879, издатель Гарриет Ло, член Генерального совета — 433.
- Siecle* (Век). Париж 1836 — 1866 — еженедельная политическая газета, орган конституционной оппозиции — 429.
- Solidarité Révolutionnaire* (Революционная солидарность). Барселона 1873 — орган анархистского «Комитета социально-революционной пропаганды Южной Франции» под ред. П. Брусса — 113 — 116.
- Le Socialiste* (Социалист). Париж 1885 — 1913 — ежедневный журнал; до 1902 г. — орган Французской социалистической рабочей партии, при участии Ж. Геда, Г. Девилля и П. Лафарга — 37.
- Der Sozialdemokrat* (Социал-демократ). Цюрих 1879 — 1888 и Лондон 1888 — 1890. Еженедельная нелегальная социал-демократическая газета в эпоху исключительных законов, центральный орган германской социал-демократии под редакцией Г. Фольмара (1879 — 1880) и Э. Бернштейна (с января 1881 г.) — 597, 610, 613, 615, 618, 622 — 623, 647, 652, 657, 658, 661, 668.
- Staatsanzeiger* (Государственный вестник) — официальный правительственный орган, основанный в 1819 г. под заглавием «Allgemeine Preussische Staatszeitung», с 1848 г. переименовался в «Allgemeiner Preussischer Staatsanzeiger», с 1851 — в «Königlicher Preussischer Staats-Anzeiger» и наконец с мая 1874 г. — в «Deutscher Reichs-Anzeiger und Königlich-Preussischer Staats-Anzeiger» — 330, 424, 426.
- Times* (Время). Лондон, основ. в 1785 г. Дж. Уолтером — большая ежедневная консервативная газета, ставшая позднее органом английского империализма — 93, 676.
- Tübinger Zeitschrift* — см. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*.
- Ueber Land und Meer* (По суше и по морю). Штутгарт, основ. в 1858 г. — иллюстрированный беллетристический журнал, выходивший под ред. Гальбергера и Гаклендера — 27.
- Vanity Fair*. A weekly Show of Political, Social and Literary Wares (Ярмарка суеты). Еженедельник политических, социальных и литературных

- предметов). Лондон, основ. в 1868 г., издатель Боульс — консервативный аристократический еженедельник; вел борьбу против Гладстона — 687, 684.
- Das Volk* (Народ). Лондон 1859 — немецкая эмигрантская газета, основанная Э. Бискампом и поддержанная Немецким коммунистическим просветительным союзом: в газете сотрудничали Маркс, Энгельс и В. Либкнехт — 416.
- Volkskalender* (Народный календарь). Брауншвейг 1878 г. — 411, 423.
- Der Volksstaat* (Народное государство). Лейпциг 1869 — 1876 — центральный орган германской социал-демократической партии (эйзенахской). Выходил под редакцией В. Либкнехта, а во время двухлетнего заключения последнего (1872 — 1874) под ред. В. Блоса — 11, 26, 39, 41, 43, 58, 63 — 64, 67, 87, 96, 98, 99, 104 — 105, 111, 118, 124, 130, 201, 203, 216, 241, 246, 251, 289, 671, 673, 675, 683.
- Der Vorbote* (Предвестник). Женева 1866 — 1870 — еженедельный орган немецких секций I Интернационала. Редактор И. Ф. Беккер — 424.
- Vorwärts* (Вперед). Лейпциг 1876 — 1878 — центральный орган германской социал-демократической партии. Ред. В. Либкнехт и В. Газенклевер — 372, 683.
- Vorwärts*. Pariser Signale aus Kunst, Wissenschaft, Theater, Musik und gesellschaftlichem Leben (Вперед. Парижский вестник искусства, науки, театра, музыки и общественной жизни). Париж 1844 — 1845. Редактор Генрих Бернштейн, затем Людвиг Бернайс — 653.
- Vперед* — Цюрих 1873 — 1874 и Лондон 1874 — 1875 — русский эмигрантский журнал под ред. П. Л. Лаврова — 238, 241, 251, 313.
- Weekly Times* (Еженедельная газета). Манчестер 1872 — орган радикальной манчестерской буржуазии — 56.
- The Whitehall Review* (Уайтхоллское [Whitehall—королевский дворец] обозрение). Лондон, основ. в 1876 г. — консервативный орган — 611, 677.
- Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* (Журнал общего государственоведения). Тюбинген, основ. в 1845 г., изд. Мольт, Кнауц, Фольц, Шюц и др.; позднее газету редактировал А. Шеффле (см.) при сотрудничестве Ф. Адикеса, А. Бухенбергера и К. Бюхера — 467, 477.
- Die Zukunft* (Будущее). Берлин 1877 — 1878 — двухнедельный социал-реформистский журнал, издававшийся К. Гёхбергом под псевдонимом Р. Ф. Зейферт — 449.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абсолютная монархия, классовые корни — 52; разложение — 53, 139; переход в бонапартистскую — 53, 139.

Австрия — 54, 400; выкуп феодальных повинностей (1848 г.) — 621; и Пруссия — 221, 307. и Россия — 222, 252. и Турция — 379 — 381, 385. и Франция — 219.

Адрианопольский (русско-турецкий) мир (1829 г.), переговоры — 183 — 185.

Азия — 217, 629, 638.

Акционерные компании — 593.

Алжир, французские военные части в А. — 206, 210.

Алькой (Испания, 1873 г.), всеобщая стачка — 113 — 114; рабочее восстание — 114 — 115; «Комитет общественного спасения» — 115 — 116.

Альменда — 630.

Альфонсисты (Испания, 1873 г.) — 110.

Альянс социалистической демократии — 96 — 97, 101, 108, 110, 112 — 116, 157, 172, 234, 249, 368 — 370, 430.

Альянсисты — см. *Бакунисты*.

Америка — переворот в земледелии и конкуренция с Европой — 575 — 576; покровительственные пошлины — 570, 591; кризисы — 575; эмиграция в Европу — 600, 612.

Америка и Англия — см. *Англия*; см. также *Соединенные Штаты*.

Анабаптисты — 569.

Анархизм — см. *Бакунисты*, *Государство*, *Прудонизм*.

Английский парламент, реформа 1867 г. — 127, 128; состав в 1873 г., характеристика — 126 — 127; рабочее представительство — 128 — 130; ирландская партия — 130; выборы 1874 г. — 125, 130.

Английский рабочий класс — см. *Международное рабочее движение*, *Пролетариат*, *Тред-юнионы*, *Хлебные законы*, *Чартизм*.

Англия — 160, 272, 292, 624; промыш-

ленность — 49, 93 — 94, 485, 511, 571, 588 — 590; внешняя торговля — 570, 572, 574; кризисы — 111, 575; фабричное и строительное законодательство — 49 — 50, 565; система рабочих жилищ — 35, 38, 40 — 41, 44 — 45; «Building Societies» (строительные общества) — 42, 45 — 47; буржуазные рабочие колонии — 41 — 43;

и Америка — 573, 575, 620. и Ирландия — см. *Английский парламент*;

и Россия — 148, 379 — 380, 383, 385; и Франция — 148, 380, 383, 570, 572. См. также *Ирландия*.

Англо-саксы — 634.

Андалузия, восстание 1873 г. — 110, 112, 117; переход власти к «непримиримым» — 118; падение Кадикса — 107; реакция — 120.

Апостольские послания — 605.

Аргентина — 577.

Аристократия земельная, как класс — 6, 592; в Англии экономически бесполезна — 592; см. также *Лендлорды*, *Тори*.

Армия:

английская, отмена покупки должностей — 126;

германская, состав — 209 — 212;

прусская — 83 — 84, 138 — 139, 221;

русская — 218, 221 — 222;

французская — 205 — 213; см. также *Артиллерия*, *Пехота*.

Артель, определение — 257 — 258; и развитие крупной промышленности — 258; условия перехода от А. к социалистическому хозяйству — 258.

Артиллерия:

прусская — 132 — 133;

французская — 132.

Атеизм, в европейском рабочем движении — 227 — 228.

Б.

Базис и надстройки — 10, 526. См. также *Производительные силы*.

Бакунисты — 24, 227, 229, 442, 249,

- 250, 621; место всеобщей стачки в программе б. — 111; деятельность в Испании (1873 г.) — 108 — 113, 121 — 122, 394, 397; общая оценка бакунистской тактики в 1873 г. — 123 — 124; б. в Италии — 90 — 91, 134, 136 — 137, 368, 371 — 372, 394 — 395; в Швейцарии — 370, 394 — 395, 399; исключение из I Интернационала (1872) — 232, 665; конгресс в Сент-Имье (1872) — 115; Женевский конгресс (1873) — 111; Гентский конгресс (1877) — 395, 397; см. также *Альянс*.
- Бельгия*, фабричное законодательство — 399; см. также *Международное рабочее движение*.
- Берлинское национальное собрание* (1848 г.) — 326, 328 — 330; и отмена феодальных повинностей в Пруссии — 335 — 336.
- Бланкисты* — 59 — 60, 226 — 227, 229; восстание 1839 г. — 225; деятельность в I Интернационале — 96 — 97, 228; «Революционная Коммуна» в Лондоне — 224; см. также *Коммунизм*, *Парижская Коммуна*.
- Боевая* — см. *Международное рабочее движение*.
- Болгария* — 379.
- Бонапартизм* — 54, 358, 403, 492; классовые корни — 52 — 53; предполагает устранение феодализма — 139; и жилищный вопрос — 7, 39, 43, 48, 51; и французское крестьянство — 405; государственный переворот Наполеона I — 512; государственный переворот Наполеона III — 402.
- Брак* — 511, 518.
- Бургунды* — 634.
- Буржуазия*, как класс — 83, 140, 560, 567; экономическая роль — 593; историческая роль — 592; б. становится надлишней — 593 — 595; и социалистическая революция — 253; и уничтожение классовых различий — 252; американская — 611 — 613; английская, характеристика — 125; германская — 140 — 141, 392, 449 — 450, мелкая — 5, 12, 16, 24 — 26, 47 — 48, 61 — 62, 289, 510; прусская — 54, 82, 86, 139; русская — 256; французская — 493, в 1789 г. — 71, после 1848 г. — 83. См. также *феодализм*.
- Бюрократия* — 53.
- В.**
- Великая французская революция* — 82, 219, 230, 342, 510 — 512, 548; пред-
- история — 233; и крестьянство — 187, 328, 405, 510, 643.
- Венгрия и Россия* (1848 — 1849) — 148, 221, 252, 353.
- Вестготы* — 634.
- Виги* — 126.
- Возрождение* (эпоха В.) — 162.
- Войны*:
австро-прусская (1866 г.) — 138; антиякобинские и наполеоновские — 571;
итальянская (1859 г.) — 83;
крымская (1854 г.) — 221, 408;
русско-турецкие (1827 — 1829 и 1877 гг.) — 183 — 185, 379 — 385, 408;
торговые XVII и XVIII столет. — 534;
тридцатилетняя (1618 — 1648) — 642; эпохи реформации — 642.
- Вооруженное восстание* — 118.
- Восток древний*, причины гибели — 609 — 610. См. также *Религии*.
- Восточный вопрос* (русско-турецкие отношения и международная дипломатия) — 379 — 385.
- Всеобщая забастовка* — 111 — 114.
- Всеобщий Германский рабочий союз* — 114.
- Г.**
- Гаагский конгресс* (1872 г.) — см. *Интернационал*.
- Гегелевская система* — 523; основное противоречие — 524.
- Германия* — 40, 114, 162, 297, 410, 425, 624; жилищный вопрос — 42, 44; законодательство (военное) — 205, 212; народное образование — 285; покровительственные пошлины — 571 — 572; рейхстаг, выборы 1867 г. — 391; 1874 г. — 369, 394; 1877 г. — 366 — 367, 391 — 392; и Россия — 172, 222 — 223, 310; и Франция — 205; см. также *Австрия*, *Буржуазия*, *Исключительные законы*, *Международное рабочее движение*, *Пролетариат*, *Пруссия*, *Социал-демократия*.
- Германцы*, древние; земельный строй — 629; *Gewere* (порука) — 257; столкновение с частной собственностью у римлян — 633; превращение свободного крестьянства в зависимое — 639, 642; право — 640; см. также *Марка*, *Общинная собственность на землю*, *Общинная обработка земли*.
- Голландия*, рабочая партия — 582.
- Города*, в XIV и XVI столетия — 641; при капитализме — 6, 19, 26, 29, 36, 38, 41, 42, 55, 72 — 73; итальянские — 359; см. также *Противоположность между городом и деревней*.
- Государство* — 151, 254, 469, 470, 508,

539; как орган господствующего класса — 542; и законы общественного развития — 21, 282 — 283; возникновение — 70; условия исчезновения — 136, 191, 192; отмирание г. — 542, 547, 665; буржуазное г. — 52, 53, 283, 540; г. переходного периода — см. *Диктатура пролетариата*; пролетарская революция и изменение функций г. — 136 — 137; г. типа Коммуны — 292; «Коммунистический манифест» о г. — 278; г. в понимании анархистов — 368, 370.

Государство пролетарское — см. *Диктатура пролетариата*.

Государство Римской империи — 605 — 606.

Готская программа (1875 г.) — 267 — 294; см. также *Лассальянство*.

Греки — 71.

Греция (древняя), разложение религии — 608; см. также *Философия*.

Грютли (Общество в Швейцарии) — 399.

Д.

Дания — 619; и Германия — см. *Мальме*.

Демократия, буржуазная — 444, 448.

Демократическая республика — 284.

Демократическое общество в Брюсселе — 325.

Деньги — 456; меновая стоимость денег — 459; платежное средство — 477.

Диалектика — 524, 625; как высшая форма мышления — 520; рассматривает вещи в их связи и движении — 522 — 523; д. природы — 522, 523; и материалистическое понимание истории — 624; см. также *Материализм*.

Дикари — 12, 270.

Диктатура пролетариата, ближайшая цель пролетарской партии — 60, 61; как государственная форма переходного периода — 283; и уничтожение классов — 188, 192, 665; см. также *Революция (пролетарская)*, *Парижская коммуна*.

Е.

Евангелие — см. *Новый завет*.

Египтяне — 12, 609.

Естествознание, развитие е. и философия — 521, 525, 625.

Ж.

Железные дороги, необходимость дисциплины и подчинения — 135—136; государственные ж. д. в Германии — 489 — 491; капиталистическая эксплуатация — 538.

Железный закон заработной платы — см. *Лассальянство*.

Жилищный вопрос — 5 — 81; не является исключительно рабочим вопросом — 5 — 7; как разрешает ж. в. буржуазия — 26 — 57; жилищное законодательство — 49; система «Оссман» — 55; буржуазное государство не хочет и не может устранить жилищные бедствия — 52, 54; решение ж. в. состоит в уничтожении капиталистического способа производства — 36, 57; пролетариат решает ж. в. путем завоевания власти и экспроприации собственников — 19, 37; см. также *Бонапартизм*, *Квартирная плата*, *Противоположность между городом и деревней*, *Пролетариат*, *Прудонизм*.

З.

Закон против социалистов в Германии — 441 — 443, 445 — 446, 484, 585 — 587.

Законодательство, возникновение — 70; жилищное — см. *Жилищный вопрос*;

военное — см. *Франция и Германия*.

Заработная плата — 32, 34, 560, 561;

как замаскированная форма стоимости рабочей силы — 280; и рабочий день — 557 — 559, 561, 564 — 566; закон заработной платы при капитализме — 560 — 563, 566; и конкуренция капиталистов — 564; и цены на хлеб — 578 — 581.

Земельная лига (Ирландия) — 587, 619, 621.

Землевладение, крупное — 640; значение к. з. после пролетарской революции — 78; происхождение у германских народов — 638.

Земледелие, введение машинной техники и крупное з. — 134; в Европе и Америке — 575—577, 645.

Зуавы — 206.

И.

Идеализм — 414, 524; идеалистическое понимание истории — 526.

Илиада — 245.

Индия — 570, 573; общинная собственность на землю — 259; общинная обработка земли — 260; и русская политика в Азии — 217; см. также *Община*.

Инквизиция в Венеции — 202.

I Интернационал — 233, 429, 431, 492, 551; основание (1864 г.) — 417, 423, 597, 599, 651, 653; Лондонская конференция (1865 г.) — 428, 430; Женевский конгресс (1866 г.) — 103,

428; Базельский (1869 г.) — 432; положение И. после падения Коммуны — 401, 418; Гаагский конгресс (1872 г.) — 96, 97, 102, 103, 232, 394, 417, 418, 666; перенесение Генерального совета в Нью-Йорк — 418; бланкисты в И. — см. *Бланкисты*; Юрская федерация — 97, 101 — 103; Манчестерский конгресс британского И. (1873 г.) — 102; Конгресс верхней италийской федерации (Милан, 1877 г.) — 371; историческая роль И. — 278, 396, 401, 433, 450, 552; см. также *Альянс*.

Ирландия, землевладение — 350; голод и эпидемия (в 40-х гг.) — 347; хозяйничанье англичан — 130, 585 — 586; уния (1800 г.) и либерально-национальная оппозиция — 619; и Соединенные Штаты — 620 — 621; см. также *Фенианизм*, *Земельная лига*.

Исключительные законы — см. *Закон против социалистов*.

Ислам — см. *Религия*.

Испания — 233 — 234; промышленное развитие и пролетариат — 108; провозглашение республики 1873 г. и карлистское восстание — 107 — 108; Учредительное собрание, смена министерств — 107, 110, 112, 119; тактика «непримиримых» — 112 — 113, 116 — 119, 121; участие анархистов в восстании — см. *Бакунисты*, деятельность в Испании; см. также *Алькой*, *Андалузия*, *Картагена*, *Рабочее движение*.

История, классовая борьба как движущая сила и. — 419 — 420, 450; материалистическое понимание и. — 420, 525 — 528, (2), 648, 652; значение фактов из частной жизни — 233 — 234.

Италия — см. *Рабочее движение*.

Итальянская война (1859 г.) — см. *Войны*.

К.

Кадикс — см. *Андалузия*.

Капитал — 33 — 34, 559; ссудный — 23; накопление к. — 422.

Капитализм, в Западной Европе — 376 — 377; в России — см. *Россия*.

Капиталистический способ производства — 6, 11, 15, 20, 28 — 30, 36, 49, 57, 74, 75, 77, 81, 271, 272, 280, 378, 458, 480, 509, 515, 526 — 532, 534 — 536, 541 — 544, 546, 652.

Карлисты (Испания, 1873 г.) — 107, 110.

Картагена, восстание 1873 г. — 107, 119; роспуск городской каторжной тюрьмы и его последствия — см. так-

же *Бакунисты*; сдача К. — 108, 121 — 122.

Катедер-социализм, *катедер-социалисты* — 482, 666 — 667.

Квартирная плата — 8 — 9, 14 — 15, 22 — 23, 29, 34, 63 — 77.

Кельнский процесс коммунистов (1852) — 201 — 203, 416.

Китай — 573; англо-индийское производство опиума — 302.

Классовая борьба, между пролетариатом и буржуазией — 525, 526, 560, 567; см. также *Государство*, *История*, *Международное рабочее движение*, *Революция*, *Феодализм*.

Классы, необходимые и излишние — 592 — 595; разделение общества на к. зависит от способа производства — 528, 543; и государство — 191 — 192, 284; уничтожение классовых различий — 252, 280 — 281, 291 — 292, 542 — 543; см. также *Аристократия*, *Буржуазия*, *Крестьянство*, *Пролетариат*.

Code civil (франц. гражд. улож. 1804 г.) — 643.

Коммуна — см. *Парижская Коммуна*.

Коммунизм, в программе бланкистов — 228 — 230; утопический XVI и XVII столетий — 509; немецкий до Вейтлинга включительно — 518; немецкие коммунисты — 229; см. также *Союз коммунистов*.

Коммунистическое общество — 135 — 136, 421; первая фаза — 274 — 275; буржуазное право при социализме — 274 — 275; высшая фаза — 275 — 276.

Конгрессы I Интернационала — см. *Интернационал*.

Конкуренция — 93 — 94, 533, 546; и монополия — 539; и заработная плата — 564.

Консерваторы (англ.) — 125 — 126, 130, 582.

Конъюнктура, хозяйственная — 478 — 481.

Кооперация — см. *Простая кооперация*, *Кортесы* (Испания) — 109 — 110, 117.

Кредит — 477.

Crédit mobilier — 485, 489.

Крепостничество — 542.

Крепостное право, у германских народов — 641 — 643; происхождение — 639; раннего средневековья — 640; и положение крестьянства — 256, 263, 342; реформа 1861 г. и назревание революции в России — 253 — 255, 263, 408 — 410; к. п. в Силезии — 320.

Крестовые походы и положение крестьянства — 640.

Крестьянская война в Германии (1525 г.), раздробленность революционных сил и реакция — 119; итоги войны и крепостное право — 641.

Крестьянство, необходимость привлечения на сторону пролетариата — 78, 187; переход к коллективной собственности на землю — 187; и уничтожение противоположности между городом и деревней — 74; и крупное землевладение — 78; задачи Рабочей партии в Германии и крестьянство — 351;

английское — 187;
итальянское — 369;
польское — 261;

прусское в 1848—49 г. — 328—329, 332, 336; см. также *Прусская водка*;

русское — 253 — 256, 260, 261, 263, 375 — 377; дореформенной России — 408;

турецкое — 379;
французское — 187, 405, 406.

См. также *Большая французская революция*, *Крепостное право*, *Силезия*.

Кризисы, торгово-промышленные — 479, 493, 544, 546; к. 1825 г. в Европе — 537; 1837 г. в Англии — 111.

Крупная (капиталистическая) промышленность — 11 — 13, 134 — 136, 419, 420, 510, 529, 536; развитие к. п. в Англии и Франции — 485, 511, 513; в Германии — 484, 486, 487; в России — 256.

Крымская война (1854 г.) — см. *Войны*.

Культуркампф — 286, 618.

Купля и продажа, средство распределения прибавочной стоимости — 6.

Л.

Лассальянство, лассальянцы — 288, 290 — 291, 293, 444; лассальянство в Гстской программе (1875 г.): «доход труда» — 272, 274; «железный закон заработной платы» — 279, 280, 290, 293; рабочему классу противостоит «одна реакционная масса» — 277, 289; «кооперативные товарищества с государственной помощью» — 281—282, 290—291, 293; «свободное государство» — 282.

Левеллеры — 509.

Легитимисты — 403.

Лендлорды, английские — 584; ирландские — 565, 621.

Либералы, английские — 126, 129 — 130, 382, 582.

Лига мира и свободы (Швейцария) — 278, 283, 289.

Лига против хлебных законов (Англия) — 571, 578, 580 — 581.

Лионское восстание (1831 г.) — 525.

М.

Малая Азия — 383.

Мальме, перемирие 1848 г. — 326.

Мануфактура — 419, 515, 529, 545.

Марка (община), германская — 534, 639—634, 644 — 645; возникновение — 630 — 631; распределение земли и принудительный севооборот — 635; законодательство, управление и судопроизводство — 636 — 637; захват земель феодалами — 638 — 639; обезземление и закабаление крестьянства — 639.

Мар-ля-Тур, бой — 141.

Материализм — 524;

в древней Греции — 604;

диалектический — 525;

метафизический XVIII столетия — 525.

Материалистическое понимание истории — см. *История*.

Машины, машинная техника — 12, 13, 29, 564.

Международное рабочее движение — 59, 278, 289, 552;

в Австрии и Венгрии — 400;

в Америке — 533;

в Англии — 92, 111, 142; см. также *Тред-юнионы*, *Чартизм*;

в Бельгии — 60, 394 — 395, 397, 398;

в Богемии — 433;

в Германии — 142 — 143, 202, 243, 289, 391 — 393; см. также *Социал-демократия*;

в Голландии — 582;

в Дании — 400;

в Испании — 59, 108 — 110, 113 — 115, 118 — 120, 122 — 124, 395, 397;

в Италии — 59, 368, 395, 397 — 398;

в Польше — 222, 261, 433, 551;

в Португалии — 397 — 398;

в России — 210, 433;

в Сербии — 400;

во Франции — 402 — 406; см. также *Парижская Коммуна*;

в Швейцарии — 397, 399 — 400;

анархизм в рабочем движении — см. *Бакунисты*;

прудонизм — см. *Прудонизм*; см. также *Интернационал* и *Революция 1848 г.*

Международное товарищество рабочих — см. *Интернационал*.

Мелкая буржуазия — см. *Буржуазия*.

Метафизический способ мышления — 520 — 522; возникновение — 521.

Мец, битва — 130, 360.

Мютцеллизм — 92, 95; см. также *Прудонизм*.

Н.

Налог, подоходный — 284; поземельный в Пруссии — 332; поземельный в Силезии (1849 г.) — 338 — 339.

Народ (нация) — 154; доход нации — 482 — 483.

Народничество — см. в именном указателе *Лавров, Михайловский, Чернышевский*.

Народонаселение, теория Мальтуса — 279, 290.

Наука, превратится из монополии господствующего класса в благо всего общества — 13; как революционная сила — 648; см. также *Естествознание*.

Ницца — см. *Савойя* и *Ницца*.

Новый завет — 602 — 605; историческая критика евангелий — 603.

О.

Обмен — 454.

Образование, народное — 285; и государство — 285; и церковь — 285.

Обучение, соединение с производительным трудом — 286.

Община, первобытная — 473, 475; изолированность о. — основа восточного деспотизма — 286;

древне-индийская — 457;
крестьянская в России — 260—261, 375, 601;

южно-славянская — 457.

Общинная обработка земли, у германцев — 631; в Индии — 260.

Общинная собственность на землю, у «индо-германских народов» — 259, 629; на известной ступени превращается в оковы сельскохозяйственного производства — 259, 261; разложение — 261; возможность миновать стадию буржуазной собственности — 261 — 262, 601;

у германцев — 629, 631, 634 — 635;
в Индии — 259;

у малайцев (Ява) — 259;
в России — 259 — 260, 631.

Орлеанисты — 403.

Откровение Иоанна — 605, 609.

П.

Панславизм — 385, 410.

Парижская коммуна (1871 г.) — 12, 60, 222, 226, 230, 394, 402 — 404, 418, 447, 551 — 553, 665; как пролетарская революция — 289; опиралась на

авторитет вооруженного народа — 137; государство к. — см. *Государство*; экономические мероприятия к. — 59; падение — 227, 403 — 404, 433; оценка бланкистами — 227; прудонисты в к. — 59.

Парламент, английский — см. *Английский парламент*; испанский — см. *Кортесы*.

Партия, пролетарская п. ведет классовую политику и добивается диктатуры пролетариата — 61; буржуазной демократии не место в рабочей партии — 444; партия и программа — 267 — 268, 293, 441, 447; партия и профсоюзы — 291, 392, 569; см. также *I Интернационал*, *Социал-демократия*, *Союз коммунистов*.

Первоначальное накопление — 375 — 376.

Переходный период, как период революционного переустройства общества — 283.

Персы — 609.

Пехота — 205; германской империи — 210 — 211; прусская — 208; французская — 206—208, 210.

Политическая экономия — 28.

Полиция: бельгийская — 596; лондонская — 217; прусская — 82, 201 — 203, 307, 586; русская — 243.

Полицейская агентура, в Париже и в Лондоне — 201.

Положительное и отрицательное — 521 — 522.

«*Польский народ*» (общество польских эмигрантов революционеров в Лондоне) — 217.

Польша, разделы европейскими государствами — 219 — 220; и Великая французская революция — 219, 548; освободительная борьба — 219, 222, 548; краковская революция 1846 г. — 551; восстание 1863 г. — 222, 261, 409; П. и Россия — 219, 223, 253, 353, 408 — 409, 417.

Порта (Турция) — 383 — 384.

Потребительная стоимость — см. *Стоимость*.

Право, возникновение П. и науки о праве — 70; и экономика — 275, 476; буржуазное при социализме — 274; древне-общинное у германцев — 640; «естественное» — 70;
равное — 274;
римское — 606.

Прибавочная стоимость — 21, 482, 527, 652; и потребительная стоимость рабочей силы — 469; масса п. с. — 22; производство п. с. — 458; распределение п. с. — 6, 8, 15, 422.

Прибыль — 21, 422, 458; торговая —

- 15; капиталистическая — 20; норма п. — 20.
- Природа*, отношение между человеком и п. — 461; силы п. и социальная организация — 135; и труд — 269.
- Причина и следствие* — 522.
- Программа* и партия — 293; см. также *Готская программа*, *Эйзенхатская программа*.
- Производительная сила труда* — 12; и промышленная революция — 13.
- Производственные отношения* — см. *Производительные силы*.
- Производительные силы* — 543; влияние природных условий на развитие п. с. — 174; и социалистическая революция — 253; и уничтожение классов — 252, 420—421; и производственные отношения капиталистического общества — 13, 66, 311, 377, 420—421, 532, 538, 540, 544, 546; п. с. коммунистического общества — 275.
- Производство*, индивидуальное и общественное — 530, 547; мелкое — см. *Промышленность*; процесс капиталистического п. — 458; анархия — 533 — 537, 542, 545; три ступени в развитии капиталистического производства — 529; концентрация п. — 545 — 546, 594; п. плановое — 547; см. также *Способ производства*.
- Производство и распределение* — 272 — 273, 276.
- Пролетариат*, сущность капиталистической эксплуатации п. — 6, 8; задачи по отношению к другим классам — 186 — 187; необходимость организоваться как класс внутри страны — 278; завоевание политической власти — см. *Революция*; п. отбрасывает сектантские панацеи — 80 — 81; историческая роль — 421, 542, 547, 592; добивается уничтожения классов — 188, 592; и анархисты — 91, 395. американский — 552; английский — 12, 26 — 27, 46, 48, 93 — 94, 128 — 130, 182, 382, 493, 565—566, 568, 582 — 584; см. также *Тред-юнионы*; бельгийский — 395, 398, 402; и буржуазия — 25 — 26, 28 — 29, 31, 37, 52, 62, 83, 251 — 253, 277, 525 — 526, 560, 567; германский — 42, 60, 142—143, 183, 230, 243, 289, 392, 402, возникновение — 485, позиция во время войны 1870 г. — 141, теоретический уровень — 142; и жилищный вопрос — 5 — 8, 16, 30, 32 — 33, 39, 46, 48, 61; жилищная нужда — 7, 37; рабоче-жилища в Англии — 35, 38, 40—42; во Франции и Германии — 35, 42, 44; эпидемии и социальные болезни — 26, 31; испанский — 108 — 110, 113 — 115; итальянский — 368, 395, 402; и крестьянство — 78, 187, 351; и налоги (в капиталистическом обществе) — 24; и профессиональные союзы — 291; и прудонисты — 80; русский, характеристика — 52, 54; французский — 39 — 40, 92 — 93, 230, 404 — 406, 420, 493, 509, характеристика — 402 — 403; см. также *Диктатура пролетариата*, *Международное рабочее движение*, *Парижская Коммуна*, *Революция*, *Чартизм*.
- Пролетарская революция* — см. *Революция*.
- Промышленность*, строительная — 7, сельская — 12; мелкое ремесленное производство — 16, 17, 529 — 531, 533 — 534, 545; см. также *Крупная промышленность*.
- Просветители XVIII века* — 507 — 508, 509 — 510, 520.
- Просвещение* — 13; см. также *Образование*.
- Простая кооперация*, как ступень в развитии производства — 529, 545.
- Проституция* и брак в буржуазном обществе — 511.
- Противоположности*, неотделимы друг от друга — 522.
- Противоположность между городом и деревней*, буржуазное решение жилищного вопроса упирается в п. м. г. и д. — 36; уничтожение — 19, 73 — 74.
- Противоположность между умственным и физическим трудом*, при коммунизме исчезнет — 275.
- Профессиональные союзы* — 143; как школа борьбы рабочего класса — 291; см. также *Тред-юнионы*.
- Процент на капитал* — 15 — 16; на ссудный и строительный — 22 — 23, 63; норма процента — 20 — 21.
- Прудонизм* — 58, 60, 68, 76, 92 — 94; «экономическое право» Прудона — 10; «производительность капитала» — 19 — 20; идеалистическое понимание истории — 69; утопизм — 80; п. и жилищный вопрос — 5 — 26, 62, 66, 73; и революция — 67; воздержание от политической борьбы — 92—94; реакци-

- онность прудонизма — 11, 14, 17, 21, 72, 77, 78; п. в европейском рабочем движении — 25, 59, 60, 80, 91, 93, 104, 142.
- Пруссия* — 150, 321—322, 343, 587; остатки феодализма и отмена феодалных повинностей — 82, 85—86, 138—139, 312, 329, 350, 351, 366, 646, см. также *Прусское юнкерство*; феодальная реакция 83—84; внутреннее состояние после революции 1848 г. — 84, 138; война 1866 г. — 138; правительственный кризис 1873 г. — 86—87; П. и Австрия — 221, 307; и Россия — 218, 221, 252—253, 310—311, 410; и Франция — 219.
- Прусская армия* — см. *Армия*.
- Прусская овдовка*, развитие водочного производства в Пруссии — 298—299, 304; производство в. — материальная основа прусского юнкерства — 306, 312; и реакционная жизнеспособность Пруссии — 307; и крестьянство — 299.
- Прусское государство*, классовая база — 52—54, 84, 85, 138—139; прусско-германская военная монархия — 221, 282—284, 287; бонапартизм — 53, 139.
- Прусское законодательство* — 54, 323; закон о челяди (1810 г.) — 350—351.
- Прусское юнкерство* — 82, 84, 139, 297, 310—311, 333; эволюция п. ю. — 85—86; водочное производство — его материальная основа — 306, 312.
- Публичная власть* — 70.
- ## Р.
- Рабочая сила* — 269, 469, 560; издержки производства и цена р. с. — 24; стоимость р. с. — 6, 8, 15, 34, 422, 458, 527.
- Рабочее движение* — см. *Международное рабочее движение*.
- Рабочий день* — см. *Заработная плата*.
- Рабочий класс*, в различных общественных формациях — 592; см. также *Пролетариат*.
- Рабочий (немецкий) коммунистический союз* в Брюсселе — 324; просветительный в Лондоне — 323, 673.
- Рабство, рабы* — 280, 542, 605; (античное) — 71, 478, 606—608.
- Разделение труда*, по признаку родства — 629; в феодальном и капиталистическом обществе — 530.
- Рантье* — 21—22.
- «*Революционная коммуна*» в Лондоне — см. *Бланкисты*.
- Революция* — 137, 256; и реакция — 201; необходимость самокритики — 230; необдуманные восстания могут погубить революцию — 367; см. также *Великая французская революция*.
- Революция (пролетарская)* — 6, 12, 19, 66, 67, 134, 188; условия — 187—188; захват власти пролетариатом — 542, 547; и государство — 136—137, 665; см. также *Диктатура пролетариата*; в Западной Европе и Россия — 261—262, 601; см. еще *Парижская Коммуна*.
- Революция 1830 г. во Франции* и освобождение крестьянства — 644.
- Революция 1848—1849 гг.* и I Интернационал — 551; в Венгрии и Россия — 221, 252; в Германии — 82, 119, 125, 183, 202, 307, 326—329, 353, 358, 415—416, 425; см. также *Берлинское и Франкфуртское национальное собрание*; во Франции — 221, 304, 329, 402, 403, 405; отклики фр. революции в Бельгии — 324.
- Резервная армия капитализма* — 29, 535, 558.
- Рейн* — 83.
- Религии* — 518; восточные — 608—609; еврейская — 604, 609; ислам — 609; первобытные — 602, 607; и искусство — 602; и философия — 604.
- Ремесленные производство* — см. *Промышленность*.
- Рента, земельная* — 9, 15—16, 22, 63—64, 76—77, 422.
- Рим (древний), римляне* — 71, 377—378, 478; образование крупной земельной собственности и денежных капиталов — 377;
- Римская империя*, классы — 606—607; войско — 606; идеология — 606—607; и христианство — 602—603; германское завоевание — 633—634.
- Россия* — 82, 87, 172, 218, 251—264; 407—410; крестьянские восстания — 252; реакционная роль Р. в XIX столетии — 221—222, 252, 600—601; государство — 253—256, 263, 282; основа русского деспотизма — изолированные общины — 260; вопрос о «некапиталистическом пути развития» и революция — 261—262, 375—377, 601; внутреннее положение после реформы 1861 г., назревание революции — 263—264; развитие капитализма — 255 сл.; вывоз хлеба и эксплуатация крестьянства — 255; крупная промышленность, охранительные пошлины — 256; финансы — 263, 313, 408; и Австрия — 222, 252; и Англия — 150, 379—380, 383, 385;

и Венгрия — 221, 252, 353;
и Германия — 172;
и Польша 219 — 221, 223, 353, 408 — 409, 417.
и Пруссия — 218, 221, 252 — 253, 310, 311, 410;
и Турция — 221, 379 — 380, 383 — 385; 410;
и Франция — 150, 218, 383, 385; см. также *Крестьянство, Община, Общинная собственность на землю*.
Рогосицизм — 10; в крестьянской общине — 260; законы о р. — 21, 77.
Русь, усовершенствование р. и перемена боевых функций роты — 206.
Руси, законы расширения р. и производства — 536.

С.

Савойя и Ницца, присоединение к Франции — 83.
Садовая, битва 1866 г. — 84, 138, 207, 221.
Саксония — 141.
Севвы, общинная обработка земли — 631.
Священный союз — 311, 432, 548.
Седан, бой 1870 г. — 138, 141, 393.
Семья — 515.
Сербия — 172, 379, 400.
Силезия — 141, 351; язык — 352; феодальные элементы в начале XIX века — 320; феодальная юстиция — 344; развитие промышленности и смена феодальной эксплуатации капиталистической — 349, 351; голод 1847 г. в Верхней Силезии — 347; выкуп феодальных повинностей — 340 — 341.
Система коттеджес (Англия) — 44 — 45.
Соединенные Штаты Северной Америки, передвижение центра мировой промышленности в Соединенные Штаты — 573, 600; концентрация капиталов (в 80-х гг.) — 611 — 613; народное образование — 90, 285; государство — 90, 283.
Социал-демократия, германская — 213, 425, 441; пресса — 393, 434, 437 — 440, 443, 450; с.-д. в рейхстаге: выборы 1867 г. — 391; 1874 г. — 369, 394; 1877 г. — 366 — 367, 391 — 392; вопрос о покровительственных пошлинах (1879 г.) — 441 — 442; внутрипартийная борьба в период исключительных законов — 434 — 450; характеристика программы цюрихской тройки (1879 г.) — 447 — 449; отношение к буржуазии — 444 — 446,

449 — 450. См. также *Готская программа, Закон против социалистов, Ласгальство, Эйзенхаская программа*.
Социализм, буржуазный — 28 — 29; вульгарный — 276; «истинный» — 448; мелкобуржуазный — 5, 7, 29, 61; научный — 59, 60, 66, 142 — 143, 192, 423, 507, 519, 526, 547, 624; утопический — 36 — 37, 92, 142, 192, 509, 512 — 519, 526; французский и английский — 518, 525.
Социалистическое общество — см. *Коммунистическое общество, первая фаза*.
Социально-этическая школа — см. в именном указателе *Вагнер, Робертус, Шеффле*.
Социальные болезни, при капиталистическом строе — 26, 27, 31.
Союз коммунистов — 416; как первая социал-демократическая организация — 414; Лондонский конгресс (1847 г.) — 551; см. также *Кельнский процесс*.
Способ производства — 79, 253; и способ обмена — 537; капиталистический — см. *Капитализм*; рабовладельческий — 378; феодального общества — 419, 529 — 530, 533, 545.
Средневековое общество, производство — 545.
Стоимость — 8, 17, 422, 456 — 460, 463 — 464, 471 — 472, 475, 527; потребительная с. — 63 — 64, 269, 457 — 458, 460, 462, 463, 467 — 469, 471, 473 — 475, 478; меновая с. — 458 — 460, 468 — 469, 472 — 474; форма стоимости — 456, 475; меновая с., как форма проявления стоимости — 456, 474 — 475; денежная форма — 459, см. также *Деньги*; и цена — 458 — 459, 464, 474, 476; при коммунизме отсутствует — 274.
Стоимость, жплых помещений, ее состав — 8, 9, 64, 65; земельных участков — 679; денег — см. *Деньги*; рабочей силы — см. *Рабочая сила*; см. также *Прибавочная стоимость*.
Суд, в Пруссии и полиция — 202.

Т.

Тамозенный тариф в Германии (1879) — 484, 486 — 487.
Товар — 22, 64, 457; как единство меновой и потребительной стоимости — 467 — 471; продажа т. — 63;
Товарное обращение — 477.
Тори — 620; происхождение названия — 619.

Транспорт — 476, см. также *Железные дороги*.

Тред-юнионы — 127 — 129, 142, 382, 560 — 563, 567 — 569, 582; билль 1824 г. — 557, 565.

Тридцатилетняя война (1618 — 1648) — см. *Войны*.

Труд — 20, 22, 270, 271; как источник богатства (наряду с природой) — 269, 423, 559; процесс труда — 473; детский — 286 — 287; конкретный и абстрактный — 453, 469; умственный и физический — см. *Противоположность между умственным и физическим трудом*; труд, при коммунизме — 275; см. также *Разделение труда*.

Турция — 220, 221, 410; и международная дипломатия — 221, 379 — 383; русско-турецкая война и Адрианопольский мир (1829 г.) — 383 — 385.

Ф.

Фенианизм, фении (Ирландия) — 102, 620, 646; рагром восстания 1865 г. — 130; вооруженный заговор ф. и опасность войны (80 гг.) — 620 — 621.

Феодализм — 72, 277, 422, 470, 597; и развитие буржуазии — 71, 82 — 83, 138 — 139, 328 — 329, 419, 508, 528, 592; уничтожение ф. — 140; ф. повинности — см. *Крепостное право*; см. также *Пруссия, Силезия, Способ производства*.

Философия — 528; значение для научного социализма — 142; диалектический материализм не нуждается в стоящей над науками ф. — 525; древне-греческая — 520, 604; новая (Баюк и Локк) — 521; новейшая немецкая — 520, 523, 602, 625; см. также *Гегелевская система, Диалектика, Идеализм, Материализм, Религия*.

Флоистон — 71.

Франки — 638, 641; общность пахотной земли (V столетие) — 634.

Франкфуртское национальное собрание (1848 г.) — 325 — 326, 354 — 356; бесилие его перед реакцией — 352 — 353.

Франция — 39, 222, 624; жилищный вопрос — 39 — 42; законодательство: военное — 205, 208, 219, фабричное — 493; запретительные тарифы — 571;

и Австрия — 219;

и Англия — 150, 380, 383, 570, 572;

и Германия — 205, 219, 310;

и Россия — 148, 383, 385.

Х.

Халдеи — 609.

Хартия (чартистская) — 127.

Химия — 71, 73, 462 — 463, 472, 478.

Хлебные законы, в Англии и заработной плата — 571, 578 — 579.

Христианство — 602, 604; первоначальная форма — 605; политический индифферентизм — 95; и стоическая философия — 605, 608; как первая мировая религия — 609; причины победы над прочими религиями — 609 — 610.

Ц.

Цена — см. *Стоимость*.

Цена производства — 577.

Церковь и школа — см. *Школа*.

Цели — 534.

Ч.

Чартизм — 525, 557, 566, 584; как пролетарская партия — 128; всеобщая забастовка («Священный месяц») — 111; поражение ч. и рабочее движение в Англии — 127, 130.

Черногория — 379.

Ш.

Швейцария, государство — 282, 284; законодательство — 443; народное образование — 285, 291; рабочее движение — см. *Международное рабочее движение*.

Школа и государство — 285; и церковь — 285.

Шовинизм — 143.

Шпигерн, бой — 141.

Э.

Эйзенгагская партия — см. *Социал-демократия*.

Эйзенгагская программа (1869 г.) — 267, 288, 290, 293.

Электричество — 541.

Эмигрантская литература, бланкистская — 226 — 230; польская — 217 — 220; русская — 231 — 264.

Эмиграция, общие черты — 224 — 225; э. 1848 г. в Швейцарии — 357; русская — 231, 234; французская после Коммуны — 224 — 226; см. также *Бланкисты*, «Революционная Коммуна» в Лондоне.

Эпидемии, в капиталистическом обществе — см. *Социальные болезни*.

Эпикурейская школа (филос.) — 604.

Ю.

Юнкерство — см. *Прусское юнкерство*.
Юрская федерация — см. *Интернационал*.
Юстиция, уголовная и гражданская — 285.

Я.

Ява, общинная собственность на землю — 259.
Язык готский — 471; средне-немецкий — 472; ново-немецкий — 472 — 473; русский — 239.

СОДЕРЖАНИЕ.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденция.

1873—1893 гг.

	Стр.
Предисловие. В. Адоратский	VII
1873 г.	
Ф. Энгельс. К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ	1—81
Отдел I. Как Прудон разрешает жилищный вопрос [1872]	5
Отдел II. Как буржуазия решает жилищный вопрос [1872 — 1873].	26
Отдел III. Еще раз о Прудоне и жилищном вопросе [1873]	58
Ф. Энгельс. «КРИЗИС» В ПРУССИИ.	82
К. Маркс. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНДИФФЕРЕНТИЗМ.	88
Ф. Энгельс. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «VOLKSSTAAT» — 7 мая 1873 г.	96
Ф. Энгельс. В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ.	101
Ф. Энгельс. БАКУНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ. <i>Записки о восстании в Испании летом 1873 г.</i>	105—124
1874 г.	
Ф. Энгельс. АНГЛИЙСКИЕ ВЫБОРЫ	125
Ф. Энгельс. НЕРАЗГОВОРЧИВЫЙ ШТАБНОЙ КРИКУН МОЛЬТКЕ И ЕГО НЕДАВНИЙ ЛЕЙПЦИГСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ	131
Ф. Энгельс. ОБ АВТОРИТЕТЕ	134
Ф. Энгельс. ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ». [<i>Добавление от 1874 г.</i>].	138
К. Маркс. КОНСПЕКТ КНИГИ БАКУНИНА «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ».	145—200
1875 г.	
К. Маркс. ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ «РАЗОБЛАЧЕНИЯ О КЕЛЬНСКОМ ПРОЦЕССЕ КОММУНИСТОВ».	201
Ф. Энгельс. ОФИЦИОЗНЫЙ ВОЙ О ВОЙНЕ.	205
Ф. Энгельс ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	215—264
I. Польская прокламация	217
II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны.	224
III.	231
IV.	241
V. Социальные отношения в России.	251
К. Маркс. КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ. <i>Письмо В. Брадке, 5 мая 1875 г.</i>	265—287
Ф. Энгельс. ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, по поводу Готской программы, 18 (28) марта 1875 г.	288

	1876 г.	Стр.
Ф. Энгельс. ПРУССКАЯ ВОДКА В ГЕРМАНСКОМ РЕЙХСТАГЕ	295—312	
К. Маркс. ИЗ ПИСЬМА К РЕДАКТОРУ «ВПЕРЕД»	313	
Ф. Энгельс. ВИЛЬГЕЛЬМ ВОЛЬФ	315—359	
Ф. Энгельс. ЗАМЕЧАНИЕ К СТРАНИЦЕ «ИСТОРИИ КОММУНЫ». Перемудрие г. Тьера от 30 октября 1870 г.	360	
1877 г.		
Ф. Энгельс. ПИСЬМО К БИНЬЯМИ О ГЕРМАНСКИХ ВЫБОРАХ 1877 Г.	366	
Ф. Энгельс. В ИТАЛИИ.	368	
К. Маркс. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИ- СОК». (Письмо Мизайловскому.)	375	
1878 г.		
К. Маркс. К ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ. (Из писем к В. Либкнех- ту.)	379	
Ф. Энгельс. ЕВРОПЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ В 1877 Г.	387—410	
Ф. Энгельс. КАРЛ МАРКС.	413	
К. Маркс. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «DAILY NEWS». (О Л. Бу- хере)	424	
К. Маркс. ОТВЕТ НА «РАЗЪЯСНЕНИЕ» БУХЕРА	426	
К. Маркс. ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, СОЧИНЕННАЯ МИСТЕРОМ ДЖОРДЖЕМ ГОУЭЛЛОМ	428	
1879 г.		
К. Маркс и Ф. Энгельс. ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, В. ЛИБКНЕХТУ, В. БРАККЕ и ДР. («Циркулярное письмо»).	434—450	
I. Переговоры с К[арлом] Гиршем.	434	
II. Предполагаемое направление газеты.	440	
III. Манифест дюрихской тройки.	443	
К. Маркс. ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГУ АДОЛЬФА ВАГНЕРА.	451—483	
1880 г.		
Ф. Энгельс. СОЦИАЛИЗМ Г-НА БИСМАРКА.	484—492	
I. Таможенный тариф	484	
II. Государственные железные дороги	489	
К. Маркс. АНКЕТА ДЛЯ РАБОЧИХ.	493	
Ф. Энгельс. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ.	503—547	
К. Маркс, Ф. Энгельс и др. МИТИНГУ В ЖЕНЕВЕ, СОЗВАН- НОМУ В ПАМЯТЬ 50-Й ГОДОВЩИНЫ ПОЛЬСКОЙ РЕ- ВОЛЮЦИИ 1830 Г.	548	
1881 г.		
Ф. Энгельс и К. Маркс. СЛАВЯНСКОМУ МИТИНГУ 21 МАРТА 1881 Г. В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУ- НЫ	552	
Ф. Энгельс. СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «THE LABOUR STANDARD» ЗА 1881 Г.	555—668	

	Стр.
<i>Ф. Энгельс.</i> СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЗА СПРАВЕДЛИВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ	557
СИСТЕМА НАЕМНОГО ТРУДА	560
ТРЕД-ЮНИОНЫ	563—569
ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР С ФРАНЦИЕЙ	570
АМЕРИКАНСКИЕ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС	575
ТЕОРИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ТОЛКОВАНИИ ЛИГИ БОРЬБЫ ПРОТИВ ХЛЕБНЫХ ЗАКОНОВ	578
ПАРТИЯ РАБОЧИХ	582
БИСМАРК И ГЕРМАНСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ	585
ХЛОПОК И ЖЕЛЕЗО	589
ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ — НЕОБХОДИМЫЕ И ИЗЛИШНИЕ	592
<i>Ф. Энгельс.</i> ЖЕННИ МАРКС, УРОЖДЕННАЯ ФОН ВЕСТФАЛ-ЛЕН	596
<i>Ф. Энгельс.</i> РЕЧЬ НАД МОГИЛОЙ ЖЕННИ МАРКС	598

1882 г.

<i>К. Маркс и Ф. Энгельс.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»	600
<i>Ф. Энгельс.</i> БРУНО БАУЭР И РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО	602
<i>Ф. Энгельс.</i> [О КОНЦЕНТРАЦИИ КАПИТАЛА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ]	611
<i>Ф. Энгельс.</i> БРЭЙСКИЙ ВИКАРИЙ	614
<i>Ф. Энгельс.</i> К ИРЛАНДСКОМУ ВОПРОСУ	619
<i>Ф. Энгельс.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ»	623
<i>Ф. Энгельс.</i> МАРКА	627—645

1883 г.

<i>Ф. Энгельс.</i> ЖЕННИ ЛОНГЕ, УРОЖДЕННАЯ МАРКС	646
<i>Ф. Энгельс.</i> НАБРОСОК НАДГРОВНОЙ РЕЧИ НА МОГИЛЕ МАРКСА	648
<i>Ф. Энгельс.</i> ПОХОРОНЫ КАРЛА МАРКСА	652
<i>Ф. Энгельс.</i> К СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА	658

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. «За Польшу»	671
II. Речи на юбилей коммунистического рабочего просветительного союза	673
III. Статьи против Гладстона	675—682
1. Г-н Гладстон и русская интрига	675
2. Г-н Гладстон	677
3. Великий агитатор рабоблачен	680
IV. II. <i>Лафарг.</i> Предисловие к французскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке»	682
V. Программа Французской социалистической рабочей партии. (1881 г.)	684

УКАЗАТЕЛИ:

	Стр.
Указатель имен	687
Указатель периодических изданий	710
Предметный указатель	714

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. Титульный лист первого отдельного изданий «К жилищному вопросу» (первый отдел), 1872—1873 гг.	3
2. «Der Volksstaat» № 5 от 15 января 1873 г. (заголовок).	82
3. Первая и последняя страницы статьи Маркса «Политический индифферентизм», помещенной в сборнике «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874», на итальянском языке	89
4. Статья Ф. Энгельса «В Интернационале», помещенная в газете «Volksstaat», на немецком языке.	99
5. Вторая страница «Конспекта книги Бакунина «Государственность и анархия» из рукописи Маркса.	149
6. 19-я страница «Конспекта книги Бакунина «Государственность и анархия», с важнейшими критическими замечаниями Маркса	189
7. Первая страница статьи Ф. Энгельса «Вильгельм Вольф», с портретом Вольфа, из журнала «Die Neue Welt» за 1876 г.	317
8. Первая и четвертая страницы рукописи Энгельса «Замечание к странице «Истории Коммуны», на французском языке	361
9. Первая страница рукописи К. Маркса «Письмо в редакцию «Отечественных Записок», на французском языке	373
10. Первая статья Энгельса из серии «Европейские рабочие в 1877 г.», из нью-йоркской газеты «Labour Standard», на английском языке	389
11. Страница из статьи Энгельса «К. Маркс» в «Volks-Kalender», с портретом Маркса.	411
12. Первая страница «Циркулярного письма», написанного рукою Энгельса, на немецком языке.	435
13. Титульный лист первого французского издания «Развитие социализма от утопии к науке» — 1880 г.	505
14. Первая и последняя страница обращения Маркса, Энгельса и др. «Митингу в Женеве», из журнала «Roussé», на польском языке	549
15. Статья Ф. Энгельса «Брайский викарый» из газеты «Der Sozialdemokrat» от 7 сентября 1882 г., на немецком языке	615
16. Первая страница рукописи Энгельса «Набросок надгробной речи на могиле Маркса», на английском языке	649
17. Могила Карла Маркса	659

Ответственный редактор В. АДОРАТСКИЙ.

Техническая редакция: И. ГАЛАКТИОНОВ.

ГМЭ

(11—26 тыс.) слано в печать с матриц 23 XI-1984 г.

Ленгорлит № 19318

Тираж 15000+145

Заказ № 7243

Формат бумаги 68×110 см, 46¹/₂ печ. л.

(82600 тип. зн. в 1 бум. листе).

Бум. л. 23¹/₂.

Вышла в свет — январь 1976 г.

Бумага Каменской фабрики, коленкор Щелковской фабрики